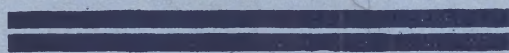

Н О В Ы Й
М И Р

Н О В Ы Й
М И Р

1970

8

1970

ИЗВЕСТИЯ МИР

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XLVI

№ 8

Август, 1970 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
МИХАИЛ ДУДИН — В тишине; На чистом листе; Просыпающемуся в полночь, стихи	3
БОРИС ВАСИЛЬЕВ — Иванов катер, повесть	5
АННА КАЛАНДАДЗЕ — Стихи разных лет. Перевела с грузинского Елена Николаевская	50
ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ — Перешеек, стихотворение	53
И. ИСАКОВ — Каспий, 1920 год. Из дневника командира «Деятельного». Продолжение	54
ЭРВИН ШТРИТТМАТТЕР — Два рассказа. Перевели с немецкого Н. Ман и Е. Вильмонт	121
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
Н. ВЕРХОВСКИЙ — В лесном Заволжье	140
ПУБЛИЦИСТИКА	
Н. ПЕТРАКОВ — Управление экономикой и экономические интересы	167
<i>К 200-летию со дня рождения Георга Вильгельма Фридриха Гегеля</i>	
МАРИЭТТА ШАГИНЯН. О природе времени у Гегеля	187
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
Д. БОЛЬШОВ — Без позитивной программы (О некоторых тенденциях в молодежном бунтарстве)	198
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Л. ТЕРАКОПЯН — Жажда цельности	221

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
И. Варламова. Обаяние достоверности.— М. Петровский. Восхождение Лешки Горбачева — Евг. Евтушенко. «Чтобы голос обрести — надо крупно расстаться...» — В. Боборыкин. Воспоминания молодоговардейца.— Л. Лазарев. На всю жизнь.— И. Гитович. «Мир, на образ множимый...» — В. Адмони. «У человека есть душа».	247
<i>Политика и наука</i>	
Т. Колесниченко. Современность и публицист.— А. Преображенский. Русско-китайские отношения в XVII веке.— С. Троицкий. Новая книга о М. В. Ломоносове	273
КОРОТКО О КНИГАХ — Н. Смирнов. — В. Правдухин. Годы, троны, ружье. В. Правдухин. Янк уходит в море. ♦ Ф. Левин. — В. Вахман. Прodelки морского беса. ♦ Л. Долгополов — Рюрик Ивнев. Память и время. ♦ А. Бельский. — С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. ♦ В. Морозова. — В. А. Зайцев. Современная советская поэзия	281
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	285
«НОВЫЙ МИР» В 1971 ГОДУ	287

МИХАИЛ ДУДИН

★

В ТИШИНЕ

Нет, я еще не страусом живу,
И голову от гибели не прячу,
И верую во сне и наяву
В единственно возможную удачу.

Нет, я еще пытаюсь, как ручей,
Естественное сохранить реченье,
В песках пустынь запутанных речей
Исполненное ясного значенья.

Не прибегая к помощи треног
И к стеклам многократных окуляров,
Я вглядываюсь в черный дым тревог
Грозящих Жизни мировых пожаров.

Живут, как сестры, Песня и Судьба,
Присягою означенные чисто.
И прикипела на ветру труба
К изгибам губ оглохшего горниста.

НА ЧИСТОМ ЛИСТЕ

Перед лицом пожизненного Долга
Растут мои просчеты и долги.
И насаждает бестолочь без толка,
И никому не скажешь: помоги!

Ты — одиночка. И тебе отсрочки —
Как иволги не видеть в январе.
И намертво поставленные точки
Мгновенно превращаются в тире.

И мир земной прекрасен и распутен,
Одновременно — мелок и глубок.
И должен быть не взорван, а распутан
Гармонии запутанный клубок.

ПРОСЫПАЮЩЕМУСЯ В ПОЛНОЧЬ

Твоей души добро и зло касалось.
Любовь не обходила стороной.
А вот когда-нибудь тебе казалась
Земля с горошину величиной?

Когда увидишь ты ее такую,
Услышишь боли бессловесный крик —
Тогда поймешь над вечности рекою —
Насколько ты ответствен и велик.

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

★

ИВАНОВ КАТЕР

Повесть

Вечерами в маленькой поселковой больнице тихо. Бесшумно скользит по коридорчику сестра, разнося градусники. Прокряхтит сухонькая старушка, да скрипнет дверь за мотористом с «Быстрого», выходящего покурить в холодные сени.

А сегодня тишина нарушилась тяжелыми шагами врача, бегом сестер, тревожным скрипом носилок.

Моторист выскочил в коридор:

— Никифорова с Иванова катера в операционку повезли.

— Утоп!..— ахнула бабка.

— Нет, бабка, за борт свалился...

За разговорами не заметили, как по коридору мимо палат прошли двое; один прихрамывал, крепко налегая на палку.

Он был немолод. От хромоты в левой ноге чуть сутулился и при ходьбе привычно выносил вперед правое плечо. Морщины избородили до черноты загорелое лицо, и особенно много их набежало возле глаз, словно человек этот всю жизнь смотрел против ветра.

Он шел, стараясь без стука ставить палку, а впереди беззвучно летела девчонка-сестра, от бьющей через край энергии выворачивая по-балетному носки матерчатых тапочек. У операционной остановилась:

— Посидите.

Бокон скользнула в дверь, а он осторожно присел на краешек стула, поставив между ног палку.

Как все здоровые люди, он был чуть напуган больничной тишиной: стеснялся сесть поудобнее, скрипнуть стулом, поправить сползавший с плеча тесный халат. Стеснялся своего здоровья, стоптанных башмаков из грубой кожи и тяжелых рук, сплошь покрытых ссадинами и порезами.

— Иван Трофимыч?..— Моторист опять вылез в коридор.

— Петр?— шепотом удивился Иван.— Ты чего тут?

— Аппендикс вырезали,— не без гордости сообщил моторист, садясь рядом.— Флегмоносный.

— С Федором-то беда какая...— Иван вздохнул.

— А что случилось-то?

— Запань у Семенова лога утром прорвало. Не знаю, откуда вода пришла, а только рвануло троса, и понесло лес в Волгу. А тут — ветер, волна. Треск стоит — голоса не слышно. Ну, все кто куда: с лесом не пошutiшь.

— Ай-яй-яй!..— опечалился моторист.— И много ушло?

— Да нет, немного. Аккурат мы воз навстречу вели, к «Немде» цеп-

лять. Пиловочник сплошь, двести сорок метров. Ну, увидел я: лес в лоб идет...

— Буксир топором да к берегу!— сказал моторист.— Затрет бревнами — «мама» сказать не успеешь.

Иван улыбнулся:

— А я по-другому рассудил. Плот только сплбчен, троса добрые, а ширина в этом месте невелика: развернул, корму в Старую Мельницу сдал — там камни, уязвил прочно. А катерок свой за мысок спрятал. Знаешь, где малинники?

— Ну?

— Ну и сдержал лес, не пустил в Волгу-то, на простор.

— Ишь, сообразил!— завистливо вздохнул моторист.— Премия, поди, будет, благодарность...

— Благодарность, может, и будет, а вот помощника уж не будет,— вздохнул Иван.— Как ударило нас первой порцией — троса запели, а Федора на бревна сбросило. Выловили, и рука на жилах висит.

— Оклемается,— уверенно сказал моторист.— Мужик здоровый. Да и доктор молодец: меня пластал — любо-дорого.

Стемнело, когда из операционной вышел доктор. Увидев его, моторист трусливо юркнул в палату. Скрипнув стулом, Иван встал навстречу, но доктор опустился рядом, и Иван, постояв немного, тоже присел. Он стеснялся начинать разговор, а доктор молчал, медленно разминая в пальцах дешевую папиросу.

— Перелом позвоночника,— сказал он, прикурив и глубоко затянувшись.— Скверное дело, капитан.

— Долго пролежит? — тихо спросил Иван, плохо представляя, что это значит.

— Всю жизнь.— Врач курил жадно, изредка разгоняя рукой сизые клубы дыма.— Всю жизнь, капитан, какая осталась...

— Трое детей...— невольно вырвалось у Ивана.

— Что?

— Трое детей,— повторил Иван и опять встал.— Старшему — двенадцать, не больше...

Доктор молчал. Вспышки папиросы освещали его осунувшееся лицо и капли пота на лбу.

— Рыбки можно ему?

— Рыбки?— переспросил врач.— Фруктов хорошо бы. Витамины, понимаешь?

И опять замолчал. Иван постоял немного и, тихо попрощавшись, похромал к раздевалке.

В раздевалке он сдал халат и в обмен получил потрепанный рабочий пиджак. Пожилая гардеробщица полюбопытствовала насчет Никифорова, и он сказал ей, что дело Федора плохо и что у него трое детей. Гардеробщица, вздыхая и сокрушаясь, отперла уже по-ночному заложенные двери, и он вышел на темную окраинную улицу поселка.

Он привычно свернул вниз, к пристаням, но пройдя немного, остановился. Посмотрел на часы и, быстро перекидывая палку, враскачку зашагал по узкой крутой тропинке наверх. Выбравшись в переулочек, отсчитал третий дом от угла и громко постучал палкой по запертой калитке.

Сквозь надрывный собачий лай послышался сиплый со сна голос:

— Кого нелегкая?

— Это я, Бурлаков. Открой, Степаныч, дело к тебе.

— На место, дармоед!..— В щели чуть приоткрытой калитки показалась осанистая фигура.— Что за дело?

— Яблоки у тебя есть, Степаныч?

— Яблоки?..— Хозяин неожиданно тоненько захохотал.— Какие тебе яблоки в июле, старый пень?

— Понимаешь, Никифоров в больнице. Доктор фрукты велел...

— В больнице?..— Хозяин задумался.— В больнице—это другое дело.— Он распахнул калитку.— Шагай, Трофимыч. Осторожно, приступочка тут.

Вслед за Степанычем Иван поднялся на крыльцо и прошел в темные сени. Хозяин щелкнул выключателем; голая лампочка осветила просторное помещение, заваленное плетеными корзинами, мешками и ящиками.

— Фрукт — великое дело.— Степаныч выволок из угла дырявый мешок, развернул: на дне лежали битые зеленые яблоки.— Первый урожай. Сам бы ед, но ради такого дела...

— Кислятина, поди.

— Ты что? Шапировка, первый сорт. Гляди-ко...— Хозяин взял яблоко и начал с хрустом жевать его, причмокивая от удовольствия.— Восемь килограмм, хоть на безмене прикинь.

— Почему же?

— Ну, как для больного — по рублю.

— Круто берешь, Степаныч...

— Первые ведь, от себя отрываю.

Иван молча отсчитал деньги, взвалил на плечо мешок. Хозяин вел его к калитке, по инерции расхваливая уже проданный товар:

— Витаминов в этих яблоках — вагон! У меня, вон, детсад закупает, прокурор для больной жены. Сила яблоки: сорт особый... Счастливо, Трофимыч! Заходи, если что. Тебе — в первую очередь...

По крутой тропинке Иван спустился к пристаням и сразу увидел плакаты с броской надписью: «Герои нашего затона». Героев узнать было бы невозможно, если бы художник не подписал каждый портрет: «Капитан Иван Бурлаков», «Помощник капитана Федор Никифоров», «Матрос Елена Лапушкина». Все трое сурово глядели вдаль...

Катера стояли за полузатопленной баржей. Они были одинакового размера, формы, убранства, одинаково освещались сигнальными фонарями, и только на самом дальнем совсем по-домашнему сушилось на веревке белье.

Иван прыгнул на катер, громяхнув по железной палубе костыльком. На шум из рубки выглянула худенькая молодая женщина в выгоревшем ситцевом платье; голова ее была повязана полотенцем.

— Вы, Иван Трофимыч?

— Ты чего это в полотенце?

— Голову мыла. Как Федор?

Он присел, вытянув натруженную ногу, закурил и рассказал, что говорил доктор и как он заходил к Степанычу за яблоками.

— Плохо, Еленка.

— Шесть душ кормил,— вздохнула она. — Шесть душ, сам седьмой...

— Сам седьмой,— повторил Иван, упорно разглядывая огонек папиросы.

Они опять замолчали. Еленка стояла, по-бабьи пригорюнившись, опустив худенькие плечи, чуть прикрытые легким платьем, а он неторопливо курил, по привычке держа папиросу огнем в ладонь.

— Кого-то вместо Федора пришлют,— не то спросила, не то сказала она.

Иван бросил папиросу за борт, поднялся:

— Пойдем в кубрик. Застынешь.

По железному трапу они спустились в тесный низкий кубрик. Четыре дивана окружали небольшой, прикрепленный к полу стол; три из них были застланы постелями. В углу возле трапа размещалась вделанная в желез-

ный шкаф печурка; остывая, она изредка потрескивала. В противоположном углу был шкаф для одежды и еще один маленький подвесной шкафчик, в котором хранились судовые документы, ведомости, бинокль и прочее ценное имущество.

От недавно истопленной печи в кубрике было душно. Иван снял пиджак и палкой открыл потолочный люк. Свежий воздух ринулся вниз, а Иван с беспокойством оглянулся на Еленку:

— Не надует?

— Нет.— Она ловко поворачивалась в тесном проеме между печуркой, кухонным столиком и трапом, готовя ужин.— Я уж и постирать успела, и помыться, и обсохнуть, пока вы ходили.

Большими ломтями она нарезала черный хлеб, подала соль, пучок зеленого лука, ложку и большую эмалированную миску, доверху налитую густой ухой. Он взял было ложку, но посмотрел на Еленку и отложил:

— А ты что же? Или не голодна?

— Не хочу,— сказала она.— Вы кушайте. Не знаю, горяча ли уха.

— В самый раз,— сказал он и начал есть, а она села напротив и подперла подбородок рукой.

Они вообще говорили мало, а за едой не говорили никогда, потому что еда не была для них развлечением. Еленка просто молча глядела, как неторопливо и старательно он ест, как аккуратно подставляет под ложку ломоть хлеба, чтобы уха не капала на стол и чтобы ей было меньше хлопот с уборкой. Она любила смотреть на него, когда он ел: в ней появлялось уютное чувство хозяйки, заботливо кормящей главу семьи после тяжелого трудового дня, и тогда тесный кубрик казался просторным домом, бревенчатые стены которого веками источают смолистый дух...

Иван вытащил из миски большую разваренную рыбу и стал есть ее, выбирая кости.

— Хорошего Федор подъязка поймал...— начал он и, поняв, что ест сейчас, пожалуй, последний улов, который выпал на долю его помощника, сказал: — Яблоки Федору отнесешь в больницу. Я утром к домашним его зайду, а оттуда — в контору — надо нового помощника искать.

Потом он вылез на палубу покурить, а Еленка убрала со стола и вымыла яблоки, заботливо вытерев каждое. Ей хотелось надкусить одно, почувствовать во рту кислый до оскомины сок, но она только понюхала их и сложила в сшитый из старой наволочки мешок.

Покончив с хозяйством, она разделась и легла. За тонким бортом чуть слышно плескалась вода, а в кубрике было так тепло и привычно, что она почти сразу же уснула и не слышала, как Иван с грохотом запирает на ночь тяжелую дверь рубки.

Иван легко засыпал в любом месте — будь то узкий диван кубрика или колючий лапник фронтowych привалов. Спал без сновидений и всегда на правом боку, но сегодня никак не мог уснуть.

Глупо и обидно, что человек, как бы силен он ни был, не может предотвратить беду. Стоять бы Федору на шаг правее борта сегодняшним утром — и спокойно храпел бы он сейчас на соседнем диванчике. Всего на шаг правее. На полшага...

Он тяжело заворочался, но, боясь разбудить Еленку, сразу притих: молодые любят спать, им это полезно.

Еленка... Две женщины в его жизни, но первую не стоит вспоминать. Первая родила ему Сашку, а любви не было, и вышло ни то ни се, ничего не вышло, если говорить честно. И правильно, что отдал он тогда жене дом, а себе взял новый костюм да ордена, которые надевал три раза в год: на праздники и в День Победы. Очень правильно, хоть и бобылем оказался уже в возрасте, когда у других — и дети, и радость, и место за сто-

лом, которого никто не займет. А она вроде бы счастлива теперь, и тс --- ладно...

Расчесал ты, Иван, старую болячку: зуд по всей душе пошел. Покурить надо. Покурить, проветриться — и забыть.

Иван спустил ноги с чуть вздохнувшего дивана. Ощупью нашел штаны, накинул на плечи пиджак и, растопырив руки, пошел к трапу. Нащупал поручни и полез в рубку, с силой подтягивая тело. В рубке разыскал старые галоши (Еленка в них мыла палубу, когда было жарко и железо нагревалось так, что босиком и не ступишь), не смог в них влезть и, громыхнув таки дверью, вышел на палубу.

Небо было в тучах, звезд не видно, а луна еще не народилась. Иван присел на крышу моторного отделения и закурил.

Вода чуть слышно плескалась о борт. Она плескалась всегда — днем и ночью, в штиль и шторм, но он слышал этот плеск только по ночам, если случалось не спать. А в остальное время просто исключал его из сознания, как городской житель исключает грохот трамваев. А ночью любил слушать...

Замерзнув до озноба, он бросил окурочок, запер дверь рубки и осторожно спустился в черноту кубрика. Нырнул под одеяло, и пружины дружно вздохнули под его тяжестью. Натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза.

Он открыл их, вдруг почувствовав, что Еленка стоит рядом.

— Проснулась?

— Я давно проснулась,— сказала она.— Я слышала, как вы ворочались и вздыхали.

— Надо спать,— сказал он, невольно притягивая ее к себе.— Надо спать, а то что мы завтра за работники будем...

Он почувствовал, как губы касаются его щеки: она никогда не целовала его, а только касалась губами, смешно вытягивая их. Он повернулся на бок, и она быстро юркнула под одеяло.

— Зачем вы по железу босиком ходите?..

Они любили друг друга молча. Ни разу ни одного ласкового слова не расслышал Иван и тоже молчал, про себя выдумывая ей самые нежные прозвища...

Было еще совсем темно, когда Еленка шевельнулась.

— Что так рано?— спросил он.

— Лифчик у меня сохнет,— сказала она, и он понял, что она улыбается.— Рассветет — мужики смеяться начнут: что, мол, за сигнал поднят на Ивановом катере?

Она чуть коснулась рукой его лба, и он с сожалением отпустил ее. Он всегда отпускал ее с сожалением: слишком уж коротки были летние ночи.

Утром, пока Еленка готовила завтрак, он достал из носового трюма пять больших лещей: он сам наловил их, сам солил, сам коптил на можжевельнике так, что кожа их даже в сумерки светилась теплым золотистым светом.

— Никифоровой,— сказал он, поймав удивленный взгляд Еленки.— Скажу, что Федорова доля осталась.

— А Сашку?

Иван помолчал, нахмурился. Буркнул под нос:

— Обойдется Сашок без рыбки.

Они позавтракали вчерашней ухой, напились чаю и сошли на берег. Еленка свернула наверх, к больнице, а Иван, зажав под мышкой пакет с лещами, похромал вдоль причалов, здороваясь с каждым встречным.

Дом Никифоровых стоял с края берегового порядка. Федор поставил его прошлым летом, получив за два года стажировочные и взяв ссуду

в конторе. Иван все время думал об этой ссуде, но надеялся, что теперь начальство либо скостит долг Никифорову, либо, на худой конец, растянет его на много лет...

Он хорошо знал этот дом: Федор часто приглашал капитана то на дочкины именины, то на рождение сына. Иван покупал тогда бутылку водки, а Еленка надевала синее шерстяное платье. Хорошие это были вечера...

Он толкнул тяжелую дверь и вошел в дом. За дощатой перегородкой, отделявшей жилую комнату от маленькой прихожей, слышался громкий обиженный плач.

— Паша!..— окликнул Иван.

Плач стал сильнее, но иного ответа не последовало.

— Есть кто живой?— спросил Иван, все еще не решаясь без приглашения идти в комнату.

— Я живой,— недовольно ответил мальчишеский голос, и на русской печи задвигалось что-то похожее на худой, обтянутый штанами зад. Зад этот, вильнув, попытался к приступочке, и Иван наконец разглядел Вовку — старшего отпрыска Никифорова рода.

— Здравствуй, дядя Иван,— степенно сказал Вовка, подавая Ивану левую руку, так как в правой он держал шерстяные, домашней вязки женские чулки.

— Чего Оленька кричит?

— Развивается.— Вовка сел на пол и стал надевать чулки на худые исцарапанные ноги.— Может, артисткой будет: орет больно здорово.

Чулки были велики, но Вовка не обращал на это внимания, деловито прикручивая их к тощим икрам специально припасенными веревочками.

Поняв, что толку от Вовки не добьешься, Иван аккуратно вытер ноги о половичок и прошел в комнату. В углу на неприбранной кровати кричал ребенок, придавленный подушкой. Увидев Ивана, ребенок сразу перестал орать и улыбнулся, показав два крохотных зуба.

— Ну, что, Ольга, орешь?— спросил Иван, снимая с нее подушку.— Мокрая небось?

Он развернул девочку, переменял простынку и вновь уложил Ольгу на место. Девочка пускала пузыри и улыбалась, крепко держа Ивана за палец.

— Она кормлена?— спросил Иван.

— Кормлена,— сказал Вовка.— Бабка кашу варила.

Остатки каши были разбросаны по столу. Там же стоял чугунок, грязные тарелки и хлеб.

— А где бабка?

— В церкви. Пошли они с дедом в церковь и Надьку с собой увели.

— А мать?

— В больнице. Еще не рассвело — побежала. Все равно к папке не пустят, чего бежать?

Вовка вошел в комнату. Кроме бабкиных шерстяных чулок, на нем были надеты тяжелые башмаки.

— Ты чего это в чулки вырядился?

— Это теперь не чулки,— сказал Вовка, любуясь собой в зеркало, подвешенное на стене.— Это теперь гетры, дядя Иван. Гетры — футбольная форма.

Иван посмотрел на него, сказал серьезно:

— Плохо с отцом-то, Вова.

— А чего плохо-то? Чай, не утонул: отлежится.

— Эх, глупый!..— Иван с сожалением и очень стесняясь высвободил палец из детского кулачка.— Рыбу я там принес. Сунь ее пока в подпол.

Вовка нехотя пошел исполнять поручение. Пока он, сопя и вздыхая, громыхал тяжелым люком, Иван собрал грязные тарелки, смахнул со стола, прикрыл хлеб и чугунок с кашей кухонным полотенцем.

— Ты бабки дождись или матери, футболист,— сказал он, когда Вовка вернулся.— Ребенка одного не оставляй.

— А что ей сделается?— недовольно спросил Вовка.— Я ее подушкой привалю, чтобы не ползала и не убилась.

Из разговора было ясно, что Вовка уже все продумал и спорить с ним бесполезно. Поэтому Иван начал издали:

— Ты вроде рыбачить со мной собирался?

Вовка мгновенно повернулся к нему:

— Когда пойдем?

— Когда?..— Иван испытующе посмотрел на него.— Три условия тебе ставлю: посуду помыть, воды в бачок натаскать и Ольгу не оставлять. Выполнишь?

— Выполню,— вздохнул Вовка.

— Завтра в семь приходи к катеру. Знаешь, где стоим?

— Знаю! А чего брать? У меня и на верхоплавку есть, и закидушка...

— Снасть будет полная. Пальтишко захвати.

— Так тепло. Лето.

— Леща пойдем брать, Вова. А лещ, он ночью ловится, в тишине.— Иван положил руку на нечесаную, добела выгоревшую голову мальчишки и подумал, что здорово решил насчет рыбалки: значит, часть улова можно будет свободно отдать Вовке как долю в общем труде.

— Все сделаю, дядя Иван,— говорил Вовка, провожая его к дверям.— Посуду помыть — раз, воды натаскать — два, Ольгу не оставлять...

— Да, вот еще.— Иван остановился.— Матери скажешь, чтобы сегодня же в отдел кадров с паспортом пришла. Со своим паспортом, не забудешь?..

Иван шел назад легко и быстро. Все же удачно начался день: и с Вовкой он справился, и насчет рыбалки придумал, и вовремя, очень даже вовремя вспомнил, что Паша Никифорова нигде не работает. И только досадное обстоятельство портило настроение: как же это можно идти в дом, где малые дети, и не захватить с собой кулек карамелек?..

На крыльце приземистого одноэтажного дома, где размещался отдел кадров, сидел рослый парень, сбив на затылок помятую форменную фуражку с треснувшим серебряным «крабом». У ног его стоял потрепанный чемоданчик, к ручке которого был лямками привязан плотно набитый солдатский вещмешок. Темные масляные пятна окрасили мешок в грязно-черный цвет: видно, хозяин швырял его где попало. Флотские брюки парня, зауженные согласно столичной моде, тоже были в пятнах и потехах, зато белоснежная рубашка сияла ослепительной чистотой; в вырезе ее виднелись неправдоподобно синие полосы новенькой тельняшки.

— Откуда будешь, парень? — спросил Иван.

— Снизу,— равнодушно ответил парень.

— Горьковский?

— Почти что угадал.

— А чего здесь сидишь?

— Начальство документы изучает...— Он вдруг цепко, искоса глянул на Ивана.— Говорят, у вас плавсостав укомплектован под завязку. Верно?

— Кто его знает,— уклончиво сказал Иван.— Вроде бы нет...

— Значит, в лапу ждет! — Парень выругался.— Либо на пол-литра рассчитывает.

Начальник отдела кадров получил на фронте штыком в живот и с той поры ел одну манную кашу с молоком.

— С дизелями знаком?— спросил Иван.

— Судовой механик... А что?

— Посиди пока. Узнаю,— сказал Иван и мимо парня прохромал в отдел кадров.

Начальник отдела кадров был худ и черен, как ранний грач. Иван давно знал его: еще до войны вместе ходили в клуб водников на танцы.

— Здорово, герой затона.— Улыбка у начальника пряталась в глубоких морщинах, и о существовании ее догадывались немногие.— Сразу могу обрадовать: начальство премию вам отгрохало.

Иван промолчал.

— И еще одно, уже по секрету. Сегодня местком заседать будет насчет твоего катера. Полагаю, решат присвоить имя, Иван Трофимыч. Большая честь тебе оказывается.

Раньше не было такого порядка: мелкие суда шли под номерами, крупным наименования присваивали либо на судовой верфи, либо приказом по пароходству. А как выбрали в бюро Володьку Пронина, так все пошло иначе. Сумел Володька начальству внушить, что имя для судна почетней благодарностей, и присвоил местному праву решать, кто этого почета достоин.

— Только пока — ни гу-гу,— сказал начальник.— Будет приказ, будет и оркестр.— И опять собрал возле рта морщины, зачихал в них улыбку и спросил: — Рад?

— Рад,— вздохнул Иван и закурил, стряхивая пепел в ладонь, потому что начальник курящих не жаловал и пепельниц не держал.— Рад-то рад, Николай Николаич, только кто дает, тот и отбирает

— А ты оправдай.

— Так ведь не по суху ходим, а по воде.— Иван улыбнулся, потом помолчал, показывая этим, что шутки кончены, и сказал серьезно: — Ты вот что, Николай Николаич, ты жену Федора Никифорова оформи матросом ко мне на катер.

Начальник с удивлением посмотрел на Ивана.

— Трое детей, Николаич. На Федорову пенсию не потянет.

— Жалостливый ты больно мужик, Иван Трофимыч,— с неудовольствием сказал начальник.

— Надо, Николай Николаич. Был я у них сегодня: надо.

Начальник только вздохнул:

— Ладно. Пришли ее сегодня с паспортом.

— Сама придет: я Вовке, сыну ее, наказал.

Начальник пометил что-то в календаре, усмехнулся:

— В начале навигации ты обязательство брал сократить экипаж с пяти до трех человек. Было такое?

— Было,— сказал Иван.— При толковом помощнике вполне можно тремя обойтись, без моториста и второго матроса.

— А теперь сам второго матроса просишь. Некрасиво получается.

— Утремся,— сказал Иван.— Напишу заявление, что погорячился и без второго матроса обойтись не могу. Ну, ругнут меня на партсобрании, а Паша Никифорова каждый месяц полсотни получать будет. Правильно или неправильно?

— Правильно вообще-то,— согласился начальник.— Продавай свою рабочую гордость за полста рублей.

— Ничего,— улыбнулся Иван.— Не такой уж я гордый.

— Ну, договорились,— сказал начальник.— Второй вопрос: кого вместо Федора?

— Вместо Федора?..— Иван встал, подошел к окну, выбросил пепел с ладони.— А что за парень у тебя на крыльце сидит?

— Не советую, Трофимыч,— поморщился начальник.— Ой, не советую.

— Почему?

Начальник придвинул лежащие с краю стола документы, раскрыл трудовую книжку.

— Прасолов Сергей Павлович,— читал он, изредка поглядывая на Ивана.— Специальность — судовой механик, холост... Подходит?

— По всем статьям.

— Погоди.— Начальник перевернул несколько страниц и с выражением прочел: — Уволен из Саратовского грузового порта десятого июня сего года по собственному желанию...— Он отложил книжку и посмотрел на Ивана.

— Ну?— спросил Иван, ничего не поняв.

— Парень в середине навигации по собственному желанию ушел. Спросил я его, что же это за желание такое: бросить Саратовский порт и к нам в глухомань приехать? Смеется: у вас, говорит, невесты на всю Волгу славятся.

— Может, человек веселый.

— Веселый?.. Это ведь пишется только, что по собственному желанию. Не первый год кадрами заведую: знаю. А что там у него на самом деле было — поди, вон, к тетке Авдотье да погадай.

— Значит, неправду в документах пишут?

Начальник досадливо поморщился:

— Есть, Иван Трофимыч, правда, а есть — истина. Против истины мы ни на волос не согрешим: дело это святое...— Он вздохнул.— Сколько у тебя матросов вместе с Никифоровой будет?

— Два.

— Правильно: зарплата — двоим, а палубу драить — одна Елена. Так?

— Ну?

— Так где же она, правда-матушка?

— А-а...— Иван улыбнулся.— Подкусил!

— Вот так и в нашем деле,— со вздохом сказал начальник.

Он замолчал и снова стал придирчиво изучать трудовую книжку судового механика Прасолова.

— А вдруг — не так?— сказал Иван и встал.— Вдруг ты ошибаешься, Николай Николаич? Вдруг он и вправду по собственному желанию уволился и к нам приехал с дорогой душой, а мы...

— Сомневаюсь,— сказал начальник.

— А я не могу человека загодя плохим считать,— с непривычной горячностью сказал Иван.

— Значит, хочешь брать?

— Беру. Опыт у него есть?

— Достаточный,— сказал начальник.— Он, вон, и по Енисею навигацию проплавать успел... Ладно, Трофимыч, гуляй себе на катер, прибирайся, а парня я пришлю. Только помни: я тебя по дружбе предупредил и чтобы потом...

— Ничего потом не будет,— сказал Иван и, пожав сухую, всегда горячую руку начальника, вышел из отдела кадров.

Парень сидел на старом месте, только возле ног прибавилось окурков. Он встретил Ивана спокойным взглядом серых холодных глаз и чуть заметно усмехнулся.

— Катер возле затопленной баржи причален,— сказал ему Иван.— Как оформишься, приходи не мешкая. Катер номер семнадцать, запомни.

Парень вскочил, хотел что-то сказать, но из окна крикнул начальник: — Прасолов!.. Ну-ка, зайди!..

Прасолов подхватил вещи, шагнул к крыльцу. В дверях остановился: — Спасибо, капитан! С меня — пол-литра!..

С яблоками Еленка обернулась быстро: дежурила знакомая девчонка и без разговоров взяла мешочек. Впрочем, Никифоров считался тяжелым, лежал в отдельной палате, и доктор вопреки обыкновению пустил к нему жену еще до завтрака. Все эти новости сестра выпалила Еленке и ушла.

От больницы Еленка спустилась к рынку, купила мясо и, завернув его в припасенную газету, пошла на катер.

Поставив вариться мясо, Еленка переделась и принялась за уборку. Открыв люк в кубрике, выколотила диваны, вытащила наверх одеяла и подушки. Потом достала швабру и, надев на босу ногу галоши, принялась с ожесточением скрести маленькое суденышко.

— Чего расстаралась, соседка?— спросила с ближайшего катера пожилая женщина-матрос.— До ноябрьских далеко...

— Да я так.— Еленка почему-то смутилась и отвечала, не поднимая лица.— Все равно пока без работы стоим.

— А Никифоров как?

— Не видала я его, родных только пускают. Девчонка там знакомая работает, говорит: плохо, мол.

Вопрос любопытной соседки — нет, не о Никифорове, другой,— застал Еленку врасплох. Еще вчера она и не думала об уборке, но сегодня на борт должен был вступить кто-то посторонний, и ей хотелось по-хозяйски блеснуть чистотой, порядком и сытным обедом.

Где-то в глубине души она хотела, чтобы этот неизвестный оказался молодым и веселым, но думала об этом робко, словно тайком от самой себя, потому что и для нее и для Ивана куда было бы проще, если бы он был местным, имел на берегу дом, семью и все связанные с этим интересы. Такой человек не мог нарушить установившийся на катере порядок, и жизнь не требовала бы ни перемен, ни ухищрений. Все текло бы своим чередом — даже ее редкие ночные свидания с Иваном...

Размышляя об этом, она выдраила до блеска старый катерок и спустилась вниз, где на крохотной печурке кипел обед. Она успела только приподнять крышку, как на палубе гулко грохнуло, катерок качнуло и незнакомый голос громко спросил:

— Разрешите войти?

Она поспешно накрыла кастрюлю, вытерла руки и, старательно оправив платье, с опозданием крикнула:

— А кто там?

И полезла наверх, заранее смущаясь, потому что голос был насмешливым и молодым. Еще из рубки — сквозь стекло — она увидела рослого парня с чемоданом и вещмешком.

— Здравствуйте,— очень тихо сказала она.

— Привет, хозяйка.— Парень в упор разглядывал ее серыми глазами.— Будем знакомы: Прасолов Сергей Павлович.

— Лапушкина,— сказала она и, стесняясь, подала руку ковшиком, на мгновение. Потом спросила:— К нам, значит?

— К вам.— Он поймал ее взгляд, улыбнулся вдруг, как выстрелил.— Как вахта идет, товарищ Лапушкина?

От прямого, вызывающего взгляда, от вопроса, сбивающего на игривый, неравноправный тон, Еленка совсем сникла и, пробормотав что-то, торопливо спустилась в кубрик. Здесь она опять принялась за обед, все время с непонятной тревогой прислушиваясь к шагам над головой. Зная, каким звоном отзывается каждый шов палубы, она безошибочно определяла, что он делает там, наверху: тонко взвизгнула плохо смазанная петля носового люка, скрипнула дверь рубки, грохнул пол машинного отделения.

Парень грохотал по-хозяйски, не стесняясь, не спрашивая, что где лежит. Тяжело взревел двигатель, катерок мелко затрясся, но Сергей не включал ход, а придиричиво гонял старенький мотор на всех оборотах, выслушивая каждый цилиндр. Он больше не беспокоил ее и не выходил из машинного отделения. Заглушив движок, звякал ключами, изредка что-то насвистывая. Даже когда пришел Иван, не вылез навстречу, а гулко крикнул снизу:

— Капитан, спустись-ка!..

Иван ушел к нему, и они долго не появлялись. Еленка стоговила обед, накрыла на стол, а их все не было, только голоса неразборчиво гукали в звонком трюме да дважды взревел запущенный двигатель.

Они спустились вместе — умытые, с розовыми, натертыми полотенцем лицами.

— Ну, я же сразу сказал, что в пятом цилиндре палец люфтует! — почему-то очень радостно говорил Сергей. — И форсуночки проверить не грех: подача паршиво отрегулирована, для дяди...

— Обедать, — сказала она, то снимая, то снова накрывая кастрюлю крышкой. — Стынет.

— С мясом! — улыбнулся Иван. — Ну, Еленка, расстаралась ты сегодня.

— Что же я! — крикнул Сергей и кинулся на палубу.

Он тут же вернулся с мешком и чемоданом.

— Для первого знакомства. — И со стуком поставил на стол бутылку водки.

— Это ты, парень, зря, — сказал Иван. — У нас закон: только по праздникам.

— Я, капитан, законы соблюдаю. — Сергей зубами надорвал пробку. — Ты что, матрос, два стакана ставишь?

— Выпей с нами, Еленка, — сказал Иван. — За знакомство.

Они выпили, и Сергей с Иваном завели длинный разговор о двигателе, который следовало бы перебрать; о работе, которую невозможно спланировать; о простоях и премиальных, переработках и выходных, и Еленка вскоре совсем освоилась, потому что новый помощник не обращал на нее никакого внимания.

— Вот ты говоришь: смесь богатая, — сказал слегка захмелевший Иван. — Ладно, богатая. Так. А есть резон регулировать? Есть резон экономить? Нету такого резона, потому что тут не об экономии думать надо, а наоборот: куда лишнее горючее деть.

— Много? — спросил Сергей.

— Две тонны вот тут. — Иван похлопал себя по шее. — Движок старый, масло жрет в три горла, а кто с этим считается? Нормы единые — по отношению к топливу. Вот и приходится из-за масла нормы завышать: пишешь «сто моточасов», а на самом-то деле хорошо, если полсмены отработал.

— Да и самому, наверно, не без выгоды, — усмехнулся Сергей. — Ты, капитан, не хмурься: нам теперь в одном кубрике щи хлебать.

— Катер наш на побегушках, и платят нам повременно, — сказал Иван, закуривая. — Просто глупость получается, вот какое дело. И не хо-

тел бы, а сам собственной рукой каждый месяц моточасы приписываю, иначе без масла останусь.

— А если назад, на нефтянку сдать? Мол, излишки?

— За излишки, парень, хлестче бьют, чем за перерасход.

— Да, капитан, тут повертись!— засмеялся Сергей.— Ладно, что-нибудь сообразим: докажу, что не зря ты меня на крыльце подобрал...— Он прошелся, хлопнул по железному ящику в углу.— А что же музыка не работает?

— Перегорела музыка,— сказал Иван.— Надо бы радиста.

— Считай, что нашел.— Сергей подсел к приемнику.— Я на флоте кем только не был...— Он свинтил барашки, снял крышку: обнаружилась затянутая паутиной пустота.— А где же передатчик? Или не выдавали?

— Выдавали,— улыбнулся Иван.— В начале навигации все выдают — и приемник и передатчик. Приемник мы берем: известия послушать или музыку, а передатчик снимаем и — обратно на склад. Мороки с ним уйма, ответственность, а радистов на весь затон — два человека.

— Темные вы люди!— не то шутя, не то серьезно сказал Сергей.— Поддай-ка мне, матрос, отвертку да батарейку с наушниками. В чемодане они.

Еленка не сразу поняла, что он обращается к ней: так запросто, проходя прозвучала эта просьба.

— Поддай, что просят,— сказал Иван.— Значит, разбираешься? Золотые, видать, руки.

— А это поглядим — золотые они или оловянные.

Работать он умел: не суетился, не ошибался в инструменте, не трагил силу там, где нужна была сноровка. Простучав с помощью батарейки цепи, нашел сгоревшее сопротивление, опять послал Еленку за какой-то коробкой, разыскал в этой коробке нужную деталь и кое-как, временно, поставил ее на место.

— На соплях,— улыбнувшись, пояснил он.— Раздобудь паяльник, матрос, сделаю намертво.

Иван недоверчиво хмыкнул, но Сергей тут же поймал «Маяк». В динамики что-то потрескивало, но слушать было можно.

— Вот и вся беда,— сказал Сергей, навешивая щитки на работающий приемник.

Они долго слушали музыку. Сергей попытался было подсвистывать, но поймал недовольный взгляд Ивана, замолчал и слушал дальше уже серьезно. И Еленке понравилось, что он поглядывает на Ивана с уважением, что не выпячивает своих привычек, а подлаживает их под жизнь того кубрика, в котором ему теперь и спать и щи хлебать...

Как только концерт кончился, Иван поднялся, шелкнул выключателем:

— Теперь полчаса объяснять будут, почему музыка хороша. Поддай-ка костылек, Еленка.

Еленка подала стоявшую у трапа палку, спросила:

— Далеко ли собрались?

— Стариков надо проведать.— Иван глянул на Сергея.— Айда с нами, а?

Пошли втроем. Иван с помощником шли впереди, говорили о работе, о рейсах, о глубине судового хода и мелях, обозначенных по всему плесу сухими жердями. Разговор был серьезным, и Еленка не решилась их окликнуть, задержавшись у ларька. Купила конфет старухе в гостинец, а потом долго бежала следом, потому что шли они широко и, увлеченные разговором, не заметили, что она отстала. Догнала возле баржи-таке-лажки, да и то потому, что Иван остановился.

— Гляди, паренё, вот в этих хоромах настоящие волгари живут, потомственные,— сказал он, указывая палкой на старую, замшелую баржу.— Здесь теперь склад такелажный, а хозяин — шкипер, значит — с хозяйкой жильё себе оборудовал. Утеплил, ну печку я им сложил и — живут!

— А зимой?

— И зимой тоже. Прежде на брандвахту переселялись, а теперь не хотят. Приросли к этой барже, как чага к березе. Да и то, деваться старикам особо некуда: было два сына — война забрала, а дочь в городе Ленинграде живет, замужем. Ну, и опять же в Ленинграде вода другая, а тому, кто на Волге вырос, это не все равно.

— Скотинка у них тут,— улынулась Еленка.— Кот Васька, собака Дружок да коза Машка. Невелик зоопарк, а есть каждый день просит.

— Люди они старые, а значит, с чужинкой,— сказал Иван.— Ты учти это, Сергей.

— Будет сделано, капитан. Не у бабы-яги росли, понимаем...

Иван первым ступил на хлюпающие сходни, и как только чмокнули они под его тяжестью, тотчас же настороженно тявкнула собачонка.

— Свои, Дружок, свои!— крикнула Еленка, проходя вслед за Иваном на баржу.

Собака подошла, ткнулась в ноги Еленке, обнюхала Сергея и, степенно помахивая хвостом, проводила до тяжелой двери. Иван стукнул в дверь палкой, приоткрыл, крикнул в сумрак коридорчика:

— Можно, хозяева?

Никто не отозвался, но они, не задерживаясь, прошли этот коридорчик, и Иван постучал в следующую дверь — такую же тяжелую, срубленную, вероятно, еще в прошлом веке.

— Кого бог несет?— донесся из-за двери скрипучий старушечий голос, показавшийся Сергею неприветливым.

При этих словах Иван распахнул дверь и посторонился, пропуская Еленку и помощника.

Они вошли в кухню, крохотную из-за громоздкой русской печи. В кухне стоял тяжелый корабельный стол, который не дрогнул бы и от десятибалльного шторма, и такие же, рубленные топором, лавки.

У квадратного оконца сидела сухонькая, чистенькая старушка с черными, живыми и, как опять-таки показалось Сергею, недобрыми глазами. Строго поджав губы, она молча смотрела на них.

— Здравствуй, Авдотья Кузьминична,— сказал Иван и подал старухе руку.— Вот нового помощника привел для знакомства.

— К чаю поспели,— сказала старуха, сунув Сергею жесткую, как наждак, ладонь и расцеловавшись с Еленкой.— А познакомиться — еще познакомимся: до ледостава далеко.

Сказавши это, она отвернулась и начала доставать из стенового шкафчика граненные стаканы.

Еленка осталась помогать ей, а мужчины прошли в комнату; в проеме вместо двери висела ситцевая занавеска. Здесь стояла кровать с множеством подушек, платяной самодельный шкаф, дерматиновый диван, несколько стульев и стол — точная копия того, кухонного. За столом сидел грузный, в седых космах старик и читал толстую растрепанную книгу. При виде вошедших он аккуратно заложил книгу листочком и снял круглые железные очки.

— Здорово, капитан,— тоненьким сорванным голосом сказал он.— Слышал уж и про беду твою, и про удачу.

Старик крепко пожал им руки, они сели, и Иван спросил с удивлением:

— Что сипишь-то, Игнат Григорьич? Простыл?

— Да вот...— Старик покашлял, покосился на занавеску, помял пальцами большой, заросший седой куделью кадык.— Должно, так...

— Где там!— крикнула из кухни старуха.— Напился в Петров день да все песни играл, как молодой!

Старик смущенно крикнул, но спорить не стал. Закурил предложенную Иваном папиросу, глянул на Сергея выцветшими, но еще по-молодому пристальными глазами:

— Волгарь?

— Саратовский.

— Или там работы нет?

— Работа везде есть,— осторожно ответил Сергей.

— Посторонитесь-ко,— сказала Еленка, внося кипящий самовар.

Она поставила самовар на стол, опять пошла на кухню. Старик крикнул вдогонку:

— Мать, а мать, пошуруй-ка в шкапике!..

— Шурую,— отозвалась старуха.— Ты уж тут так прошуровал, что и глядеть-то не на что.

— Не надо, Игнат Григорыч,— поспешно сказал Иван.— Не хлопчите.

— Твое дело, Ваня, гостевое,— сказал шкипер, вставая.— А нам для знакомства обычай велит.

Он прошел на кухню. Сергей ударил кулаком в ладонь, зашипел:

— Неладно получается, капитан. Старики, понимаешь, шуруют, а мы... Давай, я сбегаяю?

— Ох, напрасно все это!— вздохнул Иван.— Не к месту, не ко времени... Да и не достанешь уже: закрыто.

— Это я-то не достану?— улыбнулся Сергей.— Засекай время, капитан...

В дверях он столкнулся со шкипером: старик торжественно нес четвертинку.

— Такой, стало быть, нынче улов, мужики... Ты куда это, парень?

— Четверть часа поскучайте,— сказал Сергей и вышел.

Он вернулся быстрее, чем обещал: вошел красный, запыхавшийся, но довольный. Молча поставил на стол бутылку, сел слева от шкипера.

— Выпить захочется, так и парилка не нужна,— улыбнулся старик.

Стол был уже накрыт: сопел самовар, стояли стаканы, соленая щука, вяленый лещ, грузди прошлогоднего засола — уже склеенные, пожухлые, моченая брусника, отварные, крепенькие — одна к одной — сыроежки в укусе.

— Все теперь на вино горазды,— сказала старуха.— Что мужики пьют да бабам подносят — это не удивительно, а вот что бабы пьют да мужикам подносят — это уж совсем на удивление.

— Вот я тебе, мать, и поднесу, чтоб меньше удивлялась,— улыбнулся шкипер и налил старухе на донышко граненого стакана.— Ну, гости дорогие, выпьем, как говорится, за хлеб да за сено, за пол да за стены, за мышку, за кошку, за нашу дворняжку да за козу Машку.

Мужчины выпили, а женщины только пригубили и тут же отставили стаканы подальше.

— Кушайте, гости дорогие,— сказала старуха и, отломив корочку хлеба, стала жевать ее передними уцелевшими зубами.

Еленка ухаживала за ней, выбирая кусочки помягче и повкуснее. Авдотья Кузьминична принимала эти знаки внимания с царственной невозмутимостью.

— Мы с тобой на той неделе по чернику пойдем,— сказала она.— Как, Иван, отпустишь матроса-то?

— Да какая тебе черника сейчас!— засмеялся шкипер.— Ноги убьете да комаров покормите — вот и вся добыча.

— Сегодня у нас что? — спросила Авдотья Кузьминична и сама же важно пояснила: — Сегодня у нас семнадцатое, по-старому — день Андрея Наливы и память иконы божьей матери Ганатской. Через четыре дня — Казанская. А на Казанскую, считай, так: поспела черника, поспела и рожь. Зажинки в старину начинались, песни по вечерам молодежь играла, и хороводы водили в поле.

— Это же когда было-то, мать?— улыбаясь, спросил шкипер.— Это тогда было, когда мы еще без химии жили. А теперь все смешалось и календарь твой недействительный.

— То не мой календарь, а божий,— строго сказала старуха.— Земля по божьему календарю творит.

— Ну, насчет приметы это верно,— сказал старик, сдаваясь.— Коли черника, то и рожь. Это верно.

— А насчет леща какая примета, Игнат Григорьич? — спросил Иван.— Пообещал я, понимаешь, Никифорову мальчонке...

— Лещ вообще-то берет,— сказал шкипер.— Однако жара стоит, звон в воздухе, а он этого не любит. В глубину ушел, к стрижню поближе. Попробуй с плотом, что против Никольских островов зачалены.

— А на приваду что?

— Кашку свари покруче: пшенку либо перловку. Анисовых капель добавь маленько, чтобы дух по воде шел. А червей я тебе дам.

Червей старик разводил сам в железном ящике, подсыпал им мучицы и спитого чаю, раз в два дня поливал разведенным молоком. Черви у него росли крупные, вертлявые, ярко-красные — один в один, не в пример бледным и тощим обитателям супесных берегов.

— Давай, мать, за молоком завтра наострайся,— озабоченно сказал старик.— Пятые сутки червей одним чаем потчую.

— А что же Машка-то ваша?— спросила Еленка.— Или забастовала?

Старуха горестно вздохнула, а шкипер засмеялся:

— Тю-тю наша Машка! Продали мы Машку-то свою. Аккурат в Петровки и продали.

— Продали?..— ахнула Еленка.— Да как же так?

— Расскажи, мать. Повесели гостей! — смеялся шкипер.

— Смеху тут не много,— вздохнула старуха.— А дело было так. Задумала я козленочка поиметь...

— Это она задумала, она!..— хохотал шкипер.— Не Машка, Трофимыч, а она!

— Да будет тебе,— отмахнулась старуха.— Ну, покормила я свою Машку, почистила, причесала — ладненькая такая козочка стала, аккуратненькая. Григорьич ей рюмочку поднес — заиграла моя Машка, как молодая: копытцами бьет, глаз имеет, трепещет вся. Ну, думаю, быть мне с козленочком. Привела ее на пункт, фельдшеру предъявила. Осмотрел ее фельдшер, огладил. «Давай, говорит, Кузьминична, с богом на святое дело. Сейчас, говорит, Борьку приведу». Отвел он меня во дворик, указал, куда Машку привязать, а сам ушел. Привязала, стою. Обошлось, думаю, не углядел фельдшер, что Машка-то ровня мне будет, если по козлиному веку считать. Только это я порадовалась, фельдшер козла вводит, Борьку то есть. Глянула я: батюшки светы, бугай! Ну, чистый бугай: грудь колесом, рога, как оглобли, и землю копытом роет. «Не мешай ему, говорит фельдшер, Кузьминична: дело он свое знает, породы знатнейшей, только, говорит, с норовом, паразит». Впустил он, значит, его, а сам пошел: дсла, мол. Ну, я стою, жду. И Борька стоит. И Машка моя вздыхает, ножками перебирает, глаз на меня косит: перепугалась, видать. Ма-

шенька, говорю, касаточка, не бойся. говорю. Оч, говорю, только с виду такой архаровец, а так — козлик как козлик. Только это я сказала, Борька вдруг фыркнул этак насмешливо, подскочил да как с разгона даст Машке в бок. Машка — и ножки вверх, а он, паразит, развернулся да этим же манером мне в зад рожищами-то своими! Я и с копыт долой. Валяемся вместе с Машкой в пыли, а он отошел в сторонку и ровно смеется над нами. Поднялась я: пойдём, говорю, Машка, домой. Видно, говорю, стары мы с тобой стали: фельдшера еще обмануть можем, а уж козлов этих чертовых...

— Разобрался козел-то! — весело кричал старик. — Сразу, брат, и разобрался и меры принял!..

— Вот и решили мы Машку продать, — вздохнула старуха, не обращая внимания на шумную веселость мужа. — В Петров день и продали. Наревелась я, как веревку-то из полы в полу передавала, а этот, — она кивнула на шкипера, — только водку глотал да песни орал с радости.

— С горя, мать, с горя! — сказал шкипер. — И мне Машку жалко, но обновление в жизни должно быть.

— Неужели продали? — тихо спросила Еленка, все еще не веря.

— Уговорил, — опять вздохнула старуха. — Неделю балабонил: телка, говорит, купим.

— Телок-то получше будет, — сказал вдруг Сергей.

— Да, — сказал старик, закуривая. — Коза — ту хоть газетами корми, а коровке сенцо подавай.

— Ну, вот и на попятный, — пригорюнилась Авдотья Кузьминична. — Ну, ровно чуяла я...

— Будет, мать, у тебя телок, будет, — сказал шкипер. — Я от своего слова сроду еще не отказывался. А что сено теперь дороже молочка, так это тоже надо учесть.

— Без коровушки и дом не дом, а так, общежитие, — тихо сказала старуха. — Ты вот, Еленка, не понимаешь этого, а когда зимой-то стоит она за стеной да вздыхает, до того тепло на душе становится, до того радостно... Это ведь скотина добрая, незлобивая, а уж такая ласковая, такая привязчивая, что и человек рядом с нею ровно оттаивает. И уж не о суетности мирской, а о вечном думает, о добром...

— Христианка ты у меня, мать, — улыбнулся шкипер. — Чуть что — сразу по Писанию.

— Крестьянка, — строго поправила старуха. — Крестьянка я, Игнаша, крестьянская дочь.

— А ты, Игнат Григорьевич, с колхозом насчет сена не говорил? — спросил Иван. — Может, столкуешься: выделяют деляночку. А с покосом мы тебе всегда поможем.

— Покос не вопрос, да осока в цене высока, — улыбнулся шкипер. — Тышу лет деды наши осоку эту с низин выводили, а мы ее обратно единым махом.

— Как это так? — спросил Сергей.

— Просто, парень: пойму затопили. Все заливные луга, все низинки да ложки под воду ушли, а остались одни косогоры, где сроду ничего, кроме бурьяна, и не росло.

— Да, убили красу, — вздохнула старуха.

— Странные это рассуждения, — сказал Сергей. — Много чего, конечно, жалко, но не это же главное. Главное — электроэнергия. Энергия, а не цветочки в девичьи веночки. А потом — чего старое-то жалеть? Отгуляло и — не брыкайся!..

— О сегодняшнем дне все стараемся, — перебил шкипер. — Сегодня купить на рупь пятаков, а завтра — хоть трава не расти. Так?

— Не так! — резко сказал Сергей. — Энергия — это и сегодня, и завтра, и вообще... Красоты не будет, да? Ну, этой не будет, так другая будет, велика ли важность.

— Ладно, отложим красоту. — Шкипер надел очки и достал книгу, которую читал до их прихода. — Парень, я вижу, ты деловой, и красота тебе — как безногому валенки. Давай и мы по-деловому рассудим. Знаешь ли ты, парень, что такое луг вырастить? Не год на это уходит, не сто лет — тысяча. Тысячу лет люди луга эти пестовали, кочкарник да лютик всякий на нет сводили, кусты корчевали, болота сбрасывали. И лугам цены не было, и скот нагуливался тут такой, какой сейчас только на выставке и увидишь. Теперь же луга эти под воду ушли карасям на утеху, низины позатопило, и всего в приплode имеем одну осоку да болотный мох.

— Ежи пропали, — сказала вдруг старуха. — Раньше ежей в лесу было — тьма тьмушая, а теперь совсем пропали.

— Сырость, — подтвердил старик. — Боровая дичь да зверье начисто из этих мест ушли. А лес с ними сжился, они ему помогали, он их кормил. А сейчас что будет? Утка тебе семян не разнесет — для этого белка нужна, глухарь, тетерев. И с этой стороны лесу — полный карачун, и через сотню лет внуки наши одну сплошную ольху вдоль всей Волги увидят — там, где на нашей еще памяти мачтовые сосны шумели.

— Да все устроится, — сказал Сергей. — Ну, напортачили, конечно, это есть, а панику поднимать не стоит. Сейчас в наших руках техника, атом, химия — все исправим, дайте срок!..

Старик угрюмо молчал.

— Домой! — сказал Иван и встал. — Спасибо вам, хозяйева, за хлеб-соль, за ласку...

Ночь выдалась черная, звездная, густая. Ивана чуть пошатывало, и Еленка вела его под руку. Сергей шел сзади, сунув руки в карманы. В сонной тишине тяжело ударил запоздалый жерех.

Разбудили их рано: в четвертом часу гулко загрохотало над головой:

— Эй, хозяйева, к диспетчеру на полных оборотах!..

В кубрике было еще темно. Еленка сидя натянула платье, соскочила на холодный пол. Иван уже возился наверху, открывая задраенные на ночь люки.

— Видать, в Красногорье пойдем, — сказал он. — Туда пораньше надо, пока плотами ход не заставили. Отдавай чалку, Сергей.

Сергей спрыгнул на баржу, отпутал разлохмаченный старый канат, спросил:

— А завтракать?

— На ходу. — Иван запустил двигатель. — Еленка покормит по очереди.

До десяти они без отдыха сновали по реке: ходили в Красногорье, возили приказ в контору, проволоку на вторую сплоточную, монтеров в самые верховья: там открывался хлебный ларек. Хлопот было много, а еще больше — криков и недовольства, потому что всем было некогда, а старенький катерок никак не мог одновременно поспеть в разные концы.

— Вот глупость-то! — сердился Сергей. — За каждым нарядом к диспетчеру мотаться — это ж придумать надо!

Катер стоял у причала: надобность в нем вдруг схлынула. Из кубрика поднялась Еленка. Выплеснула помой, сказала ворчливо:

— Люльку бы забросили, что ли.

Иван снял с крыши рубки снасть, вместе с Сергеем собрал дуги в крестовину, натянул сеть.

— Маловата люлька-то, — сказал Сергей.

— В норме,— пояснил Иван.— Полтора на полтора, больше инспекция не велит.

Он закинул люльку с кормы, подождал, пока она ляжет на дно, закрепил веревку за леер.

— И ловится? — спросил Сергей.

— На еду хватало.

Помолчали. Сергей, покурив, кинул окурок за борт, спросил:

— Поглядеть?

— Погляди,— сказал Иван.

Сергей прошел на корму, намотал на руку веревку, рывком поднял из воды. Край зацепился за обшивку, дуги спружинили, подбросив в воздух брызги и двух небольших подлещиков, серебряно блеснувших на солнце.

— Я ж говорю, мала сеть!..

— Не рви,— сказал Иван.— Тащи спокойно, рыба целее будет.

За сорок минут поймали полтора десятка окуней и подлещиков — мелких и тощих. Иван не удержался:

— Федор на это дело мастак был...

— Трофимыч! — крикнули из окна диспетчерской. — Давай пока к нефтянке!..

— Ну, считай, еще пятьсот литров на мою шею,— вздохнул Иван.

Сергей вытащил люльку, положил ее на корме, отдал чалку. Иван завел двигатель, стал отводить катер кормой вперед, разворачиваясь. Сергей заглянул в рубку:

— Дай постоять.

— Становись.— Иван отошел в сторону, сдвинув к стенке высокий табурет на трех ножках.— Держи пока на створы.

Сергей стоял за штурвалом, чуть расставив ноги, ссутулившись. По началу он нарочно повалил катер с борта на борт, проверяя, как он слушается руля и велик ли свободный ход. Катерок рыскнул несколько раз, но выровнялся и точно, как по нитке, пошел на створы. Иван молчал, приглядываясь к помощнику: все в нем, начиная с позы, убеждало, что парень ходил по воде.

— Клади направо, к мыску.

Сергей заложил так, что катер не пришлось подравнивать. Иван одобрительно улыбнулся:

— Ловко.

— На том и держимся! — весело ответил Сергей.

Он мягко причалил к нефтянке — чистенькой, выкрашенной в красную краску нефтеналивной барже. Передал штурвал Ивану, спрыгнул на баржу, зачалил катер.

На шум вышла приземистая молодуха в платке и телогрейке. Из-под короткой юбки выглядывали ярко-синие рейтузы.

— Не курить, мужики! — привычно крикнула она.

— Здорово, хозяйка,— весело сказал Сергей, с удивлением разглядывая толстуху.— Ты чего это вырядилась, как дед-мороз?

— А ты посиди здесь восемь часов, так узнаешь.— Она встретила его взгляд, с готовностью заулыбалась, сразу порозовев всем скуластеньким, некрасивым лицом.— Новенький, что ли?

— Вместо Никифорова,— сказал Иван.— Вот наряд, Шура.

— Пьете вы горячку, что ли? — удивилась Шура, взяв наряд.— Идем, распишешься.

Она еще раз глянула на Сергея, хихикнула и пошла к каюте. Сергей метнулся к катеру, зашептал:

— Погоди тут, капитан...

Торопливо прошел в каюту. Иван открыл горловины баков, промыл фильтры, подтащил рукав от третьей помпы (он всегда заправлялся от нее), подсоединил.

— Ой, щекотно!..— громко взвизгнула толстуха.

Из каюты вышел Сергей. Подошел к Ивану, давясь от смеха:

— Ну, дура! Страшное дело... Ты какой подсоединил?

— Третий.

— Ну и держи его покрепче.

Кинулся к первой помпе, сунул рукав в вентиляционное отверстие, включил: топливо туго побежало по рукаву, перекачиваясь из отсека в отсек. В дверь выглянула Шура:

— Ты чего колдуешь?

— В порядке! — Сергей шагнул к ней, отесняя в каюту.— Давай-ка, девочка, документики проверим...

— Ну, ты, медведь! — Шура крепко ударила его по спине.— Ты руками-то не очень, слышишь?

Дверь за ними закрылась. Иван хмуро держал пустой рукав. Рядом мерно работала помпа, гоня топливо по замкнутому кругу. Щелкала стрелка, отсчитывая литры. Из рубки вышла Еленка:

— Скоро?

— Скоро...— Иван помолчал.— Обманываем, Еленка.

— Как так?

— Он другую помпу включил. Переливает из пустого в порожнее.

— Молодец! — улыбнулась Еленка.— Давно бы так.

— А у Шурки лишнее окажется.

— Вы за Шурку не беспокойтесь, Иван Трофимыч. Шурка лишнее колхозу за полцены продаст и вам же спасибо скажет.

Из каюты выскочил Сергей, глянул на счетчик:

— Шестьсот нащелкало.

— Хватит, Сергей.

— Давай уж до тысячи, капитан. До тысячи я, пожалуй, выдержу.

Улыбнулся Еленке, подмигнул шальным, победным глазом, опять скрылся в каюте.

— Хват, — неодобрительно заметил Иван.

Еленка промолчала. Посидела немного, ушла в кубрик.

Пришел Сергей. Усмехаясь, быстро отключил помпу, смотал рукава.

Шуры не было.

— А масло? — спросил Иван.

— Двойная норма. По знакомству.

Вдвоем накачали масла в бак. Иван прошел на катер, закрыл горловины.

— Готово, Шурочка! — крикнул Сергей.

Вышла Шура. Остановилась в дверях — непривычно тихая, с застывшей улыбкой:

— Дом пять. С палисадничком.

— Угу, — кивнул Сергей, отдавая чалку.

— Обманешь, поди? — тихо спросила она.

— Ровно в восемь, как договорились. До встречи, курносая! — Прыгнул на катер, не оглядываясь, прошел в рубку.— Дура стопроцентная.

Иван молчал. Он отводил катер кормой и сквозь стекло рубки видел толстуху. Она стояла у борта, держась за леер, и глядела им вслед.

— Веди, — сказал Иван, отходя от штурвала.— К диспетчерской.

Сергей посмотрел на него, усмехнулся:

— Мне еще противнее, капитан. А что сделаешь? Жизнь такая, что только поворачивайся побойчей, а то затолкают.

У диспетчерской их ждала высокая худая женщина в белом пла-

точке, повязанном вровень с бровями. Она выхватила у Сергея канат, неумело зачала, приговаривая:

— Да сама я, сама... Не беспокойтесь.

— Паша?..— Иван торопливо прохромал к носу.— Ну, давай шагай на катер. Как Федор?

— Да все так же, Иван Трофимыч, все так же. Кланяться вам велел, благодарил. И я вам благодарная, Иван Трофимыч, так я вам благодарная...

Она тихо заплакала, утирая слезы концом платка.

— Будет тебе, Паша,— сказал Иван.— Садись вот сюда.

— А Федя лежит,— совсем тихо сказала Паша.— Не шевелится, тихо лежит, спокойно...

— Да...— Иван вздохнул, присел рядом, вытянув хромую ногу.— Была в кадрах?

— Была, Иван Трофимыч. Оформили меня. Вот.— Паша достала новенькую трудовую книжку.— Я ведь работать пришла, Иван Трофимыч. Я за Федю моего.

— Домой ступай,— сказал Иван.

— Да как же, Иван Трофимыч? Ведь матросом я к вам. Пятьдесят рублей положили мне...

— Двадцатого приходи. Получка у нас двадцатого и пятого каждого месяца.

— Вы позвольте, Иван Трофимыч, хоть постираю с вас. Рубашечки, может, бельишко. И товарища вашего.

— Не надо, Паша, спасибо. Ступай домой. Вовке скажи, что жду к семи, как условились.

Потом их срочно отрядили тянуть плот — «воз», как это именовалось здесь. Многотонная громадина длиною в четверть километра медленно ползла сзади, катерок, задыхаясь, волок ее, дрожа корпусом и глубоко осев кормой. Трос звенел, как струна.

— Сдадим и пообедаем,— сказал Иван.— Пора уж.

Он сидел перед рубкой рядом с бригадиром плотовщиков — рослым, угрюмым мужиком, ехавшим на буксир оформлять акт о сдаче плота. Бригадир всю дорогу радовался, что работа идет без перебоев, и этот плот — уже сверхплановый.

— Премию дадут, Трофимыч. Рубликов, думаю, полтора ста. Может, сена раздобуду: лето уже за половину зашло...

Навстречу шел «Быстрый» — катер сплавконторы. Сергей дал отмашку по борту, но «Быстрый» с ходу подошел почти вплотную.

— В два митинг!..— прокричал в рупор капитан.— У конторы! Понял, Трофимыч?

— Понял, Антон Сергеич!..— крикнул Иван, и катер ловко отвалил в сторону.

— Точно, говорили насчет собрания,— подтвердил бригадир.— Ну, Трофимыч, кажись, с тебя причитается...

Сдав плот, они ходко пошли к конторе. Причал был весь забит катерами, и Иван ошвартовался у борта самоходного топликоподъемника.

— И вас с работы сняли? — удивился он.

— Приказ такой,— ответил капитан подъемника, совсем еще молодой, плавающий самостоятельно первую навигацию.

Через топликоподъемник к ним пробирался председатель месткома Володька Пронин; в белой рубашке, при галстукке, с папкой.

— Ну, быстренько, быстренько, люди ждут. Значит, повестка такая: я информирую о вашем трудовом подвиге, затем...

— Ох, Володя, не надо!..

— С воспитательной целью...

Тут из рубки вылезла Еленка. Пронин пронзительно глянул на нее.
— Товарищ Лапушкина, вы бы приоделись. Перед народом стоять будете.

— Не пойду я, Иван Трофимыч...

— Живо, живо, товарищ Лапушкина! — прикрикнул Володька.

Еленка завозилась, переодеваясь, и вышли они на площадь, когда народ уже собрался. Володя шел впереди, пробираясь к спешно сооруженной трибуне. Люди с готовностью уступали дорогу.

— Здорово, Иван Трофимыч!..

— Гляди, Еленка-то, Еленка-то сияет!..

— Трофимыч, магарыч не зажми!..

Вслед за Прониным они поднялись на трибуну, где уже стояли директор Юрий Иванович, парторг Пахомов и Николай Николаевич. Володька прошел к перилам трибуны, на ходу доставая из папки исписанный лист.

Иван не слушал, о чем кричал Володька. Он стоял, неуклюже вытянувшись, не зная, куда девать ставшие вдруг ненужными руки. Впопыхах он забыл палку, нога замлела, но он не решался шевелиться. Он был оторван от своих и мучительно стеснялся и хромой ноги, и небритых щек, и мятых, давно не глаженных брюк.

Володька говорил до того плавно, что никто уже не слушал его. Голубой папиросный дымок вился над толпой, она беспрестанно двигалась, словно переминаясь с ноги на ногу, и приглушенно шумела.

— Вот они, герои затона! — продолжал Пронин уже слегка осевшим голосом. — Капитан Иван Трофимыч Бурлаков, матрос Елена Лапушкина!..

Он громко зааплодировал и предоставил слово директору. Директор достал из кармана бумагу, расправил ее и начал читать строгим, ровным голосом. Шум сразу стих.

— «...в ознаменование трудового подвига, совершенного экипажем, с сего числа присвоить буксирному катеру номер семнадцать личное наименование «Волгарь» и впредь именовать так во всех видах судовых документов...»

Люди захлопали, а молодой голос спросил:

— А зачем так, товарищ Федоров?

Кричал белобрысый капитан топлякоподъемника.

— А как предлагаете? — спросил директор.

— Предлагаю просто: «Иванов катер». Все равно его так везде зовут. Даже в Юрьевце.

— Точно! — весело крикнул еще кто-то.

— Минуточку, товарищи, минуточку! — Пахомов шагнул к перилам.

Возникшее было оживление потухло. Пахомов продолжал:

— Мы знаем, как называют Семнадцатый и у нас, на затоне, и на гензапани, и даже на Волге. Только это ведь прозвище, товарищи. Прозвище катера, а не имя. А судно должно иметь имя. Это — высокая честь, товарищи! И лучшего имени, чем «Волгарь», мы не придумаем: специально под капитана подгоняли!

Кто-то неуверенно хохотнул, а Пахомов спросил:

— Как считаешь, Иван Трофимыч?

Вопрос застал Ивана врасплох. Он невольно шагнул вперед, словно из строя, поднял зачем-то руку, опустил и хрипло сказал:

— Вообще-то, конечно. Имя хорошее.

— Вот как отвечает настоящий водник, — сказал Пахомов. — Скажи пару слов народу, Иван Трофимыч.

— Я? — растерялся Иван. — Зачем? Да что ты, Павел Петрович.

Пахомов знал: когда Иван говорил вот так тихо и просто — никакая сила не могла его сломить. Поэтому он только вздохнул и повернулся

было к Володьке, чтобы тот закрывал митинг, как Сергей неожиданно предложил:

— Разрешите, я скажу. Как, Иван Трофимыч?

— Давай! — почему-то обрадовался Иван. — Пусти его, Петрович. Он — скажет, он все, что надо, скажет.

— От имени экипажа слово предоставляется новому помощнику капитана катера «Волгарь» Сергею Прасолову!

Народ помаленьку уже расходился, но это объявление вызвало интерес: остановились.

— Я работаю, — Сергей посмотрел на часы, — ровно смену. Конечно, от имени экипажа выступать мне, прямо скажем, рановато: кое-кто решит, что к чужой славе примазываюсь. Поэтому я чуть поправлю товарища парторга и честно скажу, что выступаю от своего собственного имени.

Сергей говорил без бумажки, весело и напористо. Шумок сразу стих, улегся.

— Мне выпала большая честь: работать на «Волгаре». Получается, вроде я в лотерею «Москвич» выиграл, только как бы в рассрочку: теперь платить придется.

— Точно, парень! — крикнули из толпы и дружелюбно засмеялись.

— Тогда разрешите сразу же первый взнос сделать! — Сергей помолчал, спрятав улыбку, с которой говорил до сих пор. — Мотались мы сегодня на «Волгаре» с четырех утра, горючего сожгли что положено, а рабочих ездов, прямо скажем, хорошо, если половина была. Почему? Да потому, что за каждым нарядом, за каждым приказом назад надо идти, к диспетчерской...

— Верно! — крикнули из толпы.

— Сказали мне, что в начале навигации все катера были укомплектованы радиопередатчиками. Так?

— Правильно!

— А мы сдаем их! На склад!

— Морока с ними, парень.

— Морока потому, что специалистов нет. Так вот, я — специалист. Я действительно на Северном флоте служил, там и курсы кончил. И теперь предлагаю без отрыва от производства подготовить в каждом экипаже радиста. Дело это нехитрое, много времени не займет...

Первым захлопал Федоров. Толпа подхватила, но Сергей поднял руку:

— Погодите хлопать. Хлопать тогда будем, когда диспетчер нас по радио вызывать начнет!..

Но ему хлопали долго и упорно. Сергей засмеялся, махнул рукой, отошел от перил.

Иван толкнул в бок начальника отдела кадров, шепнул:

— А ты говорил!..

— Дай бог, чтоб ошибся, — осторожно сказал Николай Николаевич.

— Спасибо, товарищ Прасолов. — Директор с чувством жал Сергею руку. — Очень, очень ценное предложение.

Пронин закрыл митинг. Толпа повалила к катерам, запрудив пристань. Взревели моторы.

— Вам выписаны премии в размере половины оклада, — сказал директор, прощаясь, — можете получить в бухгалтерии.

— Спасибо. — Иван вздохнул. — Это, конечно, хорошо, и Никифорову очень нужно...

До конца смены они ходили в именинниках. Каждый встречный катер непременно подваливал к борту, команда кричала поздравления,

шутки: Иванов катер был весьма популярен. А белобрысый Вася — капитан топляксподъемника — привез восемь отборных лещей:

— От нас в подарок. Принимай, Еленка.

В пять стали на прикол, пообедали, и Иван, послав Еленку за червями на такелажку, сел готовить снасти к вечерней рыбалке. Сергей в этом участия не принимал: достав из чемодана книгу по радиотехнике, завалился на диван. Через полчаса он уже похрапывал, уронив учебник на пол.

Иван наладил кольцовки, сшил из куска старой марли мешочки под приваду, разыскал грузы к ним. К тому времени вернулась Еленка, принесла червей, села рядом, долго смотрела, как Иван привязывает к каждому мешочку по массивному звену от якорной цепи.

В семь пришел Вовка с отцовским ватником под мышкой. Перебрался на катер, молча, как взрослый, подал Ивану руку.

— Был у отца-то, Вова?

— Был.— Вовка шмыгнул носом, отвернулся.— Лежит...

Губы его подозрительно дрожали, и Иван сразу же бодро и неискренне заговорил о другом:

— Кольцовки сделал, Вова. Вот, гляди: в кольцо жилку от привады опустишь, а на крючочки, значит, червей...

— Без поплавка? — солидно спросил Вовка.

— А зачем он? На кольцовку крупная рыба идет. Станет брать — заметишь: пружинка задержается.

Из кубрика вылез Сергей. Зевнул, потянувшись:

— Сморила меня радиотехника...

— Сейчас к Никольским островам пойдем,— сказал Иван.— Там рыбачить будем, вернемся утром. Приходи к семи.

— Почему это? — Сергей непонимающе моргал.

— Ты вроде к Шуре обещался.

— Ах, к Шуре! — Сергей расхохотался.— Да на кой она мне.

— А она — ждет,— не глядя, сказал Иван.— Не знаю, конечно.

— Подождет да перестанет,— равнодушно сказал Сергей.— Это, капитан, все равно что с керосиновой бочкой обниматься.

— Не надо,— тихо сказал Иван.

— Чудак ты, Трофимыч! Ну, не буду, не буду, не мрачней.

Они отогнали катер к Никольским островам, зачалили за плот. Еленка осталась в кубрике, а мужчины и Вовка перебрались на мерно колыхающиеся пучки бревен. Иван выбрал место, показал мальчику, как ловить на кольцовку, забросил ему снасть...

Утром, отправив Вовку с уловом домой, Иван сходил в диспетчерскую, но там велели ждать: должен был прийти художник. Иван вернулся на катер, надел праздничный костюм и пошел к директору.

— У Юрия Ивановича оперативка,— сказала секретарша.

Иван потоптался, хотел было уйти, но тут из кабинета выглянул директор, отдал секретарше какие-то бумажки, спросил:

— Вы ко мне?

— К вам,— сказал Иван.— Я насчет Никифорова.

— Да, да.— Директор вздохнул.— Большое несчастье, Иван Трофимыч. Проходите.

— Ссуду он брал, когда строился,— еще на ходу начал Иван.

— Сколько, не знаете?

— Да тыщи две, наверно. На десять лет, что ли.

— Так.— Директор сделал пометку на календаре.— В постройкоме?

По одному, по двое собирались на оперативку производственников: начальники участков, мастера, снабженцы. Здоровались с директором,

с Иваном, рассаживались вдоль длинного стола, шептались, шуршали газетами. Иван умолкал, потом начинал рассказ снова, сбивался, но все-таки изложил главное: как бы скостить с Никифорова долг.

— Это возможно? — спросил Федоров у главбуха.

— В принципе есть один ход: взять на себя задолженность за счет месткома, вашего фонда, премиальных.

— Подработайте.— Федоров опять записал что-то на перекидном календаре.— И скажите Пронину насчет подарков семье.

От директора Иван пошел в бухгалтерию, получил премиальные на экипаж. Настроение у него было почти праздничное, и он тут же решил, что и он и Еленка должны отдать свои премии Федору.

Когда он вернулся на катер, художник уже кончил подкрашивать бортовые надписи. Иван полюбовался новым названием «Волгарь», выведенным на носу и на семи ведрах, стоявших на крыше рубки,— по букве на каждом ведре. Теперь художник выписывал это слово на спасательных кругах. Он пожал Ивану руку и молча протянул свернутые в трубку листы.

— На память.

Иван развернул: это были портреты команды, еще вчера висевшие возле конторы. Скуластые лица сурово глядели вдаль.

Потом они с помощником спустились в моторное отделение и долго возились, регулируя двигатель. Закончив, отогнали катер к затопленной барже и пошли в столовую, потому что Еленка уехала со стариками покупать долгожданную телку.

В столовой было шумно. Потолкавшись в очереди, долго блуждали с подносами, выискивая свободный столик.

— Иван Трофимыч! А Иван Трофимыч!..

Из угла махал незаметный морщинистый мужичонка неопределенного возраста, одетый в старенькую рубаху, аккуратно застегнутую до самого горла. У ног его лежал ватник, в швы которого навеки въелась древесная пыль, и большой ящик с плотницким инструментом.

— Здорово, Михалыч,— сказал Иван, подходя.— Что-то давно не виделись.

— На запани работал,— очень радостно объявил Михалыч, торопливо глотая второе.— Ты садись, Трофимыч, а я стоя похлебаю: стоя-то спорее выходит.

Он вскочил было, но Иван нажал ему на плечо и усадил на место.

— Успеется, Михалыч, жуй не спеша. Дома-то все в порядке?

— Слава богу, Трофимыч, слава богу. И корова справная, очень справная коровка попалась, так что не в накладе я оказался.

Он торопливо подхватил последний кусок и встал, освобождая Ивану место.

— Игнат Григорыч телка покупает, слышал? — спросил Иван, садясь.— Козу-то Машку продали они.

— Стало быть, сенцо понадобится,— понизив голос, сказал Михалыч.— А понадобится, так ты, Трофимыч, мне свистни. Я теперь тут работаю, при мастерских: свистни, и я враз прибегу. Я на косябу гордый, не гляди, что мослы рубаху рвут. Семижилный я, Трофимыч, право слово, семижилный!

— Может, и свистну, Михалыч. Как шкипер скажет.

— Тебе, Трофимыч, всегда — с дорогой душой. В полночь-заполночь дочку родную отдам.

— Вот и столквались! — улыбнулся Иван, пожимая Михалычу руку.— Жене поклон, Михалыч. Заходи.

Михалыч ушел, волоча тяжелый ящик. К этому времени стол освободился, Сергей расставил тарелки и отнес подносы к раздатке.

— Смешной мужик,— сказал он, воротясь.

— Тихий,— улыбнулся Иван.— Тихий да невезучий — горемыка, словом. А плотник — золотые руки. Прямо артист.

— Глядел на тебя, как на икону. Должен, что ли?

— Нет,— сказал Иван.— Просто вышло так. Этим мартом медведь у него коровенку задрал: словно нарочно искал, кого побольнее обидеть. Ну, мужик и руки опустил: вроде пришибленного ходит и молчит. Расспросил я его, а он — заплакал, представляешь? Ну, мы и скинулись с полочки, кто сколько может, по совести.

— Ты все и провернул?

— Ну, при чем я? Работяги...

— Здоров, Бурлаков!

К столу, косолапя, шел Степаныч. Тарелка с борщом пряталась в огромных ручищах. Сел, расставив ноги, хлебнул:

— Дерьмо. Воруют, поди, гады!

Иван промолчал.

— Ну, как там Никифоров? — спросил Степаныч.— Все пластом, да? Дура Прасковья-то: в суд подавать надо. Я ей говорил, а она боится. А чего бояться-то, Бурлаков?

— Не знаю,— сказал Иван.

— Суд — милое дело. Никто не отвертится...

После обеда Иван прилет: он неделю недосыпал, клонило в сон. Сергей за столом шуршал страницами, зевал, нещадно курил, разгоняя дремоту. Катерок тихо покачивался, Иван сразу же уснул и проснулся только от женского голоса:

— Можно, что ли?

По палубе звонко цокнули каблуки, скрипнула дверь рубки, и на крутом трапе появились полные ноги. Ноги переступили на ступеньку ниже, вздрагивая круглыми коленками, и из люка выглянула Шура, стянутая шуршащим негнувшимся платьем.

— Привет! — насмешливо сказал Сергей.

Вместе с Шурой в кубрик вполз удушливо-сладкий запах. Сергей повел носом:

— «В полет»!

— Угадал,— улыбнулась Шура, обмахиваясь платочком.— Жара! Погуляем?

— Занимаюсь я, между прочим. Радиотехника.

— Ну, занимайся, я обожду.— И Шура с готовностью уселась на свободный диван.

— Да чего уж...— Сергей с сердцем захлопнул книгу.— Пошли.

— Пиджак бы захватил — сказала Шура, вставая.

— Жара — сама говоришь.

— А если посидеть захотим?

— Не захотим,— буркнул Сергей и первым полез из кубрика.

Шура вздохнула и покорно полезла следом. Иван ошалело проводил ее глазами и долго сидел на старом диване, испытывая смутное чувство гадливости и досады.

Чувство это оставило его только возле баржи-такелажки, когда еще на подходе он увидел на ней Еленку: она, тихо смеясь, играла с Дружком. Пес притворно рычал, стараясь лизнуть ее в лицо, но она ловко увертывалась. Иван остановился, любуясь ее мягкими движениями, и на душе сразу просветлело.

— Купили!..— Торжествуяще закричала Еленка, увидев его. — С белой лысинкой!.. Да погоди же, Дружок! .

Она стремительно повернулась, уходя от собачьих лап, и легкое платье раздулось куполом.

Он вдруг захотел сказать, что любит ее, что она самая высокая его награда, что... И опять не сказал. Взошел по гибким сходням на баржу, подавил вздох.

— Ну, пойдём. Показывай.

Они открыли тяжелую дверь, но сразу же свернули вниз, в глухой, огромный трюм, где в полутемной выгородке стояла чистенькая рыжая телочка с белой отметинкой на лбу. Перед нею была бадейка с пойлом, но телочка уже не ела, а только меланхолично двигала мокрыми добрыми губами и вздыхала. Старуха стояла подле, то оглаживая ее, то поправляя бадю, а шкипер сидел на ящике и курил, усмехаясь.

— Вот красавица-то моя, гляди, Трофимыч!.. Вот умница-разумница, вот звездочка моя ясная!..— запричитала старуха.

— Сподобились, Трофимыч,— улыбнулся шкипер. — Сподобились мы, значит, счастья в коровьем образе.

— Молчи, балабон, прости господи!..— зыркнула на него жена и снова начала оглаживать телочку. — Ну, скушай, ясынька моя, ну, хлебца...

— Сказали бы мне лет сорок назад, что старуха моя от телка спятит, я бы ни за что не поверил,— улыбаясь, сказал шкипер.

— Наверх бы шли, дымокуры! — сердито сказала Авдотья Кузьминична. — Нечего тут курить, непривычная она.

— Видал?..— хитро подмигнул шкипер. — Пойдем, Трофимыч, от греха...

— Вовремя ты пожаловал,— сказал старик, когда они выбрались на палубу.— Встретил я, когда телушку-то торговал, лесника нашего Климова Константина. Закинулся насчет сенца, а он и говорит: Луконина топь. Там, говорит, сроду никто не косил, потому что дорог нет и далеко. Осока, конечно, но добрая. Коси, говорит, на здоровье, но выдерживай разом, а то колхоз заметит, и пропала твоя косьба: сторожей выставят, скопнят да зимой и вывезут на санях. Готовое чего ж не вывезти?.. Вот я насчет завтра и подумал. Там до берега — версты три, даже и того меньше. На катер бы сволокли, а уж здесь-то, на барже, я частями высушу да и приберу.

— Косцов надо,— сказал Иван.— Ты да я — много ли наработаем?.. Ты вот что, Игнат Григорыч, ты Еленку за Пашей направь. За Пашей да за Михалычем: он сам помощь предлагал. А я на топлякоподъемник сметаюсь, Васю с Лидой попрошу. Да пусть Еленка косы у Никифоровых возьмет: у них есть...

Договорившись, Иван торопливо вернулся на катер. Сергей сидел в кубрике и прилежно трудился над радиотехникой.

— Завтра косить пойдём,— сказал Иван.

Вышли, когда чуть просветлело. В предутренней тишине особенно громко стучал мотор. Иван стоял за штурвалом, Сергей курил, сидя на высоком комингсе рубки.

— А ничего, что катер без спросу взяли? — спросил он вдруг.

— Ничего,— сказал Иван.

Шкипер, Михалыч и Вася курили на корме, прячась от ходового ветерка. «Волгарь» бежал на полных оборотах, носовые волны елкой расходились по сонной реке. Иван придвинул табурет, сел.

— Странно,— сказал Сергей.— Сидишь за штурвалом. Непривычно.

— А-а. Знаешь, сколько я порогов оббил, пока за штурвал пустили? Медкомиссия отказала вчистую: только на берегу.

— Заново комиссовали?

— Нет. Просто само собой, вроде все в порядке. Врачи молчат, начальство молчит, и я молчу. Молчком и работаю.

Из-за рубки вышел шкипер:

— Держи на стрежень, Трофимыч. Протокой не пройдешь: мель.

Катер повернул за мыс, и сразу берега расступились, исчезнув где-то за туманной линией горизонта, и вокруг разлилась вода. Желтая, почти неподвижная, она затопила все низины, все ложки, и мертвые березы по пояс торчали в ней.

— Гиблое место, — вздохнул шкипер. — Даже птица стороной облетает.

— Одна береза, — сказал Сергей.

— Ель первым же ледоходом свалило, — пояснил шкипер. — А берега все держится: корни глубокие.

— А почему она белая? — спросил Вася. — Смысл ведь какой-то должен быть, правда? У всех кора темная, а у нее — белая. Как тело. Зачем?

— Для красоты, — убежденно сказал шкипер. — Природа все для красоты делает: смысл у нее в красоте.

— Чепуха, — сказал Сергей. — Целесообразность — вот что в природе главное. Для пользы жизни.

— Это — вернее, — кивнул Вася.

— Целесообразность? — переспросил шкипер. — Ну, а зачем лисе хвост? Для какой такой целесообразности?

— Может, следы замечать? — засмеялся Михалыч.

— Или — бабочки, — вставил Иван. — Прямо как цветы.

— Нет, парень, природа-то помудрее нас с тобой будет. Куда поумрее!.. И есть законы повыше этой самой целесообразности, повыше пользы. Клади направо, Трофимыч: вон там к обрывчику и пристанем.

У обрыва они зачалили катер за корявый березовый пенек и по склонам сошли на берег.

Шли по травянистому болоту, узко сдавленному черным непролазным осинником. Холодная сырость вызывала озноб, липла к телу, затрудняла дыхание. Почва мягко чавкала под ногами, и вода подступала к голенищам кирзовых сапог.

Сонные болотные комары, потревоженные шагами, тучами поднимались с земли. Еще не согретые солнцем, вяло оседали на одежду, заползали в швы. Женщины наглухо завернулись в платки, оставив только узкие щелки для глаз.

— Чуешь, как пахнет? — спросил вдруг Иван.

Влажный застоявшийся воздух был пропитан густым, приторно-тяжелым запахом.

— Багульник, — пояснил Иван. — Дурман тайги.

— Моль его не выносит, — сказал шкипер. — Моль, клоп — вся нечисть домашняя. Старуха моя пучки по всем углам держит, и на барже у нас — как в больнице.

Они все шли и шли, и болоту не видно было конца. Так же грузно оседала под ногами почва, так же хлюпала вода и чуть слышно позванивала жесткая осока. Шкипер убирал с дороги сухие ломкие сучья осин.

Так протопали они километра три, а потом лес расступился и перед ними открылась заросшая осокой поляна. Воды здесь было поменьше и осока повыше, но сапоги все равно утопали по самые голенища.

— Луконина топь, — сказал шкипер. — Вот с того угла и почнем, пока не жарко. А вы, бабоньки, палите костер да варганьте косцам еду.

Еленка, Лида и молчаливая Паша пошли к опушке, а мужчины начали отбивать косы. Вздрагивающий звон поплыл над болотом.

— Ты к жалую тyani, к жалую!.. — суетливо подсказывал Михалыч Сергею. — От пяточки с наклоном да вперед, вперед, к носку...

— Ну, с богом, мужики! — торжественно сказал шкипер и широко, от плеча махнул косой.

С жестким хрустом осела под взмахом осока и, подхваченная пятой, отлетела влево. Еще взмах — и следующая охапка пристроилась к первой, образуя начало валка.

— Пошли!.. — в восторге закричал Михалыч, взмахивая косой. — Раз!.. Раз!..

Он шел, чуть согнувшись, прямо ставя ступни и приседая при каждом взмахе. Коса ходила легко, и так же легко, похрустывая, рушилась осока и ровным валком укладывалась слева от косца. Он на шаг продвигался вперед, одновременно вынося косу, и с каждым махом рос валок, а по голый, начисто выбритый топи потянулись две параллельные полосы проборошенной ступнями почвы. Полосы эти быстро наполнялись водой.

Иван и Вася тоже начали косить. Движения их были плавны и свободны, и со стороны казалось, что труд этот прост.

«Подведу я их, — подумал Сергей, примериваясь для первого маха. — Широко шагают, черти...»

Он с силой полоснул косой и обрадовался, когда осока покорно легла, срезанная остро отточенным лезвием. Шагнул, полоснул снова — и снова она рухнула, устилая путь. Ему пришлось подбирать ее полотном косы и оттащить в сторону, но он не останавливался, а шел и шел вперед.

— Хорошо!.. — крикнул Михалыч. — Ах, хорошо!..

— Погоди, не то к вечеру запоешь! — отозвался Вася.

— Знаем мы эти песенки, Вася! Певали!.. — Михалыч воткнул держак в болото, торопясь, стащил с себя сырой ватник.

Шкипер уже заново отбивал косу. Иван остановился тоже, вытер полотно пучком осоки, проверил пальцем:

— Наждак, а не осока.

— Осока добрая, — сказал шкипер. — До кустов дойдем — перекурим. Так, мужики?

Никто не отозвался. Косцы неторопливо двигались вперед, и осока с размеренным хрустом укладывалась в ровные, строгие валки.

Шкипер первым дошел до кустов, отбил полотно, не торопясь вернулся по прокусу назад, к началу. За ним по одному вернулись остальные; только Сергей еще топтался где-то в середине, и извилистые рельсы его пути были густо усыпаны осокой. Косцы закурили из Васиной пачки, а Михалыч прошел к Сергею. Постоял сзади, посмотрел, тронул за плечо:

— Погоди, парень, погоди. Тужишься ты, косу тискаешь — не надо. Ты свободней держи. И пяточку к земле клони, пяточку самую. Она тебе травку и подберет и в валок снесет. Гляди.

Он оттеснил чуть задохнувшегося Сергея, сделал несколько махов, не переставая поучать:

— В замáх идешь — силу отпускаяй, не трать попусту. А вниз повел — на себя резче прими. Тогда коса сама и срежет и уберет.

— Иди, покурим!.. — позвал Иван. — Слышь, Сергей!..

— Не заработал еще! — отозвался Сергей, вновь становясь на место. — Докошу — покурю.

— Не гони, — сказал шкипер. — Здесь призов не дают.

Покурив, они опять взялись за косы, и вскоре Михалыч догнал Сергея. Они почти не разговаривали: пройдя гон, возвращались, курили, отбивали косы и снова шли косить. Выбившись из их ритма, Сергей так и остался в одиночестве. Теперь он и косил один, и курил один, с каждым заходом ощущая, как наливается усталостью отвыкшее от таких нагрузок тело.

Взошло солнце. Косцы разделись до пояса: комары щадили в работе, атакуя только на перекурах. Зато пестрый злой овод все чаще жалил потные спины.

Женщины развели костер. Паша готовила завтрак, а Еленка и Лида уже сгребали осоку в копны, чтобы она зря не мокла в воде.

— Завтракать, мужики!..— крикнула Паша.

Косцы враз остановились, обтерли мокрые косы и воткнули держак в топь. Только Сергей продолжал косить. Шкипер подошел, положил руку на его голое потное плечо:

— Отдышись, парень.

— До кустов дойду...

— Весь день впереди. Намахнешься.

Сергей покорно воткнул косу и пошел к костру, чувствуя, как плывет и качается под ногами топь. У опушки Вася и Михалыч умывались в глубокой луже.

— Ополоснись, Серега,— сказал Вася.— Сразу посвежеет.

Сергей подошел, нехотя зачерпнул пригоршню холодной желтой воды, протер лицо.

— Зла мужицкая работка? — улыбнулся Михалыч.

— Приспособится,— сказал Вася.— Тут хитрости нету.

— Есть хитрость!..— возразил Михалыч.— В городе все быстрее норавят, все наскоком, все нахрапом. Нетерпеливые вы. А у нас так нельзя, не-ет, нельзя! У нас силу беречь надо. Но — умеючи, умеючи, значит. Вот это и есть мужицкая хитрость.

Паша сварила ведро картошки с тушенкой, и они начисто выскребли ведро, напились чаю и сразу вернулись на недокошенные полосы.

— Ну, мужики, до обеда должны все скосить,— сказал шкипер.— Если осилим, значит, выхватим это сенцо у бога из самой запазушки.

— Не у бога, а у колхоза имени Первого мая,— улыбнулся Вася.

— Сроду здесь колхоз не косил и косить не будет,— сказал Иван.— А траве зря пропадать не положено.

Солнце вставало все выше, топь звенела полчищами строк и слепней. От болота поднимался пар, пот струйками тек по спинам косцов; они все чаще отходили к опушке, где бил родник, и пили холодную желтую воду.

— Как нога? — спросил шкипер.— Отдохнул бы.

— Ничего.— Иван сполоснул лицо, улыбнулся.— Погодка-то, а? Как заказанная...

Он врал, когда улыбался. Ногу ломило до пояса, он давно уже косил, стараясь не опираться на нее, но боль росла. Лечь бы сейчас, вытянуться — тогда отпустит. Но он не давал себе спуска. Никогда не давал: только начини болеть — и тело припомнит все осколки и пули, все контузии и ржавые сухари с болотной водой. Только распусти вожжи — не встанешь.

Поэтому он деловито ел за обедом пропахшую горьким осиновым дымом похлебку. Ел насильно: его мучило от боли и усталости.

— Не могу,— сказал Сергей и бросил ложку.— В глотку не лезет.

Он откинулся на кучу ломкого хвороста и закрыл глаза. Плыло, качалось болото...

— Попей.

Он открыл глаза: Еленка протягивала большую эмалированную кружку.

— Выпей,— повторила она.— Нельзя же ничего не есть.

— Ослабнешь,— сказал Иван.

Сергей хлебнул: в кружке было молоко. Прохладное, густое, почему то чуть горьковатое.

— Больше не коси,— сказал Вася.— Что осталось, мы с Михалычем подберем, а вы копешки готовьте. Пудика по три потянем, Михалыч? — Потянем, чего же не потянуть?..

Поначалу сгрести мокрую осоку показалось делом почти пустяковым. Но осока была не просто тяжелой: она была цепкой, как колючая проволока, пласты ее упорно свивались в большие вязкие комья, в которых намертво запутывались грабли.

— Ты руками, Сережа,— сказала Еленка.

Руки ее уже были порезаны в кровь, до волдырей искусаны комарами. Но она двигалась легко и гибко, словно не чувствуя усталости.

— Здоровая ты девка,— сказал Сергей.

— Привычная...

Косцы уже курили у костра, а Сергей еще дергал, пинал, волок проклятую осоку. Еленка мягко отобрала у него грабли:

— Покури. Главный труд впереди, Сережа.

Пошатаваясь, Сергей подошел к костру и рухнул на хворост. Вася протянул ему папиросу, он взял ее и держал, как свечку: не было сил прикурить.

— Воровство — это когда корысть есть,— продолжал шкипер.— Ужрасть, продать да прогулять — вот воровство. Так я мыслю, Трофимыч?

— Мысль с совестью в разладе,— вздохнул Иван.— Я горячее тащущу, Григорыч — траву.

— Пошли тягать,— сказал шкипер.

Женщины помогали увязывать мокрую осоку, рывком подавали на плечи. Веревки намертво вонзались в тело, выламывая спину, и мужчины, оступаясь, медленно брели по болоту.

Иван упал под первой ношей: подвела нога. Упал неудачно, не мог встать, а только дергался, шепотом ругаясь. Вася, бросив осоку, кинулся, поднял:

— Оставь вязанку. Потом подберу.

— Ладно, Вася. Допру.

Вася шел сбоку, уголок глаза наблюдая за Иваном и вовремя подставляя плечо, когда Иван оступался. Поэтому они подошли к берегу последними: шкипер и Михалыч уже сматывали веревки, а Сергей сидел на своей ноше, опустив голову.

— Не ходи больше, Трофимыч,— сказал старик.— Отдышишься — тут попрыгай: сходни наладь, с катера все прими.

Иван кивнул: он понимал, что в этом деле не помощник. Выпростал из-под осоки веревку, сел рядом с Сергеем.

Михалыч, шкипер и Вася уже скрылись в лесу: чавканье сапог постепенно замирало вдаль. Иван закурил, протянул пачку Сергею.

— Живот что-то схватило,— виновато соврал Сергей.

— Иди на катер.

— Ничего.— Сергей встал.— Отпускает вроде.

Пошел назад, сматывая на ходу веревку. Хвост ее долго волочился сзади, подсакивая на кочках.

На подходе встретились Михалыч и Вася: с новыми ношами они шли к катеру. Михалыч разминулся молча, а Вася сказал:

— С дальнего конца копешки бери.

— Портянка сбилась.— Сергей поспешно и неуверенно улыбнулся.— Переобувался там...

Последние охапки несли уже в сумерках. Черные осины тревожно звенели по сторонам. Сергей шел последним, пропустив вперед Лиду и Пашу: Паша тихо жаловалась:

— Как прокормлю-то, Лидуха? Он ведь тоже есть хочет, даром что больной. А пенсию маленькую положат, говорили мне...

Тема эта повторялась бесчисленное число раз. Сергей не выдержал:

— В суд подай!

— И то! — почему-то обрадовалась Паша. — Мне советуют, многие советуют...

Почти в темноте перетаскали осоку на катер. Это были последние усилия: даже Вася перестал улыбаться. Иван накрыл старым брезентом сырую, остро пахнущую болотом кучу.

— Отдыхайте.

Они вповалку улеглись на брезенте, и Сергей сразу же провалился в полудремоту. Слышал, как застучал двигатель, как, отваливая, плавно качнулся катер и пошел вверх, натужно гудя мотором.

— Свалили! — выдохнул Вася. — Здорово это, когда своего достигнешь. Вроде уважение к себе самому поднимается.

— Дело вы для меня великое сделали, ребята, — тихо сказал старик. — Я за это...

— Ты нам за это покурить раздобудь, на том и сочтемся, — сказал Вася.

— Держи. — Сергей достал мятую пачку. — Не знаю, целы ли.

— Целые. Закуришь, Игнат Григорыч?

— Можно.

— Катер!.. — крикнул Михалыч.

Сзади нагонял катер. С палубы его кричали что-то, неслышное за шумом двигателя, махали фонарем.

Теперь уже все толпились возле рубки: колхозный катер вечерами патрулировал по реке, перехватывая лодки с сеном.

— Плакала наша работка... — вздохнул Михалыч. — Ах ты господи, вот ведь не повезло так не повезло...

— Нагоняют, — сказал Вася.

И опять все замолчали, потому что молчал Иван, а ему одному принадлежало сейчас право решать. Но Иван упрямо держал максимальные обороты: катер дрожал как в лихорадке.

Справа открылся чуть видный в темноте пологий болотистый остров. Иван прижался вплотную к берегу: здесь течение было не таким сильным, но патрульный катер упорно шел в кильватере.

— Далеко? — спросил Иван, не оглядываясь.

— Метров триста, — сказал Вася. — Не уйдем, Трофимыч: у них и мотор посильнее и катер не нагружен.

— Гаси топовые!.. — крикнул Иван.

Сергей щелкнул выключателем, погасли опознавательные фонари, и тут же Иван стремительно заложил катер вправо, уходя в протоку.

— Куда?.. — закричал шкипер. — Мель там, Иван! Мель!..

— Как крикну, все на левый борт, — сказал Иван, до рези в глазах всматриваясь в черную, заросшую камышом протоку. — Все — на один борт, поняли?

— Врежемся, Трофимыч, — сказал Вася. — Еще днище пропорешь.

— Все — на левый борт, как крикну, — повторил Иван. — Все — и бабы тоже. Готовьтесь. Только бы травы на винт не намотало...

Патруль чуть отстал: видно, капитан его не хотел рисковать в темноте, понимая, что все равно запер Ивана в ловушку.

— На борт!.. — крикнул Иван, круто кладя руль. — На борт!..

Все кинулись к борту, и «Волгарь», развернувшись, боком лег на волну, задирая винт. Днище скребнуло по грунту, катер дернуло раз, другой, третий, но, дергаясь, он пробивался вперед, поднимая винтом тучи песка и ила. Мокрая гряда осоки, дрогнув, медленно поползла к борту, но катер, дернувшись еще раз, прошел мель, и Иван тут же выровнял его и погнался вперед, уходя в темноту.

— Ушли!..— торжествуяще закричал Михалыч.

— Да, Трофимыч...— Старик покрутил головой.— Всю жизнь на воде провел, а о таком не слыхивал. Орел ты, Иван Трофимыч.

— Лещ так перекаты проходит,— смущенно улыбаясь, сказал Иван.— Замечал, Григорыч? Весной, когда на нерест идет. Встретит мель, ляжет на бок, хвостом работает и — вперед, вперед. Вот нагляделся я, значит, и — пригодилось. А вообще это скверно — убегать от закона. Очень скверно...

С перегрузкой на баржу все вышло гладко, и утром «Волгарь» стоял у диспетчерской, как всегда. Начались будни: обеды на ходу в грохочущем кубрике и простои, когда можно было половить рыбу для обеда; нудная буксировка плотов и доставка приказов; проводка барж и перевозка мелких случайных грузов. В понедельник директор отдал приказ, и Сергей начал регулярные занятия по радиотехнике. Он относился к ним очень серьезно, тщательно готовился, чертил схемы.

Вечерами Иван оставался один: Сергей уговорил Еленку заниматься в кружке. Отогнав катер к затопленной барже, Иван уходил к старикам и сидел там допоздна: помог шкиперу убрать сено, расширил закуток для телки, а когда не было работы, беседовал со шкипером или просто молча курил. Он не спешил теперь на катер.

На неделе зашла Паша: Федору стало лучше, он просил Ивана навестить его. В среду занятий не было, и они пошли втроем: Иван считал, что Сергей должен познакомиться с бывшим помощником.

— Должен так должен,— нехотя согласился Сергей.— Не знаю, капитан, будет ли ему приятно.

Никифоров лежал в отдельной палате. Лежал на животе, неудобно вытянув подвешенную на шнурах руку в гипсе. Худое лицо его заросло щетиной, глаза ввалились. Он встретил их приветливо, но говорил так мало и неохотно, что они вскоре заторопились.

— Погоди, Иван Трофимыч,— вдруг спохватился Федор, когда они уже подошли к дверям.— Останься на два слова, а?

Сергей и Еленка вышли, а Иван вернулся к Никифорову и сел на табурет возле его головы. Федор молчал.

— Может, лекарство какое нужно или еще что? — спросил Иван.

— Да не в этом дело,— вздохнул Федор.— Тут, понимаешь, баба моя в суд подавать надумала. Нажужжали ей, понимаешь.

— Не знаю,— сказал Иван, подумав.— Может быть, правильно.

— Да что правильно, что? — зло дернулся Федор.— Ты меры прими, понял? Она у меня дура, ей что наговорят, то она и делает. А я позора такого...

— Ты, Федя, взвесь все,— мягко перебил Иван.— Ты подумай.

— Так ведь на тебя же — в суд-то!..

— Ну и что? — Иван помолчал.— Если б я преступление совершил, тогда... И тогда было бы правильно, Федя.

— Дурак ты, капитан!..— Федор дернулся, скрипнул зубами.— Ты, это, не сердись. Не давай ты ей воли, Трофимыч. Позор выйдет. Один позор.

— Посоветоваться бы надо, Федя. С юристом.

— Не надо. Не хочу я этого. Не хочу!.. Обещаешь?

— Ладно, Федя.

— Ну, за тем и звал. А сейчас иди. Сестру покличь: боли, мол, начались...

В Юрьевец для консультаций приехал профессор из самой Костромы. Иван случайно узнал об этом и кинулся в больницу. Главврач, не-

довольно хмурясь, написал записку, предупредив, что профессор — человек занятой и вряд ли согласится ехать в такую даль. И Иван тут же решил, что уговорить заезжую знаменитость сможет только Сергей.

— Понимаешь, я две недели Сашка не видал...

— Что за вопрос, капитан! — улыбнулся помощник. — Надо — значит, надо.

Иван выправил документы на рейс, долго объяснял, как идти, куда швартоваться, где искать профессора. Потом отдал чалку и стоял на берегу, пока катер не скрылся за дальним поворотом.

Налегая на палку, он медленно взбирался по крутой тропинке к поселку. Конечно, можно было пройти до лестницы и подняться по ней, но Иван всегда ходил только здесь. Это была тропинка его детства — узкая, утоптанная до бетонной твердости: даже палка не оставляла следов. Когда-то он на одном дыхании взлетал наверх, а теперь полз с остановками, привлекая хромую ногу.

Наверху он оглянулся, но катера не увидел даже за первой излучиной: видно, шел «Волгарь» куда ходче своего капитана.

У ворот бревенчатого, в три окна дома он остановился. Низкий штакетник захлестнула малина, и с улицы двор не проглядывался. Иван одернул пиджак, застегнул на горле ворот рубахи, пригладил волосы и распахнул калитку.

За столом в палисаднике полная женщина перебирала клубнику. Она без улыбки посмотрела на Ивана, неторопливо заправила под козынку подбитую проседью прядь.

— Здравствуй, Иван.

— Здравствуй, Надя. — Иван присел, вытянув усталую ногу. — А где же Сашок?

— Сынок! — крикнула женщина. — Сынок, папа пришел!..

Прибежал Сашок, и они долго и старательно мастерили планер, руководствуясь крохотным чертежиком из «Юного техника».

— Ты, сынок, когда с мелочью какой работаешь — клеишь, к примеру, крючок к леске привязываешь или еще что, — языком зубы считай, — говорил Иван, оклеивая бумагой легкие крылья.

— А зачем?

— Для порядка. Сосчитал в одну сторону, тогда считай в другую. Глядишь, и не порвешь ничего, не сломаешь. Работа, Сашок, терпеливых любит, слушается их.

Это был его день. Он выторговал его, когда сын еще ползал по полу, и в такие дни они были только вдвоем: строили, чинили, бродили по лесу или ловили рыбу. Он просто учил сына тому, что знал сам. Поначалу казалось, что знаний этих много — целая жизнь, — но год от году становилось все труднее, и Иван с горечью чувствовал, как гаснет в сыне восхищение его рабочей сноровкой...

Профессор долго читал записку, все время нервно встряхивая листок.

— Это далеко?

— Шесть часов ходу, — сказал Сергей. — Против течения.

— Против течения — это хорошо, — неожиданно усмехнулся профессор. — В девять вечера зайдите за мной. Сюда.

Он сунул записку в карман и пошел наверх: на лестничной площадке ждали двое в белых халатах.

— Спасибо! — с опозданием крикнул Сергей, а Еленка испуганно дернула его за рукав:

— Тише!..

Они вышли на улицу.

— А вдруг поможет? — вздохнула Еленка. — Знаешь, мне Пашу жалко. И Федю, конечно, но Пашу — жальче.

— Она и сама жалкая, — сказал Сергей. — Живет, голову втянув, словно вот-вот кто-то ударить должен.

— Так оно и есть, Сережа. — Еленка по-бабьи поджала губы. — Доля у баб такая — каждую минуту удара ждать.

Сергей посмотрел на нее, расхохотался, вдруг шутливо обнял.

— Пусти... — Еленка высвободилась и, чувствуя, что краснеет, поспешно отвернулась. — Может, в кино пойдем?

В кассах широкоэкранного кинотеатра толпились люди. Сергей быстро разобрался, в каком окошке дают на текущий сеанс, занял очередь. Еленка стояла рядом, искоса остро, изучающе поглядывая на соседей.

— Смотри, смотри! — не выдержав, зашептала она. — Чулки красные, а туфельки — черные...

— Ну и что? — спросил Сергей, бесцеремонно оглядев проходившую мимо девушку.

— Смешно. Как гусыня.

— Ты бы не надела?

— Да что ты!.. — Еленка тихо рассмеялась. — Что же тут хорошего?

— Мне нравится, — сказал Сергей.

— Красные ноги?.. — поразилась она.

— Красивые ноги, — поправил он.

— А-а... — смущенно протянула Еленка и замолчала. Потом спросила вдруг: — А когда коленки торчат, тоже нравится?

— Если красивые.

— Что же в них может быть красивого? Коленки и коленки.

— У тебя, например, красивые, — улыбнулся он.

Еленка поспешно отвернулась. Сергей усмехнулся: ему нравилось вгонять ее в краску.

Очередь двигалась медленно, и Сергей уже начал поглядывать на часы: до сеанса оставалось десять минут.

— Там без очереди не пускайте! — крикнул он.

— Все нормально, — лениво отозвались от кассы.

У дверей раздался шум, очередь заколыхалась, и хриплый бас пьяно и весело прокричал:

— Кто последний, что дают?..

Сквозь толпу ломился лохматый рослый мужик в серой, вольно распахнутой на груди рубашке.

— Расступись, народ!..

— Рычало... — прошелестело в очереди, и люди начали вжиматься в стенку.

— Пьяный...

— А он и не просыхает...

Рычало пролез к кассе, загородил окошко:

— Что осталось, красавица?

Очередь послушно молчала. Что-то неразборчиво ответила кассирша, и вновь пророкотал хрипый бас Рычалы:

— А интересно?

Сергей вдруг шагнул вперед, схватил за плечо Рычалу, рванул к себе:

— А ну, убирайся отсюда!..

— Я?.. — Рычало непонимающе моргал пьяными глазками. — Это ты — мне?.. — Он чуть ворохнул плечом, сбросил руку, повернулся, огромный, уверенный. — Ах ты морячок-дурачок!..

Сергей подобрался и, нырнув под руку, что есть силы ударил кулаком в живот. Рычало охнул и стал оседать на пол, хватая воздух.

Очередь молчала, скорее с удивлением, чем с восторгом глядя на него. Еленка сжала локоть, ткнулась лбом в грудь:

— Напугалась я...

— Ладно.— Он закурил, хотя в помещении курить воспрещалось, улыбнулся.

Прозвенел третий звонок, но они успели войти в зал и разыскать свои места. Почти полкартины Сергей глядел на экран, не понимая, но потом успокоился, отвлекся и к концу успел посочувствовать герою, попавшему в неприятную историю. Еленке фильм очень понравился, потому что был без стрельбы и герои обретали счастье.

Они сидели далеко от выхода и попали на улицу с последними группами зрителей.

— Солнышко-то какое!..— радостно улыбнулась Еленка.

— Надо на катер глянуть,— озабоченно сказал Сергей.

Пошли к пристани напрямик, через пустырь. Еленка задирала голову к солнцу, шурилась, морща нос. Сергей усмехнулся:

— Шуришься, как котенок.

— Эй, морячок!..

Они оглянулись: нагонял Рычало.

— Отойди,— тихо сказал Сергей Еленке.

— Сережа...— Беспомощно оглядываясь, она схватила его за руку.— Тебе совестно, так я закричу, а?.. Закричу, Сережа. Может, с ножом он...

— Отойди!..— резко повторил Сергей и пошел навстречу Рычале.

Они остановились в двух шагах друг от друга. Рычало тупо моргал красными глазками и молчал.

— Что надо? — спросил Сергей.

Рычало упорно молчал, шмыгая толстым бородавчатым носом. Ветер шевелил его редкие седые волосы.

— Что надо? — повторил Сергей.

— Зачем ударил?..— тихо спросил Рычало.— Зачем, а?.. Не трогал ведь тебя, никого не трогал. А что пошумел, так ведь без злобы. Все знают. Инвалид я, осколок у меня в брюхе. Немецкий осколок. А ты в него — кулаком. За что же так, а?..

— Еще хочешь?

— Эх ты...— Рычало тяжело вздохнул и опустил голову.

— Пошел прочь, пьяная морда,— брезгливо сказал Сергей и, не оглядываясь, вернулся к Еленке.

— Что? — с тревогой спросила она.

— Так,— усмехнулся Сергей.— Прощения просил.

Она засеменила рядом, сбоку заглядывая в лицо Сергею:

— А ты — смелый.

— Приходилось, знаешь,— нехотя сказал он.

Катер сиротливо стоял в дальнем углу причала. Сергей проверил запоры, чалку, вернулся на пристань:

— Пошли в ресторан.

— В ресторан?..— Еленка никогда не была в ресторане и испугалась.— Что ты, Сережа?

— А что? Выходной — вроде праздника.

— Нет, нет. Совестно как-то. И дорого, поди.

— Да что там дорого, совестно! Мы хозяйева, понятно? Для нас — все: и кино и рестораны. Земля для нас вертится, а ты — совестно!..— Он взял ее за руку.— Пошли.

— Нет.— Она решительно высвободила руку.— Я обед стготовлю. Любишь окрошку? На рынке квас продают.

— Ну, крой.— Он чуть сжал ее руку и улыбнулся, и она в ответ смущенно и радостно заулыбалась.

Еленка вернулась с рынка бегом. Перебралась на катер, открыла дверь рубки хитро загнутой проволокой, спустилась в кубрик. На столе стояли три бутылки жигулевского пива, лежал кулек с конфетами и полкило чайной колбасы. Еленка съела довесок и начала готовить зелень для окрошки: ей очень хотелось, чтобы обед получился не хуже, чем в ресторане.

Вскоре пришел Сергей. Положил на стол две банки консервов, пошупал пиво.

— Пивко-то я не сообразил за борт опустить!

— А консервы зачем? — Еленка неодобрительно покачала головой.— Это же так, баловство, а я мяса купила.

— Мясо — к ужину,— сказал он, вскрывая перочинным ножом консервы.— Профессора кормить будем: путь не близкий.

— Верно, Сережа.— Еленка разложила по тарелкам зелень, нарезала хлеб, колбасу.— Садись.

— Ну, ты прямо шеф-повар!— улыбнулся он.— Доставай стаканы, я сейчас.

— Чего забыл?

— Утопленника!..— весело крикнул он с трапа.

Еленка достала стаканы. Вернулся Сергей, неся мокрую бутылку. К горлышку была привязана бечевка.

— Час в воде полоскал, а все — теплая.

— Напрасно.— Еленка строго поджала губы.— И не к месту, и не ко времени.

— Ее всегда ко времени! — Сергей зубами надорвал пробку, разлил по стаканам.— Давай, матрос. Чтоб плавалось.

— Ой, много...

— Пивком запьешь.— Он открыл пиво, принес стакан, налил.— Ну, залпом, по-флотски.

Водка была теплой, противно перехватывала дыхание, липла к горлу. Еленка вообще не любила ее, пила только в компании, да и то для виду, но Сергей был так настойчив, так заглядывал в глаза, что Еленка совсем закружилась. Она чувствовала удивительную свободу и легкость, охотно смеялась его шуткам, а после обеда даже закурила, держа папиросу в кулаке и шумно выдыхая дым.

— Вот ты, девочка, и осовременилась,— весело сказал Сергей.— А то такой монашкой живешь, что аж злость берет: тихая да серенькая, как мышка.

— У мышки хвостик есть.— Еленка старательно выговаривала слова.— Хвостик да домик. А у меня, Сереженька, ничего: ни хвостов, ни домов.

— Да и я такой же,— вздохнул он.— Отца на фронте убили, мать померла, когда я еще в техникуме учился. Вот и выходит, что мы с тобой как брат с сестрой... Ты откуда в этих краях вынырнула?

— Издалека, Сереженька, издалека,— нараспев сказала Еленка.

Она уже не смеялась, и улыбка, забытая на лице, казалась заученной и потому жалкой. Сергей пересел ближе.

— Ну, ты что? Брось.— Он обнял ее за плечи, прижал к себе.— Слышь, матрос, гляди веселей!..

— Было ведь, все было. Сереженька,— тихо всхлипывая, говорила Еленка.— И дом был, и подружки, и парнишечка. И любовь была, Сереженька... Та, что нам только разик дается. Вот я себя и не пожалела,

когда в армию он уходил. Все ему отдала, а написали, что гуляю, и — поверил. Вернулся, насмеялся надо мной, перед всеми выставил, да и бросил. Бросил, как окурок, бросил!..

Она залилась слезами, уже не сдерживаясь. Сергей, торопясь, целовал ее мокрое лицо. Еленка не отталкивала его, то ли не понимая, то ли по-детски зайдясь в плаче.

— Зачем? — перестав вдруг плакать, тихо сказала она. — Не надо этого, милый, не надо... Слышишь?..

Она бормотала эти привычные женские слова, а руки сами собой уже гладили его плечи.

— Оставь... Оставь, Сережа, милый... Ну, что ты делаешь со мной, что?..

Вася третий час выбирал подвесной лодочный мотор. Ощупывал каждую деталь, осматривал крепления, по буквам сравнивал паспорта. Продавец давно перестал обращать на него внимание, и Вася очень страдал, что не может ни с кем посоветоваться.

— Скажите, товарищ продавец, а можно обменять, если что? — набравшись смелости, спросил он.

— Ну, а что может быть? — лениво спросил продавец. — Завод гарантирует, что тебе еще надо?

Вася вздохнул, еще раз сличил паспорта и вдруг решил, что загадает: если мотор будет хорош, то Лидуха родит ему парнишку, а если, не дай бог, сломается, то девчонку. А загадав, сразу повеселел и протянул продавцу паспорт:

— Этот. Выписывайте.

Расплатившись, Вася взвалил на плечо попку и пошел к пристани. Местный пароходик, курсирующий между Юрьевцем и их затоном, отходил вечером, но Вася надеялся, что подвернется какой-нибудь буксир. Еще издали, оглядывая пристань, он увидел притулившийся в уголке знакомый катер.

— Трофимыч!.. — крикнул он, бережно сняв с плеча «Стрелу». — Иван Трофимыч!..

Никто не отозвался. Дверь рубки была открыта, и Вася, перетащив ящик на палубу, заглянул в кубрик: там было темно, но слышался негромкий храп.

Сгорая от нетерпения похвастаться покупкой, Вася тихо спустился по трапу. Нашупав пол, остановился и деликатно кашлянул, рассчитывая, что спящий проснется.

— Кто?.. — испуганным шепотом спросила Еленка.

— Это я... — растерянно сказал он. — А Трофимыч?

— Нет его, нет, — испуганно бормотала Еленка, торопливо натягивая платье. — Кто тут? Зачем?

— Да это я, Василий... — Он увидел голого по пояс Сергея, разбросанную одежду, бутылки на столе и замолчал.

Еленка перелезла через спящего, прыгнула на пол. Отвернувшись, застегивала платье.

— Заснула я, — жалко бормотала она. — Мы за профессором тут. Жара такая...

— Да. — Вася растерянно топтался у входа. — Жарко, конечно. Домой скоро ли пойдете?

— Нет, не скоро, нет... — Еленка стояла к нему спиной, лихорадочно поправляя волосы. — Ночью пойдём. А то и утром.

— Я на рейсовом тогда, — сказал Вася и полез наверх.

Он вышел на палубу, взвалил на плечо «Стрелу».

— Стерва!.. — громко сказал Вася и плюнул.

Профессор ничем не помог Федору. Осмотрел, посоветовал не отчаиваться. Федор выслушал это молча, а сестру послал длинным матерком и потребовал, чтобы немедля отправляли домой. Доктор с трудом успокоил его.

На «Волгаре» все вроде бы шло заведенным порядком. Только Еленка вдруг перестала ходить на занятия, два вечера проторчала на катере: перестирала Иваново белье, починила рубашки. Иван звал ее к старикам, но она отказалась.

— Зря Еленка курсы бросила, — сказал за ужином Сергей. — Сил на это особых не надо, а бумажку получить всегда полезно. Поговорил бы ты с нею, капитан.

Иван поговорил. Еленка долго и как-то странно смотрела на него, а потом сказала:

— Раз велите — буду ходить.

— Надо, Еленка, — сказал Иван.

Еленка покивала и ушла в свой угол. Она вообще стала какой-то тихой, вялой, покорной. Иван все приглядывался к ней, хотел расспросить, что случилось, да так и не собрался.

С Сергеем капитан виделся только на работе. Даже в свободные от занятий вечера Сергей куда-то уходил, возвращался поздно и сразу заваливался спать. Как-то Иван видел его с Шурой, подумал, что завертела-таки помощника девка, но как раз в тот вечер Сергей вернулся злой, а когда курили перед сном на палубе, сказал:

— Давай, капитан, в те дни заправляться, когда этой заразы на нефтянке не будет.

Завелись у него и друзья: ходил играть в карты к инспектору рыбоохраны, выходные проводил на гензапани. Но занятия не пропускал, по-прежнему тщательно к ним готовился, да и на работе неизменно был улыбчив и безотказен.

Только в субботу он решительно отказался вести на гензапань проволочку.

— В понедельник отвезем, — сказал он диспетчеру. — Закон есть закон: короткая суббота.

— Сходим, Сергей, — не очень уверенно сказал Иван. — Все равно делать нечего.

— Вечерок у меня занят, капитан. — Сергей покосился, помолчал, потом спросил: — К старикам не собираешься?

— Можно.

— Еленку с собой прихвати, — приглушенно сказал Сергей. — Понимаешь, друзья придут, ну и... Словом, помещение нужно.

— Можно, — еще раз согласился Иван: ему не понравились подмигивания Сергея. — Пойдешь куда на катере-то?

— Не сомневайся, капитан: в двенадцать буду на месте.

Идти к старикам Еленка наотрез отказалась, и Ивану пришлось прикрикнуть на нее. Она испуганно глянула, торопливо закивала:

— Иду, иду, не надо...

Было в ней что-то пришибленное. Иван крякнул с досады, но промолчал, а спросил уже по дороге:

— Ты вроде боишься меня?

— Нет, что вы. — Еленка опустила голову.

— Тихая ты что-то больно. Здорова ли?

— Здорова.

— Может, обидел кто? — не унимался Иван.

— Да что вы, Иван Трофимыч! — Еленка остановилась, глядя в сторону. — Говорю вам, что все в порядке, а вы — свое. Так лучше уж вместе не ходить...

— Ну, ладно,— проворчал Иван.— Не такая ты какая-то, вот и спрашиваю.

Больше они не разговаривали. За тяжелым рубленным столом на барже удобно было молчать.

— Ну, чтоб ходилось вам и плавалось.

Раздался стук, и в комнату вошли Лида и Вася.

— Можно, что ли, хозяйева?

— Ну, пойдет теперь музыка! — радостно крикнул хозяин, углядев в руках у Васи бутылку водки.— Теперь разговеемся!..

— Здравствуйте,— сказала Лида и чинно подала старухе кулек с конфетами.

Еленка вдруг вскочила, точно собираясь бежать, но Авдотья Кузьминична мягко потянула ее на место. Еленка затравленно оглянулась, схватила стакан и залпом выпила водку. Закашлявшись, опустилась на стул, пряча запыхавшее лицо.

— Вот это да! — удивленно сказал шкипер.— Только чего вспыхнула-то? Чего застеснялась?

— Задыхнулась она,— сказала старуха.— Полстаканахватила враз. Отдышись да закуси, а то спьянишься. Возьми, Лидуха, стаканы в шкапике, да садитесь к столу, гости дорогие.

— Поспел ты, Василий, к самому почину.— Шкипер налил Васе, опять поднял стакан.— Ну, волгари, за Волгу-матушку!

— Ох, балабон! — вздохнула старуха.— Галах ведь был, голь перекатная, босота волжская, а меня, единственную дочку, так заговорил, так забалабонил, что из отчего дома в угон взял.

— В угон? — удивилась Лида.— Это как же?

— А так: нанял тройку, усадил, да и махнул на удалых сорок верст без передыху. Поп-пьянчужка обвенчал в селе Кудимове, да с тем и стали мы жить: по Волге мотаться из конца в конец.

— Хорошо, мать, жили,— улыбнулся шкипер.— Не было у нас ни кола, ни двора, а морщиночки у тебя все-таки от смеха появились.

— Жили-то хорошо, а доживаем как?

— Ничего, Авдотья Кузьминична: нашего от нас никто не отымет, корня то есть. Добрый у нас с тобой корень: от босоты волжской мы идем, и нет нам ни сносу, ни износу.

— Корень,— вздохнула она и нахмурилась.— Изведут этот корень, и чихнуть не поспеем.

— Это кто же изведет-то? — поинтересовался старик.

— А бабы нынешние, вот эти вот.— И Авдотья Кузьминична сердито ткнула в плечо Еленку.

— Да что вы, Авдотья Кузьминична? — удивилась Еленка.— Да за что же вы меня так?

— А чего не рожает? — строго спросила старуха.— Чего не рожаеть-то, бабонька?

— Ой, ну что вы...— Еленка еще ниже опустила голову, то заплетая, то расплетая бахрому льняной скатерти.

— Кабы ты одна была, то и бог с тобой,— все так же строго продолжала старуха.— А ныне, куда ни глянь, все такие!.. Ездил я прошлой зимой к Зинке, дочке своей. Отдельная квартира, мужик собственный, а детишек — ровнехонько один Андрюшечка. Я глянь-поглянь: у всех так, у всех по одному, а двое — так совсем редко. Ровно мода какая или указ...— Она вздохнула, глянула на Еленку.— Вот и ты, бабонька, так ва ж. А жизнь, знаешь, что такое? Верть-поверть — и смерть. Спихватись — выть будешь, локти кусать, да поздно, прошел твой час...

Еленка вдруг вскочила, крепко уцепившись за край стола.

— Разошлась ты, мать,— сказал старик.

— Все тут, Григорьич, к месту говорено,— вздохнула Авдотья Кузьминична.— Или не к месту, Иван?

Иван промолчал, а шкипер поднял стакан с остатками водки.

— За это и выпьем, Иван Трофимыч. Вот за это самое. Чтоб, значит, и тебе ветер переменился. Не все чтоб в лицо дул, а хоть изредка да в спину подталкивал.

— За это и я выпью! — громко сказала Еленка. Она взяла стакан, шагнула к Ивану.— За вас, Иван Трофимыч.

Выпила, не отрываясь, опрокинула стакан вверх дном и только после этого села на место, слепо тыча вилкой в скользкую сыроежку.

— Будьте здоровы.— Вася чокнулся.

— Спасибо, люди добрые,— тихо сказал Иван.— Дай вам бог, как говорится.

Некоторое время они закусывали молча, не решаясь нарушить вдруг возникшей тишины. Старик недовольно крякнул:

— Сбила ты, мать, со здравия на упокой!

— Так ведь не все же ай-ай-ай, надо и ой-ой-ой,— сказала старуха.— Теперь почаевничаем, да и поговорим.

— Хазбулат удалой, бедна сакля твоя!..— затянула Лида.

Старик подхватил, остальные молчали.

— Не идет,— вздохнул шкипер.— Без тебя, Еленка, ничего не вытянем.

— Не смогу я, Игнат Григорьич,— сказала Еленка, наливая чай.— Не тянет что-то на песни.

— А на танцы тянет? — вдруг громко, зло спросил Вася, в упор уставившись на нее.

Еленка неторопливо передала стакан с чаем, повернулась, глянула в глаза.

— Может, спляшем?

— И то дело, и то! — обрадовался старик.— Тащи, Лидуха, гитару, ежели не рассохлась она от тихой жизни!

Лида подала гитару. Шкипер подстроил ее, рванул струны, и Еленка, выбив дробь, пошла по комнате:

Милый мой по Волге плавал,
Утонул, проклятый дьявол!
Я одна, одна, одна:
Не достать его со дна!..

Она лихо отбила приглашение, но Вася не шевельнулся: сидел, пабычившись, недобро поглядывая.

— Что, Васенька, коленки слабы? — пригнувшись к нему, выдохнула Еленка.

Ноги ее безостановочно дробили пол. Вася отвел глаза, буркнул:

— Напилась?

— А ты видел? Видел?..— почти выкрикнула она.— Ну, так и молчи. Молчи!..

Она вызывающе тряхнула головой и в полный голос неожиданно завела:

— Хазбулат удалой, бедна сакля твоя!..

— Золотою казной я осыплю тебя,— вмиг пристроившись, осторожным басом подхватил шкипер.

Пели долго, пока не ушли Вася с Лидой. А как захлопнулась за ними дверь, Еленка оборвала песню.

— Ну, и нам пора,— сказал Иван, вставая.— Спасибо, хозяйева дорогие!..

Было темно и очень тихо, когда они вышли на палубу. Теплым ком-

ком ткнулся в ноги Дружок и сразу же убежал на край баржи, где ударил топьяк о замшелый борт. Черная вода чуть плескалась в сходни.

— Качается все,— шепнула Еленка, прижавшись к Ивану.— Я держаться за вас буду.

Он осторожно провел ее на берег, но и здесь она не отодвинулась, а все так же, путая шаги, прижималась к боку, и он обнял ее за прохладные, узкие, как у девочки, плечи.

— Не замерзла?

— Ножки не идут,— тихо засмеялась Еленка.— Не идут ножки домой.

Иван молчал, бережно поддерживая ее. Ему было хорошо и покойно, и он готов был идти вот так целую ночь по заваленному бревнами берегу, слушать ее бестолковый, ласковый шепот и молчать. Но прошли они всего несколько шагов, как Еленка остановилась, и он совсем близко увидел ее лицо: глаза казались огромными.

— Пойдем к деревне,— торопливым, очень деловым шепотом сказала она.

— Зачем?

— Пойдем, пойдем. Там тихо. Там нет никого, там...

— Да ты... Пьяная ты! — Иван резко вырвал руку.— Ты что говоришь-то? Я же в отцы тебе...

— В отцы?.. Что ж вы раньше об этом...

— Пьяная ты! — оборвал он.— Не смей на катер идти, не смей позориться. Запрещаю! Поди вон к Полине да prospись. Не звери мы, понятно тебе? Не звери!..

Рванулся, оттолкнув Еленку, тяжело зашагал по берегу, быстро перекидывая палку.

Ночью он вдруг проснулся от непонятной тревоги. Встал, включил свет: соседний диванчик был пуст.

— А Еленка где же? — спросил, зевнув, Сергей: он проснулся от света.— У стариков ночует, что ли?

— Жена ведь она мне,— вдруг точно самому себе сказал Иван.— Жена, а я — обидел. Зачем, а?.. Это же все равно что ребенка ударить, это же невозможно. Сердце у нее простое, открытое, а я — сапогом по нему, сапогом!.. Где же искать-то ее теперь, в реке?

— Искать завтра будем,— сказал Сергей.— Ложись спать, капитан, и ни о чем не думай...

Утром первым прыгнул на берег, закричал весело:

— Есть пропaja, капитан! Нашлась!..

Иван выскочил из рубки. Увидел Еленку, полез закуривать, смахнув со лба выступивший вдруг пот. Еленка незряче глянула, прошла мимо.

— Сходи за нарядом, Сергей,— устало сказал Иван.

Спустился в кубрик. Еленка сидела в углу сгорбившись, сунув ладони между колен. Глядела в пол, и Иван, как ни старался, не мог поймать ее взгляда. Потоптался, буркнул:

— Ладно, завтрак готовь. Сейчас за баржой пойдем.

Она встала, подошла к печке, присела да так и застыла.

— Мы, понимаешь, ночь с Сергеем не спали...

— С Сергеем?

— За тебя беспокоились! — Он обрадовался, что она заговорила.

— Зачем?

Она говорила устало, равнодушно, словно не с ним, а с кем-то посторонним. Он больно почувствовал это, замолчал. Еленка медленно — щепочку за щепочкой — клала растопку.

— Ты, это... не сердись,— тихо сказал он.— Нельзя так, понимаешь, не звери же.

Она подождала растопку, поднялась, отряхивая руки:

— Не пойму: прощения просите, что ли?

— Ты где ночевала? — нахмурившись, спросил он.

— А вам что за дело, Иван Трофимыч? — Она впервые посмотрела на него, и он увидел ее пустые глаза.

— Я тебе... муж,— с трудом сказал он.

— Муж? — Она усмехнулась.— Муж женой не побрезгуёт, вот так-то. А теперь спрашиваете, где ночевала. Так нашлись хорошие люди.

В печке с шумом прогорала подтопка. Они оба забыли про нее, они видели только друг друга.

— Зачем ты врешь? Зачем придумываешь, опомнись.

— Придумываю? — Еленка улыбнулась.— Нет, не придумываю.

— Замолчи! — крикнул он, что есть силы треснув палкой о стол.

Отскочивший конец со свистом пронесся мимо Еленки. Она еще выше вздернула голову, шагнула к Ивану уже не помня себя:

— Жалела я вас, убогого! Жалела, понятно? Вы же всех обидеть боитесь, всего боитесь, а туда же: муж! Жалкенький вы, блаженненький, только что на коленях не стоите.

Она кричала что-то еще, но Иван уже ничего не слышал. Кровь отхлынула вдруг от сердца, туго ударила в голову, розовые круги поплыли перед глазами.

— Готово, капитан! — крикнул с палубы Сергей.— Отваливай!

— Веди сам,— тихо сказал Иван, из последних сил держась на ногах.— Я покурю. Покурю только...

Курил он долго. Сергей несколько раз заговаривал с ним, но Иван отвечал односложно, и помощник оставил расспросы. Зачалил катер, спустился в кубрик.

— Что с Иваном?

— Что? — спросила Еленка.

— С Иваном что, спрашиваю?

— А-а. Не знаю.

Сергей посмотрел на нее, пошел к трапу.

— А со мной что? — вдруг спросила она.— Не спрашиваешь? Неинтересно?

— Интересно,— сказал он и полез на палубу.

Иван сидел сгорбившись, опустив плечи. Сергей окликнул его, а тут послали тянуть воз, и Сергей пошел чалиться и до обеда совсем позабыл про капитана. Вспомнил, когда Еленка крикнула снизу:

— Обедать!..

— Обедать?..— переспросил Иван.— Да, да. Иду.

Он спустился в кубрик, сел на свое место. Еленка поставила перед ним миску, но он отодвинул ее и спросил чаю. Выпил две кружки, впервые поднял на Сергея глаза:

— Я полежу, а? Справишься один?

— Конечно! — Сергей метнулся к дивану, раскинул постель.— Что за вопрос, капитан. Отдыхай.

Он лег, отвернулся к стене и так, не шевелясь, лежал, пока не кончился рабочий день. Слышал, как Сергей чалился, как шепотом уговаривал Еленку идти на занятия, как звенели под их ногами ступени трапа, как наконец затихло все: он остался один. Тогда он вылез на палубу и послал за водкой парнишку, что рыбачил с затопленной баржи.

Парнишка смотался мигом. Иван спустился вниз, сел к столу, налил полный стакан и заплакал.

Наутро он с трудом поднялся с постели. Сергей глянул на его серое лицо, свистнул:

— Лежать, капитан. Лежать пластом. Сам справлюсь.

Несколько дней он отлеживался, ничего не ел. Еленка бегала за молоком, Сергей раздобыл где-то меду. Отпаивали его, уговаривали, Сергей гнал к врачу — Иван только тряс головой.

А потом прошло. И ночью Иван сам выбросил за борт поломанный костыль.

Утром в диспетчерской Ивану сказали, что его срочно просили зайти к юрисконсульту. Зачем, почему — никто не знал.

— Видно, насчет ссуды подождет, пока тот сядет. — предположил Иван. — Директор при мне обещал разобраться.

— Хорошо, если не насчет сена, — тихо сказал Сергей.

Старшего юрисконсульта Ефима Лазаревича Иван знал с войны: кругленький, седенький, чрезвычайно живой юрист и тогда был точно таким же, как и сейчас.

— Здравствуйте, Иван Трофимович. — Он обеими руками пожал жесткую руку Ивана, подождал, пока тот сядет. — Оторвал от работы — извините великодушно. Служба, знаете!..

Он деловито полез в стол. Порывшись, выудил тоненькую папку, раскрыл ее и, нацепив очки, долго читал какие-то бумажки. Иван сидел не шевелясь: в крохотном кабинетике стояла строгая тишина.

Ефим Лазаревич закрыл папку, снял очки, задумчиво потер переносицу.

— Как дела у вас, Иван Трофимович? Как «Волгарь» бегаёт? Вы курите. Курите, бога ради, не стесняйтесь.

Иван закурил, коротко рассказал новости, упирая больше на то, что положение Федора безнадежно и что в семье — семь ртов. Юрист вздыхал, поддакивал, качал круглой, поросшей седым пушком головой.

— Да, Иван Трофимович, да. Большое несчастье, очень большое. А как все это случилось? Знаете, с подробностями, если припомните. Очень важно — с подробностями.

— С подробностями?.. — Иван не помнил никаких подробностей, а то, что помнил, считал незначительным. Передал коротко, как рвануло запань, как удалось ему аккуратно сдать воз: благо случилось все на развороте и плот сам пошел в Старую Мельницу. — ...Ну, а Федора — как подрезало...

— Да, — сказал юрист. — Жаль, что подробностей не помните... Значит, у борта стоял Никифоров?

— У самого борта, — подтвердил Иван. — За плотом следил, знаки мне подавал: мне из рубки назад плохо глядеть, не видно.

— А по инструкции где должен стоять?

— По какой инструкции?

— Ну, есть же инструкция по технике безопасности?

— А-а... — Иван силился вспомнить, что сказано в инструкции на этот счет. — Ничего там не сказано.

— Правильно, — почему-то с удовлетворением сказал юрист. — Но, может быть, есть какие-нибудь добавления, приказы?

— Ничего такого нет, — сказал Иван. — А в чем дело, Ефим Лазаревич?

— Дело?.. — вздохнул юрист. — Дело, дорогой мой, в том, что Никифоров подал иск на возмещение убытков, которые он потерял.

— Подал все-таки? — Иван растерянно улыбнулся. — А ведь не хотел...

Он замолчал. Ефим Лазаревич опять нацепил очки, раскрыл папку, долго перебирал бумаги. Потом снял очки, потер переносицу и откинулся от стола.

— Иск этот может иметь ход в случае, если вы, лично вы, Иван Трофимович, нарушили соответствующие правила эксплуатации. Поскольку в правилах ничего не сказано, как поступать при прорыве запяни, то остается последнее.— Он шелкнул пальцами и опять потер переносицу.— Никифоров, выполняя ваш приказ, находился в опасном, особо оговоренном в инструкции месте. Был такой приказ?

Иван пожал плечами: слово «приказ» как-то не вязалось с теми отношениями, которые были на катере. Каждый делал свое дело, знал его, не отлынивал, и надобности в приказах никакой не было. Он сказал об этом Ефиму Лазаревичу.

— Ну, не приказ, Иван Трофимович, не приказ: распоряжение, указание, совет. Устно, разумеется, устно. Вы не сказали, например, Никифорову: «Стой здесь», когда пошел лес?

— Нет...— неуверенно сказал Иван.— Он сам знал, где стоять. Ведь мне-то из рубки плохо глядеть.

— Ну, а идея, сама идея плотом перегородить реку кому принадлежит? Кто первый сказал, что надо сдать плот? Вы или Никифоров?

Иван долго молчал, раздумывая. Идея принадлежала ему, но он боялся, что если скажет об этом, то Федору срежут пенсию или не выплатят ссуду. С другой стороны, дело касалось суда, а к этому органу Иван относился с огромным уважением. Поэтому он сказал дипломатично:

— Все так решили, Ефим Лазаревич.

— Все решили? Значит, и ответственность — пополам?

— Ответственность?..— Иван насторожился.— Нет, Ефим Лазаревич, вся ответственность — на мне. Я — капитан, я — в ответе.

Юрист улыбнулся:

— Хороший вы человек, Иван Трофимович. Очень хороший, но не думайте вы о других сейчас, бога ради! Вы думайте, как из неприятности выскочить.

— Неприятности?

— Суд — всегда неприятность. По иску Никифорова ответчиком не может быть признано предприятие, поскольку оно не отдавало приказ спасать лес. Дело происходило на катере — объекте, так сказать, экстерриториальном, где вся полнота власти принадлежит капитану. То есть вам, уважаемый Иван Трофимович. И вам следует не его выгораживать, а подумать о себе самом.

— Так ведь если виноват, что же думать? — тихо сказал Иван.— Виноват — отвечать буду. Как положено.

— Отвечать...— вздохнул юрист.— За исход суда я не беспокоюсь, но тень он бросит. И не только на вас — на весь коллектив. Мы держим переходящее знамя, рассчитываем на крупные льготы, а тут — это дело. Представляете?.. В каких вы отношениях с Никифоровым?

— Друзьями были.

— Уговорите его забрать иск назад. Дела он все равно не выиграет, только попортит кровь и себе, и вам, и нам.

— С сильным, значит, не судись? — тихо спросил Иван.

— В данном случае — безнадежно. От предприятия мы иск отведем, ну, а с вас что он получит? В лучшем случае — двадцатку в месяц...

Иван вышел от Ефима Лазаревича в полном смятении. Вначале он почти согласился с ним, что было бы лучше, если бы Федор забрал иск обратно, но упоминание о двадцатке сильно поколебало его. Двадцать рублей были для Федора суммой, и Иван готов был пройти через любой

суд, только бы Федор ежемесячно мог получать с него эти деньги. Так было бы справедливо, если бы иск не коснулся при этом и других людей. Хотел этого Федор или нет, но своим иском он лишал их приработка, и Иван, понимая это, никак не мог прийти к какому-либо решению. Потоптавшись, он решительно свернул в отдел кадров.

У начальника шла летучка. Иван терпеливо дождался конца, ни до чего не додумался, но довольно ловко пересказал все Николаю Николаевичу.

— Так,— сказал начальник.— А в ведомости у тебя Прасковья дважды в месяц расписываться не забывает?

— Не забывает,— подтвердил Иван.

— А о том, что Никифорову пенсию оформили, знаешь?

— Маленькая она...

— А единовременное пособие считал? А премиальные, что ты им отдал, учел? А то, что местком пятьдесят процентов ссуды на себя берет, слышал? Ну-ка, возьми счета да подсчитай, что выходит. А выходит,— Николай Николаевич смотрел колюче, непримиримо,— выходит, что твой бывший помощник — хапуга и прохвост.

— Несчастный он, Николай Николаич. Калека.

— Раз калека, значит, делай, что душа желает? Вали на капитана, дои государство, как бесхозную корову, марай предприятие? Так?

Иван понуро молчал. Николай Николаевич вылез из-за стола, потирая бок, прошел к графину, запил порошок.

— Живот третий день горит, спасу нет,— сказал он, заметив внимательный взгляд Ивана.— И так двадцать лет одну кашку ем, а порой совсем неумоготу. Угостил меня фриц знатно: всю жизнь помню. Ты кури, чего жмешься. Окно открыто, выдует все.

Иван закурил, ладонью старательно разгоняя дым. Николай Николаевич вернулся на место, спросил вдруг:

— А этот... Прасолов как?

— Хороший работник,— твердо сказал Иван.

— Ну-ну,— не без недоверия проворчал начальник.— Мой тебе совет: иди к Федору и поговори начистоту. Пусть поймет, что потеряет, если будет настаивать. От моего имени сказать можешь твердо: Прасковью уволю, к чертовой матери. И местком не поможет. Ты слово мое знаешь, Трофимыч.

— Знаю,— вздохнул Иван.— Ой, неладно получается!..

(Окончание следует)

АННА КАЛАНДАДЗЕ

★

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

С грузинского

* * *

Какая птица вьет гнездо — ответь —
В терновнике? Какая это птица?
А после — без оглядки улететь
За тридевять земель она стремится...

И кажется нестоящим жильё,
Оставленное хищникам и гадам,
Нестоящим — и прошлое ее,
Той птицы, что когда-то пела рядом...

Качается гнездо... И, словно кот,
К нему крадется сумрак темнолицый...
Какая птица в терне гнезда вьет,
Чтоб бросить их потом? Какая птица?..

* * *

Ах, пшавская красавица
С тулухи за спиной!
Арагви с гор бросается
Пылающей волной,
Несется что есть духу
Вдогонку за тобой,
Кричит тебе: — Дедуха! —
С отчаянной мольбой.—
— Не торопись, послушай,
Утихомирь меня,
Не распалляй мне душу,
Не раздувай огня...
В кувшин твой струйкой синей
Нагорный ключ проник...
Ну чем меня красивей
И слаще тот родник?..

* * *

Как своенравна Арагви!
 Вот она в лес потянулась...
 Не оглянувшись на скалы,
 Видишь, опушки коснулась...
 Близ Чанишо у подножья
 Чуть задержалась для вида...
 Скалы ее понимают —
 Не затаили обиды...

* * *

В пропасти эти кто, кроме ветра,
 Может проникнуть?..
 Снег лепестковый, падая сверху,
 К камню приникнет...
 Только цветочный сверху слетает
 Снег невесомый,
 Мшистые глыбы окутав, смягчает
 Мрак невеселый...

Кто-то звезду в высоте зажигает,
 И до рассвета
 Свечка горит, и стекает, и тает
 Каплями где-то...
 Разве иначе вынести камни
 Бездну могли бы?..
 Звездочке этой, тающим каплям
 Светлым — спасибо...

* * *

Ты готовишься к снегу, готовишься к снегу, земля:
 Звезд лучи ты сковала, цветы иссушила,
 Ты дождям предала оголенные рощи, поля,
 Как покинутый храм, ты их звука и цвета лишила.
 Занялась выселением птиц, потеряла им счет,
 Всем упавшим листьям уготовила место покоя.
 Белый всадник на белом коне
 Скачет, холод несет,
 Он к твоей красоте ледяной потянулся рукою...
 Ты готовишься к снегу, готовишься к снегу, земля!

* * *

Вы в сердце скал заглядывать могли?
 Там, как свеча, мерцает сокровенность,
 Там сплелись покой и мощь земли,
 В одно слились бессмертье и мгновенность:
 Там залегла великая душа
 В спокойствии, достойном серафима...
 Но стоит небо тронуть им — круша,

Вмиг в прах повергнут все — неотвратимо.
 Вы не пытались заглянуть во тьму?
 Сюда навек какая тайна канет?..
 Здесь тяжело дышит неподвижный камень,
 Ран не показывая никому.

* * *

Перепела перекликаются,
 Неистовые, испуганные..
 Долины — во хмелю. Спускаются
 К ним пчелы, без ума влюбленные..
 И бабочки, вестей разносчицы,
 За ветром следуют, покорные,
 Пока светилу не захочется
 Тень бросить на отроги горные
 И глянуть: не темно? Не густо ли?..
 А бабочки цветными тучами
 Так будут все лететь без устали
 И солнце прославлять могучее..
 А сумерки — не надвигаются..
 Перепела перекликаются...

* * *

Что станет с коротким этим летом?..
 Всему на свете наступает срок.
 Осыплется окрестность между веток,
 Совсем как между пальцами песок.
 Томиться ль у закрытых райских врат?..
 И у тебя начнется листопад,—
 И на кусте, ограбленном, раздетом,
 Уж ни один не всхлипнет соловей..
 Цветов царица, много ли ты света
 И радости видала от царей?..
 Что станет с коротким этим летом?..

Перевела Елена Николаевская.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

★

ПЕРЕШЕЕК

В предутренней мгле, как мираж,
Клубилась овечья отара,
А мы проезжали Сиваш
И темные воды Чонгара.

И словно забытый мотив,
Ко мне, как во сне, вперевивку —
Сугробы,
Петровское,
тиф,
Из Крыма — отец на побывку.

Он молод,
Он наш и не наш,
И с ним из неведомой дали
Два слова —
Чонгар и Сиваш —
Возникли и в душу запали...

Травой порастает трава.
С отцами прощаются дети.
Но эти седые слова
Звучат, как приказ на рассвете.

И. ИСАКОВ

★

КАСПИЙ, 1920 ГОД*

Из дневника командира «Деятельного»

26 апреля (Петровск).

Утром на «Карле Либкнехте» сигнал: «Миноносцам. Иметь четырехчасовую готовность».

После полудня: «Иметь двухчасовую готовность».

Такая быстрая смена сигналов взбудораживала всех. С внешне равнодушным видом пробирались капитаны в штаб, чтобы узнать — когда, куда? Однако колдуны или конспирируют, или сами ничего не знают.

На корабле и, очевидно, на всем дивизионе настроение боевое, я бы сказал — драчливое.

Механик в окружении машинистов и кочегаров сидит на котельном кожухе, и вся компания хитро улыбается. Нетрудно понять, в чем дело. Ясно, что главные машины прогреты и все механизмы опробованы.

Хотя преждевременное приготовление машин без приказа — такое же нарушение дисциплины, как если бы опоздали с готовностью, мне приходится делать вид, что не догадываюсь.

Иначе пришлось бы драить. Между тем это их начало в реализации лозунга «Даешь Баку!», и не время придирааться, хотя такое нетерпение, возможно, обойдется в несколько тонн угля. Все зависит от того, сколько придется стоять до выхода в операцию.

Нежданная встреча!

На стенке по дороге в штаб встречаю Озаровского. Он в новом качестве — командир канлодки «Макаров 4-й»¹. Стоит здесь. Пришел в наше отсутствие.

Оказывается, как только 12-футовый рейд остался в тылу, а после занятия Петровска и Красноводска вряд ли можно было ожидать нападения вражеских кораблей на рейды Астрахани, он добился назначения командиром на канлодку, уходящую для участия в операции против Баку.

Как это похоже на «Летучего голландца» (прозвище Н. Ю. Озаровского еще с гардемаринских лет) — променять должность флагмана на должность командира... буксира! Хоть этот буксир с гордостью и опасностью для жизни носит две 100-мм пушки и несколько пулеметов, он все же не смог полностью преобразиться в канонерскую лодку. До-

---

* Продолжение. Начало см. «Новый мир» № 7 с. г.

¹ Почему «4-й»? Мне объяснили, что это старое волжское название буксиров одного судовладельца, Макарова, который присваивал своим судам порядковые номера.

казательством того, насколько две «сотки» ему не по плечу, является тот факт, что, несмотря на все старания корабелов и механика правильно разместить балласт, «Макаров» упорно валился то на один, то на другой борт. Так и ходит с креном.

Забавно и тревожно было смотреть на корабль, у которого ствол носовой пушки высывался за форштевень и задевал за гюйсшток.

После печальной гибели «Каспия» я не хотел бы поменяться командирскими мостиками с Озаровским.

А он, как всегда жизнерадостный и веселый, был зачислен в капитанский клуб, где и рассказал подробности того, как ему на голову свалилось ведро с краской при взрыве на mine «Прилива». Хохотали до слез...

В штабе, вернее в кают-компании «Карла Либкнехта», зарывшись с головой в карты и таблицы, которые сутки сидит начштаб В. А. Кукель с главартом Б. П. Гавриловым, прикидывая тысяча первый вариант, что и где могут сделать наши корабли для непосредственной помощи (поддержки огнем) флангу XI армии. Не секрет, при взгляде на армейские карты, что в случае наступления наши главные силы будут продвигаться вдоль берега. Это определяется наличием дорог и местоположением главного объекта операции — Бакинского укрепленного района.

Очевидно, они же выбирают и места возможной высадки десантов Кожанова в тыл позиции противника и для удержания мостов и путепроводов.

27 апреля (Петровск-порт).

Сегодня через штаб впервые узнали (хотя ждали этого известия), что польское правительство, возглавляемое «комендантом государства» Пилсудским, начало большую войну против Советской России, даже не утруждая себя особенными дипломатическими формальностями.

Сошлись на стенке. Возможно, последнее сборище клуба командиров.

После разноцветного и густого мата по адресу шляхтичей, в котором не принимал участия только целомудренный и скромный Володя Калачев, было отмечено:

Общая печаль и досада. Еще одна тягота для молодой федерации. Срываюся многие мирные начинания. Опять и еще — кровь и слезы.

Несомненно, что факт начала войны, время и направления удара определяет не Пилсудский, а французские или другие генералы недоброй памяти Антанты.

Также несомненно, что этот план как-то должен быть согласован с Черным бароном. Удастся ли им согласованный удар или нет — покажет время.

Вспомнили классическое положение из учебников (генерала Леера): комендант и барон занимают охватывающее положение, а РККА может действовать по внутренним коммуникациям. Это наше преимущество. У них — коалиция, за которой еще более сложная и пестрая коалиция (Англии, Америки, Франции и иже с ними). Но у Леера не сказано, что за нашей армией стоит стодевяностомиллионный народ. Вот в чем наша главная сила.

Вывод для нас, каспийцев? Бить крепче и скорее, чтобы покончить здесь вовсе и высвободить силы на Черное и Азовское моря.

Аминь.

Разошлись довольные собой, но озабоченные общей обстановкой.

На «Деятельный» прибыл смущенный С. А. Чириков, его флажок еще один чин штаба.

Приказано разместить — на «К. Либкнехте» уже лежат «в три слоя». Начальник дивизиона, пересаженный к нам комфлотом, смущен своей ролью и старается занимать меньше места и даже меньше говорить.

На «Расторопном» и «Дельном» такая же картина.

Уступил каюту. Все равно с мостика сходить не придется. К тому же теплая весна. Но самый факт, что все штабные товарищи лезут на головные корабли, хотя могли бы сидеть в Петровске или на канлодках, показывает, что они убеждены в легкой победе.

28 апреля — 1 мая.

Бакинская операция

Напряженность достигла предела, когда наконец под вечер на «Либкнехте» был поднят сигнал «буки», то есть начать движение! (Дать ход!)

Мы ожидали, что перед выходом будет сбор командиров для уточнения обстановки и задач. Сбор состоялся, но как раз без капитанов нашего дивизиона. В салоне одного из больших транспортов инструктировали артиллеристов канлодок (Гаврилов) и командиров десантных отрядов (Кукель, Кожанов).

Комфлот отсутствовал. Вероятно, в штабе фронта. Хотя, по слухам, Реввоенсовет XI армии с опергруппой штаба уже более суток находится далеко впереди.

Буквально за десять минут до «буки» начдив Чириков на стенке у сходни «Деятельного» и, как принято говорить, на ходу информировал командиров и комиссаров миноносцев о том, что, по сведениям армии, в Баку началось восстание! И что получено открытое радио Бакинского ревкома в адрес Предсовнаркома РСФСР товарища Ленина с просьбой об оказании помощи и предложением братского союза.

Сигнал о начале операции был поднят еще засветло, как только за комфлотом, примчавшимся на армейском автомобиле, убрали сходню.

Выходили миноносцы «по способности» — из-за тесноты в гавани от множества кораблей. Но выходили сноровисто и, держась под машинами, за сторожевиком, стоящим в качестве брандвахты у конца фарватера, ожидали «Либкнехта», чтобы занять места в походном порядке.

Флагман, проходя мимо нас, опять имел на рее «буки», но теперь уже с позывными канлодок и транспортов.

Выходя в голову колонны, комфлот дал семафор по линии дивизиона: «Армия начала наступление. План операции остается в силе».

Никакого писаного плана или приказа на операцию мы не имели. Очевидно, речь шла о задачах, оглашенных на последнем совещании командиров в кают-компания «Карла Либкнехта».

Начдив, стоявший на крыле мостика, подтвердил мои соображения, но я замучил старика своими вопросами: «Почему не вышли раньше?..», «Не опоздаем? Не поспеем ли к шапочному разбору?», «Если план остается в силе — значит, дивизион идет не прямо в Баку (до которого двести пятьдесят миль и, следовательно, не менее пятнадцати часов хода)¹ и мы только собираемся занять место в завесе, на норд-ост от оконечности Апшеронского полуострова, чтобы прикрыть с моря продвижение армии и поддерживающие ее канлодки?..»

¹ Несмотря на то, что отдельные корабли дивизиона могли развивать до 20 с лишним узлов, максимальный эскадренный ход был не более 16 миль в час, равняясь г слабому ходу (кажется, «Дельному»).

Начальство только поддакивало, кивая головой, очевидно не желая ввязываться в дискуссию на мостике, густо заселенном своими и гостями.

Хотя мы начали выход еще засветло, но, оглядевшись за корму, на задний створ, увидели, что симпатичный старикан смотритель зажег оба огня большого маяка¹. Он как бы посылая световой привет миноносцам, уходящим в операцию. Что касается остальных кораблей, которые будут вытягиваться из гавани не менее одного-двух часов, то им маяк будет уже необходим — наступит темнота.

После длительной паузы, когда Чириков убедился, что все миноносцы заняли свои места, он заговорил шепотом, чтобы не слышали соседи по мостику. Оказывается, в последнюю минуту комфлот сообщил ему относительно предположения произвести высадку непосредственно в Бакинской бухте, если прорыв армии с севера будет задерживаться. Для этого выделено два самых больших транспорта, на которых размещены лучшие батальоны кожановского отряда. Самые боевые и вооруженные богаче других.

Места высадки начдив указать не мог, честно признавшись, что сам не знает. Да и комфлот сказал, что место и время десанта — «по обстановке».

Мне не надо было смотреть на карту: вспомнилось, как мальчишкой тормозил мать при поездках с ней из Тифлиса к отцу (служившему на нефтепромыслах в районе селения Романы), чтобы не проспать станцию Аляты, после которой уже не отходил от окна вагона, любясь открывшимся морским простором. В этом районе море подходит вплотную или отступает немного дальше, но всегда остается в видимости с железной дороги, а следовательно, и дорога просматривается с кораблей. Так обстоит дело на протяжении около пятидесяти верст. И это единственный путь из Баку в глубь страны, то есть для отступления в сторону Грузии.

Это было бы замечательно, если удалось бы перерезать линии отступления и эвакуации мусаватистов! Но у меня большие сомнения... Поспеем ли?

Погода благоприятствует. Слабый, неустойчивый ветер с редкими дождевыми шквалами, после которых отличная видимость. Волнение не более двух-трех баллов. Четверть луны. Заметно теплеет с продвижением на юг.

Отсутствие планов и приказов, соответствовавших последним изменениям обстановки, сказалось больше всего на миноносце «Деятельный», который комфлот превратил на эту ночь в посыльное судно. Наша джигитовка в темноте говорила о двух фактах: что события опережают планы и расчеты штаба и что комфлот, никогда не командовавший даже катером, не представляет, насколько это не просто — подходить кораблям друг к другу на ходу, ночью, без предварительной тренировки.

При комфлоте, несмотря на полнокровный штаб, помимо него, состояли колоритные фигуры на должностях «комиссара для особых поручений» и «комиссара по особо важным делам». В текущую кампанию это товарищи Авдонкин и Калинин, но кто из них «особо важный», я всегда путаю. Так вот, через два или три часа после выхода из Петровска последовал семафор: «Деятельному». Подойти к борту, принять комиссара Калинина, доставить пакетом головной транспорт десантом. Комфлот».

¹ Верхний огонь — белый и нижний — красный.

С этого момента все прочее улетучилось из головы. Меня охватило сильное беспокойство: никогда еще мне не приходилось выполнять подобного маневра. Но по тому, что командующий не уменьшил своего хода (14 узлов), мне стало ясно, что он сам не понимает, чего требует от подчиненного. Дальше я решил командовать сам и, передав ратьером назад: «Выхожу из строя», начал маневр.

Единственно, что благоприятствовало — слабый ветер, и волнение, и четверть луны, часто закрывавшейся небольшими облаками.

Приблизившись с подветра к правому борту «Карла Либкнехта», я громко крикнул в мегафон тоном нарочито твердым и безапелляционным (хотя у самого, что называется, поджилки тряслись), сознательно игнорируя присутствие начальства на мостике флагмана:

— Андрей Андреевич! Если хочешь, чтобы у тебя уцелели стойки и шлюпбалки, прошу уменьшить ход до малого, точно следить за оборотами машин и держать строго по прямой, чтобы не каталась корма.

Как и ожидал, в ответ послышалось только звонкое «есть!», переданное в мегафон Синециным. Начальство благоразумно не вмешивалось.

Без подачи концов, на двойном комплекте кранцев, «Деятельный» осторожно прижался своей левой скулой к борту «Карла Либкнехта» (чуть позади его мидельшпангоута), оставаясь к нему под углом 5—10 градусов. Скорость хода при этом регулировалась уже не телеграфом, а звонками.

Как только Калинин перешел к нам на борт, остановкой левой машины, с рулем, одновременно положенным вправо градусов на 10, удалось отстать от корабля, к которому подходил, не прочертив своей скулой или штевнем вдоль его борта.

Маневр удалось сделать чисто только потому — не считая льготных условий погоды, — что не дал миноносцам прижаться бортами. [А что это опасно, крепко запомнил еще с 1915 года, когда, плавая гардемарином на Дальнем Востоке, видел, как «прилип» миноносец (типа «Точного») к борту вспомогательного крейсера «Орел» и не мог отделиться до полной остановки машин обеих кораблей. Но к тому времени из-за попыток сманеврировать на ходу все ванты, штаги и шлюпбалки были срезаны, потянув за собой стеньги и реи (конечно, больше пострадал миноносец). Сконфуженное начальство не снизошло до того, чтобы разъяснить будущим флотоводцам, в чем суть происшедшего. Но мы сами горячо и критически разобрали по косточкам маневр обоих капитанов и после длительных споров решили: главное заключается в том, что внутренние винты, работая у обеих кораблей на передний ход, выгоняют воду из туннеля, образующегося между сближающимися бортами, что создает эффект присасывания, который и остается в силе до тех пор, пока взаимное положение корпусов кораблей и режим обтекания их водою остается без изменения. Пригодилось через пять лет!]

Самое глупое заключалось в том, что, выйдя из ордера миноносцев, мы не знали, где же искать Кожанова, к которому с пакетом направлялся мрачный и неразговорчивый Калинин.

Общими усилиями Чирикова, Снежинского и самого «для особо важных поручений» решили искать к северу от намеченной линии завесы миноносцев, сделав за транспорт его прокладку от Петровска и учитывая ход не более восьми-девяти узлов.

Нашли. И что странно — сразу и именно того, кого искали. При этом, хотя никто не делал никаких опознавательных сигналов, дело обошлось без салюта боевыми патронами.

Транспорт «Курск» оказался очень высокобортным, так что «Деятельный» стал вдруг казаться очень маленьким. Отмечено это бы

в оскорбительной и смачной реплике одного из десантников-кожановцев, который крикнул сверху:

— На миноносце! Подойди поближе, я тебе в трубу плюну!

Остряку заткнули глотку, но когда подошли к борту, оказалось, что действительно плюнуть можно если не с палубы, то со спардека.

На этот раз подходили с комфортом. Поднявшийся по штурмтрапу штурман Буш привел транспорт в крутой бейдевинд и, добившись от капитана самого малого хода, в дальнейшем следил за неизменностью положения судна относительно ветра. Это позволило «Деятельному» подойти с подветра борт о борт, подать один носовой швартов, остановить машины миноносца и заставить буксировать себя лагом со скоростью около трех узлов. Слово «комфорт» употреблено неспроста — с транспорта был приспущен обычный бортовой трап, и Калинин взошел на палубу как почетный гость.

Воспользовавшись удобным случаем, поднялся Чириков, а за ним и я, передав командование Снежинскому. Интересно было увидеть Ивана Кузьмича Кожанова. Но в роскошном салоне бывшего большого парохода мы увидели Ларису Рейснер.

Холод в глазах и голосе ясно показывал, что мне не простили отказа взять на поход в Петровск. Как-то странной и неожиданной показалась эта демонстрация. Пришлось уйти. Но, перебираясь к себе, успел подумать, что ведь и на этот поход начагитпроп не попал ни на один из миноносцев. Значит, комфлот не счел возможным ни взять на «Либкнехта», ни навязать другому командиру... Значит, я был по-своему прав.

Ну, довольно об этом думать! Есть проблемы поважнее. К тому же если у меня оставался какой-то неприятный осадок после разговора в Астрахани, то сейчас от него не осталось и следа.

Через полчаса появился Калинин, и мы, как на катере, «отвалили» от борта транспорта.

Я был рад практике (тем более удачной), но, конечно, понимал, что роскошь такого сообщения между кораблями при наличии активного противника никто себе позволить не сможет. Даже для особо важных поручений.

29 апреля (в море).

Сознательно замешкался с тем, чтобы подойти на видимость дивизиона с рассветом.

Хотел занять свое место в порядке, но Калинин настоял, чтобы я передал его на «Карла Либкнехта», так как он должен сделать совершенно секретный доклад лично комфлоту, чего ни семафор, ни радио выдержать не могут.

Полностью повторил ночной маневр. На этот раз было светло. Не было уже ни лишних разговоров, ни волнений.

Больше того. Не знаю, надоумил ли кто или командующий сам решил, но после отхода «Деятельного» на фалах «Либкнехта» был поднят сигнал не то «удовольствия», не то благодарности флагмана «за отличный маневр». Очевидно, в назидание другим: ведь когда подходили вплотную, то же самое можно было передать голосом.

Интервал между кораблями увеличен до пяти миль (на широте Апшеронского маяка), я прилег на мостике и заснул мертвым сном. Потом чередовался со Снежинским за обедом и ужином.

Старик очень просил его включить в третью смену, но мы ему деликатно отказали и уговорили спать в моей каюте, пообещав докладывать обо всем.

Удивительно, до чего пустынно море. Никого!

Понятно, что белые днем даже с торпедными катерами не рискуют сунуться. Также понятно, что нет пассажирского или грузового движения. Война. Причем именно здесь война, в центральной части моря,— в данный момент все линии сходятся на Баку.

Но почему нет рыбаков? Нет катеров или баркасов, на которых спокон веков здесь осуществляется малый каботаж, включая и контрабанду?

Похоже, что все попрятались и притаились, ожидая исхода боев за Баку. Очень похоже, но тогда как же с секретностью операции, если все побережье знает? Впрочем, если восстание началось с 27 на 28 апреля, то, конечно, уже все знают.

Для меня срыв первой попытки в Астрахани ввести разводку на работы не прошел даром.

Хороший урок. Подумал... и придумал, как сманеврировать для пользы дела и в то же время не отступить.

В Петровске, не афишируя своих намерений, вечером вызвал в каюту комиссара, боцмана и механика, «чтобы поговорить, все ли у нас готово к новой операции...».

В следующий вечер обговаривали тот же вопрос расширенным составом, дополнительно пригласив председателя комитета Ваню Беляева (как его называют товарищи) и старпома. Никакой официальности. Так как в каюте не помещались, расселись в кают-компанию. Начиналось с моего вопроса вроде такого: «Ну-с, товарищи! Как по-вашему, что надо будет сделать завтра с подъемом флага?»

Постепенно все втянулись и выдвигали предложения, а командир только поддакивал, давал советы или отклонял; в заключение подводил итог уже в форме задания.

По-деловому, непринужденно и, что важнее всего, без лишних слов проходили эти «военные советы». Народ деловой, сами знают, что требуется. Необходимо только их направлять и разрешать конфликты между «верхней» и «нижней» командой в случаях предстоящих авралов или привлечения к работам не по специальности. Постепенно круг вопросов расширился вплоть до дисциплинарных.

Как-то само собой все утряслось. Распорядок дня стал более четким, работы выполняются организованно; никаких споров и почти никакого уклонения от обязанностей.

Но, конечно, неверно, что все это сделалось «само собой». На самом деле председатель через судовой комитет разъяснил остальным большевикам необходимость выполнения очередных задач в определенные сроки, как было решено у командира, тем самым воздействуя через них на весь коллектив. Вот почему, когда старпом, механик или боцман вызывали с утра на разводку, никаких недоразумений не было или почти не было. Старый режим и Колчака теперь никто не вспоминает.

С выходом в Астрахань из Петровска и сейчас, на пути в Баку, такие «летучие» советы проводятся «накоротке» — на мостике или под ним.

Снежинский ругается. Ночью из-за крутых циркуляций и подходов к другим кораблям пришлось несколько раз убирать лаг.

Вензеля, которые выписывали в темноте переменными ходами, имея последнее надежное определение по Петровскому маяку, привели к тому, что наша прокладка за ночь имеет несколько деликатных пунктиров. Вызвано это тем, что ни разу не подходили на дальность видимости Апшеронского маяка. Неизвестно даже, горит ли он.

30 апреля (в море).

Перед самым рассветом комфлот сомкнул миноносцы и, обойдя далеко все банки и камни Апшерона¹, последовательно поворачивая на зюйд, затем на зюйд-вест, наконец лег примерно в район устья реки Куры.

Намерение очевидное. Выйти на пути отхода, эвакуации или, вернее, бегства мусаватистов в Персию. Конечно, одновременно этот же курс пересекает путь белому флоту, если он вздумает идти на помощь своим далеко не дружеским политическим единомышленникам и союзникам. Впрочем, какие это союзники? Только ненависть к Советской России и страх перед Красной Армией и флотилией — вот и все, что есть у них общего. Впрочем, есть кое-что еще: безвыходность положения и очевидный скорый конец.

Однако размечтался.

На сегодня, похоже, пришел конец мусавату. Что касается белого флота, то с ним, наверное, еще придется повозиться.

А англичане? Ну, эти, как почти всегда на протяжении своей истории, в кусты, когда дело становится безнадежным, прикрывая свой отход трупами доверчивых наемников. Будут ждать благоприятной для себя обстановки. Но что-то мало шансов на новое «приглашение» в Баку, как это было в августе 1918 года, по глупости одних, политической недалекости других, а главное — в результате предательства меньшевиков и эсеров, захвативших руководство Центрокаспия.

Опять горизонт чист. Никого.

Правда, периодически кто-либо из сигнальщиков, но чаще из пассажиров «открывает» на горизонте стеньги или дымки, которые с такой же быстротой исчезают. Это старая история, знакомая по опыту войны с немцами. Когда никто обстановки точно не знает, положение запутанное, а нервы напряжены — всегда мерещатся дымы, силуэты или стеньги, а ночью — огни, звуки выстрелов или шум пропеллеров.

Увы, никто обстановки не знает.

У нас — ни одного аэроплана. Ни у флотилии, ни у армии.

Выходя, не знали, где корабли противника и что они делают. То ли в Баку, то ли в Энзели, то ли в море. Тысяча предположений самого разнообразного характера.

Проделал опыт, которому научил в Рижском заливе летом 1917 года начальник 13-го дивизиона эскадренных миноносцев. Порознь опросил всех находящихся на мостике, как они оценивают обстановку, с тем чтобы найти золотую середину или даже если не средний, то наиболее убедительный вариант.

Бесспорного варианта услышать не пришлось, но итоги интересные... Высказаны такие предположения:

1. Белые, разграбив корабли и ценности, затопили флот в Энзели и пробираются по способности в Крым, чтобы продолжать борьбу вместе с Врангелем.

2. Белые, свезя часть пушек на берег, выставив мины и корабельный дозор, организовали оборону Энзели совместно с англичанами (а возможно, без них) и, убежденные в том, что мы не рискуем нарушить персидский нейтралитет, будут отсиживаться, ожидая исхода борьбы в Крыму и с Польшей; затем могут утопить или распродать государственное имущество, после чего растают, как растаяла армия Юденича в Эстонии.

¹ Предосторожность не лишняя, так как ночью определений не имели, а компасы на миноносцах далеко не в блестящем состоянии, так же как и лаги.

3. Белые, развернувшись в районе Сара — Ленкорань — Кизыл-Агач, выжидают, когда мы втянемся в Бакинскую бухту, и, атаковав нас минными (торпедными) катерами, сомнут огнем тяжелых калибров (6-дюймовых «Славы» и «Дмитрия Донского»); при этом «Карс» и «Ардаган» могут одновременно нанести удар со стороны города.

Самое замечательное в этом гадании на кофейной гуще заключается в том, что каждый из вариантов технически вполне возможен и выполним. Вероятность того или иного целиком зависит от состояния воинского духа.

Если англичане предали, азербайджанцы отреклись, а персы сохраняют вынужденный нейтралитет, то у «единой и неделимой» нет никаких шансов на успешное продолжение борьбы на Каспийском море. Немного погодя мы поменяемся ролями. Вся нефть будет у нас, а у врагов только то, что осталось в трюмах. Когда истратят, нигде новой не добудут. Да и все виды оружия и технического снабжения они получали через Батум. Что касается персидской территории, то через нее ничего доставлять не удастся. Наверное, самим англичанам теперь приходится туго без железной дороги.

Если боевое настроение команд и офицеров не подорвано, то их командующий или небольшая кучка авантюристов из числа офицеров, которым нечего терять, могут организовать операцию противодействия с некоторыми шансами на временный успех благодаря подавляющему численному и артиллерийскому превосходству их флота над четырьмя нашими миноносцами¹. Но если даже им удастся помешать, то только на короткое время. По Волге спускаются три дивизиона миноносцев (причем один из них на мазутном отоплении).

Отныне у флотилии будет глубокий тыл и полное снабжение не только через Астрахань, но и через Северный Кавказ. А белые загнаны в крайний угол.

К сожалению, мы не знаем главного: какой дух у противника, какие настроения, а следовательно, какие могут быть планы контр-адмирала Сергеева и его штаба.

Вряд ли белые настроены очень воинственно после гибели «Пожарского», бегства из Шетровска, захвата нами форта, после невозможности удержаться в Баку, ретирады в Персию англичан, перехода к нам двух кораблей в Красноводске и особенно после того, как белые узнали о всеобщем восстании в Баку.

Но я хорошо помню, как всего только один месяц назад (хотя кажется, что прошло полгода) враги пытались минной постановкой закупорить нас в дельте Волги и приводили туда же, помимо заградителя, свои «кистребители» (то есть минные катера) для атаки кораблей Озаровского. А 12-футовый рейд отстоит от Баку на расстоянии 370, от Петровска — на 140 миль, в то время как от Энзели до нас (в данный момент) только 150 миль — столько же, сколько прошел «Князь Пожарский» с катерами до заграждения на Астраханском рейде. Если тогда у них была промежуточная база на острове Чечень, то сейчас есть возможность стоянки на острове Сара.

Лично для меня самым убедительным доказательством того, что враг не собирается сейчас нам противодействовать, является тот факт, что ни вчера, ни сегодня не появлялись его гидросамолеты. Расстояния для них вполне реальные, а знание обстановки сейчас необходимо бе-

¹ Миноносцы сильны только относительно большим ходом и торпедами. Однако торпеды вообще старые, со времен русско-японской войны, и их никто не проверял (на Волге не было специальных мастерских), и не производилось ни одной практической стрельбы. Трудно верить в это оружие, хотя вслух я этого, конечно, никогда не говорю.

лым не меньше, а больше, чем нам. Между тем небо такое же пустынное, как море.

Почему? Опять кофейная гуща... Но очень важен самый факт, что воздушной разведки врага нет. Если в течение дня она не появится — значит, ни белые, ни англичане не могут ее организовать (или не хотят?).

Черт с ним, с этим гаданием. Буду исходить из худшего варианта, чтобы не просчитаться.

Интересно, как думают на флагмане? Судя по тому, что не поворачиваем к Баку и не снимается боевая готовность, очевидно, тоже исходят из возможности появления белого флота со стороны южной части картушки.

Но, может быть, «Карл Либкнехт» получил какое-либо задание с берега? Или сведения об обстановке на суше?

Вспомнил, как осенью 1917 года, стоя на якоре на рейде в Койвисто, несмотря на исключительно сложную и запутанную обстановку, мы на эсминце «Изяслав» представляли почти всю картину высадки немецкого десанта и форсирования проливов в Рижский залив и Моонзунд только потому, что перехватывали все радиogramмы, как открытые, так и шифрованные (нашего флота).

Вызвал на мостик старшего радиста.

Вид утомленный. На вопросы о том, что делается в эфире, получил такие ответы:

— Нас никто не вызывает... Белых слушать не удастся. Еще в прошлом году пробовали. На берегу штабная — та записывала. Теперь она в Петровске. А у нас прием английских станций плохо получается. У белых сплошь английские приборы... Вообще эфир загружен, переговоров много. Красноводск говорит в открытую с Баку, Баку — с Петровском; еще какие-то. Но вроде как нас не касается. Опять же Тифлис мешает, не по-русски.

— Не любопытный вы человек! Ну, а с армией связаться можете?

— Никак нет! Может, на «Карле» документы есть. У него и радиостанция новее. А мы ни позывных, ни переговорных таблиц, ни их волн не имеем.

— Ну ладно! А «Карл Либкнехт» сам ни с кем не разговаривал?

— Говорил. Под утро с «Курском», по коду. Второе — позывные давал товарища Кожанова.

— Ну ладно! Можете идти. Если что будет, доложите.

— Есть.

Вот самое слабое место флотилии.

Что командиры миноносцев не знают, как развиваются события вокруг и внутри самого Баку — это еще полбеда, но похоже на то, что и комфлот не знает. А ведь мы, по плану, должны действовать согласованно с XI армией!

Боюсь, что опять, как это бывало не только здесь, но и на Балтике, о кораблях забыли. Значит, они пока не нужны. Совершенно очевидно, что если мы не знаем, где армия, то армия не знает, где мы.

«Где-то в районе Баку!»

Хорошо, если хорошо кончится. Иначе не избежать взаимных упреков.

Почему не цукаю сигнальщиков или пассажиров, когда им мерещатся корабли противника «за горизонтом»? По той же причине, по которой, резюмируя обсуждение обстановки, громко останавливаюсь на мрачном варианте встречного боя, хотя в него не верю.

По личному опыту знаю и всегда помню то, что другие иногда забывают. А именно, что от сигнальщиков и рулевых команда узнает абсолютно обо всем, что делается и говорится на мостике. Так же, как и от радистов, если радиопереговоры ведутся открыто. В экстренных случаях интересный разговор передается через посыльного под мостиком или при помощи невинного «разрешите отлучиться!». Так вот, всякие выводы, сделанные вслух, на посту управления, по-разному доходят до сознания людей, которые вторые сутки посменно дежурят у пушек, аппаратов и механизмов, не раздеваются, едят стоя и все время ожидают боя. Те же самые «новости», услышанные в порту, у стенки, могут не произвести никакого впечатления. А в море на походе, а особенно в бою, одной неосторожной фразой незаметно для себя можно размагнитить (или наоборот — мобилизовать) всю команду. «Какого черта торчать все время у пушек, если командир сказал, что белые не посмеют сунуться!»

Самое примечательное заключается в том, что чем выше авторитет командира, тем более решительные и неожиданные выводы могут быть сделаны на основе его реплик, брошенных невзначай, не думая о последствиях.

На мостик поднялся и сразу же подошел к карте наш старик (Чириков). Свежий. Даже одеколоном пахнет.

На лице смущение. Вроде как бы извиняется, что он выпался, а мы нет. Заверил старика, что мы поочередно со Снежинским отсыпались. Одна забота — точное место, обсервации не имеем вторые сутки.

Просил его разрешения сделать запрос соседям о месте. Отклонил. Говорит — неудобно. «Это должен был сделать флагман. Получится вроде неактичного намека. Кроме того, скоро упремся в берег, тогда и определимся. Думаю, что Корсак мечтает о том же».

Старик оказался прав.

Не сразу, а после осторожного поворота и движения на юг, на пределе видимости острова Була и острова Свиной, спустились до широты оконечности Куринской косы, на которой в дальномер можно различить маячную башню и почти рядом — острый шпиль маленькой церкви. После определения и проверки места головной, очевидно от греха подальше, отвернул опять в море — подходы к устью реки Куры изобилуют всякими сюрпризами в виде рифов, банок и камней, «видимых и невидимых».

Хорошо, что путаемся здесь днем, а не ночью и что аллах отвернулся от мусавата и помогает нам; по крайней мере погодой и, в частности, в отношении дальности видимости.

По-прежнему пустынно и на море и в небе.

Спустился вниз, предварительно кратко передав начдиву итоги ночной конференции по оценке обстановки. Одобрительно промолчал. Своего мнения не высказал.

Тогда сознался старику, что, будучи слишком доверчивым в юношеские годы, несколько раз так тяжело был наказан за избыток оптимизма, что вот уже много лет как усвоил твердое правило — всегда исходить из худшего предположения, если причины и обстоятельства не ясны. Тогда не приходится разочаровываться, оказываешься подготовленным к худшему и не обидно ошибиться, если дело оказывается проще и чище, чем ожидал.

Начдив оживился. Похвалил.

— Я к этому пришел значительно позже, чем вы.

Прежде чем заснуть, упрекнул себя за откровенность с начдивом, я не договорил, что эта философия не лучшая. Очень важно, рассчиты-

вая на худшее, не переборщить, не «запугать» самого себя. Это сковывает не только поступки, но даже мысли.

Более успевают те, кто не боится временных разочарований и прет на рожон. Напористо или даже нахально.

Все это так, пока дело идет о самом «герое». Но если ты отвечаешь за жизнь семидесяти пяти человек, которые целиком зависят от тебя, так же как и дорогостоящий корабль и еще более дорогой флаг, в этих случаях «переть на рожон», рисковать ради «ура» и славы человек не имеет права.

Хватит! Иначе не засну и буду полемизировать с собой. Ведь не все ясно... Может, и не скоро прояснится.

По заведенному порядку, меня будили в переговорную трубу. Несколько раз. (Это мне не портит сна, как другим. Привык.)

Знаю, что два транспорта и канлодка держатся к НО от нас, а мы широкими галсами медленно продвигаемся на север.

К заходу солнца побрился и вышел.

Приказал спать старпому, пообещав, что он ничего интересного не пропустит. Разбужу.

Ночь на 1 мая (в море, к С от Баку).

Капитаны в темноте инстинктивно увеличивают интервалы между штевнями. Идти только по створу кильватерных огней утомительно. Кроме того, сейчас в этом нет надобности, так как лунный серп, хоть слабо светит и временами закрывается облаками, все же позволяет достаточно ясно видеть переднего и заднего мателота на расстоянии более двух кабельтовых.

Чириков перенес сюда традицию Балтийского флота показывать изменения ходов при помощи шара, независимо от времени суток и видимости. Думаю, что эта традиция родилась в периоды белых ночей. Независимо от происхождения, плавая на «Кобчике», на своей шкуре убедился, насколько это полезно даже в самую темную ночь, если имеешь соответствующий бинокль.

А сегодня, при еще недостаточной сплаванности командиров и при наличии комфлота, не вникающего в подобные «мелочи», это вдвойне полезно.

После полуночи уменьшили ход.

Понятно. Нетрудно видеть расчет начальства — прийти в Баку за светлом.

Погода обещает быть как по заказу. Если барометр не врет.

Сперва открылась шапка из дыма, очевидно над Черным городом. Значит, часть заводов работает.

Затем — неровная полоска гористых берегов. Наконец поднимается из воды остров Наргин. Сигналом по дивизиону — «боевая тревога»; по разведанным, на нем береговая батарея. Но при подходе ближе — на башне огня красный флаг. Здорово! Кажется, все ясно.

Комфлот решил ввести нас с востока, по большому фарватеру (на Астрахань). Ну что ж, мы идем из Советской России!

Утро.

Пушки заряжены, а второй сигнал с «К. Либкнехта»: «Приготовить флаги расцветивания».

Диспозицию стоянки на бакинском рейде никто не предусмотрел. Да оно и понятно. Час назад собирались стрелять, а сейчас на берегу, можно сказать, карнавал.

Солнце — справа за кормой и ярко освещает множество красных флагов и плакатов, видимых от края до края бухты. Из-за того, что утренние лучи освещают полого, не скупясь на розовые тона, город выглядит исключительно празднично, встречая нас сиянием стекол и огнями красного кумача.

Только сейчас вспомнили, что сегодня 1 Мая — праздник!

Значит, двойной праздник.

Команды: «Орудия разрядить! Патроны уложить в кранцы» — и затем: «От орудий и аппаратов отойти» — переломили неопределенно выжидательное настроение.

Улыбки. Поздравления. Громкие голоса. Но мне, как командиру, некогда было разглядывать город.

После путаного семафора с флагмана: «Стать на якорь... в порядке номеров... против городской набережной... расстоянии...» — капитаны поняли, что от них требуют, и стали по дуге, концентричной береговой черте, на удалении пятнадцать — двадцать кабельтовых от последней.

«Чтобы самим посмотреть и себя показать», — как сострил кто-то из пассажиров. И действительно, скопление желающих увидеть диковинные корабли, каких здесь никогда не было, — с каждой минутой все возрастало.

Понимая, что это не окончательное место и, очевидно, скоро придется сниматься, огляделся вокруг, ибо хорошо помнил о неисправности шпилевой машины «Деятельного». Почти рядом оказался на якоре пассажирский пароход, на корме которого красовалась надпись «Орел», а на флагштоке — красное полотнище, явно наспех переделанное под флаг. На мостике несколько моряков в форменных кителях, из всех иллюминаторов и полупортиков выглядывали женщины и дети. И те и другие во все глаза следят за каждым движением миноносцев, и, конечно, за ближайшим.

Низенький и коренастый командир, очевидно старший из них, судя по бороде — капитан 2-го ранга, с готовностью перегнулся через планшир, всем своим видом демонстрируя внимание, когда увидел, что в его сторону был обращен малый мегафон. Но он не мог скрыть своего недоумения, когда услышал: «Прошу принять меня на бакштов!»

Подойдя вплотную, нормальным голосом пришлось разъяснить: «Шпилевая не исправна. До перехода к стенке постою у вас на бакштове».

Теперь стало ясно, что ковчег полон «бывшими» (у которых только что срезаны погоны), почему-то очутившимися в нем вместе с семьями.

Через несколько минут все было в порядке. Мы стояли на своем манильском тросе, заведенном серьгой, с теплыми машинами и якорем, готовым к отдаче. На баке — комендор Гридин с топором, а остальные — как кому положено по ходовому расписанию.

На «Орле» сами догадались потравить смычку каната.

Конечно, мы понимали, что во время парадной манифестации не очень-то красиво выглядели. Но будет еще хуже, когда дивизиону придется сниматься, а мы еще минут двадцать будем танцевать на якорном канате¹. Из двух зол — меньшее.

¹ Для ускорения выхаживания каната вымбовками, одному из баковых приходилось подпрыгивать на канате (держась за форштаг), тяжестью тела добиваясь прогиба каната на участке от клюза до шпиля, облегчая тем самым переход каждого звена через кромку клюза.

Сошел вниз привести себя в порядок.

В переговорную трубу докладывают:

— Так что, командир «Орла» просит разрешения явиться!

— Передайте, что я сам перейду на «Орел».

Не столько из любопытства, сколько для проверки нашей безопасности перебрался вместе с комиссаром по короткому штормтрапу на штабной корабль «Добровольческого Каспийского флота».

Мы были первыми красными командирами, которых они видели, поэтому офицеры немного волновались, смущались и слишком тянулись. Через десять минут они уже спрашивали: какова будет их судьба, арестуют ли? Пришлось разъяснить, что командир миноносца никак не может знать этого или выдавать какие-либо векселя. Но, чтобы подбодрить, успокоил: мол, если нет грехов вроде работы в контрразведке, могут рассчитывать на гуманное обращение.

Основная группа (семь-восемь человек) состояла из кадровых офицеров старого флота. Все старше меня выпуском на три-четыре, а то и на пять-шесть лет, уже имеющие классную специальность¹. Командиром оказался полковник по адмиралтейству, из числа штурманов, давно изжившего себя корпуса флотских штурманов, по фамилии (не уверен) Полковников. Судовые офицеры — из торговых штурманов, призванные на военную службу еще в мировую войну. Кроме того, из кают и коридоров выглядывали какие-то интенданты и почтенные нестроевые фигуры (деловоды? писаря или содержатели?), которых всегда много в любом штабе.

Большинство команды — из торговых моряков. Вооружения нет, кроме сигнальной пушки Гочкиса (47-мм).

Немного неприятно было то, что мы внешне выглядели бедными родственниками. Та же форма, но заношенная. Кроме того, они отдыхают несколько суток, а мы из похода.

Самым неожиданным была встреча с другом детства Евгением Енчевским, который на год раньше меня ушел из Тифлиса в юнкера флота. Красавец атлетического сложения, он служил на Балтике, на крейсере «Олег», но как и когда очутился у белых, я не имел понятия; в последний раз видел его в Ревеле весной 1917 года, непосредственно после Февральской революции.

Встретился с ним вежливо, но от интимных разговоров отказался, не желая выделять его из числа остальных.

Беседовали в салоне.

Оказывается, «Орел» вышел из Петровска с семьями офицеров и с частью штаба в двадцатых числах апреля. Стояли в Баку без сообщения с берегом, пока начальство грызлось с мусаватистами. Затем приказано было следовать в Энзели. Там тоже в гавань не пустили из-за каких-то недоразумений с англичанами. Штормовали на рейде. Отошли к Астаре. Опять штормовали. К этому времени начались брожение, споры и сомнения, в результате которых произошла перетасовка пассажиров. Часть решила остаться в Астаре, часть перешла на корабли, уходящие в Энзели. Зато некоторые офицеры, разочарованные в «белом» движении и понимавшие, что песнь денкинского флота спета, перешли на «Орел» и постановили идти в Красноводск или в Баку, чтобы сдать красному командованию.

Их было значительно больше. До переворота мусаватисты запрещали сходить на берег. Своеобразный политический карантин. Что же, они по-своему были правы. Эта тяга к нам — заразительная. После пере-

¹ Запомнил такие фамилии: Венкстерн, Витте, Сахаров, Енчевский, Риккерт.

ворота многие офицеры, несмотря на риск, тайком, по ночам, перебрались в город.

Рассказали нам с нескрываемой ненавистью, что контр-адмирал Сергеев сбежал в Крым. Кроме того, сообщили, что в городе осталось не менее двадцати—тридцати флотских офицеров (считая и ушедших с «Орла»), которые тоже хотят явиться с повинной.

Называют себя «добровольно оставшимися».

Деликатно расспросил об Энзели, не желая сразу же смущать необходимостью выкладывать все про своих вчерашних друзей. Но, несмотря на выяснившуюся готовность, никто ничего путного сказать не мог, так как они не были ни в гавани, ни на берегу. Однако самый факт их присутствия на бакинском рейде и желание отдать себя на суд советской власти говорят о многом.

Без сбежавшего командующего, сделавшего больше других, чтобы морально разоружить флот, и без значительного числа специалистов последний на активные операции явно не способен. Конечно, кроме возможности выступления отдельных головорезов.

Вернувшись на корабль, написал записку комфлоту. Доставить ее взялся Чириков. Воспользовавшись шлюпкой «Орла», он съехал на «Либкнехт», в это время перешедший к пристани, недалеко от Баилова.

Побывав в рубке и увидев наличие многих карт, послал на «Орел» Снежинского, чтобы он взял «заимообразно» (под расписку) те планы и карты, которых нет на «Деятельном». Нам они пригодятся больше, чем «Орлу».

Комиссар спросил, не надо ли выставить караул на «Орле»? Ответ— на том основании, что они пришли сюда до нас и без нас. Да и податься им некуда.

Меня заботило другое. Соблазны на «Орле» были самые искусительные, начиная с водки, которая имелась у «вольной команды». Строго предостерег Полковникова.

Еще раз убедился в высоком классе нашей команды.

За сутки стоянки на бакштове — никаких недоразумений, хотя наши и ходили в гости к соседу.

1 мая. Баку (на бакштове у «Орла»).

Радостным утром, при отличной погоде мы стоим в центре Бакинской бухты и, как почетные зрители из ложи, наблюдаем величественную сцену.

Три исторических события слились в единое:

Освобождение Азербайджана не только от английских и прочих империалистов, но и от своей национальной контрреволюции, состоявшей на службе у мировой реакции. Освобождение полное, ибо оно вылилось в форму установления советской власти, а гарантией дальнейших успехов является союз с РСФСР.

Завершение операции, которая открыла доступ бакинской нефти к Волге и далее в глубь Советской России, промышленность и транспорт которой развивались на этой нефти, а затем были искусственно обречены на голод в самое критическое для республики время.

Международный пролетарский праздник. Интернациональный. Ведь на берегу сейчас своеобразный интернационал из народов Закавказья, Кавказа и их соседей. Причем это братство далось не дешево — помимо зверств завоевателей (в том числе и царских), а позже при их подстре-

кательстве, пролито много крови на почве племенной и религиозной розни. Сейчас же очень многим ясно, что враг не в Армении, Грузии или в России, а тут же, под боком, в здешних особняках, поместьях и в мечетях.

Праздник получился такой грандиозный, даже отсюда, с рейда, что ни один драматург или режиссер не мог бы придумать.

Одно только не вяжется с наблюдаемой картиной — то, что, кроме флагмана, ни один миноносец не пустили к стенке; что на «К. Либкнехте» был поднят сигнал: «Увольнение на берег не производить!» — и второй сигнал: «Боевая готовность сохраняется!»

.....

(Приписано вечером.)

Все понемногу становится понятным.

Оказывается, некоторые ударные части XI армии прошли через город и сейчас двигаются на границу меньшевистской Грузии. Остальные полки сразу после парада направлены туда же или в угрожаемые районы. В то же время в городе находятся вчерашние бойцы «мусаватской гвардии», частью разбежавшиеся при появлении Красной Армии, частью распушенные Ревкомом.

Ясно, что сознательное большинство аскеров — за советскую власть. Но в городе — почти все их офицеры и юзбаши, которые могут еще пойти на провокации, используя малосознательную часть аскеров и отряды из всякого сброда, начиная с купеческих сынков.

Вот почему незаметно для всех мы охраняли демонстрации и город от покушений.

Когда все закончилось абсолютно благополучно, началось увольнение на берег с миноносцев, но не больше одной вахты. Кроме того, послан вооруженный обход с дивизиона и два или три от кожановских отрядов в распоряжение комендатуры.

После обеда все затихло. Отсыпаются за две ночи и впрок.

Сижу на мостике, смотрю на город моего детства и пытаюсь вспомнить отца, который еще в 1906 году похоронен на кладбище Чемберкент¹, когда мне было около двенадцати лет.

Интересно, скоро ли попаду в Тифлис, чтобы помочь старухе матери и сестре? Как будут развиваться дальнейшие события?

Одно ясно — что, прежде чем закончится борьба с добровольческим флотом, думать о Тифлисе не приходится.

Поймал себя на некотором чувстве неудовлетворенности в связи с тем, что не пришлось открывать огня. Совсем как обида комендора Гридина, прорвавшаяся в Петровске. Однако, подумав, решил: ничего, что мы опоздали. Больше того, так даже нельзя ставить вопрос. Никуда мы не опоздали, а пришли как раз вовремя, поскольку с моря никто не оказывал сопротивления и никто морем не отступал.

Что не было боя и десанта — только к лучшему. Нет напрасно пролитой крови и тех пожаров, которые стали бы неизбежными при упорной борьбе за город. А что такое пожар именно для Баку, знаю с малых лет, когда пришлось увидеть, как горела вышка над фонтанирующей скважиной, а затем огонь охватил ближайшую пристань. Полыхающее пламя с чудовищным заревом по ночам и зачерненные дымом полнеба — днем — врезались в память на всю жизнь. Но самым страшным была не реаль-

¹ Сейчас этого кладбища не существует ввиду роста города.

ная стихия огня, а та мучительная тревога, которая сжимала мозг и сердце всех людей от мала до велика в течение трех-четырёх суток: как изменится ветер? Удастся ли побороть огонь или он перекинется дальше?..

Черт с ними, с боем и лаврами победителей.

Откровенно признаться, когда кончили с приемками в Петровске, а Красная Армия сосредоточилась на рубеже реки Самур, я в душе досадовал — отчего медлят наши вожди? Чего ждет Ленин?

Ведь было ясно как день, что ударом с суши и с моря мы могли бы захватить Баку еще в середине апреля.

А теперь мне ясно нечто большее: что мы здесь не завоеватели. Переворот должен был созреть. Азербайджанские коммунисты должны были проявить свою революционную волю и суметь мобилизовать все силы народа. Но так как против них была не только своя буржуазия, но и ее союзники в лице соседей — грузинских меньшевиков, дашнаков и английских сил с остатками белогвардейщины, — то на помощь бакинским рабочим пришли по их просьбе армия и флот РСФСР.

Эти две недели выдержки сохранили тысячи жизней и много народного богатства, тогда как в середине апреля попытки сопротивления носили бы более упорный и националистический характер. Самое ценное заключается в том, что за эти полмесяца революционные силы успели сплотиться, а массы политически вырасти.

Волнами, то затихая, то неожиданно усиливаясь, доносился по ветру голос медных инструментов многочисленных оркестров, сверкавших своими трубами.

Наши пассажиры, попавшие на парад (для них закон не писан), вернувшись голодными к ужину, рассказывали об исключительном подъеме, с которым прошел митинг, первый митинг столицы Советского Азербайджана. На трибунах в составе Временного ревкома наряду с руководителями восстания, вышедшими из подполья, стоял Нариман Нариманов, а с ним — Орджоникидзе, Киров, Микоян и другие.

Серго вручал награды отличившимся бойцам и командирам XI армии. Было очень торжественно.

Однако все обратили внимание на парадоксальную особенность войскового парада. Армия-освободительница, проходившая по главным улицам и мимо трибун церемониальным маршем непосредственно с похода, выглядела запыленной, потной, в застиранных рубашках и штанах и в нечищенной обуви. Она шла, не особенно заботясь о шаге и равнении, и все же произвела внушительное, если не сказать грозное впечатление. В то же время те национальные полки, которые перешли в подчинение новой власти, выглядели отменными гвардейцами — хорошо маршировали и были прекрасно одеты в новое английское обмундирование. Отсутствие скаток, вещевых мешков и лопат, которые делают солдата солдатом, а также новизна и покрой формы придавали аскерам красивый, но слишком декоративный вид. Бросалась также в глаза нехватка азербайджанских командиров.

Но это не так важно. Важно то, что с сегодняшнего дня они маршируют в одном строю с Красной Армией. А боец из народа, как только поймет до конца, что и почему произошло, станет надежным защитником советской власти.

Как моряки, мы прежде всего заинтересовались ролью азербайджанского флота, который состоял из канлодок «Карс», «Ардаган», вооруженного парохода «Пушкин» и еще нескольких сторожевых кораблей, купленных у денкинского морского командования.

Несмотря на то, что мусаватистское правительство уделяло мало внимания своим кораблям, почти не отпускало средств на их содержание и вспоминало о морской силе только в целях представительства или при необходимости «наводить порядок» в прибрежных районах, ему все же не удалось сделать из моряков карателей.

В связи с отсутствием своей системы подготовки кадров пришлось принимать прежних моряков флотилии, «раскаившихся» после подавления Коммуны. Часть из принятых были старыми рабочими и матросами, специально посланными по заданию подпольного комитета.

Вот почему с началом восстания на стенах всех кораблей были подняты красные флаги, а командующий флотом Ч. Ильдрым предъявил правительству ультиматум о передаче власти Ревкому. И хотя боеспособность этого маленького флота не была на должной высоте (расстрелянные стволы, отсутствие части замков, некомплект специалистов), его выступление сыграло свою роль. Для рабочей власти были сохранены все боевые единицы, а у контрреволюции отняты последние силы, на которые она могла рассчитывать по опыту 1919 года.

После переворота на корабли под красными флагами потянулись те немногие из уцелевших моряков, которые были в черных списках мусавата как сторонники Коммуны или Муганской республики.

Говорят, что вместе с частями Красной Армии появился А. Р. Кузьминский, тот самый революционный матрос старой Каспийской флотилии, который был ее комиссаром в период Бакинской коммуны.

2 мая. Баку (у Дадашевского дока).

С утра перешли к пристани (не то № 5, не то № 6). Наконец прекратили пары, кроме дежурного котла.

Но все-таки полусуточная готовность сохраняется.

Вчера не сошел на берег. Не в чем. Поэтому решил собраться с мыслями и привести в порядок «гардероб». С мыслями дело обстоит не блестяще, но с гардеробом еще хуже. Беда в том, что с утра тепло. Белых кителей нет и в помине, а в бушлате жарко. Синий китель уже давно не синий. Решил подогнать матросскую робу.

Воображаю ужас Синицына и некоторых других хранителей флотских традиций «хорошего тона».

Характерно, что «роба» является не только моей заботой. Кое-кто приходил с претензией насчет ботинок или брюк. Раньше не до этого было.

Комиссар где-то узнал, что специальный поезд с «дипломатами, аккредитованными при правительстве мусаватистов», не успел проскочить Баладжары и возвратился в город.

Это, наверное, второсортные дипломатические работники из бывших вице-консулов при царской администрации, которые, как правило, одновременно занимались коммерческой деятельностью, конечно, неофициально или через подставных лиц. Но они очень опасны тем, что глубоко пустили корни в местную почву и прекрасно знают условия, людей и их слабые места. Такие персоны не станут бездействовать, когда события будут развиваться не в их пользу, личные интересы этих людей совпадают с интересами фирм и обществ, которые они представляют.

На набережной толпы любопытных. Очевидно, праздник продолжается.

На пристань никого не пускаем.

Не знаю, как в других районах города, но в нашем, видно, подметать улицы некому или некогда. Картина, знакомая по 1917 году. Но это мелочи временные, которые постепенно утрясутся. Мне больше не нравится ночная стрельба из винтовок, причем никто не знает, кто и в кого стрелял.

Механик Лузгин уже успел проникнуть в старый порт флотилии и договориться с каким-то инженером баиловских мастерских о неотложном ремонте. Просил у меня разрешения прекратить пары на трое суток.

На семафор «Либкнехту» последовал ответ: «Приготовиться к походу к рассвету. Начштаб».

Вот спасибо! Куда и зачем — пока не ясно. Но с провалом ремонта абсолютно ясно. «Обрадовал» механика.

Торжества торжествами, однако есть потребность мысленно осмотреться, поскольку завтра — новая задача. Это оказалось возможным только ночью, в каюте, когда голова начала остывать от разнообразных и шумных впечатлений прошедшего дня.

Посмотрел на маленькую бланковую карту Каспийского моря. Возможно, впервые охватил мысленным взором весь театр. На мостике, в штурманском столе все время возимся с навигационными картами «Северная часть», «Средняя часть» и «Южная часть» или более крупномасштабными картами и планами различных заливов и бухт.

А этот маленький бланк дает сразу не только все Хвалынское море, но и его «окрестности». И так же сразу становится очевидным, что именно здесь, в Баку, за последние дни произошло генеральное изменение обстановки.

Оба берега вплоть до персидской границы на этой стороне и в Закаспийском крае стали советскими. Оба берега очищены от англичан и от белых. Весь Северный Кавказ и одна из закавказских республик из врагов превратились в союзников. Для меньшевистской Грузии и дашнакской Армении все это «начало конца». Для всех соседей на Ближнем Востоке это облазнительный пример.

Наконец, у нас богатейший порт (ремонт, техническое снабжение, харч; не знаю только, как с углем) с железнодорожным и морским путем в тыл, в то время как у белых — нора, берлога без второго выхода.

По-моему, в этих условиях у флотилии три задачи, которые очевидны. Не знаю, как и в какой последовательности они сформулированы в штабных планах, если есть такие документы вообще.

Первая задача — обеспечение нефтеперевозок на Астрахань, или, как здесь привыкли говорить, «в Россию».

Что бы ни говорили на базаре, в разведотделе или за чаем в каюткомпаниях о разложении и деморализации белогвардейского флота, нефтеналивные суда надо охранять. Пока у белых и англичан есть торпедные катера, всегда могут найтись головорезы, способные за фунты стерлингов рискнуть подкарауливать караваны, предварительно перебазировавшись на саринский рейд, в Ленкорань или в залив Кизыл-Агач.

Мои оппоненты считают это нереальным: Англия с нами не воюет... а верховный совет Антанты в Париже объявил о снятии блокады с РСФСР еще в начале текущего года.

Но как она снята на Каспийском море, мы знаем по заградительной операции белых на 12-футовом рейде в конце марта; а как невоюющие англичане сделали налет торпедных катеров на Кронштадт, мне тоже хорошо известно.

Охранять караваны надо. Может быть, не до Астрахани, а только до Петровска, но необходимо, пока с белыми не покончено.

Слава аллаху, дивизион миноносцев к решению этой утомительной и скучной задачи не привлекают. Отдуваться придется канлодкам¹.

Вторая задача — очищение всего побережья в пределах Азербайджанской Советской Республики от контрреволюционной нечисти с берега и с моря. Конечно, совместно с армией.

Завтра, очевидно, идем к Ленкорани именно для этой цели.

Третья задача — главная: окончательное очищение Каспийского моря от белых и захват наших судов, уведенных в Энзели, для возврата их транспортному флоту (особенно нефтеналивных). В какое время и каким способом предполагается решать эту задачу, пока начальство карт не открывает.

Что операция предполагается относительно скоро, догадаться нетрудно... На просьбы механиков дивизиона (и нашего Лузгина) «разбросать механизмы для ремонта» последовал отказ. Между тем изношенность машин и котлов — недопустимая.

По всем признакам белые не способны к наступательной операции. Но, прижатые в угол, они вынуждены будут обороняться, причем возможно, что сопротивление будет ожесточенным. Здесь ничейный исход исключен.

Опять вечная, как на войне, проблема: чем раньше ударить, чем внезапнее — тем лучше, но без предварительной подготовки никак нельзя. В то же время каждый день нашей подготовки — это еще один день подготовки противника к обороне.

Какую роль будут играть англичане? Какую персы? Как всегда на войне, тысяча вопросов. А в гражданской их еще больше. И обстановка сложнее, и воюют «не по правилам».

Инш-алла! Поживем — увидим! Если не начальство, то сама жизнь даст ответы на все вопросы.

3 мая (Ленкорань).

Накануне, поздно, когда уже не ожидал, вызвали на «Либкнехт» (береговая штаб-квартира еще не готова). Короткое совещание. Постановка общей задачи всем участникам. Уточняться будет сигналами. Документов штаб не дал.

Рад был встретить Озаровского. Он на «Пролетарии» — начальник отряда из трех вымпелов.

Снялись с восходом солнца.

Пока шли по бакинскому меридиану прямо на зюйд, с флагмана обстоятельный семафор (по линии, то есть через нас):

«Расторопному» выйти вперед, осмотреть рейд Сара, после спуститься к Ленкорани. Обозначить буйком якорное место для транспорта десантом, занять позицию южнее высадки.

«Деятельному» осмотреть залив Кизыл-Агач, остров Кулагин включительно. После занять позицию поддержки десанта с севера».

Дальше начались наши мытарства.

Очевидно, предвидя их, главштур дал от себя дополнительный семафор, возможно без ведома начальства: «Командиру. Прошу учесть ненадежность карты. Корсак».

Карту эту² еще два дня назад Снежинский «добыл» на «Орле». При первом взгляде на линии отличительных глубин получалось не очень

¹ Вчера вечером кто-то утверждал, что еще на рассвете видел караван нефтеналивных судов, шедших на восток мимо мыса Султан. Лично я не заметил, так как занят был разглядыванием острова Наргин. Впервые наблюдал группу наливных пароходов и буксируемых «нефтянок», двигавшихся от Черного города в сторону оконечности Апшерона сегодня днем. Неужели наливались в самый праздник? Это как праздничный подарок.

² Карта ГГУ, № 1638, изд. 1913 года.

страшно, так как «порог» в залив имел двенадцать футов, а внутри его показано до восемнадцати футов. Наша корма при половинном запасе угля сидела только девять с половиной футов. Но, помимо этих утешительных цифр, для всего района устья реки Куры была нанесена предостерегающая надпись о том, что глубинам особенно верить нельзя.

Фактически дело обстояло еще хуже. Лоцмана у нас не имелось, и никто из корабельных и двух штабных командиров, любопытствующих на мостике, никогда в этих местах не плавал. Хороших ориентиров нет; берега настолько низменные, что почти сливаются с линией горизонта. Из залива маяк Куринский камень не виден, а церковь и маячный огонь на Куринской косе остаются за кормой и при продвижении на север, к острову Кулагину, тоже скрываются из видимости.

Самое страшное началось после того, как миноносец, перескочив на малом ходу через песчаную гряду у входа в Кизыл-Агач¹, очутился в густом лабиринте сетей, натянутых между столбами и шестами, воткнутыми в грунт. Через час или два, совершенно запутавшись, мы поняли, что сети стоят на глубинах двенадцати футов и ниже; по ним тоже можно бы ориентироваться относительно приглубых мест. Но Кизыл-Агач разгородили настолько путано и обильно, что разобраться в творчестве рыбаков оказалось далеко не так просто. В то же время в заливе не было заметно ни одного баркаса, рыбацкой сети или шлюпки, так что способом «спроса местных жителей» воспользоваться не удалось.

Только два обстоятельства помогли выбраться из этой ловушки: тихая и ясная погода и неожиданная прозрачность воды там, где она еще не была взбаламучена винтами миноносца.

Никакой прокладки вести нельзя было. Оставалось, учитывая сети, мутный след за кормой и мало дающие показания лотовых, двигаться к выходу самым малым ходом.

Наличие сетей убедило в том, что торпедные катера абсолютно не в состоянии действовать из этого залива. Тем более не могли оперировать отсюда вооруженные пароходы белогвардейского флота. Поэтому, выпутавшись с середины Кизыл-Агача, я считал свою задачу выполненной и старался возможно скорее выбраться в открытое море.

Однако только после двухчасового ползания «на брюхе», временами доходя до бешенства или впадая в состояние, близкое к беспомощности, замучив машинную и кочегарную команду, а также рулевых и лотовых (не говоря о штурманах), мы наконец вышли из Кизыл-Агача. Вот почему когда «Деятельный» подошел к Ленкорани, операция там была уже закончена и шло приготовление шашлыков и плова.

Б. П. Гаврилов через день после возвращения в Баку рассказал, что при первом приближении «Карла Либкнехта» к городу в бинокли и дальномеры было выяснено, что гарнизон, состоявший из бывших мусаватистских войск, не собирается оказывать сопротивления, а демонстративно выстраивается для встречи на площади перед старой крепостью. При этом, кроме оркестра на правом фланге, был приготовлен старый, трехцветный российский государственный флаг, очевидно в виде знамени. Но когда миноносец подошел ближе к берегу и ленкоранцы, по-видимому, разглядели его кормовой флаг, после короткого замешательства трехцветный флаг был заменен красным.

Ввиду отсутствия пристани комфлота, члена Азербайджанского ревкома и штабных командиров жители охотно выносили из шлюпок на руках и доставляли на берег, не дав гостям замочить обувь. Одновременно высаживались с транспорта кожановцы, не боявшиеся соленой воды.

¹ Очевидно, с глубиной тринадцать — пятнадцать футов над ней.

Так оказалась достигнутой еще одна «бескровная победа». После парада и митинга гарнизон был разоружен без инцидентов. Закончилась эта операция гомерическим шашлыком и пловом. (Борис Петрович на много лет сохранил память об исключительном качестве этих яств.) Откровенно говоря, гарнизону Ленкорани ничего другого не оставалось, как в полном составе и с музыкой перейти на сторону рабочей власти. Мусаватисты в своем поспешном бегстве о нем забыли. Затем стало известно о перевороте в Баку, о приближении по суше частей XI армии. И наконец — эта высадка батальона моряков, подкрепленная тремя миноносцами, никогда невиданными в этих краях...

В то же время, поскольку ленкоранский район считается местной помещицкой Вандеей, а аскеров оказалось в три раза больше численности десанта, пришлось их на всякий случай разоружить.

Я был настолько утомлен волнением из-за Кизыл-Агачского залива, что на берег не съехал.

Позже стало известно, по-видимому из радиотелеграммы Озаровского, что одновременно в Астаре развернулась операция, аналогичная ленкоранской и почти по той же программе. Положение осложнялось близостью персидской территории, разграниченной от азербайджанской небольшой речкой, делящей город на две части¹.

Это позволило еще до окончания высадки в Русской Астаре всем «недовольным» уйти через мост — за границу. А одна крупная банда, обманутая или подкупленная мусаватистами, ушла в сторону гор, не переходя на персидскую территорию. На прощание эта банда обстреляла моряков, но с заведомо безопасных дистанций.

Озаровский помогал пришедшим с ним бакинцам организовывать советскую власть, после чего, став дипломатом, принялся налаживать дружеские отношения с соседним государством. Кажется, по своей инициативе.

Только под конец дня узнали, что во время ленкоранской операции, очевидно, пока мы выпутывались из сетей Кизыл-Агачского залива, нашим удалось задержать большой нефтеналивной пароход «Галилей» с несколькими англичанами и тюками с документами. Британские военные миссии, консульства и различные представительства, застигнутые внезапно переворотом, не успели вывезти свои сейфы и архивы. По суше было поздно, пришлось перегрузить на «Галилея» и ночью тихо двинуться в Энзели. Не вышло!

Так-то оно так, но это значит, что в Баку Ревком не полностью хозяин, если можно угнать большой транспорт. Поймать помог случай, совпадение. Не будь его — уплыли бы документы в буквальном смысле.

5 мая. Баку (у Дадашевского дока).

Вчера возвратились из-под Ленкорани.

Наконец разрешено начать самый неотложный ремонт — поочередно, по паре миноносцев, но с сохранением двухсуточной готовности. Много не сделаешь. Начальству виднее.

Впервые вышел в город.

Сбивают с толку неожиданные и своеобразные контрасты. Как будто знакомый и незнакомый Баку.

В городе быстро организовалась комендантская служба и почти полностью прекратились грабежи, с которыми не могло (или не хотело)

¹ Персидская Астара и Русская Астара.

справиться даже английское командование, искусственно увеличивавшее анархию.

Не успевшие сбежать владельцы крупных ресторанов, кафе и магазинов, с недоумением убедившись в том, что никто никого не грабит и не оскорбляет, после 1 Мая открыли свои заведения, с любопытством рассматривая новых клиентов.

Но... новый клиент хоть и чисто, но очень бедно одет в старые шинелишки и обмотки с изрядно разбитой обувью и матерчатыми «ремнями». К сожалению, он не имеет в свободной наличности валюты или награбленных драгоценностей для обмена, то есть всего того, на чем держалось личное благополучие денкинских, британских, турецких или бакинских политических и военных авантюристов всех мастей с их воинством, наряженным в френчи или черкески в сочетании с кубанкой, тюрбаном, феской или английской фуражкой блином.

Матросы одеты хорошо, даже с флотским шиком, но что касается их финансовых дел, то они не намного лучше, чем у армейцев.

Красноармейцы ходят по городу группами, без оружия, с любопытством останавливаются перед роскошными витринами... но почти ничего не покупают. Не на что. С деньгами пока сплошная путаница, так как ходят, но почти ничего не стоят дензнаки различных режимов.

Медленно, но верно начинают входить в жизнь многие декреты и постановления, давно введенные на территории РСФСР.

Но как раз это внедрение советских законов и обычаев выбивает почву из-под ног буржуазных элементов. Магазины и рестораны, особенно богатые, не прожив пяти дней, закрываются, чтобы избежать социализации. В связи с этим: спекуляция, черный рынок, увеличение числа удирающих или скрывающихся.

Посыльный принес пакет: «Вы назначаетесь членом отборочной комиссии по распределению военнопленных офицеров белого флота, задержанных в Баку».

При чем тут командир миноносца? Впрочем, возможно, сыграла роль та записка, которую послал комфлоту после разговоров с «оставшимися» на «Орле».

Поздно вечером попал в какой-то огромный, но полутемный зал, хотя и с большими люстрами (не то бывшая гостиница, не то особняк), в котором накурено, шумно и толпами ходят из комнаты в комнату бывшие офицеры всех родов и служб.

Что «бывшие», видно по выражению лиц (иногда заискивающих, а иногда явно враждебных) и по следам от свежеспоротых погон.

Несколько столиков для регистрации, у которых давка. Вызывают сразу двоих или троих, из разных комнат.

Путаница и дезорганизация полная. Как бы в доказательство через пять минут убеждаюсь, что таких мандатов, как у меня, несколько, но подписаны они разными начальствующими товарищами. Что еще хуже — председателей тоже несколько. Имеется инструкция, присланная из Москвы, но она напечатана на папиросной бумаге и прочесть ее не так просто. В заголовке сказано, что она касается «военнопленных и перебежчиков», а у нас случай своеобразный.

Однако главное не в названии. Суть инструкции в том, что надо использовать тех, кто может быть полезен, и не дать проникнуть в Красную Армию тем, кто еще держит камень за пазухой. Согласен.

Зажатый в угол, стоит Сергей Александрович Благодарев (с таким же мандатом), и человек пятнадцать—двадцать белых офицеров дожимают его расспросами. Причем диапазон интересов такой: «А нас

не расстреляют в Чека?», «Скажите, а сколько будут платить, если я соглашусь поступить к вам во флот и запишусь в партию?»

Все остальные вопросы (иногда не менее идиотские) вменяются между этими двумя. Но все как один просят не называть их пленными, а «добровольно оставшимися».

Более серьезные и умные из «бывших» стоят в сторонке и терпеливо ждут своей участи.

Помещение никто не охраняет. Поведение опрашиваемых и регистраторов сухое, но вполне вежливое.

Еще через десять минут я убедился, что никому не нужен: всем заправляют командиры XI армии, чекисты и политотделы. Но за это же время насчитал среди регистрируемых двух бывших однокашников по гардемаринству и трех лейтенантов, с которыми познакомился 1 мая на «Орле». С их помощью составил список «ценных специалистов, разочаровавшихся в белом движении и готовых работать в учреждениях Красного флота».

Поспешил к комфлоту, который уже расположился на берегу.

Через час, к великому неудовольствию одного из председателей этой своеобразной комиссии, восемь бывших флотских офицеров разошлись по домам, имея временные удостоверения и указание назавтра явиться в отдел личного состава Волжско-Каспийской военной флотилии.

— Что, дружков нашел? — весьма недружелюбно сказал председатель, подышав на каучуковую печать и ставя восемь кружков.

По сути дружками, да и то бывшими, можно было условно назвать только двух. Но сейчас я видел перед собой только людей, сломанных жизнью, потому что они в 1917 году, не поняв происходящего, сделали неверный шаг. Теперь они были готовы на все, чтобы искупить свою вину перед родиной.

Только один из восьми высказал желание сейчас не служить на кораблях и не участвовать в операциях против своих бывших соратников. Это оказался мичман Е. Енчевский, которого знал еще по Тифлису, а здесь встретил на «Орле»; почему его можно было в какой-то мере считать «дружком» или, вернее, земляком.

Опасаясь, что поначалу новичку придется трудно, устроил Енчевского на «Пролетарий» под надзор Н. Ю. Озаровского¹.

Узнали от пленных офицеров с «Орла», что их командующий, загодя и правильно оценив обстановку, удрал в Крым, через Тифлис — Батум, якобы для доклада Врангелю.

Интересно, что все они называют его контр-адмиралом Сергеев, а по нашим разведсводкам он числился капитаном 1-го ранга. Так за какие же доблести он получил следующий чин?

Очевидно, за блестящее отступление из Петровска.

Но есть подробность более пикантная.

Оказывается, контр-адмирал прихватил с собой всю кассу флота, «не успев» выдать жалованье своим офицерам (и командам, конечно!) за два последних месяца.

¹ Перечитав эти записи много лет спустя, я должен сказать, что семь из восьми этих офицеров служили честно и принесли немало пользы нашему флоту (так же, как и другие, принятые комиссией). Достаточно напомнить фамилию капитана 1-го ранга С. А. Венкстера, который в качестве флагарта Черноморского флота, а позже профессора Специальных классов офицерского состава подготовил много первоклассных артиллеристов ВМФ и написал несколько научных трудов (по приложению теории вероятности к проблемам артиллерийской стрельбы). Но один из них продал свою честь и совесть и забыл ответственность перед народом, который простил его однажды. Е. Енчевский через полгода перебежал обратно к белым на Азовском море, куда он был переведен по его просьбе. Узнал я об этом в конце 1920 года, находясь уже в Кронштадте в качестве командира «Якоря».

Почти все бывшие подчиненные вспоминают о нем с озлоблением, ненавистью или с презрением.

Поздновато разочаровались.

Невольно вспомнил цирковых артистов в Петровске, брошенных хозяином шапито.

Теперь после бесед со свежеиспеченными командирами РККФ знаем о том, что 4 апреля к Петровску подходил крейсер «Австралия», и как затем, в море, произошла бескровная «смена командования», как матрос Самородов, избранный главарем, заставил повернуть в Красноводск, где и явился с повинной от имени всех к начальнику гарнизона.

Сейчас «Австралия» уже в Баку, стоит на рейде и приводится в порядок.

Командиром назначен неунывающий и напористый Лей — «фендрик» бывшего кайзеровского флота.

6 мая. Баку (у Дадашевского дока).

Как-то сумбурно проходят для нас эти дни в Баку.

Кругом — сложное сочетание из продолжающегося ликования народа, освобожденного от жадных, продажных, беспринципных промышленников, купцов, банкиров и их политической ширмы — «мусавата» (что значит «равенство»). Но одновременно на каждом шагу видна озабоченность и беспокойство (а иногда и бессилие). Азербайджанские большевики и народ, став хозяевами, получили очень тяжелое наследство после белых, турок, англичан и своих грабителей. Дезорганизовано снабжение населения. Очень малые запасы продовольствия. Запутанные дела. Скрывающиеся в городе враги, пока невидимые открыто, но уже ощутимые кое-где рядом по таинственным происшествиям вроде порчи механизмов, засылки вагонов, остановок электростанций, выключения водопровода и т. д. и т. п.

Но больше всего работа врагов ощутима по слухам и слушкам, сплетням, паническим сообщениям и проповедям в мечетях.

Кто-то рассказал, что Ревком распорядился перекрыть нефтепровод, тянувшийся на восемьсот пятьдесят верст от Баку до Батума. Из Тифлиса — вопли! Дипломатические и газетные.

Подумать только, какое огромное количество дельцов, вернее — спекулянтов, всех национальностей и калибров кормилось при помощи перекачки нефти и керосина «на мировой рынок» — в количестве свыше пятидесяти миллионов пудов в год.

Цены диктовали Детердинг, Ротшильд и Нобель. Грузинское правительство брало «за транзит» через меньшевистский рай и вывозные пошлины в Батуме, и мусаватистам приходилось со всеми соглашаться. Они задыхались от избытка нефтепродуктов и не имели другого выхода.

Фронт не так далеко, еще на днях на тифлисском направлении был у Пойлинского моста через Куру. Но беда в том, что никто не знает, где граница. С правительством меньшевистской Грузии (вернее, через него — с непрошеными «защитниками» закавказских народов) ведутся переговоры при явном саботаже с их стороны: об установлении границы, о прекращении стычек на ней; об освобождении из тюрем арестованных большевиков; о выдаче преступников, виновных перед народом, и возвращении похищенных ценностей, принадлежащих Азербайджанской республике или РСФСР и т. д. и т. п.

Сегодня Сережа Авдонкин сказал, что намечается поездка

С. М. Кирова в Тифлис в качестве особоуполномоченного правительства РСФСР с целью установления нормальных отношений с Грузией.

Вот это было бы замечательно. Возможно, откроется какой-то легальный способ списаться с матерью.

Из речи Ленина, опубликованной в «Правде» 30 апреля, узнали интересную деталь: оказывается, что «в Баку имеется миллион пудов нефти, для которой до последнего времени не было сбыта, вследствие чего даже нефтепромышленник Нобель пытался начать с нами переговоры о доставке этой нефти в Советскую Россию».

О последнем обстоятельстве здесь ни от кого не было слышно, хотя о Нобеле приходится слышать каждый день.

Ох уж этот Нобель. На чем только нет этой фирменной марки! И в Астрахани, и в Петровске, Красноводске, Баку... И повсеместно! Доки, мастерские, речные и морские суда, нефтяные и рыбные промысла, перегонные заводы, трубопроводы, фабрики, дома, конторы, больницы, поселки... Нобель, Нобель и еще раз Нобель. Вездесущий, как бог. Точнее, шведское государство внутри российского государства.

Но наконец-то пришел конец Нобелю, Нобелю и Нобелю.

7—8 мая (Баку).

Опубликован доклад С. М. Кирова на I Общебакинской конференции коммунистов, сделанный 5 мая.

Все начальство было на конференции.

Ожидал, что это будет торжественное заседание, как бы продолжение первомайского парада, с победными речами. Оказалось, что мотив победы и торжественности звучал достаточно явственно, однако по сути дела это был отчет о пройденном пути, приведшем к окончательному установлению советской власти. Анализ обстановки понадобился для того, чтобы одновременно поставить главнейшие задачи на будущее, учитывая специфические условия, сложившиеся «у дверей, ведущих в страны восходящего солнца». Так картинно назвал Киров Азербайджанскую республику и ее столицу — Баку.

Весьма деловой доклад. Он обращен был не только к сидящим в зале делегатам, но и к массам, которые еще не совсем разбираются в происходящем вокруг них, хотя и с их участием и ради их будущего.

Читая, еще раз устыдился того, как сужает духовный горизонт капитанский мостик, если подходить к событиям только с профессиональных позиций. Мы воспринимали победу как военные и как моряки. Мне особенно непростительно... Баку является городом моего детства. Не больше сотни верст отсюда — Карабах, сыном которого являюсь, а чуть подальше — Тифлис моей юности, я знаю местные условия и людей... Но понадобился доклад Кирова, чтобы понял с полной ясностью, что Азербайджан послужит еще политическим и стратегическим трамплином для скорого освобождения Армении и Грузии. Это неизбежно вытекает из слов Сергея Мироновича и тех фактов, свидетелями которых мы являемся каждодневно.

Поражает, что Киров не обошел ни одного острого вопроса, ничего не скрывал: ни национальную рознь, прививавшуюся веками, ни разруху или хозяйственные трудности, которые он назвал «неслыханными», ни польское нападение. Он не побоялся упомянуть о том, что «Россия стала изможденной», и сказать открыто об ошибках коммунистической партии.

Несмотря на все это, доклад дышит оптимизмом и вселяет уверенность в конечную победу.

Особенно важно и довольно неожиданно было услышать следующее: «Надо перестать бить в торжественные литавры... революция в Азербайджане еще не произошла...»

Только дочитав до конца доклад, понял некоторые несуразности, которые было так странно наблюдать после жизни в Советской России. Также понял, что иначе не может быть, что не могло произойти в одну неделю все то, для достижения чего Петрограду и Москве понадобилось более двух лет.

9 мая (Баку, пристань № 6, около Дадашевского дока).

Еще 3 мая начала выходить газета «Коммунист».

Сегодня на видном месте — приветственная телеграмма Ленина (еще от 5 мая), адресованная «Советскому Социалистическому правительству Азербайджана»:

«Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджана совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока — от империализма...»

И после поздравительных лозунгов — подпись, хорошо знакомая миллионам: «Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

Помимо самого факта официального приветствия, очень важно, что даже в нем упоминается о необходимости отстоять свободу и независимость. Это как раз то, что нужно помнить товарищам, не прекращающим с 1 мая ликования, банкетов и восторженных «ура» по поводу победы.

Конечно, особенно в союзе с Советской Россией возврата к прошлому не может быть, но, как и после Октября в Питере и в Москве, очевидно, предстоит затратить еще немало труда, а может быть, и человеческих жизней, чтобы добить не унимающихся врагов.

Сосредоточение флотилии в Баку продолжается.

Помимо новых тральщиков и сторожевиков, на одном из транспортов прибыли почти все отделы штаба и политотдела из Петровска и частично из Астрахани (тыловики). Располагаться стараются на берегу в реквизированных помещениях, как правило, весьма обширных.

Комфлот занимает квартиру со служебным кабинетом в большом доме. Тут же рядом — начштаб Кукель и оперативная часть. Работают все, начиная с комфлота, очень много и упорно. Воображаю, какое обилие «писанины», если передовые корабли в Астаре, а хвостовые в Казани! Директивы идут из Москвы, и от РВС фронта, и от Совнаркома Азербайджана, а согласовывать надо с РВС армии и многими учреждениями Баку, Петровска, Астрахани и даже Красноводска.

Число моряков в городе заметно увеличивается, подходят новые корабли и последние кожановцы. Однако рейд настолько велик, а пристаней и причалов так много, что на воде особого оживления не заметно.

Пришел на «Деятельный» проведать Снежинского и меня К. И. Самойлов, коренной бакинец, которого знаю с 1914 года. Умница, замечательный моряк и служака. Он давно на флотилии, но как-то в Астрахани не пришлось с ним встретиться.

¹ Газета «Коммунист» (Баку), № 7, 9 мая 1920 года.

Сейчас назначен командиром на «Карс» и начинает его приводить в порядок. Работы непочатый край — корабль очень запущен. Пушки настолько расстреляны, что он называет их «гладкоствольными». Замки приходится подгонять — свои были выброшены за борт во время попытки мусаватистов использовать канлодки против рабочих. По другой версии — замки приказали сдать в порт сбежавшие правители, опасаясь, что эти пушки могут быть обращены против них самих.

Беда «Карса» и «Ардагана» в том, что нет командного состава. Формально он есть, но из азербайджанцев с торгового флота, причем в большинстве не имеют морского образования и сами начали хлопотать о переводе на нефтеналивные суда. Самойлов не удерживает. Похоже, что он и к нам заглянул не без задней мысли, что можно позаимствовать и сманить кого-нибудь из военных моряков. Кое-чем помогли, но «лишних» краскомов нет.

Посмеялись над рассказом командира «Карса» о том, как на его упрек старпому в связи с отсутствием карт и компасов последний реагировал тем, что, посмотрев на небо, сказал: «Компас там!» — и, постучав пальцем по голове: «Карта здесь!»

Теперь у нас на «Деятельном», надо или не надо, лишь только заходит разговор о картах или компасах, все показывают на небо или стучат пальцем по лбу.

Был еще один визитер — Князев.

Оказывается, в злополучную ночь гибели «Каспия» он был на «Кауфмане».

Как погибал крейсер-ледокол, он не видел. У самих страшновато было. Но больше всего он был разочарован тем, что после высадки на остров Чечень там не нашли никого и ничего, кроме пустых бочек изпод авиационного бензина.

По сводкам, разговорам и слухам, мы все считали (и я, как другие!), что на острове Чечень чуть ли не первоклассный «порт», «операционная база» или «опорный пункт» и т. д. и т. п. Оказалось, что на деле, кроме палаток и фанерных будок, ничего не было, и жили белые летчики и англичане на плавучих базах малого тоннажа, в палатках и избах рыбацкой «ватаги», а запасы держали в земляных погребах. Уходя, все уничтожили. Десантникам даже жить было негде и пришлось поголодать.

Десант в Баку вообще не состоялся.

Сейчас Князев скептически ждет десанта в Энзели, в ленкоранскую высадку он не попал.

Самое тошное из всего, что пришлось здесь услышать о периоде временного господства врагов, это рассказы о «подвигах» англичан.

Все мы были воспитаны на представлении об Англии как о стране передовой цивилизации. Особенно в старом российском флоте было сильно развито увлечение всем английским. В результате биографию адмирала Нельсона знали лучше, чем жизнь и дела адмирала Ушакова, и Нельсон, а не Ушаков служил образцом для подражания.

Конечно, становясь более взрослыми, знакомясь с историей и литературой, постепенно начинали познавать «коварство Альбиона» и то, что «англичанка всегда гадит!». Почему-то это относилось преимущественно к области внешней политики, к дипломатии. Но практику, особенно вне Европы, то есть колонизаторские безобразия во всех частях света, — помимо дипломатов, прикрывали своими стихами и рассказами Редьярд Киплинг и тысячи других трубадуров Британской империи.

Нашему поколению на многое открыла глаза мировая война, но окончательно свалились все маскировочные покровы с английских политиканов и военных после Октябрьской революции. Гнусные бесчин-

ства на Севере (Мурманск, Северная Двина, Архангельск, наконец Мудьюг), поощрение и помощь в расправах с народом Колчаку, Деникину, Врангелю здесь, на Каспии, завершилась особо памятным по своей низости убийством двадцати шести бакинских комиссаров. До того я знал некоторые фамилии британских военных вроде Китчера и Хейга или Таундсенда, севшего в калошу в Багдаде¹, но после 20 сентября 1918 года их заслонили имена капитана Тиг-Джонса и генерала Молисона, которых мы не забудем до конца жизни.

И все же почти невероятным казался рассказ соседа по скамейке на приморском бульваре. Этот старикан в скромном чесучовом пиджаке и ветхой панаме на седой голове, видно бедный, но аккуратный гражданин явно русского происхождения, не испугался матросской формы и, приветливо улыбнувшись, демонстративно подвинулся, как бы очищая нам место, хотя на большой скамье было достаточно просторно.

Собеседник оказался не только старшим чертежником городского архитектора, но и философом. Спокойно, с легкой иронией, прикрывавшей горечь, рассказывал он о крайнем шовинизме «отцов города» и о том, как страдали от этого русские, армяне и граждане других национальностей. О смене режимов вплоть до турецкого старик говорил больше в анекдотическом плане, выбирая смешные, но характерные эпизоды, очень умно вскрывая внутреннюю сущность этих якобы занятных, но на самом деле очень печальных казусов.

На каверзный вопрос: «А как было при коммуне?» — старик, ничуть не задумываясь, ответил:

— Тяжело было!.. Но и занимательного тоже хватало. Многое мог бы рассказать о том, как не успевшие уехать хозяева прятали ценности, передевались в потерянные сюртуки, первые подавали нам руку и, сладко улыбаясь, называли кардашами²... С другой стороны, хотя и голоднее было, но впервые маленькие люди чувствовали себя настоящими людьми...

— Ну, а как было при англичанах?

С первых же слов чертежник утратил философскую бесстрастность и иронию. Через полчаса перед нами предстала весьма выразительная картина самого разнузданного, аморального, бесчеловечного и подлого поведения колонизаторов, уверенных в полной безнаказанности.

Великую Британию представляли здесь не только офицеры военного времени или капралы, выслужившие погоны за «дрессировку» индусов, но и джентльмены из так называемых хороших фамилий. Они как бы старались подтвердить ходовое мнение о том, что англичанин — джентльмен, пока он в Англии, и первейший хам, когда он в чужой стране.

Если специфически английским было холодное высокомерие и презрение к окружающим, то все остальные качества являлись стандартными для любых завоевателей. Поэтому зверства, жестокость, грабежи, насилия и издевательства совершались повсеместно, как днем, так и ночью.

Генералы вывозили из банков ценные бумаги, торговали нефтью с большим размахом и брали «комиссионные» от сделок. Штаб- и оберофицеры грабили купцов и дельцов под видом обысков или вымогали

¹ Лорд Китчер — фельдмаршал, военный министр Великобритании во время первой мировой войны; Хейг Дуглас — главнокомандующий войсками Англии в Европе, позже начальник генерального штаба; генерал Таундсенд — окружен и взят в плен турецкими войсками в Багдаде; британское правительство хотело выкупить Таундсенда, но не сговорилось в цене.

² Кардаш — товарищ (перс.).

для себя презенты у родственников арестованных; что касается капралов, то они мало чем отличались от ночных грабителей квартир и прохожих. Контрабандной торговлей занимались все, строго соблюдая служебную иерархию.

Пьянство в ресторанах с битьем люстр, зеркал и лакеев, бешеная езда по городу со стрельбой, насилия над женщинами, которые старались не выходить на улицу без охраны, избивание всех, кто не понравился одним своим видом, и многое-многое другое, что вмещается в понятие разнузданного хулиганства.

Два типичных штриха роднят бакинских интервентов с их собратьями в Мурманске, Владивостоке, Одессе... Они не делали особого различия между местными жителями и, забыв о первых своих декларациях, грабили и презирали всех независимо от национальности, веры или убеждений. Плевали на общественность, на местные власти, законы, суды, полицию, в том числе и на предателей, пресмыкающихся перед ними.

Второй штрих заключался в том, что все беззакония — с нескрываемым цинизмом, официально — прикрывались борьбой с большевиками. Даже отбирая часы и кольца у местного купца, англичане успокаивали пострадавшего тем, что оберегают его самого и ценности от коммунистов.

Интересно было услышать от бакинского обывателя такую характерную сентенцию:

— Честно должен сказать, что индусы из числа гурков и сикхов, которые составляли большинство британских батальонов, вели себя вроде как прилично. Правда, прикажут им стрелять в безвинных — стреляют, прикажут повесить — повесят. Исполнительные. А вот что касается оскорблений женщин или грабежей — не знаю такого случая. Опять же насчет выпивки — ни-ни!.. Получается, что грабежи, насилия и пьянство вроде как особая привилегия более культурных и цивилизованных англичан...

Вот бы огласить такую информацию на заседании английского парламента! Или напечатать в «Таймс»?..

Нет, не напечатают и не дослушают, и не потому, что не поверят.

Почтенные джентльмены вспомнят свою молодость, весело проведенную в Индии или Трансваале, как резвились или обогащались в Египте или Китае... и узнают самих себя. Но никто, кроме англичан, не умеет так лицемерить и лгать, чтобы не выносить сор из избы. Однако, судя по ходу событий во всех концах мира, с годами это становится все труднее и труднее, особенно после Октябрьской революции в России.

Надо думать, что документы, перехваченные на «Галилее», позволят увековечить «подвиги» англичан в Баку, хотя не все художества оставляют след на бумаге. Но для начала рассказ почтенного чертежника городского архитектора дал нам много пищи для раздумья.

Желая разузнать, нет ли каких-либо способов списаться с Тифлисом и заодно посмотреть, где и как устроился наш штаб, отправился по указанному адресу.

Штаб-квартира недурная, если не роскошная, и в двух шагах от набережной.

Помощник начальника оперативного отдела Борис Иванович Смирнов, в отношении с которым остался холодок (после того, как я в Астрахани отнесся скептически к его проекту посылки «Деятельного» в Красноводск), встретив в приемной комфлота, многозначительно поманил меня в одну из комнат со знакомой табличкой на двери: «Вход строго

запрещается». Висела в Астрахани, не успели прикрепить в Петровске — теперь накрепко прибили в Баку.

С видом заговорщика, делающего одолжение, Б. И. показал мне бланк с наклеенной лентой юзограммы из Ростова, релетующий приказ РВС Республики от 2 мая с. г., в котором разъяснялось вероломство «буржуазно-шляхетского правительства», выразившееся в нападении без всякого повода на Украину польских сил, «вооруженных франко-американской биржей» (хлестко написано!)... Далее сказано, что «в целях всестороннего освещения вопросов, связанных с этой борьбой... РВСР... постановил образовать при главкоме высокоавторитетное особое совещание по вопросам увеличения сил и средств... для победы в кратчайшее время»... и т. д.

Всех перечисленных фамилий не мог запомнить, только половину, из числа тех, о которых кое-что знал раньше, а именно: генерала Брусилова (председатель), Поливанова, Клембовского, Зайончковского, Парского и Перховского. Остальные совершенно незнакомые фамилии, но уже наличие одного Брусилова, известного всем русским людям, даже не военным, делает это начинание весьма авторитетным.

Ну что ж! Мне этот шаг нравится. Надо использовать всех и вся. Кроме того, такое совещание полностью соответствует решениям VIII съезда коммунистической партии и тому, что неоднократно говорил Ленин о «политике в отношении военспецов».

Возможно, что этот шаг одновременно показывает особую серьезность положения на польском фронте. Ведь не было подобных «совещаний» раньше? Вслух хотя не сказал, но подумал, что вряд ли можно было «мобилизовать» такую компанию царских генералов в период войны с адмиралом Колчаком или с генералом Деникиным, имевшими императорские вензеля на погонах. Сейчас немного иные условия. Сейчас для привлеченных генералов Польша является внешним врагом; следовательно, если они считают себя русскими патриотами, то должны действительно помочь родине.

Наверное, так и будет, хотя это не совсем последовательно. Интервенция Антанты казалась им приемлемой, так как совершалась под флагом «спасения России». Насколько это наивно, особенно для образованных генштабистов, пусть остается на их совести. В данный момент, судя по всему, Пилсудский не скрывает своих грабительских намерений и явно не собирается «спасать Россию», но зато тем самым он помогает нам.

На мой вопрос, как там идут дела, Смирнов утешительно сообщил о замедлении польского наступления и о якобы готовящемся контрударе Красной Армии.

Что касается каспийских дел, замначопер оказался на высоте и упомянул только, что на днях капитанов вызовут на совещание. И на том спасибо.

Внешняя метаморфоза

Наблюдал, как увольняются наши в город. Красота! В старом флоте полагалось форменку носить «напуском», отчего все матросы казались пузатыми или беременными. Теперь носят в обтяжку под поясным ремнем, видна талия, это делает стройной всю фигуру.

Приятно видеть, что почти у всех в парусиновых чемоданах сохранился «первый срок». Сейчас — выутюженные, с начищенными ботинками — все выглядят, как на картинке, «фасонисто».

Но особенно приятно то, что на «Деятельном» ни одного клешника или «жоржика». Нет и ленточек до пояса. Откровенно говоря, так же тщательно и хорошо одеты и другие моряки дивизиона. Если попада-

ются на улице матросы типа «гроза морей», «буревестник» или в этом роде, что бросается в глаза по расхристанному виду и фуражке, еле держащейся на затылке, то это либо с транспортов, либо из десантных отрядов. Но и там их немного.

Кстати, кто-то из военных мудрецов изрек вполне справедливо, что «внешний вид солдата неотделим от дисциплины», а другой его коллега — что «дисциплина невозможна без внешнего вида, то есть выправки, подтянутости и т. д.». Что раньше — курица или яйцо? Не знаю, но зато могу свидетельствовать, что прошло больше недели увольнений на берег, а на «Деятельном» никто не попадал в кутузку или на «губу», не было ни одного скандала; если пьют, то немногие и умеренно; не говорю уже о служебных нарушениях — их нет или до меня не доходят. А между тем в Баку соблазнов больше и можно было ожидать реакции после длительной «голодовки» в Астрахани.

Получилось наоборот: здесь и внешний вид лучше, и поведение и дисциплина выше, как будто людей подменили, в то время как нельзя сказать, чтобы командир или комиссар специально занимались этими вопросами. И так как чудес не бывает, то несомненно, что все поступки моряков определяются сознанием ответственности задачи освобождения Азербайджана, возложенной на флотилию. Одновременно воздействует понимание того, что каждый из нас является представителем братского народа, что также заставляет именно здесь, в Баку, перед лицом не только рабочих многих национальностей, но и различных их врагов и иностранных наблюдателей подтягиваться и держать высоко флотскую марку.

Чем больше узнают о художествах бичераховцев или англичан, тем меньше желание походить на них. Значит, дело касается не только внешнего вида, но и поведения, то есть внутренней дисциплины.

Между прочим, здесь всех моряков без исключения считают большевиками. Моряк, военмор, матрос — синоним коммуниста. Значит, все мы для окружающих являемся как бы представителями РКП(б), а это обязывает.

Думаю, что в этом секрет и внешнего вида, и внутренней дисциплины.

Возможно, поэтому, наблюдая увольнение, невольно так внимательно оглядел самого себя.

Молодцы наши хозяйственники, даже в Нижнем ухитрились открыть швальные мастерские — кажется, заботами тов. Измайлова. Но о командирах забыли, ограничившись выдачей материала на руки. Благо тем, кто вроде А. А. Синицына приехал в Астрахань с комфортом, прямо из Петрограда, прихватив чемоданы кителей и тужурок. Мне же удалось к Астрахани сохранить только портфель с томиком сказок Шехерезады.

За «Тысячу и одну ночь» никто по дороге хлеба не давал. Так и не пришлось расстаться с любимой рассказчицей в течение всей кампании 1920 года. Оказалась верной подругой, несмотря на то, что я готов был ее променять.

Еще в Петровске, собираясь в цирк, пытался отпарить бушлат и выутюжить штаны далеко не первой свежести. Заметного успеха не добился. Но там куда ни шло, а здесь, в Баку, — не ради шикарной публики на бульваре, а на фоне подтянувшейся команды — нельзя было продолжать носить обличие б ы в ш е г о.

Помню, как в Петрограде, особенно на Невском, некоторые бывшие офицеры, демонстративно торгуя спичками, нарочито выставляли напоказ полную форму, только без кокарды и погон. Мол, смотрите, русские люди, до чего довели нас большевики! Это претило до тошноты, было лицемерием и фальшью, не говоря уже о том, что это была одна из форм

контрреволюционной агитации, трусливой и безопасной для этих офицеров.

Не хочется подражать, хотя бы и невольно.

Правда, у меня есть матросский бушлат, но в нем по майскому Баку ходить уже невозможно. Белых кителей не имеется и в помине. Фуражка, хотя на ней нет белых кантов, все же остаток былой роскоши, некогда украшенный золотым «крабом»¹. Так или иначе, за версту видно бывшего офицера.

С 1 мая положение усугубилось тем, что «оставшиеся» белокаспийцы выглядят почти так же после того, как сняли погоны и кокарды, но только они не успели еще обноситься.

Выход в торговые ряды к ремесленнику-портному кончился полным провалом. Было абсолютно неожиданно и странно в ответ на вежливую просьбу наблюдать нескрываемую ненависть.

— Приходи через год! Стоить будет сто рублей золотом! А материал свой забери обратно и отдай, у кого нагребил! — При этом хозяйчик швырнул чуть ли не в лицо кусок сукна, полученный мною еще из астраханского порта.

Если бы с трудом не удержал темпераментного Гридина, то, наверное, произошло бы «нанесение телесных увечий». Однако я не мог понять, откуда такая слепая ненависть к нам, из-за которой человек не владеет собой и готов идти на большой риск? Ведь мы столкнулись не с купцом или промышленником, а с ремесленником, имеющим только двух наемных рабочих (старика и мальчишку, которому, наверное, даже не платит). Подобного случая в РСФСР не бывало и не могло быть.

Неужели это только результат враждебной агитации? Не совсем понимаю. Не мог объяснить и Гридину.

Но относительно моего внешнего вида вопрос ясен. Нельзя ходить оборванцем. Вернул сукно и, подогнав комплект и фуражку с ленточкой «Деятельный», начал ходить в форме рядового военмора. На корабле это приняли так, как будто иначе не могло быть.

Кое-кто на дивизионе встречает с ехидной ухмылкой: мол, подмазывается к матросам. Сначала было неприятно, но, присмотревшись к реакции этих самых матросов, перестал слушать злопыхателей и освоился.

10—12 мая (подготовка к решающей операции).

Исподволь — можно считать начиная с 1 мая — непрерывно ведется подготовка к заключительной операции. Ведется так, что никто толком ничего не знает. Для этого используется игра в молчанку (секретность) и маскировка (военная хитрость). Пока неизвестно, как все это воспринимает противник и насколько он дезориентирован.

Что касается нас, исполнителей, то мы, конечно, догадываемся по ряду признаков о неизбежности операции в скором времени. Но когда и как?

Даже на базаре известно о подходе новых сторожевиков и канлодок из Астрахани. Никто не скрывает, что за ними идут балтийские миноносцы. Не то двенадцать, не то четырнадцать, в том числе три или четыре с 102-мм артиллерией (типа «Украина»), а один дивизион — с мазутным отоплением котлов. Причем все они менее изношены и в лучшем техническом состоянии, чем наши.

Как будто правильнее дождаться их прихода, но тогда выступление против Энзели сможет начаться не раньше июня.

¹ Во времена керенщины офицеры носили фуражки английского образца, без белых кантов, с кокардой, в просторечии именовавшейся «крабом».

Как достичь цели? Ударом по защищенному порту и находящемуся в нем флоту или блокадой?

Если удар, то, очевидно, решительный и совместный (с моря, с суши и с воздуха). Чем внезапнее, тем больше шансов на успех и меньше потерь. В памяти встает прочитанное о Дарданелльской и Зее-Брюгской операциях. Ни та, ни другая не подходит в качестве примера, так как обстановка и цели операции совсем иные. Не прорыв и не закупорка нам нужны, а захват кораблей и ликвидация вражеского гнезда.

Понятно, почему мы сейчас не блокируем Энзели. Не хватает миноносцев, чтобы по одной паре на три смены держать постоянно в море, перед выходом из гавани¹. Астраханские канлодки для этой задачи не годятся. «Карс» и «Ардаган» не готовы. Зато с приходом новых миноносцев можно будет организовать вполне действенную тесную блокаду.

Но можно ли выждать еще целый месяц или надо идти на риск немедленно? Командиру миноносца такого вопроса не решить, так как надо знать, как складывается война с Польшей и Врангелем. Какие отношения с Англией и всей Антантой? Насколько может осложниться дело с Персией? И многое другое.

Штабники молчат, оперативная часть засела в береговом помещении и менее доступна, чем было на «Либкнехте». Это правильно. За нами бесспорно следят сотни глаз и ушей. «Галилей» только подтвердил, что в городе легион шпионов: любителей и профессионалов, русских и английских, азербайджанских и персидских, обоего пола и любого вероисповедания.

Очевидно, когда будет надо, объявят решение когда и как. Но уже теперь ясно, что решение будет правильное, так как подобную операцию в водах и на берегах нейтрального государства нельзя предпринимать без прямого приказа Москвы, а здесь, в Баку, без указаний тт. Орджоникидзе и Кирова. Не будь их, темперамент комфлота внушал бы беспокойство.

Для угольного миноносца уголь — главная проблема. О казусе в Петровске даже вспоминать не хочется.

В здешнем нефтяном изобилии угля для дивизиона опять не оказалось. Ведь не только в Баку все установки работают на мазуте. Смежные железные дороги и котельные заводов и электростанций также на нефтяном отоплении. Поэтому из центра пришлось направить сюда специальные маршруты с донецким углем через Ростов². Спустя десять или двенадцать суток мы грузили отличный уголек прямо с платформ, предварительно перейдя к одной из пристаней поближе к Черному городу.

Кочегары и механик улыбаются: «С таким углем не работа, а отдых, удовольствие! Что твой кардиф!»

Кстати, об отдыхе и удовольствиях.

Когда думаю, как протекает кампания, смущает мысль: поймут ли в Москве, на других флотах или потом, когда будут читать официальные отчеты, насколько нам приходилось трудно?

Ведь плаванья пустяковые. От астраханского рейда до Баку всего триста шестьдесят миль. Только один сильный шторм (гибель «Каспия»).

¹ При этом вторая пара должна быть в поддержке, а третья отдыхать и пополняться.

² Своевременная доставка угля в условиях недавнего восстановления советской власти на Северном Кавказе — еще при наличии банд, нападавших на Владикавказскую дорогу, в условиях большой войны с Польшей и Врангелем — показала нашу силу. Москва контролирует, Москва управляет и, несмотря на тяготы, разруху и голод, держит в руках все рычаги управления государством.

Единственный бой в море — с «Милютиным». Несколько небольших десантов и довольно упорная минная война — вот и все трудности.

Формально как будто так.

Но к этому скромному перечню надо прибавить условия, в которых приходилось добиваться даже таких небольших результатов. Совершенно изношенные котлы, машины и системы трубопроводов требовали непрерывных переборок и исправлений без возможности замены изношенных частей, при отсутствии материалов для ремонта и нехватке инструмента.

Многим известно, как авиация, летающая на чертовой смеси, реквизировала касторку во всех аптеках. Уже существуют анекдоты на эту тему. Но мало кто знает, что еще полгода назад из-за нехватки смазочных материалов морякам приходилось в рыбацких поселках «добывать» тюлений жир и самодельное мыло для использования вместо машинного масла и тавота¹. И оттого, что последний жир и мыло отбирали у советских людей в принудительном порядке, настроение не становилось лучше.

Некоторые вспомогательные механизмы вообще не работали — шпилевая машина на «Деятельном» или опреснители на всех миноносцах.

Мусорный уголь, проваливавшийся через колосники, пережигался по два-три раза. В результате приходилось работать в два-три раза больше и дольше, чем в «нормальных» условиях хотя бы очень напряженной войны. Если при этом учесть систематическое недоедание («карие глазки» — до Петровска), то только тогда станет понятным, что не в эпизодических боях, а систематически изо дня в день, в повседневной жизни от товарищей требовалось исключительное физическое напряжение.

Командир миноносца с приходом в порт становился дополнительно начальником охраны рейдов и тралил фарватеры, а старпом, став лоцманом, вводил вновь пришедшие корабли в гавань и днем и ночью. Нет военмора, который не имел бы дополнительной работы или нарядов в городе.

Однако тяжело не только от физической перегрузки. Ветхость и изношенность миноносцев являются источником тягостного беспокойства при мысли о том, что в любой момент может «скиснуть» какое-либо устройство или механизм. Сколько раз неожиданно отказывал рулевой привод, прерывалась связь, выключалось освещение, падало давление пара или происходили другие происшествия — с соответствующими последствиями. Все это ожидание «сюрпризов», могущих сорвать выполнение боевой задачи, и сознание ответственности тяготило почти всех от салажонка до командира корабля. Беспокоит оно и сейчас, когда думаю о предстоящем походе.

Надо помнить, что не было случая, чтобы флотилия вышла в операцию в заранее намеченном составе (особенно не везло «Дельному»), так же как не было случая, чтобы дивизион пришел к району операции в том составе, в котором удалось выйти².

Вот почему в таких условиях до последнего времени команда не имела нормального отдыха, так как его съедал непрерывный ремонт, дополнительные нагрузки, частые погрузки угля и приемка запасов и воды. Кроме того, приходится сознаться, что с момента выхода из Астрахани обстановка менялась так быстро, что ни штаб, ни политотдел, ни командиры миноносцев не успевали или не умели организовать досуга

¹ Причем от нагрева во время работы эти «заменители» выделяли такой смрад, что самые крепкие машинисты не могли выстоять нормальную вахту.

² К форту Александровскому намечен был поход двух истребителей — смог выйти один «Зоркий»; начали операцию два миноносца, но с полпути «Расторопный» вынужден был возвратиться в Петровск... И много других случаев.

(от лекций и кино до бани и стирки), предоставляя каждому устраиваться «по способности». Очевидно, зимняя организация и методы политпросвета и тыловой работы оказались несостоятельными, когда темп боевой жизни резко возрос.

По себе и окружающим знаю, что даже с приходом в новый порт (Петровск, Баку, Ленкорань) всякая любознательность или любопытство погашались непреодолимым желанием выспаться и отдохнуть.

Пусть товарищи оценивают наш ратный труд, учитывая эти условия.

Что сказать о корабле сейчас, когда надо быть готовыми к следующей задаче? Немного отдохнули. Не полностью, так как ремонт жмет на нас, а мы на него. Народ подтянулся. Работает много и живет дружно. Не помню взысканий.

Конечно, не все святые. Знаю, что кое-кто опаздывает, возвращаясь с берега, а кое-кто ловчит увольняться не в очередь. Но от меня скрывают. Установился порядок: «Сами управимся, у командира и без этого дел хватает». Однако от секретаря ячейки Ивана Белова мне известно, что ни один проступок не остается без осуждения. Драют сообща так, что редко приходится повторять.

Может быть, обманываюсь, но похоже, что у меня увеличивается число друзей. Дело не в том, что чаще, чем в Петровске, приходят в каюту за советом или с просьбой. Речь идет о товарищеской непринужденности, с которой заговаривают с командиром на палубе, на пристани или при встрече в городе, причем приветливо, но без всякой фамильярности.

Заметил также, что при всех выходах в город, в штаб или просто на бульвар непременно оказываются попутчики. Если при этом случается встретить знакомых, то мои товарищи отстают или исчезают, чтобы появиться вновь, когда опять остался один. Во время бесед прошупываю настроение перед решающей операцией. Итоги замечательные. Спокойная уверенность. Торопят.

Вчера военком принес и положил на стол наган. У меня своего оружия не было.

— Зря ходите в город без оружия.

— Так ведь постреливают по ночам, да и то изредка, а я ночью спать укладываюсь.

— Во-первых, всегда ночью в штаб вызвать могут. Во-вторых, бережного пушка бережет.

— Ладно! Давайте пушку!

Подсчитал в уме, оказалось, что «Деятельный» — мой пятый корабль, с тех пор как вышел в офицеры, и второй, которым команду. Не считая «гастрольных» боевых походов. В общем, учитывая гардемаринские плавания, есть с чем сравнить. И должен признаться, что не видел более изношенного корабля и в то же время более надежную и опытную команду.

Конечно, в первую очередь это Лузгин, который живет только кораблем, работает буквально круглые сутки и без воскресений. При этом без шума и крика; никакой позы или желания выслужиться; даже старается скрывать, если устает. Редкая самоотверженность и сознание долга.

Возможно, его следует упрекнуть только в одном — что много работает сам, даже в случаях, когда следует поручать другим. Но поскольку все машинисты, кочевары и трюмные охотно делают что требуется и слушают его беспрекословно, вряд ли надо «перевоспитывать» старика.

Очевидно, механик принадлежит к натурам, которые не могут сидеть без дела ни одной минуты. Старпом рассказывал, что когда на Волге

миноносец вмерзал в лед и оставалось свободное время после ремонта и школ (по повышению квалификации), Лузгин тачал сапоги или варил мыло, так как вторую его профессию — агронома — использовать не представлялось возможным.

Под стать механику и его «духи». Даже относительно молодые, вроде Виктора Дармограя¹, не вылезают из котельных отделений, если какой-нибудь клапан или донка внушают сомнение.

Старпом очень молод, поэтому у него иной стиль, но важно то, что никогда ни словом, ни делом не напоминает о том, что был командиром этого корабля, а работает исключительно добросовестно, стараясь помочь чем может.

Большевики «верхней» команды не отстают от духов.

Мне, бесспорно, повезло с командой.

Теперь, когда мы лучше знаем друг друга, должен сказать, что такого делового и спаянного коллектива не видел на других кораблях; даже на «Кобчике», о котором вспоминал с тоской, когда в Астрахани случались недоразумения.

Именно повезло, так как я пришел на готовое, в коллектив, уже имеющий свои революционные и боевые традиции.

Военком — неплохой человек, но флегматичный, как некоторые эстонцы, и, как почти все атлеты, к сожалению, слишком увлекается выжиманием гири. Неплохо, что он сплотил вокруг себя силачей, но этого мало. К тому же комиссар на «Деятельном» плавает еще меньше, чем командир. Значит, кто-то другой развивает, сплачивает и воспитывает экипаж миноносца, включая и беспартийный командный состав.

Конечно, это партия и те идеи, за которые она борется. Ежедневно и непрерывно, открыто и незаметно она воздействует на всех нас — убеждением, разъяснением и личным примером коммунистов. Все с исключительным уважением и теплотой вспоминают товарища Ядыгина, который в очень сложное и тяжелое время был председателем комитета, а позже секретарем партийной организации. По всему видно, что этот большевик сделал очень много для повышения политической сознательности и сплочения команды «Деятельного». К сожалению, я его не застал, так как он был переведен, но вижу по сей день, как его вспоминают в трудную минуту.

13—14 мая (Баку).

Хотя в газетах об этом не говорится или упоминается очень скупо, но на бульваре, в кают-компаниях и кубриках только разговоров что о резне, борьбе с бандами и особенно о мелких боях с грузинскими и армянскими войсками. Никто из соседей не знает, вернее не хочет знать, о точных государственных границах. Каждый исходит из местных интересов.

Командование Красной Армии временно (до установления договорных границ с соседями) исходит из старой административной карты Бакинской губернии Российской империи. Но последняя во многих местах не совпадает с границей Азербайджанской республики, установившейся в результате местных боев. Теперь выясняется, что пока XI армия двигалась к Баку, дашнаки и грузинские меньшевики постарались отхватить кто сколько мог, в то время как мусаватистские вожди, начальники, вояки, пограничники и жандармы вместо того, чтобы защищать свое госу-

¹ Дармограй В. Д. — после гражданской войны окончил ВМИУ имени Дзержинского и, отвоював в качестве инженера всю Великую Отечественную войну, вышел в отставку по болезни в звании инженер-капитана 1-го ранга.

дарство, стремились прежде всего расправиться с большевиками, а затем ударить или сами принимали участие в грабежах и сводили личные счеты.

Самое отвратительное — что почти повсеместно продолжается взаимная резня татар и армян. Не знаю, насколько это точно, но если до последних дней больше страдали армяне, так как мусульманская администрация их не защищала и даже поощряла избиение, то теперь как будто в некоторых местах к моменту приближения наших частей армяне пытаются отомстить, расквитаться в расчете на то, что Красная Армия им поможет. Надо быть очень темным и очень озлобленным, чтобы видеть в красноармейцах христианских крестоносцев, воюющих только с неверными мусульманами.

Как ни печально слышать об этом мне, армянину, но, очевидно, такие случаи имели место. В приказе командарма XI Левандовского сказано: «...идет взаимная резня армян и мусульман» — и дальше: «...отбросить за границу зарвавшихся грузин и прекратить армяно-мусульманскую резню».

Если, кроме того, вспомнить несколько крупных националистических банд (в Ленкорани, Гандже, Астаре и др.) и большое число мелких, представить себе, что, кроме грузин и армян, через границу перешли персидские «шахсеваны» и что в Карабахе и Зангезуре действуют какие-то «турецкие» полки, то становится ясным, почему пришлось почти все части XI армии распределить по территории Азербайджана для наведения порядка.

Обстановка чрезвычайно запутана. Сам черт не разберет. Но одно ясно — никаких завоевательных целей у нас нет. Главная задача состоит в укреплении завоеваний революции, в утверждении советской власти в республике, соседствующей с РСФСР, связанной с нами политически и экономически, в разоружении банд и в прекращении резни.

Пожалуй, самое необычайное заключается в том, что не только голодавшая вчера, но и полуголодная сегодня Советская Россия начала поставлять эшелоны с пшеницей для рабочих Азербайджана.

И это несмотря на разруху транспорта, войну с Польшей и Врангелем, на отсутствие запасов, на недород в некоторых областях. Невероятно!

Было ли подобное в истории? Не приходилось читать. Думаю, что не было. И еще думаю, что это — Ленин. Никто, кроме него, не мог бы взять на себя такого решения.

И в этом наша сила!

Вызванный начальством (из Астары) Озаровский рассказал кучу интересных вещей.

О том, как, не препятствуя обычному сообщению Энзели — Астара на моторных катерах (персидских), удалось узнать многое о том, что делается в этом персо-англо-белогвардейском порту.

Действительно, береговые батареи есть, даже недавно опробовались стрельбой. Периодически по ночам работают прожектора. Английских войск в порту не менее бригады; большинство солдат — индусы. Но штаб-квартира старшего начальника — в Реште, где большой гарнизон.

Что касается флота, то его состояние оценить трудно. Формально англичане корабли интернировали, но возможно, что это дипломатическая маскировка. Однако является достоверным, что флот стоит с некоторым экипажем. То ли их распускают, то ли сами разбегаются. Днем дозорных кораблей не видно, возможно, что выходят на ночь.

Ну что же! На этот раз кое-что знаем о противнике. Правда, если бы нас ожидал полноценный и энергичный враг, то этих сведений было бы недостаточно. Лезть в драку с берегом, не имея даже мест расположения батарей, не совсем грамотно.

Жаль, что наша авиация еще не перебазировалась в Баку (фактически еще не дотянула до Петровска).

Возвращаясь из штаба, оглядел рейд.

До чего велик! Несмотря на то, что сюда сосредоточиваются корабли флотилии из Астрахани и подходят все наливные суда, способные двигаться, рейд не кажется оживленным.

Помимо географии, секрет необъятности рейда заключается в многочисленности пристаней (которых более полсотни!), в отсутствии основного тоннажа, который уведен в Энзели, а также в том, что низкобортные миноносцы, стоящие у причалов, затерялись и почти не видны. Да, кроме того, пока миноносцев только четыре.

Все это хорошо, так как не дает почти никаких внешних признаков подготовки к операции.

Характерно, что фланирующая по бульвару публика оживляется, когда пробегает истребитель с большим буруном за кормой. Очевидно, фавориты публики знают о внимании к ним и нарочно эффектно проносятся слишком близко и слишком быстро. Мальчишество. Английского агента катера не отвлекут от наблюдения.

Поздно вечером необычный вызов на берег, к комфлоту.

Хозяин кабинета один. Стол завален бумагами; сбоку — остывший чай.

— Еще раз хочу напомнить о вашей второй должности... Что скажете по этому поводу? — Комфлот, улыбаясь, протянул мне обычный бланк гражданской телеграфной конторы, полученной в адрес «командующего Красным флотом».

Хорошо помню смысл депеши, подпись, контору отправления (в одну из ночей 10, 11 или 12 мая), поэтому не очень ошибусь, если попытаюсь воспроизвести ее текст.

«Энзели» (служ. отметки)... Считаю патриотическим долгом предупредить (или предостеречь). На днях англичане сбросили много морских мин внешнем рейде подходах порту. Доброжелатель». (Или Благожелатель.)

— Разрешите карту и циркуль.

Вспомнив лекции П. П. Киткина и И. А. Киреева, после некоторых прикидок я начал:

— Докладываю. По нашим данным, у входа в Энзели стоят береговые батареи — до шести дюймов. Мины выгодно ставить на пределе артиллерийского огня, с тем чтобы выдвинуть позицию дальше в море и заставить противника тралить возможно дальше. Одновременно увеличивается глубина района развертывания для кораблей, выходящих из порта. В данном случае глубины моря показаны очень скупо, но они таковы, что на дальности огня шестидюймовок мины ставить нельзя или почти нельзя.

У «союзников» были так называемые глубоководные мины, сконструированные для барража Отрантского пролива, но это такое громоздкое и дорогое оружие, что вряд ли англичане везли его сюда. Да и ставить «парашютные» мины можно только со специального заградителя. Поэтому такой вариант надо исключить вовсе. Максимум, на что можно рассчитывать, это на русские глубоководные мины, которые белые могли полу-

чить из Севастополя. Реальная глубина их постановки сто двадцать — сто тридцать метров (теоретическая — сто пятьдесят). Такой вариант нельзя исключить вовсе, хотя он также маловероятен.

— Почему?

— Докладываю. До сих пор мы имели дело (считая и минные операции 1919 года) с «рыбками» и минами 1908 года. Ни одного «иностранного» образца не было вытралено или выброшено на берег. Самоуверенность у англичан в крови. Белые, вероятно, заразились от них, тем более что относительно недавно Деникин доходил до Курска и Орла. Вот почему англичане и белые не ставили оборонительных заграждений ни у Чеченя, Петровска, ни на подходах к Баку, Ленкорани или Красноводску.

Кое-кто в штабе считает вероятным заграждение белыми входа в Тюб-Караганский залив. Но я убежден, что там могли видеть сорванные мины наших постановок прошлых лет. Никаких неприятельских заграждений вне подходов к Астрахани не существует. В этом отражается их стратегический план, расчет на скорую победу и свидетельство того, как они сильно ошиблись в своих расчетах. По той же причине не могло быть глубоководных мин у них в резерве. Вряд ли они в своих планах предусматривали поспешное бегство, которое совершилось всего только шесть недель назад. Если бы преемник Сергея просил телеграфно Врангеля выслать глубоководные мины, то, зная административные порядки у белых, необходимость погрузки и выгрузки (Севастополь, Батум), перегрузку на железную дорогу, формальности с транзитом через Грузию, перегрузку в Баку на транспорт или минзаг и выгрузку в Энзели, можно поручиться, что шесть недель — совершенно недостаточный срок. Тем более что мы исходим из предположения наличия готовых мин в Севастополе, свободных транспортов на Черном и Каспийском морях и порожних вагонов в Батуме.

Наконец, «Доброжелатель» сообщает, что мины поставлены на днях, а их еще надо было приготовить. Значит, враги располагали не более как пятью неделями, а то и месяцем. Такой аврал предпринимать только для того, чтобы поставить мины на крутом склоне береговой террасы, в расстоянии шесть — восемь миль от берега, явно нецелесообразно.

Остается одно, что если мины действительно поставлены, то это обычные шаровые мины восьмого или двенадцатого года, закрывающие непосредственный выход из гавани (в трех-четыре мили). Однако и это допущение очень сомнительно. Товарищ Озаровский уверяет, что дозорных кораблей или брандвахты на подходах к Энзели нет, а персидские катера ходят свободно в Астаре и обратно обычными курсами и без лоцманов, что исключает наличие минного заграждения у входа.

Мой вывод: «Доброжелатель», очевидно, из большого желания нас предостеречь ошибается или передает слухи и предположения. Но возможно, что он не благожелатель, а провокатор, которому поручено нас запугать трудностями.

— Согласен! Благодарю вас... Мне тоже представляется сомнительным наличие заграждения. Если же оно вплотную к берегу и только у входа, то оно не страшно. Можно сперва разделаться с батареями, а затем уже с минами... До завтра!

Последние слова, по-видимому, означали, что завтра, 15 мая, состоится официальная встреча с начальством.

Озабоченный вчерашним вопросом комфлота, с утра послал на «Орел» за новоиспеченными военспецами из числа «добровольно оставшихся». Как назло, почти все оказались артиллеристами. Рекомендовали спросить мичмана по фамилии Твербуз-Твердый, который служил в оперативном отделе сергеевского штаба.

Разысканный Твербуз сказал, что минный запас белых находится на барже «Терек», которая застряла здесь, в Баку, не без стараний мусаватов и сейчас стоит где-то у острова Наргин.

Хотел сначала посмотреть на баржу, нет ли новинок, но узнав, что на «Терек» только мины образца 1908 года, присланные из Севастополя, не поехал. Они мне известны с 1914 года и совсем недавногодились на астраханском рейде, так что изучать нечего.

На вопрос к Твербузу: «А были ли еще мины, хотя бы у англичан?» — последовал характерный ответ:

— Поверьте, не знаю. Возможно, они получали тем же путем, через Батум, из Англии или из того же Севастополя. Мы обязаны были докладывать англичанам о всех запасах, но что имелось у них самих — этого мы никогда не знали. От нас скрывали все секретные сведения.

Хороши союзнички и покровители! Впрочем, иначе и не могло быть.

Хотя полной ясности нет, все же вероятность наличия мин перед Энзели уменьшилась. Переслал Б. И. Смирнову записку с просьбой доложить начальнику штаба или комфлоту.

Все чаще в разговорах упоминается имя Кучук-хана (правильнее Кучек-хан). Толком ничего о нем не известно, но говорят, что персы-бедняки его боготворят. В это можно поверить, даже у нас о нем ходят романтические легенды на манер шотландского Робин-Гуда. Снежинский рассказывал, как впервые услышал о Кучук-хане весной 1919 года, лежа в стрелковой цепи во время боя с белоказаками за село Семирублево (под Астраханью). Тогда кто-то из матросов, раздосадованный необходимостью мокнуть и мерзнуть, лежа в камышах под огнем казаков, пригрозил, что «бросит все и уйдет к Кучук-хану». Жизнь в отрядах последнего, очевидно, представлялась моряку в виде борьбы вольницы с буржуазией, без особенных трудностей и среди сплошных апельсиновых рощ.

Кроме того, что Кучук грабит богатых и помогает бедным, на флотилии о нем ничего не знали. Сейчас начинает более ясно обрисовываться национально-освободительный характер борьбы, которую возглавляет в Гиляне Кучук. Он причиняет много ущерба и хлопот не только своим ханам, но и англичанам, действуя в их тылу и на коммуникациях. Когда у интервентов дела шли совсем плохо, они вступали с ним в переговоры, якобы сочувствуя его борьбе с шахским правительством, улещали, пытались привлечь на свою сторону. В последнее время, убедившись, что подкупить патриота нельзя, объявили крупную сумму за его голову.

Типичный прием для старых колонизаторов, но какой примитивный! Это годилось, пока азиаты были совершенно слепыми, но времена меняются и люди меняются. Особенно когда под боком поднимается Советский Азербайджан.

Расписался в повестке, приглашающей завтра с утра на совещание. В Баку мы с 1 мая; за эти полмесяца приглашали кое-кого порознь, но официальных сборов у комфлота еще не было.

Поскольку начальство и штаб работали с утра до ночи, а нас подготавливали с ремонтом и приемками, нетрудно догадаться, о чем будет разговор.

Значит, по-видимому, решено не ждать подкреплений и закончить кампанию при помощи потрепанной старой гвардии.

Ну что ж! «Деятельный» не подведет... если не подведет наша техника.

15 мая (Баку).

Состоялось первое совещание флагманов и командиров в береговом помещении штаба.

Большой сбор. Настолько большой, что попадались даже совсем незнакомые лица. Кое-кто из кожановских комбатов, несмотря на жару, не может расстаться с кубанкой и кожаными галифе.

После «зажигательного» предисловия комфлота и напоминания о сугубой секретности данного совещания начштаб прочитал боевой приказ № 5, помеченный вчерашним числом.

Главное в приказе:

Энзели защищают до двух тысяч человек английских войск и б-дюймовые батареи (сколько — не указано); о торпедных катерах — ни слова; общая идея операции — зажать Энзели в тиски: десант с востока, кавдивизион из Астары — с запада, крейсера и эсминцы своим огнем — с моря;

три кожановских отряда с трех транспортов после высадки на участке Хуммам-Кивру и отрезания сообщений врага с Рештом «стремительным натиском овладевают береговыми укреплениями», затем организуют оборону города; в случае приближения отрядов Кучук-хана высыпают поддержку;

для обмана и рассредоточения сил противника эсминцы типа «Деятельный» производят за два часа до высадки демонстративный обстрел западного берега от Энзели до Кечелала;

два крейсера (под командованием Гаврилова) подавляют батареи;

три канлодки (под командованием Славянского) поддерживают огнем десант;

кавдивизион из Ленкорани переходит границу (после сигнала по радио) в момент подхода кораблей к Энзели; его поддерживают с моря пароход «Герция» с ротой десанта моряков и крейсер «Пролетарий».

В заключение, еще раз напомнив о необходимости помалкивать и до выхода в море командам и десантникам ничего об операции пока не говорить, начальство предложило срочно заканчивать ремонт и все приемки.

Ни слова не было упомянуто о дате начала операции, а между тем для многих командиров это все равно что не сказать, участвует или не участвует его корабль в походе, так как на ремонт, снабжение и комплектование нужно много времени.

Первый вопрос: «Когда выход?» — заставил комфлота улыбнуться:

— Узнаете своевременно!

Но такой ответ явно никого не удовлетворил, и комфлоту пришлось добавить:

— В самые ближайшие дни!

Как ни странно, но дальше посыпались вопросы не относительно операции или боя, а о переходе морем. Впрочем, отчасти это понятно, так как формируется эскадра слишком необычная и разнокалиберная, техническое состояние кораблей очень ненадежно, большинство командиров пойдет на них в море впервые (кроме миноносцев), совместно с боевыми кораблями должны идти три транспорта, никогда не плававшие в эскадренном порядке, отсутствуют радиостанции на большинстве судов и т. д. и т. п. Вот что заставляет прежде всего беспокоиться о том, как дойти до места боя.

Попытка начштаба ответить и разъяснить способ построения в три колонны с фордзейлями впереди только запутала и смутила некоторых командиров, и комфлот поручил штабу разработать специальный приказ о походном порядке и раздать его участникам накануне выхода.

Пришлось и мне задать ряд вопросов:

— Исключается ли выход белого флота? То же — атака торпедных катеров или аэропланов? Кто должен следить за выходом из гавани, поскольку об этом в приказе не сказано?

Ответы (комфлота и начштаба):

— Выход белого флота и бой с ним исключаются, если только не найдется кучка фанатиков, которая может попытаться оказать сопротивление на одном-двух кораблях.

— Что касается торпедных катеров, то атака их более вероятна, поскольку для этого необходимо только по три-четыре человека на катер.

— Замечены полеты армейских аэропланов на Решт. Гидросамолеты давно уже не поднимались, но раз аппараты имеются, залив Пир-Базар представляет из себя гидроаэродром, а офицеры-летчики перелетали с острова Чечень — нельзя исключать возможность единичных атак. Если мы сумеем подойти внезапно и стремительно атаковать, то подобные разрозненные попытки врага вовсе не состоятся или не будут иметь успеха.

— В отношении наблюдения за флотом противника и выходом из гавани — пусть эту задачу выполняет миноносец, который во время демонстрации окажется ближе к порту.

Под конец, как это было не один раз в течение кампании, посыпались просьбы:

— Разрешите опробовать пушки, так как только что подогнали замки и установили две системы. («Карс», «Ардаган» и др.)

— Разрешите уничтожить и определить девиацию... (Касается почти всех кораблей.)

— Разрешите выйти на опробование машин после ремонта... (Относится к пятидесяти процентам кораблей.)

И так далее.

— Не разрешается!.. Можете делать на ходу, когда уйдем из Баку за пределы видимости.

Когда вопросы были исчерпаны, начальник штаба опять вернулся к организации выхода в операцию.

В определенный день флагманы и командиры будут предупреждены (до полудня) о начале выхода в тот же вечер. После чего надлежит прекратить увольнения и все дела на берегу. К спуску флага приготовить машины. Выход без сигнала, по способности, с наступлением полной темноты, без шума, малым ходом и только с ходовыми огнями.

Сбор в точке к югу от острова Наргин, в расстоянии мили.

Дальнейшее движение — по сигналам флагмана.

Расходились с противоречивыми настроениями, но самый факт, что наконец операция начинается, по-моему, большинством воспринят хорошо.

Ругается Самойлов. Но он действительно в тяжелом положении, поскольку его «Карс» не готов ни по одной статье. Ругается потому, что боится отстать, а не потому, что приходится идти неготовым.

Сразу на совещании трудно было обдумать приказ со всех сторон, тем более что его не выдали на руки. Кроме того, не хотел задавать критических вопросов, так как это невольно вылилось бы в обсуждение существа приказа, который подписан еще вчера. В таких случаях выступать надо очень деликатно. Дело не в формальном авторитете приказа или штаба. Нельзя смущать мало подготовленных командиров и увеличивать их сомнения. Можно выяснить свои вопросы у Чирикова или у Кукеля с глазу на глаз.

Но зато в каюте вопросы и сомнения появляются каждую минуту.

1. Внезапность и скрытность! Сказано, что «посадку десантов на суда произвести в городе Баку в день, который будет указан дополнительно». Незаметно это сделать невозможно даже ночью, учитывая три больших транспорта и три отряда. Со скрытностью так не получится.

2. Обидно, что авиация вовсе не участвует. Ни одного самолета. Особенно они пригодились бы для обнаружения береговых батарей и удара по ним.

3. Миноносцы должны начать демонстрацию за два часа до начала высадки, а крейсера откроют огонь по берегу одновременно с атакой десанта на укрепления. Значит, миноносцы два часа будут находиться под обстрелом шестидюймовок?.. Эти два часа могут дорого обойтись.

4. Операция удобно расчленяется на этапы по времени достижения целей, но этого не сделано. Места отдельных боевых групп и направление ударов как будто ясны, а вот последовательность их действий и согласование между группами по времени не уточнены. Это может привести к путанице.

Очевидно, начальство предполагает лично дирижировать действиями отдельных отрядов в процессе боя. Такой метод управления возможен, но он годится только при хорошей погоде (видимости), пока все идет по плану и противник не вносит неожиданных изменений в обстановку. Туманы по утрам могут быть и могут не быть. Пока погода держится отличная. А насчет врагов (возможности, настроения) — только догадки. В приказе, например, белый флот считается интернированными англичанами, но когда последние поймут, что мы стреляем по британским батареям, высаживаем десант против индийских войск и т. д., то вряд ли они запретят белым принять участие в отражении нашего удара. Они всегда любят воевать чужими руками и рады, когда русские воюют с русскими. Мастера черных дел.

Лично я не верю в интернирование — это маскировка с политической целью. Возможно, ошибаюсь. Одно несомненно — что ответы на большинство вопросов мы получим только на месте. А ждать нельзя, значит, надо выступать и сделать все возможное для разгрома как белых, так и интервентов.

Что еще ненормально, так это обеспечение картами, которое не лучше чем перед Петровском и перед Баку.

Морская карта района операции только одна, и довольно слепая. Чириков с трудом добыл одну армейскую десятиверстку на весь свой дивизион. Но самое досадное — названия важных для операции пунктов показаны на этих картах по-разному (Кечелал—Кейречелал? Или Куммам — Хуммам? Залив Пир-Базар — Мурдаб? И многое другое).

16 мая (Баку, выход в операцию).

Не успел узнать, что это — хитрость? Или так получилось независимо от воли командующего (например, могло быть по телеграмме из Москвы).

Дело в том, что еще вчера по намекам и недомолвкам начальства все мы пришли к выводу, что операция начнется через два-три, а то и через четыре дня.

А сегодня утром флажки и порученцы обошли на катерах всех флагманов и под расписку вручили приказ на операцию (№ 5) и уведомление о вечернем выходе в район сбора. Получилось как-то неожиданно.

Чириков пришел на «Деятельный» сам, вызвал Калачева и Бетковского. Дав указания о готовности, начдив ознакомил нас с приказами №№ 6 и 7 от 16 мая — о заслоне в сторону Ардебилля и о походном порядке, разрешив списать, что необходимо для графического изображения ордера. Одновременно он предупредил, что за два-три часа до съемки будем вызваны в штаб.

По просьбе Чирикова продумал и подготовил «репетицию» для уяснения задачи, возможной на три эсминца. К сожалению, начдив приказывать не умеет, но, конечно, его просьбы мы принимаем подчеркнуто как приказ.

Воспользовавшись свободным часом до начала занятий с командирами, собрал «семейный совет», как мы называем сбор комполитсостава «Деятельного».

По глазам догадался, что все и всё знают!

Не стал допытываться, откуда идет информация. Когда хотел дать некоторые указания, оказалось, что почти все уже сделано.

Улыбаются. Заверили меня, что боевое настроение у всей команды. С радостью ожидают выхода, несмотря на то что кое-кто начал корнями вращать в бакинскую почву. Сознание необходимости покончить с интравентами и белыми отодвинуло все личное на задний план.

Собрались в кают-компанию без Сеницына, так как у «Либкнехта» иная задача и он будет действовать самостоятельно.

Как ни пересчитывай, нас только трое. Боюсь, что в бою останемся с Калачевым вдвоем, так как Бетковский сомневается в готовности «Дельного».

Поскольку брейд-вымпел начдива опять на «Деятельном», он поручил мне как флаг-капитану провести одностороннюю игру (вернее, упражнение на карте) для отработки частной задачи: демонстративный обстрел берега к западу от порта Энзели под видом подготовки места высадки десанта, с целью заставить англичан перебросить войска из Казьяна через пролив.

Попробовали и так и этак. Пospорили. Сошлись на следующем:

1. К началу обстрела пляжа должны быть подавлены или отвлечены береговые батареи, так как миноносцы, приближаясь к берегу на тридцать пять — тридцать кабельтовых, попадут в сферу огня шестидюймовок, начиная примерно с семидесяти или шестидесяти кабельтовых.

2. Маневрировать надо, исходя из расчета, что мин нет, тем более что имеющиеся два тральщика нужны для обеспечения транспортов с десантом. Иначе задачу не решить.

3. Расстояние между миноносцами одна-две мили, это создаст впечатление подготовки высадки на фронте в три — пять миль, а рассредоточение кораблей затруднит огонь с берега.

4. Чтобы противник поверил, надо показать плотный огонь, не менее как на двадцать — тридцать минут. Но чтобы не расстрелять весь боезапас, надо делать перерывы между шквалами.

Если с берега не будет ответного огня, исходить из ориентировочного расчета: шквал пять минут, темп пять залпов в минуту (двадцать пять залпов), пауза две-три минуты; второй шквал четыре минуты, темп четыре в минуту (шестнадцать залпов), пауза три — пять; третий шквал три минуты, темп три залпа (девять залпов).

Это составит — ориентировочно — пятьдесят залпов на корабль¹ и продлится около двадцати минут.

После чего действовать по обстановке.

5. Целеуказание — в первую очередь вести огонь (фугасными) по полевым батареям, пулеметным точкам, технике и транспорту противника (автомобили, катера, шлюпки и т. д.).

¹ Таким образом, предполагалось израсходовать по 50 выстрелов на ствол, что при запасе по 160 снарядов на одну 75-мм пушку составляло около 30 процентов.

По живой силе использовать шрапнель. Не стрелять по домам и саклям, так как это жилье персов, за исключением случая использования их противником.

Чириков одобрил. Насчет первого пункта обещал поговорить с главартом Гавриловым.

Не берусь утверждать, но, очевидно, на этот раз высшее руководство операцией ушло из рук армейского командования. Оно, по-видимому, осуществляется директивами из Москвы, от коморси А. В. Немитца¹, а на месте — указаниями тт. Орджоникидзе и Кирова.

Приказом № 6 комфлот ставит задачу Ширванскому полку и кавдивизиону, стоящему в Ленкорани, значит, каким-то приказом по армии или по фронту эти части переданы во временное подчинение флотилии. Это хорошо, так как исключает какие бы то ни было недоразумения и моряки не смогут кивать на соседа, что помешали или не дали свободно действовать.

Сложность операции против англичан, с которыми мы не находимся в формальном состоянии войны, да еще в водах и на территории нейтральной Персии, при уравнинии со многими неизвестными (о силах и системе обороны противника) требует нахождения командования на месте, в центре событий (то есть на корабле) для быстрых решений в зависимости от изменений обстановки. В данном случае нельзя командовать из Баку только на основе донесений исполнителей. В этом своеобразии предстоящих боевых действий.

Подобная операция называется самостоятельной. Надо только, чтобы мы оправдали целесообразность этой самостоятельности.

Перед спуском флага посыльный принес вызов из штаба. Оказалось, это только место сбора, откуда группами по двое, по трое, с интервалами в несколько минут, чтобы не привлекать внимания публики, пересекли площадь и вошли в дом, который занимает Серго Орджоникидзе.

На этот раз — только флагманы и командиры кораблей, не больше пятнадцати — двадцати моряков.

Исключительно приветливо встретил Серго, здороваясь с каждым, в то время как комфлот представлял подходящих.

Я видел Орджоникидзе так близко впервые (не считая митингов) и очень волновался. Очевидно, и остальные были смущены не меньше.

Несмотря на настойчивые приглашения хозяина, никто не сел и весь разговор проходил стоя.

Совершенно очевидно, что Орджоникидзе еще раньше детально ознакомился с планом и одобрил его, иначе мы не имели бы на руках боевого приказа. По-видимому, вследствие этого о частностях не говорили.

Серго был взволнован не меньше гостей. Чувствовалось, что он считает операцию очень важной и очень нелегкой, в чем откровенно признался морякам.

Информированный о разногласиях в оценке обстановки и возможностях белых, он вполне искренне (а может, исходя из педагогических соображений?) высказался о необходимости срочного проведения операции и о своем убеждении в полном успехе. Поэтому призвал нас напрячь все силы, чтобы «одним сильным ударом уничтожить врага». Напомнил, что операция против Энзели должна стать последней операцией ей, но что это произойдет только в том случае, если мы добьемся

---

¹ Немитц Александр Васильевич (1879 г. рожд.) — вице-адмирал. В 1920 году был командующим морскими силами республики.

решительной победы. Особый упор Серго сделал на необходимость захватить неповрежденными нефтеналивные суда. Затем хозяин пожелал всем нам скорой и полной удачи и, пожимая руку, расцеловал каждого на прощание.

Характерно, что ни один командир не высказал сомнений относительно плана или конечного успеха, хотя и убежден, что еще вчера у каждого на душе они имелись. Никто не захотел показать свою неуверенность, а после высказываний Серго все сомнения отпали.

Взволнованность отеческого напутствия передалась всем присутствующим на этой встрече, поэтому мы выходили на площадь Свободы молча, но какими-то окрыленными.

В момент, когда расходились на бульваре, кто-то сказал, что на набережной в порту Энзели есть клуб «Иранэ», в котором собираются местные и английские заправилы. Рассказчик сделал рукой привет и торжественно произнес:

— До встречи в клубе «Иранэ»!

— До встречи в клубе...— ответили капитаны.

Энзелийская операция

Энзелийская операция, несмотря на относительно ограниченный масштаб и всего двухсуточную продолжительность, имела определенное стратегическое значение. Она привела к прекращению войны на данном направлении и к установлению полного нашего господства на Каспийском море. Одновременно она сыграла значительную политическую роль — изгнание интервентов и окончательный разгром контрреволюционных добровольческих сил позволили укрепить советскую власть в Азербайджане и повлиять на ход народно-освободительной и революционной борьбы в Грузии и Армении.

Помимо этого, Энзелийская операция представляет военно-исторический интерес как один из поучительных, но малоизвестных этапов гражданской войны, проводившейся в весьма своеобразных и трудных условиях, поэтому изучение ее опыта может оказаться в некотором отношении полезным.

Наконец, в этом деле есть еще одна, чисто профессиональная сторона, которая привлекает внимание моряков, — разгром англичан в Энзели можно рассматривать как своеобразный ответ на так называемую «кронштадтскую побудку».

Для разъяснения необходимо обратиться к истории.

Когда на рассвете 29 октября 1914 года линейный крейсер «Гебен», внезапно появившись из тумана, обстрелял Севастополь, он разбудил не только мирных жителей, но и дежурного по крепости. Пока бегали к коменданту за ключами от станции инженерных мин, «Гебен» ретировался и безнаказанно ушел¹. А этот эпизод стали иронически называть «севастопольская побудка», в назидание другим, чтобы помнили о необходимости бдительности.

Другой случай произошел на Балтике, когда миноносцы, стоявшие на якре у маяка Церель, проспали подход немецких крейсеров². Но последние так плохо стреляли, что пострадавших не оказалось, если не считать сигнальщиков, которым попало от своего начальства. Несмотря на это, моряки других флотов долгое время укоряли балтийцев «церельской побудкой».

¹ Обстрел «Гебена» был произведен с целью политической диверсии до объявления войны Турцией, почему заграждения (из «крепостных» мин) оказались не включенными.

² В Рижском заливе летом 1915 года.

Подобных эпизодов было немало и в истории флотов других стран. Сейчас, при попытке описания Энзелийской операции, невольно встает в памяти так называемая «кронштадтская побудка», которую десять месяцев назад устроили нам англичане во время наступления генерала Юденича на Петроград. Действительно, нападавшим удалось (вследствие ряда благоприятных для них условий), использовав внезапность, прорваться к Кронштадту. Однако в дальнейшем операция развивалась далеко не по английскому плану, так как, хотя Балтфлоту были нанесены незначительные потери, пробудившиеся кронштадтцы потопили около половины британских катеров, а оставшимся пришлось спасаться, не добившись намеченной цели.

Несмотря на это, от «побудки» остался неприятный осадок, тем более что англичане раздули свой первоначальный успех, умалчивая о провале операции в целом.

«Энзелийской побудкой» советские моряки с лихвой рассчитались с англичанами, продемонстрировав одновременно, как надо доводить до конца план намеченной операции.

Хотя никакого деления на этапы не было предусмотрено планом операции или боевыми приказами, все же при восстановлении хода событий, протекавших 18 мая, более удобно разбить их на следующие условные периоды:

- подготовка к операции (была изложена выше);
- переход морем, или марш-маневр;
- тактическое развертывание;
- первый удар, демонстрация и начало высадки десанта;
- переговоры и пауза;
- второй удар и капитуляция англичан;
- занятие Энзели и захват флота.

Отдельно придется кратко упомянуть о последующих событиях в Энзели или о некоторых обстоятельствах, выяснившихся по окончании операции.

16 мая — вечер (выход и переход морем).

Последние проверки.

Все готово.

Сажу в каюте под свежим впечатлением сбора у тов. Орджоникидзе и жду наступления темноты, после чего надо незаметно (благо нет луны) и без сирен и свистков перейти в точку сбора.

Мысленно проверяю: готовы ли мы к решающей операции?

Безусловно готовы! Но... для реальных условий обстановки, то есть учитывая малую вероятность боя в открытом море, сомнительность наличия минных полей и давно не летавшие гидроаэропланы.

Если не случится чуда и дезертиры не возвратятся на неупрекованные крейсера, то драка будет только с «войсками его величества».

Главная опасность для кораблей — береговые батареи, но они устарели недавно и поэтому вряд ли уже обучены стрельбе по движущимся целям. Для десанта основная помеха — британские и индусские части, желание которых умирать за английского короля на персидской земле можно поставить под большое сомнение.

Перелистал старые записи в тактическом формуляре «Деятельного». Спущен на воду в 1907 году; вступил в строй в 1908 году. Первый капитальный ремонт, произведенный через четыре года нормальной эксплуатации, длился с 1911 по 1912 год, то есть около года. Война помешала поставить миноносец на второй капитальный ремонт, к сегодняшнему дню

истекло восемь лет плавания, из которых шесть прошли в условиях напряженного использования в качестве дозорного, сторожевого или конвойного корабля на Балтике, а два последующих — в боях на Волге. Сейчас механизмы только подлатаны, но еще пригодны на один поход, если не придется маневрировать на форсированных ходах.

Что касается топлива и смазочных масел, то никогда положение не было так благополучно — возможно, от самого Кронштадта. По остальным частям (штурманской, артиллерийской, минной, связи и т. д.) мы сейчас не в худшем положении, но и не в лучшем, чем когда выходили в Петровск или в Баку.

Наконец — аврал!

Замечательный вид с мостика.

Море огней. За последние дни освещение города улучшилось. Сплошная светящаяся полоса от Баилова, усиливающаяся в центре и постепенно гаснущая к мысу Султан. Своеобразный Млечный Путь, в котором невозможно отличить портовые и навигационные огни. Хорошо, что Снежинский свободно разбирается, потому что ему приходилось принимать и вводить корабли, впервые приходящие из Астрахани.

Затемняем миноносец и выключаем все огни, кроме ходовых. Тихо отходим от пристани. Интересна психологическая деталь — все стараются говорить и подавать команды вполголоса; хотя это наивно и абсолютно не требуется.

Самым малым ходом обходим караван-сарай и два или три силуэта, стоящих на якоре.

Несмотря на то, что в операцию назначены четырнадцать кораблей и три истребителя, никого не встретили до прихода в точку (вернее, в район) рандеву.

Похоже, что скрытый выход из бухты удался.

Зато дальше было много «тумана».

Получилась толча в большой куче кораблей. Из-за темноты невозможно было сосчитать, все ли в сборе.

Томительно долго болтались на легкой зыби, без хода, озабоченные только тем, чтобы не столкнуться. Слышно, как кое-кто из «больших» отдаст якоря. Наконец на «Либкнехте» догадались передать клотиком сигнал «показать свои позывные», но из этого ничего не вышло, все начали отвечать сразу, а часть кораблей не имела клотиков или сигнальщиков. В этих условиях самым правильным было дать сигнал о начале движения («буки») и тронуться на юг самым малым ходом, что и было сделано флагманом. Отсутствие навыков совместного плавания сказалось сразу. Когда начало светать, импровизированная эскадра еще не могла уйти из видимости острова Наргин.

Когда наконец стало возможным различать силуэты кораблей, оказалось, что в нашей колонне не хватает «Дельного», отсутствуют вовсе два тральщика, сильно растянулись канлодки, а «Пушкин» отстал настолько, что еще маячит на горизонте.

Идем генеральным курсом зюйд.

Погода исключительно благоприятная — почти штиль. Ясно. Хорошая видимость. Так тепло, что накаляются металлические поручни и приборы.

Море и воздух опять абсолютно пустынные. Ни рыбаков, ни контрабандистов, ни англо-белых. И так до наступления темноты.

Ехидные остроты вперемешку с добродушными перекидывались с одного мостика на другой, когда через сутки, уже после окончания

операции, сигнальщики доложили, что на горизонте показался наш собрат.

Хорошо, что от Наргина вышли с большим запасом времени¹. То транспорта, то канлодки сильно отстают.

Походный порядок изрядно растянулся, в общем сохраняя свою геометрию, за исключением «Пушкина», отставшего ночью.

Вот что значит на практике простое понятие «совместное плавание», если в одну эскадру включены такие разношерстные корабли! Но главное не в этом. Можно научиться маневрировать более сложным соединением, если есть время для практики и тренировки. Взять хотя бы большие конвои мировой войны. У англичан тоже в первое время «камуфлеты» получались. Вот этой-то тренировки мы не имели ни одного раза. Даже пробного выхода не было.

Необычное соединение, непроверенный ордер, неизученные корабли, новые командиры (на пятьдесят процентов), впервые поднявшиеся на свой мостик.

Вот почему с утра ползли пятиузловым ходом (в среднем), а днем делали около восьми узлов и все же не опоздали. Великое дело — резерв. Даже имели время для остановки и приемки воды с «Розы Люксембург»².

Ночь прошла без происшествий.

Как всегда, когда нет опыта, в темноте ордер сильно растянулся. На рассвете «Карс» и «Ардаган» маячат где-то за кормой, почти за горизонтом.

«Пушкина» не видно совсем.

Рождается светлое и тихое утро нового дня.

18 мая.

Отступая, перед нами уходила на юг широкая пелена завесы не то тумана, не то дымки, которая совершенно скрывала море и берег, находившиеся за ней. Лучи солнца, поднимавшегося слева за кормой, отражались от этой завесы, что делало ее как бы светящейся рассеянным матовым светом.

В это время по румбу SO, приблизительно в направлении на порт Наушехр, высоко в небе стали просвечиваться беловатые легкие пятна, принятые нами за далекие облака. Но чем ближе, тем яснее обозначалась снежная вершина в безоблачном небе, как бы не связанная с землей, потому что внизу из-за тумана никаких признаков суши не было.

На мостике находились настоящие моряки, часть которых немало повидала, обходя разные моря и океаны, но появление на небе Демавенда заставило даже старых служак на время забыть все, включая операцию.

Мне тоже удалось кое-что посмотреть на своем веку, и в частности пять лет назад пришлось наблюдать, как из свинцовых волн Охотского моря медленно поднимается кажущийся относительно небольшим и будто близким величественный конус острова Алоид.

С рассвета и до вечера, почти полсуток, этот страж Курильской

---

¹ Нам предстоял марш-маневр в сто шестьдесят миль, до точки тактического развертывания, который миноносцы могли бы сделать в десять часов, но из-за остальных кораблей (кроме истребителей) приходилось рассчитывать на эскадренный ход не более восьми-девяти узлов, предстоял переход продолжительностью в семнадцать—двадцать часов. Таким образом, начав согласованное движение в 8 часов утра, эскадра имела еще от трех до пяти часов в запасе.

² До вооружения судно служило водолаем.

гряды продолжал приближаться навстречу кораблю, вырастая постепенно до грандиозных размеров, и необычным казалось то, что с начала и до конца он не терял своей воздушной легкости, оставаясь как бы взвешенным в сиреневой дымке на фоне бесцветного неба. Но самым удивительным было то, что светлая снежная вершина выделялась совершенно отчетливо, даже резко, в то время как основание острова, расплывавшееся в какой-то темной и мутной полосе у горизонта, представлялось более удаленным.

Не случайно память возродила из прошлого Алоид. Хотя теперь вместо мрачных вод вечно неспокойного Охотского моря с его леденящими ветрами мы шли в оранжерейном тепле, по штилевой глади синезеленого Каспия, вдали на горизонте все яснее проглядывался величественный конус необычайно красивой вершины. Вернее, не на горизонте, а высоко над горизонтом, так как границы между морем и сушей не было видно, но тот же оптический обман приближал к кораблю вершину Демавенда, скрывая и отдаляя его основание.

Этот исполин, страж древнего Ирана, как бы предупреждал моряков, еще не обнаруживших суши, что это море отнюдь не безбрежно. Однако если он предостерегал о том, что есть где-то берег на юге, то очень обманывал в отношении расстояния до него.

Несколько любопытных голов одновременно склонилось над картой. Ближайшей вершиной оказался Кифт-хан (18 000 футов), но пеленг не совпадал. Да простит аллах гидрографов за то, что они не сочли возможным опустить ниже рамку карты. Возможно, что в тот день, когда ученые мужи приближались к этим берегам, Демавенд был закрыт облаками, иначе такой замечательный ориентир обязательно был бы нанесен на планшеты на радость всем мореплавателям. Нам помогла разобраться топографическая пятиверстка, оказавшаяся у Чирикова в качестве общей оперативной карты. Теперь сомнений не оставалось, что это Демавенд (5604 метра), главная вершина хребта Эльбурс¹, но почти невероятным казался тот факт, что он открылся на расстоянии сто шестьдесят — сто семьдесят миль!²

Не верилось. Слишком необычно.

Многократно проверяли себя, царапая циркулем неповинную карту. Каждый раз подтверждалось — сто шестьдесят миль!

По мере дальнейшего продвижения на юг стал проясняться зубчатый контур всего хребта, еще больше подчеркивавшего высоту великана. Немного погодя за сужающейся и отступавшей дымчатой завесой открылся более сглаженный гребень нижнего яруса гор, которые все же были еще настолько далеки, что представлялись в виде сплошной плоской стены. Наконец туманная полоса настолько сузилась, что над ней выступили верхушки пирамидальных тополей Казьяна, вдруг оказавшихся на неожиданно близком расстоянии от нас. Одновременно, как из-под приподнятого занавеса, начал показываться прерывистый пунтир ярко-желтого пляжа и белесоватого наката прибойной волны, а прямо по курсу — голова высокого мола.

Это означало, что эскадра вышла точно на вход в главный персидский порт, хотя самого Энзели еще нельзя было рассмотреть.

Молодцы штурмана! Ведь корабли шли полные сутки без наблюдения. Не было времени заметить, определял ли Снежинский на переходе поправку компаса по звездам или по солнцу, но твердо помню, что в Баку так и не удалось из-за ремонта выйти на уничтожение девиации

¹ Своеобразный двойник кавказского Эльбруса (5633 м).

² Замечен в момент, когда «Деятельный» находился в восьмидесяти милях от Энзели.

и добыть новый лаг¹. Воистину прав был бакинский капитан, когда, постукав пальцем по черепу, сказал: «Карта здесь! Компас там!» — показав при этом на небо. Лучший прибор — хорошая голова.

Туманная дымка как-то сразу рассеялась, открыв перед нами изумительную панораму весеннего ландшафта. Над золотистой лентой песчаного берега теперь насколько видел глаз тянулась полоса свежей изумрудной зелени садов и парков, сквозь которые кое-где угадывались красные полоски черепичных крыш.

Но наступал момент, когда любование красотами природы становилось уже невозможным.

Прозвучал сигнал боевой тревоги — формальная дань уставу и дисциплине, так как не было ни одного товарища, который бы сам еще с рассвета не встал на свое место по боевому расписанию.

Все бинокли, старая подзорная труба и маленький дальномер впились во вражеское гнездо. Комендоры смотрели в прицельные трубы, остальные как могли; но теперь уже не красота или экзотика привлекала общее внимание.

Развертывание

Если смотреть с мостика в сторону берега под углом зрения решаемой задачи — а только так должен смотреть командир на местность перед операцией или боем, — то район предстоящего боя четко разделяется на три участка и выглядит так.

Левее (к осту) — пологий песчаный пляж от селения Кивру до предместий Казьяна с медленным, ленивым накатом прибоя от очень пологой зыби, почти незаметной для глаза. Вплотную за ним голые и невысокие дюны, через которые параллельно берегу пролегает шоссе и линии проводов на Решт. Единственная дорога то скрывается, то как на ладони. Сейчас пустынна.

Мы ожидали на подступах к Казьяну увидеть окопы или пулеметные гнезда, занимаемые по тревоге, но за дальностью расстояния рассмотреть их не могли.

Прямо на зюйд — после виноградников сплошной парк или лес, сквозь кроны которого выглядывают черепичные крыши или красные стены кирпичных домов. Это Казьян, район учреждений, мастерских и складов, рыболовных и путейских концессий российских фирм и министерств, еще в 1918 году захваченных интервентами и превращенных в военный городок английских войск. В парке Казьяна разбит лагерь для колониальных батальонов сикхов и гурков. Лучшие дома (бывш. Лианозова) занимают штаб и офицеры войск его величества. Тут же главная радиостанция, верхушки мачт которой торчат над деревьями. Со стороны залива Мурдаб должна быть стенка и пристань с посыльными судами и катерами. Где-то здесь же склад бензина и керосина (в бидонах), но местоположение его неизвестно, как неизвестны позиции батарей или других укреплений. Движения не видно.

Правее (к весту) — отделенный от Казьяна проливом (служащим и входным фарватером), находится город и порт Энзели. Резиденция губернатора провинции Гилян, консульства, портовое управление, таможни, банки, множество контор, жилых домов и лавок. Несколько пристаней и стенок с близрасположенными складами и пакгаузами.

¹ На «Орле» старпому удалось добыть только несколько морских карт. Одна из них пригодились во время похода в Кизыл-Агачский залив, часть мы передали Самойлову для «Карса». Что касается карт Энзелийского района или плана этого порта, то на «Деятельном» таких не имелось и плавали мы по навигационной карте «Южная часть Каспийского моря» (изд. ГГУ, 1913 г.).

Большинство судов (больше двадцати) стоит тесно кормой к городской стенке, отдав якоря в заливе. Видны только мачты и трубы. На окраине — склады импортных фирм, также занятые английским снабжением и запасами. Дальше — небольшой сухопутный аэродром, вернее площадка, оборудованная интервентами.

Все три наблюдаемых приморских участка отделены от гористого хинтерланда низменной болотистой равниной или лиманом Мурдаб, непосредственного фона в глубине они не имеют и потому кажутся расположенными как бы на острове, сзади которого на очень большом удалении начинается гористая местность. Там город Решт и высокие перевалы, выводящие к Тегерану. Это путь оккупантов и завоевателей, но это же и единственный путь их отступления. Где-то над Рештом нависают отряды Мирзы и Кучук-хана.

Теперь, когда солнце уже поднялось над морем, видно, что нигде нет ни души: ни на воде, ни на берегу, ни в воздухе. А так как ни один рыбак, лодочник, огородник или портовый рабочий любой части мира в этот час не может не работать, иначе он умрет с голоду, то абсолютно ясно, что все попрыгались из-за нашего появления и, наверно, осторожно выглядывают из-за укрытий.

В течение всей кампании мы старались упреждать своими действиями противника, начиная с момента борьбы за развертывание на 12-футовом астраханском рейде, и не один раз благодаря внезапности и настойчивости это удавалось флотилии.

На этот раз инициатива явно в наших руках. Мы нападём первыми. Время и место для удара выбрано советским флотом.

Но насколько этот удар внезапен для врага?

Хорошо, что в точке развертывания эскадру нагнал «Пушкин» и, как говорится, с ходу вступил в бой. Его 130-мм пушки — хорошее добавление к артиллерии «Розы Люксембург».

Это сила, особенно для борьбы с береговыми батареями.

Итак, до начала развертывания не было никаких помех. Мы не только не встретили дальнего морского или воздушного дозора на подходах, но даже у входа в порт не обнаружили ближнего охранения или брандвахты.

Можно сказать, что пока флотилия несет потери от ветхости или неисправности собственных кораблей или механизмов.

Батареи молчат, хотя головные корабли эскадры уже находятся в пределах дальности их обстрела. Что это? Хитрость? Может быть, не хотят спугнуть преждевременными выстрелами, чтобы потом иметь больше времени для огня при нашем отходе? Прием не новый, но так ли это?

Наконец по флажному сигналу с «Либкнехта» — «действовать по плану» — отдельные группы начали движение по трем основным направлениям (7 час. 15 мин.):

на SO, в направлении мыса Сефидруд, малым ходом двинулись первые канлодки и за ними транспорта;

прямо на S, ориентировочно на Казьян, начали сближаться с берегом «Карл Либкнехт» и крейсера;

одновременно, ложась сперва на входной мол, а затем последовательно склоняясь к W, — «Деятельный» и «Расторопный», левым бортом к Энзели, увеличив ход до двенадцати узлов.

Расстояние до мола тридцать пять — сорок кабельтовых. Для наших пушек — раџо.

Туман разредился, затем рассеялся без остатка, как будто его и не было. Теперь крыши военного городка, мол, порт и город на западном берегу и даже мачты судов в Мурдабе видны вполне отчетливо.

Ожидаем, что каждую секунду темноту под деревьями Казьяна может прорезать блеск залпа... Но его нет. Вообще нет никакого движения со стороны противника.

Обращаюсь к Чирикову:

— Разрешите начинать?

— Начинайте маневр, а с огнем повремените. Надо осмотреться. Снежинский переходит на кормовой мостик. Мы связаны переговорной трубой.

Старшинам орудий даются личные указания о целях на перешейке за городом.

«Расторопный» увеличил интервал до двух миль в сторону запада, после чего оба миноносца уменьшают ход до среднего и медленно продвигаются параллельно берегу.

Возглас дальномерщика:

— Вижу батарею... смотрит на нас!

Отстранив его, быстро нахожу левее восточного мола (за ним и в глубине) темную полоску и на ней что-то вроде двух установок. Расстояние и условия освещения таковы, что либо это палуба плавучей батареи «Которосль», либо... нет!

Наблюдению мешает землечерпалка, стоящая в канале между молами, и то обстоятельство, что все, находящееся на восточном берегу, проецируется на фоне темного парка или леса. Очевидно, это было учтено при выборе позиции для батареи.

Но долго разглядывать нет времени. «Деятельному» состязаться с шестидюймовками бессмысленно, и наконец через две-три минуты из-за перемещения миноносца батареею заслоняет западный мол, и мы выходим на траверз западных ворот города. Пора начинать огонь.

Хотя на пляже до Кечелала никаких укреплений или окопов не видно, пора начинать огонь, чтобы привлечь сюда внимание.

Начдив разрешает.

Даются первые установки к приборам.

В этот момент — а это было 7 часов 19 минут — «Карл Либкнехт», находившийся в двух милях у нас за кормой, открыл огонь, очевидно по Казьяну.

Буквально через минуту сделал первый залп «Деятельный», а вслед за ним «Расторопный», каждый по своему участку берега. Вслед за первыми — методично пошли остальные залпы. Темп был немного повышен, чтобы восполнить отсутствие «Дельного».

Насколько позволял видеть дальномер и бинокли, пляж от города до Кечелала, шоссе и отдельные домишки и шалаши оставались абсолютно безлюдными.

Еще минут через пять долетел густой бас 130-мм пушек «Розы Люксембург».

С этого момента огонь по берегу стал нарастать и постепенно перешел в сильную канонаду, то затухавшую, то усиливавшуюся.

Бой начался.

Огонь противника?

На «Деятельном» его не заметили. Самойлов, делясь впечатлениями после боя, рассказывал, что одна из береговых батарей сделала до двенадцати залпов, после чего замолкла.

Поскольку безмолвную плавучую батарею (у входного мола) мы видели, вести огонь могла только батарея, расположенная восточнее Казьяна, то есть в семи—десяти милях от нашего места. В общем грохоте боя мы могли ее не слышать, тем более что эта батарея должна была стрелять по крейсерам либо по десанту. В нашем районе всплесков не было видно.

Еще одно событие должно было начаться по плану развертывания.

Сейчас, в 7 часов утра, далеко на NW (около семидесяти миль по берегу) должен был по приказу перейти персидскую границу Ленкоранский кавдивизион, заранее сосредоточившийся в Астаре. Забегая вперед, можно сказать, что эта группа, сопровождаемая со стороны моря «Пролетарием» и «Астрабадом», форсированным маршем приближалась к Энзели с запада, нигде не встретив сопротивления. Она подошла к городу поздно вечером, когда все боевые действия под Энзели были уже закончены.

Корабли этой группы вошли в гавань на следующее утро, 19 мая, почти никем не замеченные. И хотя о кавдивизионе никаких упоминаний в официальной литературе или воспоминаниях участников почти нет следов, надо полагать, что дивизион и его корабли поддержки свою роль бесспорно сыграли.

Нетрудно догадаться, что как только эта группа пересекла границу, то об этом тотчас было донесено английскому командованию в Энзели, поскольку телеграфная связь с Астарой продолжала действовать. Следовательно, депеша могла быть получена адресатом в период времени от 7 часов 15 минут до 7 часов 45 минут. Но в данном случае важнее не время по часам, а то обстоятельство, что сообщение о переходе границы поступило в момент, когда весь горизонт от края до края был заполнен советскими боевыми кораблями и транспортом с десантом, продвигающимся к берегу, и когда раздались первые залпы, не оставлявшие сомнений о серьезности намерений большевиков.

Одновременно с ударом по Энзели, отрезанием его от Решта приближавшаяся группа должна была показать масштаб всей операции и создать впечатление о полном окружении английских сил, что не могло не повлиять на решение обороняющихся.

Первый удар. Демонстрация. Высадка.

Не знаю, на каком по счету залпе «Деятельного», но точно помню, что еще на первом галсе (левого борта), следовательно, около 7 часов 25 минут раздался за кормой грохот пушек «Розы Люксембург». Минуту спустя донесся другой солидный залп, и кто-то из смотревших на восток доложил, что это стотридцатки «Пушкина».

Таким образом, опережая утвержденный план почти на полтора часа, главный калибр флотилии нанес удар по центру вражеского гнезда — Казьяну, не выжидая реакции противника на артиллерийскую демонстрацию маленьких миноносцев¹. Причем, судя по интенсивности огня, стреляли одновременно все крейсера (включая «Австралию»).

На «Деятельном» их канонада была воспринята с чувством большого облегчения — с этого момента вражеской обороне явно было не до нас.

¹ Очевидно, наш штаб не верил в успех демонстрации, особенно после того, как группа уменьшилась на треть из-за отсутствия «Дельного».

Надо сказать, что общая картина получилась довольно внушительная, так как временами огонь с моря велся от Кивру до Кечелала, причем стреляло до девяти кораблей почти из тридцати средних стволов, не считая мелких калибров истребителей. Несомненно, что в этих условиях английскому командованию трудно было сразу разобраться в намерениях большевистского флота. Когда же прошло достаточно времени после ошеломляющего впечатления первых залпов, мы были удивлены непонятной медлительностью обороняющихся. В тот момент мы еще не знали двух важных обстоятельств. А именно того, что один из пристрелочных снарядов «Розы Люксембург» разорвался в помещении британского штаба, и... того, что советское (декретное) время, по которому жила и воевала Каспийская флотилия, опережало официальное британское время в Энзели на два часа.

И то и другое оказало значительное влияние на ход событий, разыгравшихся утром 18 мая.

Главарт флотилии Борис Петрович Гаврилов, несмотря на высокий ранг, присвоенный ему на время операции¹, как истый артиллерист, не мог отказать себе в удовольствии лично управлять огнем 130 мм пушек «Розы Люксембург», на которой он держал свой флаг. Даже сорок лет спустя Гаврилов скромно считал свой успех случайным². И в какой-то мере он прав, поскольку никто на флотилии, включая и главарта, не знал, где именно размещается штаб энзелийского гарнизона. Но целиком согласиться с ним все-таки нельзя. Для выяснения истины лучше предоставить слово самому главарту, который после сообщения о том, что начиная с совещания в Баку он не получал никаких приказаний командования относительно выбора целей, которые следует поразить в Казьяне, затем продолжает в своем письме:

«...Рассматривая в бинокль береговую полосу, я увидел несколько незначительных одноэтажных домиков, а среди них группу домов покрупнее и приказал открыть по ним огонь...» (Гаврилов лично обошел наводчиков орудий, чтобы проверить, правильно ли понято целеуказание.— И. И.)

...Первый и второй снаряд упали близко от цели... Стрельба затруднялась тем, что крейсер, бывший до вооружения водоналивным судном, оказался с пустыми трюмами, почему даже на слабой зыби его сильно раскачивало. Если один залп падал вплотную у борта, то второй переносило далеко в Мурдаб... пришлось темп огня приспособить к качке, после чего огонь сделался удовлетворительным...

...Вот почему снаряд, попавший в штаб, был, конечно, случайным. Впоследствии я подходил к этому зданию — это высокий кирпичный дом, левый верхний угол которого был разбит...»

Итак, хотя дислокация британского штаба была неизвестна, все же выбор самого большого здания и его поражение, несмотря на качающуюся платформу 130-мм пушек, надо целиком отнести к решению и к искусству главарта. Это так же верно, как и то, что колонизаторы привыкли располагаться в лучших домах оккупированной им местности, убежденные в том, что никто не посмеет беспокоить их сон. Можно держать пари, что именно это убеждение мешало им проверить бдительность караулов и наблюдательных постов, так как одна вывеска с наименованием «Войска его величества» должна была, по их мнению, вселять трепет в «туземцев» и служить гарантией неприкосновенности.

Очевидно, в том же духе рассуждали засыпающие на постах сиг-

¹ Боевым приказом № 05 от 14 мая 1920 года назначен начальником группы крейсеров

² Большое письмо Б. П. Гаврилова, на тринадцати страницах, от 26 февраля 1959 года в ответ на просьбу поделиться своими воспоминаниями об операции.

нальщики и часовые «его величества», что подтверждается всей историей колониальных войн до того момента, пока на историческую арену не вышли большевики, первый залп которых рассеял подобные иллюзии.

Именно в моменте первого залпа — 7 часов 19 минут по советскому (декретному) времени — заключался второй секрет этого злополучного для англичан дня. Надо признаться, что этот секрет был неожиданным не только для защитников Энзели, но и для всех советских участников операции.

На дистанции открытия огня (около сорока кабельтовых) Гаврилов видел в большой «цейсс» розовое облако раздробленного кирпича и фигурки разбежавшихся англичан, но никак не мог рассмотреть, в штабах они были или нет.

С нескрываемым злорадством передавали нам после боя энзелийцы пикантные подробности того, как офицеры выпрыгивали из окон в чем мать родила.

Вероятно, в этих показаниях очевидцев было немало преувеличений, рожденных ненавистью к интервентам, однако основное их содержание не подлежит сомнению, оно было подтверждено другими источниками.

Так или иначе, но вслед за первым залпом советского крейсера из окон и дверей поврежденной штаб-квартиры, так же как из смежных домов, вокруг которых тоже рвались крупные снаряды, начало выскакивать начальство 39-й бригады и других учреждений гарнизона Энзели. При этом вполне естественным в сложившейся обстановке было то, что прыгающие и бегущие джентльмены искали укрытий в канавах парка и за капитальными стенами складских строений Казьяна. Однако крайне досадным обстоятельством этого спортивного кросса было то, что он происходил на глазах проснувшихся в полотняном городке не только солдат Варвикского и Норс-Стаффордского батальонов, но и на виду у всех гурков и сикхов, воспитанных при помощи капральских палок на чувстве высокого уважения к своим сахибам, «несущим бремя белого человека»¹.

Поскольку прежде других пострадал штаб, то совершенно закономерно, что управление обороной оказалось нарушенным, во всяком случае на первом этапе боя.

Помимо самого факта экстренного «рассредоточения» штабных командиров по кустам, оказалось, что большинство из них было одето далеко не по уставу, несмотря на то, что тропическая форма одежды, которой пользуются британцы на Ближнем Востоке, сама по себе предоставляет исключительно большие льготы. Одним словом, представители колониальной армии Великобритании разбегались по кустам не в уставных трусиках и даже не всегда успев скинуть ночные пижамы. Что дело обстояло так, не подлежит никакому сомнению. Даже сами англичане, не потерявшие чувства юмора, при последующих беседах признавались в этом косвенно, укоряя нас за то, что мы «воюем не по правилам»: ведь, «по давней традиции, освященной веками, уважающие себя люди никогда не воюют на Востоке ночью, а спят в это время, оставляя для сражений дневное время». Причем этот универсальный обычай не ввезен из Европы, а заимствован пришельцами у поработанных народов.

Мы далеки от мысли обвинять в трусости всех английских офицеров. Среди них попадаются очень отважные и упорные воины, не столько патриоты, сколько спортсмены, но утром 18 мая они были поставлены обстоятельствами в непривычные условия: большевики открыли огонь, когда все они еще крепко спали под москитными сетками.

¹ Так идеализировал миссию английских колонизаторов на Востоке поэт империализма Редьярд Киплинг.

Так произошла «энзелийская побудка»! Да еще в самой классической форме, несмотря на то что с 19 августа 1919 года прошло всего только девять месяцев.

Ликование балтийцев возрастало с каждым часом, но только на следующие сутки удалось выяснить, как дорого обошлось англичанам их запоздалое пробуждение.

На этот раз секрет успеха побудки заключался не только во внезапности нападения, как было в Кронштадте, но еще больше от расхождения часов, по которым жили обе стороны.

Оказалось неожиданно как для них, так и для нас, что когда еще в Баку планировалось начало тактического развертывания перед Энзели на 7 часов 00 минут, то никто не задумался о том, что это будет обычное бакинское время (6 час. 00 мин. по третьему поясу), дополненное декретным часом. Поэтому, когда пунктуально было начато развертывание с почти одновременной посылкой первого залпа с «приветом» от «Карла Либкнехта» в 7 часов 19 минут (а затем — от «Розы Люксембург»), то в этот момент стрелки всех английских часов как в штабе, так и в лагере или на постах и батареях «его величества», показывали 5 часов 19 минут — по второму поясному времени¹. Вот почему все спящие, а также те, кому не полагалось, видели в эти мгновения самые сладкие предутренние сны.

Кто же воюет в 5 часов утра?

Опять эти ужасные большевики, не считаясь с установившимися традициями, с правилами хорошего тона и тем более с «сферой британских интересов», бесцеремонно вторглись в район, давно занятый 39-й бригадой, и начали боевые действия в самое неподходящее время суток.

Да, так именно и было! И не в первый раз, если учитывать опыт Петровска, форта Александровского, Красноводска, Баку, Ленкорани и Астары. Очевидно, времена изменились, если дополнительно вспомнить Балтийское и Белое моря, Мурманск, Одессу и другие пункты, эвакуированные англичанами. И напрашивался общий вывод: очевидно, так будет и впредь, скоро англичане будут изгоняться отовсюду, куда они явились в качестве непрошенных гостей и захватчиков, с оружием в руках, независимо от того, какими бы лицемерными предложениями ни прикрывались их блокады или интервенция.

Итак, обстановка стала частично проясняться. Внезапностью «энзелийской побудки» можно было объяснить полное расстройство управления обороной Энзели и непонятную вначале медлительность действий англичан.

Объяснить — да! Оправдать — нет! Хорошая система обороны должна предусматривать быстрый выход из любого шока, даже вызванного неожиданным ударом противника.

На третьем или пятом галсе, когда «Деятельный» вел редкий огонь левым бортом, будучи обращен носом на восток, над заливом Мурдаба показался очень маленький колесный моноплан, поднимающийся пологой спиралью в сторону гор. Это было так ново, что привлекло всеобщее внимание на мостике, у пушек и на верхней палубе.

Калачев успел поднять однофлажный сигнал: «Неприятельский самолет!» Однако расстояние было настолько велико, что никто не по-

¹ Хотя Энзели должно было входить в третий пояс, но бригадское командование Ближнего Востока, имея войска в Месопотамии, Малой Азии и Константинополе, считало более удобным иметь единое время в пределах одного командования, почему отнесло Энзели к одному поясу с Турцией, Аравией, Египтом и Суданом.

мышлял о стрельбе. Но на случай, если бы англичанин, набрав высоту, вздумал повернуть в нашу сторону, к единственной 37-мм пушчонке на специальном вертлюге, позволявшем ей стрелять в зенит, был вызван на кормовой мостик комендор, который один умел обращаться с этим кустарным приспособлением в виде «глаголя» и держал на почтительном расстоянии английских «сосунков»¹, когда в зиму 1919 года они ежедневно налетали с бомбами на наши корабли, неподвижно стоявшие во льдах астраханских протоков.

Но так же неожиданно, как он взлетел, моноплан пошел на посадку и скрылся в дымке, закрывающей даль за лиманом. Что означала эта попытка вылета, мы поняли только после операции.

Помимо наблюдения за разрывами фугасных снарядов или шрапнелей, чем был занят командир корабля, стоявшие на мостике — включая начдива — следили неотступно за выходом из порта на случай возможной атаки торпедных катеров. Это определялось тем, что «Деятельный» находился ближе всех к молу. По той же причине я просил «гостей»², чтобы они смотрели за лиманом Мурдаб, вернее за поведением судов, стоящих в заливе, и сообщали об изменениях обстановки, поскольку это можно было разглядеть через высокую стенку мола. Но самым ответственным объектом для наблюдения сигнальщиков и моих помощников являлось движение плавучих средств через пролив, так как в изменении режима плавания между причалами города и Казьяна был весь смысл наших стараний и расхода боевых снарядов.

Минут пятнадцать пролив оставался удручающе пустынным, и ни один киржим, к великой моей досаде, не пересек фарватера. Я начинал уже отчаиваться и думал о бесполезности нашей затеи, когда после очередного поворота на обратный галс (правым бортом) несколько голосов, стараясь перекрыть носовую 75-мм пушку и друг друга, закричали:

— Пошли... стеной!.. Тронулись!..

— Десятки киржимов и катеров!..

— Настоящий аврал!..

И так далее в этом же духе. С радостью убедившись в дальномер, что действительно противник начал переброску на западный берег по крайней мере батальона индусов³, я приказал подсчитывать число катеров и шлюпок и тотчас вызвал к переговорной трубе Снежинского:

— Ради аллаха, не бейте по киржимам! Иначе спугнете, бросятся обратно!.. Пусть переправляются без помех...

— Ясно!

Начдив полностью одобрил и дал семафор на «Расторопный», хотя Калачев от Кечелала не мог еще видеть запоздалого, но нужного нам маневра английских сил «по внутренним операционным линиям», как пишется в учебниках.

Следующим побуждением Чирикова было донести комфлоту об успехе демонстрации миноносцев, но когда мы (продолжая методичный огонь по пляжу) стали искать биноклями «Карла Либкнехта», то оказалось, что:

¹ Еще весной я узнал, что на Астрахань с острова Чечень летало много курсантов, присланных из школ метрополии, из числа не успевших закончить курса или сдать экзамены в связи с окончанием «большой» войны. Факт, с которым столкнулись балтийцы в 1919 году при налетах на Кронштадт авиации «не воюющей» с нами Англии, когда самолеты пилотировались кандидатами на офицерский чин.

² Штабные и прикомандированные часто обижаются, когда их называют «пассажиры», несмотря на то что этот термин закреплен морским уставом с давних времен.

³ Продолговатые силуэты голов сидевших в киржимах подсказывали, что у бойцов вместо фуражек тюрбаны.

против Казьяна медленно маневрируют «Роза Люксембург» и «Пушкин» и (как кто-то сострил: «Через час по столовой ложке») посылают по одному-два снаряда в городок;

на горизонте, прямо на ост, виден флагман, все фалы которого заняты какими-то сигналами; ближе к берегу — «Австралия», ведущая огонь по невидимым от нас целям;

еще дальше к востоку заметны только трубы и мачты транспортов, «Карса» и «Ардагана», вплотную к малым глубинам, откуда доносится довольно интенсивная стрельба.

Не оставалось никаких сомнений, что высадка десанта уже началась, но из района маневрирования «Деятельного» она не была видна.

Позже гг. Самойлов и Озаровский кратко нарисовали следующую картину.

Развертывание группы десантных кораблей осуществлялось по плану. Три транспорта с кожановцами вытянулись по линии ост — вост, за ними, мористее, — транспорта снабжения. Обе линии самым малым ходом стали приближаться к берегу с расчетом подойти в назначенный район часам к восьми.

Канлодки шли на флангах этих линий, держась ближе к берегу. Наиболее удачную позицию заняла «Австралия» под командованием Лея. Сначала корабль стрелял совместно с крейсерами по Казьяну, но увидя, что противодействие отсутствует, приблизился почти вплотную к берегу и пошел к правому флангу намечаемого участка высадки, просматривая и простреливая каждый куст.

Смелее всех двинулся к пляжу тральщик «Володарский», забыв о том, что он своими действиями демаскирует предстоящий десант.

К 7 часам 30 минутам на шоссе была только застава с пулеметом, очевидно стоявшая здесь постоянно для контроля за въездом со стороны Решта. Она лениво обстреляла тральщик и скрылась на обратном скате дюн, когда «Володарский» сделал два или три выстрела из своей носовой 75-мм пушки.

После открытия огня крейсеров по Казьяну, минут через тридцать, из города появились отдельные подразделения пехоты, идущие форсированным маршем. Шли они разрозненно, малоорганизованно, частично бегом, залегая то фронтом на восток, то к морю. Общая численность не превосходила роты. Первые же разрывы снарядов «Австралии» внесли расстройство в английскую роту, и она рассеялась среди холмов.

Приблизительно еще через тридцать минут из казьяновского парка появились маленькие грузовые «фордики», битком набитые индусами, которых подбросили почти до селения Кивру и заставили окапываться, оседлав шоссе, в сторону моря, за первой грядой дюн. При этом видно было, что английские пулеметные взводы располагаются сзади индусов не то как опорные пункты обороны, не то в роли полевой жандармерии.

«Володарский», приткнувшись раза два носом к берегу для разведки глубин, отошел к ближайшему транспорту. После сигнала подошедшего «Карла Либкнехта», приняв на борт около двух взводов, тральщик начал высаживать бойцов первого броска прямо в воду, на глубинах в половину человеческого роста, стреляя при этом через их головы из своей носовой 75-мм пушки по ближайшим британским пулеметам.

В это время транспорта «Березань», «Колесников» и «Паризиен», став на якоря, спустили все свои шлюпки, которые, будучи набиты десанниками до предела, двинулись на веслах к пляжу. Никакого порядка при этом не было. Над всем царил единый, общий порыв — возможно скорее добраться до берега и сцепиться с англичанами раньше других.

Суматоха и беспорядок увеличились, когда первые шлюпки, с ходу врезавшиеся в берег, были залиты набегавшей с кормы приборной вол-

ной. Для наблюдавших картину высадки с транспортов «накат» казался совершенно безобидным, каким и был на самом деле, но для тех, кто имел только волжский опыт и не умел проходить прибой, отдавая с кормы стоп-анкер, эта волна явилась причиной «криминала». Прибой развернул опустевшие шлюпки лагом, затопил часть из них, перевернул и после нескольких ударов о грунт оставил лежать в песке с расшитыми днищами и уже совершенно непригодными к употреблению.

Только теперь выяснилось, что в первые шлюпки попрыгали с транспортов главным образом десантники, которые сами же взялись за весла, а те немногие гребцы из команд транспортов, которым удалось попасть на шестерки и вельботы, добравшись до пляжа, не захотели возвращаться и приняли участие в борьбе за береговую полосу. Приняв морскую ванну, они через минуту уже перебежками старались пробиться к шоссеной дороге, совершенно забыв о шлюпках. То обстоятельство, что у большинства из них оказались карабины, показывает на то, что это нарушение дисциплины было преднамеренным.

Если бы «Володарский» не проявил инициативы, отбуксировав уцелевшие шлюпки обратно, то транспорта рисковали остаться совсем без средств сообщения с берегом и дело могло бы обернуться весьма печально — к этому моменту успело сойти на землю не более одной десятой десанта. Надо помнить, что из трех намеченных по плану тральщиков, которые должны были высаживать кожановцев, под Энзели оказался только один «Володарский», а из двух истребителей один находился в распоряжении «Розы Люксембург» против Казьяна, а другой был занят в качестве посыльного судна при комфлоте. Больше катеров при эскадре не имелось¹. Результатом этих ошибок и просчетов было не только замедление темпов высадки, но еще хуже было то, что она производилась небольшими «порциями» и фактически в одной точке вместо одновременной атаки пляжа на широком фронте.

Приходится признаться, что в данной операции боевой порыв и стремительность атаки кожановцев оказались выше, чем дисциплина и организованность, которые так необходимы десанту в критический момент — при бое за береговой плацдарм.

Как потом рассказывал Озаровский, в его памяти навсегда запечатлелась картина, широко использованная художниками и кинорежиссерами как типичная для изображения матросских десантов почти на всех морях. Это тот момент, когда богатыри в тельняшках прыгают с высадочных средств в прибойную волну и, не дождавшись подхода вплотную к берегу, пробиваются вперед по грудь в воде с криками «ура», держа винтовки высоко над головами.

Однако этой картиной любоваться было некогда. Десант начинался совершенно неудовлетворительно и с большим риском для успеха всей операции.

В конечном счете та самая воля к победе и стремительность действий кожановцев, которые скомкали первоначальный план боя за высадку, создали перелом обстановки, чему в значительной мере помогло удачное взаимодействие с кораблями флотилии.

Перелом определился тем, что из-за дерзкой атаки первого броска, не остановившегося в ожидании высадки главных сил, не получилось паузы или заминки, и это вместе со своевременной поддержкой артиллерии канонерских лодок дало возможность захватить плацдарм на берегу.

Расстройство управления у англичан не позволило им своевременно усилить оборону, а удачная демонстрация у Кечелала привела к тому,

¹ В воспоминаниях Н. Ю. Озаровского, опубликованных в «Морском сборнике» № 2 за 1941 год, упоминается третий истребитель, однако этот факт не подтверждается.

что второй индусский батальон, использованный в качестве главного резерва, подоспел на рещтинское направление только часа через два, в изрядно измотанном виде, проделав две переправы через пролив. Но общий темп событий был настолько стремительным, что батальон так и не успели ввести в дело.

Почти невероятны, но факт, что в то время, как один тральщик и несколько шлюпок продолжали медленно перевозить основной состав десантных батальонов, бойцами первых взводов в относительно короткий срок были выполнены следующие задачи (причем ценою потери только семи или восьми раненых моряков):

перерезаны все провода, шедшие от Энзели на Решт, по обеим сторонам шоссе, включая и линию индоевропейского телеграфа, следовательно, была прервана проволочная связь не только со штабом дивизии, но и с высшим командованием в Багдаде;

сбита застава на шоссе приблизительно в составе пулеметного взвода, которая, подобрав раненых, стала отходить на запад, в сторону Казьяна, постепенно обрастая подходящими пополнениями; тем самым Энзели был отрезан от Решта, а следовательно, и от всего хинтерланда;

выставлен заслон (первоначально в составе взвода), фронтом на восток, для того чтобы задержать какие-либо части, могущие подойти на помощь из Решта. Значительно позже, примерно к полудню, этот взвод вырос до отдельного батальона, который продвинулся до моста через Сефид-Руд и выслал вперед охранение и небольшие разведотряды с расчетом войти в связь с отрядами джангалийцев Кучук-хана.

Теперь бой перемещался по оси шоссе, в сторону Казьяна.

У места высадки стал налаживаться порядок, тем более что этот участок пляжа уже не обстреливался противником. Главным просчетом англичан при организации обороны побережья было полное отсутствие артиллерии, хотя бы полевой. Не ясно было, куда исчезла 8-я батарея «Королевской полевой артиллерии»¹, приданная 39-й бригаде, о которой мы знали по данным разведки. Очевидно, она осталась в Реште. Во всяком случае у наших канлодок не было достойных целей, и каждый английский пулемет, рискнувший открыть огонь, тотчас накрывался несколькими снарядами с кораблей даже без вызова огня со стороны десанта. Канлодки маневрировали вплотную к берегу, насколько позволяли глубины², а таинственные береговые батареи не давали о себе знать.

Действенностью прямого огня поддержки объясняется и тот факт, что, несмотря на численное превосходство, англичане ни разу не встали во весь рост для контратаки, а переползали, отходя от одного рубежа к другому.

Твердая рука Ивана Кузьмича Кожанова почувствовалась сразу, как только он сошел на берег с одним из первых эшелонов, переправлявшихся на «Володарском».

Бойцы, высадившиеся в спешке, вразброд, стали находить свои подразделения. Комбаты начали получать частные задачи в соответствии с новой обстановкой.

И все же, несмотря на самые энергичные меры, к 9 часам — спустя час после фактического начала высадки — на транспортах еще оставалось более шестидесяти — семидесяти процентов общего состава отрядов.

К счастью, события развивались так, что главная наша ошибка не отразилась на конечном итоге операции.

¹ 8 Battery RFA, памятная бакинцам по периоду английской интервенции.

² По одному из источников, в расстоянии шести—восьми кабельтовых.

Демонстрация миноносцев полностью удалась

Мы смотрели в бинокли (и дальномер), как в театре, поскольку нам никто не мешал. Утренняя дымка держалась где-то в предгорье, за Мурдабом, а на переднем плане видимость была отличная.

Сознание того, что сейчас (8 часов с минутами) где-то в пятнадцати или двадцати верстах к востоку, по-видимому, уже начали высаживаться кожановские орлы, а в это же время определенная часть индусов накапливается на западной окраине города, как-то сразу всех нас наполнило радостью. Усилия миноносцев не оказались напрасными.

С каждым галсом миноносцы сближались с берегом на два-три кабельтова, делая поворот в его сторону.

Разрыв 75-мм фугасного снаряда дает слабый выброс при падении в мокрый песок, поэтому мы старались класть снаряды в воду, вплотную к самому урезу, что давало эффектные фонтаны. Но особо внушительное впечатление производили из-за неподвижности воздуха нарочито низкие разрывы шрапнелей — не успевали расплываться предыдущие, как над перешейком между морем и лиманом появлялись клубки новых разрывов.

Однако, как мы ни изошрялись в искусстве создавать «шум и гам», было ясно, что эта комедия через несколько минут исчерпает свои возможности.

Офицер, командовавший батальоном гурков или сикхов, был с головой, он не выводил их в район обстрела для непосредственной обороны пляжа, тем более что наша артиллерия не трогала лачуг, которыми начинался город. Сзади миноносцев (хотя бы для виду) не было ни одного транспортного судна. Наоборот — все корабли эскадры к этому времени постепенно переместились на восток. Ближайшим был крейсер, стрелявший по Казьяну. Теперь все зависело от того, как скоро командир индусского батальона получит приказ об оттягивании своей части в порт для обратной переправы.

Во время очередного поворота на обратный галс комендор Гридин всунул полкорпуса через ограждение рубки (стекла были опущены из-за стрельбы) и, улыбаясь, сказал отнюдь не уставным тоном: «Греется, чертовка!» — показывая на свою пушку.

В первый момент никто ничего не понял. Но потом я сообразил, что это является своеобразным продолжением разговора в Петровске, когда командир обещал томившимся от вынужденного безделья пушкарям, что придет еще время, когда стволы пушек будут разогреваться от стрельбы.

Теперь этот момент наступил. Несмотря на относительно медленный темп огня, после тридцатого или тридцать пятого выстрела ствол 75-мм пушки все же обжигал руку.

Это всегда хорошо, когда слово командира оказывается сказанным не зря. Но данный мелкий эпизод я записал потому, что сказанное комендорам в Петровске сам давно позабыл, хотя говорил в то время вполне убежденно. А сегодня убедился в том, что слово командира, сказанное хотя бы вскользь, крепко запоминается подчиненными. А раз так, значит, ты обязан следить за каждым своим словом, произнесенным перед товарищами.

Кстати, и пушкари сдержали свое слово. Ни одного пропуска в зале, ни одной осечки, ни одного клевка. Вы скажете, что так и должно быть? Возможно, но я только напомним, что штаб не разрешал нам с начала кампании ни одной практической стрельбы, ни одного поверочного выстрела (даже после смены масла в компрессорах). Следовательно,

комендоры (Гертнер, Папаша — Зубков, Гридин и др.) в последний раз стреляли из этих пушек осенью 1919 года, а я, командир корабля, слышал их голос впервые.

Вот что значит, когда внимание занято каким-либо одним делом.

Только сейчас мелькнула мысль о минных полях! Поздновато.

Весь плес перед портом многократно проутюжили «Деятельный» и «Расторопный», против Казьяна тралили своими днищами крейсера; дальше — канлодки и транспорта. Ясно, что никаких минных полей нет.

Слава аллаху! Тем более что все равно тралить было некому и нечем. Осталось так и не ясно, «благожелатель» врал в телеграмме от страха и добрых чувств или ему было за это заплачено? Узнаем в свое время. А сейчас не до того.

Переговоры

Много раз после окончания операции возникали споры о том, чем она была начата утром 18 мая — артиллерийским залпом или ультимативной радиотелеграммой?

Что «первое слово» принадлежало Каспийской флотилии — это бесспорно. Но поскольку английская сторона по вопросу об Энзелийской операции (или побудке) хранит гробовое молчание, то ни в каких зарубежных источниках нельзя найти упоминания о моменте, когда британскому генералу была вручена первая телеграмма, содержащая ультиматум о сдаче Энзели, вследствие присутствия в порту кораблей и имущества, принадлежащего России, которое может быть принято нами только под нашим контролем¹.

Часы и минуты открытия огня известны точно по записям в вахтенных журналах, а именно — 7 часов 19 минут (советского декретного времени для III пояса). После изучения соответствующих материалов можно утверждать, что почти одновременно с первым залпом и даже на несколько минут раньше радиостанцией флагманского эсминца «Карл Либкнехт» была начата передача текета телеграммы для береговой радиостанции в Казьяне, в адрес английского командования.

Однако при этом надо помнить, что для того, чтобы впервые «войти в связь» с иностранной рацией, с которой до того не было практики сношения, а затем, проверив принятый текст, перевести его на английский язык и представить начальству, требуется немалое время даже при самой блестящей организации штабной службы и наличии соответствующих лингвистов в числе радистов и офицеров штаба². Если при этом учесть, что огонь «Розы Люксембург» непосредственно повлиял на деятельность некоторой части британского штаба в Энзели, то надо полагать, что ультиматум советского командования дошел до сознания начальника гарнизона одновременно с докладами об обстреле побережья на всем фронте от Хуммама до Кечелала, то есть тогда, когда флотилия закончила тактическое развертывание, каждая из боевых групп уже приступила к выполнению своих задач, а Ленкоранский кавдивизион двигался от Астары форсированным маршем вдоль побережья.

После того как британская радиостанция подтвердила получение телеграммы комфлота, тотчас последовала путаная передача, принятая частично, в которой понятными были только слова «британское командование» и «требует», однако спустя некоторое время последовал вполне вразумительный ответ в том духе, что... «по существу предложений рус-

¹ Из отчетной телеграммы, посланной комфлотом В. И. Ленину 20 мая 1920 года.

² Ориентировочно не менее тридцати минут применительно к данному случаю, если не учитывать последствий, вызванных побудкой.

ского командования генерал не вправе принимать самостоятельное решение и запросит сейчас же Тегеран, но так как для получения ответа потребуется определенное время, британское командование просит приостановить какие-либо военные действия...». Подпись была «бригадный генерал Чемпэйн»¹.

Кроме того, сообщалось, что для переговоров относительно перемирия будут высланы парламентареры.

Комфлот дал согласие на двухчасовой перерыв. Но интересно отметить, что в одном из донесений в Москву (после операции) и в своем рассказе «Взятие Энзели» Раскольников это согласие на перемирие мотивирует не только существом просьбы Чемпэйна, сколько тем обстоятельством, что «высадка десанта протекала медленно и не была еще закончена». Вот почему, подняв сигнал о прекращении огня, он не приостановил высадку кожановских отрядов.

На первую договоренность и последующие сигналы ушло не менее часа, огонь с кораблей начал затихать приблизительно в 8.30—8.40. Однако несложная хитрость с продолжением высадки была вскоре замечена противником, что и послужило предметом бесплодной дискуссии при помощи обмена новыми радиотелеграммами.

Когда, значительно позже, на эскадру прибыл Крачлей в качестве парламентарера, он также пытался протестовать. Но в обоих случаях англичанами была допущена ошибка, так как бригадный генерал требовал не приостановки высадки, а «возвращения десантных войск на корабли!». На что командующий флотилией резонно отвечал, что обратная посадка десанта явилась бы не приостановкой военных действий, а была бы отступлением, на что он пойти не может. Независимо от убедительности доводов спорящих сторон, дискуссия была нам на руку: кожановцы хотя и медленно, но продолжали высаживаться на берег на глазах у советских кораблей и английских войск, окопавшихся в садах предместий Казьяна.

На «Деятельном» не знали о деталях радиопереговоров, кроме самого факта их начала, перехваченного нашим радистом. Поэтому излагаемый ход операции первыми радио является результатом бесед со штабными командирами на «Карле Либкнехте» после операции, когда миноносцы стояли уже у стенки энзелийского порта². Но прежде чем рассказать о дальнейшем ходе переговоров, целесообразно напомнить о своеобразных «вставных эпизодах», происшедших в период начавшегося перемирия, участие в которых «Деятельного» определилось его позицией вплотную от входа в гавань.

Закончив успешную демонстрацию, мы с «Расторопным» повернули обратно от района Кечелала и маневрировали малыми ходами против входа в порт, в расстоянии двух или трех миль от головы мола.

На мостике появилась знакомая фигура механика, как всегда с промасленной обстрижкой в одной руке. Вид спокойный, лицо непроницаемое. Но я уже знаю, что это означает или неполадки в котлах или в машинах, или еще какое-либо ЧП.

— Как будем с котлами дальше?

Все ясно! Это значит, что «дүхи» не понимают, почему для стояния на месте под машинами нужны все котлы, особенно теперь, когда не ведется огонь, но зато персидское солнышко начинает припекать даже

¹ В нашей литературе мемуарного характера и даже во всех официальных документах эта фамилия пишется в русской транскрипции «Шапань» или «Шампень», что является ошибкой. Н. Ф. Vateman-Chatrain правильнее писать как Г. Ф. Батмэн-Чемпэйн.

² И в позднейшем ознакомлении с различными источниками.

на верхней палубе, в топках во всю силу горит прекрасный донецкий уголь, а из-за малого хода температура в кочегарках почти тропическая. Да и в машинном отделении не легче.

— Вот что, мех! Пусть ваши дүхи по одному поднимутся на мостик и сами посмотрят... Держите бинокль!.. Видите вон там, справа от землечерпалки, около сорока или пятидесяти мачт? Ну так вот, ради того, чтобы их заполнить, стоит еще часика два или три пошуровать! Кроме того, не исключено, что какая-либо сволочь не захочет пальнуть с берега, опять взлететь с аэродрома или выскочить с торпедой из-за мола.

— Да я что?.. Я ничего не говорю — раз надо, так надо!

Все не все, но трое или четверо из машинистов и кочегаров деликатно поднимались по очереди на мостик и сходили затем вниз с сияющими лицами. Видно было, как они «докладывают обстановку» по несколько раз аудитории из трех или пяти человек у машинного люка или кормовой пушки: большее число слушателей нельзя было собирать из-за расписания боевой тревоги, которая все еще не прекращалась.

Выяснив исключительную полезность импровизированного начинания, которое противоречило любому уставу, Снежинский стал «пропускать» по одному человеку из «нижней» команды через кормовой мостик.

Бой катеров

После прекращения огня, вполне естественно, все стоящие на мостике и у орудий увлеклись рассмотриванием происходящего внутри порта и в заливе Мурдаб. Высота мола и крыш домов портовой части города позволяли видеть только надстройки, трубы и мачты около двух десятков судов, но так как они были скучены на небольшом пространстве и имели по две, а некоторые и по три мачты с соответствующим рангоутом, то в бинокли видна была картина, которую принято называть лес мачт.

Флагов никто не мог рассмотреть—возможно, из-за раннего времени.

Только две пары мачт делали какую-то попытку изменить свое положение, непонятно пока, с какой целью. Все же остальные суда стояли неподвижно и даже не дымили¹. Стрелять с них было невозможно, они стояли почти вплотную друг к другу.

Разглядывание и дискуссия о возможных и вероятных действиях противника была прервана нервным возгласом сигнальщика:

— Катера выходят!

Так и оказалось, но только катер был в единственном числе.

В белом буруне внезапно выскочил из-за головы длинного мола катер, вероятно торпедный. Вероятно, ибо, кроме темного пятна носа, сливающегося с рубкой, ничего в сплошной пене разобрать нельзя было — англичанин несся под острым углом в направлении кормы «Деятельного».

Это произошло около 8 часов 55 минут.

Машинный телеграф только-только отзвонил «полный вперед!» и еще не успели винты забрать ход, как пушкам пришлось спешно дать команду «дробь», потому что из-под кормы миноносца совершенно неожиданно вырвался на полном ходу истребитель «Дерзкий» и, идя на пересечку англичанину, сделал выстрел из своей 47-мм пушки.

Еще момент — и наш истребитель состворился с торпедным катером.

Контратака «Дерзкого» была исключительно красивой благодаря инициативе, смелости, быстроте и тактическому искусству, и мы наблюдали за ней затаив дыхание.

¹ Корабли с нефтяным отоплением при опытных кочегарах и отсутствии необходимости форсирования котлов не всегда дают возможность на расстоянии определить их работу — при полном сгорании нефти дыма может не быть.

Англичанин первый не выдержал возрастающего напряжения и круто начал описывать циркуляцию вправо (то есть к востоку), одновременно застрекотав короткими очередями своего «льюиса». Теперь стали видны задранный нос, рубка и бурун с шлейфом, выбивавшийся из-под средней части катера. Никакой мачты или флагштока с флагом никто не заметил. Получалось так, что противник оставался анонимным.

«Дерзкий» также лег на другой галс, прижимая англичанина к казьянскому берегу и не прекращая стрельбу из пушки.

Еще две-три минуты — и торпедный катер скрылся за молом.

Кто-то из стоящих на мостике с шумом выдохнул воздух, и вдруг все заговорили хором, как бы вознаграждая себя за ту скованность и напряженное молчание, с которым следили за контратакой истребителя.

«Деятельный» — после рывка вперед, оказавшегося бесполезным, — теперь медленно возвращался на исходное место.

Весь эпизод занял по времени не более десяти — двенадцати минут.

Кое-кто из наблюдавших этот маленький бой маленьких кораблей склонен был доказывать, что катер шел в атаку на наш миноносец, но нетрудно было отклонить эту версию — англичанин должен был стремиться тогда выйти нам в голову, а он с самого появления лег «Деятельному» под корму. Затем повреждение или гибель маленького угольного миноносца с 75-мм артиллерией, если бы атака имела успех, явились бы слишком скромной победой для противника в данной операции.

С мостика «Розы Люксембург» Б. П. Гаврилов с другого румба лично наблюдал действия «Дерзкого» и даже успел передать к пушкам установки для залпа первой завесы. Главарт утверждал, что англичанин явно хотел прорваться за кормой «Деятельного» к северу, чтобы затем, повернув на восток, торпедировать его крейсер, стрелявший по Казьяну, или же с целью прорваться к десантным транспортам. Но командир английского катера не видел «Дерзкого», который был для него заслонен корпусом «Деятельного», и как только истребитель появился в поле его зрения, все расчеты англичанина сразу же оказались сорванными. Ввиду того, что после операции обнаружить офицеров, ходивших в торпедную атаку, не удалось¹, надо считать, что версия т. Гаврилова наиболее достоверная.

После морского боя двух «москитов» наступила полная тишина. Оказалось, что еще до момента их встречи все корабли прекратили огонь.

Радист доложил, что командующий опять «разговаривает» с берегом.

«Либкнехт» в этот момент виднелся милях в пяти к осту. Похоже было, что он занимал позицию, с которой мог наблюдать как за высадкой десанта, так и одновременно за группой Гаврилова («Роза Люксембург» и «Пушкин») и группой Чирикова («Деятельный» и «Расторопный»). Но когда он поднимал флажные сигналы, то никто ничего разобратить не мог: из-за штiria флаги обвисали совершенно отвесно. Несмотря на это, начдив не рисковал переспрашивать о сигналах по радио, потому что не хотел мешать переговорам начальства с берегом.

Оставалось последнее средство дальней связи — прожектор. И вскоре им пришлось воспользоваться.

(Окончание следует)

¹ Очевидно, экипаж катера ушел с другими — через Пир-Базар.

ЭРВИН ШТРИТТМАТТЕР

★

ДВА РАССКАЗА

Солдат и учительница

Солнце не заходит. Мы давно знаем, отчего на земле наступает вечер. И сами себя обманываем, уж очень приятно это звучит: солнце заходит. Вечер наступил. Солдат идет в город, как на приступ, кажется, он хочет покорить его один и без оружия. Он втягивает живот, выпячивает грудь навстречу бедному кислородом воздуху, грудь, на которой красуется шнур «За отличную стрельбу», и с крестьянским любопытством смотрит на то, что всю неделю от него скрывали стены казармы и казарменный двор, где производились учения.

В городе вроде как праздник. Поток машин на шоссе, переходящем в улицу, разжижен расстоянием от радиатора одной машины до заднего бампера другой и от бампера до радиатора следующей больше обычного. Меньше шумят улицы. Отчетливее различается стукотня электричек и грохот дальних поездов. Солдат сравнивает рельсовые пути с венами и артериями: люди, словно кровяные тельца, обращаются в городском организме с самыми различными целями, преодолевают расстояния, изменяют структуру окружающего. Он насвистывает себе под нос какой-то марш. Звуки этой губной флейты ускоряют его шаг.

Учительница выходит из предместья на другом конце города. К стенам домов лепятся сероватые сумерки. Неоновые огни, рассеянные вдалеке, кладут светлые заплатки на угасающий день.

Воскресенье. Она идет гулять. На каждый шаг тратит сегодня больше времени. В будни путь ее лежит по прямой: от своей комнаты до школы. Она быстро покрывает его, сверяясь с золотыми часиками. Сегодня учительница разглядывает витрины, заранее радуется вещам, которые приобретет со временем, когда наконец все-таки выйдет замуж. Она дает волю своим желаниям, мечтам. Стекла ее «учительских» очков без оправы взблескивают, когда на них падает голубоватый неоновый свет.

Там, где шоссе, вливаясь в центр города, как бы раздвигает его, стоит дом с колоннами; он не вздымается вверх, а, как большой бурый пес, упирается растопыренными лапами в тротуар. Меж колонн шатаются парни, волосы у них длинные, точно у сказочных принцев, а сами они грязны, точно бродяги былых времен. За спинами этих бездельников в тени, отбрасываемой колоннами, молчаливые пары репетируют объятия, дегустируют поцелуи, как вина.

Помещение внутри дома разделено на множество уютных и неуютных уголков, где с переменным успехом приближаются друг к другу люди противоположных полов. Заданную температуру воздуха, согласно секретным рецептам, поддерживают специалисты из гостиничного объединения.

Ну как же не войти туда бледной, субтильной учительнице с задумчивым взглядом из-под очков без оправы, застенчивой, но жаждущей понять, что такое мужчины, и в первую очередь художники? Как знать, не сидит ли здесь один из них, делая зарисовки?

Хмельные испарения поднимаются от пивных кружек и, оттолкнувшись от стен, вновь клубятся в воздухе, смешиваясь с сизым туманом, который для развлечения устраивают посетители, сжигая засушенные листья, обернутые тончайшей бумагой.

Солдат сидит неподалеку от двери, тут ему виднее, кто входит и кто выходит, вернее, как входят и выходят гости, главным образом девушки. Пузырьки газа в его бокале прыгают водяными жемчужинками, резвятся, устремляются вверх и, разорвав жемчужную оболочку, покидают лимонад, с которым их свели насильно.

Вирусы рака легких нападают на человека, сидящего слева от прохода к туалетам. Он громко провозглашает: «Ваше здоровье!» Остатки волос на его висках и над ушами завиты. Семь кружек пива способны отличному настроению. Только господе ведомо — врачи узнают это позднее, — что ему суждено умереть.

Пятеро усердных музыкантов механически сотрясают воздух, дуют, гудят, колотят палками, гонят его с эстрады. Сотрясение сквозь дым и шум проникает в уши посетителей и превращается в музыку. До глубоких ниш, где тоже сидят гости, доходят разве что обрывки звуковых волн: высокие тона скрипки, жизнеутверждающие трубные звуки, приглушенный войлоком гром ударных инструментов. Пропитые голоса поют шлягеры — песни, сочиненные людьми-роботами.

Прежде чем пить, люди сближают бокалы, стеклянные пригоршни вместимостью в пол-литра, бокалы звенят.

Пенье, разговоры, топот и шарканье танцующих, музыка и снова пенье кажутся шумом машин. То это дизель, то локомотив, трактор или клепальный молоток. Среди сменяющихся рабочих процессов заодно с прочими экспериментами здесь силятся склепать людей в пары.

Солдат и учительница танцуют. Серое военное сукно и благоухающий дедерон трутся друг об друга, как носы лапландцев во время приветственной церемонии. От подошв черных полуботинок и узеньких лакированных туфелек отделяются мельчайшие частицы кожи и, застревая в щелях паркета, вступают в новые отношения с мастикой и стоптанными паркетинами.

Они танцуют несколько танцев, так называемых «туров», с помощью сложных телодвижений преодолевают сегменты, прямые линии, отрезки пути.

Он начинает танец не очень уверенно, но уже после второго тура чувствует себя заслуженным мастером в этом виде спорта. Он еще не знает, что она учительница.

А она? Конечно, этот солдат не художник. Но ей приятно, что он приглашает ее уже четвертый раз. В конце концов нельзя же корчить из себя недотрогу: ведь равноправие на поприще танца существует только на вечере в «Бальном зале Клерхен», который в соответствии со специально провозглашенными правилами зовется «белым балом».

Благоприличие (изобретатель такого давно отошел к праотцам) требует, чтобы туры не проходили в молчании. Рекомендуется бубнить себе под нос: «О, бэби, бэби, та-ла-ла...» или «Все только началось...» Солдат не знает слов этих песенок. Всю неделю он зубрил детали автомата. Учительнице на курсах повышения квалификации пришлось делать сравнительный анализ «современного отчуждения личности» и дадаистской литературы конца двадцатых годов.

Итак, необходимо (слава изобретателю благоприличия!) разговаривать друг с другом. Они и разговаривают: о температуре в помещении и на улице, о прогнозе погоды, о служебных делах; разговорами, как улитка рожками, прощупывают атмосферу.

Большая стрелка позолоченных часов на черном от волос запястье буфетчика совершила два полных оборота. Градуировка на кружках теперь не более как свидетельство точной работы наших славных стеклодувов. В человеке слева от прохода к туалетам по-домашнему устраиваются вирусы рака. Не надо бы им чувствовать себя так уверенно! Исследователи уже обнаружили какие-то бактерии на Венере. Человек вытягивает ногу. Изобретатель благоприличия хмурится в гробу: негоже вытягивать ногу в помещении, освященном присутствием других людей.

Учительница переступает через вытянутую ногу. Человек шепчет: «Стрекоза, прелестная, хрупкая».

Учительница опешила. Уж не поэт ли встретился ей? Солдат теснит ее к стулу. Он наконец-то нашел слово, с помощью которого можно подержать разговор.

— Здесь как в курятнике, — говорит он.

Она удивленно обращивается. Он спешит исправиться:

— Как в курятнике, где слишком много петухов.

— А я, значит, клуша, — говорит она.

Силы небесные! Должно же что-нибудь такое быть на небе (об этом свидетельствуют и космические полеты), если люди тысячелетиями взывают к нему, а не к земле. Силы небесные! Он уже знает, что она учительница. И еще знает, что сморозил глупость, и в разговоре с кем? С учительницей! Нос у него большой, крючковатый, глаза ошалелые, он похож на сову, вспугнутую средь бела дня. Необходимо загладить допущенную бестактность. Солдат предлагает учительнице пойти прогуляться.

Опять это гулянье! Тем не менее она соглашается. Еще раз бросает взгляд на человека слева от прохода к туалетам. Он скрестил руки на столе, голову с завитыми остатками волос уронил на руки. Силы небесные! Опять эти небеса! На сей раз небеса учительницы.

Они уходят. Идут молча, не взявшись под руку, — даже не пытаются разговорами подперчить прогулку — и все-таки находят вкус друг в друге. Ему нравится, что очки блестят у нее перед глазами, большими, как пуговицы жакетки. Прекраснейшее украшение для ученой женщины!

Ей нравится его румянец и милая застенчивость. Возможно, они могли бы произвести на свет здоровых гармонических детей. Нет, это в ней заговорили первобытные инстинкты, деторождение — не главное и пока что нежелательно. Он солдат, она учительница, а что еще можно сказать о них?

Итак, вниз по широкой улице до того самого места, где она дает себе передышку от прямизны, необходимой для правильного городского движения. Шестьдесят три вразброс посаженных дерева, среди густого кустарника несколько полукруглых клумб. Фонтан с каменными ящерами, выплевывающими воду.

Все редко поставленные скамейки заняты. Солдат молчит, словно язык проглотил.

Она должна его расшевелить. Силы небесные, на то она и учительница! Опять небеса!

Она экзаменует его по физике, обществоведению и географии. Не так дотошно, как в школе. Спрашивает:

— А в Тобольске вы бывали?

— Один премированный товарищ из нашего сельскохозяйственного кооператива ездил туда с делегацией активистов,— отвечает он.

— Как?

— В Сибирь ездил.

Сибирь — это ей очень интересно. Она тоже не была в Тобольске, но разве само слово «Тобольск» не тает на языке, словно персик?

— Так точно,— отвечает солдат, он тоже это чувствует.

Шар луны, красный, как физиономия пьяницы, потайным светом озаряет городской чад. Кузнечик задними лапками бьет по крыльям — отбивает ритм своих кузнечиковых стихов. Учительница хитро притворяется дурочкой, экзаменует солдата по ботанике. Никогда в жизни она-де не могла понять, как люди узнают возраст сосен.

— Да очень просто, по этажам веток,— отвечает он.

— Правильно! — восклицает она, выдавая себя, быстро меняет тему и уже говорит об инфузориях, зверюшках, которые оживают, стоит только сбрызнуть сено тепловатой водой и так далее. Прежде, в донаучные времена, полагали, что они самозарождаются.

Он силится представить себе, каким образом в ее маленькой головке укладываются: Тобольск, старые сосны и оживающие зверюшки — на киноплёнке, на перфорированной ленте или в виде научно-популярной книжечки издательства «Реклама»? У него тоже имеется книжечка из цикла «Вселенная» и еще тридцать книг той же серии. Сколько же порожденного места остается в его круглой крестьянской голове? Он рассматривал в зеркале этот сосуд часа два назад, когда тщательно делал пробор, собираясь в город. Слово тропинку прокладывал в чаше. Его собственная голова показалась ему шаром на воротном столбе.

О да, свет учительницы разгорается все ярче. Солдат робеет. Ему бы хоть спичку засветить. Может, заговорить о шнуре «За отличную стрельбу», что дугою висит у него на груди? Ему выдали значок отличного стрелка только на прошлой неделе. Будь он индейцем, он носил бы его на голове, как орлиное перо. Надо надеяться, плетеный серебряный шнур за умение отлично стрелять не станет предварительной наградой за умение убивать. Разве не может случиться в нынешнее тревожное время, что черный кружочек мишени превратится в сердце или голову врага? Враг представляется ему Конго-Мюллером, разоблаченным на экране телевизора: если в бою им доведется столкнуться лицом к лицу, все будет зависеть от того, кто скорее выстрелит. Он, конечно, хотел бы опередить Конго-Мюллера. Но все ли враги выглядят, как Конго-Мюллер? Он не уверен, что позволительно задать такой вопрос. Надо еще подумать.

В ней опять заговорила учительница — ничего не поделаешь.

— А знаете ли вы, что речь здесь идет не о самозарождении?

Он пугается, но тут же отвечает:

— Всякое зарождение есть самозарождение, разве не так?

Она упорхнула вперед на три шага и обернулась. Три шага — это расстояние между кафедрой и первым рядом парт.

— Вы, по-моему, были невнимательны.

— Так точно,— соглашается он.

Молекулы воды на листьях сливаются, становятся видимыми каплями — наглядно показывают, как образуется роса. Солдат и учительница уже много раз прошли парк вдоль и поперек. Основательнейшим образом изучили сосны, платаны, кусты таволги и бересклета, изучили и ящеров на фонтане. Квадрат они превратили в круг, парк — в карусель.

Учительница вонзает левый мизинец в суконный рукав солдатского мундира. Это нервирует, но приятно. То ли щекочет, то ли царапает.

Солдату нравится, что она задает ему вопросы. По крайней мере не надо искать щепок, чтобы поддержать чуть тлеющий огонек беседы.

Ей нравится, что он охотно и неглупо отвечает и еще что он — хорошо сложенный мужчина. Ее мизинец глубже зарывается в сукно, и вдруг она целует солдата, будто показывает опыт на уроке физики. Дважды этот опыт ему показывать не нужно.

Конец гулянья. Они останавливаются, довольствуясь позицией диаметром в один метр. Она выбрала эту позицию, он с ее выбором согласился. Магическая позиция! На ней местоимение «Вы» с большой буквы переходит на второе лицо единственного числа.

Ночной покой гравия на одном из пятачков парка потревожен. Раздавленные камешки распадаются на песчинки. Пробил их час, чтобы изменить форму бытия: им не доставало только веса целующейся пары.

Стрелки двух наручных часов давят на сознание влюбленных. Подошел срок. Он называет его «отбоем», она «полночью».

На улице они продолжают заниматься тем же, чем занимались в парке: петляют, удлиняя свой путь, среди уличной толчи забираются в палатку для двоих, сотканную из нежности, — ведь это модно сейчас.

В последний раз этим вечером они целуются под землей. В поездах противоположного направления уезжают друг от друга. Оба врозь тшатаются себе представить, как впредь будут проводить вместе частички дня, им принадлежащие.

Несколько лет назад, еще в сельской школе, он влюбился в женщину, как может влюбиться только четырнадцатилетний подросток. Его соученики чего только не ставили в вину своей учительнице, за очки в черной оправе прозвали ее «похоронкой». Он же считал ее немислимо прекрасной.

Дело дошло до потасовок с одноклассниками. Он не всегда выходил победителем. Однажды он явился в класс растрепанным. Она одолжила ему свою гребенку. То было до ужаса прекрасное мгновение. Он твердо решил, что лучше забыть его. Ему это не удалось.

Только на уроках рисования он не всегда выполнял то, чего хотелось фрейлейн Камилле. Однажды классу было предложено нарисовать деревья своей родины. Он набросал их несколькими штрихами. Неужели недостаточно, ведь сразу видно: это — береза, а это — дуб? Но фрейлейн Камилла потребовала, чтобы он точно воссоздал еще и форму листьев. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом и она и он покачали головой.

В остальном они ладили. В школу он ходил не менее охотно, чем другие в кино. Но после летних каникул его последнего школьного года она не явилась в класс. «Получила новое назначение», — услышал он.

Неведомая и могучая рука спутала его жизнь. Сняла с доски шахматную фигуру и зашвырнула в неизвестность.

С тех пор фрейлейн Камилла стала для него эталоном, который он всегда носил с собою, носил и под солдатской гимнастеркой, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью.

А как же учительница, новая его знакомая? Может, на перфорированную ленту в узкой ее головке тоже нанесен человек-эталон?

Она уже много лет назад решила стать учительницей, рассказывать тем, кто ничего не знает, то, что знает сама. Человек должен иметь призвание!

Она была очень прилежна, учила и учила то, что заведомо нужно было для ее работы: физику, химию, математику, географию, педагогику и психологию. Любая наука — особый раздел, особая ветвь понятий рядом с другой ветвью, как то и быть должно. Она всматривалась

в каждую из них, покуда та в свою очередь не начинала разветвляться, делаясь достоянием узких специалистов. Но это-то и не давало ей покоя. Должна же существовать точка, где знание перестает разветвляться, а, напротив, сливается воедино. Она подозревала об этом, слушая музыку, чуяла это, читая романы, и полагала, что ясно это ощущает, вглядываясь в произведения живописи. Она зачитывалась жизнеописаниями прославленных художников, в чьих мастерских, как ей казалось, становится единой наука о жизни, расколота людьми на мелкие частицы.

Время проходит. Даже если мы недвижко стоим на одном месте, оно течет у наших ног! Дни и ночи, времена года, мгновения — вспомогательные понятия. Жизнь отдельного человека угасает. Земля старится. Время стоит там, где стояло, когда мы впервые заметили, что предмет отбрасывает тень.

Солдат и учительница стали на две недели старше. Они встречаются снова. Идут в другой кабачок. Садятся рядом. Он уже не проходит долгого пути сомнений, прежде чем пригласить ее на танец. Оба растягивают удовольствие. Ей кажется само собой разумеющимся, что он танцует только с ней. Они мало говорят друг с другом, но уже по иной причине, чем две недели назад. Мешает шум и присутствие чужих людей. Им никак не удастся воскресить очарование первой встречи. Кроме имен, которые человек изобрел, чтобы одно отличать от другого, на свете нет ничего абсолютно похожего.

Долгими неделями плывут они к кратким воскресеньям. Меняют места встреч: зоологический сад и озеро Штериц, башня в Мюггеле и лес в Плентере. Смотрят друг на друга то в одной, то в другой местности, в различном душевном состоянии и при различном освещении. Тайком сопоставляют друг друга со своими человеческими эталонами и в растерянности душат мечты поцелуями и объятиями.

Не посетить ли им его родную деревню? Это желание высказывает она. Он и подумать не смел, что для нее что-то значит песок, на котором он вырос, словно гриб без корней.

Его деревня по-прежнему ютится среди возделанных полей и валунов. В свое время в озеро гляделись сытые гладкие лица ее домов, теперь она старая, морщинистая, никому не нужная — скопище романтических уголков, увядающее прошлое. У ее подножия озеро и болота, в лесах озера и болота — памятники, оставленные ледниковым периодом.

За полем мелькают побеленные дома соседней деревни. На солнце сверкает листовая алюминий новых амбаров и скотного двора. Деревню нашего солдата «развитие обошло стороной, но зато основательно приложило руку к соседней деревне», — писала окружная газета. «Развитие», видно, сделалось новой богиней, смахивающей на ту — античную, с рогом изобилия.

Они перепрыгивают через лужи на деревенской улице и кажутся пестрыми птицами, которые вот-вот взлетят. Он чувствует себя неуверенно, она улыбается. Для нее деревня все еще связана с обветшалой романтикой, потому и он перестает стыдиться родного гнезда. Над соседней деревней новая богиня наклонила рог изобилия.

Его родители. Оба работают в этой преуспевающей деревне. Отец — тракторист, мать выращивает в теплицах шампиньоны и розы.

Родители не так простодушны и непосредственны, как обычно. Учительницу привел, надо же! Они не очень-то любят вспоминать своих учителей. Не хочет ли барышня картофельный салат на закуску? Вот подливки к мясу, пожалуй, многовато, не по-городскому.

Чрезмерным количеством материала для беседы родители не располагают. Мать говорит, что иной раз прямо-таки не терпит своего бригадира. Ей иногда кажется: он только об одном хлопочет, чтобы его

в газете похвалили. Вот тогда он доволен, тогда он весь светится, как свежеподжаренный шпиг.

Барышня-гостя вся ее рассказ сплавляет в одно слово.

— Идиосинкразия, — улыбаясь произносит она, и все. Тут кто хочешь потеряет охоту рассказывать.

Отец спешит укрыться в нейтральной зоне: вот и у нас наконец взялись за строительство водопровода.

А учительница находит, что доставать воду из колодца, обнесенного живой изгородью, «просто очаровательно». Сельским фильмам это придает своего рода *couleur locale*¹. «Разве романтика совсем уж *passé*?²»

Родители обмениваются снисходительными взглядами. В общем-то, они довольны, что после обеда сын собирается на прогулку с ученой барышней.

Солдат и учительница идут по деревне. Из обветшавшего молельного дома выходят восемь старух; под присмотром мужчины в черном сюртуке они битый час возносили молитвы своему богу, которого уже почти никто в деревне не знает. Петух-флюгер на колоколенке склонил голову набок, словно ждет от облаков невесть каких озарений. На самом же деле он инвалид. В последнюю войну ему прострелили шею.

Колокола на колокольне, шланги, развешанные для просушки в пожарном депо, — одна достопримечательность сменяет другую. Красное кирпичное здание — школа, построенная на стыке нынешнего и прошлого веков на средства побежденных французов. Вон там, у первого окна, стояла некогда фрейлейн Камилла.

Теперь у него своя учительница, и ее никто никуда не вправе перевести. Он идет с ней в дальний уголок деревни, заросший крапивой и кустами бузины. Здесь он сидел на песке среди ямок, вырытых курами, в пахучей тени бузины и с тоскою смотрел на аистов, угнездившихся на крыше теперь уже никому не нужной риги крестьянина-богатея. Им достаточно было расправить крылья, чтобы оказаться в дальних-дальних странах. Было это в ту пору, когда фрейлейн Камиллу перевели отсюда.

Болота возле деревни все еще не осушены, тритоны и лягушки все еще испуганно таращатся из трясины на аистов — заклятых своих врагов.

«Аисты!» Учительница в восторге. Ее восторг подстегивает солдата. В его родной деревне можно увидеть больше, чем она предполагает.

На опушке леса стоит дом художника Вейнгарда. Обыкновенный дом, маленький, приземистый, как все дома за околицей. Стены побелены, ставни выкрашены в красный цвет. Домишко обступает высокоствольный лес с густым подлеском, в любую минуту готовый поглотить его.

Учительница хлопает в ладоши.

— Какая я счастливая, что все это вижу!

Ярче разгорается свет солдата. Ведь он доставил ей эту радость!

Художник Вейнгард в светло-желтой рубашке окапывает штокрозы в углу сада, мелькает меж кустов, как большая бабочка-лимонница. На щеках учительницы выступают красные пятна.

Она вскрывает крокодиловое брюхо своей сумочки, вытаскивает оттуда кусочек картона и шариковую ручку.

— Дает он автографы?

Солдат не знает.

Она отодвигает засов калитки, расстегивает, так сказать, пуговицу

¹ Местный колорит (франц.).

² Здесь: ушла в прошлое (франц.).

ландшафта, которым Вейнгард укутался, как шубой. Без страха и сомнений шагает по садовой дорожке.

От изумления лицо у солдата глупеет. Может ли быть, что его учительница принадлежит к людям, превращающим свои странствия в существенные доказательства — фотографии, ресторанные меню, подставки под пивные кружки или автографы знаменитостей? Я — на ипподроме. Я — на лестнице университета имени Ломоносова. Я — перед памятником Гёте и Шиллеру в Веймаре. В Берлине я встречался со знаменитым телевизионным комментатором; вот доказательство — его собственноручная подпись.

Однажды он и сам хотел зайти к Вейнгарду. Это когда ему надо было рисовать «деревья своей родины» и он разошелся во мнениях с фрейлейн Камиллой. В то время Вейнгард был для него авторитетом в вопросах рисования. Позднее он стал смотреть на художника сверху вниз, как большинство деревенских жителей, занимавшихся физическим трудом. По их понятиям, Вейнгард жил легкой жизнью, писал картины, когда припадала охота, и, по слухам, задорого продавал их в городе. А что, собственно, такое — картины? Чудесные очки, через них видишь, каким представляется мир твоему соседу. Вейнгард выставлял свои картины на фабриках, даже в других сельскохозяйственных кооперативах, только не в своей деревне. Его встречали на улице и в лавке потребительской операции. Он не из тех, кто в тиши общается с богами, как, например, пастор, и по самоуверенности значительно уступает бургомистру или председателю кооператива. Как-то раз озабоченный Вейнгард зашел в дом его родителей. Солдат тогда еще служил слесарем-ремонтником на машинно-тракторной станции. Художник попросил помочь ему — что-то разладилось в его машине. По дороге они беседовали о видах на урожай.

Солдат ходит взад и вперед между лесом и домиком Вейнгарда. Его черные полуботинки попирают набросок дороги — тропинку, протоптанную жителями деревни и зверьем. В этот эскиз дороги он втаптывает свой драгоценный воскресный отдых и теперь уже не ходит, а марширует.

Когда он четвертый раз, как перед строем, проходит церемониальным маршем перед штакетником забора, возле штокроз виднеется только мотыга Вейнгарда. Художник и учительница скрылись в теплице, где произрастают картины, — в ателье позади домика, среди рощицы фруктовых деревьев.

Солдат лихорадочно ходит взад и вперед. Никаких ученых разговоров, преисполнявших его гордостью за свою учительницу. Никаких пауз с молчаливыми объятиями. Его отпуск растрочен впустую.

Взад и вперед, взад и вперед, что-то дрожит в нем густой дрожью контрабасной струны, грозный бунтарский звук, он еще думает, что не из-за себя сердится на учительницу. Она неуважительно отнеслась к гостеприимным хозяевам — к его отцу и матери. Кофе, этот куст, выросший в Бразилии, предписывает большинству деревенских жителей определенное времяпрепровождение по воскресным дням и требует, чтобы они наслаждались его плодами — поджаренными, размолотыми, растворенными в воде.

Солдат уже в девятый раз выходит на опушку; наконец взвизгнул заставок калитки: учительница. Глаза у нее блестят. Лицо красное даже под дужками очков. Она не замечает его дурного настроения. Впечатления перекипают через край, пламенные слова, хвалебные эпитеты: простой, своеобразный, глубокий, великолепный человек! Все Вейнгард да Вейнгард.

Он смотрит в пространство, молчит. И вдруг чувствует на себе косой

взгляд, не профильтрованный очками. Она хочет его успокоить и снабжает Вейнгарда еще двумя эпитетами: благоприличный, целомудренный.

Она пьет кофе маленькими глотками, разламывает кекс на мелкие кусочки. Собираясь уходить (слава тебе господи!), говорит растерянной матери, что выросла в сиротском доме. Здесь, в доме своего... она запинается, ища подходящее определение, и наконец говорит: друга, она почувствовала дыхание семейной жизни.

Спасибо, большое спасибо! На мать ее признание действует, как старая жалостная история о «дитяти, в младенчестве уже осиротевшем». Она растрогана. Сирота, а такая ученая, чудо нашего времени! Отец надевает шапку и идет кормить кур. (Изобретатель благоприличия ухмыляется в гробу!)

Земля сделала пол-оборота вокруг своей оси. Солнце огненным шаром повисло над лесом. Пакет с печеньем для барышни. Учительница принята в семью. Сомнительное чувство счастья овладевает солдатом, у него в руках пакет с домашней колбасой. Оба пакета он прицепляет к поясному ремню. В таком виде можно дойти до станции. В лесу не повстречаешь начальство.

Они идут. Скорость их шагов обусловлена расписанием поезда узкоколейки. Они накрепко связаны с ним сорока километрами, которые отделяют их от города. Вдоль дороги — деревья. Каждое — индивидуальность, все вместе — лес, кулисы для молчаливой пары. Учительница вся во власти пережитого. Солдат это чувствует. В нем опять что-то дрожит, как струна контрабаса. Дальше он этого выдержать не в состоянии. Он должен говорить. В конце концов всю свою деревенскую юность он прожил по соседству с Вейнгардом. Может ли быть, что Вейнгард такой великий художник? Он осторожно спрашивает ее об этом. Она слушает его неохотно. Нигде, ни в одном доме, ни в одном приличном ресторане он не видел картин Вейнгарда. А вот на «Зайчонка» и «Нюрнбергский кубок» Дюрера натыкаешься повсюду. В меблированной комнате его учительницы Камиллы висели картины француза Гогена, он их писал на Гаити: коричневые люди на белых конях.

Его неверие — керосин для ее воодушевления. Она топнула ногой. Тонкий каблук раздавил красного лесного муравья. Она описывает картину Вейнгарда «Вид на Землю из космоса». Он такой не знает. Толкует о его же «Рыжеволосой девушке». Ее эптузизм достигает высоты тригонометрической точки. Она подробно рассказывает даже о веснушках на девичьем лице, о том, как бережно обходился Вейнгард с этим портретом, как ее восторг заставил его показать ей еще картины, «чуть ли не все». Она взволнованно проводит рукой по волосам и вздыхает.

— Какое это счастье, когда с тебя пишут портрет!

— Что?

Ему вспоминаются обнаженные модели. Когда-то он читал прескверный роман из жизни художников.

Она опять упорхнула на три шага вперед, как тогда в парке. Смотрит на него. Стекла ее очков блестят. Она даже поднимает указательный палец.

— Быть однажды написанной художником — значит быть однажды понятой!

Фраза, видимо заимствованная из учебника.

Но земля вертится, несмотря ни на что. Солнце скоро зайдет. Поезд узкоколейки обычным рейсом следует из деревни в город.

Они смотрят в окно купе, но ничего не видят. Семь недель отделяют их от первой воскресной встречи.

И все же они вошли в вагон городской железной дороги с надписью «Для грузов и собак». Как будто не довольно им быть вдвоем!

Возле изрытого оспинами высокого дома, в котором она живет, происходит нечто неожиданное, от чего он долго не может опомниться: она просит его взглянуть на ее комнату.

По навощенным деревянным брускам они взбираются на шестой этаж — почти на высоту колокольни — и входят в помещение с покатым потолком — в ателье. Вид на крыши, трубы, телевизионные антенны и звезды. Повсюду стоят, висят, лежат репродукции картин, совсем как в художественном отделе плохого книжного магазина. Диван, покрытый овечьей шкурой, торшер величиной с молодое грушевое деревцо, голова Нефертити. Красный ковер с пестрым орнаментом, напоминающим выброшенных на сушу глубоководных рыб. Книги валяются повсюду, раскрытые, захлопнутые, некоторые своими закладками, словно бумажными ушами, подслушивают, что говорится в комнате, другие — спина к спине — стоят на полках, словно отара овец в загоне.

Двадцать квадратных метров учености и посредине преобразившаяся учительница, раскованная и точно хмельная. Качалка стремительно качается, ее взгляды повергают его в смущение. Спрашивается, обнажились ее ляжки от качания или с нее соскользнула юбка?

Темным осталось для него и то, что она бормотала, когда они лежали на овечьей шкуре: теперь она уже не так уверена, что все знание сливается воедино только в мастерских художников.

Ему пора идти. Время, для него называемое «отбой», давно истекло. Наказание, предстоящее ему, ястребом падает на жавороночье гнездо его раздумий.

Наказание не миновало солдата. Тем не менее службу он несет как в тумане. Неделя. Они не увиделись. Две недели. Они не увиделись. Он пишет ей. Она не отвечает. По двенадцати лестничным маршам он поднимается в ее комнату. Ее там нет. Туман рассеялся. Горе пригибает его к земле. Он не знает, что и подумать.

Он не сведущ в психологии, не знает, что наука о душе считается и с таким фактом — можно кому-то отдаться, имея в виду не того, кому отдаешься. Этот факт и надуманные его оправдания ему еще неизвестны.

Земля вертится. Стареет. Ночи сменяют дни. Он не становится ни Ромео, ни Вертером, ни тем более Отелло. Хвала нашему времени!

Использованы пять отрывных календарей. Листки их валяются где-то в грудях мусора. Ее муж, учитель рисования и воспитатель в старших классах, кладет журнал на ее стол и уходит. Дома он всегда надевает толстые шерстяные носки и потому движется почти неслышно. Он всегда очень занят. Он всегда пьет чай. Всегда называет жену «моя дорогая». И всегда приносит ей журналы, если, по его мнению, в них есть что-то интересное.

У нее мало времени. Она поправляет классные сочинения. Один из ее близнецов в этот момент пытается перелезть через первый забор в своей жизни — решетку манежика. На стене над манежиком, точно икона, висит репродукция широко известной картины Вейнгарда «Учительница». Она.

Только поздно вечером раскрывает она художественный журнал. Ее муж поставил красный крестик под рисунком темперой. Он всегда ставит красные крестики. Она смотрит на блеклую репродукцию: легкая, словно случайно занесенная в этот ландшафт деревня, кажется, вот-вот растет, превратится во что-то совсем другое — в облака, в лес, в буровые вышки или сверкающие алюминием ангары.

— Как диалектично, — шепчет учительница.

Это работа одного из участников армейского художественного кружка. Она читает звание автора. Читает его имя. Она потрясена и долго не может оправиться от потрясения.

Входит ее муж. Он всегда входит неслышно. В руках у него книга. Он всегда читает ей интересные места из книг. Она занята. Нельзя ей мешать. Он всегда ждет, покуда она на него взглянет и попросит прочесть. Она попросила. Он читает: «Иной раз мне кажется, что два человека катятся навстречу друг другу, как бильiardные шары, сталкиваются и, после громкого щелчка, разбегаются в разные стороны, не зная, что это столкновение определило их дальнейший путь». Она закрывает глаза. Наверно, устала? Муж хочет уйти. Он всегда очень внимателен. Не поднимая век, она говорит:

— Прочитай еще раз!

Перевела с немецкого **Наталья Ман.**

Городок на нашей земле

На художественной выставке этого года заслуженным успехом пользовалась картина известного художника, лауреата Национальной премии Акселя Вейнгарда: «Вид на Землю из космоса».

Прошу прощения за несколько газетное начало, но дело в том, что редакция одного еженедельника поручила мне взять у Акселя Вейнгарда интервью. Я взял интервью, но его не напечатали. В редакции сказали, что оно слишком необычно, вообще не настоящее интервью, да и читателям не по зубам. Вот почему я вынужден избрать иной путь, чтобы познакомить читателя с двумя произведениями Вейнгарда.

У нас вошло в привычку спрашивать художников, что побудило их создать то или иное произведение. Уж не знаю, приятно ли это им, но я, согласно схеме, по которой мы интервьюируем, спросил Вейнгарда, что послужило толчком для создания картины «Вид на Землю из космоса»?

— Встречаются в наши дни люди, у нас и еще кое-где, — пояснил Вейнгард, — которые свою ограниченность умеют прикрывать столь красивыми словами, что всюду и везде слыгут невесть какими интеллектуалами. Если спросить их о будущем планеты, которая несет нас, кормит, дарит радостями и горестями и даже в состоянии, зовущемся смертью или тлением, от себя не отпускает, они лишь недоуменно пожмут плечами, но сколько-нибудь вразумительного ответа от них все равно не дождешься.

Земля, по их мнению, — физическая лаборатория, курсирующая в мировом пространстве. В этой лаборатории несколько выдающихся физиков ставят эксперименты; но один неточный опыт, неблагоприятное стечение обстоятельств, например во время войны — и лаборатория рухнула, стала прахом. Земля — опять та же спиральная туманность, какую была миллионы лет назад; не исключено, что она заново пройдет весь путь развития, покуда опять не появятся выдающиеся физики.

Такие ответы явно исполнены благоговения перед новоявленными богами. В дальнейшем, правда, эти люди, слава тебе господи, дадут понять, что грядущую катастрофу человечество уже не осознает, ибо такая, надо надеяться, разразится лишь тогда, когда наша жизнь, прожитая не без приятности, останется позади и на Земле уже никого не будет.

С тех пор, как Гагарин, первый человек, взглянувший на Землю со стороны, увидел ее голубой и мерцающей, а следовательно, романтически притягательной для жителей далеких миров, находятся люди, для которых космические полеты, взрывающие горизонт, не что иное, как увесе-

лительная прогулка, в ней они охотно приняли бы участие. Скорее всего эти люди страдают манией бегства и хотели бы на современный лад избежать тех усилий, которые им приходится прилагать здесь, внизу (предпошлем, что «внизу» и «наверху» — понятия относительные).

Моя картина «Вид на Землю из космоса», если хотите, ответ на легкомысленные воззрения обеих категорий наших современников.

Здесь следует заметить, что, несмотря на достоверные описания Гагарина, Вейнгард с мужеством настоящего художника изобразил Землю не голубой и мерцающей, а зеленой, лучшей, манящей. Возможно, я найду слишком далеко, если скажу, что в его Земле есть что-то от спелого яблока, которое так и тянет надкусить. Это, надо думать, и принесло ему успех у многих посетителей выставки, ибо любой нормальный человек взирает на свою планету с уверенностью, что своими упорными трудами и исследованиями в конце концов одолеет все грозящие ей катастрофы.

Тут мое интервью с Вейнгардом полагалось бы закончить, если бы я действовал согласно указаниям редактора еженедельника. Это было бы как раз то, что нужно — более или менее доходчиво и не слишком затруднительно для читателя.

После беседы с Вейнгардом, за которую я был ему искренне благодарен, я не ушел, а принялся осматривать его ателье. Подстегиваемый журналистским любопытством, я обнаружил маленькую картину размером приблизительно двадцать на тридцать сантиметров. Я, наверно, прошел бы мимо этой картинки, но на нее вдруг упал солнечный луч, пробившийся сквозь полуслепое верхнее окно, и она засияла среди других полотен.

Вейнгард, видя, как я ею заинтересовался, заметил, что по силе выразительности она не уступает его космической картине, и рассказал мне следующее:

— Вскоре после большой художественной выставки я отправился в районный город, где должна была открыться выставка моих работ. Путь мой лежал через городок, немало значивший для меня в юные годы. Когда после войны я получил возможность развивать свой талант, я уже не был ни сорвиголовой, ни рассерженным молодым человеком. Я много работал, искал свои средства художественного выражения, пробовал, экспериментировал, сжигал неудачное, мучился сомнениями, но не отчаивался и все начинал сначала. О городке, где протекли мое детство и юность, я вспоминал не слишком часто. Он отошел в страну прошлого. Но тут, когда я проезжал через него, воспоминания нахлынули на меня сильнее, чем я мог ожидать, и мне показалось, что они остановили мой «вартбург», у меня откуда-то вдруг появилось время, чтобы осмотреться в этом городке, но кто может дать тебе время, кроме тебя самого? Я поставил машину и пошел бродить по улицам.

Вряд ли можно было предположить, что в этом городишке я встречу кого-нибудь из дней моей юности. Когда я его покидал, эпоха, как говорится, была политически безотрадной, я попал в тюрьму, сидел в лагере; чистая случайность, что я выжил. Население городка, надо думать, обновилось, особенно в послевоенные годы, когда люди по всей стране снимались с насиженных мест.

Главная улица, начинавшаяся за городской чертой—я заметил на ней кое-где навоз, как в былое время, колесами натащенный с полей,— упиралась в рыночную площадь. Поток пешеходов был невелик, и небольшие островки — два или три болтающих друг с другом горожанина — никому не мешали. Шум моторов на проезжей части создавал иллюзию кипучей деятельности, но все машины, грузовики и мотоциклы проезжа-

ли через город, не останавливаясь, и лишь один медленно тащившийся легкой автомобиль из Швеции, с широким бампером, похожим на щит снегоочистителя, казалось, загрэбал для своих седоков всю идиллию маленького городка.

Ратуша выглядела так, будто здешний архитектор играючи придумал ее много веков назад. Мне было известно, что местные патриоты достраивали свою ратушу к различным городским празднествам и годовщинам: один раз клали гладко отшлифованную гальку, другой раз — чурки, а позднее — чуть ли не спичечные коробки. Ратуша была так очаровательно забавна, так легка и воздушна, что всем своим видом как бы говорила: я не прочь простоять еще столетье-другое.

За бывшим кайзеровским почтамтом, зданием эпохи грюндерства, по сю пору выставляющим напоказ свою безвкусицу, мое внимание привлекла какая-то женщина. Полная, в свободном платье-рубашке, она выглядела старше своих лет. Лицо у нее было нечистое, на лбу красовался большой прыщ, а в правом уголке рта — след лихорадки. Волосы, когда-то, вероятно, рыжие, с возрастом посеребрились. В силу привычки я попытался определить цвет ее волос, испугующе и дружелюбно глядя на женщину. Цвет у них был такой, словно в плите смешали рыжую золу бурого угля и белую древесную золу. Нельзя сказать, чтоб они не были ухожены, но от частой завивки стали такими жидкими и короткими, что уже не поддавались укладке и смахивали на пух птенца. Наверно, мой взгляд художника показался ей назойливым, она потупилась, отступила влево и твердой походкой пошла дальше по краю тротуара. Я ее смутил и уже упрекал себя за это. Впрочем, я нередко позволял себе подобную профессиональную назойливость. Иногда мне приходилось извиняться перед прохожими, если я уж слишком откровенно на них пялился, но сейчас мне не хотелось объяснять каждому встречному, что я художник и пялюсь из профессиональных соображений.

Оглянувшись, я заметил, что женщина старательно обходит слева и всех других прохожих. Наконец она остановилась у афишной тумбы, но афиши, видимо, нисколько ее не интересовали; ей надо было сперва прийти в себя от моего назойливого взгляда, во всяком случае она подбоченилась левой рукой и задумалась; тут мне вдруг почудилось, что я когда-то знал ее. Вероятно, и мой внезапный интерес к ней был связан с бессознательным узнаванием.

Смутные воспоминания, вызванные каким-нибудь пустячным событием, могут вконец измучить человека, и я тоже мучительно напрягал свою память. Но быстро взял себя в руки, ибо, начни я раздумывать над этим незначительным случаем, он заслонил бы для меня все дальнейшие впечатления, на которые я надеялся. Я запретил себе даже думать о нем, а запрещать себе я умел, научился за шестьдесят лет.

Впрочем, в тот день я понял, что жесты человека не меняются и люди, прожившие жизнь в разных концах земли, могут по ним узнать друг друга, если под старость, пусть даже незадолго до смерти, им суждено свидеться вновь.

Я шел по главной улице и смотрел на прохожих. Видно, у них и сейчас времени было вдоволь, так как иные останавливались и глазели на меня, словно на заморскую диковину. Вероятно, по понятиям жителей провинциального городка, я был одет слишком светло и слишком по-юношески для моего возраста и моих больших усов, ибо тех, кого не смущала пестрая куртка, уж обязательно смущали мои желтые кожаные штаны. Ну что ж, глазейте себе на здоровье, а ведь в свое время вас не смущали горчичного цвета мундиры, расшитые галунами. Я пытался не обращать внимания на взгляды прохожих, но все же в этой одежде чувствовал себя здесь не так уверенно, как раньше.

Неужто захоlustье уже стало засасывать меня, неужто только поэтому я свернул в переулок, где, словно стадо черепах, горбатились булыжники? Я наивно — ибо подчас бываю наивен — внушил себе, что булыжники там, внизу, под другими, новыми следами, еще хранят мои тогдашние следы.

И надо же, чтоб это оказалась та самая улочка, где я встретился с девушкой, о которой пятнадцатилетним мальчишкой думал больше, чем положено. В мечтах она уже была моей возлюбленной, но она об этом не знала, да и незачем ей было знать, достаточно, что знал я.

В тот день (я долгое время называл его великим днем) улочка была безлюдна. В конце ее, где, ограниченный покосившимися фасадами домов, виднелся кусочек неба, появилась она. Я подумал: видно, сама судьба переводит стрелку, направляя меня на новый путь. Но посмотреть в глаза девушки у меня не хватило мужества: я боялся, что она догадается о моих мечтах. В юности веришь, что мечты имеют силу, но позднее узнаешь, что меж взрослыми существует соглашение: мечты имеют силу лишь тогда, когда за ними следуют поступки.

Поглядывая на нее искоса снизу вверх, я заметил, что моя девушка улыбалась. Может быть, отзвуку наших шагов в переулке. Я же вообразил, что она улыбается мне, и — как сейчас помню — меня коснулся зеленый рукав ее муслиновой блузки. Этого мне было довольно, довольно на целый месяц.

Наконец я решил, что при встрече заговорю с ней, но она не попалаась мне на глаза. Я спросил о девушке своего соученика по художественной школе, жившего неподалеку от нее, и в ответ услышал, что она, кажется, помолвлена.

Множество таких воспоминаний навевал мне этот городок, и чем дольше я бродил по нему, тем больше их становилось. Знаменитый художник посещает места своего детства, так могла быть озаглавлена газетная заметка о моем пребывании здесь, если бы меня настигли репортеры. Но в этом городишке им нечем было поживиться. Они рыскали по территории большого промышленного комбината за городскими воротами, и я радовался, что никто не мешает мне бродить по узким улочкам.

А вот и трехэтажный доходный дом в той части города, которую мы бог весть почему прозвали «Алжир». Оттуда я зашагал к школе, как полагается, увенчанной башнею; прежде она стояла среди грохота ткацких станков двух суконных фабрик. Во время войны суконные фабрики из соображений конкуренции были разбомблены английскими самолетами. Теперь школа очутилась на площади, где на потопанных клумбах из всех сил цвели запыленные пеларгонии и петунии, помогая городскому управлению экономить средства на цветы подороже.

Я прошел по своей старой школьной дороге, воскресил в памяти все мальчишеские проделки, все потасовки, поднялся по истертым каменным ступеням школьной лестницы и ощутил дурацкое удовлетворение при мысли, что есть и моя доля в том, что они так истерты. Я вспомнил дни, когда с хорошими отметками — в особенности по рисованию — опротясь сбегал по этой лестнице, чтобы с головой окунуться в каникулы; дни, когда я еле взбирался по ней, удрученный несделанными уроками, вспомнились мне лишь мимолетно.

Я пошел к реке, к заводу, где купался мальчишкой. Мухи и шмели, как и тогда, жужжали в сочной траве. Тысячи поколений насекомых пролетели за эти годы над заводью, но мой взгляд не отличал их от тех, что жужжали в высокой траве, когда я много лет тому назад засыпал там, сморенный солнцем. И у завода, казалось, росла все та же трава, лежа в которой я грезил о славе художника. Но об испуге, испытанном мною,

когда я впервые прыгнул в реку вниз головой и меня перекувырнуло в воде, так что я чуть не утонул, я вспомнил бегло и с неохотой. Память пристрастна, она всегда держит сторону жизни.

Трудно поверить, но на мосту с узорными чугунными перилами, перекинутом через речушку, я встретил своего школьного товарища. Я не узнал его, но он узнал меня, так как видел мои фотографии в газетах.

Мне вдруг так захотелось отпраздновать нашу встречу, что я решил плюнуть на открытие выставки.

Франца Шитке в школе мы звали Франчке. Мы с Франчке отправились в магистратский погребок. Когда он снял шляпу, довольно-таки обтерханную от частых приветствий, вместо ожидаемых кудрей моему взору открылась ухоженная лысина. Из остатков волос он умудрился не только сделать пробор над левым ухом, но еще и зачесать их кверху на поблескивавшие проплешины.

Мы уселись в нише, я заказал свиные отбивные, пиво и ждал какого-нибудь жеста, который бы подтвердил, что я действительно сижу с Франчке из моего детства. Этот жест не заставил себя ждать. Франчке вгрызлся в отбивную, как в свое время в школьный завтрак, по-мышинному въедливо и проворно. Водянистый картофельный салат он ел не глядя, без особого аппетита, и лишь после третьей кружки пива глаза его слегка заблестели.

Франчке служил в магистрате. В его ведении находились вывозка мусора из города, уход за зелеными насаждениями и надзор за уборкой улиц. Он страдал какой-то желудочной болезнью, был освобожден от воинской повинности и даже во время войны не покидал родного городка. Теперь он принадлежал к одной из партий блока, но политикой интересовался лишь постольку, поскольку она касалась его службы в магистрате.

О буроугольных шахтах за городской чертой Франчке говорил как о диком Западе. Рабочие и служащие шахт были для него «эти люди там». Видно, захолустье со своей однообразной мелочной суетливостью и вечными пересудами вконец опустошило его. Лишь с трудом вспоминал он имена наших бывших однокашников, хорошо памятные мне.

Но некоторых он все же припомнил и рассказал, что, распаленные идеями нацизма, они добровольно пошли на эту преступную войну. Возможно, была доля вины и Карла Мая¹ в том, что эти люди, давно охочие до приключений, позднее, точно вандалы, вторглись в чужие страны.

Иные из наших соучеников, оставшиеся в живых, переселились нынче в ту часть страны, где можно было жить на старый лад. Там они стали заниматься коммерцией, обзавелись вместительными машинами «для представительства» и дурно воспитанными детьми, много играли в скат, пили пиво и лишь изредка удостаивали наш городок своим посещением, держась чванливо и нагло, как белые колонизаторы в африканских джунглях.

После пятой кружки Франчке совсем разошелся и стал заказывать за мой счет все, что ему хотелось: «Двойной, пожалуйста, ведь молодыми нам больше не встретиться!» Он велел подать себе второй ужин: виноградные улитки с жарким из молодого барашка; заедал он их бутербродами с икрой. Я был для него чем-то вроде богатого американского дядюшки, которому «здорово пофартило», как выразился Франчке.

Я попытался толковать ему, сколько двадцатичасовых рабочих дней, сколько бессонных ночей кроется за тем, что сейчас выглядит «красивой жизнью». Он посмотрел на меня осоловелыми от пива глазами, кивнул с понимающим видом, но тут же объявил, что «тлалант» есть «тла-

¹ Карл Май (1842—1912) — автор широко популярных приключенческих романов.

лант» и людям, им взысканным, достаточно пальцем пошевелить, чтобы взобраться на самую вершину жизни.

Впрочем, Францке — под влиянием алкоголя набравшийся сил и важности — в свою очередь не пожелал ударить лицом в грязь. Если бы я видел, сказал он, на что был похож город после войны, то сразу бы понял, что он не из белоручек. Более того, я бы снял перед ним шляпу, нет, «шляпку». Пятнадцать лет понадобилось, чтобы убрать развалины. «Лазвалины, куда ни глянь — лазвалины». Широкий фронт работ по расчистке и уборке улиц, борьба за полное и повсеместное уничтожение крыс — он все это организовывал, добивался высоких показателей, которые и не снились «тем, в шахтах».

Я похвалил его не только из вежливости, похвалил и цветы на площади у нашей старой школы.

Воспоминания! Как быстро мы обменялись ими и как быстро они иссякли! Когда мы попытались заговорить о настоящем, оказалось, что мы говорим на разных языках. Укрывшись за клубами табачного дыма, к нашему столу подкрадывалась провинциальная скука.

Я вспомнил пожилую женщину, встретившуюся мне сегодня утром. И осторожно спросил о ней у Францке. Францке знал всех, кто, подобно ему, не покинул родного городка. С каждым из этих аборигенов ему хоть раз, да приходилось иметь дело. Все остальные были для него беженцами, которые либо сразу потонули в потоке жизни, либо, всем на зависть, взнеслись на гребень волны, чтобы потом все же пойти ко дну.

Рыжеволосых девушек, оставшихся в городке, раз-два и обчелся. Францке заказал еще один двойной и, задумавшись, так сморщил лоб, что казалось, он вот-вот затрещит, потом сказал:

— Ты, надеюсь, не о Цешихе говоришь? Ха, Цешиха! Ну, эта не слишком-то разборчива! — Он щелкнул пальцами. — Аборты, укрывательство дезертиров в конце войны, она чудом спаслась от виселицы, в общем, полный набор. Еще пива, позалуйста! Неужто ты хочешь сейчас... при моем общественном положении?

Я не без труда отговорил Францке от намерения пригласить сюда свою благоверную, которая, как он утверждал, лучше знала женскую половину городского населения. «Не вредно будет моей женушке, этой змее подколодной, поглядеть, с кем ее Францке сидит за столом».

Наконец мне удалось от него отделаться. Все мне опротивело. Но мягкий солнечный день меня успокоил, и я снова побрел по улицам.

Много тысячелетий назад речушке пришлось перепилить гору, чтобы проникнуть в низину, где расположился наш городок, и теперь она самодовольно течет между двумя половинками этой горы, на склонах которой оптимистически настроенные горожане разбили виноградники.

Скамья, на которую я сел там, наверху, надо думать, не раз сменялась за долгие годы моего отсутствия, и скамья, с которой я в шестнадцать лет унес домой первый девичий поцелуй, была, вероятно, ее предшественницей.

Нет, это была уже не та девушка, что осчастливила меня прикосновением своего муслинового рукава. В новелле это, конечно, была бы она, но я же рассказываю о своей жизни.

Девушка была красива. Но ведь каждая девушка по-своему красива. Та же, которую я впервые поцеловал (или она меня поцеловала?), была лучше всех на свете, и не только потому, что немного пришепетывала, а еще и потому, что говорила звучно, как говорят северяне.

Мы пошли домой, отягощенные сознанием своего греха. Неужто и вправду никто не видел, как там, наверху, наши губы соприкоснулись, точно трепещущие мотыльки?

Когда мы вошли в город и почувствовали себя увереннее, она ска-

зала мне, что ее пребывание здесь подходит к концу. Я побледнел, и в этот миг мне ничего бы не стоило взорвать поезд, на котором она должна была завтра уехать.

Мы поклялись друг другу в верности и никогда больше не свиделись. Два-три письма, в которых звенели любовные уверения, клятвы в верности; потом жизнь и эту тонкую любовную ниточку вплела в свою большую сеть.

Я шел дальше, в гору, миновал вершину с ее похожей на высокий торт смотровой башенкой и добрался до купы белых акаций. Вот, значит, и «Аркадия». Это название придумал расторопный хозяин ресторана, в свое время окончивший реальное училище. От «Аркадии» мало что осталось, если не считать зарослей крапивы и чертополоха да еще обгоревших развалин. Буфетная стойка, изрешеченная пулями, с проросшим из нее кустом бузины покрылась ржавчиной, и теперь с трудом можно было разобрать, что это такое.

«Аркадия» под конец войны стала одной из тех крепостей, откуда немцы пытались спасти последние сто пятьдесят километров отечества. «Крепость Аркадия», как мы видим, была стерта с лица земли, и из дырки, пробитой в проржавевшей стальной каске одного из павших здесь, торчал серебристо-серый чертополох. Это место не вошло в планы мероприятий Францке. «Аркадия», наверно, относилась к тому, что он назвал «там, за городской чертой».

Несмотря на чистотел и мелкий березняк, почти сплошь покрывший руины, перед моим взором тотчас же воскресла былая «Аркадия» с ее танцевальным залом. А вот и хозяин, всегда подставлявший левое ухо тому, кто с ним разговаривал. Хорошо обслуживать, по его мнению, значило не смотреть на клиента: ведь в пригородной рошице «Аркадии» встречались те, кому нельзя было встречаться в городе. Торговец сырьем Коттак, например, со своей невесть откуда взявшейся деревенской кузиной или архитектор Клейнмайер с внезапно нагрянувшей из Берлина племянницей.

Здесь мы праздновали окончание школы художников-декораторов: мой соученик Вумпель и я. У Вумпеля были добродушные лягушечьи глаза, в которых изредка появлялся золотистый блеск. На эту прощальную встречу в заведении для солидных людей он захватил с собой девушку.

У меня девушки еще не было, хотя уже приспела пора ею обзавестись. Мне стукнуло восемнадцать, и я был подмастерьем художника. Ненормально в такие годы разгуливать по городу в одиночку: говорят, от холостяков разит кислотной.

Мы еще плохо переносили алкоголь, но все-таки пили водку, пиво и опять водку и по очереди танцевали с девушкой Вумпеля Бертхен, которая мне очень нравилась. Она так занимательно говорила о погоде и намеками давала мне понять, что я не последний танцор в городе.

Я спросил Вумпеля, давно ли он знает Бертхен, но он мне не ответил и принялся любезничать с племянницей или кузиной за соседним столиком, вероятно ожидавшей директора бойни.

От этого у Бертхен упало настроение, и она загрустила. Я попытался ее утешить, говорил ей комплименты, как заправский дожуан, и ничуть не лицемерил. Ибо если приезжая девушка, подарившая меня первым поцелуем, была лучше всех на свете, то рыжеволосая Бертхен была еще лучше нее уже потому, что лицо ее было как бы сбрызнуто охрой, а я тогда любил веснушки, да, кажется, и до сих пор люблю.

Вумпель и в перерывах между танцами не обращал внимания на Бертхен. Она, казалось, вот-вот расплчется, и я предложил ей пойти погулять.

Стояла одна из тех прохладных ночей, какие бывают в конце апреля. Непривычный алкоголь придал мне смелости. Я вдруг решил, что пришла пора сдать экзамен на поприще любви, и повел себя как опытный, дважды женатый мужчина, но Бертхен отклоняла мои притязания: вечер, мол, холодный, она замерзла.

Тогда я стал ласково ее упрашивать. Мне так необходим был первый опыт! То было стремление познать самого себя.

А Бертхен? Кажется, она смотрела на меня с презрением, когда я, молящий, стоял перед ней, потом вдруг подбоченилась левой рукой, бросила на меня задумчивый взгляд и, если мне не изменяет память, расплакалась.

— Все вы такие,— сказала она,— а потом что?

Зная, что она имеет в виду Вумпеля, я, подстегиваемый алкоголем, умолял ее не судить по нему обо мне. Она вздохнула:

— Может, я дурочка, но ты же видишь, как некоторые держат свое слово.

Я клятвенно заверял, что сдержу слово, молил, чуть ли не рыдал. Наконец она сжалилась и по-матерински обняла меня.

Я приобрел первый опыт. И был разочарован. Неужели это то самое, вокруг чего взрослые разводят столько канители, о чем они вечно говорят, над чем подшучивают?

А Бертхен, была ли она разочарована? Ни в коей мере.

— Вот уж никогда бы не подумала... — смеялась она, намекая на мою юношескую неопытность. — Ах, как я буду тебя любить, как буду тебе верна, если ты захочешь.

Я и сам не знал, хочу ли этого, но, желая поскорей остаться наедине со своим разочарованием, уверил Бертхен, что мы обязательно будем встречаться.

Больше мы не встретились. Я нарушил слово. На сей раз покинул город я. Подмастерью необходимо испытать себя на чужбине. Правда, я пробыл в городе еще две недели, но прятался, чтобы не встретить Бертхен. Две недели, наверно заставившие ее всю жизнь плохо думать о мужчинах.

Как бы там ни было, для Бертхен я был третьим или четвертым в ряду нарушивших слово — мужчиной, который, унизив ее, стал ей отвратителен и которого она старалась забыть. Но для меня, хоть я и был тогда разочарован, Бертхен осталась тем, чем была — первой женщиной, познавшей меня, как говорится в старинных книгах. Забыть ее я не мог.

Мой рассказ все-таки смахивает на новеллу, ибо здесь в игру вступил случай, но разве можно все, что зовется «случаем», действительно считать таковым? Не имеем ли мы здесь дело с биотоками, свойства и функции которых нами еще недостаточно изучены?

Кружным путем я вернулся в город и снова очутился на площади перед своей старой школой. Устав от долгой ходьбы, я присел на скамейку и, глядя на потоптанные клумбы с дешевыми цветами, попытался упорядочить пережитое. Посещение музея закончено. Мне уже хотелось ехать дальше. На женщину с двумя детьми, игравшими на скамейке напротив, я сначала не обратил внимания, но девочка пробежала по клумбе; заслышав шаги, я взглянул на нее, она, видно, испугалась моих усов и ринулась обратно к скамейке.

Я не умею создавать в рассказе напряженные ситуации. Вы, конечно, уже догадались, о какой женщине идет речь.

Она меня не замечала. Но на пустынной площади не заметить человека, сидящего в двадцати пяти метрах от тебя, — в этом было что-то нарочитое. Или все-таки память сыграла со мной дурную шутку? Нет,

и это немедленно подтвердилось: девочка, очевидно ее внучка, стояла посредине клумбы и, подбоченившись левой рукой, смотрела на пеларгонии. Стоит ли говорить, что меня как током ударило!

Девочка наклонилась, сорвала пеларгонию и отнесла ее бабушке, мальчик, до сих пор тихонько игравший камушками, возмутился. Но бабушка только похвалила девочку и вдела цветок в петельку своей зеленой вязаной кофты. Девочка гордой походкой направилась за вторым цветком.

Я казался себе актером, который в момент наивысшего драматического напряжения обязан находиться на сцене, хотя реплик у него нет. Я подошел к старухе, снял свою белую кепку и, сознавая, до чего это пошло звучит, произнес:

— Мы, кажется, знакомы?

Старуха, все еще теребившая пеларгонию, подняла голову, взглянула на меня выцветшими голубыми глазами; насмешливая улыбка, промелькнувшая на ее лице, казалось, тронула и болячку в уголке рта, и даже веснушки.

— Вы сегодня весь день за мной шпионите. Если вы из уголовной полиции, будьте любезны предъявить удостоверение.

От растерянности и смущения я сделал странный жест — сунул правую руку в боковой карман куртки, старуха глазами проследила за мной, а когда я ничего не вытащил из кармана, в ее взгляде блеснуло торжество.

— Вот и оставьте меня в покое.

Она опять поникла головой и больше на меня не смотрела, хотя я еще некоторое время в нерешительности стоял перед нею.

На открытии моей выставки в районном городе я не присутствовал. Я поехал обратно. Жизнь преподала мне урок. Редко кому подают счет со столь отчетливо выписанной суммой, как это было в моем случае.

Может быть, написать ей? Адрес мне ничего не стоило узнать у Франкке. Открыться? Кто знает, как бы она это приняла. У меня не было возможности загладить свою вину иначе, как начав жизнь сначала и совсем по-другому. Легко сказать с высоты своих шестидесяти лет!

Плодом моих раздумий стала картина. Мне принесло облегчение то, что эту женщину, такой, какой она была тогда, я попытался приобщить к миру непреходящего. Но ведь и об этом нельзя говорить с уверенностью, художнику не дано судить, что из его творений выдержит испытание временем...

Мы все еще стояли перед той небольшой картиной. Солнечный луч, выхвативший ее из множества других картин, давно уже скользнул дальше. Сейчас мне казалось, что лицо рыжеволосой девушки, как бы сбрызнутое охрой, светится и без помощи солнца.

Можно ли рассказать картину? Если можно, то зачем, спрашивается, ее писать? Когда-нибудь вы увидите этот портрет, а пока что я вынужден просить вас удовлетвориться рассказом Вейнгарда.

Добавлю только одно: мне не совсем ясно, почему Вейнгард ставит эту картинку, бесспорно прелестную, в один ряд со своим большим полотном. Разве его премированный «Вид на Землю из космоса» не больше отвечает духу времени? Я как-никак журналист, прошу не забывать об этом.

Перевела с немецкого Е. Вильмонт.

О Ч Е Р К И   Ж А Ш И Х   Д Н Е Й

Н. ВЕРХОВСКИЙ

★

В ЛЕСНОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Николай Александрович Верховский (1902—1969) — публицист и очеркист — хорошо знаком читателям «Нового мира». Его дельные, боевые статьи и очерки о целине, о поднимающих и освоивших ее людях всегда привлекали внимание остротой поставленных в них жизненно важных проблем. Он прошел нелегкий путь и в жизни и в журналистике. Комсомолец с двадцатого года и с 1925-го — коммунист, Н. А. Верховский сохранил до последнего своего часа молодость духа, по-хорошему беспокойный характер, не дававшие ему — уже далекому молодому человеку — безучастно взирать на недостатки, равнодушно проходить мимо нового, замечательного в нашей действительности.

Незадолго до своей кончины, словно чуя ее, Николай Александрович побывал в родных верхневолжских краях, где прошла его боевая комсомольская юность. Внимательно, с любовью и радостью, а порой и горькой досадой всматривался он в нынешнюю жизнь своего любимого лесного Заволжья и принес в редакцию свои очерки, которые он так и назвал — «В лесном Заволжье». В них, как и в прежних работах, проявилась присущая ему заинтересованность в общенародном деле, его честная, партийная душа. Печатаемая эти посмертные очерки, редакция отдает должное его памяти, памяти литератора-большевика.

Каждая поездка в междуречье Унжа—Кострома, в чарующее своей неброской, но живописной природой милое сердцу костромское лесное Заволжье для меня — возвращение в юность, теперь уже далекую и потому овеванную светлой грустью. Здесь после окончания церковноприходской школы села Кабанова в древнем городке Галиче учился я в реорганизованной из гимназии школе второй ступени, был комсомольским политруком этой школы; здесь в уездной газете впервые пробовал свои скромные силы. И хотя главная тема этих очерков — проблемы современные, без воспоминаний и исторических экскурсов, в той или иной степени перекликающихся с сегодняшним днем, мне, видно, не обойтись.

ГОРОД МОЕЙ ЮНОСТИ

Люблю страну отцов — родную землю, горжусь богатой родословной своего исконно русского древнего Галича.

Ровесник Москвы, стольный град крупного удельного княжества в былые времена «спорил славою» с самой нашей столицей, был в XIII веке богаче и населеннее не только Костромы, но и Москвы, — и древний город, и вся галичская сторона, как до сих пор условно называют тяготеющую к Галичу значительную часть костромского лесного Заволжья.

Признанным историографом Галича считается в городе учитель истории, общительный, интеллигентный человек — Леонид Иванович Белов. Тридцатилетний опыт его педагогической и краеведческой работы в средней школе (той самой, где я когда-то учился) изучала и популяризировала в пятидесятых годах Академия педагогических наук РСФСР.

История Галича так богата и красочна, что, по словам Белова, он может иллюстрировать местными фактами буквально всю историю нашей родины начиная от первобытнообщинного строя.

От времен первых князей, под водительством которых галичане мужественно оборонялись от татарского нашествия, сохранился в Галиче Балчуг, или Столпье (столбище), — могучее древнее укрепление на самой возвышенной точке на южном берегу Галичского озера. Само его татарское название Балчуг (грязь, развалины), укрепившееся в народе, показывает, что ордынцы крепость разрушали, после чего, однако, она восстанавливалась. Вершину этого городища и до сих пор венчают осевшие, оплывшие, но все еще мощные земляные валы бывшего кремля.

На Балчуге теперь братские могилы борцов за революцию. И на нем же (вот уж нехстати) огороды и сады горожан, как будто для картошки или свеклы в окрестностях города не нашлось другого места.

От более позднего городища сохранилась часть высокого насыпного вала, выходящего к реке Кешме, а в одном месте и часть широкого водяного рва, который когда-то валы окружал. Теперь валы — излюбленное место прогулок горожан в дни отдыха.

В Смугное время Галич первым на севере поднял восстание против опустошавших край польских интервентов. Из костромской — галичской стороны вышел и легендарный Иван Сусанин: деревня Домнино — в каких-то пятидесяти километрах от Галича.

Л. И. Белов рассказал мне много интересного об участии крепостных крестьян и холопов галичской земли в разинском и других народных движениях. Начатое в низовьях Волги и Дона, восстание Степана Разина докатилось и до верховьев Волги. В начале ноября 1670 года на Ветлуге появился посланный Разиным на север атаман Илья Иванович Пономарев. Под его руководством в восточной части галичской земли вспыхнуло и разгорелось восстание. Далеко прошли с боями пономаревские отряды, они были подавлены только у вологодской Тотьмы. Любопытно, что в описи вещей, отнятых у Пономарева при аресте, значится и «знамя воровское пестрядильное красное», — вот уже когда на Руси реяли красные знамена! Илью Пономарева повесили у Тотьмы на берегу реки Сухоны, но галичские крестьяне не верили в смерть своего вожака. Тогда по просьбе воеводы мертвое тело Пономарева было доставлено в Галич и снова повешено на торговой площади... Почему бы на этой площади не быть хотя бы мемориальной доске, посвященной Илье Пономареву?

С древних времен занималось здешнее население выплавкой железа из местных болотных руд, добычей соли на варницах из соленых источников в посаде Соли Галичские. Но чем ближе к современности, тем больше отставало лесное Заволжье, особенно его крайний северо-восток, в развитии собственных производительных сил. Правда, Галич долго сохранял свое значение крупного торгового центра, через который осуществлялись торговые связи Москвы с Вяткой и Архангельском, но он до 1906 года оставался в стороне от строящихся железных дорог. Возникали новые промышленные центры, а Галич и его округа с ее бедными почвами все больше превращались в типичное российское захолустье.

Немало галичских, чухломских, солигаличских крепостных «рукодельных людей» — плотников, каменщиков, штукатуров, печников, кровельщиков — положило свои косточки в основание державной столицы на Неве. Видимо, с той поры и берет начало все возрастающий затем отход местного населения на заработки. Притом именно в Петербург. Кажется бы, несообразность: Москва по прямой линии всего в четырехстах километрах, Питер — в семистах, но добрых девяносто процентов всего отхода шло в северную столицу. В наших местах слова «отходник» и «питерщик» были синонимами. А в том, что советская власть была провозглашена в Галиче уже 8—9 ноября — немалая заслуга питерщиков, людей бывалых, грамотных. Итак, неземледельческий отход — вот главное направление капиталистического развития этих районов, превратившихся в самые отхожие в отхожей Костромской губернии. И это, видимо, не в малой степени сказалось и на современности.

Из галичской — костромской стороны вышло немало известных на Руси людей: царь Борис Годунов и первый самозванец, Иван Сусанин и другие. Из самого Галича

вышел один из видных писателей XVIII века — Александр Анисимович Аблесимов. В Солигаличском уезде родился, в Галиче вырос и отсюда уехал в Москву в мальчики к купцу Шарапову знаменитый затем издатель книг для народного чтения Иван Дмитриевич Сытин. Общеизвестно, что его очень уважали, сотрудничали с ним Толстой, Чехов, Горький. Первой моей собственной книгой было прилично изданное сытинское иллюстрированное «Собрание сочинений Н. В. Гоголя», купленное, насколько помнится, за шестьдесят копеек. Побывав в Галичском музее, я удивился: среди знаменитых людей города имя Сытина даже не упоминается. Почему? Потому ли, что он капиталист? Но для своего времени этот русский самородок был деятелем прогрессивным, человеком, нередко ставившим заботу о просвещении народа выше личной наживы. После революции он сразу и безоговорочно перешел на сторону советской власти. Его ценил В. И. Ленин, доверял ему, посылал в ответственные командировки за границу.

Вел я немало разговоров с Л. И. Беловым, с преподавателем литературы В. В. Касторским и другими земляками о возможности превращения Галича в туристическую базу. Признают: да, город с его историческими памятниками, Галичское озеро и его живописные окрестности (побывавший здесь в 1919 году А. В. Луначарский, любуясь с Балчуга открывавшейся перед ним красотой здешних мест, воскликнул: «Ну чем не Швейцария!»), удобство транспортных связей с Москвой, Ленинградом, Костромой и другими центрами — все это дает основание включить Галич в сеть больших туристских маршрутов. Были бы интересны и малые маршруты, скажем в сусанинские места. Или в места, связанные с именами Некрасова, Островского, Писемского. Все ведь это здесь, в Костромской области, в том числе и на исторических галичских землях. Поехать, например, от Костромы по старинному галичскому тракту, свернуть в сторону Судиславля — и откроется чудесный уголок русской природы — Щельково, усадьба Островского, где драматург жил, творил, где он и похоронен.

Могла бы быть интересной, особенно для молодежи, считают мои собеседники, и туристско-спортивная поездка на лодках. Например, через Галичское озеро по Вексе-Галичской в реку Кострому (через Буй) до впадения ее в Волгу, с заездом в Кострому, скажем в Ипатьевский монастырь-музей. Да мало ли может быть интересных маршрутов! Стоит продумать да так организовать дело, чтобы и сам город был заинтересован в туристах. И, конечно, прежде всего разрешить «проклятый» гостиничный вопрос. Пожил я в единственной в городе скромной гостинице, рассмотрелся. И без туризма велик наплыв людей, нуждающихся в ночлеге. Исходя из добрых побуждений — не ночевать же людям на улице, — администраторы гостиницы даже коридоры загружают добавочными койками, пройти трудно...

* * *

Поездка в Галич прежде всего напоминает мне о первом моем редакторе, местном поэте-самоучке Алексее Николаевиче Соловьеве (подписывавшемся «Нелюдим»), о его стихах, фельетонах, мечтах. Алеха Соловьев, как его звали земляки, — типичный галичанин, питерщик-маляр, один из борцов за победу Октября в городе и уезде.

Соловьева до сих пор помнят и галичане и костромичи, некоторые стихи его, несмотря на несовершенство их формы, а порой и нелады с грамматикой, включаются в сборники стихов первых поэтов революции, издающиеся в Москве и Ленинграде.

В местном музее сохранилась биография поэта, записанная с его слов. Из всех школ прошел Алексей Соловьев только «горьковские университеты»; как маляр не раз совершал полеты с крыш, лесов и лестниц, а потому и первый свой сборник стихов озаглавил «Полеты» (раньше-де я совершал полеты с крыш, а в стихах — полеты творческой фантазии); был очевидцем расстрела рабочих у Зимнего дворца 9 января и с тех пор, подчеркивает, «люто возненавидел царский стрей». Сидел в Крестах, бродяжничал, не раз высылался из Петербурга по этапу, был агентом-распространителем, а затем и поэтом дооктябрьской «Правды»...

В первых стихах был он, по его собственному выражению, резок, озлоблен до крайности. Кос что из написанного решил отнести в «Правду», где познакомился с К. С. Ере-

меевым, который, прочтя стихи, замахал руками: «Что вы, что вы, товарищ, и без таких-то стихов газету нашу почти ежедневно арестовывают. Это уж будет когда-нибудь потом». Однако взял одно стихотворение, «Маляры», и на другой день оно было напечатано. С тех пор стихи за подписью «Нелюдим» стали появляться в «Правде». В июле 1914 года в последнем конфискованном номере закрытой «Правды» было напечатано его стихотворение «Пролетарское утро», а вскоре поэт был взят на военную службу.

В том, как рассказывал о себе Соловьев, да и во всем в жизни, был он подкупающе непосредствен и искренен. Что было, то было: неровный жизненный путь у нашего Соловьева-Нелюдима. «Будучи мальчиком на побегушках у мастеров и подмастерьев, уже с восьми лет приучился я пить водку и со временем,— горько иронизировал он над собой,— постиг это занятие в совершенстве...» (После революции он от этой своей болезни долго и упорно лечился.)

В первые годы революции люди моего поколения рано начинали самостоятельную жизнь. Сейчас уже трудно в деталях вспомнить, что побудило меня — застенчивого семнадцатилетнего юнца, не напечатавшего еще ни одной заметки,— отважиться пойти в редакцию и предложить свои услуги. Вряд ли желание получше «опайковаться». Вопрос этот был, конечно, острейшим: в особо бедственные периоды население провинциального города получало в день по пятьдесят граммов хлеба, а то и не получало вовсе. Газета печатала рекомендации, как выпекать хлеб из картофеля, сушеных картофельных очистков, жмыхов и других суррогатов. Но между карточками учащегося и служащего существенной разницы не было. Да и не очень-то мы заботились о личном благополучии. Главными были идейные побуждения, желание включиться в дела революции, помочь ей. Немалую роль играл и авторитет газеты, внешне убогой, выходящей чаще всего на двух полосках то желтой, то синей оберточной бумаги, а также личная популярность Нелюдима.

Шел я в редакцию — а она помещалась в красном кирпичном доме, конфискованном у купца Нешпанова, на бывшей Пробойной улице (ныне улица Луначарского) — и представлял себе редактора: человека с длинными выющимися волосами, с мечтательным взглядом поэта — поэты рисовались мне по образу пушкинского Ленского. На первых двух этажах здания размещались упорком и уком партии, а редакция — на самой верхотуре, в низенькой светелочке. Поднимаюсь по крутой, узкой лестнице, открываю дверь в комнату, а там всего-навсего один человек. Догадываюсь, что это и есть сам Нелюдим, только совсем не такой, каким я себе его представлял. Среднего роста, русский, во френче, перешитом из солдатской шинели, в армейских ботинках с обмотками. Широкие, изъеденные опсой лицо давно не брито, подслеповатые глаза, большие, видать, мохолистые руки. Обыкновенный отходник-питерщик, каких я привык видеть в деревне, ничуть не форсистый.

Робко говорю о цели своего прихода. А он словно бы меня и ждал — выходит навстречу из-за своего широкого, заваленного газетами и рукописями стола, приветливо переспрашивает:

— Как тебя, гсворишь, зовут-то?.. Так вот, Коленька, садись,— указывает на второй столик, поменьше,— попробуем редактировать сводки...

Это были сводки РОСТА. Их принимали тогда примитивной радиостанцией на галичском Балчуге, записывали карандашом — коряво, не очень грамотно — на длинных полосках плохой бумаги. Показал мне редактор, как нужно отмечать абзацы, расставлять знаки препинания,— ему просто был нужен мало-мальски грамотный человек. В последующие дни поучил, как выправлять селькоровские заметки. Так я стал секретарем редакции газеты «Известия Галичского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», заполнив в ней вторую штатную единицу.

Все шло своим чередом. Алексей Николаевич радушно принимал селькоров и рабкоров, запросто приходивших к своему «Алехе», возился со стихами местных поэтов, в том числе и поныне здравствующего Владимира Флегонтовича Разумова, писал свои. Напишет, бывало, и прочтет мне:

— Ну как, Коля, здорово?

Человек острый, склонный к юмору, редактором Соловьев был отнюдь не ручным, а ершистым и преподносил иногда местному руководству «сюрпризы», давал субъективные, не всегда правильные оценки тем или иным действиям уездных властей. Помню случай, когда один из номеров газеты был даже задержан им, после чего, по крайней мере формально, с единоначалием в редакции было покончено: под уездными «Известиями» вместо слова «редактор» появилось «редколлегия».

Однако «Алеха» и тут нашел способ пояснить читателям, что же, собственно, произошло: в очередном фельетонном обзоре местных событий — читатели любили эти обзоры — были, помню, такие строки:

Печальная элегия.
Не первый комом блин:
В редакции коллегия —
Я в ней сиюю один.

Об острых, иногда хватающих через край фельетонах и эпиграммах Нелюдима современники, в том числе и жертвы его пера, вспоминают теперь с добродушной улыбкой. Талантливые же стихи поэта, посвященные революции, Ленину, родному городу Галичу, мечтам о его светлом будущем, до сих пор переиздаются; их нередко цитируют в речах, особенно на юбилеях. Ну как, например, не вспомнить с улыбкой последние строки стихотворения, посвященного другу Соловьева, большевику, в прошлом такому же, как и он, отходнику-питерщику Николаю Александровичу Ледневу, председателю исполкома Галичского уездного Совета в 1917—1919 годах. Напомнив о том, что «ты ведь был мастером кровельным, а я ж маляром-просветителем», поговорив о великих победах революции и бедности тех дней, о житейских тяготах, Соловьев заключает:

Эх, заживем мы с тобою под старость-то:
Чай будем с сахаром пить!

В этих строках и суровая правда эпохи, и озорная улыбка поэта.

При жизни автора (а умер он в Ленинграде в 1931 году), кроме «Полетов», был издан и второй сборник — «Цветной ковер».

А вот и мечты поэта (1919), давно уже обогнанные жизнью:

Теперь грядущее пред нами...
Прадеды-галичане спят...
И верю я: над их холмами
Аэропланы зашумят.

Мне вспомнились эти строки во время последней поездки, когда над городом пролетало звено реактивных самолетов, оставляя высоко в небе тройной перистый след...

* * *

Галич не отнесешь к тем городкам, про которые говорят, что обойдены всеми пятитетками и семилетками. За годы советской власти население его больше чем удвоилось, достигнув почти двадцати тысяч.

Перемены видишь сразу, как только сходишь с поезда. Правда, одноэтажное кирпичное здание вокзала то же, откуда уезжали на фронт наши первые комсомольцы. Некоторые так и не вернулись, в их числе Паша Глинка. По рассказам однополчан, он первым со знаменем в руках бросился в атаку на белополяков, но был сражен пулей.

На вокзале был тогда агитпункт, весь оклеенный плакатами и «Окнами РОСТА», занимавший добрую треть зала для пассажиров. Ведал им З. И. Говядин, один из видных членов бюро укома партии, делегат X съезда партии, — вот какое значение придавалось тогда агитпункту! Поезда порой задерживались подолгу, и мы, комсомольцы, ходили сюда читать вслух газеты проезжающим неграмотным и малограмотным красноармейцам, устраивали для них небольшие концерты с декламацией стихов первых поэтов революции — Павла Арского, Демьяна Бедного, да и нашего Алексея Соловьева.

Для красных бойцов обязательно заводили мы граммофон и ставили пластинки с речами Ленина, Луначарского и, что для того времени было еще не для всех при-

вычно, с выступлением женщины — Коллонтай. «Товарищи, я женщина» — так и звучит в ушах ее высокий голос. Впрочем, для нас, галичских комсомольцев, женщина-агитатор — дело обычное: самым первым и боевым вожаком местной комсомолки была как раз девушка, дочь отходника, уже в феврале 1919 года вступившая в партию, — Катя Круглова. Екатерина Андреевна и поныне здравствует: кандидат наук, долголетний преподаватель МГУ имени Ломоносова, она теперь персональный пенсионер, председатель Совета ветеранов университета. Вместе с нею и некоторыми другими старыми комсомольцами мы были осенью 1968 года в Галиче на юбилее ВЛКСМ. Только она, к сожалению, уже не так подвижна, как в былые годы: приезжала с сопровождающей, передвигалась, опираясь на посошок. А выступала с юношеским задором, совсем как прежняя Катя!

Да, вокзал тот же. И совсем другой. Чистенький, в зале удобные диваны, полы — метлахская плитка. Никакой сутолоки. Спокойные, хорошо одетые пассажиры. Кроме общей кассы, есть и специальная: «На Кострому». Станция стала узловой — построена новая железнодорожная линия Галич—Кострома, связавшая кратчайшим путем лесное Заволжье с областным центром.

Выходишь из вокзала на улицу, а тут большие и малые автобусы ожидают пассажиров на Чухлому, на Солигалич, Судай, Орехово, в аэропорт, во многие глухие уголки Заволжья. Межрайонное значение города не только сохранилось — возросло. Здесь торговые перевалочные базы, учебные заведения — крупные сельхозтехникум и педагогическое училище, одна из старейших в Союзе школа механизации сельского хозяйства, курсы медсестер, строителей, несколько средних школ. В этом смысле Галич — самый «интеллигентный» город лесного Заволжья.

Развивается город и в промышленном отношении. А ведь первый камень в развитии энергетики города был заложен при помощи В. И. Ленина. Еще в 1918 году задумали галичские большевики создать в городе небольшую электростанцию. Подобрали различное оборудование. Паровой котел взяли с бездействующего тогда лесопильного завода в селе Рылеево и перевезли на двенадцати тройках в Галич. А денег на строительство не было. Находившийся вместе с заведующим уездным финотделом Добряковым в Москве на финансовом съезде председатель Галичского уисполкома Леднев решил в перерыве между заседаниями попросить помощи у Ильича. Вот как он рассказывает об этом в своих воспоминаниях, опубликованных в местной газете:

«Поравнявшись с ним (Лениным.— Н. В.), я спросил: «Можно к вам обратиться, Владимир Ильич?» Владимир Ильич ответил: «Пожалуйста!» Мы ему рассказали, что начали строить в Галиче электростанцию, но не хватает денег... Владимир Ильич спросил: «А вы обращались к наркомфину Крестинскому?» Мы ответили, что обращались. В это время Крестинский стоял рядом, и Владимир Ильич сказал ему: «Товарищи из Галича начали хорошее дело, и им надо помочь...»

Помощь была оказана. 1 мая 1920 года состоялось официальное открытие электростанции. Помню те дни. Уком РКСМ был в то время для каждого из нас милее дома родного; как вечер, так все поголовно в уком: на лекцию, беседу или просто для дружеского общения. И каково же было ликование, когда вместо керосиновой лампы лампы загорелась в укоме электрическая лампочка — подлинно лампочка Ильича! Теперь и город и район давно уже подключены к Единой государственной энергосистеме. Электричество есть в любой, даже в самой отдаленной, деревне. Если прежде были в Галиче и его пригороде только небольшой кожевенный завод братьев Каликиных (в Шокше), мелкие кирпичные заводчики да еще «монополька» (винокурный завод), то теперь, кроме реконструированного и во много раз расширенного кожзавода «Революция», возникли заводы металлоизделий, маслозавод, ликеро-водочный, мебельная, обувная и швейная фабрики, мяскокомбинат, крупный леспромхоз, сапогозаводная фабрика, рыбозавод, бытовой комбинат, многочисленные промкооперативные артели.

Главное же, с чем связано пока промышленное развитие города, это строящийся за Балчугом, в зоне, далеко протянувшейся по кромке озера Рыбной слободы, крупный экскаваторный завод. Строительство завода (и нового при нем жилого массива) в разгаре. Первые сотни машин на широкой гусенице уже выпущены и опробованы. Они очень нужны для осушения северных топей, для разработки торфяников.

Приятно увидеть новшества и в центре города: скажем, побывать в широкоэкранным кинотеатре «Родина», в новом Доме культуры...

Но я неправильно понимал бы свой долг перед отчим краем, если бы писал только о добрых переменах, умалчивая о том, что заботит и даже удручает.

Прав я или нет, но у меня свои критерии для сравнений. Почти с первой борозды работаю я в Целинном крае. Много еще недоделок в городах и селах Северного Казахстана, но как же сказочно преобразился на моих глазах край нового земледелия, притом в кратчайшие сроки. Все шестнадцать совхозов Рузаевского района Кокчетавской области, о котором мне доводилось писать в «Новом мире», уже соединены между собой асфальтированными дорогами. По темпам газификации сельского быта Кокчетавская область заняла в прошлом году первое место в Союзе. В том же Рузаевском районе уже в 85 процентах квартир — газовая плита со сменными баллонами.

Но в моем Галиче — а ведь это, по сути дела, Подмосковье — газ только-только начинает входить в быт, и до сих пор не только ни одной асфальтированной улицы, но и тротуара нет. Город неблагоустроен, не налажено водоснабжение, нет канализации, а преобладающие здесь деревянные дома обветшали. Красой и гордостью Галича считаются Верхние и Нижние торговые ряды, построенные в начале прошлого века. Они многие десятилетия не ремонтировались, часть Нижних рядов грозила обрушиться. Хотели было совсем снести Торговые ряды, но посоветовались с костромскими архитекторами. «Без Рядов не будет исторического Галича», — сказали они. И вот за последние годы здания эти большей частью уже реставрированы, а наиболее обветшалые Нижние ряды сейчас тоже восстанавливаются.

Удручает состояние дорог в Галичском, да и в большинстве районов лесного Заволжья. Тут речь идет уже не просто о буксующих «газиках», а порой и о полной непроходимости. В исключительно мокрую осень прошлого года по дороге из села Костомы на станцию Рассолово не смогли пробиться даже тракторы-молоковозы...

— Почему же так запущено хозяйство древнего городка? Малы ассигнования? — допытываюсь я у моего доброго знакомого заведующего городским финансовым отделом Александра Николаевича Чистякова.

— Малы. В прошлом году на благоустройство было отпущено всего шестьдесят тысяч рублей.

— И это на весь город?! — переспрашиваю удивленно. — Такую сумму у нас расходует на эти цели рядовой целинный совхоз...

— Дело даже не в деньгах, при желании мы бы их изыскали, — поясняет Александр Николаевич. — Главное — строительные материалы. Приезжайте через годик-два — тогда многое уже изменится...

Видимо, перемены к лучшему действительно не за горами: наконец-то построены в городе асфальтовый и крупный кирпичный заводы. Но это, разумеется, частности, хотя и важная. Чем больше вникаешь в современную жизнь города и особенно села, тем больше убеждаешься, что в лесном Заволжье назрела настоятельная необходимость широкого масштаба строительных работ. Все хотят и, главное, всем нужно строиться, причем по-современному.

Отрадно, что и возможности возрастают. Первый секретарь Галичского райкома партии Василий Иванович Либеров (родом он из Солигаличского района) с увлечением рассказывал о «солигаличских находках», чрезвычайно важных для всей округи: о крупных, местах выходящих на поверхность месторождениях известняка.

— Известь для полей, — говорит он, — пока возим за тридевять земель — из Владимирской области, а теперь будет своя. Солигаличский известняк — превосходен, в ближайшей перспективе будет у нас и свой цемент. Свой поргланд-цемент! Разве это не замечательно?! А в самых северных сельсоветах того же района, уже на границе с Вологодчиной, исследованы богатейшие торфяники. Мощностъ пластов там достигает двадцати метров.

В Костромском обкоме партии из беседы с секретарем по промышленности Константином Васильевичем Донцовым я узнал, что солигаличские находки экономически оцениваются очень высоко.

— Будет там и крупный промышленный комплекс по переработке известняка, — подтвердил он. — Новую железную дорогу построим. Трасса уже определена. На солигаличском торфе будет работать Костромская ТЭЦ номер два...

Но и это не все! В конторе Костромской нефтяной разведки — находится она в Галиче — настроение оптимистическое.

О том, что в Костромской области получены прямые признаки нефти, уже сообщалось в печати. И самые большие надежды пока связаны с Солигаличем. Но перспективны и многие структуры соседних районов — Галичского, Чухломского, Буйского...

По всему видно, что до действительных богатств северной части Нечерноземья (как и вообще Севера) мы еще только-только добираемся.

Открытия, а с ними и перемены, о которых прежде не осмеливались мечтать, еще будут. Но всегда ли хорошо используем мы клады уже давно открытые, общеизвестные? К этому мы еще вернемся. А пока хочется заглянуть в Чухлому, в уголок лесного Заволжья, само название которого всегда означало глухомань, тем более что это не так уж далеко, всего пятьдесят шесть километров от Галича...

ЧУХЛОМА

Сложилась даже поговорка: «Бог создал солнце и луну, а черт — Судай и Чухлому». И самые понятия Чухлома или Пошехонье стали синонимами вахлчества и невежества. Слов нет, места эти долго оставались (да отчасти остаются еще и теперь) глухими, затерявшимися в лесах, вдали от современных средств сообщения. Но разве мало у нас и еще более глухих мест? Если же особенно «повезло» именно этим бывшим уездным городкам, то во многом тут повинны сами названия их (Чухлома, Пошехонье — словечки-то каковы!), да и писатели-классики, прославившие здешние обычаи и нравы.

Что глушь — верно! Но мы — ближайшие соседи чухломичей — хорошо знаем, что даже в прежние времена народ здесь был отнюдь не «серым», а бойким, расторопным, сметливым, таким же, как и остальные — костромичи или ярославцы. Достаточно сказать, что по грамотности населения Чухломской уезд был на одном из первых мест в Костромской губернии. Возьмем и такую бытовую деталь: если в восточных земледельческих уездах бывшей губернии преобладающей крестьянской обувью был лапоть, то в Чухломском, как и в Галичском, Солигаличском или Буйском, уезде преобладали сапожки, да еще такие, что «светятся и скрипят». Отходники-«питерщики» — вот кто накладывал свой отпечаток!

Единственное, что удивляло нас в соседях, — это их говор. Диалектологи немало потрудились над тем, чтобы объяснить, почему в наших местах среди господствующего северорусского «окающего» наречия район Чухломы оказался островом говора «акающего». Местный уроженец, прекрасный знаток провинциального быта писатель А. Ф. Писемский так говорит об этом своеобразном говоре: «Представьте себе московское наречие несколько на «а» и усильте его до невероятной степени, так что, говоря на нем, надобно, как и для английского языка, делать гримасу». Наиболее убедительным объяснением фонетических особенностей говора может служить, видимо, то, что в конце двадцатых годов XVII столетия сюда были переведены служилые люди из-под Москвы, которым роздали опустевшие после Смуты земли.

В Чухлому теперь добраться просто: на рейсовом АН-2 от Галича каких-нибудь тридцать минут. А поехал я все же на автобусе. И вот почему. Первый и единственный раз был я в Чухломе почти полвека назад. Как же не поглядеть на одну из дорог далекой юности? Тем более что путешествие по ней было связано с запомнившимся мне злостью, характерным для той поры.

В апреле 1921 года на очередном губернском съезде комсомола в Костроме меня впервые избрали в губком РКСМ, а при распределении обязанностей между членами бюро губкома я был закреплен за Чухломским и Солигаличским уездами. Это означало, что я должен туда выезжать, инспектировать комсомольские организации.

Для поездки вооружили меня наганом, который, кстати говоря, только зря оттягивал карман: время хоть было и напряженное, переломное, сразу после Кронштадтского мятежа, но в наших уездах каких-либо острых волнений не наблюдалось. Чтобы обеспечить командированного транспортом, в то время выдавался так называемый «открытый лист» — удостоверение, из которого следовало, что «все нижестоящие советские органы» на селе обязаны предоставлять товарищу (имярек) подводу. Не без важности в первой же деревне предъявляю свой открытый лист, составленный в категорических выражениях, а эффект — совсем противоположный тому, на который рассчитывал. Смотрит на меня давно не бритый уполномоченный сельсовета, а в его глазах читаю: «И такому-то прыщу давай подводу. Вот что делает с нами советская власть!» Промуржил он меня часа два-три, пока наконец подъехал возница с лошадкой.

Еду и думаю: довезут меня, значит, до следующей деревни, а там опять начинай все сначала. Да ведь этак мне до Чухломы и за двое суток не добраться! А мой возница — средних лет мужичок, — подгоняя лошадь, ворчит. Поругивает он вроде бы свою клячу, а на самом деле, чувствую, меня:

— Но, но, лешая! Поспешай. Не дали доборонить полоску-то!

Начинаю прозревать: значит, лошадку-то для меня сорвали с посевной! Да разве это по-комсомольски? (Как раз перед поездкой прочитал только что вышедшую брошюру В. И. Ленина «О продовольственном налоге») Попросил остановить лошадь, слез с телеги, говорю вознице:

— Поезжай, товарищ, обратно, пешком пойду.

Тот сначала посмотрел на меня недоверчиво, а потом видит, что это всерьез — парень-то сапоги снимает, подвертывает повыше штанины, значит, действительно пойдет пешком, — быстренько повернул лошадку и айда обратно.

Ноги молодые — уже к вечеру добрался я до Чухломы. Помню, вознагражден был великолепным ужином. Отсутствием аппетита в те годы никто не страдал, а в городской чайной подали мне огромного, зажаренного в сметане, исключительно вкусного караса. Я тогда еще не знал, что вкушаю «царское блюдо»: местные рыбаки поставляли раньше чухломского караса «двору его императорского величества», а Чухломское озеро так и прозвали «Царский пруд».

Еду я в автобусе и размышляю: «А как теперь с карасем?» Обязательно поинтересуюсь. Приглядываюсь к дороге. Тракт все тот же, только пошире и разбитый. Но есть и перемены: параллельно старой дороге — свежая насыпь, реальное очертание нового шоссе, которое, как мне сказали, будет асфальтированным. Наконец-то «дошли руки» и до дорог на Чухлому.

Пейзаж знакомый, родной: березовые, осиновые перелески, еловые чащобы, но гораздо больше стало дертей, щетинистых от пеньков. В соседних Галичском или Буйском районах деловой древесины практически уже нет. Лесозаготовители теперь промышляют в глубинках, подобных Чухломе, Судая или Парфеньеву.

После небольшого, но оживленного Галича Чухлома поражает тишиной. Как на ладони озеро, к нему уступами спускается роща. Маленький, чистенький, красивый городок. Прекрасное место для летнего отдыха. И все-то здесь рядом, на одной улице: учреждения, гостиница, даже небольшой музей. В магазинах товары есть, но никаких очередей. В ресторапчике всего восемь столиков, из них, смотрю, только три заняты. Даже в гостинице всегда, оказывается, бывают свободные койки.

Чем дальше вслушиваюсь в людской говор, тем больше убеждаюсь, что былого, «усиленного до невероятности» аканья в Чухломе уже нет. Толкую об этом со старожилом, директором музея Георгием Ивановичем Лебедевым.

— А ведь и верно! — подтверждает. — Все обновилось. Даже и говор. Коренные чухломичи — где они? Много ли их осталось, да и у них другой культурный уровень.

Обновился быт и людской состав городка и окрестных деревень. Чухлома сегодня центр не самого лучшего, но и не самого худшего, а среднего сельскохозяйственного района области.

Георгий Иванович — человек преклонного возраста, краевед-энтузиаст. Ему давно уже можно бы выйти на пенсию, но разве оторвешь его от музея, который он организовал еще в первой половине двадцатых годов. Мне рассказывали, как он боролся за свое детище в военные годы: голодал, бедствовал, но экспонаты оберегал и приумножил; для отопления собирал в окрестных лесах хворост и таскал вязанки на собственных плечах. Ему явно хотелось, чтобы мне понравилась его Чухлома, над которой так много в прошлом иронизировали. О чем его ни спросишь, он в ответ: «Я вот вам, пожалуйста» — и преподнесет какой-либо выразительный экспонат, показывающий, что и «мы не лыком шиты». Очень гордится местными знаменитостями, среди которых есть и писатели и академики, например физиолог Константин Михайлович Быков — ученик и продолжатель дела И. П. Павлова; одних только чухломичей — Героев Советского Союза тринадцать человек.

Целый стенд посвящен чухломичу А. Ф. Писемскому. На нем и виды его усадьбы Раменье, и выдержки из его «Очерков из крестьянского быта», основанных на фактах костромской крепостной деревни (Костромы, Галича, Чухломы), и отзывы о писателе Горького и Чехова. «Умный скептик Писемский всю жизнь издевался над дворянином, рисуя его карикатурно и грубо смеясь над ним» (М. Горький).

Не все теперь помнят о поэте, критике, переводчике классиков французской драматургии, одном из организаторов «Союза спасения» П. А. Катенине. А ведь именно его увековечил Пушкин: «Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый». Экспозиция напоминает, что Катенин был автором стихов, известных как «Гимн декабристов», за которые их автор еще в 1822-м был сослан Александром I в свою усадьбу Шаево. Катенин похоронен в Чухломе на городском кладбище, там ему в 1956 году поставлен памятник.

А вот экспозиция, посвященная другому Катенину — Георгию Михайловичу, уроженцу села Морозовское, генерал-майору ганковых войск, героически погибшему в 1943 году в Отечественную войну.

Что касается дорогих нашему сердцу Героев, то старый краевед ревниво оберегает «чухломской приоритет» и даже упрекает соседей-галичан в «агрессивности»: «Перехватывают, говорят, наших Героев...»

Тут уж я не мог не улыбнуться. Речь, оказывается, идет о Герое Советского Союза гвардии полковнике Андрее Александровиче Игнатьеве. Родился он в Чухломе, а жил и учился в селе, которое по новейшему административному делению (1962 г.) вошло в Галичский район.

Кстати, об «агрессорах». У галичан двенадцать Героев Советского Союза — уроженцев города и района. Именем одного из них — Дмитрия Константиновича Ушкова — в Ленинграде названа улица, в Сестрорецком районе — поселок. Если сравнивать Чухломской и Галичский музеи, то надо признать, что первый пропагандирует героические страницы истории ярче, доходчивей. Воспитательное значение Чухломского музея выше.

КАРАСЬ — РЫБА ТЕРПЕЛИВАЯ...

Так велось издавна: пассажир, едущий по железной дороге от Ленинграда (Петрограда) в сторону Свердловска (Екатеринбурга), не упускал случая в Вологде запастись на дальнейший путь превосходным сливочным маслом, в Буге — хорошо выдержанным сыром со слезой, а уж если доехал до Галича, то только держись, путник: не успел ступить на перрон, как со всех сторон атакуют краснощекие, голосистые жены рыбаков: «Вот лещ копченый, с дымком, очень вкусный!..», «Вот щука жареная, еще горячая!..», «Налетай, расхватывай карася — с самой Чухломы привезли, ей-богу!..»

«Нашел о чем вспоминать, — могут возразить мне, — ведь частная торговля рыбой давно запрещена, не поощрять же браконьеров!» Совершенно верно. Но почему, спрашивается, в буфете и ларьках вокзала или в магазинах двух самых многорыбных городов костромского Заволжья — Галича и Чухломы — можно увидеть теперь только рыбу морскую: треску, камбалу или селедку? Да и в городских ресторане и кафе того, чем

испокон веков славился Галич — лещом, щукой, ухой и пирогами ершовыми, — тут теперь днем с огнем не сыщешь. А в Чухломе карася знаменитого чухломского не отведать.

Был я в конце февраля 1969 года в тамшних рыболовецких колхозах. У галичских рыбаков настроение мрачное:

— Не идет нынче рыба, горит план.

У чухломских наоборот — настроение хорошее:

— План резко перевыполняется.

А мне подумалось: к добру ли этот богатый предвесенний улов?

Галичское озеро — одно из самых крупных в средней полосе России и самое большое в Костромской области, его зеркало — более семидесяти квадратных километров. По кормовой базе для рыбы оно намного богаче знаменитого ростовского озера Неро. Наезжающие сюда работники Государственного научно-исследовательского института озерно-речного рыбного хозяйства (ГОСНИОРХ) отмечают уникальность этого водоема по рыбной продуктивности, необычной для этих широт. И на Северо-Западе, и в средней полосе Европейской части СССР почти неизвестны озера, которые, как пишут они в своем заключении, давали бы годовые уловы рыбы до ста тридцати килограммов с гектара. Плодородность тут исключительная, и ее, как утверждают специалисты, можно увеличить до полутораста килограммов с гектара, притом за счет ценных пород.

Озеро Чухломское несколько уступает Галичскому и по зеркалу, и по рыбной продуктивности. Оно издавна славилось особо крупной, вкусной и, как признают специалисты, эндемичной формой карася, которая в других водоемах не приживается.

«Пропап карась!», «Пропадает чухломской карась!» — слышишь теперь и в Чухломе и в Костроме. Особенно пострадал он в 1968 году, когда здесь произошла массовая гибель рыбы. По какой же причине? Тут дается несколько противоречивых объяснений. Но главная беда ясна — она состоит в том, что и Галичское и Чухломское озера все больше мелеют, заиливаются, зарастают. Зимой у берегов они сильно промерзают, местами даже до дна. Из-за низкого уровня воды, избытка ила и обильной растительности все чаще происходит зимнее кислородное голодание рыб — замор. А рыбаки, заинтересованные в выполнении текущих планов, этим как раз и пользуются. Когда зимой рыбе становится душно, она огромными стаями устремляется на проточную воду в реки (особенно в Едомшу и Среднюю), отыскивая себе там удобное место для зимовья. Весной перед разливом и в давние времена наиболее узкие места рек перегораживали и соорудили «лов» — котлован с чистой, проточной водой, из которого рыбешке уже не выбраться. Сейчас хотя «ловом» не промышляют, но заморный способ в местном рыболовстве сохранился. Чем же объяснить, что зимой 1969 года у галичских рыбаков «рыба не шла»? Несомненно, тут сказались низкие нересты и заморы двух последних лет, а также высокий уровень воды. 1968 год был исключительно дождливым, озеро замерзло на отметке весеннего половодья, газовый режим воды оказался прекрасным, рыбе зимовать хорошо, а рыбакам при их способах лова плохо. А почему же у чухломичей иначе? Там проще. Уровень воды в озере регулируется стоком через впадающую в реку Кострому Вексу-Чухломскую, перегороженную плотиной. Открыли плотину на Вексе, пустили воду — вот и замор, а с ним и высокий улов (варварский улов!). Бывали в Чухломе и такие случаи, когда, желая увеличить вылов рыбы, так понижали уровень воды, что часть рыбы просто погибала.

Однако прискорбную историю с карасем одним только замором не объяснить. Карась — рыба терпеливая, менее чувствительная к кислородному голоданию, чем, скажем, окунь, налим или ерш. А массовая гибель рыбы, в том числе и карася, началась в озере не зимой, не весной, а с 25 июня 1968 года.

— Почему же карасю перестало нравиться ваше озеро? Может быть, рыбу чрезмерно вычерпали? — спрашиваю председателя Чухломского райисполкома Бориса Геннадьевича Молокова.

— Не без того, — признается он, — бывали и переловы. Но в последнее время лов карася был запрещен, а карасевое население продолжает уменьшаться. Почему так? Загадка. У нас тысяча рыбаков, и каждый дает свое объяснение...

Массовая гибель рыбы, загадочная история с карасем наконец-то обеспокоили и областные организации, и Министерство рыбного хозяйства РСФСР. Одна за другой потянулись сюда комиссии.

Первая комиссия работала еще в мае 1967 года. Все дело в заморности Чухломского озера и в неправильных действиях местных работников — к этому свелось ее заключение. Никаких научных исследований и выводов сделано не было.

Но на следующий год, как мы уже знаем, положение еще более ухудшилось. В начале июля 1968 года работала вторая комиссия при участии старшего ихтиолога Министерства рыбного хозяйства РСФСР А. С. Сарычевой. Массовая гибель карася и другой рыбы произошла от заболевания аргулезом, которому способствуют застойность озера, неудовлетворительный химический состав воды и т. д., — таков был вывод этой комиссии.

Как будто бы корень зла найден. Но нет... В конце того же июля работала третья комиссия, опять же с участием видных ихтиологов, а заключение совсем другое. Массовая гибель рыбы, говорится в акте, произошла от проникновения ядохимикатов во время обработки гербицидами полей льна в прибрежных колхозах.

Областные организации выводы всех комиссий подвергли сомнению. Осенью 1968 года работала четвертая комиссия, созданная по распоряжению Костромского облисполкома. Она нашла все предыдущие заключения неубедительными. В частности, нашла, что якобы проникновение ядохимикатов было совершенно незначительным и не могло привести к гибели рыбы. А каковы же, собственно, выводы этой комиссии? Нужно создать новую комиссию для глубокого комплексного обследования. Вот так здорово! Ездил-ездили, сколько денег на поездки истратили, а в результате — пшик?

Вряд ли нужно столь безапелляционно зачеркивать заключения исследователей. Зерно истины в них есть. И все же загадка с чухломским карасем не разгадана, и тут, видно, действительно не обойтись без более глубокого изучения и кропотливой работы на месте. И чухломские рыбаки, и тогдашний директор Костромского рыбокомбината Аскольд Владимирович Андреев рассказывали мне, что с 1962 года совершенно не видно молоди карася. Крупные если и попадаются, то часто с прошлогодней невыметанной икрой. Произошло, дескать, какое-то (!) изменение естественных условий озера, при которых карась перестает нереститься. Есть от чего встревожиться. Какие же меры принимают специалисты?

Специалистов-ихтиологов у нас немало, но, работая в различных НИИ, они, как ни странно, выступают в роли советчиков, а не практических работников и ответчиков. Есть такие и в Костроме, а вот в рыбокомбинате их нет. И в Галиче и в Чухломе, там, где расположены два крупнейших водоема области, тоже нет ни одного! А ведь любящие свое дело специалисты-ихтиологи должны работать в рыбоводческих хозяйствах, быть организаторами рыбоводства и ответчиками за него.

Кто сейчас управляет озерами, кто отвечает за воспроизводство и охрану рыбных запасов? В Костроме сказали, что все это возложено на рыбокомбинат и на объединяемые им рыболовецкие колхозы. Но ведь они прежде всего промысловики, на которых давит план вылова. И мы уже видели, к каким хищническим способам прибегают они в погоне за высоким уловом и заработками.

Нет, управлять водоемами должны люди, независимые от промысловиков, помогающие им и контролирующие их. И это тем более необходимо, что проблема рационального и эффективного освоения внутренних водоемов назрела, и решать ее нужно не с позиций того или иного ведомства, а комплексно! Ведь как вот обстоит с теми же Галичским и Чухломским озерами? На основании постановления Совета Министров РСФСР от 3 сентября 1965 года наконец-то Госрыбпроект разработал план строительства на этих озерах крупных управляемых товарных хозяйств по производству ценных пород рыб — леща, пеляди, карася, сазана. Составлен большой план рыбоводно-мелиоративных работ, означающий коренную реконструкцию рыбоводства. Как будто бы очень хороший план, но чем больше в него вчитываешься, тем больше убеждаешься, что во многом он ведомственный и находится в противоречии с тем, что до сих пор делалось, скажем, на Галичском озере.

Один вариант создания рыбного хозяйства основан на одновременном осушении приозерной котловины для нужд сельского хозяйства. Выгоды от него для сельского хозяйства ученые, однако, подвергают сомнению.

В основу второго варианта этого плана положено «поднятие уровня воды в озере на 120 сантиметров выше нуля Галичской рейки». Верно: ведь главная-то беда озера — его обмеление. А если надежно повысится уровень воды да одновременно расчистить устьевые участки рек, избавить стоки от вредных примесей, то газовый режим, а с ним и условия для рыбоводства, несомненно, улучшатся. Тогдашний управитель озер — директор Костромского рыбокомбината А. В. Андреев уже видит, как в недалеком будущем построенная на реке Векса-Галичская плотина поднимет уровень воды, как будут созданы нерестово-выростные участки...

— Позвольте, позвольте! — прерываю я его. — Но ведь, подняв уровень воды, вы зальете и часть поймы!

— Безусловно! — соглашается он. — Зеркало озера увеличится на восемьсот семьдесят гектаров...

Но дело-то в том, что по решению Костромского облисполкома мелиораторы уже несколько лет ведут работы по осушению поймы: прибрежные кустарники и даже леса (зачем?) вырублены, котловина во многих местах изрезана дренажем. На мелиорацию поймы уже израсходовано около двух миллионов рублей (!), и работы близки к завершению. Спрашиваю Андреева, было ли решение об осушении поймы согласовано с рыбокомбинатом?

— Оно было вынесено, — отвечает, — в шестьдесят первом году, а я о нем узнал только через год!

Вот он, ведомственно-односторонний подход: с агрономами посоветовались, с рыбаками — нет. Вокруг освоения поймы в Галиче не утихают ожесточенные споры, ломаются копыя. Споры эти по существу уже беспредметны: пойма-то осушена. Теперь противоречие в другом: мелиораторы осушили, а рыбоводы часть поймы вновь собираются покрыть водой. Одни «узелки завязывают», другие их «развязывают», а государство — расплачивайся!

Не лучше ли будет поискать такой комплексный вариант решения проблемы, который бы устраивал и рыбаков и агрономов?

ЗАКОЛДОВАННЫЕ СОКРОВИЩА

По старинному преданию, на галичском Балчуге зарыт богатый клад. Немало тут глубоких ям, вырытых кладоискателями, — немало, значит, людей, поверив в легенде, пыталось добраться до сокровищ.

— Не там ищут! — говорят трезво мыслящие горожане. — Озерный сапропель — вот наш галичский клад

И это верно: на дне озера — неисчислимы, совсем еще не тронутые богатства.

О донном иле — сапропеле, как ценнейшем природном удобрении, самой дешевой и высококачественной минеральной подкормке для животных, говорилось уже много. Запасы его в Галичском озере, по одним определениям, составляют 231 миллион, по другим — даже 364 миллиона кубометров. Таких запасов удобрения, притом содержащего в себе почти все необходимые растениям элементы, хватило бы для удовлетворения потребностей сельского хозяйства всей Костромской области, и на многие десятилетия! Вот какое золотое дно у Галичского озера! Почвы лесного Заволжья, как правило, кислые, содержащие лишь ничтожные следы извести, а в галичском сапропеле — 8,2 процента кальция. Значит, внесение сапропеля будет одновременно и известкованием почв. Наконец, сапропель — природный комплексный препарат и профилактическое средство против ряда заболеваний. Работавший в Галиче в послевоенные годы кандидат медицинских наук Е. К. Александров на основании многочисленных опытов утверждает, что галичские сероводородные грязи, особенно черные сапропели, по своему действию не уступают лечебным грязям общезвестных курортов центральной и северной полосы Советского Союза.

Но вот парадокс: подводный клад стал помехой — изобилие сапропеля и разлагающихся водорослей губит озера и рыбу. Сапропель — это гниющий ил. А где гниение, там и расход кислорода. Освободить озеро от избытка сапропеля и разных хвощей да осок — это в сочетании с другими мерами как раз и означает омоложение его.

Поднять уровень воды в озере на метр с четвертью с помощью плотин, как это рекомендует ГОСНИОРХ, значит делать новые большие затраты и перечеркнуть часть работы по осушению поймы. К тому же Векса-Галичская — единственная река, вытекающая из озера; задерживать его сток при помощи плотин необходимо, но до таких пределов, чтобы не сделать водоем застойным.

А не лучше ли оставить озеро в существующих границах, но углубить его, расчистить, систематически удаляя избытки донного ила? Это вполне устроило бы и агрономов и рыбоводов. Правда, донные микроорганизмы — бентос — необходимы для питания некоторых видов рыб; не обеднит ли изъятие сапропеля кормовую базу?

— Что вы, что вы! — ответили мне работники рыбокомбината. — В Галичском озере исключительная кормовая база. Выемка сапропеля только поможет рыбоводству: увеличит слой воды, создаст для рыбы зимовальные ямы...

И в самом деле: глубина озера от полутора до пяти метров, а слой сапропеля в нем местами десять — двенадцать метров.

— Мы сами намечасм, — добавляют рыбники, — вынуть часть донного ила...

* * *

У Галичского озера поистине «кисельные берега». Иловатые, богатые перегноем поймы и долины озера, защищенные холмами, очень уж хороши для овощеводства. Огородничество — исконное занятие галичан. Они выработали даже собственные оригинальные приемы выращивания огурцов и вывели свой сорт — «белолобые». Своеобразные приемы заключаются в том, что на выдвинутых в озеро площадках — пригатах устраиваются из сырого коровьего навоза и сапропеля лунки и заполняются лывой — необычайно плодородной черной землей из перегнивших водорослей. Продуктивность этих маленьких огородов-пригатах исключительная. С одной лунки, в которую высаживают в среднем десять семечек, получают по пятьсот — восемьсот огурцов вдвое крупнее, чем, например, ростовские.

Очень перспективна пойма и для промышленного овощеводства. Удачные опыты были уже в конце пятидесятых годов. Заозерный колхоз «Красный маяк» получил на принадлежащем ему участке поймы рекордные урожаи огурцов, помидоров, капусты. И если там пока нет промышленного овощеводства, то это по причинам субъективным — не брались как следует за дело.

Итак, как видим, развитие рыбного хозяйства и освоение поймы — дела совместимые, но при том непременно условии, что будут вестись работы по углублению озера, по систематической разгрузке его от избытка донных и растительных богатств.

Галичские и чухломские сапропели — это такие местные источники удобрения, которые способны открыть новую страницу в земледелии всей Костромской области. Но почему они лежат мертвым кладом и даже мешают рыбоводству? Разговоры об использовании сапропеля в Галиче ведутся с 1930 года, но пока бумаги о нем исписано больше, чем его добыто.

Впрочем, появился первый проблеск. Галичский совхоз-техникум приобрел уже земснаряд. Ничего существенного в добыче сапропеля пока еще не сделано.

Озерный ил можно вносить в землю в виде пульпы с последующей запашкой. Но это громоздко, требуется большой, специально приспособленный транспорт, которого еще нет в хозяйствах. Удобней вносить сапропель в виде концентрата — порошка, но для этого добытую пульпу необходимо высушить или хотя бы довести сапропель до 50—60 процентов влажности. Но как довести его хотя бы до такой влажности? У работников Галичского совхоза-техникума есть свой проект резервуара-отстойника.

Проблема сапропеля — проблема отнюдь не только местного значения. Запасы донного ила во внутренних водоемах Союза составляют многие миллиарды тонн. И не пора ли ставить разработку сапропеля на прочные государственные рельсы, на промышленную основу?

В решении задачи, поставленной октябрьским Пленумом Центрального Комитета партии (1968 года), — довести производство зерна до двенадцати миллиардов пудов — использование донного ила может сыграть весьма существенную роль. Особенно в повышении урожайности на небогатых почвах Нечерноземья!

БАБЬЯ СТОРОНА

Пойдешь, бывало, в детстве с плетеной из ивняка корзиночкой за грибами или ягодами, заберешься в самую чащобу, казалось бы, векового леса — и вдруг с удивлением замечаешь, что когда-то здесь было поле: под толстым слоем перепревшей листвы или хвои явственно проглядывают бороздки былой пашни. Выйдешь на поле. По обе стороны от дороги — еще более узенькие (на два проезда деревянной бороной) полоски с межами, но и среди них нередко увидишь чьи-то давно уже заброшенные загонки, поросшие смешанным лесом и кустарником. Если бы это было в современной распаханной степи, то сказал бы: вот они, полезащитные лесные полосы; но было то в дооктябрьские времена в костромском Заволжье, где лесной защиты избыток...

Разумеется, мальчишке трудно было понять социально-исторические причины, понуждающие крестьян бросать свои крохотные земельные наделы, бежать от земли. Но именно так обстояло дело во многих районах Нечерноземья, в том числе и в галичской стороне. Этот процесс резко усилился после крестьянской реформы, которая, как известно, урезала и без того незначительные крестьянские наделы да еще взвалила на плечи бывшего крепостного, в большинстве оброчного крестьянина, непомерно высокие выкупы на землю. В Галичском уезде посевная площадь с 1887 года к началу мировой войны сократилась на 30 процентов, а посевы зерновых уменьшились на 36 процентов!

Далекое прошлое не отделено каменной стеной от настоящего, оно в нем обязательно присутствует. В этом можно убедиться, приглядываясь и к движению народонаселения, и к другим сегодняшним проблемам моей галичской стороны.

Но продолжим исторический экскурс. В. И. Ленин относил Кострому к числу одиннадцати главных губерний неземледельческого отхода. В книге «Развитие капитализма в России» он многократно цитировал «Бабью сторону» и другие работы костромского земского врача и писателя, одного из руководителей Пироговского общества Д. Н. Жбанкова. Среди книг ленинской библиотеки, побывавших и в Минусинске и в Женеве, сохранилась, например, работа Жбанкова «Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии». На ней пометки, цифровые вычисления и подчеркивания, сделанные рукой Владимира Ильича синим, черным и фиолетовым карандашами и черными чернилами.

Глубоко анализируя статистические данные и факты, которые приводит земский врач в своих работах, и ссылаясь на них, Владимир Ильич в то же время критикует, а порой и высмеивает рассуждения «сочувствующего народничеству г-на Жбанкова», рассматривающего, подобно другим авторам этого толка, неземледельческий отход как явление «нежелательное». В. И. Ленин видит в отходе на неземледельческие заработки увеличение индустриального населения и считает его «необходимой составной частью капиталистического развития». «Подобно отвлечению населения от земли в города, — пишет он, — неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности».

В «Бабьей стороне» Жбанков подчеркивает, что процент грамотных мужчин в отхожих уездах (Галичском и Чухломском) составлял тогда 55,9 процента, в фабричных — лишь 34,9, а в оседлых (лесных) и того меньше — 25,8 процента. Владимир Ильич, приводя эти и другие цифры, замечает: «Цифры и данные самого же г. Жбанкова показывают, что отхожий «питерщик» и грамотнее, и культурнее, и развитее, чем оседлый костромич в каких-нибудь «лесных» уездах».

Жизнь развивалась так, как предвидел Ленин. Количество сельского населения, связанного с индустрией и промыслами, неизменно возрастало. Притом если восточные уезды Костромской губернии были главным образом земледельческими и лесными с оседлым населением, южные и юго-западные (Кострома, Красное, Нерехта, отошедшие затем в Ивановскую область Юрьевец и Кинешма) — как земледельческие и мануфактурно-фабричные с полуоседлым населением, то население северо-западных лесных и земледельческих уездов (Галич, Чухлома, Солигалич, Буй, отчасти и Макарьев, Кологрив) все больше превращалось в кочевое: от апреля до покрова — Питер, зима — родное гнездо. В 1910 году на сто душ мужского населения в Чухломском уезде 57 уходило в отход, в Галичском — 51, в Солигаличском — 47. Практически это означало почти поголовный отход активного населения на неземледельческие заработки, а сельское хозяйство стало делом лишь женщин, стариков и детей. «В ученье», «в мальчишки» уходила и значительная часть подростков. В Галиче близ вокзала есть холм, который до сих пор называют Плакучей горой, — здесь происходило прощанье матерей с детьми, уезжающими «на чужую сторону».

Отход на малярные, плотничные, столярные, кровельные, печные и другие работы стал обычным занятием. Земледелие и местные промыслы переставали быть фундаментом крестьянского благосостояния. По свидетельству же упоминавшегося поэта Соловьева-Нелюдима, даже в галичском пригороде Шокше, где издревле были кожевенные заводы, а рядом озеро с рыбным промыслом, — даже там 76 процентов всех крестьянских хозяйств перед революцией было связано с отходом. В составе рабочих кожевенного производства Шокши опять же преобладали не местные жители, а выходцы из Вятской и Вологодской губерний. Так же и повсеместно: мужчины и подростки — в Питер, а если случается нанять пастуха или на другие сезонные работы, то чаще всего нанимали «леменца» — вологжанина или вятича. Так уезды почти сплошного неземледельческого отхода сами превращались в места отхода земледельческого.

Я вырос среди отходников и хорошо помню, что парня, не побывавшего в Питере и не заработавшего себе городскую «одеву», презрительно называли «домологом», его и невесты браковали. Другое дело питерщики. Доходы-то, правда, у большинства, кроме, конечно, подрядчиков, были аховые. Но возвращались они с форсом, иногда даже на лихой тройке, нанятой у галичского коннозаводчика Загарова, при часах, волосы напомажены, сапожки лакированные со скрипом, при резиновых галошах даже в сухую погоду. Подвыпьют — хвастаются. Помню, как однажды в меру закусивший, но не в меру выпивший знакомый маляр изгалялся над деревенской отсталостью: «У вас в деревне што — бедность, темнота, невежество. А вот у нас в Питере — найдешь на Невском четвертной, пьнешь его ногой и пойдешь домой!» Может быть, потому и запечатлелось в памяти, что, слушая расхваставшегося питерщика, взрослые очень смеялись: «У самого, наверно, и красненькой нет за душой, а форсу на тыщу». С тех пор и приросла к этому маляру кличка Пинало.

Нас, ребятшек, питерщики оделяли вкусными мятными пряниками, но мы больше интересовались книжками в ярких обложках, с пугающими рисунками, всякими «натпинкертонами», которые привозили с собой отходники. Но привозили они и рассказы о забастовках, о революционных выступлениях рабочих, слова и мотивы революционных песен — например, «Смело, товарищи, в ногу» была знакома нам с детства. Даже теперь, приезжая в родные места, встречаю я стариков — бывших отходников, которым в первые годы революции посчастливилось видеть и слышать Ленина.

Полноправными хозяйками крестьянских наделов оставались женщины: они и с конем, и с косулей, и с топором. И наверное, не будет ошибкой сказать, что именно ярославская — костромская деревня наваяла местному уроженцу Н. А. Некрасову его восторженные строки о «женщинах русских селений»: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»...

О женщинах-наездницах пишет и Жбанков в своей «Бабьей стороне». «Мы находимся, — читаю у него про чухломскую деревню, — в мифологическом царстве амазонок. Мирные наездницы без седла, с голыми болтающимися ногами скачут едва ли хуже своих воинственных предшественниц».

«Отход в города ослабляет старую патриархальную семью, ставит женщину в более самостоятельное положение, равноправное с мужчиной», — пишет Владимир Ильич и приводит в подтверждение следующую выдержку из книги того же автора: «Привыкшая обходиться без мужской власти и помощи, солигаличанка вовсе не похожа на забитую крестьянку земледельческой полосы: она независима, самостоятельна... Побой и истязания жен здесь редкие исключения... Вообще равенство женщины с мужчиной сказывается почти везде и во всем». Итак, земля чаще всего не кормила здешнего крестьянина. Ну, а как же жили здесь переселенцы — поляки, латыши? Ведь сюда, во внутренние чисто русские губернии, были высланы после подавления польского освободительного восстания 1863—1864 годов и начавшихся под его влиянием крестьянских восстаний в Белоруссии, Литве и Латвии наиболее активные повстанцы с семьями. Много было в губернии хуторов, латышских мыз. Как когда-то исконное население, переселенцы тоже «починали землю». В наш Галичский уезд на постоянное жительство были переселены преимущественно латыши.

— Въезжали они прямо в темный лес, — рассказывали старики про этих переселенцев, точнее выселенцев. — Лес выжигали палом, сеяли хлеб по огнищам, потом корчевали пни...

Разные по своей состоятельности были латышские семьи. Встречались и богатые, которые обосновывались широко, по-помещичьи, но преобладал трудовой, в прошлом батрацкий люд. С русскими сдружились. Пользовались уважением как люди грамотные и «ломовые», работающие, — так про них говорили. Ко времени моего детства часть латышей — потомков переселенцев ассимилировалась среди русского населения, чему в немалой степени способствовали смешанные браки. Зарини превратились в Зориных, а Берзини — в Березиных... Но что удивительно — я не помню случая, чтобы латыши прибегали к отхожим промыслам. Они жили только землей. И сравнительно неплохо.

Почему же? Была, правда, некоторая разница в социальных условиях — их не касались ни отработки, ни другие остатки крепостничества, — не знали они и пут мелкополосной общины, да и земли в обработке у них было по пять-шесть десятин вместо двух-трех, приходившихся на семью в крестьянской общине. Но была у них, главное, культура земледелия. Если у местных крестьян техника обработки земли оставалась на уровне XVII века — косуля, серп, цеп, деревянная борона, трехполка, — то латыши применяли хоть и примитивные, но улучшенные сельскохозяйственные орудия. Одноконный плуг, дружинную борону-культиватор, ручную веялку я увидел впервые именно у соседей-латышей. Они же привезли сюда клевер, вику и другие бобовые травы, оказавшиеся в местных условиях очень эффективными.

Таким образом, даже при самых элементарных улучшениях сельскохозяйственной культуры, и здешняя земля кормила земледельца, — надо только к ней хорошо и правильно приложить руки!

* * *

Все это дела давно минувших дней. В поездке же интересуюсь делами нынешними. Как обстоит с рабочими руками в деревне теперь? Какова урожайность?

Галичский район в этом смысле неоднороден, и ныне большие контрасты здесь. Судите сами: в 1968 году в среднем по району собрано по 10,4 центнера зерна с гектара, получено от коровы по две тысячи шестьсот килограммов молока (по сравнению с сороковыми — пятидесятыми годами это большой рост). а в Галичском совхозе-техникуме зерна собрали по двадцать два центнера (в предыдущем году по двадцать четыре), молока от коровы получили на тысячу килограммов больше. В совхозе-техникуме третий год подряд выращивают озимую пшеницу «мироновская-808» и получают кубанские урожаи — по сорок четыре центнера с гектара, а на опытном участке даже по пятьдесят два центнера. Частность? Да, но очень уж многообещающая, как не заинтересоваться ею.

Уроки недавнего прошлого памятны. Вырастают, бывало, хорошую кукурузу на малюсеньком участке, скажем, той же поймы, а потом требуют от всех хозяйств того же. Не так ли и с «мироновской» — ведь в совхозе-техникуме она занимает пока лишь десятки гектаров. И не лучше ли побывать на государственном сортоиспытательном участке в Шокше и выяснить истинное положение дел с «мироновской» там?

Заведующая участком Евдокия Павловна Куликова — сортоиспытатель опытный. Она отзывается о «мироновской» восторженно:

— Лучше всех других сортов озимки! Ни разу не вымерзла. Поспевает даже раньше, чем рожь. Устойчива — не полегает. По урожайности всех побилла. На наших полях пока нет более сильного конкурента...

Знакомит с итогами конкурсных сортоиспытаний. Они выразительны. Вот средние за последние пять лет в переводе на гектары. Озимые пшеницы: «ульяновка» — 26,7 центнера, «горьковчанка» — 27,1, «мироновская-808» — 40,6 центнера. Рожь «вятка», а она пока еще для местных условий наилучшая, дала за это же время 28,1 центнера.

Куликова добавляет, что с прошлого года начали испытывать новую популяцию сорта — «мироновскую-юбилейную». Урожайность еще выше — 46,7 центнера, поспевает еще раньше.

Находятся, правда, и агрономы-скептики:

— Не увлекайтесь: сорт южный. Это же урожаи по высокому агрофону, который еще не всем доступен...

Правильное замечание. Но разве не в том и задача, чтобы высокий агрофон создавать повсеместно?!

— На плохих землях вроде солигаллических или макарьевских супесей, — не сдаются они, — «мироновская» все равно не пойдет. Наш главный хлеб — рожь!..

Тоже правильно. А разве кто-нибудь рекомендует очертя голову сеять озимую пшеницу там, где она заведомо не уродится? Или кто-то противопоставляет черный хлеб пшеничному, хотя в масштабах страны производство ржи и обходится дороже? Я сам, живя теперь на целине, скучаю по ржаному хлебу. Рожь была и остается главной культурой костромской стороны. Однако зимы у нас гарантированно многоснежные, и если появился морозостойкий сорт пшеницы, который на лучших землях и при высоком агрофоне дает до трехсот пудов с гектара (вот бы поразились наши деды!), то разве не в том и задача, чтобы эту пшеницу осматривательно, с умом продвигать и продвигать. Впрочем, продолжая свою поездку по родному краю, я узнал, что «мироновская» уже завоевывает себе прочные позиции на полях Костромского, Нерехтского, Островского, да и многих других районов.

О Галичском совхозе-техникуме можно бы многое рассказывать. При мне приезжали сюда за опытом представители однотипных учебных заведений из Великого Устюга и Пошехоно-Володарска. В конце-то концов главные достижения техникума в том, что здесь умело сочетаются теоретические занятия и производственное обучение. На зоотехническом отделении порядок такой: месяц — занятия в классах, месяц — непосредственная работа на ферме, на сдельщине. Видел я девушек — учащихся третьего курса — на молочнотоварной ферме: они здесь и доярки и скотницы. Чистопородные «ярославки» и «костромички» в их полном распоряжении. Из таких студенток не получатся, как бывало раньше, зоотехники-белоручки — все сами могут. Небольшая неполадка на молокопроводе «Даугава» — обойдется и без механика, мастит у коровы — тоже не растеряются.

Есть и серьезные просчеты, в общем-то, в хорошем, прибыльном хозяйстве. Надон в три тысячи шестьсот килограммов молока от коровы плохими не назовешь, но с себестоимостью в последние годы получается так: чем больше растут надои, тем дороже молоко. Происходит это потому, что зимой и летом преобладают дорогие корма: сеяная зеленка, картофель, патока, концентраты, а о самом дешевом корме — о культурных пастбищах — заботы мало. Старший экономист совхоза Евгений Васильевич Тарасов подсчитал: центнер зеленки обойдется совхозу в два рубля, если б тот же центнер корова сама брала с пастбища, то это обошлось бы всего в восемьдесят три копейки...

Меня, однако, прежде всего занимал вопрос: чем объяснить здешнюю более чем двойную урожайность в сравнении со среднерайонной? Посевы высокоурожайной «мироновской» в общей площади пашни, превышающей четыре тысячи гектаров, пока незначительны. В чем же тогда дело?

— И земли и обработка их у нас лучше, чем у многих соседей, — раз, — начинает перечислять директор техникума Виктор Васильевич Набатов. — Хорошо у нас работают

механизированные звенья — два... (В этом сомневаюсь. Ездили мы вместе с Набатовым на собрание в Малышево. Если судить по тому, что было в этом отделении, то звенья там были «бумажные»: большинство механизаторов даже забыли, что они состоят в звеньях.) Больше вносим удобрений, особенно торфа, — три, — продолжает перечислять Виктор Васильевич. — Обязательно компостируем торф с навозом и минералкой — четыре. Когда же подключим еще сапропель — и урожайность в тридцать центнеров с гектара будет для нас минимальной...

Вот тут уже все правильно. Вполне реален и загад. И не только для совхоза-техникума. По природным условиям вся не знающая засух Костромская область вполне может получать урожаи по тридцать и выше центнеров с гектара. Мартовскими и другими решениями партии предпосылки для этого созданы. Но когда вглядываешься в текущую сельскую жизнь лесного Заволжья, то видишь так много остро назревших, не получивших своего решения вопросов, что невольно восклицаешь: еще не поднятая целина! Социальные условия деревни после революции радикально изменились, но в силу комплекса всем известных причин сельскому хозяйству Нечерноземья длительное время не уделялось должного внимания. И особенно галичской стороне. Пашни, как мы видели, забрасывались здесь еще в прошлом веке. Запущенными приняли их колхозы от дедов и прадедов. И при колхозном строе — перед войной, в трудные годы войны и долгое время после нее — лошадь, а не трактор и автомашина, была в этих местах основной тягловой силой. И все то же «бабье царство». В послевоенные годы в деревне Власово был один-единственный мужчина — бывший питерщик, семидесятилетний дед. Запущенность оставалась, а порой даже приумножалась...

Разумеется, каждый совхоз и колхоз прежде всего сам должен работать так, чтоб расти. Но в долгу перед ними и промышленность. Машиностроители при выпуске техники не учитывают еще в должной мере специфику Нечерноземья.

Вот торф, запасов которого в одном только Галичском районе на столетия хватит. «Торф — на поля!» — говорим мы. Но пока только в хозяйстве совхоза-техникума есть и погрузчики и разбрасыватели РУМ-3, в других же хозяйствах района они в остром дефиците.

Главный агроном райсельхозуправления, в прошлом секретарь райкома комсомола Борис Викторович Каратышев горько сетовал на отсутствие системы машин, приспособленной к местным условиям:

— По тому, что выросло, должны были собрать в прошлом году центнеров по пятнадцать, а ухватили только по десять. Представьте себе — с восьмого июля и до самых белых мух дожди и дожди. Как въедешь на поле! Колхоз «Объединенный труд» раздобыл у соседей из Кировской области «рисовый комбайн» — они вывернулись. («Рисовый» он называет комбайн на гусеничном ходу.) Самая доходная у нас культура — лен, а его механизация заканчивается тереблением, льнокомбайнов мало, и они пока несовершенны...

Согласимся: осень была исключительной даже для наших мест. Ну, а в обычные разе они не мокрые? Нечерноземью, особенно его северным областям, как и Прибалтике или Белоруссии, необходим свой особый комплекс техники, а его все еще нет.

Очень самокритично оценивает работу совхоза-техникума его организатор и доголетний руководитель Яков Иванович Долинин. Пожилой, опытный агроном и педагог, отмеченный орденом Ленина, он хоть и на пенсии, но в педагогической работе еще участвует. Встретились после уроков.

— Вы говорите, более высокие показатели. А как же иначе — будущих специалистов положено учить на передовом... Должен, к сожалению, признать, что и наши методы хозяйства по-настоящему индустриальными еще не назовешь. Особенно на фермах. Многого нужно улучшать в подготовке специалистов.

Меня особенно занимал вопрос: почему внутри самого совхоза резкие контрасты? В первом (Шокша) и втором (Михайловское) отделениях урожайность по двадцать пять центнеров, а в третьем (Малышево) только четырнадцать. Бывал я и раньше в Малышеве, оно в двенадцати километрах от города. Колхоз имени Чапаева, который там был прежде, в сравнении с другими числился в передовых. Почему же теперь такой разрыв?

— Мозаика! — многозначительно замечает Долинин. — Лески, перелески, кустарники, низинки да овражки — вот в каком виде перешло к ним Малышево. Пашни там вроде как островки среди лесного моря; солома на затененных участках хороша, а зернышко мелкое, щуплое. Другое дело Шокша или Михайловское — здесь поля попросторнее, пооткрытее, здесь и зерно тяжелое, и намолот хороший. Запущены земли в Малышеве!

Каждому, конечно, понятно, что в условиях Нечерноземья мелкий контур полей и их затененность не только затрудняют машинную обработку полей, а и снижают качество зерна. Но чтобы до такой степени?! Между тем мой многоопытный собеседник настаивает. По его словам, в наших местах при одинаковом стеблестое посева, выращенные в открытом, хорошо освещенном и прогреваемом поле, дают полутонну урожайности против хлебов, которые получены в мелкоконтурной заглушке.

Вот и задумаешься: ведь и во всем лесном Заволжье условия для земледелия примерно такие же, что и на малышевской «мозанке»!

* * *

Статистические сведения, если в них не всмотреться, не проанализировать их, могут обмануть. В Галичском районе значится двадцать семь тысяч человек сельского населения. Это в несколько раз меньше, чем в прежнем уезде, но для современного, скромного по масштабам сельскохозяйственного производства, казалось бы, совсем немало. Однако из каких возрастных групп состоит и чем занято это население? Подавляющая часть — пенсионеры и люди предпенсионного возраста, преимущественно женщины-вдовы. Если же говорить о трудоспособной части мужского населения, то такие чаще не в сельском хозяйстве, а на станциях и разъездах железных дорог, в леспромпхозах. «Были отходниками, стали леспромпхозниками» — так говорят теперь в районе.

Галичане — народ малярный, столярный, плотничий, а добрым строителям везде рады. Если до революции уходили в отход главным образом в Питер, то с индустриализацией страны начались переезды на постоянное жительство и в другие города, на великие стройки пятилеток, хотя и немало ехало по традиции в Ленинград. А кто не ушел в города, те в сороковых — пятидесятых годах из глубинки вместе со своими домками и коровенками перетащились, передвинулись к транспортным узлам, в лесную промышленность. Многие станции железной дороги даже в пределах Костромской области превращены уже в города — например, станция Шарья, ставшая промышленным центром лесной стороны, с населением, превышающим пятьдесят тысяч. Такова и станция Мантурово, по населению уже обогнавшая древний Галич. Гляжу и на свою совсем небольшую станцию Лопарево, где до революции было четыре дома: трактир, почтовое отделение и два коричневых домика железнодорожников. Теперь в Лопареве лесопромышленный и культурный центр — восемь длиннющих улиц. И живет здесь более трех с половиной тысяч человек, в подавляющем большинстве рабочие лесоучастка. Вот каково оно теперь, «сельское население»!

Рост новых лесопромышленных центров с государственной точки зрения, конечно, себя оправдал. А какова будет дальнейшая судьба этих поселков?

В старинной книге галичского Паисиева монастыря так описаны леса галичской стороны в XVII веке: «Леса великие, страшные, дикие, непроходимые: во всем свете таких лесов мало, леса те подобны морю». Давно уже нет таких лесов в галичской стороне, хотя площади под ними даже увеличились, но это теперь больше подлески, дерти, кустарники, дровянки. Лесозаготовки из таких районов, как Галичский или Буйский, давно уже пора передвигать дальше на север. Но чем тогда заняться жителям этих лесопромышленных поселков по мере свертывания лесоразработок? Неужто вернуться они в свои колхозы и совхозы, потащат обратно свои домишки? В массе своей вряд ли! В таких поселках развита и будет дальше развиваться деревообрабатывающая и лесохимическая промышленность с комплексным, рациональным использованием древесины. И не только лесохимия! В большинстве случаев пристанционные селения удобны и для строительства в них предприятий перерабатывающей промышленности сельского хозяйства, для крупных механизированных агрокомплексов.

На райкомовском «газике» с первым секретарем Галичского райкома партии В. И. Либеровым мы побывали, например, на станции Рассолово, сомкнувшейся в последние годы с селом Орехово. Здесь, в живописной местности, окруженной сосняками и березовыми рощами, как раз и возникает первый в районе агропромышленный городок: достраивается молочно-сыроваренный завод — один из крупнейших в РСФСР, запланировано строительство свиноводческой фабрики, рассчитанной на ежегодное производство тысячи тонн свинины, действует машинно-мелиоративная станция, возникают кварталы новых домов городского типа. Люди сюда идут и будут идти, если, разумеется, будет в достатке жилье.

Много добрых и полезных советов, как омолодить деревню, слышим мы. Но главную роль в этом играют все же три фактора: технический уровень производства, приближение условий труда и быта к городским, повышение творческого начала в самой работе, в ее содержательности. Характерен пример с выпускниками средней школы из колхоза «Искра», что близ Рассолова. В 1968 году окончили эту школу пятьдесят шесть юношей и девушек. Многие из них уже работают, но в «Искре» ни одного! Колхоз не из бедных — все бы, казалось, в нем есть: и клуб, и кино, и телевизоры, и заработки хорошие. А технический уровень производства низок, фермы не механизированы. Некоторые выпускники пошли бы в животноводство, но «на ручную работу» не хотят. Три комсомольца Володи — Флегонтов, Румянцев и Соколов — хотели остаться в своей деревне при условии, что им дадут тракторы. Не дали, не хватило. Устраиваются на работу в Рассолове Нетрудно усмотреть закономерность: чем больше будем повышать технический уровень сельскохозяйственного производства, а условия быта приближать к городским, тем лучше будет омолаживаться и сама деревня.

В Костроме одному из руководящих работников области я высказал озабоченность по поводу продолжающейся неоправданно высокой утечки людей из деревни.

— Нет, вы не правы, отток из села теперь резко замедлился, — возразил он мне. — Кое-где уже наблюдается и приток. Край с такой чудесной природой, как наш, — добавил он с улыбкой оптимиста, — безлюдным не будет...

От себя я мог бы добавить, что никогда еще люди в костромской деревне не жили столь состоятельно, как живут теперь, после мартовских решений партии 1965 года. В этом меня лишний раз убедила поездка. Есть уже и такие хозяйства, видел я их, где людей действительно прибывает. Так, в крепкий пригородный галичский колхоз «За мир», что в устье реки Челсма, в последние годы переселились тридцать новых семей. Кстати говоря, колхоз этот получает рекордные для области урожаи льна.

Так-то оно так. Но в целом за 1968 год сельское население как Галичского, так и Чухломского района вновь уменьшилось в круглых цифрах на семьсот человек в каждом. «Галичские плотники и печники почитаются лучшими в государстве», — писал в свое время известный русский литератор П. П. Свиньин. А кто же теперь, скажем, плотничает в наших местах? Заглянул я на некоторые колхозные и совхозные стройки и глазам своим не поверил: всюду отходники из Армении и Чечено-Ингушетии. Район лучших строителей — без собственных строителей! Это ли не яркий пример того, что миграция была чрезмерно высокой.

* * *

Когда приезжаешь в родные места, то, естественно, хочется повидаться со сверстниками, с которыми — холщовая сумка с букварем и грифельной доской через плечо — ходили в церковноприходскую сельскую школу. Вот бы с кем поглядываться на пройденный каждым жизненный путь. С грустью узнаешь, что большинства друзей детства уже нет: одних (и многих их детей) долго ждали, но так и не дождались с Отечественной войны, на других сказались годы и болезни.

Впрочем, если попадешь в деревню в разгар лета, то встречи все же бывают. Откуда только не наедут отпускники — потомки моих сверстников: из Ленинграда, Ярославля, Донбасса, Магнитогорска, один приезжал, помню, даже с китобойной флотилии «Слава». Места красивые, грибные, ягодные. Правда, леса здешние сильно повyrублены

и захламлины, но где лесной хлам, там и малина. Никогда прежде я не видел столько малинников, сколько выросло в наших местах в последние годы.

Подышат милые дачники родным воздухом, запасутся разными соленьями да вареньями и — до будущего лета. А с людьми для местного, еще недостаточно механизированного сельского хозяйства туго, особенно в глубинках.

Перед моими глазами знакомый с детства латышско-польский хутор, а теперь «столица» нашего совхоза «Рассвет» — Миндюкино (в двадцати пяти километрах от Галича, на разбитом и непроезжем Макарьевском тракте). Случилось так, что про наш «Рассвет», созданный лет шесть назад на базе слабых колхозов, теперь и в Галиче и в Костроме говорят: «Наитруднейший — людей там нет, осталась одна земля».

Экономически совхоз безусловно перспективен. У него примерно шесть с половиной тысяч гектаров земли, из которых две тысячи сто гектаров пашни, много хороших пастбищ, но немало и запущенных, замшелых, поросших кустарником лугов. На землях совхоза и вблизи него — большие торфяные залежи: Гуцинское, Чертановское, Настасьино болота. Двинуть бы на поля компостированный с навозом торф, как это делают передовые хозяйства, — вот тогда и резкое повышение урожайности! Да вот беда: как сказывал мне директор совхоза Иван Иванович Зорин, и навоз-то не на чем и некому вывезти. Ждут отряд мелиоративной станции, а его все нет и нет. Не мудрено, что в прошлом, правда климатически тяжелом, году совхоз собрал лишь по семь центнеров зерна с гектара и не обошелся без убытков. Как же тут обстоит дело с людьми? В совхозе теперь всего семьдесят трудоспособных, включая служащих и специалистов. По словам директора, в полеводстве, кроме механизаторов, осталось лишь семь человек. Да и механизаторов-то раз-два и обчелся!

— В Петрищеве, — считает Иван Иванович по бригадам, — их три, у нас в Миндюкине — два, в Загайнове — три...

В маленькой деревеньке Петрищеве в доме моих родственников-пенсионеров собрались побеседовать и погостевать здешние механизаторы. По возрасту и по родственным связям они для меня Вася, Миша и Алеша, а я для них «дядя Коля». Ребята рослые, плечистые, до работы жадные — не нахвалятся ими директор совхоза. Пережили немало трудностей, но из деревни не ушли, а теперь живут в достатке. У Васи свой мотоцикл, у каждого телевизор (в совхозе сорок телевизоров). Подрастают дети, учатся в средней школе-интернате в Лопареве: местные начальные пришлось закрыть — мало учеников. Лучший механизатор совхоза, член партии Вася Комлев гордится своим пятнадцатилетним Витей:

— На тракторе он уже не хуже меня.

Но есть и думы, от которых «болит голова». Вот, например, положение, которое создалось у Миши Соколова и его жены — бригадира совхоза. В поселке Власово еще не так давно было десять жилых домов, а теперь остался один — Соколовых. Тут уж не то чтоб о городских удобствах и культуре, от которых никто бы не отказался, мечтать, а простейшие вопросы деревенского быта не разрешить. Десять домов — десять коров; можно, значит, было нанять пастуха или в крайнем случае пасти поочередно. А теперь как? Или на работу идти Соколовым, или пасти свою единственную в поселке корову? Значит, куда-то нужно переезжать. Куда?

Хутора, починки, преобладающие здесь деревушки на десять — пятнадцать дворов исчезают. И это хорошо. Особенно если жители их организованно селяются в деревни с перспективой развития. Но нет! Крохотные поселки, куда зимой можно добраться только на лыжах, куда, заезжая, попадаешь словно бы в мешок, пока чаще с а м о л и к в и д и р у ю т с я, а народ — «кто куда». И получается: чем больше из поселка уезжает людей, тем сложнее жить остающимся, тем больше и у них побуждающих причин к отъезду. В условиях совхоза «Рассвет» нужно бы сосредоточить население в Миндюкине, но центр совхоза приходится застраивать заново. Хутор же! Раньше там было пять, а теперь не больше десяти домов. Со строительством перспективных, благоустроенных поселков лесное Заволжье явно отстало, и в этом одна из важных причин продолжающейся неоправданной миграции.

О совхозе «Рассвет» я беседовал с руководителями областного управления сельского хозяйства. Признают, что «положение там исключительное». Этот и четыре по-

добных ему хозяйства в других районах управление взяло под особое наблюдение. Совхозу «Рассвет» разрешено одну ферму крупного рогатого скота перевести на мясное направление (дело, в общем-то, прогрессивное, но в данном случае вынужденное). В Миндокино для застройки завезено два двухэтажных сборнощитовых дома с Шарьинского домостроительного комбината (собирают их сезонники-ингуши). Два дома — хоть и небольшая, но все же поддержка.

Встают проблемы и более широкого плана. Сложившийся при единоличном, по существу хуторском, хозяйстве контур полей и лугов здесь, как, впрочем, и во всей галичской стороне, пришел в вопиющее противоречие с машинной обработкой земли. И в совхозе «Рассвет», и в соседнем лопаревском «Восходе» пашни — это островки вокруг десятков еще существующих или уже бывших селений. К чему это ведет?

— Тесно машинам, дядя Коля,— жалуется Василий Комлев.— Надо переезжать с одного пятачка на другой, а туда лесная дорожка — сеялка не проходит. Разбирай ее и перевозки на автомашине. Можно бы удлинить гоны, но на дороге какое-нибудь наше «Большое Кузнецово». Вот и крутись тут!

Было у нас в округе два Кузнецова: Маленькое — с тремя домами, и Большое, в котором больше пяти домов никогда и не бывало. Маленькое давно уже запахано; в Большом тоже нет жителей, но оно со своими гумнами без толку разъединяет пашни.

— Так вы бы и его распахали, Вася,— говорю Комлеву.

— Но там же,— отвечает,— то опечек, то развалины овина, то пенек от рябины или березы, то поднялась целая полоса кустарника. У нас и кустореза-то нет...

Дело, конечно, не только и не столько в бывших селениях, распашка их — это сравнительная мелочь. Вопрос шире: в перспективе неизбежны большие работы по преобразованию природы. Задача в том, чтобы правильно сочетать поле, лес, пастбища и другие уголья.

Прежде всего о лесе. Зеленое золото было и, несомненно, будет основным богатством лесного Заволжья. Хорошие леса, к сожалению, повыврублены. И, пожалуй, в галичской стороне нет сейчас более важной задачи, чем лесовосстановление. Взять хотя бы тот же совхоз «Рассвет». Еще недавно около деревни Власово, в урочище Симоново, буйствовали синие хвойные леса. Но в сороковых — пятидесятых годах бывшие колхозы ими и кормились: продавали хозяйствам Юга страны и получали от них по вагону и больше пшеницы. Помню, попытался я упрекнуть за это одного председателя колхоза, а он мне:

— Не кукурузой же кормиться! Лес у нас — самое урожайное десятое поле.

К слову сказать, кукуруза в моих родных местах так ни разу и не выросла...

Березу, осину или ольху сажать не нужно, они сами растут, спасу от них нет. Крайне необходимы лесопосадки хвойных пород. Они уже начаты, но пока в очень скромных размерах: в прошлом году в Галичском районе посажено всего пятьсот гектаров сосны.

Но если уж лес — так пусть будет лес культурный, чистый, состоящий прежде всего из ценных пород. Если поле — так пусть будет поле по возможности выровненное и, насколько это позволит рельеф, широкое. Правда, коренные преобразования природы вроде осушения болот или установления правильных пропорций между лесом и полем потребуют еще больших затрат, чем освоение степной целины. Но в зоне устойчивого климата отдача будет и более высокой и более надежной.

«Уделить особое внимание развитию устойчивого зернового хозяйства и других отраслей производства в Нечерноземной зоне», — указано в Директивах XXIII съезда КПСС. Много уже сделано, но страна еще в долгу перед Нечерноземьем, за которым — «резервный миллиард», а может быть, и не один!

В совхозах «Рассвет» и «Восход» пока не сделано и самое необходимое: слабая собственная техническая база, не ликвидированы простейшие неудобья, не отвоеваны у кустарников запущенные земли, не обеспечена даже вывозка на поля навоза и торфа. В районе всего одна ММС, да и та в противоположной от Лопарева, западной стороне. «Хорошо бы в нашем Лопаревском — самом «заросшем», запущенном кусте хозяйств — создать самостоятельную ММС», — говорят местные работники. Желание, мне кажется, вполне обоснованное.

Конечно, по совхозу «Рассвет» нельзя судить о положении во всем сельском хозяйстве лесного Заволжья. Но надо смотреть правде в глаза: немало еще в Костромской области хозяйств, где положение, если не принимать мер, вот-вот придет к такому же, что и в Миндюкине.

ОСТРОВКИ БУДУЩЕГО

Что тут нужно относить за счет причин субъективных и что за счет объективных — не знаю, но в Костромской области дело пока обстоит так: чем ближе к промышленно развитым центрам, тем выше и уровень сельского хозяйства. Впереди пока районы Нерехтский, Костромской, Красносельский. Да и Галичский и Буйский, в общем-то, не на последних местах, но главным образом опять же за счет подгородчины. А ведь в дооктябрьские времена было иначе: наиболее хлебными были самые отдаленные восточные ветлужско-межевские места — единоличник со своим сивкой мало зависел и от города и от техники. Разумеется, огромное значение имеет тут руководство каждым районом и его хозяйством, но одно несомненно — значение «районных столиц» все возрастает, очень многое зависит теперь от их развитости...

Во всяком случае за опытом, за наукой из лесного Заволжья ездят теперь в районы Нерехтский и Костромской. Туда же зимой ездили и галичане, в том числе и руководители совхоза-техникума.

— Поезжайте-ка в Кузнецово к Пономареву. Там интересней опыт. Теперь за наукой ездят в Кузнецово. Ездят туда и из Андреевского колхоза, о котором похвально писала как-то «Литературная газета», — посоветовал мне Алексей Иванович Кузнецов — секретарь Костромского обкома партии по сельскому хозяйству.

На отвороте пиджака у Анатолия Степановича Пономарева значок пятидесятилетия ВЛКСМ, у меня тоже. Знакомимся и улыбаемся друг другу — родственники по комсомолу, только разных поколений. Оказывается, Анатолий Степанович — председатель колхоза имени XX партсъезда (Костромской район) — до 1955 года был секретарем райкома ВЛКСМ в знакомом мне Заволжском районе Костромы. Оттуда и был послан на руководство колхозом как тридцатитысячник. Хороший организатор и политический руководитель, он пришелся ко двору в колхозе. В 1962 году, рассказывали мне про него, поступил в Пономарев учиться в ВПШ при ЦК КПСС, но по просьбе колхозников был отозван, пришлось ему ВПШ заканчивать заочно.

Об опыте безнарядных хозрасчетных звеньев своего колхоза Пономареву есть о чем рассказать. Но я остановлюсь только на некоторых деталях, которые прямо перекликаются с моими предыдущими впечатлениями от поездки.

— Знаете, что побудило нас перейти к безнарядным звеньям с оплатой по конечной продукции? — спрашивает Пономарев и отвечает: — Острейшая нехватка людей! У нас три с половиной тысячи гектаров пашни, значительные посевы льна и картофеля, а всех трудоспособных сто семьдесят три человека. Все-то ходили мы да упрашивали пенсионеров: помогите да помогите. Богатый на деньги, а голый на выдумку хитра. Вместо четырех комплексных бригад организовали четыре механизированных звена: два по зерну со своими севооборотами, одно по картофелю и клеверу, одно по льну и клеверу — чтобы полнее была загрузка. Результаты изумили даже нас самих: урожай возросли, резко поднялись и доходы хозяйства, и заработки колхозников, а работы людям теперь порой даже не хватает. Пенсионерам уже отказываем...

Интересуюсь, как же такое могло получиться? Может быть, люди работают с перегрузкой, надрываются?

— Да нет, что вы! — горячо возразил председатель. — Техника лучше заработала. Иной стала производительность труда.

В подтверждение он привел много убедительных примеров. Назову такой. Заготовка грубых кормов в основном производилась в колхозе вручную. Между тем была и техника, но она плохо использовалась. Два года лежал на складе и ржавел стогометатель, а волокуши были даже списаны как вконец износившиеся. Помощник бригадира по механизации В. И. Харламов под различными, казалось бы, убедительными предлогами от этих орудий отказывался. Дали им в бригаду экскаватор З-153 — и его

возвратили обратно. Когда тот же Харламов стал руководителем звена, стогометатель и списанные (!) волокуши после ремонта прекрасно заработали у него — оплата-то с тонны! В итоге до звеньев, в 1967 году, на скирдование 725 тонн сена было израсходовано 202 человеко-дня; в 1968 году сена настоговали 858 тонн, а трудовые затраты — 19 человеко-дней!

В поисках лучших форм организации и оплаты труда мне в свое время доводилось участвовать не только как журналисту, но и как бригадирю сельскохозяйственной бригады и звеньевому. Хорошо знаю, что это дело требует внимательнейшего учета конкретных условий. Сельскохозяйственные работы многообразны, не все они и не всегда поддаются механизации.

— Вот снег нужно сбросить с крыши,— глядя в окно конторы на склад с семенным зерном, спросил меня один председатель колхоза,— кто это должен делать — звено или не звено?

Такого рода мелочей немало. При нечеткой, непродуманной организации работа звеньев и их земли обезличиваются: придет осень — и не разберешь, кто и где работал.

В колхозе имени XX партсъезда переход к звеньям, как мы видим, улучшил использование техники, но совсем без ручных работ, как и без взаимопомощи между звеньями, не обошлись и здесь. Так, может быть, дело тоже закончилось обезличкой?

Нет, возможность обезличивания была исключена. Из колхозников, не имеющих специальностей, созданы самостоятельные, тоже хозрасчетные, отряды вспомогательных рабочих. Такие отряды помогали механизированным звеньям, но на строго хозрасчетных началах, получая за каждую выполненную работу «расчетный галон». То, что сделано по расчетным талонам, потом удерживается из общего заработка звена.

— Благодаря этому мы сразу убили двух зайцев,— с удовлетворением подчеркивает Анатолий Степанович.— Облик звеньев сохранен, и нет былых приписок. Кто теперь допустит записывать лишнее, если это идет из заработка звена?! Наш контроль оказался уже ненужным. Работа — на совесть, самоконтроль.

— Раньше тракторист знал одно: чем быстрее катится колесо, тем больше вперед будет рублей. А теперь он смотрит и назад: поспешил, плохо пропахал — значит, рубли оставил на полосе, потерял их,— добавляет участвующий в беседе звеньевой Юрий Николаевич Сироткин.

Словом, в колхозе имени XX партсъезда поверили в безнарядные звенья и оплату труда по-новому, увидели в них дальнейшее развитие внутриколхозной демократии, прямую дорогу к новому расцвету коллективного хозяйства.

— За звеньями — будущее! — подытоживает беседу Пономарев.

С ним нельзя не согласиться. Колхоз нашел новые, и немалые, внутренние резервы для своего роста.

Все возрастающие доходы позволили колхозу имени XX партсъезда развернуть большое строительство, в том числе жилищное и дорожное. Успешно отстраивается центральная усадьба колхоза. Сюда в благоустроенные новые дома организованно стягиваются жители из отдаленных, исчезающих селений. Уже полностью переселена, например, деревня Улькино.

* * *

Как Кострома или Галич, Нерехта принадлежит к числу старинных славянских поселений. За годы советской власти Нерехта выросла в крупный промышленный центр области: здесь большой льнообрабатывающий комбинат «Красная текстильщица», кабельная фабрика, льнозавод и другие предприятия. Мне же этот городок памятен еще таким, каким был почти полвека назад: маленьким, очень грязным, с единственной текстильной фабрикой, выпускавшей грубые льняные ткани типа мешковины. В 1923 году вместе с тогдашним секретарем укома РКСМ Илюшей Семеновым мы «дрались» за то, чтобы организовать при этой фабрике школу фабзавуча. Она и была создана — одна из первых в губернии школа этого типа. В Костроме во время празднования юбилея ВЛКСМ приятно было узнать, что некогорые из костромских «фабзайцев» того времени в Отечественную войну стали Героями Советского Союза. Радостно было встретиться в числе других почетных гостей и с Ильей Николаевичем Семеновым — ныне генерал-лейтенантом. Спустя почти пятьдесят лет хотелось бы посмотреть и на нынеш-

нее ФЗУ, и на весь преобразенный древний город, но срок моей командировки приходил к концу.

Правобережный Нерехтский район — это своеобразное ополье Костромской области. Если по почвенно-климатическим условиям район мало чем отличается от галичской стороны, то по распаханности своих земель он для северной части Нечерноземья уникален: пашня занимает здесь шестьдесят пять процентов всей территории.

Нерехта сегодня в области — лидер в соревновании по сельскому хозяйству: средние урожаи зерновых на уровне шестнадцати центнеров зерна с гектара, наибольший выход льноволокна и семян с гектара, наилучшая пока продуктивность животноводства.

Важно подчеркнуть еще другое: нерехтчане первыми в области смело пошли по пути концентрации и специализации сельскохозяйственного производства на промышленной основе. Размеры птицеводства возросли у них в несколько раз, а вся птица уже в одной птицефабрике; сконцентрировано овцеводство; укрупняются и механизмируются фермы крупного рогатого скота, а все производство свинины вот-вот будет сосредоточено в одной крупной и вполне современной фабрике, которая, и это нужно особо подчеркнуть, достраивается на кооперативных началах, на паях одиннадцати колхозов района. Рамки отдельных, хотя и крупных, сельхозартелей оказались уже тесными: в интересах повышения эффективности общественного производства колхозы района создали межхозяйственные объединения.

«И поросенок, вскормленный ячейкой комсомола, должен быть первейшим поросячком на селе» — один из памятных мне лозунгов комсомоли наших времен. По-хорошему завидую нынешним комсомольцам, в том числе молодым рабочим Нерехтской фабрики по производству свинины. Задача та же, но совершенно несоразмеримы масштабы: если еще недавно поросят мы считали на единицы и десятки, то ежегодный откорм свиней на этой фабрике — двадцать тысяч голов! Психологически над нами еще тяготее представление, что около живого хрюкающего существа должны быть и живые руки. Но сегодня это уже «допотопия». Кормовой цех фабрики будет ежедневно перерабатывать три вагона кормов, притом по последнему слову зоотехнической науки и с различными рационами для разных возрастных групп. А весь обслуживающий персонал кухни — десять человек. Один человек кормит две тысячи свиней. «Повар» их может и не видеть — подача в кормушки пневматическая. Вот оно как в век технической революции!

В новый животноводческий городок на территории колхоза имени Карла Маркса я попал вместе с очередной экскурсией. Зрелище внушительное, впечатляющее. На асфальтированной площадке, занимающей двадцать пять гектаров, одиннадцать громадных корпусов из белого силикатного кирпича, с цементными полами, уже оборудованные необходимыми механизмами. Здесь же и свои электроподстанция, водопровод, канализация. Несколько поодаль жилой массив из трехэтажных кирпичных зданий, с асфальтированными улицами и тротуарами, со всеми другими городскими удобствами вплоть до закрытого плавательного бассейна.

Наш экскурсовод — начальник Нерехтского районного сельскохозяйственного управления Александр Петрович Макаров, депутат областного Совета, известный и уважаемый в области как поборник технического прогресса в сельском хозяйстве. Ветеринарный врач по специальности, средних лет, полный энергии мужчина с открытым русским лицом, с гордостью показывал нам только что отстроенную фабрику, которая стоила больших затрат колхозам и немалых хлопот ему лично как инициатору и руководителю. Правда, Макаров признает, что, переводя производство продуктов животноводства на промышленную основу, нерехтчане не оригинальны.

— Зато учтите, товарищи, все, что вы видите здесь, — последнее слово научно-технических достижений в свиноводстве. Прежде чем строить свою фабрику, мы тщательно учли опыт и белгородцев, и москвичей, и ленинградцев. Внимательно изучили и зарубежный, в частности итальянский, опыт...

Экскурсанты — народ дотошный, все практики сельского хозяйства. Их, естественно, занимают многие вопросы, но прежде всего такой:

— Откуда возьмете корма?

— Весь расчет на повышение урожайности! И в этом, поверьте мне, ничего особенно сложного или иллюзорного нет,— убежденно заявляет Александр Петрович.— Ключ к повышению урожайности в нашей области давно найден и проверен: это торфо-навозные компосты. А у нас громадные Космынинские и другие болота. Если мы получаем пока по пятнадцать — шестнадцать центнеров зерна с гектара, то с увеличением дозы органических и минеральных удобрений уже в ближайшие годы станем намолачивать как минимум по двадцать — двадцать два центнера. Вот и будут у нас концентраты! Так же обстоит с картофелем и сенажем — витаминной травяной мукой...

Когда хозяева и гости обменивались мнениями о социально-бытовом укладе жизни работников механизированных сельскохозяйственных комплексов, не обошлось и без полемики. К удивлению некоторых, Макаров заявил, что в их жилом поселке совершенно не предусматривается личное подсобное хозяйство.

— Подумайте сами! — горячо доказывал он. — Зачем нашему рабочему возиться со своей коровой или поросенком? Производительность гряда будет высокой, а значит, будут высокими и заработки. Молоком или мясом мы обеспечим своих работников вдосталь и по себестоимости. А себестоимость нашей свинины — семьдесят восемь копеек за килограмм. Разве не смешно было бы в этих условиях заводить еще и своего пороса? Личное подсобное хозяйство — это самообман, это вторая смена для рабочего. Это — то, что его духовно обедняет...

Его пылкие рассуждения прервала реплика одного из экскурсантов:

— Несвоевременные мысли!..

— Да, в целом для колхозного крестьянства это несвоевременно,— соглашается Макаров.— Но мы-то говорим о своем конкретном хозяйстве. У нас будет так. Наши рабочие не захотят возиться с огородом, коровой и поросенком...

— А если работник все-таки захочет покопаться в земле? Например, завести себе грядку клубники?

— Пожалуйста. Как и в городах, мы отведем для рабочих и служащих участки в шестьдесят квадратных метров. Могут там и улей себе поставить...

Все как в городах! А нужно ли это для сельской местности? Не упрощает ли Александр Петрович? Жизнь покажет. Пока что фабрика только построена. Большая и сложная работа по ее освоению лишь начинается. Возможно, что в ходе ее освоения людьми и в бытовых условиях, и в духовной их жизни не все будет протекать так гладко, как это пока рисуеться. Но в целом путь, на который вступили нерехтчане, безусловно правильный. Они создают новую материальную среду, соответствующую важнейшей тенденции современности — техническому прогрессу. «На нынешнем этапе вопросы научно-технического прогресса приобретают, можно прямо сказать, решающее значение» (Л. И. Брежнев).

Сложностей впереди немало, но то, что сегодня уже есть в Нерехте, завтра обязательно будет и в Галиче — Рассолове, в Чухломе, Солигаличе, Кологриве и даже в Лопареве — Миндюкине. А с переходом к индустриальным методам сельскохозяйственного производства с его концентрацией, специализацией и приближенным к городским условиям культуры и быта нужно спешить. И, как мне думается, особенно в таких зонах, где остродефицитна рабочая сила, в частности в галичской стороне,— ведь там исторически, традиционно население было больше связано с неземледельческим отходом, нежели с землей.

Перестраивая сельское хозяйство лесного Заволжья на современной технической основе, безусловно придется преобразовывать и здешнюю природу. Ту самую чудесную природу Верхней Волги, которая вдохновляла Левитана, Кустодиева, Саврасова и многих других выдающихся художников. Так поправлять, чтобы сделать ее еще более прекрасной, а землю ее более плодородной, чем мы приняли от отцов и дедов.

Галич — Коцчетав.
Весна 1969 года.

Л П У Ъ Л И Ц И С Т И Ж А

Н. ПЕТРАКОВ

★

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

С этого номера журнал начинает публикацию серии статей о проблемах повышения эффективности общественного производства и производительности труда. Проблемы эти приобретают особую значимость сейчас, когда партия готовится к своему XXIV съезду.

Тема многогранна, различаются и точки зрения наших ученых, специалистов, публицистов, работающих в этой области. Редакция считает целесообразным предоставить слово людям разных профессий и разных взглядов, стремящимся найти пути наиболее быстрого и радикального решения задачи, поставленной партией.

ЛПЖ ожалуй, одним из наиболее знаменательных веяний последнего времени можно считать резко возросший интерес к экономическим проблемам. Фигура экономиста как-то незаметно обрела значительность, которой могут позавидовать и физики и лирики. Интерес общественности к экономисту подогревается тем, что последний преимущественно хранит молчание или во всяком случае не проявляет стремления захватить лидерство в развернувшихся дебатах. Действительно, кто сейчас наиболее активно выступает по экономическим вопросам? Журналисты, писатели, математики, конструкторы самолетов, специалисты в области автоматизации. Голоса экономистов в этом хоре звучат довольно глухо. Зачастую трудно разобраться, что это — скромность ли, присущая деловым людям, или недовольство хозяина слишком шумливыми гостями.

Но как бы то ни было, огромный интерес к экономике не вызывает сомнения, и он отнюдь не чрезмерен, сам по себе не удивителен. Все мы ежедневно и не раз выступаем как участники самых разнообразных экономических процессов. И речь идет тут не только о производстве. Мы активные участники экономической жизни и тогда, когда стоим в очереди за импортной обувью или отказываемся купить вышедший из моды, хотя и уцененный вдвое костюм; мы проявляем себя как экономические субъекты и в тот момент, когда стремимся «отблагодарить» водителя такси за то, что он внял нашим отчаянным жестам, или требуем жалобную книгу, чтобы написать теплые слова признательности за хорошее обслуживание в кафе.

«Деньги», «цена», «покупка», «зарплата», эти и близкие им понятия — органический элемент нашего повседневного быта. Именно обыденность большинства экономических терминов, быть может, долгое время и была своеобразным психологическим барьером, отгораживавшим экономику от «модных» наук нашего времени. Конечно, всегда были разговоры о том, где достать мебельный гарнитур для новой квартиры, или сговаривания по поводу задержки премии. Но об этих вещах говорилось, как правило, в узком семейном кругу. Ну, а уж если собиралась компания современных интеллигентных людей, то тут

проблемы литературы, космоса и генетики прочно удерживали монопольное положение. И вдруг ситуация круто изменилась. На страницах центральных газет, в повестке дня авторитетных совещаний встали будничные вопросы: почему не хватает мебели, почему промышленность никак не может успеть за меняющимися вкусами потребителей? Почему... почему... Буквально лавина вопросов обрушилась на экономистов и хозяйственных работников.

В чем же дело? Неужели интерес к экономике обусловлен лишь прихотливым стечением обстоятельств? Очевидно, нет. Выдвижение на первый план проблем управления общественным производством диктуется всем ходом развития нашего общества. Эффективность управления экономикой стала одним из определяющих факторов развития всей общественной системы.

Проблема управления экономикой необычайно сложна и многогранна. Один из соратников Н. Винера — Ст. Бир как-то сетовал на то, что большинству людей под термином «управление» представляется процесс грубого принуждения. Такое прямолинейное понимание принципов управления не только не соответствует действительности, но и наносит известный вред, поскольку основывается на искусственной подмене понятий.

Столь упрощенный подход к проблеме управления особенно недопустим в отношении экономических систем, обладающих необычайной сложностью и требующих тонкой настройки всех хозяйственных звеньев, органического объединения их в единое целое. Именно поэтому, как подчеркивал Л. И. Брежнев в речи на митинге на ХТЗ, «в наших, советских условиях управление не сводится только к действиям администрации». Управление экономикой должно быть гибким, оперативно реагирующим на изменения экономической ситуации в стране, соответствовать целям общественного развития.

Мартовский и сентябрьский Пленумы ЦК КПСС 1965 года положили начало чрезвычайно сложному процессу преобразования всей системы «приводных ремней», связывающих отдельные звенья общественного производства в единый экономический механизм. «Правильное решение этих вопросов имеет огромное политическое и практическое значение,— подчеркивал в своем докладе на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1965 года А. Н. Косыгин.— Без преувеличения можно сказать: от того, как они будут решены, во многом зависит успешное выполнение программы строительства материально-технической базы коммунизма, дальнейшего подъема народного благосостояния и укрепления обороноспособности нашей страны».

С тех пор проделан огромный путь, позволивший накопить опыт хозяйствования в новых условиях, проведен ряд интересных экономических экспериментов, а главное — преодолен тот психологический барьер, который естественно возникает одновременно с появлением новых идей, будь то экономика или любая другая область человеческой деятельности. Многие хозяйственные и плановые работники чувствовали себя вполне уютно на накатанной колее старых методов руководства, и это обстоятельство, помимо их воли, рождало боязнь нововведений, своего рода страх перед неизвестностью, с которой сопряжена всякая реорганизация.

Однако экономика — это сложный и динамичный организм, развитие которого, по выражению Л. И. Брежнева, само по себе постоянно рождает новые проблемы. Решение этих проблем несовместимо с консерватизмом. Быстрые изменения в сфере экономики объективно обуславливают динамизм методов управления хозяйственными процессами. Ныне, в канун XXIV съезда КПСС, народное хозяйство стоит на пороге нового этапа процесса совершенствования методов управления социалистической экономикой.

Движение вперед по пути преобразования системы управления социалистическим народным хозяйством требует серьезного теоретического осмысливания накопленного опыта, установления преемственности осуществляемых ныне мероприятий с ленинскими идеями управления экономикой, всесторонней оценки специфики нашего хозяйства, развитие которого подчинено единой цели — все более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей населения. Без четко осознанного понимания теснейшей зависимости между избранной формой управления экономикой и степенью эффективности общественного производства едва ли можно сколько-нибудь заметно продвинуться в деле совершенствования принципов хозяйственного руководства.

ЛЕНИНСКАЯ ПРОГРАММА ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

Ныне проводимая экономическая реформа по существу есть не что иное, как приложение ленинской концепции управления народным хозяйством к современным условиям. Этот момент был подчеркнут Л. И. Брежневым в докладе, посвященном пятидесятилетию Октябрьской революции:

«Основные направления хозяйственной политики Советского государства в переходный период были сформулированы В. И. Лениным и утверждены X съездом РКП(б) в 1921 году. Они вошли в историю под названием «новая экономическая политика» (нэп). Эта политика, рассчитанная на защиту революции, на спасение страны от разрухи и голода, на создание фундамента социалистической экономики, на постепенное вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов, была во многом продиктована особенностями обстановки того времени.

Вместе с тем Ленин смотрел далеко вперед. Уже тогда он разработал такие принципы социалистического хозяйствования, которые полностью сохраняют свое значение и в наши дни. Ленинские положения о сочетании централизованного планирования с развитием инициативы трудящихся, об использовании товарно-денежных отношений, хозрасчета, материальных стимулов к труду, о соединении интересов общества в целом с интересами каждого отдельного работника и сегодня являются важнейшими ориентирами в экономической политике партии».

Фундаментальные экономические идеи В. И. Ленина, высказанные им еще в начале двадцатых годов, нашли свое отражение в положениях, выработанных на Пленумах ЦК КПСС 1965 года и XXIII съезде партии. Конечно, новые условия исключали механическое копирование экономической политики того периода. Однако «изюминка» ленинского подхода сохраняет свою ценность и по сей день.

В полной мере сохраняют свою силу принципы: вовлечение человека в орбиту социалистического строительства через личный интерес; строгое разграничение функций управления между центральными органами, отраслевыми и территориальными объединениями и предприятиями; единообразный подход к организации взаимоотношений между звеньями управления разного уровня. В. И. Ленин был первым марксистом, практически поставившим и решившим проблему организации управления экономикой на плановых началах. Ведь К. Маркс и Ф. Энгельс, дав общую картину закономерностей развития новой формации, отнюдь не собирались детально разрабатывать методы управления будущим обществом. Они отлично понимали всю утопичность подобных построений. Именно невозможность получить априорные рецепты организации новой системы управления экономикой в значительной мере осложнила деятельность коммунистической партии в хозяйственной области после победы революции. Потребовалось пойти на смелые эксперименты, чтобы в условиях разрухи и гражданской войны наладить бесперебойное функционирование общественного производства на социалистических принципах. В. И. Ленин отчетливо понимал всю серьезность создававшегося положения. В апреле 1918 года он говорил: «Знание социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания организации и распределения продуктов и т. д., — этого у нас нет. Этому старые большевистские руководители не учили нас. Этим партия большевиков в своей истории похвалиться не может. Этому курсу мы еще не проходили»¹. И все-таки, несмотря на категоричность этого тезиса, вызванную стремлением В. И. Ленина как можно быстрее переориентировать партийные кадры на решение хозяйственных вопросов, следует иметь в виду, что сам Владимир Ильич еще за несколько месяцев до Октябрьской революции вплотную занялся поисками путей налаживания экономической жизни в условиях установления пролетарской диктатуры. Именно в период между февралем и октябрём 1917 года он выдвинул идею о возможности использования финансового и хозяйственного аппарата, созданного капиталистами, для организации производства и распределения продуктов на социалистических принципах.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 258.

Правда, гражданская война и хозяйственная разруха не позволили сразу перейти к экономическим методам руководства хозяйством. Потребовалось ввести систему, известную под названием «военного коммунизма». Однако «военный коммунизм» рассматривался В. И. Лениным как временная мера, как принцип организации военной экономики. «Несовершенство» системы продрозверстки заключалось прежде всего в том, что производитель не чувствовал никакой связи между затратами своего труда и результатами хозяйственной деятельности. В первую очередь это несоответствие сказалось в сельском хозяйстве, поскольку система продрозверстки, будучи направленной на полное изъятие излишков у крестьян, приводила к ликвидации заинтересованности в создании этих излишков.

В сфере обращения скрытые излишки от государства вызывало расширение спекуляции хлебом. В области же производства крестьяне стремились к замене культур (например, вместо овса, подлежащего сдаче по разверстке, сеяли вику), а нередко и к сокращению посевов.

Анализ сложившейся ситуации привел В. И. Ленина к выводу о том, что «...крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения»¹.

Но чем заменить систему разверстки? Какую систему распределения и обмена принять после завершения гражданской войны? Как известно, по этому вопросу развернулась широкая дискуссия на страницах печати за несколько месяцев до открытия X съезда партии. И что характерно — большинство участников дискуссии, признавая ненормальность сложившегося положения, видело выход в усилении централизованного руководства сельским хозяйством. «Надо мерами государственного регулирования восполнить поблекшие стимулы», — писала, например, газета «Правда» 5 ноября 1920 года. Ю. Ларин предполагал, что в ближайшее время «сделаны будут дальнейшие шаги в натурализации отношений между государством и деревней, что в своем завершении приведет со временем к исчезновению надобности в деньгах»². Подобными высказываниями были полны газеты и специальные экономические издания того времени. В них проявлялась известная инертность хозяйственного мышления. Нежелательные симптомы в экономической жизни страны, свидетельствующие об объективной невозможности длительного управления экономикой на принципах военного коммунизма, и в частности полной централизации, воспринимались многими хозяйственными работниками как явления, связанные с недостаточным проведением прямых административных мер воздействия на сельскохозяйственное производство. Проблема таким образом ставилась с ног на голову.

В. И. Ленину потребовалось провести глубокий экономический анализ положения, создавшегося в стране, чтобы правильно определить единственно возможный путь перестройки взаимосвязей между городом и деревней. Разверстка была заменена продналогом.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал прямую связь идей нэпа и тех положений о хозяйственном строительстве, которые им разрабатывались в месяцы, предшествовавшие Октябрьской революции, и в 1918 году. Известно, например, что свою работу «О продовольственном налоге» В. И. Ленин начинает с пространных выдержек из брошюры, написанной в 1918 году, где рассматривается вопрос о значении государственного капитализма для организации производства в Советской России. Выступая с политическим отчетом на X съезде партии, В. И. Ленин указывал на то обстоятельство, что еще 30 октября 1918 года был подготовлен закон о продналоге, но в условиях гражданской войны его не удалось провести в жизнь.

Все это свидетельствует о том, что Ленин рассматривал нэп отнюдь не как комплекс частных мероприятий, вызванных к жизни непредвиденными обстоятельствами. Переход к нэпу — это начало создания внутренне последовательной системы уп-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 59.

² «Правда», 7 ноября 1920 года.

правления народным хозяйством. «Задача управления государством,— подчеркивал Ленин,— которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, представляет еще ту особенность, что речь идет теперь — и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов — о таком управлении, когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика»¹.

Новая экономическая политика, по мысли Ленина, предполагала организацию управления экономикой, при которой основные формы взаимосвязи между элементами хозяйственной системы базировались на хозрасчетном принципе. Хозрасчетные отношения вводились не только в рамках горизонтальных связей (между предприятиями и между трестами), но и пронизывали экономическую систему снизу доверху. При этом государственное регулирование хозяйственными процессами осуществлялось главным образом в форме экономического побуждения, а не через механизм прямого администрирования.

Под таким углом зрения вопрос об управлении народным хозяйством не ставился ни в мировой экономической литературе, ни в хозяйственной практике капиталистических стран. Ленину удалось первому нащупать объективные закономерности организации планомерно управляемой экономической системы. В сжатой форме основной принцип организации управления советским хозяйством, выдвинутый Лениным, можно, пожалуй, выразить следующим образом: реализация планового централизованного руководства народным хозяйством через систему экономической заинтересованности всех звеньев производственного аппарата. «...Новая экономическая политика,— писал Ленин Г. Кржижановскому,— не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению»².

План доводился до исполнителя в форме экономического интереса. Государство, стремясь повернуть страну на социалистические рельсы, использовало по преимуществу формы экономического давления. Поэтому и ставилась задача не уничтожить рынок, а овладеть им. Ленин неоднократно подчеркивал серьезные различия в этих двух подходах. Борьбаться не с рынками, а за рынок, призывал он. Надо учиться торговать, беречь золото, «продавать его подороже, покупать на него товары подешевле». «Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии»³.

Для Ленина в период нэпа не стоял вопрос: что лучше — осуществлять государственное планирование или развивать торговлю? Борьба за государственное регулирование товарно-денежного механизма, причем в формах, адекватных рыночным, и составляла содержание борьбы за план, за социализм.

Ленинская постановка вопроса об организации управления народным хозяйством с использованием товарно-денежного механизма нашла свое отражение и в партийных документах того периода. Так, в резолюциях XII съезда РКП(б) была очень четко сформулирована проблема сочетания методов централизованного планирования и элементов рыночной организации экономики. Съезд предостерегал как от переоценки роли рынка, так и от увлечения администрированием. Лишь оптимальное соотношение централизации и самодействия может обеспечить эффективное развитие народного хозяйства. Съезд со всей решительностью подчеркнул, что: «а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры, совершенно неизбежны частные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма («заторы», «пробки» и пр.); б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов незаконными методами рынка и в тех случаях, когда своевременное админист-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 130.

² Там же, т. 54, стр. 101.

³ Там же, т. 44, стр. 225, 226.

стративно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств»¹.

Ленинская идея гибкого управления плановой экономикой, базирующаяся на максимальном «раскрепощении» творческой инициативы трудящихся, с одной стороны, и на планомерном направлении этой инициативы в русло общественных интересов — с другой, в дальнейшем стала основополагающей при выработке методов руководства на различных этапах социалистического строительства. Соотношение между централизацией в принятии решений и экономической, хозяйственной самостоятельностью отдельных производственных ячеек, естественно, не может быть раз и навсегда неизменным. Конкретные общественные цели требуют дифференцированного подхода к решению этой проблемы на каждом этапе развития социалистического общества. Так, задачи, решавшиеся в период индустриализации, потребовали относительного расширения прямых административных методов руководства по сравнению с первыми годами новой экономической политики.

Можно без преувеличения сказать, что вопросы меры сочетания централизации и самостоятельности в системе функционирования социалистической экономики являются решающими при определении оптимальных методов и форм управления этой системой. Величайшая заслуга Ленина состоит в том, что он не только впервые поставил эту проблему, показав ее истинное значение, но и нашел для конкретных условий переходного периода «...ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»².

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РЕФОРМА: ПРОИЗВОДСТВО, ПОТРЕБЛЕНИЕ, ИНТЕРЕСЫ

Если побудительные мотивы, определившие переход советской экономики от «военного коммунизма» на рельсы новой экономической политики, достаточно ясны и широко известны, то применительно к настоящему моменту вполне естественно может возникнуть вопрос: какова внутренняя пружина, вызвавшая объективную необходимость серьезной перестройки современной системы управления народным хозяйством?

В этой связи небезынтересно бросить хотя бы беглый взгляд на хозяйственную обстановку в нашей стране, предшествовавшую сентябрьскому (1965 года) Пленуму ЦК КПСС. В 1965 году по сравнению с 1940 годом реальные доходы трудящихся СССР в расчете на душу населения, по данным ЦСУ, утроились. Резко возросло потребление важнейших продовольственных и промышленных товаров. Но если были достигнуты столь крупные успехи, то чем вызвана серьезная перестройка методов хозяйствования? Стоило ли так круто менять устоявшиеся приемы управления социалистической экономикой? Да, именно достигнутые масштабы производства, развившиеся и чрезвычайно усложнившиеся производственные связи потребовали изменения тех методов планирования и управления, которые существовали до сих пор. И это не парадокс. Здесь мы имеем дело с переходом из одного качественного состояния в другое.

В условиях острого дефицита предметов первой необходимости речь шла прежде всего об удовлетворении самых первоочередных потребностей, что накладывало отпечаток на характер организации всего общественного производства. Производство строилось в расчете на массового потребителя. Промышленность вынуждена была удовлетворять наиболее элементарные требования, а индивидуальные вкусы отдельных групп населения отодвигались на второй план или попросту игнорировались. Со своей стороны, потребители на первых порах, в условиях нехватки ряда товаров, не проявляли особой разборчивости. Такая обстановка неминуемо вела к господству так называемых

¹ «Двенадцатый съезд РКП(б)». Стенографический отчет. Политиздат. М. 1968, стр. 677.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 370.

объемных показателей в планировании производства (знаменитый «вал») и к стабильному на длительное время ассортименту выпускаемой продукции.

Однако монополия производителя на рынке и поддержание высоких темпов развития народного хозяйства — вещи несовместимые для условий нормально функционирующей социальной системы. Как только объемы производства достигают некоторого уровня, обеспечивающего удовлетворение первичных потребностей человека, тотчас обнаруживается иллюзорность всевластия производителя. Потребитель отнюдь не подчинился беспрекословно его воле, а лишь «притаился», ожидая удобного момента. И когда этот момент наступил, покупатель довольно явственно заявил о себе. Причем существенно то, что эти заявления были сделаны отнюдь не в форме писем в газеты и другие общественные и государственные организации с жалобами на плохую работу промышленности и торговли (такие письма были и, очевидно, всегда будут, но не о них сейчас речь), — покупатель заявил о себе, так сказать, «весомо, грубо, зримо» — он заявил рублем. Судите сами. Население в предреформенном 1965 году истратило на покупку хлопчатобумажных тканей 1 миллиард 871 миллион рублей, а в оптовой и розничной торговой сети в этом же году скопилось таких тканей в общей сложности на 1 миллиард 428 миллионов рублей. Точно такое же положение было с шерстяными и шелковыми тканями. Так, при объеме покупок шерстяных тканей в 1 миллиард 330 миллионов рублей товарные запасы достигли примерно такой же цифры. Аналогично соотношение объема покупок и товарных запасов шелковых тканей.

Эти данные наглядно характеризуют масштабы скопления товаров на складах. То же случилось и с одеждой, трикотажными изделиями, швейными машинами. Даже игрушек скопилось на складах розничной торговли на сумму, равную почти полугодовому объему продаж. При этом население в целом не могло пожаловаться на нехватку денег. Сумма вкладов населения в сберегательные кассы достигла в том же 1965 году 18,7 миллиарда рублей. Между прочим, эта цифра почти точно совпадала с общей величиной запаса непродовольственных товаров в розничной торговле. Совпадение случайное, но весьма знаменательное.

Таким образом, в преддверии экономической реформы в нашей экономике сложилась любопытнейшая и, можно сказать, уникальная по своему характеру ситуация. Потребитель имел в своем распоряжении довольно солидную сумму денег; с другой стороны, в торговой сети было достаточно товаров. Стержень, на котором держался этот конфликт, не нехватка товаров вообще, а нехватка нужных потребителю товаров. Потребитель уже требовал разнообразных изделий, стремился не просто одеваться, а одеваться красиво, модно. Но промышленность по-прежнему продолжала работать по принципу «бери, что дают».

Чтобы разрешить возникшее противоречие, необходимо было коренным образом перестроить характер взаимоотношений между производством и потребителями. Требовалось повернуть промышленность лицом к потребителю, поставить ее в зависимость от запросов и вкусов населения.

Коль скоро возник определенный разрыв между производством и реализацией продукции, то почему он не может быть устранен чисто административными методами? Ведь теперь у нас ликвидирована многоукладность и социалистические отношения полностью доминируют во всех областях производственной деятельности. Поэтому не проще ли было бы вместо трудоемкой работы по укреплению и развитию экономических стимулов предложить центральным планирующим органам дать указания всем предприятиям производить только нужную продукцию и запретить выпускать продукцию, которая оседает на торговых складах? Разве возможность прямого вмешательства в работу каждого предприятия — это не то самое преимущество, которое дает нам общенародная собственность на средства производства?

Чтобы ответить на эти далеко не простые вопросы, следует остановиться на ряде более общих проблем. Необходимо очень четко представить себе место экономики в жизни человека, в развитии всего общества, выявить те нити, которыми человек связан с экономикой. К сожалению, все эти проблемы долгое время оставались в тени и в печати — общей и научной — обсуждались явно недостаточно.

Роль экономики в развитии человеческого общества в общем виде ясна всем. Как было отмечено еще К. Марксом, «всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель». Общество в каждый момент времени располагает совершенно определенным запасом различных видов минерального сырья, плодородных земель, промышленного оборудования, рабочих рук и т. д. Задача управления экономикой в этих условиях должна в конечном счете состоять в том, чтобы использовать всю совокупность имеющихся в распоряжении общества ресурсов наилучшим образом, то есть обеспечить максимально возможное удовлетворение потребностей населения.

В целом такое описание действия народнохозяйственного механизма мало чем отличается по своему характеру от принципов работы любой машинной системы. Возьмем, к примеру, автоматическую линию по выпечке мясных пирожков. Эта линия перерабатывает «ресурсы» определенного вида (мясо, муку, масло, электрическую энергию и т. д.) в готовую для потребления продукцию. На машины возложены, следовательно, те же функции, что и на все общественное производство, — путем переработки определенных природных материалов и полуфабрикатов создавать блага, необходимые для удовлетворения потребностей человека. И в этом нет ничего удивительного: ведь наша автоматическая линия, так же как и любой станок или завод, представляет собой лишь звено производственного аппарата целой страны и ее работа не может быть не подчинена общей задаче. Это как бы клеточка общественной производственной системы. Число таких клеточек в народном хозяйстве огромно. В совокупности они и образуют всю эту колоссальную систему.

Но можно ли считать, что принципы управления всей этой системой и отдельной ее ячейкой должны быть разными? Особенно актуальным становится этот вопрос в условиях социалистической экономики, когда, по выражению В. И. Ленина, речь идет о превращении всего государственного экономического механизма в единую крупную машину. Так почему бы нам не управлять нашим хозяйством на тех же основах, что и машиной? Если нам известна потребность в пирожках и технические возможности автоматической линии, мы путем «непосредственного вмешательства» в работу этой линии устанавливаем температурный режим, скорость движения конвейера, регулируем подачу сырья и т. п. Коль скоро плановое хозяйство руководствуется единой задачей и является своего рода «крупной машиной», то здесь схема управления может выглядеть так: известны ресурсы, известны потребности — давайте рассчитаем в Госплане наилучший «режим работы» народного хозяйства и укажем всем предприятиям и работникам, что и как они должны делать. Если будут точно выполняться все задания центра, то это и обеспечит выпуск продукции в количестве, удовлетворяющем потребности трудящихся наилучшим из всех возможных способов при данных исходных условиях. Здесь не требуется никакого рынка, никаких «экономических рычагов». Все взаимоотношения между управляющим центром, производителями и потребителями кристально ясны.

Эта внешняя аналогия между функциями машины и функциями народного хозяйства как системы, обеспечивающей человека материальными благами, оказалась чрезвычайно соблазнительной для некоторых экономистов. С их точки зрения, централизованное во всех деталях управление экономикой наиболее рационально в наших условиях. Все выглядит «разложенным по полочкам», логичным и последовательным. Сначала — учет ресурсов, затем — учет потребностей, вслед за этим государственный план и разверстка производственных заданий от отрасли до рабочего места. В этих рассуждениях, казалось, было лишь одно слабое место: слишком уж огромна наша страна, слишком много потребуется счетной работы, если все данные об экономической деятельности обсчитывать в «центре», сводить их воедино, а затем в виде плановых заданий опять «спускать» предприятиям. Но появилась электронно-вычислительная техника, и «на улице» сторонников такого рода взглядов пришел праздник. Теперь новейшая счетная техника позволяет производить до миллиона математических действий в секунду. Казалось бы, можно без труда убить сразу двух зайцев: наилучшим образом управлять народным хозяйством, да еще и сократить штат плановых работников. Однако проблема оказалась значительно более сложной.

Начать с того, что уж если проводить аналогию между механизмом народнохозяйственного управления и работой агрегата по выпечке пирожков, то следовало бы представить себе такую машину, которая не только выпекает пирожки, но и сама их потребляет. Причем от качества этих пирожков, от их калорийности во многом зависит бесперебойность и эффективность функционирования важнейших узлов машины. Лишь в этом случае мы получим право на проведение аналогий между техническими и общественными системами. Человек с его потребностями — не только цель общественного производства, но и непосредственный элемент последнего. Это обстоятельство решающим образом меняет наши представления о системе функционирования экономики. Пока мы говорили о работе машины, то человек выступает в двух амплуа: человек, управляющий работой агрегата, и человек — потребитель готовой продукции. Два этих лица фактически в наших рассуждениях никак не связаны друг с другом. Они стоят на разных полюсах производственного процесса, и каждый действует, исходя из каких-то взаимно независимых побуждений. Для понимания экономики такой подход неприемлем.

Человек с точки зрения процесса производства может рассматриваться как один из видов первичных ресурсов. Рабочая сила, на поверхностный взгляд, — это такой же фактор развития хозяйства, как и станки, оборудование, земельные угодья. Более того, в глазах руководителей предприятия и объединений рабочая сила и производственные фонды могут в ряде случаев выступать как экономически взаимозаменяемые элементы. При осуществлении мероприятий по техническому совершенствованию производства обычно путем экономических расчетов устанавливается, сколько рабочих может заменить та или иная новая машина и как выгоднее использовать средства, предназначенные для расширения производства: нанять ли дополнительное количество рабочих или приобрести новое оборудование.

Таким образом, человек — это звено общественного производственного механизма. Однако оно отличается от других норовистым характером. В противоположность таким «винтикам» экономической машины, как станки, заводы, фабрики, шахты, «винтики» из плоти и крови обладают желаниями. Трудовые ресурсы в процессе их планирования и использования проявляют «капризность»: их нельзя без согласия грузить в вагоны и перевозить туда, куда нужно по плану производства; их приходится не только учитывать, распределять по отраслям и районам, но еще и стимулировать, то есть создавать такие условия, при которых люди согласятся «распределяться» именно так, как это предусмотрено планом. В противном случае этот план останется бумажкой. Таким образом, «кнопочный или машинный социализм» в своей реализации натолкнулся бы на непреодолимое препятствие — на человека. Плановик-администратор без всякой иронии мог бы продекламировать юношеские строки Ганса Магнуса Энциенсбергера:

Люди только мешают:
Путаются под ногами,
Вечно чего-то хотят,
От них одни неприятности.

Социалистическое общество неотожждествимо с гигантской машиной. И эта невозможность отождествления обусловлена также и тем, что связи человека с экономикой идут по двум направлениям — он не только «трудовой ресурс», но и цель производства. Причем члены общества, выступая в роли «трудового ресурса», безусловно, заинтересованы и тем, в какой мере обеспечивается удовлетворение их потребностей. Какие бы разумные соображения ни лежали в основе директив центральных плановых органов, если они не подкрепляются материальными и моральными стимулами, их реализация может оказаться под угрозой. Человек должен непосредственно ощущать прямую связь между затратой своего труда и мерой удовлетворения своих потребностей.

Но не связана ли в таком случае проблема вовлечения человека в орбиту общественного производства через непосредственный интерес целиком со степенью развития сознательности трудящихся? Легко можно представить себе, что через некоторое время люди станут настолько сознательными, что будут без всяких на то стимулов точно выполнять плановые указания, понимая, что предложенный им вариант жизнедеятельно-

сти наилучший из всех возможных. Однако такая гипотеза устройства будущего общества весьма поверхностна — она не учитывает творческого элемента в процессе производства и управления обществом, носитель которого и есть человек. Превращение человека в робота может привести лишь к окостенению общественного организма, так как будет искусственно парализован основной источник возникновения новой информации. Разумеется, такого рода общественная организация не может иметь ничего общего с социализмом. Общество, в котором разорвана цепочка, непосредственно связывающая в сознании человека результаты его деятельности с затрачиваемыми усилиями, необычайно метко описано Куртом Воннегутом в его «Уголии-14».

Несмотря на высокий уровень потребления, люди в стране Воннегута внутренне опустошены, существование их лишено всякого смысла. У большинства членов этого «общества будущего» отсутствует ощущение причастности к происходящим событиям, им отказано даже в праве сохранить иллюзию того, что их деятельность может как-то повлиять на судьбы страны, города, производства, их инициатива никому не нужна. Такое общество не может, конечно, иметь ничего общего с организацией производства, в которой труд становится одной из первых потребностей. Потребность трудиться неразрывно связана с творчеством, с сознанием «причастности к принимаемым решениям».

ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Недостаток дореформенной системы управления хозяйством состоял не в отсутствии элементов материального стимулирования. Стимулирование охватывало лишь низшее, первичное звено производственного механизма. Чем дальше ячейка управления отстояла от рабочего или колхозника, тем меньше она испытывала давление материальных стимулов и тем большую зависимость от указаний вышестоящих организаций. Это в конечном счете приводило к тому, что у промежуточных звеньев планирования и управления отпадала всякая охота (а главное, экономический стимул) защищать интересы низших производственных объединений перед высшими в конфликтных ситуациях. В результате нажим по линии «сверху — вниз» постоянно усиливался, а роль сигналов, идущих в обратном направлении — от «потребителей» приказов к их «создателям», — оставалась весьма незначительной.

Ярким примером в этом отношении может служить известная кампания по расширению посевов кукурузы. Руководители колхозов, районных и областных организаций, занимающихся сельским хозяйством, прекрасно осознавали, что многие колхозы не готовы к возделыванию кукурузы, что выполнение инструкций о расширении посевов этой культуры приведет в ряде случаев к падению эффективности производства, к уменьшению доходности хозяйств. Безусловно, большинство ответственных работников, понимавших серьезность ситуации, считало своим долгом информировать вышестоящие звенья управления. Однако в целом энергичность протестов против неправильных циркуляров немного уступала той энергии и настойчивости, с которой среднее звено управления проводило в жизнь эти самые циркуляры. И одной из главных причин столь неравномерного распределения сил было, на мой взгляд, отсутствие четко выраженной зависимости между уровнем доходов этих руководителей и финансовым положением руководимых ими производственных объектов. А вот от того, насколько точно выполнен циркуляр, положение руководителя зависело сильно.

Колхозник же и рабочий по-прежнему ощущали большую зависимость своего благосостояния от плодов собственного труда. Эта зависимость находила совершенно конкретное выражение в размере заработка, получаемого за труд различной интенсивности и качества. Однако эта цепочка, эта сигнальная система, управляющая поведением человека как экономического субъекта, толкающая его либо к более тщательному исполнению своих трудовых функций, либо к уходу с насиженного места в город, на другое предприятие и т. п., — эта сигнальная система обрывалась недопустимо рано, не охватывала всех элементов механизма управления.

То обстоятельство, что ответственность руководителя за качество отдаваемых им распоряжений носила по преимуществу моральный характер, порождало ряд иллюзий,

которые мешали делу, и самая опасная из них — это чувство независимости от положения дел на экономическом фронте, от законов производства. Безусловно, сознание моральной ответственности руководителя перед народом, партией, страной за порученное дело — серьезный мотив, побуждающий к изысканию путей совершенствования экономики. Однако принятая обществом мораль, мораль каждого человека, в том числе и мораль руководителя, хозяйственника, не есть нечто застывшее. На ее формирование и изменение оказывают воздействие многие факторы, и, между прочим, среди них не последнее место занимает все, что прямо или косвенно связано с материальным положением человека.

Предположим, что хозяйственный руководитель искренне считает, что им найден наилучший путь развития предприятия, района, отрасли или другой экономической единицы, соответствующей масштабам его деятельности. Если его общественное положение и уровень зарплаты целиком определяются совершенно четкими экономическими критериями: доходностью вверенных ему производственных объектов, заработками работников, занятых на этих объектах, то проверить ценность этого руководителя нетрудно. Более того, это происходит автоматически. Если решения, принятые руководителем, эффективны, оказывают благотворное воздействие на экономику, то оплата его труда повышается. В противном случае он моментально испытывает некоторый материальный урон. К этому добавляется недовольство подчиненных, вызванное снижением их доходов. Такое положение создает условия, при которых не только руководитель контролирует деятельность своих подчиненных, их исполнительность и расторопность, но и подчиненные получают возможность по достоинству оценивать работу руководителя. Материальный стимул побуждает их постоянно и активно выражать свое отношение к распоряжениям вышестоящих звеньев. И наконец, зависимость доходов руководителя от принимаемых им решений невольно делает его самого более самокритичным.

Картина значительно меняется, если руководитель не ощущает непосредственного давления «рубля», не ощущает прямой связи между собственным благосостоянием и благосостоянием вверенного ему коллектива. Как только материальная ответственность руководителя заменяется моральной, то это сплошь и рядом означает, что необходимость принятия действительно наилучшего решения отступает на второй план перед необходимостью доказать окружающим, что твое решение наилучшее. Причем даже реальное ухудшение хозяйственных дел, явившееся результатом безответственного руководства, далеко не всегда обескураживает руководителя. Чтобы «остаться при своих», ему просто надо доказать, что остальные возможные варианты хозяйственных решений дали бы еще худший результат. А поскольку оценка вариантов возможностей в большинстве случаев напоминает гадание на кофейной гуще, то отстоять «честь мундира» при известной сообразительности не представляет труда.

Честь мундира... Сколько написано гневных фельетонов о бюрократах, которых заботит только этот самый мундир и совершенно не волнуют интересы дела! Но откуда берутся такие бюрократы? Почему их интересуют не урожан, а отчеты об урожаях, не прибыли, а отчеты о них, не своевременная доставка грузов потребителям, а тонно-километры? Да потому, что стимулировались эти люди подчас не за собранный урожай или полученную прибыль, а совсем по другим критериям.

Если у вас на сберкнижке лежит сто рублей, то вы не станете богаче, рассказывая друзьям, будто ваши накопления составляют двести или триста рублей. Если предприятие получило определенную прибыль, то его возможности расплатиться со строительной организацией, заканчивающей строительство жилого дома для рабочих этого завода, не возрастут лишь оттого, что в отчете цифра прибылей будет удвоена. В этих и подобных им ситуациях обращает на себя внимание, если можно так выразиться, мотив честного поведения. Врать в этих условиях не имеет никакого смысла. Человек не получает никаких выгод от того, что приукрасит действительность. Ложь ни прямо, ни косвенно не стимулируется. В таких условиях не может возникнуть почвы для бюрократических извращений, ибо их источником служит именно возможность сокрытия правды. На это указывал еще В. И. Ленин. «Не надо оболгать себя неправдой, — писал он. — Это вредно. Это — главный источник нашего бюрократизма»¹.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 46.

Очковтиратель, бюрократ, ставящий честь своего мундира выше общественных интересов,— фигура, безусловно заслуживающая публичного осуждения. Однако, борясь с конкретным Иваном Ивановичем или Петром Петровичем, показывая всю глубину его падения, следовало бы попутно выяснить, а что, собственно, в организации системы управления вводит в иску подобный людѣй. И нельзя ли повести радикальную борьбу не только с потребителями «запретных плодов», а с самим змием-искусителем и заодно поставить вопрос о целесообразности выращивания в нашем «экономическом саду» деревьев, приносящих плоды столь сомнительного свойства.

Основное требование, предъявляемое к системе управления общественным производством, состоит в том, чтобы связи между всеми элементами, управляющими различными народнохозяйственными процессами, были жесткими, действенными, обоюдными, то есть чтобы существовала не только прямая, но и обратная связь. А главное — это необходимость придерживаться единого принципа в организации управления различными звеньями. Если мы признаем, что такой элемент экономической системы, как человек, может быть включен в процесс производства в нормальных условиях только на основе стимулирования, то, очевидно, последний принцип должен господствовать на всех уровнях народного хозяйства.

ЭКОНОМИКА ОЧЕРЕДЕЙ

Выше мы рассматривали взаимоотношения управляющего звена, производителей и потребителей в основном с позиции производства. Теперь попробуем взглянуть на эту проблему с точки зрения потребителя, то есть человека, находящегося, так сказать, по другую сторону прилавка. Смешавшись с многочисленной армией покупателей, мы очень быстро окажемся в какой-нибудь очереди. Откуда она берется? Надо признать, что природа и законы существования очередей практически обходятся вниманием в нашей экономической литературе.

Итак, что же такое очередь?

Прежде всего сразу оговоримся, что нас интересует не вообще любая очередь. Мы, например, не собираемся предлагать мероприятия по ликвидации воскресных очередей в Третьяковскую галерею или Эрмитаж. «Дефицит» подлинных произведений искусства едва ли удастся когда-либо ликвидировать. Дай, как говорится, бог, чтобы в этой области спрос всегда опережал предложение. В нашем случае интерес вызывает очередь за материальными благами и услугами. И здесь мы попадаем сразу в сферу экономической. Поэтому и очередь прежде всего следует исследовать под углом зрения экономики.

С этих позиций очередь можно рассматривать как внешнее и самое наглядное проявление несогласованной работы звеньев экономического механизма. Очередь — это своеобразный сигнал о возникших в экономике нарушениях. Характер этих нарушений установить нетрудно: товаров меньше, чем желающих их приобрести. Однако вся соль заключается в том, как определить, что значит «много» или «мало» товаров? При каком количестве выпускаемых товаров за ними выстраивается очередь и сколько надо произвести товаров, чтобы очередь исчезла? Оказывается, здесь неприменим принцип «чем больше товаров, тем меньше очередь». Так, например, цветных телевизоров производится мало, но очередь за ними не выстраивается, а вот выпускаемые в значительно большем количестве телевизоры «Темп-7» нелегко купить. Да даже при одном и том же объеме производства мы часто бываем свидетелями того, как товар то вдруг исчезает с прилавков, то снова пылится на полках.

Так что понятие «нехватка товара» с экономической точки зрения весьма специфично. Дело в том, что в каждом конкретном случае возникновения дефицита того или иного товара мы сталкиваемся не с неудовлетворенной потребностью в чистом виде, а с неудовлетворенной платежеспособной потребностью. А это далеко не одно и то же. Если отвлечься от товаров первой необходимости (а в сегодняшних условиях проблема очередей за этими товарами, как известно, практически уже снята), то можно утверждать, что очередь — результат неразумного экономического регулирования платежеспособного спроса населения и цен.

Платежеспособный спрос на тот или иной товар показывает, какую сумму денег при данном уровне доходов население согласно заплатить за конкретный товар. Выручка же государства от продажи этого товара равна произведению количества выпущенной продукции на его цену. Анализ этих простейших для понимания взаимосвязей позволяет сделать весьма существенные выводы о природе очередей и характере их регулирования.

Во-первых, очередь исчезает, если объем выручки от продажи товара равен суммарному денежному спросу, предъявляемому на него со стороны населения. Иными словами, сбалансированность спроса и предложения — лучшее лекарство от очередей.

Во-вторых, если платежеспособный спрос превышает объем выпуска продукции, измеряемой также в деньгах, то возникает неудовлетворенный спрос. У населения появляются свободные деньги, а вернее сказать деньги, которые оно желает истратить на покупку именно этого товара, или, как говорят экономисты, возникает спрос, не имеющий товарного покрытия. Образуется очередь... Неприятна она главным образом не тем, что потребитель теряет массу своего свободного времени на приобретение товара, — беда в том, что очередь имеет не только начало, но и конец. И тот, кто стоит в конце, наверняка желаемого товара не получит. Каждый читатель без труда вспомнит, как он неоднократно в своей жизни огорчался: «Вы представляете, прямо перед моим носом взяли последнюю пару ботинок», или, наоборот, радостно сообщал приятелю: «Мне так повезло — в кассе осталось только два билета!» Но это значит, что третьему уже не повезло...

К счастью, по теории вероятностей практически невозможен такой случай, чтобы один и тот же человек во всех очередях оказывался последним. Где-то не повезло, где-то досталось не совсем то, что хотелось бы, а где-то все сложилось удачно... Но не кажется ли вам, что такая ситуация весьма напоминает лотерею? Однако эта лотерея имеет специфические черты. С одной стороны, потребитель вынужден вступать в эту игру независимо от своего желания, а с другой — появляется разряд людей, которые за некоторую плату согласно предоставят любому участнику игры «выигрышный билет». Этими людьми чрезвычайно интересуется ОБХСС. Но хотя эта организация весьма решительно охлаждает пыл любителей легкой наживы, следует признать, что почва для самой возможности спекуляции возникает там, где платежеспособный спрос превышает предложение.

И наконец, третий вывод, совершенно очевидно вытекающий из сформулированного выше тезиса, состоит в том, что если известен объем платежеспособного спроса на данный товар и производственные возможности предприятий, выпускающих его, то в принципе всегда можно подобрать цену, балансирующую спрос и предложение, то есть ликвидирующую очередь за этим товаром (или затоваривание в случае, когда платежеспособная потребность невелика).

Кстати сказать, этот путь не нов. В ряде случаев он используется нашими планировщиками. Достаточно напомнить примеры с цветными телевизорами, мехами, легковыми автомобилями. Но почему только «в ряде случаев»? Почему, проводя такие мероприятия в одних областях, мы в то же самое время заставляем женщин стоять в очередях за модной обувью, высококачественными трикотажными изделиями и т. п.?

Противники установления цен на уровне, балансирующем спрос и предложение, не могут дать обоснованной аргументации своей точки зрения. Обычно приходится слышать: «Такой путь приведет к повышению цен, а следовательно, к снижению благосостояния населения, что в социалистических условиях неприемлемо». С такой постановкой вопроса трудно согласиться. Прежде всего речь идет о товарах, которые нельзя отнести к предметам первой необходимости. Во-вторых, не ясен сам термин «высокая» или «низкая» цена. Какой критерий в данном случае выдвигается для деления товаров на дорогие и дешевые? Если товар стоит 300 рублей — дорого это или дешево? Любой человек, прежде чем ответить на подобный вопрос, попытается выяснить: 1) о каком товаре идет речь; 2) каковы вкусы и наклонности потребителя и 3) каков доход потребителя. Подобные вопросы будут вполне оправданы, ибо абсурдно рассуждать о высокой или низкой цене «вообще». В связи с этим нам представляется, что было бы более

правильно говорить о ценах, экономически обоснованных и лишенных такового обоснования. А поскольку цена должна выступать как мостик, связывающий производителя и потребителя друг с другом, то нормальным уровнем цен можно считать лишь тот, при котором устанавливается равновесие между спросом и предложением.

Теперь обратимся к вопросу о ценах и уровне благосостояния населения. Если цены не балансируют спроса и предложения, то, как мы видели выше, возможны две ситуации: или потребитель обращается к услугам спекулянта, или он вообще остается без нужного ему товара. В первом случае потребитель все равно переплачивает за товар по сравнению с установленной государством ценой, причем в эту своеобразную наценку часто входит и «плата за риск». Следовательно, в этом случае потребитель ничего не потеряет, если цена будет установлена в соответствии с платежеспособным спросом. Государство же получит дополнительные средства на расширение производства дефицитных товаров, те самые средства, которые ныне оседают в карманах спекулянтов. Именно эти последние и останутся единственной страдающей стороной.

Во втором случае дело обстоит еще проще. Если потребитель не смог купить нужного ему товара, то это означает, что его денежный доход не обратился в доход реальный, ибо последний измеряется не количеством выплаченных работнику денег, а массой товаров, которые он в состоянии на них приобрести. А для этого требуется иметь не только деньги в кармане, но и товар на прилавке. Положение, когда потребителю требуется решать сразу две задачи — не только заработать деньги, но и «достать» нужный товар, — чревато в наших условиях нарушением закона распределения по труду. Коль скоро заработная плата у нас выплачивается трудящимся в соответствии с количеством и качеством их труда, то они вправе «отоваривать» свои деньги по своему усмотрению. У нас же сейчас можно наблюдать явления, когда право преимущественного потребления временно дефицитных изделий получают не люди, вносящие значительный вклад в развитие социалистического производства, а, наоборот, те, кто имеет много свободного времени (а следовательно, мало рабочего) для «челночных» поездок из магазина в магазин, стояния в очередях и т. п.

Конечно, установить цену, уравнивающую спрос и предложение, — это лишь половина дела. Не менее важно добиться, чтобы повышенная цена оказалась выгодной для покупателя. Парадокс? Ни в коем случае. Кто из нас — потребителей — был бы против повышения цен на товары «сверхвысокого» качества (а именно за такими товарами выстраиваются у нас ныне очереди), если бы мы были уверены, что: 1) выпуск изделий «экстра-класса» будет быстро расти, 2) столь же быстро будет снижаться их цена, но 3) отнюдь не их качество.

Осуществима ли такая «потребительская идиллия» в условиях цен, балансирующих спрос и предложение? Экономическая теория и хозяйственная практика позволяют ответить на этот вопрос утвердительно — именно так сложилось, например, положение на рынке часов. Наши часы, как известно, удовлетворяют самым взыскательным требованиям, ассортимент их неуклонно расширяется, а цены на часы за последние годы снизились без малого в два раза! И все это — без очередей... Не следует, конечно, думать, что задача эта решается просто. Речь должна идти о создании экономического механизма, при котором поставщики были бы материально заинтересованы в снижении цен на свою продукцию. Обычно же у них, как известно, прямо противоположный интерес. Современная экономическая наука предлагает целый арсенал средств для решения этой задачи — здесь и налоговые рычаги, специально разработанные шкалы поощрения, особые условия кредитования и т. д. Но это уже предмет для специального разговора. Подчеркнем лишь, что залог эффективного действия упомянутого экономического механизма — это наличие цен, балансирующих платежеспособный спрос и предложение товаров.

Таким образом, цена, уравнивающая спрос, выгодна и производителю и потребителю да плюс к этому экономит свободное время последнего, так как устраняет экономические причины возникновения очередей. А ежели таковые будут ликвидированы, то с организационными неувязками справиться будет несложно.

До сих пор мы говорили об очередях, возникающих в ходе реализации предметов потребления. Но аналогичная картина наблюдается и у промышленных потребителей.

Вот что писал, например, на страницах «Правды» директор Ярославского шинного завода В. П. Чесноков спустя несколько месяцев после перехода на новую систему управления: «Весьма тревожат нас трудности с использованием фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства... С начала нового года завод мог бы начать строительство жилья на сумму свыше пяти миллионов рублей. Но подрядчика найти невозможно — у всех строительных организаций свои заранее утвержденные планы и ограниченные ресурсы».

С тех пор положение на предприятиях страны мало изменилось. В 1968 году предприятия, работающие по-новому, использовали только 58 процентов имевшихся фондов экономического стимулирования, и в том числе лишь 47 процентов фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Причина — отсутствие товарного обеспечения денежных фондов предприятий. Такое положение противоречит самой идее экономической реформы, поскольку предприятия, хорошо работающие, оказываются в положении, мало чем отличающемся от предприятий, не выполняющих обязательств перед обществом.

Между прочим, проблема увязки производства и потребления через систему цен не нова. Она широко обсуждалась советскими экономистами еще в двадцатые годы. Особенно глубокое и всестороннее освещение она получила в одной из статей крупного советского экономиста, ныне лауреата Ленинской премии В. В. Новожилова, опубликованной в февральском номере «Вестника финансов» за 1926 год.

Статья называлась «Недостаток товаров». В ней В. В. Новожилов анализирует проблему бестоварья под углом зрения политики цен.

«Не является ли недостаток товаров,— пишет он,— особым преимуществом нашего народного хозяйства? Ведь обычно рынок ограничивает производство. У нас же рынок идет впереди производства, предоставляя ему развиваться в меру производительных сил.

Однако избыток спроса не приносит пользы народному хозяйству. Недостаток товаров прежде всего вызывает хаос в распределении реальных доходов. Распределение реальных доходов перестает соответствовать распределению денежных доходов. Разница цен в вольной и регулируемой торговле достигает по некоторым товарам весьма значительных размеров. Иначе говоря: покупательная сила денег становится весьма различной не только в различных местностях, но и в различных магазинах и даже в различных руках.

Продажа продуктов по цене ниже цены равновесия спроса и предложения является в известной части даровой раздачей: именно в части разницы между продажной ценой и ценой рыночного равновесия. Конечно, все стремятся получить этот подарок, но не все его получают. При недостатке товаров выигрывает тот, кто стоит ближе к источникам товарного потока,— тот, кто непосредственно получает недостающие товары. Город ближе к источникам промышленных товаров, деревня — дальше».

К сожалению, в тот период довольно много экономистов не понимали, к каким серьезным хозяйственным последствиям может привести игнорирование объективных законов развития экономики. Так, например, Н. А. Ковалевский следующим образом истолковывал позицию В. В. Новожилова:

«Поясняя положения профессора Новожилова, мы могли бы привести следующий пример. Топливный голод. Для удовлетворения потребности фабрик и заводов необходимо N единиц топлива (учитываются все виды его), и n единиц необходимо для варки пищи и отопления жилищ населения. Допустим, налицо $\frac{N + n}{3}$ единиц топлива.

Однако связывать устранение недостатка топлива с расширением производства было бы неправильно: достаточно повысить цену топлива втрое, чтобы все были удовлетворены!

Другой пример. Весна. Население обносилось. Избита как кожаная обувь, так и галоши. Для удовлетворения обычной потребности рынок имеет, допустим, всего лишь

$\frac{1}{3}$ необходимого количества того и другого. Но увеличивать производство незачем: достаточно повысить втрое цены...»¹.

В этом подходе к проблеме совершенно явно прослеживается «натуралистический» взгляд на хозяйственные процессы. Н. А. Ковалевский мыслит категориями рыночного, натурального хозяйства. В связи с этим он просто подменяет проблему, поднятую В. В. Новожиловым, который в своей статье показал, что цена выступает в роли своего рода информационного сигнала, в котором закодированы сложившиеся в данный момент экономические взаимоотношения между производителем и потребителем. Ориентируясь на эту информацию, общество может составить правильное представление об экономике, а следовательно, способно принять оптимальные плановые решения по текущим хозяйственным вопросам. С этой точки зрения товарно-денежный механизм может рассматриваться как источник информации при организации плановой работы в социалистическом хозяйстве.

КРИТЕРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Отмеченная сторона товарно-денежного механизма имеет существенное значение для понимания его специфической роли в условиях социалистической экономики.

Известно, что для составления плана производства необходимо знать объем и структуру потребностей, которые удовлетворяются на базе этого производства. Каким же образом плановик определяет эти потребности? Задача эта не столь проста, как может показаться вначале. Человек, составляющий план, берет на себя колоссальную ответственность. Решая, казалось бы, безобидный вопрос о том, производить ли домашние швейные машины или строить швейную фабрику, он вступает в весьма сложные взаимоотношения с остальной частью общества: фактически он играет роль «душеприказчика» миллионов потребителей. Реально его решение, скажем, в пользу второго варианта означает, что население отныне желает покупать готовое платье, а не шить одежду в домашних условиях, что потребитель отдает предпочтение магазину, а не портнихе. В целом тенденция, очевидно, схвачена верно. Да и привели мы этот пример не для того, чтобы продемонстрировать неразумность действий плановых органов. Нет. В данном случае хотелось бы обратить внимание на особое положение планового работника, на то обстоятельство, что он практически говорит от имени массы потребителей, и не только говорит, но и действует.

Обычно плановая работа представляется как работа чисто экономическая. Слова «плановик» и «экономист» употребляются у нас очень часто как синонимы. Однако объективно в социалистическом обществе плановик выступает как связующее звено между экономикой и обществом.

Цель развития социалистической экономики, сформулированная в основном экономическом законе, заключается в максимальном удовлетворении потребностей общества. Таким образом, чисто экономическая часть работы при составлении планов развития общественного производства состоит в отыскании кратчайших путей достижения поставленных перед экономикой задач. Но кто определяет эти задачи? Как устанавливаются потребности общества? Проблема управления в широком понимании этого слова должна, следовательно, включать в себя не только вопросы техники управления (как управлять?), но и отыскания целей движения (для чего управлять?). Этот последний момент представляет особый интерес.

Эффективность действий управляющего органа в огромной степени зависит от того, насколько его представления о целях общественного развития соответствуют объективно существующим тенденциям. Сложность заключается в том, что у управляющего органа могут возникать иллюзии знания цели.

В системе управления должен обязательно существовать специфический механизм контроля, с помощью которого определяется адекватность действий управляющих органов объективным требованиям развития общества. С помощью этого механизма проис-

¹ «Плановое хозяйство», № 5, 1926, стр. 22.

ходит самонастройка общества на оптимальную «траекторию» социального прогресса. Кибернетики называют такие механизмы регуляторами с обратной связью.

Но вернемся к вопросам, непосредственно связанным с экономикой. Задача определения экономических целей общества, даже будучи взята отдельно, неизменно сложна. Человеческое общество представляет собой огромное скопление «капиллярных сосудов», у каждого из которых есть своя специфика. Как нет двух абсолютно похожих друг на друга людей, так и нет двух одинаковых мнений о градации потребностей. Причем различия в оценке степени насущности тех или иных благ зависят не только от индивидуальных особенностей характера и психики человека, но дифференцируются по группам населения в зависимости от культурного уровня, профессиональной принадлежности и т. д. Выделяя все эти группы, планировщик должен также решить вопрос о том, в какой мере следует учитывать интересы их представителей, поскольку совершенно очевидно, что различные группировки потребителей играют далеко не равнозначную роль в обеспечении общественного прогресса.

Выступать от имени масс сравнительно несложно при условии, если масса единомышленна в своих желаниях. В определенных исторических ситуациях перед обществом возникают крупные проблемы, от разрешения которых зависит вообще его существование. В этих ситуациях программа действий центрального управляющего звена, как правило, предельно ясна. Это, конечно, не значит, что люди теряют свою индивидуальность в смысле различия вкусов, интересов. Последние просто сознательно приносятся в жертву более общей задаче, которая в силу этого и выдвигается в качестве единственного критерия оценки всех действий общественной системы. Формулировка цели развития общества в эти моменты исторического развития как бы сознательно упрощается, но это упрощение в конечном счете позволяет общественному организму сохранить себя, «выжить». За полвека существования Страны Советов такие ситуации складывались неоднократно. Проблема жизни и смерти вставала перед нашим государством и в дни гражданской войны, и в 1941—1945 годах.

Однако как быть, если управление обществом осуществляется не в исключительной, а в более или менее нормальной обстановке? Как учесть все многообразие мнений, высказываемых потребителями? И вообще, коль скоро мы сталкиваемся с такой значительной дифференциацией мнений и критериев оценки различных благ, проявляемой потребителями в повседневной жизни, допустимо ли, чтобы какой-то ограниченный круг специалистов принимал однозначные решения, коренным образом влияющие на характер потребления?

На наш взгляд, на последний вопрос следует ответить утвердительно. Такое положение вытекает из объективных законов организации общественного производства. Как бы вкусы одной женщины ни отличались от вкусов другой, в конечном счете проектировщик и экономист решают вопрос, строить ли фабрику синтетического волокна или расширить производство ситца, тем самым предпринимая потребительский выбор десятков тысяч покупателей. Но в таком положении нет ничего из ряда вон выходящего. Во многих областях человеческой деятельности можно увидеть аналогичную картину. Современный воздушный лайнер поднимает в воздух более ста человек, но ведут самолет к цели лишь два-три члена экипажа. Пассажиры позволяют управлять собой, доверяя свою жизнь командиру корабля. Правда, власть пилота ограничена кругом вопросов, входящих в его компетенцию, но пока мы оставляем в стороне этот вопрос. Важно другое: между пассажирами и пилотом возникают специфические взаимоотношения, характерные тем, что несколько десятков человек полностью доверяются воле одного. Такое поведение вполне естественно и базируется на вере в знания и опыт пилота.

Таким образом, сам факт существования управляющих и управляемых достаточно бесспорен и обусловлен целым рядом совершенно объективных законов развития окружающей нас жизни. Поэтому, возвращаясь к экономике, очевидно, следует выяснить не сам по себе вопрос о целесообразности планового управления (экономика в этом смысле не является каким-то исключением), а меру обоснованности претензий планового работника на роль вершителя судеб огромной массы потребителей. Что дает право экономисту выступать от имени различных групп населения?

Нет сомнения, что хозяйственному работнику в данном случае на помощь приходят специальные знания, эрудиция, научная интуиция и тому подобные элементы, оказывающие сильное воздействие на характер принимаемых решений. Однако вся проблема осложняется тем обстоятельством, что экономист сам является потребителем. И вполне мыслима ситуация, при которой он будет применять свой субъективный критерий насущности потребностей ко всей массе потребителей. Причем это может происходить отнюдь не по злему умыслу. Абсолютная субъективная честность планового работника может мирно уживаться с навязыванием им всему обществу своих вкусов, своих взглядов. Ему просто будет казаться, что «этого потребитель не возьмет, этого он не поймет». Такие выводы будет подсказывать ему опыт, накопленный годами. А что, если этот субъективный опыт уже пришел в противоречие с новыми веяниями жизни?

Конфликт между индивидуальным потребительским критерием руководителя и потребительскими критериями различных групп населения может иметь самую различную интенсивность и существовать долгое время в скрытой форме. Поэтому задача должна заключаться не в том, чтобы «вылавливать» из потока нашей жизни наиболее вопиющие факты ошибочных действий хозяйственников,— проблема должна ставиться в иной плоскости: экономист в своей работе обязан опираться на механизм, который, во-первых, давал бы ему полную информацию об интересах потребителей, а во-вторых, быстро и автоматически исправлял допущенные ошибки планирования.

Таким механизмом в настоящее время может быть только рыночный, товарно-денежный механизм.

Главное преимущество товарно-денежного механизма состоит в наших условиях в том, что он обеспечивает свободное волеизъявление потребителя. В рамках предоставленных ему доходов потребитель может отдавать предпочтение любому набору потребительских благ.

Он обнаруживает свои желания согласно личным вкусам и экономическому весу. Если плановик не является, выражаясь наукообразно, субъективистом, он должен учитывать интересы, выраженные потребителем на рынке. В этом смысле рынок оказывает неоценимую услугу плану. Планирование, если оно исходит из необходимости удовлетворять потребности населения, должно прежде всего отталкиваться от информации об этих потребностях. Необходимую информацию такого рода дает рынок предметов потребления.

В данном случае плановику не нужно ничего выдумывать из головы. Он должен досконально изучать рынок потребительских товаров, исследовать особенности потребления групп населения с различным уровнем дохода, зависимость между изменениями цен, доходов и интенсивностью спроса на разнообразные товары. Все эти сведения и позволят ему судить о том, что же хочет потребитель, какова структура реальных потребностей последнего. Обобщив эту информацию, наш плановик может составить план производства с таким расчетом, чтобы по возможности наилучшим образом удовлетворить те потребности населения, которые ему удалось выявить с помощью рынка.

— Минуточку,— могут остановить нас в этом месте.— Получается, что плановик тащится в хвосте у рынка и его план на будущее основан на конъюнктуре того самого рынка, с которым призван бороться план. Не похож ли ваш плановик с его методами управления на короля из сказки Сент-Экзюпери, который дожидался благоприятных условий, чтобы отдать солнцу приказ скрыться за горизонтом, и эти благоприятные условия по удивительному стечению обстоятельств все время совпадали со временем заката, обозначенным в календаре?

На подобные возражения можно ответить следующее: уж если плановик в наших рассуждениях за чем-то «тащится», то не за рынком, а за потребностями людей, чьи интересы и должны найти отражение в плане. Если план ставит целью удовлетворение потребностей народа (а наш план преследует именно эту цель), то нет ничего предосудительного в том, что его составители хотят получить исчерпывающие сведения об этих потребностях. И если далее мы установили, что рыночный механизм позволяет нам выявить структуру личных потребностей людей, то использование этого механизма для указанных целей должно расцениваться как вполне естественный акт.

Король из знаменитой сказки, между прочим, был не так уж глуп. Помните его разговор с Маленьким Принцем:

«— Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказ, кто будет в этом виноват: он или я?»

— Вы, ваше величество,— ни минуты не колеблясь, ответил Маленький Принц.

Король отлично понимал, что всегда, если хочешь оставаться хозяином положения, следует обеими ногами стоять на почве реальности. Когда мы говорим, что плановик должен учитывать требования рынка, это в условиях социалистической собственности на средства производства является лишь иной формой выражения той бесспорной истины, что любой план должен базироваться на учете объективных закономерностей производства и потребления.

Но значит ли все сказанное, что плановик выполняет в основном пассивную роль? Отнюдь нет. Потребности могут изменяться под воздействием самых разнообразных факторов, и в первую очередь производства. По мнению К. Маркса, производство создает потребление по крайней мере в трех аспектах: «1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и импульс потребления. Точно так же потребление дает у с т а н о в к у (*Anlage*) производителю, возбуждая в нем направленную на определенные цели потребность»¹.

Плановик, поскольку он планирует развитие производства на будущее, должен предвидеть, как могут измениться потребности, если населению будут предложены определенные новшества, и как следует совершенствовать производство, чтобы подтолкнуть потребление в направлении, наиболее перспективном с точки зрения общих тенденций развития человечества. Изобретение телевидения, несомненно, известным образом деформирует общественную потребность. Плановик имеет право прогнозировать масштабы и характер изменения потребностей в связи с этой и другими техническими новинками. Более того, он имеет право широко пропагандировать свою точку зрения (реклама новых товаров), направляя внимание потребителя в определенное русло. Однако при всем этом у потребителя должна оставаться достаточно широкая свобода выбора. Плановик не имеет права навязывать административными методами свое мнение (даже если он абсолютно убежден в своей правоте), а также произвольно сужать варианты возможного выбора (скажем, регламентировать производство таким образом, чтобы выпускались телевизоры с экраном одного размера и т. п.).

Момент этот весьма существен с точки зрения организации взаимоотношений между руководящими хозяйственными органами и массой потребителей. За последними всегда должно сохраняться право решающего слова. Объективность этого требования подтверждается богатым опытом регулирования потребления, накопленным в различных странах. Практика показывает, что население в конечном счете обходит различного рода запреты, если они не соответствуют его реальным потребностям. Отмирание потребности — снижение потребления — и, как следствие, сокращение производства. Именно такой должна быть реальная связь явлений. Попытки пойти прямо противоположным путем чреваты тем, что возникает возможность навязывания потребителю заранее подготовленного решения. Причем при таком характере действий будут отсутствовать всякие объективные показатели правильности или ошибочности принятого решения, ибо потребительский выбор в данном случае ограничивается.

Таким образом, плановик, обладая довольно широкой свободой действий, должен тем не менее обращать самое пристальное внимание на «тонкую настройку» экономического «инструмента». И в этой области социалистический рынок выступает в качестве его прямого союзника. Необходимость «тонкой настройки» охватывает практически все сферы народного хозяйства, поскольку характер личного потребления населения оказывает прямое или косвенное воздействие на развитие всех отраслей общественного производства.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат. 1951, стр. 204.

* * *

Экономическая реформа заставляет по-новому взглянуть на многие стороны хозяйственной и общественной жизни нашей страны. Радикальные меры, предпринятые в последнее время партией и правительством в области управления экономикой, оказали существенное воздействие на развитие и углубление науки о социалистическом обществе. Реформа позволила преодолеть ряд упрощенческих трактовок социализма. В частности, был развеян миф, отождествлявший социалистическое планирование с голым администрированием. В значительной мере удалось теперь выяснить и реальную роль рынка в системе социалистических отношений. Поскольку товарно-денежный механизм в наших условиях рассматривается и как средство свободного проявления экономических требований массового потребителя, и как аппарат непосредственного воздействия потребителя на производство, постольку рынок должен органически вписываться в рамки социалистических методов управления хозяйством. Учет плановыми органами при их целенаправленных действиях также и волеизъявления трудящихся в условиях широкой свободы потребительского выбора открывает более широкие возможности для успешного строительства нового общества. Успехи экономической реформы во многом определяются именно тем, что она повернула наше хозяйство лицом к этой проблеме и наметила основные пути ее разрешения в области экономики.

К 200-летию со дня рождения
Георга Вильгельма Фридриха Гегеля

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

★

О ПРИРОДЕ ВРЕМЕНИ У ГЕГЕЛЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мы стоим перед необходимостью пересмотра старых представлений о таких вещах, как пространство и время. К этому подводят нас открытия в физике и практике космических полетов. Об этом говорит обострившийся интерес второй половины нашего столетия к проблеме Времени, времени с большой буквы. Совсем недавно (1966) молодой американский ученый из Мичиганского университета Юлиус Томас Фрэзер собрал и выпустил огромный том (семьсот с лишним страниц) высказываний о природе времени, об особенностях его течения, о времени в понимании математиков, физиков, философов, филологов, биологов всех времен, о том, как понимается время в китайской, японской, индийской, христианской, западноевропейской мысли, о чувстве и переживании, счете и мере времени в музыке, в психиатрии, в детском возрасте, о будничном и психологическом восприятии времени у обычного человека,— показывающий, насколько велико и распространено желание узнать об этом предмете у читающего человечества. Книгу Фрэзера¹, несмотря на ее дороговизну, нельзя было достать в лучших магазинах Лондона и Парижа уже через год после ее выхода.

К сожалению, Фрэзер не был знаком с высказываниями русских мыслителей о времени, даже советского периода — ни с книжечкой Ферсмана «Время», ни с гениальными страницами Владимира Ивановича Вернадского, посвященными природе времени, ни с оригинальной теорией астрофизика доктора Н. А. Козырева, не говоря уж о высказываниях о пространстве и времени у Ленина.

Едва ли не меньше приходится жалеть о том, что ни Фрэзер, ни вообще западная мысль не пытались выделить из громадного философского наследия Гегеля не только его отдельные, разбросанные там и сям определенные времени, но и связь самого метода Гегеля, самих представлений Гегеля о процессах и законах мышления в «Науке логики» и в «Феноменологии духа», — с не названной им в особом понятии, но фактически как бы тождественной с ними текучестью процесса времени. Кое-где на Западе вообще почти «покончено» с Гегелем, как с явлением устаревшим. На Западе (разумеется, за вычетом Маркса, Энгельса и немецких философов, положивших начало правильному пониманию Гегеля) вообще не было того духовного одержания гегельянством, какое пережила русская интеллигенция прошлого века, сумевшая сквозь шелуху гегелевских искусственных оболочек — Абсолюта, Мирового Духа, бога и прочего — увидеть живой родник гегелевской диалектики. Русские люди сороковых годов читали Гегеля сквозь эти оболочки, как мы сейчас читаем Гомера «сквозь» Аполлона, Зевса, богиню Афину-Палладу и весь бо-

---

¹ "The Voices of Time". A cooperative Survey of Man's views of Time as expressed by the sciences and by the humanities. Edited by J. T. Fraser.—George Braziller (New York, 1966).

жественный, ставший иллюзорным Олимп. Что Гегель не воспринят, не пережит Западом, как у нас, говорит и презрительно-снисходительное отношение к диалектике, характерное для новейших течений философии вроде модного нынче экзистенциализма, и полное пренебрежение историзмом, последовательностью развития человечества, и даже требование «редукции» — отказа от всяких традиций, от всего, унаследованного творческим опытом человечества за тысячи лет, — иначе сказать, умаление, исчезновение, истаянность самого чувства времени у новейших философов, проповедь разрыва, распада времен для голого созерцания мгновенной «сегодняшней» данности. Таков, например, интуитивный «феноменологический метод» Эдмунда Хуссерля, легший в основу многих теорий экзистенциализма².

Тем более должны мы на пороге двухсотлетнего юбилея Гегеля творчески, по-новому обратиться к его литературному наследию. Для систематического анализа всего того, что отождествляется в диалектике Гегеля с диалектическим течением самого времени и как оно, это течение, отражается в текучести материальных явлений жизни и мышления, нужны годы и сотни страниц. Здесь я хочу предложить читателю лишь несколько мыслей, порожденных при перечитывании Гегеля спустя много десятков лет после первого, юношеского очарования его книгами в годы моего студенчества.

I

Гегель, разумеется, никогда не ставил проблемы Времени, как самостоятельной, требующей глубокого решения. Обычно в своих формулах, касающихся времени и пространства, как таковых, он почти автоматически повторял Канта, но — и повторяя его — неожиданно прибавлял нечто, сопрягающее время (и даже как бы отождествляющее его) с движущейся материей. Такие, более или менее прямые, высказывания имеются прежде всего в его «Энциклопедии»³, в разделе о «Материи и движении» и в параграфе о механике. В этом последнем, совсем по-кантовски, пространство и время названы «совершенно абстрактными противопоставлениями». Хотя выше я написала «совсем по-кантовски», но надо иметь в виду особенности невероятного гегелевского языка с его «внешне-бытием», «вне-себя-бытием», «себе-бытием» и прочими разновидностями гносеологических состояний. Вышеупомянутая фраза звучит по-немецки: «Das ganz abstrakte Außereinander»⁴. Я перевела буквально, хотя можно перевести это и как абстрактные противопостояния человеческому мышлению. Сперва речь идет у Гегеля о Пространстве, которое он называет «чистой формой» (blosse Form), полемизируя с Кантом, считающим положение «прямая линия есть кратчайшая между двумя точками» синтетическим. По мнению Гегеля, каждое положение (Satz) — синтетично. Дальше идет рассуждение о Времени, и тут появляются некоторые особенности, заставляющие читателя остановиться и задуматься. Правда, и Время, по Гегелю, нечто «абстрактное, идеальное», — «негативное единство вне-себя-бытия» (Ausersichseins), — но... и тут мы выходим из мира чистых Кантовых категорий в нечто смутное и алогичное, стянутое под конец в логический узел примитивным разделением пространства, как абстракции объективной, а времени, как абстракции субъективной. Алогичным я назвала рассуждение Гегеля о времени потому, что оно как бы описывает время в терминах движения, переводя его постепенно в литературно-мифологический образ:

«Время это бытие, которое, в тот момент, как оно есть, уже не есть, и в тот момент, как оно не есть, уже есть: увиденное (точней, «созерцанное») становление, то есть смена различий, хотя и моментальных, то есть непосредственно себя снимающих, как внешние, но которые все же определены, как внешние к себе самим... Во времени, говорят, возникает и проходит все... Но не во времени возникает

² Edmund Husserl. Ideen zu einer reinen Phenomenologie und phenomenologischen Philosophie. Halle. 1913.

³ Georg Wilhelm Friedrich Hegel. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Leipzig. 1905. Herausgegeben von G. Lasson.

⁴ Там же, стр. 211, и дальше, стр. 216—217.

и проходит все, а само время есть это становление, возникновение и прохождение... все порождающий и свои порождения уничтожающий Хронос»⁵.

Маркс и Ленин научили нас читать Гегеля сквозь туман его идеалистических построений. Если так, отшелушивая идеалистическую оболочку, как корку с семени, читать все, сказанное Гегелем о времени, мы неминуемо почувствуем некий материальный остаток, который совершенно отсутствует в чистых категориях Канта. Если Кант загнал непознаваемое в вечную абстрактную клетку «вещи в себе», то, например, у Гегеля, в приведенной выше цитате, встречается неожиданный (и для наивного читателя как бы совсем тут неуместный, «ни к селу, ни к городу») рефлекс на пришедшую ему в голову мысль, который я не привела в цитате, не умея его связать в переводе с предыдущим и последующим изложением. Вот этот «рефлекс»: «Существоющее абстрагировать, das Seiende abstrahieren». В описании времени, как движения, в определении времени, как становление («само время есть это становление, возникновение и прохождение»), в неожиданной фразе «абстрагировать существующее» — чувствуется этот субстрат сущего, нечто материальное под «идеальным». Гегель был диалектиком. И его «неточности» — это те накопления (или резервы, или расширения) объема мысли, которые — подобно тому, как при поворотах обычного движения зигзагом, — неминуемо пускаются в ход лишние усилия у двигателя (все равно — лошади или мотора), — тоже мобилизуются и пускаются в ход при поворотных переходах диалектической триады. Формальному логике они могут показаться нечистой мышления. Но без такой «нечистоты» диалектического движения вперед быть не может. Я сопоставила ее (и даже отождествила) выше — с материальным субстратом под внешне идеалистической системой Гегеля. Быть может, философы-профессионалы сочтут эти мои рассуждения наивно-дилетантскими, но тот, кому вслед за Марксом и Лениным приходилось не раз вчитываться в Гегеля, поймет меня: ведь это объясняет необыкновенную легкость и философскую неизбежность перестановки гегелевской диалектики с головы на ноги, проделанную марксизмом.

Первые сжатые определения времени, перечисленные мною, даны Гегелем, как я уже сказала, в особом параграфе «Энциклопедии», посвященном механике. Но «становление», хоть оно и происходит в движении, есть нечто большее, чем простое движение, — и отождествление времени со становлением (напомним читателю: «само время есть это становление, возникновение и прохождение») требует очень внимательного разбора. В гениальной предисловии Гегеля к «Феноменологии духа» об этом говорится подробнее.

Термин «становление» (Werden) — один из важнейших в философском словаре Гегеля. Многозначный и глубокомысленный немецкий язык нашел тут в русском языке адекватное для перевода слово. Это не всегда и не везде случается с гегелевским текстом. В России, например, в начале нашего века перевели «Феноменологию» пять лучших учених философа Эрнста Радлова при его ближайшем участии — и сразу же, с первых страниц, сделали роковую ошибку, переведя слово «Werden» — словом «возникновение». Между тем возникновение, рождение — акт мгновенный; и не только мгновенный. Опередив биологов, Гегель отлично описал акт рожденья зародыша человека, как его «качественный прыжок» из одних условий бытия в совершенно другие. Мне еще придется вернуться к этому описанию, так как оно тоже имеет отношение ко времени. Но «становление» — не мгновенный акт, а долгий, ступенчатый про-

⁵ Ввиду трудности и спорности переводов многих мест у Гегеля привожу все это место для читателей в оригинале:

„Die Zeit ist die negative Einheit des Ausersichseins, ist... ein schlechthin Abstraktes. Ideales. Sie ist das Sein, das, indem es ist, nicht ist, und indem es nicht ist, ist: das angeschaute Werden, d. i., daß zwar schlechthin momentanen, d. i. unmittelbar sich erhebenden Unterschiede als äusserliche, d. i. jedoch sich selbst äusserliche bestimmt sind... In der Zeit, sagt man, entsteht und vergeht Alles... Aber nicht in der Zeit entsteht und vergeht Alles, sondern die Zeit selbst ist dies Werden, Entstehen und Vergehen... der Alles gebärende und seine Geburten zerstörende Chronos“. Zweiter Teil. Naturphilosophie. Die Zeit. § 258. Стр. 217 (Enzyklopädie).

Перевод всюду мой. Я не пользовалась ни старыми переводами, ни новым, сделанным Г. Г. Шпетом.

цесс, где каждая ступень необходима и важна сама по себе. Учение Гегеля о становлении (Werden) — одна из важнейших основ гегельянства, и понятно, насколько запутал и извратил перевод Радлова неточным термином у тогдашнего читателя представление об этом ученье.

Вот как объясняет Гегель, что такое становление:

«...дело не исчерпывается в его цели, но в его исполнении (осуществлении), так же, как результат не есть действительно целое, а только вместе со своим становлением (Werden), — цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, так же, как тенденция — пустое стремление, еще лишенное своей действительности; а голый (nackte) результат — это труп, оставивший тенденцию позади себя»⁶.

Здесь точно, как формула, передана мысль Гегеля о понимании целой вещи (дела) не по изъятому от процесса ее осуществления «голому результату», а по результату вместе со всем процессом становления. В этом становлении (Werden) необходима и неисключаема каждая его ступень, каждое его изменение. Превосходнейший образ дает Гегель для читателя, чтоб можно было зримо представить себе всю нерасторжимую цепочку звеньев такого процесса становления (Werden):

«Почка исчезает при прорезывании (Hervorbrechen) цветка, и можно было бы сказать, что последний (цветок) уничтожает первую (почку); точно так же цветок через появление плода может быть объявлен ложным бытием (явлением) растения, а как истинное бытие растения выступает плод на его место. Эти формы не только отличаются друг от друга, но и вытесняют друг друга, как несовместимые друг с другом. Однако их текучая природа делает их одновременно моментами органического единства, в котором они не только не враждуют друг с другом, а наоборот, одно так же необходимо, как другое; и эта одинаковая необходимость и составляет жизнь всего целого»⁷.

Измененья в росте и развитии растения, казалось бы, исключают друг друга, одна его ступень уничтожает другую, и необходимость ее появления связана с необходимостью исчезновенья предшествующей. Казалось бы, они антагонистичны, они несовместимы друг с другом. Но самый переход их друг в друга делает необходимостью одну ступень для появления другой, и — повторяя тут слова самого Гегеля «эта одинаковая необходимость» — делает их становление (Werden) полнотой целого, то есть растением.

Если Время (с большой буквы) отождествлено Гегелем с самим процессом становления бытия и текучесть его моментов связана с необходимым изменением форм, переходящих одна в другую, то «течение времени» уже выходит за рамки мыслительных категорий, оно перестает быть абстракцией («абстрагированием сущего»), так как оно само связано абсолютной связью с этим сущим. Связь эта выражается прежде всего в движении.

Представляет ли себе Гегель «движение» как абстрактную текучесть? Всюду, говоря о движении времени, он, наоборот, употребляет смешанный и при первом чтении просто непонятный термин, сцепленный из двух явно несовместимых слов: «рефлектирующее движение», «диалектическое движение». Нельзя представить себе такое

⁶ Привожу это место целиком ввиду его особой важности — и в оригинале и в переводе. G. W. F. Hegel. *Phänomenologie des Geistes*. Akademie-Verlag. Berlin. 1967. Vorrede, стр. 11: "...die Sache ist nicht in ihrem Zwecke erschöpft, sondern in ihrer Ausführung, noch ist das Resultat das wirkliche Ganze, sondern es zusammen mit seinem Werden; der Zweck für sich ist das unlebendige Allgemeine, wie die Tendenz, die bloße Treiben, das seiner Wirklichkeit noch entbehrt; und das nackte Resultat ist der Leichnam, der die Tendenz hinter sich gelassen".

Даже в превосходном переводе Густава Густавовича Шпета (Гегель. Сочинения, т. IV. Феноменология духа. М. 1959) есть в этой цитате неточности, и тоже роковые. Он перевел одно слово оригинала: «die Sache» — дело — двумя словами «суть дела». Но суть дела и есть его цель-результат, что совершенно противоречит мысли Гегеля, имевшего в виду именно «дело» в его длительном становлении, а не один результат. Точно так же эпитет «голый» (nackte), решающий в этом тексте, совершенно выпущен Г. Шпетом. Вот почему я предпочитаю в моих заметках давать все цитаты в собственном переводе, приводя читателю и оригинал для сверки, где это особенно важно.

⁷ G. W. F. Hegel. *Phänomenologie des Geistes*. Berlin. 1967, стр. 10.

определение в механике, в чистой математике. Движение времени идет как бы линейно, от прошлого к будущему, с одним вектором направленья — вперед⁸. Но рефлекс, то есть мысль, себе что-то противопоставляющая, как бы раздваивающая свою природу — вперед и назад, — носит оттенок антропоморфический, словно принадлежит живому субъекту. Иной раз Гегель прямо срывается в такой «антропоморфизм», где время-движение кажется читателю живым существом — «Я», «Абсолютом» («богом»), которое созерцает проходящие перед ним свои моменты как бы с неподвижной трибуны. В одном месте, говоря о внутренней и внешней необходимости для знания быть наукой, он вдруг сравнивает тождество этих двух необходимостей — с Временем «в том, именно, смысле, в каком Время представляет существование своих моментов»⁹.

Я понимаю, до какой степени трудно читателю пробираться сквозь дебри гегелевского языка и мышления. Но если даже для поэзии, где всё — и ритм, и образы, и музыкальная связь слов — помогает пониманию, даже для поэзии необходима старая, мудрая рекомендация:

Кто хочет понять поэта,
Должен отправиться в страну поэта, —

тем более для понимания гегелевской философии нужно окунуться с головой в «страну Гегеля», перенестись в ее ландшафты, в ее леса и перелески, перерезанные бесчисленными дорожками и тропинками, с удержанием в памяти главных магистралей, по которым проходят его основные мысли. Казалось бы, совершенно частная и не существенная для общей системы Гегеля проблема времени — это лишь одна из тропинок его могучего лабиринта, во главе которого стоит познающий Разум, Абсолют. Но процесс познания в его диалектической триаде происходит в движении, и метод Гегеля не может вырваться из оков времени, сам превращается в закономерности времени, и тропинка, постепенно расширяясь, переходит в магистраль. Так, в заключительной, наиболее густо насыщенной мыслями главе «Феноменологии», называющейся «Абсолютное знание», Гегель доводит «антропоморфический оттенок» своей мысли о времени внезапно до крайне сложного, но логического вывода. Сперва время оказывается «Судьбою и необходимостью Духа, который в себе незавершен»¹⁰. В «идеалистической» стране Гегеля, где реальны только понятия, это значит почти то же, что чистые категории Канта, — время есть условие (понятие), необходимое для становления (Werden) Духа, который завершает себя в процессе становленья... Но — «почти». Мы уже видели выше, что время — не только «условие» становленья, оно само это становленья. И в процессе становленья познающий себя дух (завершающий себя в познании) выносит из глубины своего опыта некую формулу равенства: Я (с большой буквы) равно Я, равно самому себе: «Это равенство Я=Я есть в самом себе рефлектирующее движение; ибо поскольку это равенство, как абсолютное отрицание, есть абсолютная разница (Гегель имеет в виду противоречивые состояния рефлектирующего движения), — само себе равное Я противостоит этой чистой разнице, как чистое и одновременно противостоящее предметное, — выражаемое, как В р е м я, так что — если раньше гут выражалась сущ-

⁸ За последнее время в физике появляются работы о так называемом «обратном» ходе времени. См. об этом интересную статью В. П. Казарян «Относительно представление об обратном течении времени» («Вопросы философии», № 3, 1970, стр. 98).

⁹ „Wie die Zeit das Dasein ihrer Momente vorstellt“. „Phänomenologie des Geistes“, стр. 12.

¹⁰ „Die Zeit erscheint daher als das Schicksal und die Notwendigkeit des Geistes, der nicht in sich vollendet ist“. Там же, стр. 558.

В переводе Густава Шпета это место звучит так: «В р е м я есть само п о н я т и е, которое н а л и ч н о есть и представляется сознанию как пустое созерцание; в силу этого дух необходимо является во времени, и является до тех пор во времени, пока не п о с т и г а е т свое чистое понятие, т. е. пока не уничтожает время. Время есть в н е ш н я я, созерцаемая, чистая самость, не п о с т и г н у т а я самостью, [т. е.] лишь созерцаемое понятие; когда последнее постигает само себя, оно снимает свою временную форму, постигает созерцание в понятии и есть созерцание, постигнутое и постигающее в понятии. — Время поэтому выступает как судьба и необходимость духа, который не завершен внутри себя...». Гегель, Сочинения, том IV «Феноменология духа», перевод Г. Шпета, стр. 429. У Гегеля время «da ist» — «здесь оно»; в переводе Г. Шпета — «налично есть», что более или менее точно, хотя несколько материализовано.

ность, как единство мышления и протяжения, теперь следовало бы ее воспринять, как единство мышления и времени; но предоставленная самой себе разница, лишенное покоя и остановки время (*ruhe = und haltlos Zeit*) уходит само в себя (*fällt... in sich selbst zusammen*); оно — это предметный покой протяжения, а этот последний — чистое равенство в себе самом, — Я» (субъект)¹¹.

Мы видим тут превращение времени в познающий Субъект, а дальше идет отождествление Субъекта с Субстанцией. Таким образом в процессе становления (*Werden*) познающий себя Дух становится тождественным со своим становлением, — метод как бы превращается в содержание. Но для Гегеля философский метод всегда сливался с содержанием. Он высказал это в предисловии к «Феноменологии»: «Ибо метод есть не что иное, как построение целого (*der Bau des Ganzen*), представленное в его чистой существенности»¹².

В своих определениях времени (а их рассыпано у него немало) Гегель противоречив и нередко туманен. Время обозначается у него то как «ход» (*Gang*), то как чистое понятие (*Begriff*), то как течение (*Flüssigkeit*). Но, кроме основной формулы «время само есть становление» (*Werden*), в его определениях намечаются некоторые черты, упорно повторяющиеся, которые можно отнести к более или менее устойчивому представлению о времени, — и это у Гегеля можно вынести за скобки всех его разноречий, отчасти связанных с разными контекстами и объясняемых различными задачами этих контекстов. Так, — время у него всегда связано с движением. А движение часто получает эпитеты «диалектическое» и «рефлектирующее». Самую диалектику, разворачивающую себя в триединстве (*Triplizität*), Гегель изображает подобной движению, находящейся в движении. Но время-движение имеет у Гегеля одну неизменную особенность. Мы уже видели выше, как «Время», словно с вершины или с трибуны, созерцает свои «моменты», то есть оно как бы разделено в самом себе на субъект-объект, на то, что представляет собой текучесть, и то, что представляет собой покой. В немногих местах своего сложного, запуганного и напряженно-растянутого языка Гегель вдруг вкрапывает жемчужины поэтической образности, и это озаряет теплым солнечным светом все его страницы. Одно такое поэтическое место отдано двуединству времени — состоящему из слитности движения и покоя и отождествляемому с процессом самого бытия

Не сразу доходит читатель до этого поэтического места — ему предшествует долгое, очень простое по сути, но сложное по синтаксису место, важное для понимания мысли Гегеля. Надо иметь в виду, что понимать Гегеля в оригинале иногда легче, нежели в переводе, благодаря особенности немецкого языка, на котором имена существительные пишутся с большой буквы. У Гегеля имена существительные (Я, Субъект, Субстанция) играют ведущую роль, особенно производные от прилагательных (Позитивное, Негативное, Истинное, Действительное), и написание их с заглавной буквы как бы выделяет их из контекста, привлекает к ним внимание читателя. При переводе эта невольная акцентировка на существительном при помощи заглавной буквы как-то потухает, и мысль Гегеля становится труднее усвоить. Место, о котором я сейчас пишу, по смыслу совсем не трудное. Отождествляя течение времени с процессом жизни, Гегель развивает тут свою диалектическую мысль о том, что правды и лжи, как чего-то изолированно друг от друга существующего, нет, они — «Моменты процесса, зависимые друг от друга, порождающие друг друга в диалектическом движении-времени».

Для настоящей философии, пишет Гегель, «...не Абстрактное или Недействительное — ее элемент и содержание, а Действительное, само себя полагающее и в себе живущее, — бытие в своем понятии. Это процесс, который вырабатывает себе свои моменты и пробегает их, а все это движение составляет Позитивное и его Правду. Но оно (это движение) включает в себе также и Негативное, то, что могло бы быть названо Ложью (*das Falsche*), если рассматривать его, как возможное для абстрагирования. Исчезающее можно скорей само рассматривать, как существую-

¹¹ „Phänomenologie des Geistes“, стр. 560.

¹² Там же, стр. 40.

щее, не в смысле чего-то твердого, отрезанного от Правды и вне ее где-то положенного; точно так же и Правду нельзя рассматривать, как покоящееся на другой стороне мертвое Положительное. Явление — это возникновение и прохождение, которое само не возникает и не проходит, а заключает в себе и составляет Действительность и движение жизни Истинного». Я позволила тут себе для читателя поставить заглавные буквы у тех существительных, которые служат вехами для рассуждения Гегеля. Время — диалектично, как процесс самого бытия; его «моменты» противоречивы. Нет правды без ее антипода, лжи, необходимого для понимания понятия правды. У Гегеля — все это мир понятий, чистое становление познающего себя разума, но выдерните отсюда придаточные предложения, говорящие о «возможности абстрагировать», — и перед вами материальное бытие с материальным процессом движения-времени. Далее следуют строки, внезапно переходящие в яркий образ двуединства времени (безостановочности и покоя):

«Истинное есть, таким образом, вакханалия (вакхическая пляска, *bacchantische Taumel*), в которой нет ни одного неопьяненного, но каждый, отдельно от другого, целиком растворяется в ней, — а она в то же время есть прозрачный и простой покой»¹³.

Вакханалия, вакхическое стремительное движение, где каждый пьян, — и растворение в ней каждого пляшущего, как в прозрачном, простом покое! Этот образ времени, кружащего в своем противоречивом беге человеческие жизни, встречает нас и у Гёте (с которым у Гегеля много таких духовных встреч), в знаменитом двустишии:

Und alles Drängen, alles Ringen
ist ewige Ruh in Gott dem Herrn¹⁴.

(И все стремленья, все боренья есть вечный покой в госпoде-боге.)

Сплошное безостановочное время сливается в неподвижность покоя подобно тому, как стремительно вращающиеся частицы летят перед вашими глазами одной слитной лентой. Однако в моментах, на которые разделяет себя время, присутствует именно та противоречивая последовательность переходов, о которой говорил Гегель, описывая эволюцию почки в растении. Эта последняя, то есть последовательность, тоже одна из неизменных черт времени, и она придает движению (а через него и времени) важное у Гегеля качество: и с т о р и з м. Именно тут, мне кажется, прступает у Гегеля с наибольшей ясностью его природный, скрытый для него самого материализм.

II

Я уже обещала читателю вернуться к описанию Гегелем акта рождения человека из материнского лона, как качественного прыжка из одних условий бытия в другие условия. Этот «качественный прыжок» того, что было «зародышем», пребывавшим

¹³ „Phänomenologie des Geistes“, стр. 39.

Здесь я опять должна обратить внимание читателя на неточность перевода Г. Шпета, имеющую большое значение для правильного понимания текста: слово «*Taumel*» означает толчею, сумятицу, его можно в связи с эпитетом «вакхический» перевести пляской, вакханалией. Тут важен именно момент движения, противопоставленный простому покою. У Шпета слово «*Taumel*» переведено, как вакхический восторг, а опьянение — как упоение. Получается не образ движения, а образ психического состояния, и гегелевское противоположение динамики времени его статике, а движенья — покою теряет свой смысл, как и прямое отношение этого образа ко времени вообще. Обидно встречать такие неточности неисправленными в новейшем нашем издании Гегеля.

¹⁴ Вот это замечательное «гегельянское» стихотворение Гёте целиком:

Wenn im Unendlichen dasselbe
sich wiederholend ewig fließt,
das tausendfältige Gewölbe
sich kräftig ineinander schließt:
Strömt Lebenslust aus allen Dingen,
dem kleinsten wie dem größten Stern,
und alles Drängen, alles Ringen
ist ewige Ruh in Gott dem Herrn.

(„Über allen Gipfeln“, Goethe's Gedichte, стр. 284).

в совсем особой замкнутой среде питания и роста,— в родившегося «на свет божий» ребенка, начинающего дышать и пребывать в абсолютно для себя новых условиях,— стал для некоторых современных биологов примером гегелевской диалектики уже не мышления, а самого процесса бытия. Помню, как на XV конгрессе физиологов в Ленинграде один из английских делегатов привез даже огромную йоркширскую свинью «на последнем месяце», чтоб искусственно вскрыть ее и показать аудитории акт рождения поросенка (со всей научной медицинской аппаратурой!), как сперва смерть — при переходе из чрева матери в воздушную атмосферу, а потом с первым глотком воздуха — начало нового бытия. Гений Гегеля, однако же, не только предвосхитил этот диалектический момент в биологии, кстати сказать, общий у ребенка с растением («если зерно не умрет, оно не воскреснет») и в глубоком его значении сформулированный у Гёте:

Und solange du das nicht hast,
dieses: stirb und werde!
bist du nur ein trüber Gast
auf der dunklen Erde¹⁵.

(И до тех пор, пока ты не пройдешь через это: умри и стань! — ты только печальный гость на темной земле).

Гений Гегеля пошел дальше этого. В двух стадиях рождения даны два бытия с противоречивыми условиями существования. Важен не только момент перехода из одного в другое, но и самые стадии этого бытия. Зародыш (Эмбрион, Eмbrго) живет, но как? Он еще не индивидуальность, не получил самостоятельного бытия. Он еще как бы кусочек природы. Он безличен, у него пока нет самосознания, но какая-то форма сознания присуща ему, пока — не личная. И тут у Гегеля появляется слово, которое, как музыкальный мотив, проходит через его труды и претерпевает, опять подобно музыкальной теме, удивительнейшее развитие на последней странице «Феноменологии». Слово это — «вспоминание». Эмбрион еще не сознает себя; он еще не ограничен от природы рамками индивидуальности, которую ему придется выработать после рождения. Но в нем, как в куске природы, таится огромный запас накопленного человечеством знания и опыта, и он, пока не родился (не «умер», чтоб «родиться»), держит в себе эти знания, как природа свои законы, и — вспоминает их. Я излагаю тут Гегеля на самом общем языке. Если перейти на идеалистический язык,— в эмбрионе сбережено все накопленное становление познающего себя, Разума за истекшие миллиарды лет, и оно, это накопленное,— из смутного, еще не вовсе ушедшего воспоминания в ребяческом возрасте, когда обособленность младенца от Мирового Разума (индивидуальность) недостаточно окрепла,— постепенно стирается, забывается, уходит вовнутрь с годами развития и роста. Со страницы 16-й «Феноменологии» эта мысль Гегеля, выраженная в его идеалистической оболочке, не перестает тревожить и захватывать читателя.

«В то время как с одной стороны первое появление (Erscheinung) нового мира есть сперва только закутанное в свою простоту целое или его общая почва,— в сознании, наоборот, еще во всем наличии сохраняется богатство предыдущего существования, как воспоминание»¹⁶. Младенец еще «вспоминает» (!) прошедшее становление Мирового Духа в его историческом странствии через тысячелетия культур, их расцветов, их падения, их наследств! Чем старше становится он, чем сильнее сознание переходит в ограниченное самосознание крепнущей, обособленной индивидуальности, тем смутней, тем дальше уходит воспоминание, словно в мертвую катушку кибернетической памяти. Поскольку «сознание» младенца еще не обрело самосознания, оно не может быть передано, оно не может быть высказано, а когда самосознание с возрастом приобретает и живое существо становится индивидуумом,— воспоминание забыто (ушло) и человеку уже нечего передать. Но ушло оно — в глубь времени, в состояние «покоя» времени, делая уже само время «хранилищем» всего, пережитого че-

¹⁵ Goethe. Selige Sehnsucht (Из Западно-Восточного Дивана). „Über allen Gipfeln“, стр. 16.

¹⁶ „Phänomenologie des Geistes“, стр. 16.

ловечеством. Правда, в обычной жизни случаются у людей минуты, когда они вдруг «вспоминают» нечто, с ними раньше никогда не бывшее, не виденное, не слышанное, — кусок природы, происшествие, — и спрашивают себя: «Это когда-то уже видно, слышано мной, — знакомо мне». Правда, в обычной жизни мать подчас удивляется старческому облику и выражению новорожденного, его мутным глазам, словно обращенным внутрь себя и отнюдь не «детским». Но Гегель не приводит в пример эти обыденные, субъективные состояния. Он берет в пример юношу-подростка, который получает образование. И на своем головоломно-гегелевском языке необыкновенно убедительно рассказывает, как самый процесс усвоения исторических знаний, самая возможность связанного, яркого представления об исторических культурах, о начале их и развитии — падает на подготовленную почву миллиарднолетнего опыта Мирового Духа (частичей которого индивидуум является) и поэтому становится легким и доступным. Подсознательное, как сказали бы нынче, «воспоминание» лежит в основе образования человека:

«Единичный человек должен пробежать и по содержанию все ступени образования Мирового Духа, но как уже сброшенные Духом образы, как ступени пути, который был уже отработан и пройден; так, в отношении знаний мы видим, как в ранние времена занимавшее зрелый дух мужей — опустилось в знания, упражнения и даже игры мальчиков; и будем узнавать в педагогических достижениях как бы в теновом очертании историю развития человечества. Это прошлое бытие есть уже приобретенная собственность всеобщего Духа, который составляет субстанцию Индивидуума, а с внешней стороны является ему его неорганической природой. В этом смысле образование является — с точки зрения Индивидуума — тем, что он приобретает данное, поглощая свою неорганическую природу и делая ее своей собственностью; а с точки зрения всеобщего Духа — тем, что субстанция, которой он является, дает себе свое самосознание, выявляет (herzorgbringt) свое становление и свою рефлексию»¹⁷.

Место это исключительно важно не только по глубине своего содержания. В недалеком прошлом было в моде вышивание крестиками по канве. На полотно накладывался кусок канвы и сквозь нее вышивался узор. Когда весь он был перенесен на канву, она выдергивалась из-под крестиков, и вышивка оказывалась на полотне. Все это место похоже на накладку узора сквозь канву идеалистической терминологии. Почти механически можно выдернуть эту терминологию из-под рисунка — и тогда окажется перед нами чистый материализм. Мы состоим из мельчайших частиц материи, которые не исцзают (не умирают), а только делаются. Эти частицы слагали бытие миллиарды лет назад и слагают его сейчас. Если «память» хранится где-то, — она может храниться лишь в них и через них. Бытие — природы и человека — несет в себе все пройденные ступени развития, весь путь человечества, и ничто живое не может отрешиться от пройденного, не может сбросить его последовательности, выйти за его круг — за круг Времени-становленья. В этом особый историзм Гегеля, сейчас, как никогда, нужный и важный для постижения человечеством. И отсюда — особый образ Времени, как хранилища Памяти.

На самой последней странице «Феноменологии» Гегель сделал совершенно необычную для себя вещь. Он никогда не был семантиком, не любил играть в различное значение слов, забавляться их смысловым делением, подобно, например, нашему Андрею Белому, всерьез превращавшему человека в «чело века». И вдруг Гегель, заканчивая мудрейшую и труднейшую свою книгу, в самом конце главы «Абсолютное знание» проделывает своеобразную семантическую игру со словом «воспоминание» (Erinnerung). Послушаем заключительное слово той своеобразной мудрости, того, что сказано Гегелем о Жизни и Смерти в этой книге, пронизанной нитью Времени с большой буквы:

«Другая сторона его Становления, история, есть знающее себя обусловливающее Становление, — дух, отключенный во Время (отданный Времени); но это отключение (отрешение) есть также и отключение от отключения; Отрицательное есть отрицание себя самого. Такое становление представляет движение духов и следование их друг за другом, — галерею картин, из которых каждая, наделенная пол-

¹⁷ „Phänomenologie des Geistes“, стр. 27.

ным богатством духа, именно потому движется так тяжело (träge), что должна все это богатство своей субстанции пронизать и переварить. В то время, как законченное совершенство индивидуума состоит в том, чтобы то, что он есть, его субстанцию, полностью узнать,— будет это узнание уходом его в себя самого (Insiehgehen), при котором он покидает свое бытие и передает свой образ Воспоминанию. В своем уходе в себя самого он погружен в ночь самосознания, однако его исчезнувшее бытие сохранено в нем (в воспоминании); и это снятое бытие — прошлое, но рожденное заново из знания — есть новое бытие, новый мир и новый образ духа. В нем предстоит ему также свободно начинать в его непосредственности и снова вырастать над ним, как если бы все прежде бывшее было для него потеряно, и сам он из опыта предыдущих духов ничему не научился. Но Воспоминание (Er-Inneung) сохранило его, и оно есть это Внутреннее (Innre),— на самом деле — высшая форма Субстанции»¹⁸.

Здесь «семантическая игра» заставила Гегеля разделить слово «воспоминание» (на русском это разделение ничего не дает!): E r - I n n e u n g — на слова «он» — E r — и «внутреннее», верней «уход внутрь» — I n n e u n g. Человек ушел внутрь в свою субстанцию и сохранил там свое бытие, как воспоминание. Без идеалистической канвы — он ушел обратно в материю, и бытие его хранится, как память, в каждой мельчайшей частице, составлявшей его бытие. Но в противоположность магнитофонной кассете оно не стирает ранее в ней заложенного...

А все вместе, метод и содержание, как бы уходят во Время с большой буквы, которое само есть становление, возникновение и прохождение... и память.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знал ли Владимир Ильич Ленин учение Гегеля о времени? Вытягивал ли он идеалистическую канву из-под материалистического рисунка тех мест, где Гегель касался проблемы времени?

Представим себе Ильича над его знаменитыми философскими тетрадами. Он читает «Лекции по истории философии» Гегеля. Он читает их страстно, с тем высоким волнением ума, с той захваченностью чтением, когда карандаш в руке все время врывается в читаемое. Ленин переписывает для себя остановившие его внимание места, он их подчеркивает, он ставит на полях свои замечания, записывает свой вывод. Вот он читает у Гегеля: «Сущность времени и пространства есть движение, потому что оно всеобщее; понять его значит высказать его сущность в форме понятия». Ленин дважды подчеркивает это место и ставит на полях с восклицательным знаком: верно!¹⁹.

Он списывает для себя весь этот абзац и пишет дальше уже от себя свой собственный вывод из мыслей Гегеля: «Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий»²⁰. Так сжато и скупс Владимир Ильич сразу схватывает и формулирует то, что мы уже знаем, как «рефлектирующее движение», «диалектическое движение», «движение, как единство безостановочной скорости и покоя»...

Ленина захватывает эта мысль о времени, он переписывает все дальше и дальше места, где Гегель как бы повторяет то, что уже сказано в цитате из «Энциклопедии»: «...Когда мы вообще рассуждаем о движении, то мы говорим: тело находится в одном месте и затем оно переходит в другое место... Двигаться же означает быть в этом месте, и в то же время не быть в нем; это — непрерывность пространства и времени, и она-то именно и делает возможным движение»²¹. Опять на полях дважды подчеркнуто, стоит нотабене и горячее ленинское согласие: верно!

¹⁸ „Phänomenologie des Geistes“, стр. 564. Пусть читатель сам проделает тут выдергивание идеалистической канвы из-под чисто материалистического рисунка!

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 231.

²⁰ Там же, стр. 232.

²¹ Напомню читателю цитату из «Энциклопедии»: «Время... это бытие (das Sein), которое в то время, как оно есть — уже не есть, а в то время, как оно не есть, оно уже есть...». „Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse“. Leipzig, 1905, стр. 216—217.

Насколько эти гегелевские прозрения о природе времени поняты Лениным материалистически и близки ему, мы видим из его собственных страниц в «Материализме и эмпириокритицизме». В основном положении, с которого начинается подглавка «Пространство и время», Ленин пишет:

«Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства, в отличие, прежде всего, от кантианства, которое в этом вопросе стоит на стороне идеализма, считает время и пространство не объективной реальностью, а формами человеческого созерцания»²².

И дальше: «Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира»²³.

Объективная реальность мира — это признание его материальной сущности. Пространство и время — не формы человеческого созерцания, они объективно реальны, а следовательно, материальны. Время — это движущаяся материя, а значит, само оно (становление, возникновение и прохождение) процесс материальный.

Ленин не делает такого вывода «в лоб» «Реальное», как понятие, нельзя, разумеется, отождествлять с «материальным», как понятием. Но Ленин говорит: «объективная реальность внешнего мира», понимая под этим материальность мира. В приведенной выше ленинской цитате из «Материализма и эмпириокритицизма» говорится про «объективную реальность» пространства и времени. Ленин, далее, утверждает, что решение проблемы времени теснейшим образом связано с тем, на какой позиции стоит философия — идеалистической или материалистической: «Учение о пространстве и времени неразрывно связано с решением основного вопроса гносеологии: представляют ли из себя наши ощущения образы тел и вещей, или тела суть комплексы наших ощущений»²⁴.

И с остроумием, никогда его не покидавшим, он дает чудесную концовку своим мыслям о природе времени:

«Может устареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроны, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви. А философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства, так же нелепа, внутренне гнила и фальшива, как отрицание этих последних истин»²⁵.

Учение о природе времени Гегеля еще совсем не разработано философами. Оно теснейшим образом связано с принципами его диалектики и с общим построением его системы, во главе которой он поставил познающий себя Мировой Дух. Но именно связь основных узлов его системы с проблемой времени и необходимость так или иначе решить ее, а в то же время невозможность провести это решение, не разорвав канвы идеалистических оболочек, — становится все яснее и яснее каждому, кто читает Гегеля для себя и в оригинале.

И четкие взгляды Ленина, его коротенькое, страстное «верно!» при чтении гегелевских мыслей о времени и пространстве помогают исследователю на трудном пути изучения этой важной проблемы у великого философа.

Переделкино,
12—28 мая 1970.

²² В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Издательство политической литературы. М. 1969, стр. 171.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 174—175.

²⁵ Там же, стр. 181.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Д. БОЛЬШОВ

★

БЕЗ ПОЗИТИВНОЙ ПРОГРАММЫ

(О некоторых тенденциях в молодежном бунтарстве)

В западногерманском журнале «Штерн» помещены фотографии, отображающие некоторые эпизоды из жизни «Коммуны-1», штаб которой, как сообщается, расположен в Западном Берлине в двух-трех минутах ходьбы от Моабитской тюрьмы. Девиз «коммунаров»: «Сначала революция и только потом удовольствие». На одной из фотографий — группа обнаженных до пояса юношей и девушек позирует фотографу. На другой — «коммунары» за довольно скромной трапезой; в глубине комнаты у общего ложа, рассчитанного человек на двадцать, совершенно нагая девушка убирает свою постель. «Коммунары» не пьют спиртного, они курят гашиш.

Судя по девизу, молодежь претендует на роль революционеров. Судя по нравам... Но не будем торопиться с ответом. Попытаемся разобраться.

У «коммунаров» равенство. Они помогают друг другу по «домашнему хозяйству» кто чем может. По очереди ходят в магазин, по очереди готовят, вместе едят. Чувство смущения от неприкрытой наготы отрицается тоже во имя равенства, равенства полов, и — протеста против превращения наготы в предмет разврата.

Итак, протест...

«Подвергнутая манипулированию молодежь» не хочет более позволять собой манипулировать, отмечает В. Холлштейн в статье «Молодежь в подполье», опубликованной в журнале Социалистической партии Австрии «Цукунфт». Насаждаемому существующей общественной системой образу жизни молодежь пытается противопоставить что-то свое. И это ее стремление, как свидетельствует автор, выражается, в частности, в создании так называемых «антиобществ» со своей «антикультурой», со своими театрами, школами, даже со своей внутренней системой обмена, с собственными банками. Эти антиобщества, по замыслу их создателей, должны утвердить себя в качестве «ячеек, свободных от влияния господствующей системы, ячеек, где общность протеста юных имеет возможность развиваться и дальше двигать процесс эмансипации, не подвергаясь какому-либо принуждению». Молодые инициаторы эмансипации предполагают, что уже само существование антиобществ с их антиинститутами вызовет процесс революционизации господствующего общества и его институтов. Но как?

«Сокращение потребления должно разрушить существующую систему потребления», — утверждают теоретики антиобществ и призывают к бойкоту этой системы. Одну из форм этого бойкота они видят, например, в отказе от не вызванных необходимостью покупок. «Не покупайте ничего лишнего!» — обращаются они к населению, полагая, что следование этому принципу будет способствовать преодолению буржуазно-сбытательской страсти к личному обогащению как к средству отгородить себя от внешнего мира мешански понимаемым уютом.

Весь образ жизни антиобществ, пишет английская газета «Гандалф гарден», это «вскрик нового поколения, которое ищет альтернативу разрушительным силам сегодняшнего мира».

Значит, не только протест, но и поиски альтернативы. Что же, жизнь буржуазного Запада дает предостаточно оснований и для того и для другого.

Молодое поколение в странах капитала действительно все более охватывается революционным брожением, все более активно выступает против попыток буржуазии урезать демократические права трудящихся, против милитаризации буржуазного общества, против империалистических войн. Тем не менее обращение к фактам показывает, что выступления некоторых групп молодежи далеко не всегда еще достаточно целеустремленны, а подчас и весьма далеки от того, чтобы способствовать прогрессивным преобразованиям.

При явном росте, а в последние годы и преобладании в среде молодежи сознательного протеста против социальных устоев капитализма, для деятельности многих ее отрядов и группировок характерны идейная и организационная слабость, крайняя путаница во взглядах на цели и средства борьбы. Пассивно-утопические формы протеста с их лозунгами: «Деньги — это ложь Освобождайтесь от их влияния!», «Предавайтесь любви, а не войне!» — переплетаются с моральным нигилизмом и переходящим в крайнюю моральную распушенность индивидуалистическим стремлением утвердить независимость собственного Я путем отказа от всяких нравственных и сексуальных запретов. Эмоционально-романтическое бунтарство с его склонностью к действиям спонтанным, определяемым лишь эмпирически, а не программно, перерастает нередко в бунтарство анархистского толка с призывами отвергнуть все существующие представления о человеке и культуре, а растерянность перед осуществляющей власть монополий государственной бюрократией — в отрицание всякой государственности и всякой организованности вообще.

Наивно и неправильно было бы объяснять эти заблуждения лишь недостаточной опытностью чисто возрастного характера, хотя по своему внешнему выражению многие «акции» молодых бунтарей могут произвести впечатление шалостей, в крайних случаях — хулиганских выходов или необдуманно дерзких выступлений. Заблуждения молодых инициаторов протеста имеют в основе своей глубоко социальные причины, и свидетельствуют они о том, насколько еще многое запутано в этом мире для тех, кому, как отмечал В. И. Ленин, «недостает (а) понимания причин эксплуатации; (б) понимания развития общества, ведущего к социализму; (в) понимания классовой борьбы, как творческой силы осуществления социализма»¹.

Конечно же, есть ошибки и ошибки. Многие из них допускаются молодыми людьми, ставшими на путь мужественной политической борьбы, действительно из-за неопытности, подчас излишней самоуверенности, нетерпеливости и несдержанности, из-за недостаточных контактов с авангардом революционных сил. Как неизбежный продукт сложностей классовой борьбы, такие ошибки при положительном стремлении обычно диалектически отрицаются практикой. Об этом свидетельствует эволюция политической активности молодежи к более тесным совместным действиям со всеми демократическими течениями и их основной силой — рабочим классом. Однако псевдореволюционные идеи, анархистские тенденции, подогреваемые экстремистскими силами, продолжают еще наносить серьезный вред антиимпериалистической борьбе. Под их влиянием находятся еще значительные слои молодежи. О заблуждениях этого толка и пойдет речь в данной статье.

* * *

«Происшествие было само по себе обычным,— сообщил недавно об одной из акций протеста западногерманский журнал «Шпигель».— Одна дама голой легла в постель, тут же рядом специально была зарезана свинья, здесь же один мужчина отправлял свои естественные потребности. И все же Брауншвейг, город Тилия Уленшпигеля, пришел в возбуждение. Ведь все это было продемонстрировано в местном «Городском высшем училище изобразительного искусства» и было представлено как художественная программа: «по случаю рождества (так сообщалось в афишах) один из ведущих венских художников хеппеннга, Отто Мюэль, устраивает свою «материальную акцию»...»

Сначала Мюэль, как всегда в таких случаях голый, декламировал стихотворение,

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 377.

в котором осуждаются рождественское пьянство и обжорство. Под звуки рождественских песенок позволил он затем подмастерью мясника на застланной белым бельем кровати убить свинью. В заключение Мюэль вывалил на свою партнершу, лежащую в постели, свиные кишки и пузыри и измазал ее нечистотами.

Эту свою «акцию», как объясняет сам Мюэль, он устроил в знак протеста против массовых убийств, совершающихся во всем мире из-за столкновения интересов различных групп капиталистов и их агрессивных действий. Появление его и его сотрудников голыми во время устраиваемых ими «акций» он объясняет их желанием бросить вызов обществу, которое табуизирует наготу. «Разврат для меня не существует,— заявил Мюэль, по свидетельству журнала «Штерн»,— это вымысел впавших в старчество судей». Лишь опасаясь уголовного наказания за соучастие в самоубийстве, Мюэль разорвал контракт с человеком, который должен был во время одной из «акций» отрезать себе нос, уши, выпустить кишки.

Приведение подобного рода примеров может, пожалуй, быть расценено как стремление заинтриговать читателя специально подобранными сенсациями. Но дело-то как раз в том, что и «материальная акция» в Брауншвейге и «коммуны» — не единичные явления, не просто выходы расшалившихся или решивших удивить всех своей оригинальностью юнцов, а формы поведения и действий, отвечающие определенным позициям, определенным направлениям «бунта» и «протеста». Причем действия эти не так уж «спонтанны», как это подчас трактуется их участниками. При более внимательном рассмотрении оказывается, что устроители «массовой терапии», шефы и антишефы «коммун» и многие другие активисты бунтов и протестов опираются в своей деятельности на теории, с авторами которых они связаны более тесными, чем возрастные, узами — классовыми, социальными.

Неправильно было бы, конечно, судить о деятельности конфликтующей с социальными устоями капиталистического общества молодежи, основываясь лишь на приведенных здесь и подобных им примерах. Трудящаяся и прежде всего рабочая молодежь, как это подчеркивалось на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года в Москве, все активнее включается в классовую борьбу, вступает в профсоюзы, в коммунистические и другие демократические организации, участвует в крупных народных выступлениях против империализма, за демократию, мир и социализм. «Мы являемся свидетелями бурного подъема молодежного движения в странах капитала,— говорил Л. И. Брежнев в речи на XVI съезде ВЛКСМ.— Это важный симптом углубления общего кризиса капитализма. Молодежь не хочет мириться со строем эксплуатации, с кровавыми авантюрами империализма. Мощные выступления молодых рабочих, крестьян, студентов, массовость и наступательный дух их действий стали в последние годы серьезным фактором политической борьбы в капиталистических странах».

Важнейшую роль в этой борьбе играет коммунистическая молодежь, в исключительно трудных условиях поднимающая юношество на активное участие в классовых битвах пролетариата. Об этой высокой роли, о все возрастающем авторитете молодых коммунистов говорилось, например, на состоявшемся в мае этого года пленуме Центрального комитета Французской коммунистической партии. В резолюции пленума «О работе партии среди молодежи» подчеркивалось, что все большее число молодых людей признает в коммунистической партии и движении коммунистической молодежи носителей своих революционных надежд, что «все большее число молодых рабочих и служащих, студентов и лицеев присоединяется к борьбе за удовлетворение экономических требований, за социальный прогресс, за мир, демократию и социализм».

В отчетном докладе ЦК ВЛКСМ XVI съезду комсомола приводились, например, следующие данные: если в 1966 году в забастовочном движении в развитых капиталистических странах участвовало около 12 миллионов молодых трудящихся, то в минувшем году их число превысило 25 миллионов. При этом выступления молодежи и студенчества становятся все более организованными и все теснее смыкаются с рабочим движением, а требования молодежи все чаще перерастают в политические. Вот уже четверть века последовательно борются за единство и сплоченность прогрессивной молодежи мира Всемирная федерация демократической молодежи и Международный союз студентов. Последние годы свидетельствуют о все крепнущей сплоченности их

рядов, повышении их авторитета. В ходе упорной классовой борьбы прогрессивная молодежь капиталистических стран совершенствует свои организации и там, где это оказывается необходимым, создает новые в соответствии с новыми условиями обстановки и ростом политической зрелости молодежи. Так возникли Лига коммунистической молодежи Канады, комсомол Австрии, организация Немецкой социалистической рабочей молодежи в ФРГ. В феврале этого года состоялся учредительный съезд Союза молодых рабочих за освобождение в США. Съезд проходил под девизом: «Только молодежная организация, взявшая за основу учение марксизма-ленинизма, может объединить молодое поколение Америки на борьбу против империализма, войн, эксплуатации, расизма». В принятой на съезде программе отмечается, что шестидесять годы характеризовались значительным усилением боевого духа и радикальных настроений молодежи. Однако, подчеркивается в документе, слабым местом в этом движении было отсутствие определенного направления и руководства со стороны рабочего класса. «Советский Союз — ведущая сила социалистического лагеря — сейчас завершил строительство социализма и движется к созданию бесклассового общества — коммунизма, — говорится в программе. — Социалистический лагерь, национально-освободительное движение и рабочий класс в капиталистических странах стали сейчас настолько сильны, что именно они, а не империализм, превратились в доминирующую силу на мировой арене». На съезде было установлено, что Союз подаст просьбу о приеме его во Всемирную федерацию демократической молодежи, установит тесные связи с Международным союзом студентов, с марксистско-ленинскими молодежными организациями всех стран, с мировым коммунистическим движением.

Как видно из приведенных фактов, политическую активность молодежи в странах капитала неправильно было бы рассматривать как хотя бы относительно однородное явление, как некий общий протест поколения, имеющий основным знаменателем лишь возрастной статус.

* * *

Общественно политическая активность молодежи привлекает в последнее время серьезное внимание буржуазной прессы. Естественно, что внимание это далеко не всегда бывает вызвано стремлением беспристрастно изучить новое. Различие мировоззренческих позиций буржуазных исследователей, подчас весьма и весьма далеких от научного подхода к анализу общественных явлений, приводит к множественности выводов, заслоняющей суть дела, а их классовое положение нередко толкает их к заведомо тенденциозным извращениям. Беспристрастность исследования отступает в таких случаях перед тревогой за опасность «подрыва устоев» и стремлением буржуазии подчинить своему влиянию отдельные отряды молодежи, внести раскол в крепнущую солидарность прогрессивных сил.

Раскол, как известно, всегда был одним из любимых видов оружия классового врага. Крупная буржуазия и сейчас использует все возможные средства, чтобы восстановить одних трудящихся против других трудящихся, молодежь — против рабочего класса, против его профсоюзных организаций, против коммунистической партии. И одно из этих средств — подстрекательство молодежи к авантюризму, пособничество проискам левацких провокаторов.

В статье «Ни «левые», ни пролетарии...», напечатанной во французском еженедельнике «Ви увриер», следующим образом характеризуется эта провокационная деятельность леваков: «Кто теперь удивится при виде левацких провокаторов, снова спешащих на помощь правительству или предпринимателям? В 1968 году их предзнамененные неистовые выходы пришли весьма кстати представителям крупного капитала, столкнувшимся с крупнейшей забастовкой за всю нашу историю. Хозяевам было весьма выгодно, что нашлись люди, взявшие на себя задачу запугать часть населения и помочь им смешать в одну кучу трудящихся, боровшихся за удовлетворение своих справедливых требований, и «анархистов» всех мастей, гоговорящих «великий вечер» при свете горящих автомашин в Латинском квартале». В статье рассказывается далее о провокационной и раскольнической деятельности групп, называющих себя «левыми пролетариями», этих, как отмечает еженедельник, «суперреволюционных жонглеров»

фразами и железными прутьями», объявивших своей целью борьбу против коммунистической партии и ВКТ.

«Когда речь зашла о борьбе против увеличения тарифов парижского транспорта,— говорится в статье,— они не смогли придумать ничего лучшего, как нападение на служащих Автономного управления парижского городского транспорта. Они избивали контролеров на станциях метро «Марсель—Семба» и «Бийанкур», нападали на пассажиров, рвали их билеты. Наивно полагать, что это лишило сна лиц, ответственных в правительстве за политику цен...

На заводах «Рено» в Бийанкуре под предлогом борьбы с повышением цен на обеды в столовых Комитета предприятия они организовали настоящее вооруженное нападение... на работников этих столовых, разбили все, что попало под руку, и ранили нескольких активистов ВКТ».

Вполне возможно, что многие из нападавших действовали искренне, полагая, что таким образом вносят свой вклад в борьбу против эксплуатации. Тем более трагичны их заблуждения. Тем более эти их заблуждения свидетельствуют, что искренность протеста при неумении распознать врага, при крайней путанице в определении причин неудовлетворенности существующим далеко еще не является гарантией успеха.

Сколько же энтузиазма, задора, невозвратимой энергии молодости тратится бесцельно, а то и используется в корыстных целях рядящимися в революционные одежды правыми и «левыми» провокаторами различных мастей и прямой агентурой паразитствующей олигархии! В конечном счете и те и другие делают все возможное, чтобы воспрепятствовать развитию классового сознания молодежи, не допустить, чтобы ее огромная энергия влилась в общий поток антиимпериалистической борьбы. Потери, однако, не только в этом, но и в возникающих на основе неудач разочарованиях в целесообразности борьбы вообще, что наряду с разрозненностью наносит немалый ущерб консолидации сил протеста против капиталистических порядков.

Наиболее распространенной тенденцией в оценке западными социологами конфликта значительной части молодежи с капиталистическим обществом является попытка представить его как протест поколения, определяемый лишь возрастной психологией.

Американский социолог Л. Фейер пыгается объяснить, например, активизацию студенческого движения в США с помощью «эдипова комплекса». Главную движущую силу всех студенческих беспорядков Фейер усматривает в слепой, подсознательной «эдиповой» ненависти к отцам и к старшему поколению, в неизбежной тенденции всех студенческих движений к насилиям и комбинациям «цареубийства, отцеубийства и самоубийства». Источник побуждений, руководящих молодыми людьми, Фейер видит в «темных», «подсознательных» силах и впечатлениях раннего детства, включающих страстное желание смерти отца и вместе с тем — чувство огромной собственной вины и ненависти к себе за то, что ребенку может быть присуще такое желание.

Из-за своей очевидной нелепости эта фрейдистская интерпретация общественного конфликта вызвала возражения даже в буржуазной прессе. Профессор психологии Йельского университета К. Кенистон в статье «Чего добиваются студенты» отмечает, например, что для подтверждения этой гипотезы необходимо было бы доказать склонность протестующих студентов к крайним формам «эдипова комплекса», при котором ненависть к отцу становится обостренным подсознательным чувством. На самом же деле психологические обследования показывают, что студенты-радикалы не отличаются большей склонностью к неврастении и самоубийствам, большей озлобленностью или большей душевной смятенностью, чем нерадикалы.

Однако, отвергнув один из вариантов концепции «конфликта поколений», Кенистон не покидает ее общей платформы. Он допускает типичную для буржуазной идеалистической социологии ошибку, подменяя социальные причины активизации молодежи чисто психологическими. В частности, в книге «Молодые радикалы» Кенистон говорит об общем для молодежи всего мира стиле, в котором отражается ее реакция на события двух последних десятилетий. Общность этого стиля он объясняет в каком-то смысле одинаковостью «ощущения молодости», чувством принадлежности «к своему поколению, а не к каким-либо общественным организациям».

Авторам подобных характеристик молодежных течений нельзя отказать в наблю-

дательности, позволившей им подметить настроения, определяемые известной психологической обособленностью молодежи. Однако фиксирование наблюдательными социологами лишь внешних характеристик не свидетельствует еще о понимании ими существа дела. Сложный комплекс различных течений, имеющих истоки в реальной жизни современного капитализма, характеризуется ими как результат «неуловимой природы самого явления молодости», сводится к таким «особенностям» поколения, как чуткость и честность, непримиримость к «лицемерным условностям прошлого». Как видно, объяснения истинных истоков конфликта не дается. На проявления политической активности молодежи накладывается некий покров таинственности.

Впрочем, нет ничего удивительного в том, что буржуазные социологи не умеют, да и не хотят выявить различия политических групп внутри молодежи, рассмотреть эти различия как отражение классовых интересов, сопоставив политическую группировку молодежи с политической группировкой всего общества. В. И. Ленин еще в 1903 году в статье «Задачи революционной молодежи» обращал внимание на подобного рода ошибки в оценках молодежного движения, квалифицируя их как идеалистическую точку зрения буржуазных демократов. Критикуя статью «Студенчество и революция», напечатанную в газете «Революционная Россия», официальном органе партии эсеров, В. И. Ленин писал: «Автор кладет во главу угла «бескорыстность и чистоту стремлений», «силу идеальных мотивов» у «юности». Именно в этом ищет он объяснения ее «новаторских» политических стремлений, а не в тех реальных условиях общественного быта России, которые... порождают непримиримое противоречие между самодержавием и весьма широкими и весьма разнородными слоями населения...»¹.

Для буржуазной социологии вполне естественна такого рода мистификация, когда глубинная социально-классовая характеристика явлений подменяется чисто внешней, бросающейся в глаза, в данном случае — психологически-возрастной. Ведь вскрытие социальной основы роста политической активности молодежи привело бы к необходимости рассмотреть эту активность как одно из проявлений социальных антагонизмов современного капиталистического общества, вскрыть природу этих антагонизмов, поставить вопрос об их преодолении, то есть — о преодолении самого капитализма.

Известно к тому же, что против капиталистических порядков выступают уже довольно широким, хотя далеко еще не оформленным фронтом не просто бедные и угнетенные материально. Следовательно, не обойти здесь вопроса и о всестороннем угнетении личности капиталистическим строем, о свойственной империализму, как отмечал еще В. И. Ленин, реакции по всей линии. При таком рассмотрении «бунт молодых», при всей его противоречивости, предстает как отражение глубокого кризиса современного буржуазного общества, часть широкого социального протеста против загнивающей капиталистической системы.

Представитель буржуазной социологии, профессор Кенистон не в состоянии дать научную социальную характеристику факторов, вызывающих политическую активность молодежи. Причем отнюдь не обязательно вследствие таких субъективных причин, как трусость, личная корысть, боязнь окунуться в неизведанное, но и в результате приверженности привычным стандартам. Ведь в противном случае ему пришлось бы порвать с привычными ценностями его класса, а на это способен далеко не каждый буржуазный интеллигент. Можно даже допустить, что профессор Кенистон вполне симпатизирует стремлению многих молодых бунтарей отыскать причины общественного порока. Но нельзя не заметить, что объективно он затрудняет им этот поиск. Он утверждает, что причины, активизирующие настроения протеста, находятся как бы внутри самого явления молодости, и тем самым толкает молодежь на путь самоизоляции и сектантства. А это и означает отрыв от широкого фронта антимонаполистической борьбы, участие в которой необходимо молодежи для приобретения политического опыта, выяснения истинных причин общественных неурядиц.

Впрочем, при всем стремлении связать активность молодежи лишь с особенностями ее возрастной психологии, буржуазные социологи не в состоянии совершенно игнорировать политические мотивировки поведения молодых оппозиционеров. Тот же Кени-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 352.

стон обращает внимание на стремление «молодых радикалов» «найти альтернативу Америке истэблшмента», на осознание ими «противоречия между Америкой, какой она является и какой она должна быть». В книге «Сила студентов», написанной группой сотрудников газеты «Майнити симбун» и изданной в Токио, подчеркивается, что «в основе движения радикальных студентов в передовых странах, кроме борьбы за решение отдельных конкретных проблем, лежит недовольство или негативное отношение к самой существующей системе».

В. Буриан, автор статьи «Студенческое движение и «новые левые», напечатанной в журнале «Цукунфт», обращает внимание на то, что в связи с ростом удельного веса административно-управленческого и научно-технического персонала, который он называет значительной производительной силой индустриального общества, господствующая группа изобретает новые, все более хитроумные средства принуждения этой производительной силы. По мысли автора, развитие индустрии, науки и техники могло бы привести к демократизации жизни, к расцвету всех способностей человека, но этому препятствуют монополии.

Монополии действительно используют все доступные им средства для тотального подчинения личности. Это обстоятельство вызывает протест самых широких слоев населения, чьи настроения находят свое отражение и в трудах авторов, далеких от научного подхода к явлениям общественной жизни, однако пытающихся критически оценить кризисный и антигуманистический характер всей системы государственно-монополистического капитализма.

Интересны в этом отношении оценки известного социального философа Г. Маркузе, которого считают отцом так называемых «новых левых» и воинствующих студентов.

В своей книге «Человек в одном измерении» Маркузе отмечает, что капиталистическое общество благодаря техническому прогрессу достигло высокой степени власти над природой, производительностью. Умножилось богатство общества в целом. Эти факторы, казалось бы, могли явиться достаточной материальной предпосылкой улучшения человеческой жизни, морального, духовного и психологического освобождения. Но тем не менее, как утверждает Маркузе, капиталистическое общество остается репрессивным. Его производительность носит разрушительный характер, сопровождается все усиливающимся подавлением личности, превращая большинство людей в рабов при развитой индустриальной цивилизации. Это рабство устанавливается не только путем закабаления человека орудиями производства, но и при помощи манипулирования потребностями, сознанием и чувствами, все более универсального подчинения отдельного человека идеологии и предрассудкам господствующего общественного порядка, стандартизированной псевдокультуре. «Вместо того, чтобы использовать изобилие в целях сокращения сферы отчужденного труда и расширения границ подлинной свободы от материальных и психологических репрессий,— подчеркивает, комментируя Маркузе в журнале «Нейшн», преподаватель университета г. Ирвин (Калифорния) П. Кликак,— преуспевающее индустриальное общество использует постоянно растущее богатство для привязывания всех слоев населения к сизифову циклу бесполезной работы и оглуляющего досуга. Индивиду, обреченные на определенную роль в процессе производства и потребления, вынуждены принимать лжнеобходимости и ценности этого иррационального общества».

В другом случае, в статье «Заметки по поводу нового определения культуры», Маркузе отмечает: «Большинство людей радуется большому пространству для игры при покупках и при продаже, при поисках работы и при ее выборе. Они могут выражать свое мнение и могут свободно двигаться. Но их мнение нигде не переступает границ, установленных общественной системой, которая детерминирует их потребности, их выбор, их мнение».

Многочисленные средние слои населения, выразителем настроений которых и является Г. Маркузе, чувствуют на себе давление «сверху» вездесущего, по его словам, политического и экономического аппарата, превращающего индивидуумов в «объекты манипуляции... управляемые общественным мнением, которое опять-таки создается господствующими политическими и экономическими интересами». Маркузе обращает внимание и на то, что представляющая эти интересы власть внешне «может выглядеть

как господство продуктивной и технологической рациональности». На самом же деле под вуалью этой рациональности «сама свобода действует как средство приспособления и ограничения» и под видом свобод и удобств утверждается общество, «в котором человек тотально покорен».

Нельзя не согласиться с тем, что Маркузе остро критикует здесь одну из реальных тенденций общества, где господствует власть монополий и где подобное манипулирование всем человеческим вызывает естественное стремление многих слоев населения искать средства спасения человеческой сущности, во всяком случае гарантии от потери ее. Речь идет опять же не о настроениях, порожденных лишь материальной бедностью и только экономической эксплуатацией. Не только разбазаривание общественного богатства, но и затхлость и лицемерие духовной жизни, настойчивое насаждение массовой пропагандой психологии стандартизированного обывателя с его «социально согласованным поведением», то есть факторы, характеризующие современный капитализм как реакцию по всей линии, порождают протест многих слоев населения, в том числе и молодых граждан.

Так, данные, приводимые самой буржуазной прессой, свидетельствуют, что политическая активность молодежи стимулируется вовсе не особенностями возрастной психологии, а глубокими социальными причинами.

Конечно, мотивировки неудовлетворенности насаждаемым монополиями образом жизни, предложенные буржуазными социологами, далеко не всегда точны. Объективной основой этой неудовлетворенности на самом деле являются реальные противоречия капитализма и его реакционная сущность. Они-то и вызывают массовый протест. Действенность же протеста зависит от точного определения его мотивов и объекта критики.

Мы не станем отрицать наличия некоторых общих черт, присущих психическому складу молодого поколения. У него, конечно же, есть свои особенности, свои проблемы, есть даже известная «похожесть» этих проблем в различных капиталистических странах. Общие интересы молодых людей многих социальных слоев могут быть связаны, например, с решением проблем устройства жизни в период вступления в более зрелый возраст, формирования определенной жизненной концепции.

Безусловно, знаменательным фактом является усиление борьбы молодых людей капиталистических стран за демократические права, против агрессивных действий империалистов, борьбы, не лишенной героизма. Но ведь эти действия диктуются не особенностями «неуловимой психики» и «общего стиля», а участием молодых людей в борьбе, которую ведут разные слои населения против гнета монополистического капитала. Социально-политическая направленность этой борьбы определяется отнюдь не неким комплексом психологических особенностей, присущих определенной возрастной группе, а коренными интересами тех или иных социальных групп.

Конечно, молодость привносит свое, особенное. Но в конечном счете как в «неуловимой психике» американских «неприкаянных», нигилизме хиппи, так и в классовой борьбе молодых рабочих преломляется классовое сознание и социально-психологический настрой возрастных их социальных групп. В докладе на пленуме ЦК Французской коммунистической партии член Политбюро ЦК ФКП П. Лоран, критикуя буржуазный миф о «надклассовости» молодежи, отмечал, например, что «сами условия жизни молодого человека глубоко привязывают его к своему классу. Здесь существует весьма явная закономерность: при одном из недавно проведенных опросов 64% опрошенных из числа молодых рабочих заявили, что они чувствуют себя ближе к рабочим старшего возраста, чем к своим сверстникам — студентам». Глубоко социальный характер причин протеста определяет и глубоко социальную дифференциацию его участников, а следовательно, и форм его проявления.

Это могут быть активные действия во всех сферах общественной жизни, определяемые научной революционной программой. Это может быть и «движение к-себе-самому» как попытка растерявшегося в своем одиночестве перед репрессивной системой индивида утвердить свою индивидуальность путем противопоставления ее непонятной ему по классовой направленности «опеке» сверху. Эта растерянность, сопровождаемая стремлением к самоутверждению индивидуалистического толка, характерна прежде всего для настроения средних слоев населения буржуазного общества. Настроения эти на-

ходят свое выражение не только в поведении, политической позиции и вытекающих из нее действий, но и в сфере идеологии, в частности в так называемой социально-критической философии. В сочинениях философов, социологов, представляющих в той или иной мере интересы средних слоев населения, можно найти немало острых критических замечаний по адресу госмонополистической системы. В качестве примеров можно сослаться хотя бы на приведенные выше высказывания Г. Маркузе. И действительно, на первый взгляд они могут показаться смелыми и даже прогрессивными. Тем более что авторы подобных высказываний без стеснения выдают себя за революционеров, поставивших целью своей жизни вскрыть пороки существующей системы и указать пути их преодоления.

Эти идеологи находят себе многочисленных сторонников и почитателей. Особенно среди неискушенной в теории молодежи, которая за громкими фразами не может рассмотреть ошибочности фундаментальных тезисов, толкающих их молодых приверженцев на путь практически бесплодного, не имеющего позитивной программы левацкого радикализма вплоть до крайне анархистских тенденций.

* * *

В упоминаемой выше статье В. Буриан объявляет студенчество основной силой, отрицающей «пассивное буржуазное бытие». В качестве решающего фактора этой оценки Буриан называет способность студенчества к «агрессивному отращиванию», дающему якобы возможность наиболее остро сформулировать проблемы, отвечающие обстановке. Это «агрессивное отращивание» Буриан рассматривает как реакцию на «уродование человеческого сознания и способностей с целью приспособить сознание рабочих и служащих к социальному стереотипу конкуренции и отбора».

Здесь, как и в ряде других своих тезисов, Буриан следует за Г. Маркузе. Заметно даже сходство терминов. Например, для ситуации, аналогичной «агрессивному отращиванию», Маркузе употребляет термин «непереносимое отращивание». Буриан поддерживает необходимость спонтанных действий: Маркузе говорит, что «непереносимое отращивание» является «радикальной политической реакцией, которая направляет свою собственную силу к сопротивлению, а затем и к мятежу».

Мы понимаем различие между революцией и мятежом. Но, может быть, автор просто не точен в терминах? Тогда не стоит ли отбросить спор о деталях? Ведь характер движения определяется не оригинальностью терминологии, употребляемой его теоретиками, а анализом идеологии и практики.

Маркузе скромно отказывается от звания отца «новых левых». Но отказывается, по его собственному признанию, лишь потому, что само понятие отцовства не очень-то принимается молодежью, находящейся в ситуации «конфликта поколений». Тем не менее он высказывает полное удовлетворение гармонией между его идеями и тем опытом, который движение «новых левых» приобрело из своей собственной практики и своей мысли.

Свидетельства о радикализме «новых левых» не следует принимать без критики и возражений. «Новые левые» не представляют собой какого-либо цельного, организационно оформленного движения с четко определенной идеологической программой. Термин этот возник в буржуазной прессе последних лет и применяется для обозначения различных групп, в основном студенческой молодежи и интеллигенции, претендующих на новую разновидность радикализма. Порождено это движение различными причинами.

Буриан отмечает, например, что возникновение «новых левых» связано с интеграцией современным индустриальным обществом традиционных форм рабочего движения. Он не скрывает своего сожаления по поводу этой так называемой интеграции, которая привела, по его мнению, к приспособлению сознания рабочих и чиновников к социальному стереотипу конкуренции и отбора, к скатыванию рабочих партий на позиции компромисса с реальностью.

Основная ошибка предложенного Бурианом объяснения состоит в том, что он отождествляет все рабочее движение с теми его организациями, которые находятся под влиянием оппортунистически настроенных вождей социал-демократии. То, что Бу-

риан называет интеграцией, ни в коем случае не может быть принято в качестве характеристики нынешнего этапа рабочего движения в целом. В документе «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», принятом Международным Советанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 года, отмечалось, что «в цитаделях капитализма рабочий класс, как это вновь подтвердили события последнего времени, является главной движущей и мобилизующей силой революционной борьбы, всего демократического антиимпериалистического движения». Обострение классовых боев в капиталистическом мире и непрерывное нарастание забастовочной борьбы опровергает любые измышления об интеграции, о поглощении рабочего класса буржуазно-обывательской средой. При этом, конечно, нельзя забывать о заблуждениях оппортунистического толка, в которые отдельные отряды рабочего класса вовлечены своими правооппортунистическими лидерами, откровенно призывающими к подмене последовательной политической борьбы так называемой «политикой будней», существо которой, по признанию журнала «Цукунфт», заключается в том, «чтобы возможно лучшим образом решать проблемы... в рамках существующего общественного порядка и существующих государственных форм».

Неудовлетворенность этим оппортунизмом, так же как и подчинением влиянию монополистических кругов многих так называемых «левых», «радикальных», «демократических» буржуазных партий, привела к активизации среди демократически настроенной общественности групп, объявивших себя более радикальными в критике капиталистических порядков, чем «старые левые». В их среде немало представителей средних слоев городского населения, студентов, интеллигенции. Зачастую они приносят с собой большой заряд революционной энергии, но вместе с тем — и довольно неопределенные представления о путях решения волнующих их проблем.

Здесь явно сказывается недостаточная марксистская подготовка, да и их классовое сознание как представителей средних слоев. Искренность возмущения и нередко объективно ценную и острую критику существующих порядков они далеко не всегда еще оказываются способными подкрепить принятием научно обоснованной критической и позитивной программы. Участие же в движении мелкобуржуазных элементов и неопытной еще в политической борьбе, но «азартной до дела» молодежи придает его отдельным отрядам бунтарско-анархистский характер, компрометирующий революционную борьбу. Стоит напомнить здесь замечание В. И. Ленина о том, что «анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения»¹.

Широкие массы средних слоев населения, в том числе и молодых граждан, несмотря на отсутствие сплоченности и особую восприимчивость по отношению к буржуазной идеологии, усиливают отпор наступлению крупного капитала на их жизненные интересы. И для этой активности все более характерными становятся действия, отражающие не только узкогрупповые и сиюминутные интересы той или иной социальной прослойки, а желание в корне изменить экономический и политический общественный строй, основывающийся на эксплуатации человека человеком. Эти действия все теснее переплетаются с выступлениями трудящихся непосредственно против системы господства монополистического капитала, против его политической власти, против военных авантюристов империалистов, против возрождения фашизма, за сохранение и расширение демократических свобод, за национальную независимость. Естественно, что сложность социального состава антиимпериалистических сил нередко порождает в их действиях элементы неожиданности и стихийности. Но факты показывают, что в их среде растет понимание жизненной необходимости совместных с рабочим классом действий.

Студенчество тоже активно участвует в этой борьбе. По данным, приводимым в журнале «Марксизм тудей», число студентов за последние десять лет выросло в США от 2 до 7 миллионов, в ФРГ — от 110 тысяч до 500 тысяч, во Франции — от 200 тысяч до 680, в Англии — от 216 до 418 тысяч. В Западной Европе насчитывается сейчас

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 15.

около трех миллионов студентов. Значительная часть их — выходцы из мелкой и средней буржуазии. Они не уверены в завтрашнем дне, даже в возможности окончания учебы, и выбирают свой жизненный путь без помощи богатых родителей.

Через различные службы управления, службы исследования рыночных ситуаций студенты, а затем и выпускники университетов все шире включаются в современное производство. Тем не менее, как и другие слои интеллигенции, они не могут претендовать на самостоятельную особую роль в революционной борьбе. Вступая же в союз с рабочим классом, они получают возможность включиться в движение, более последовательно отрицающее нынешнее состояние общества, что объективно соответствует и их специфическим интересам.

Еще В. И. Ленин в статье «Задачи революционной молодежи» обращал внимание на тот общеизвестный и неоспоримый факт, что в студенчестве есть и не могут не быть весьма различные группы по их политико-социальным взглядам, в том числе и с совершенно неустановившимся миросозерцанием, с бессознательным смешением демократических и примитивно-социалистических идей. «Студенчество не было бы тем, что оно есть,— замечает В. И. Ленин,— если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе,— «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»¹.

Эти замечания с полнейшим основанием применимы к анализу политической группировки нынешнего студенчества капиталистических стран. Именно в силу своей глубокой дифференциации студенческое движение не представляет собой единого идейного объединения и единой революционной силы. Политическая активность студенчества обретает свою зрелость в единстве действий с революционными организациями рабочего класса. И это сближение отдельных групп студентов с рабочими вовсе не означает раскола в профессионально-студенческом движении, как об этом говорят нередко хранители «чистоты» студенческих организаций. Наоборот, это сближение способствует революционизации студенчества и подъему его профессионального движения до уровня политического.

«Не ясно ли само собой,— писал В. И. Ленин,— что о революционизировании студенчества можно говорить только с точки зрения вполне определенного взгляда на содержание и характер этого революционизирования? Для социал-демократа, например, оно означает, во-первых, распространение социал-демократических убеждений среди студенчества и борьбу с теми взглядами, которые хотя и называются «социалистически-революционными», но с революционным социализмом не имеют ничего общего, а во-вторых, стремление расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве»². В. И. Ленин подчеркивал, что разрыв студента социал-демократа с революционерами и политиками всех других направлений отнюдь не означает разрыва общестуденческих и образовательных организаций; напротив, только стоя на точке зрения вполне определенной программы, можно и должно работать в самых широких кругах студенчества над расширением академического кругозора и над пропагандой научного социализма, то есть марксизма.

«Новые левые», как это, в частности, отмечалось в посвященной им дискуссии на страницах журнала «Политикл афферз» — теоретического органа Коммунистической партии США,— справедливо возмущаются, например, тем, что современное капиталистическое общество отчуждает массы людей и позволяет учреждениям и бюрократии манипулировать их жизнями. Однако они не видят в этих явлениях классового господства и, как отмечал один из участников дискуссии, Д. Проктор, ошибочно делают вывод, что всякое руководство является якобы манипуляторским и что все организации, даже рабочего класса и народных движений,— сами по себе явления отрицательные. Вот какая путаница обнаруживается во взглядах тех, кто хотя и бурно протестует против засилия власти монополий, но не понимает ведущей роли революционного движения рабочего класса, богатства его революционного опыта, роста его идейного, культурного

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 343.

² Там же, стр. 347.

и духовного уровня, его политико-морального авторитета. Мелкобуржуазные предрассудки, рождающие приправленную идеями маркузианства смесь анархизма, нигилизма, романтизма, сбивают с толку и искренне возмущенную реакционной ролью империализма молодежь. Они толкают ее в сторону от лозунгов и программ, способствующих революционной консолидации, к действиям спонтанным, содержание которых определяется преимущественным стремлением к тотальному отрицанию и разрушению, а не к переустройству.

Современное капиталистическое общество предстает перед новыми бунтарями как некая совокупность страшщих их своей бесчеловечностью громоздкостей — больших фабрик, больших корпораций, больших университетов, сконцентрированных в руках монополистической бюрократии средств массовой пропаганды. С одной стороны, оно представляется технически преуспевающим, а с другой — репрессивным и разрушающим все человеческое. «Ни идеология, ни программы не объединяют сейчас протестующих студентов», — пишет Кенистон. — Их объединяет общность настроения: чувство, что существующая система власти лицемерна, не заслуживает уважения, устарела и крайне нуждается в реформах. Кроме того, студенты всех стран говорят о репрессиях и авторитарности». Маркузе пытается дать определение репрессивности. «Степень, до которой при помощи средств массовой коммуникации доведена обусловленность, я бы сказал, индоктринированность всего населения в его мышлении; степень стандартизации поведения и мышления; степень, с которой политическая и экономическая сила аппарата заставляет людей идти одним и тем же путем и просто не позволяет им прийти к осознанию необходимости перемен — это я называю репрессивностью», — отмечал он в интервью Би-би-си, напечатанном в журнале «Лиснер».

Говоря о настроениях протестующих студентов, об их отрицательном отношении к существующей системе власти, Кенистон свидетельствует о реальных фактах недовольства со стороны молодежи насаждаемым монополиями образом жизни. Широко известны порождаемые этим недовольством действия протеста, в том числе и выступления студенчества, доходившие до столкновений с вооруженной полицией. Искренность этих действий несправедливо было бы ставить под сомнение. Тем более в тех случаях, когда речь идет о таких поступках некоторых активистов молодежного бунтарства, которые требуют личного мужества и даже пренебрежения опасностью для жизни.

В этой обстановке особенно ощутимым становится вред теорий, вводящих в заблуждение молодежь, ищущую путей переустройства жизни. Конечно же, маркузианские тезисы о репрессивности могут оказаться созвучными настроениям тех, кто вдоволь потерпел диктату монополий. Но «критичность» этих тезисов обманчива, она не содержит и попытки раскрыть классовую подоплеку самой возможности манипулирования людьми со стороны упоминаемой Маркузе «политической и экономической силы аппарата», раскрыть классовый характер репрессивности. Более того, эта репрессивность представляется в виде некоего иррационального феномена, которому может быть противопоставлено лишь настроение, пусть даже доведенное до «непереносимого отвращения», но который, именно в силу своего иррационального характера, не может быть подвержен влиянию каких-либо конкретных действий. Так вот за громко объявленной «критичностью» маркузианских тезисов скрывается апологетика.

В критических опусах Маркузе находит свое отражение трагизм положения при капитализме средних слоев, страдающих от засилия монополий, но не видящих сил, которые способны преобразовать общество. Для социально-психологического настроения мелкой буржуазии и средних слоев, как известно, были и остаются характерными такие качества, как неспособность найти силы для преодоления эгоизма собственника-одиночки, неподготовленность к последовательным революционным действиям и склонность к отчаянию растерявшегося интеллигента или прогоревшего в конкуренции хозяйчика, заботящегося, конечно же, не об общественном прогрессе, а о собственном реванше.

Это двойственное положение средних слоев, не решающихся на открытую и последовательную борьбу под руководством истинно революционных сил, невольно находит свое отражение в трудах их идеологов в виде переплетения звонкой критической фразы с завуалированной апологетикой, как это имеет место и в приводимых здесь высказываниях Маркузе.

Но скрытая апологетика — еще не единственное качество, способствующее заблуждениям тех, кто попадает под влияние маркузианских и подобных им критических теорий. История не раз свидетельствовала уже, что одно лишь недовольство, да еще сопровождаемое такими ненадежными «советчиками», как растерянность и отчаяние, неумение трезво оценить обстановку, не может способствовать действиям, ведущим к более высокой ступени организации общества. «Непереносимое отвращение», даже если его переименовать в агрессивное, само по себе еще не дает позитивной программы. Ведь, по признанию самого же Маркузе, его критическая теория общества ничего не обещает и не имеет никаких достижений, она остается лишь негативной. На какие же действия может ориентировать подобного рода «критика», целиком отбрасывающая проблему готовности к революционному созиданию? Противопоставленное безымянным громоздкостям, безликой и анонимной репрессивности, «непереносимое отвращение» может способствовать лишь усилению растерянности и страха перед действительно существующими уродствами буржуазного мира и исполнить роль катализатора истеричности бунтарского нигилизма с его бесперспективными действиями вплоть до выступлений анархистского толка.

Весьма показательны в этой связи некоторые рассуждения К. Груссинга из его статьи «Критика новых левых», опубликованной в журнале «Цукунфт». Человек, которому, как отмечается в статье, буржуазное общество перманентно отказывает в возможности быть более спокойным и более счастливым, чувствует, что «старый принцип реальности действует все более угнетающе». Груссинг говорит об этом «как об осторожном познании, которое напоминает нам случаи, когда запрещенные картины или импульсы детства вдруг начинали говорить об истинах, которые еще стрицались разумом». Но это осторожное познание способно лишь смутно намекнуть упоминаемому здесь человеку о существовании каких-то новых истин, однако не может повести его дальше характерной для его мировосприятия «беспорядочной впечатлительности». Будучи, по словам Груссинга, «нормальным буржуазным индивидом с императивом к карьере в затылке», этот человек оказывается не в состоянии предвосхитить новый принцип реальности и ополчается против анонимного комплекса авторитета и репрессивности, оставляя своим оружием самозащиты лишь импульсивно-эмоциональный бунт или бегство в иллюзии. Но, как остро отметил это в своей книге «Крах психоанализа» прогрессивный американский философ Г. Уэллс, в таких случаях «болезнь развивается от самозащиты индивида путем бегства в иллюзии, к разрушению последних. В этот момент обнаженное «я», с которого сорваны все защитные покровы, либо наносит удар, калеча кого-то в результате насилия, либо же приносит себя в жертву и подчиняется монолитному обществу зла, которое наносит индивиду смертельный удар».

Постараемся проследить в этой связи и за судьбой некоторых направлений молодежного бунтарства.

Далеко не всякий молодой гражданин, воспитанный «отцами» в традициях индивидуалистической психологии, в состоянии (воспользуемся здесь терминологией Груссинга) радикально поставить под вопрос привычный ему Я-идеал, возвысив его до нового Я-идеала, психологически и политически реализующегося лишь в условиях солидарности, социальным выражением которой является организация. Груссинг, однако, в своей статье обходит вопрос о существовании этой солидарности. Он оставляет нераскрытым и упомянутый им «новый Я-идеал». Но не будем углубляться сейчас в разбирательство непослуживательнейшей критики Груссингом «новых левых» с «правых» позиций социал-демократической прессы. Это — предмет особого разговора. Обратим в данном случае внимание лишь на то, что само по себе создание организации, даже назвавшей себя коллективом протестующих, еще не гарантирует ее участникам избавления от груза индивидуалистических и бунтарско-нигилистических настроений.

В среде западной молодежи, как известно, создается сейчас немало различных, больших и малых, организаций, заявляющих о своей оппозиции или скорее даже о позиции протеста по отношению к существующему строю, к окружающему их обществу. В одной статье не представляется возможным дать сколько-нибудь подробную характеристику их деятельности. Ограничимся в данном случае ссылкой на уже упоминав-

шиеся выше прогрессивные тенденции многих из них, как и на приведенные примеры ошибочных действий.

Немалое число возникших за последнее время молодежных организаций, как бы громко ни заявляли они о своем бунтарском духе и о протесте против несправедливостей и уродств буржуазного мира, остаются группами одиночек, не поднявшихся до уровня политического осуждения капиталистического общества и политической борьбы против него. Эти одиночки, не выдержавшие перманентного насилия репрессивной системы, как об этом говорит Г. Рехака в статье, опубликованной в изданном в ФРГ сборнике «Левые отвечают», бегут от угрозы невротического крушения в идиллически представляемую ими ячейку замкнутого хозяйства «коммуны». Так, спрятавшись от «старого принципа реальности» в условия, где, по словам Рехака, «хорошее Я окончательно одержало победу над злым общественным учреждением», беглецы от репрессивности, как они считают, самим фактом организации «коммуны» перманентно «революционизируют» окружающий мир.

Но практика этих «коммун» показывает, что их пресловутый «моральный радикализм» (если пользоваться терминологией Маркузе), а точнее моральный нигилизм, ограничен не только своим пассивно-утопическим характером. Моральный нигилизм «коммуны» наглядно демонстрирует свою вывороченную наизнанку буржуазность насаждением моральной распушенности и крайнего индивидуализма. Стихийное негодование по поводу мещанской сентиментальности, молчаливо принимающей моральный и политический разврат «общества потребления» и действительно заслуживающей всяческого осуждения, находит подчас свое выражение в таких акциях, которые отнюдь не могут быть расценены как способствующие улучшению нравственности. Запутавшиеся в бесконечном лабиринте факторов, молодые бунтари в своем стремлении сокрушить зло шумно ополчаются против всякой традиционности, в том числе и той, которая сложилась в результате веками накапливаемых человечеством ценностей культуры. И этот нигилизм мстит за себя подчинением его приверженцев худшим сторонам буржуазности. Такова уж логика всякого анархистского бунтарства. Ведь еще В. И. Ленин отмечал, что «миросозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное миросозерцание»¹. Разнузданность левацких провокаторов, называющих себя «левыми пролетариями», отвратительные акции Мюэля — далеко не единственные примеры, подтверждающие реакционную направленность анархистского нигилизма.

Буржуазность проникнута и вся жизнь так называемых «коммун» типа упоминавшихся уже здесь, как бы ни пытались они рекламировать себя в виде неких антиобществ, якобы противостоящих окружающей несправедливости. Пример западноберлинской «Коммуны-1» в этом отношении довольно типичен. Судя по сообщениям прессы и высказываниям руководителя этой «коммуны» Рейнера Лангханса, «коммуна» в целом и «коммунары» в частности не занимаются никакой полезной деятельностью. Какого-либо разделения обязанностей, регламентации труда в «коммуне» не существует. «Коммунары» пробавляются кто чем может на стороне. Их совместные дела сводятся по существу к ночлегу на общем двадцатиместном ложе, курению наркотиков и многословным дискуссиям. Но и эти дискуссии, относящиеся, по-видимому, к самым «серьезным» занятиям «коммунаров», начали надоедать им. Лангханс привел в «коммуну» восемнадцатилетнюю Уши Обермейер, беззаботную девушку, танцевавшую ночи напролет в мюнхенских ночных кабаре. За короткое время Уши приобрела популярность «звезды» «коммуны». По существу же она была превращена в средство получения дохода, в средство наживы прежде всего самого Лангханса, ибо, позируя в качестве фотомодели, могла принести несколько сот марок в день. И вот, «теоретизирует» Лангханс, именно благодаря Уши он понял, что из-за политических дискуссий «коммунары» забросили, оказывается, заботу о душевной стороне жизни и возможностях лучшего удовлетворения своих потребностей. Но ведь они же имеют много свободного времени! Он призывает их брать пример с Уши, которая олицетворяет собой «существование в свободном времени» тем, что при минимальной затрате сил может заработать много денег и жить чрезвычайно удобно.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 131.

В сообщении журнала «Шпигель» об одной из мюнхенских «коммун» — так называемом «антитеатре» с «антишефом» Фассбиндером во главе — говорится по существу о разложении «коммуны». Оказалось, что «коммунары», так громко декларирующие антиавторитарный характер своих организаций, показали себя не только неспособными вскрыть социальную сущность угнетающей общество авторитарности, но и избежать установления в своих же рядах ее своеобразной разновидности, довольно откровенно обнаруживающей родственные связи с нормами отрицаемого ими общества. Ведь даже, по свидетельству такого далекого от социализма теоретика, как Рехак, стремление анархистствующих «новых левых» к атомизации общества необходимо им, чтобы, со своей стороны, господствовать над атомами.

«Коммунары» Фассбиндера, как об этом говорится в заметке журнала, только на словах признают себя сторонниками коллективной работы и коллективных наслаждений. В действительности же они не готовы отказаться от мещанских представлений о домашнем уюте и спокойной личной жизни. Сам «антишеф», расценивающий эти обывательские настроения своих подопечных как «отвратительное лицемерие», однако также не продемонстрировал своим поведением приверженности к антиавторитарности и антииндивидуализму. Участники «коммуны» все больше и больше поговаривают о том, что в их коллективе утверждается общепринятый буржуазный культ гения, а сам Фассбиндер уже не хочет считать себя просто товарищем. Другие для него — лишь жалкие фигуры.

О склонности многих группировок «новых левых» к элитизму говорит в журнале «Нейши» и член Социалистической молодежной лиги США К. Гершман. Подобные факты — не результат личных наклонностей отдельных активистов, а проявление той буржуазной изнанки, которая присуща любому нигилистическому бунтарству анархистского толка.

Неправильно было бы представить дело таким образом, что во всех этих антиобществах царит сплошное моральное разложение, что все так называемые «коммунары» превращаются в завязтых наркоманов, бездельников и хулиганствующих провокаторов. Такое представление было бы не только упрощенным, а поэтому и неправильным, но и оскорбительным для тех молчаливых людей, которые создают подобного рода организации с искренней целью противопоставить окружающей их несправедливости иной образ жизни. Такой, какой, по их представлениям, является более человечным. Они пытаются продемонстрировать эти понимаемые ими как более справедливые отношения равенства, дружбы, даже совместного труда, считая, что этим они вносят свой вклад в действительную критику капитализма. Но ведь эти их сентиментально-романтические затеи не идут дальше сентиментальных жалоб, добрых пожеланий либо «разносной» критики капитализма опять же с точки зрения утопической. Их практические пожелания не учитывают заложенных в современном капитализме возможностей для его революционного преобразования в социалистический строй. Они сравнивают настоящее не с будущим, а с прошлым, не превосходящим будущее. Их декларации, как правило, не совпадают с действительной позицией их организаций, с их поступками. На необходимость уметь видеть такого рода несовпадение обращал внимание еще К. Маркс. «...Подобно тому как в обыденной жизни,— писал он в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»,— проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и что он делает на самом деле, так тем более в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной сущностью»¹.

* * *

Антишеф антитеатра Фассбиндер однажды провозгласил свое кредо: «Для меня прекрасным является все то, что представляет альтернативу существующему». Режиссер прославившегося провоцированием скандалов «Ливинг-театра» Юлиан Бек, излагая в интервью журналу «Шпигель» свои принципы, отметил, что «господство рационализма мешало нам полностью использовать наш дух и наше тело».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 145.

Антиинтеллектуализм и моральный нигилизм действительно сопровождают мелкобуржуазное бунтарство. Но опять же неправильным было бы полагать, что эти столь отрицательные характеристики следует отнести персонально к каждому, например, интеллигенту, критикующему установленный монополиями режим с мелкобуржуазных позиций. Такого рода экстраполяция оказалась бы и ненаучной и оскорбительной по отношению ко многим весьма достойным и не запятнавшим себя ни аморализмом, ни пособничеством пропаганде антикультуры гражданам. Ведь существо вопроса заключается не в критике поведения и даже случаев моральной деградации отдельных участников протеста, хотя такая критика и не исключена, а о некоторых общих результатах, следствиях развития внутренней логики мелкобуржуазного протеста. В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» мы находим весьма глубокое объяснение этой логики поведения мелкобуржуазных слоев и ее следствий. Вот это место: «Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом, не следует думать, что все представители демократии — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют»¹.

Честному интеллигенту претит затхлость филистерской самоуспокоенности и мелкобуржуазного мещанства. И он, пусть даже эмпирически, день за днем убеждается, что они чем-то тесно связаны со страшным ему и распространяющимся на все сферы общественной жизни диктатом госмонополистической бюрократии. Вся эта обстановка предстает перед ним как враждебная ему цивилизация. Но со своей классовой позиции он не в состоянии разобраться в ее противоречивости и поэтому нередко склоняется к тому, чтобы отвергать накопленные человечеством знания и культуру в целом. Кризис собственного познания, не указывающего ему выход из тупика, он возводит в абсолют. Поэтому: долой познание! Его место должен занять гимн чувствам и действиям, спонтанно возникающим из этих чувств. Следовательно, одно из «революционных» побуждений и должно заключаться в том, чтобы открыть возможности для проявления новой чувственности, вывести наружу мечты, которые на протяжении веков лежали в подвалах нравственных сфер и всегда подавлялись репрессивными формами разума и реальности. Эта фрейдистская интерпретация бунтарства в терминологии Маркузе определяется как «диалектика репрессий и сублимаций», «превращение эротической энергии в политическую», а в общем — «единство морального, сексуального и политического бунта». Следствие — еще один призыв, дополняющий предыдущий: долой разум!

И разум отвергается новоявленными «коммунарами». «Я просто-напросто не люблю читать, — заявила известная нам уже «звезда» «Коммуны-1» Уши Обермейер, — ибо буквы мне слишком неприятны». В «Ливинг-театре» разум отвергается в пользу оккультизма, астрологии, нравственность — в пользу промискуитета и вообще группового секса. Загнанные разумом в подвалы нравственных сфер мечты «выводятся» наружу при помощи таких психовитаминов, как ЛСД, а гашиш в «коммунах» вообще является хлебом насущным. Одумавленные наркотиками соратники Бека, по его рассказам, «пронзают» все преграды, воздвигнутые внутри общества, и устанавливают некую «вибрацию» между родственными душами, укрепляя таким образом всеобщее братство.

Творческая позиция «Ливинг-театра» предполагает отказ от литературы, от слова как мешающих «общению душ» рационализмов. Участники спектаклей пытаются воздействовать на зрителей в основном с помощью пластики, света, открытой эротики,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 148.

чтобы вызвать у публики состояние шока. Они не останавливаются и перед таким «приемом», как плевки в зрителей, для чего актеры, чувствуя себя скованными в своих действиях сценической площадкой, высказывают в зрительный зал. Нетрудно догадаться, что спектакли этого театра отнюдь не способствуют росту революционных настроений посетителей, а вызывают лишь возмущение и скандалы.

Итак, в качестве альтернативы официальной буржуазности, прикрашенной «благопристойным» сентиментальным мещанством, рекламируется ее изнанка. Растерявшиеся перед непонятой ими авторитарностью, люди под видом бунта против этой авторитарности и во имя самоутверждения личности становятся на путь регресса, возвращаясь к неким первобытным формам общения, а то и просто погружают себя в состояние утративших всякие общественные функции существ.

Конечно же, среди молодежи, зараженной экстремистскими настроениями и анархизмом, есть различные, более и менее умеренные течения. Тем не менее ошибочно было бы полагать, что многие из приведенных здесь фактов вследствие их полной абсурдности вряд ли заслуживают серьезных исследований и достойны лишь упоминания в репортажах падких на сенсации журналистов, а то и вовсе в уголовных хрониках и картотеках психиатрических диспансеров. Дело-то как раз и состоит в том, что крайние формы общественной и нравственной деградации анархизирующих бунтарей являются прямым логическим следствием их приверженности позиции и нигилистического бунтарства. Это бунтарство не имеет научно выясненной цели движения. Следуя в своей значительной части логике классического анархизма, оно даже при его самой искренней ненависти к буржуазным традициям и власти монополий остается ошибочно ориентированным на спонтанно возникающие разрушительные действия. Эти ненавистные ему традиции и власть оно ошибочно отождествляет со всякой властью и достижениями человеческой цивилизации вообще.

Игра «левой» фразой не раз толкала на опасный и вредный путь одинокого, запутавшегося интеллигента, выходца из средних слоев, носителя мелкобуржуазных настроений, и впрямь не видящего в окружающем его обществе никаких ресурсов для прогресса. В отчаянии бросается он в толпу бунтарей и невольно становится жертвой спекулирующих революционной фразой авантюристических сил. Он «действует», возбуждаемый нередко искренней неудовлетворенностью прогнившей «репрессивной системой», но сбитый с толку сочиненной Маркузе «критической теорией общества». Ведь даже по признанию ее автора, теория эта не владеет «понятиями, способными заполнить брешь между настоящим и будущим» и остается лишь «верной тем, кто, не имея надежды, отдавал и отдает свою жизнь Великому отказу». Но не ведут ли такие действия к превращению протеста в апологетику? «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа,— писал В. И. Ленин,— это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением,— все это общеизвестно¹.

* * *

«Для того, чтобы включиться в критические дискуссии, искусство не должно упорствовать в традиционных формах»,— приводит «Штерн» высказывание журналиста Э. Энгельхарда. Искусство не допускает, чтобы его опекали, и вносит «свой собственный вклад в образование эмансипированного общества,— пишет на страницах этого же журнала Г. Бубеник, основатель «Нового общества изобразительного искусства».— Оно было и есть в его наиболее значительных проектах политически революционным».

Высказывания эти могут показаться на первый взгляд вполне прогрессивными. Но лишь на первый взгляд. Так же, как и критические опусы Г. Маркузе.

В этой же статье журнала «Штерн» приводятся примеры «включения искусства в критические дискуссии». Вот один из них. Дюссельдорфский профессор искусства Й. Бойз выставил в качестве «произведения искусства» запачканные жиром стулья и дал этому следующее объяснение: «Они более не пригодны для того, чтобы люди чего-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 14.

либо понапрасну ждали на них». Профессор с уверенностью утверждал, что буржуазия почувствует себя в результате этого сильно атакованной. В качестве примеров «преодоления» традиционных форм искусства журнал приводит «акции» Мюэля, о которых читатель уже имеет представление.

Так вторгается в область искусства «непереносимое отвращение».

Истинный художник становится на путь борьбы, опираясь на высшие гуманистические ценности. Он мобилизует все свои творческие и моральные силы для изучения жизни и активного участия в деятельности наиболее прогрессивных сил современности. Иная судьба постигает тех, чье разочарование превращается в растерянность, отчаяние. Выбитый из колеи интеллигент свое возмущение господствующей культурой буржуазного общества обращает против культуры вообще. Стихийно негодую как по поводу эстетической замкнутости «элитарного искусства», так и против низведения литературы, кинофильмов, телевизионных и радиопередач до уровня удобоваримого и легко потребляемого товара, он отождествляет все это и с подлинным искусством и стремится сокрушить все завоевания искусства, связанные в его представлении лишь с враждебными человеку силами буржуазного порядка.

В кельнской художественной галерее, как сообщает журнал «Шпигель», недавно был открыт показ нового вида художественной продукции под названием «Jetzt», что в переводе означает «теперь». Название, видимо, свидетельствует о стремлении устроителей и авторов экспонатов показа подчеркнуть его новаторский характер. Рената Вех из Нюрнберга предложила посетителям зрелище под названием «Просеивание». На беспорядочно расставленные кубы, шары и пирамиды она постепенно рассыпает кварцевый песок в такой последовательности, что процесс окучивания может быть наблюдаем как бы в его отдельных моментах, и только на последней стадии осыпаемые предметы совершенно исчезают под единообразными песчаными конусами. Доктор права Адольф Лютнер соорудил для «Jetzt» специальную «Курительную комнату», в которой лучи, исходящие от двух источников света, отражаются затем от зеркал и зигзагообразно направляются к потолку. Принадлежность данного сооружения к искусству объясняется тем, что сноп света, незаметный в чистом воздухе, в накуренной комнате представляется пластическим образованием.

Как сообщает тот же журнал, в прошлом году близ Гейдельберга был устроен массовый хеппинг, длившийся три дня. Устроители этого хеппинга, назвавшие его «Интермедия-69», решили представить свое мероприятие как изображающее «перспективу искусства шестидесятих годов», которое, по их мнению, должно отвергнуть все нынешние представления о человеке и об искусстве. Во имя «нового» полуголые мужчины мазали друг друга краской; Клаус Штаек, график, смывал с купленной в магазине картины все краски, представляя итог своего «творчества» как «воинственно-смелое» произведение, которое-де ломает «насилие картинных галерей»; Бернард Хок читал призывы к революционизации человека путем наслаждения наркотиками. Именно таким образом, утверждал он, можно деиндивидуализировать страсть и сделать ее социалистической.

Коронным номером «Интермедии-69» явилась деятельность художника-«упаковщика» Христо. Он приобрел ранее широкую известность тем, что «упаковал» в пластиковую оболочку две тонны сена и художественную галерею в Берне. В Гейдельберге Христо поставил новый рекорд, «упаковав» с помощью 1900 метров ткани, 900 метров проволоки и 450 метров каната трехэтажный дом.

Недавно Христо устроил новую сенсацию, укутав фольгой при участии ста помощников 380 квадратных метров морского берега. Он не смог бы соорудить это свое «произведение века», если бы, как сообщает «Штерн», крупнейшие фирмы США, а также небезызвестный рокфеллеровский фонд не предоставили бы ему необходимые 400 тысяч долларов.

Не менее оригинальное «произведение» представил некий Ганс Шульт — он завалил одну из мюнхенских улиц пятью тоннами бумажной макулатуры.

Как же разгадать смысл всех этих странных зрелищ? Сделать это подчас действительно трудно, как и вообще трудно уловить какой-нибудь присущий им смысл. Неумение устроителей этих зрелищ понять закономерности жизни приводит их к восприятию

всего окружающего как конгломерата хаотических и разрозненных событий. Они повседневно ощущают, что их быт, работа, духовная жизнь — все с беспощадностью подчинено неким помимо их желания неумолимо устанавливаемым стандартам. Это — стандарты быта, поведения, отдыха, стандарты кинофильмов, телепередач, стандарты навязываемых продуктов ширпотреба. В такой обстановке человек невольно вырабатывает, как говорит М. Фишвик в журнале «Сатердей ревю», защитную реакцию против этих стандартов, против нивелировки и стандартизации также и самого сознания. И эта реакция нередко приобретает форму противопоставления стандарту случайности.

Обычный посетитель музеев и выставок, как представляется устроителям ультрановых зрелищ, пассивен в восприятии. Он якобы загипнотизирован академическим стандартом и погружен в состояние созерцательности. Столкновение же с реалиями вроде «Просеивания» или «Курительной комнаты», с экспонатами-символами должно вызвать у него определенное чувство протеста против угнетающего его навязчивого потребительского стандарта.

В действиях устроителей «акций», хеппенингов, хулителей картинных галерей и других «новаторов» от искусства, выступающих подчас с самыми «революционными» декларациями, не так уж трудно обнаружить общую им всем приверженность традиционному буржуазному мировоззрению. Именно традиционному, несмотря на шокирующую публику необычность устраиваемых ими зрелищ. Эта традиционность заключается в отрицании возможностей познания движущих сил развития общества, во взгляде на окружающую жизнь как на бессмысленное скопление случайностей, разрозненных фактов. Отсюда и искусство, оперирующее лишь хаотически подобранными реалиями, подменяющее богатство окружающей человека жизни мистификацией случая.

Отказываясь от раскрытия закономерностей жизни и познания их, буржуазное миросозерцание возводит в ранг нормы лишь «прямое наблюдение за тем, что случается и происходит вокруг нас». Практическое следствие этого «прямого наблюдения» — спонтанные действия как прямая и внезапная реакция на непосредственно и вдруг подмеченный факт. Реакция, не обусловленная познанием сущности «раздражителя», будто бы это вызвавший ожог раскаленный утюг, а не общественное явление, для преодоления которого, какое бы острое и справедливое чувство протеста оно ни вызывало, требуются организованные и основанные на научно разработанной тактике действия.

Поток натуралистической макулатуры в искусстве, высвобождение инстинктов и реакций плоти в области нравственности, бесплодный авантюризм в политике — все это лишь различные варианты воплощения в основе своей одной и той же ложной идеи, ложного познания.

Но ведь даже во время проведения зрелищ, подобных брауншвейгской «акции», не говоря уже о рядовых хеппенингах, собирающих подчас тысячные толпы молодежи, выкрикиваются политические лозунги, осуждающие, например, американскую агрессию во Вьетнаме. Не избавляет ли это обстоятельство критикуемые нами действия протеста от упреков в бесплодности и авантюризме?

Противоречивость самого явления исключает однозначность ответа. Конечно, антивоенные лозунги оказывают влияние на общественное мнение. Но нельзя не учитывать и того, в какой обстановке они произносятся и какими организационными действиями подкрепляются. Выкрикивание слов протеста против войны перед накурившейся наркотиков толпой, находящейся в состоянии массового экстаза, может свидетельствовать разве что о настроении самого оратора. Мобилизующее же значение такой акции ничтожно.

Воздух над толпой, как это говорилось в сообщении «Штерн» об одном из фестивалей, собравшем до 200 тысяч молодых людей, наполнен не только музыкой и песнями, но и ароматом марихуаны. На помещенных в журнале фотографиях запечатлены митинги с наглотававшими наркотиков (так явствует из подписей под фото) и сбросившими с себя всю одежду девицами в качестве ораторов. В сумятице подобного рода сборищ скандируются самые противоречивые по своей политической направленности лозунги. При этом, разумеется, не происходит дискуссии. Обилие выкриков и речей лишь будоражит и без того одурманенных наркотиками юнцов.

В таких условиях даже истинно революционный лозунг оказывается скомпроме-

тированным, особенно в глазах обывателей, наблюдающих эти зрелища и невольно соотносящих хаотично выкрикиваемые слова протеста с обстановкой беспорядка, безнравственности, а то и скандалов, учиняемых молодыми «возмутителями спокойствия».

Что же касается истинно прогрессивных сил, то они весьма успешно используют различные формы массовых зрелищ, фестивалей, театрализованных представлений для повышения культурного уровня масс, их организованности, воспитания революционного сознания.

* * *

Для идеологов мелкой буржуазии всегда была характерна тенденция к поддержке действий спонтанных, без какого-либо социального осмысления цели и форм борьбы, действий, основанных на поверхностно-психологическом восприятии данной, якобы неповторимой жизненной ситуации, то есть по существу действий бесцельных. Неумение видеть истинные причины тяжелой для них социальной обстановки и законы движения истории, неверие в наличие социальных человеческих ресурсов, способных реализовать эти законы, оставляет им лишь интуитивное ощущение трагической безысходности изуродованного мира, состояние растерянности. Именно эти качества при определенной обстановке и могут привести к тому состоянию, которое Маркс назвал «фантастическим порождением буржуазного страха».

Логика индивидуализма, как свидетельствует история, весьма коварна. Известно, что индивидуализм по своей внутренней сущности несовместим с демократией. Он не может отражать интересы масс, ибо в основе его лежит эгоизм собственника-одиночки с его животным страхом потерять свою маленькую крепость, но и с истовым стремлением укрепить ее. Ощущение неустойчивости порождает желание во что бы то ни стало добиться более стабильного состояния. Но как достичь этой стабильности? Ведь это желание не подкреплено осознанием причин неустойчивости, а следовательно, и способностью прибегнуть к такого рода действиям, которые могли бы дать реальный выход из весьма противоречивого положения.

У средних слоев далеко не всегда хватает мужества и зрелости для перехода на позиции прочного союза с силами, программой которых является построение социализма. Хотя именно этот путь в своей исторической перспективе приводит к оптимальному разрешению всех противоречий, свойственных их положению. Приверженность буржуазности нередко ведет средние слои к попыткам обрести устойчивость положения с помощью защиты со стороны наиболее сильной фракции их класса — буржуазии крупной, владельцев крупного капитала и монополий. Эта тенденция обнаруживается не только в отдельных практических действиях, но и в рекомендациях теоретиков, где общие разговоры о демократии и равенстве часто отступают перед конкретно рекомендуемыми моделями общества элитарного типа.

Вернемся в этой связи к статье Г. Маркузе «Заметки по поводу нового определения культуры». Исходя из приведенных уже высказываний в адрес общества, в котором культура превратилась в «инструмент социального согласования» и манипулирования людьми, Маркузе предлагает свою трактовку тех изменений, которые претерпела сама внутренняя природа культуры: «автономные критические культурные ценности становятся педагогическими».

Как это понимать?

Существует, дескать, принципиальное различие между культурой и цивилизацией. При этом «культура имеет отношение к высшим измерениям человеческой автономии», в то время как цивилизация означает царство необходимости, в котором человек подчинен внешним условиям и нуждам. Некоторые различия культуры и цивилизации Маркузе иллюстрирует следующей (по его словам, приближительной) схемой:

Ц и в и л и з а ц и я
материальный труд
рабочий день
работа
царство необходимости
оперативное мышление
природа

К у л ь т у р а
духовный труд
праздник
свободное время
царство свободы
неоперативное мышление
дух

Для нынешнего положения в капиталистических странах, по Маркузе, характерным является преимущественное развитие цивилизации. В ее наиболее развитом виде эта цивилизация «выдвигает на первое место оперативные и непосредственно влияющие на поведение формы мышления, которые и должны быть предназначены для того, чтобы способствовать принятию материальной рациональности данного общества». Она отодвигает на второй план, а затем и устраняет вообще тяготеющий к абстрактности неоперативный характер мышления.

Какова же перспектива разрешения этого все обостряющегося противоречия между культурой и цивилизацией?

Маркузе считает, что обществу угрожает «насильственное слияние культуры и цивилизации», которое должно привести к капитуляции культуры со свойственной ей чистой теоретической мысли перед обманчивым эмпиризмом и позитивизмом. Ориентированные же на опыт позитивизм и эмпиризм именно потому, по Маркузе, и характерны для цивилизации, что служат укреплению власти, исходящей от существующей над духом материальной рациональности. Они служат подчинению человека силам, это подчинение организующим.

Справедливости ради надо отметить, что в данном случае Маркузе отражает интересы интеллигенции, борющейся за место в области приложения своей профессии в условиях захвата монополиями научной деятельности в свои руки и направляемой их же интересами крайней утилитаризации культуры. И когда мы определяем его позицию как мелкобуржуазную и даже реакционную, то не наносим ли мы тем самым незаслуженное оскорбление искреннему заступнику культуры?

Напомним в связи с этим оценку В. И. Лениным сентиментальных буржуазных романтиков, данную еще в конце прошлого века в работе «К характеристике экономического романтизма». Критикуя буржуазного романтика, экономиста и историка Сисмонди, который, хотя и сумел ярко показать в своих работах противоречия капитализма, не смог, однако, вскрыть их основы, В. И. Ленин пишет: «Желания у романтиков весьма хорошие (как и у народников). Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия. И реакционером признают Сисмонди вовсе не за то, что он хотел вернуться к средним векам, а именно за то, что в своих практических пожеланиях он «сравнивал настоящее с прошлым», а не с будущим, именно за то, что он «доказывал вечные нужды общества» посредством «развалин», а не посредством тенденций новейшего развития»¹. Именно желание искать образец в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядкам и традициях, подчеркивал Ленин, и дает романтику вполне заслуженную им квалификацию реакционера.

В. И. Ленин обращает далее внимание на неправильность узкого понимания терминов «мелкобуржуазный» и «реакционный». «Эти термины вовсе не указывают,— пишет он,— на эгоистические вожеления мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об ошибочности точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины»². В. И. Ленин подчеркивал отличие Сисмонди от тех писателей, которые превосхищали будущее, смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие, опережали это развитие. «Сисмонди же,— отмечает Ленин,— поворачивался к этому развитию задом; его утопия не превосхищала будущее, а реставрировала прошлое»³.

В этом именно смысле (конечно же, исключая всякие аналогии между позицией Маркузе и благородными пожеланиями некоторых романтиков, их заблуждениями при искреннем стремлении к хорошей цели), имея в виду его нежелание опереться в своих теоретических изысканиях на факты и тенденции, свидетельствующие о том, что про-

¹ В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 237.

² Там же, стр. 238.

³ Там же, стр. 240.

грессивное разрешение противоречий капиталистического строя лежит на пути движения к социализму, мы и говорим о реакционности Маркузе. И это вовсе не означает лишь желания сказать по его адресу что-либо особенно ядовитое, а представляет собой объективную оценку его политической и научной позиции.

Вместо того чтобы присоединиться к культуре восходящего класса, тесно связанной с жизнью и служащей прогрессу, Маркузе, как и те слои интеллигенции, интересы которых он представляет, ищет пути к установлению столь желаемой и близкой его сердцу гарантированной стабильности «убежищ духовной независимости». А ведь каждое такое «убежище» и есть пусть маленькая, но своя крепость. Маркузе, как мы видим, и не пытается поставить вопрос о путях построения новой политической и экономической общественной системы, исключающей саму возможность эксплуатации труда ученого и деятеля культуры горсткой монополистов. Пути сохранения покровительствуемой им культуры от «подчинения господствующей рациональности» Маркузе не связывает и с демократизацией общественных отношений, с демократизацией культурной жизни, с открытием широкого доступа к науке и культуре народных масс.

Гарантию устойчивости и стабильности «убежищ духовной независимости» Маркузе видит в установлении «сознательной изоляции интеллектуального творчества элит».

Так «Великий отказ» с его нигилистическим отрицанием культурных ценностей, провозглашением выхода на свободу «неподавленной культуры», инстинктов и влечений «натурализованного человека» предстает здесь перед нами своей другой стороной — утверждением господства элиты. Таков итог «фантастического порождения буржуазного страха». Но окончательный ли итог?

Тянущаяся к порожденному ее неустойчивостью поиску гарантии устойчивости и «порядка», буржуазия не раз уже демонстрировала готовность вручить свою судьбу политической верхушке своего класса. Сентиментальное «возмущение» репрессивностью замолкает в таких случаях перед согласием на усиление исполнительной власти, необходимое всей буржуазии для сохранения ее классового господства. В каждом проявлении общественной жизни, даже в собственном парламентарном режиме, ей видится тогда опасность для «спокойствия», и она осуждает себя на политическое ничтожество, соглашаясь на введение реакционно-экстремистскими силами самых антидемократических порядков. История вполне подтверждает сделанный Марксом вывод: «...буржуазия признает, что ее собственные интересы предписывают ей спастись от опасности собственного правления... что для сохранения в целости ее социальной власти должна быть сломлена ее политическая власть»¹. И она ищет силу, которая, по ее расчетам, должна гарантировать ей «порядок» и возможность невозмутимо наслаждаться благами собственности, не останавливаясь перед установлением крайних форм диктатуры.

Не будем предугадывать с помощью исторических аналогий судьбу «непереносимого отвращения», «радикального отказа от наследия цивилизации», выхода на свободу «неподавленной культуры», судьбу различных форм бесшабашного анархистского бунтарства. Заметим лишь, что ни социальный нигилизм, ни индивидуалистический бунт никогда не служили прогрессу. Напомним здесь данную Марксом характеристику судьбы той буржуазии, которая искала устойчивость и порядок в поддержке со стороны фракции сильных: «Она обоготворила саблю — сабля господствует над ней»². Жрецов спокойствия и устойчивости, вручивших власть партии порядка, под конец самих же «пинками сгончат с их пифийских треножников, среди ночи стаскивают с постели, впикивают в арестантскую карету, бросают в тюрьму или отправляют в изгнание, их храм сравнивают с землей, им затыкают рот, ломают их перья, рвут их закон — во имя религии, собственности, семьи и порядка. Пьяные толпы солдат расстреливают стоящих на своих балконах буржуа — фанатиков порядка, оскверняют их семейную святыню, бомбардируют для забавы их дома — во имя собственности, семьи, религии и порядка»³. Опасность подобного рода не устранена и в наши дни. И о ней не следует забывать.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 161.

² Там же, стр. 203.

³ Там же, стр. 128.

Реальные успехи антимонополистических и антиимпериалистических действий могут быть в значительной степени приумножены объединением всех демократических течений в политический союз, благоприятные предпосылки для которого создаются в ходе острейших социальных битв. В такой обстановке весьма важно избавиться от течения от влияния различного рода экстремистских элементов. Нельзя забывать при этом, что политическая неопытность молодежи, особенно вышедшей из среды средних слоев, свойственные ей нетерпеливость, азарт, переоценка собственных знаний и возможностей представляет собой благоприятную почву для действий пособников экстремизма самого разного толка, которые нередко прямо действуют на руку империалистам. Пропаганда исключительности молодого поколения, его особой роли, подмена объяснения истинных причин роста политической активности молодежи различными вариантами концепции «борьбы поколений» могут лишь способствовать ее изоляции, разрушать единство всех демократических сил. Поэтому-то было бы неправильно недооценивать опасность влияния сил реакции на молодежь, опасность проносов в ее среде различного рода агентуры правого и левого оппортунизма.

Знаменательно, что интерес к демократическим и революционным преобразованиям, которые должны привести к краху капиталистического строя и утверждению социализма, охватывает сегодня гораздо более широкие, чем раньше, слои молодежи. Ее представления о социализме зачастую еще весьма приблизительны, незрелы и утопичны. Но налицо стремление отвергнуть строй, нормой существования которого является духовный и экономический гнет капитала, строй, породивший две мировые войны, фашизм, зверства расистов и колонизаторов. Налицо поиск преобразований, ведущих к демократическому общественному устройству, к социализму. И в этом поиске молодежь неизбежно включается в классовую борьбу. Именно в ходе классовой борьбы научается молодежь различать подлинных и мнимых друзей, разоблачать правый оппортунизм и различного рода левацкие группировки троцкистов, анархистов, нигилистствующих сторонников «Великого отказа», с какой бы патетикой ни произносили они слова «левый» и «революция». В ходе классовой борьбы молодежь постигает перспективность совместных с рабочим классом действий, важность изучения и овладения марксистско-ленинским мировоззрением. И здесь хотелось бы привести слова из Обращения Международного Совещания коммунистических и рабочих партий «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»: «Марксистско-ленинская теория, ее творческое применение в конкретных условиях позволяют вырабатывать научные ответы на вопросы, встающие перед всеми отрядами мирового революционного движения, где бы они ни действовали».

Участники Совещания призвали всех коммунистов, всех борцов за социалистическое преобразование общества, всех сторонников прогресса и мира: «Изучайте труды Ленина! В них вы найдете неиссякаемый источник вдохновения для борьбы против реакции и угнетения, за социализм и мир. Знакомство с ними поможет молодому поколению яснее увидеть революционные перспективы нашей эпохи».

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. ТЕРАКОПЯН

★

ЖАЖДА ЦЕЛЬНОСТИ

Ощущение советской литературы как многонациональной все глубже проникает в сознание современной критики. Да и трудно представить нынешний день нашей прозы без творчества таких ее мастеров, как И. Мележ и П. Куусберг, О. Гончар и Ч. Айтматов, Г. Матевосян и И. Друцэ, И. Авижюс и Р. Сирге. Этот перечень имен можно было бы продолжить еще и еще. Критика давно уже освоила искусство составления списков. Гораздо реже занимается она расшифровкой того, что стоит за именами. И мне хотелось бы пройтись по страницам книг только одного прозаика, неизменно включаемого во все перечни,— по страницам романов Миколаса Слущкиса.

Именно романов, потому что Слущкис последних лет интересен прежде всего как романист. Все три его романа — «Лестница в небо», «Адамово яблоко», «Жажда», — появившиеся в шестидесятых годах, не прошли мимо внимания читателя.

Я всегда с известной осторожностью отношусь к литературным параллелям. Что бы мы там ни говорили о сходствах, влияниях, подобиях, истинный художник интересен и дорог нам не тем, что он кого-то повторяет или на кого-то похож, а своей самобытностью, уникальностью. Иное дело методологическая общность, близость принципов строения, нет, лучше — с о з и д а н и я образа.

Если посмотреть на творчество Миколаса Слущкиса с этой точки зрения, то нельзя не заметить, что оно идет в русле тех поисков многонациональной советской литературы, которые характеризуются обостренным вниманием к правде жизни, миру человеческой личности, ее сложным и раз-

ветвленным связям с действительностью. Каждый период нашей истории отмечен какими-то своими индивидуальными чертами (надо ли добавлять, что такие различия не отрицают преемственности). Иначе и не может быть, иначе остановился бы бег времени. В том-то и достоинство, и один из секретов вечного обновления реалистического искусства, что оно неизменно учитывает специфичность обстановки, накладывающую свой отпечаток на человека, его взгляды, стремления, цели.

И для меня очевиднее близость литовского прозаика скорее к таким далеким от него по манере писателям, как Р. Сирге, И. Мележ, П. Куусберг, С. Залыгин или Ч. Айтматов, нежели к тем, которые формально следуют освоенной им поэтике внутреннего монолога. Близость эта — в принципах строгого историзма, в социальной, в умении показать героя во времени, в чуткости к своеобразию обстоятельств. Они вовсе не похожи друг на друга, Та-набай Бакасов из новеллы «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова, Олев Соокаск из романа «В разгар лета» П. Куусберга, Апейка из романа «Дыхание грозы» И. Мележа или Яуниос Валюс из «Лестницы в небо» М. Слущкиса. Но все они — сыновья своей эпохи, воплотившие в себе ее духовные искания. Каждый из этих характеров стал художественным открытием. Так что приведенный выше ряд не столь уж случаен и произволен.

Что же касается литератур Советской Прибалтики, то здесь Миколас Слущкис был в числе тех писателей, которые вкладывали путь для более глубокого и плодотворного исследования послевоенной действительности, ее социальных и нравствен-

ных конфликтов, столкновения старого и нового в сознании людей. Не имея на то оснований, не берешь судить о влияниях, замечу лишь, что искания писателя оказались созвучными исканиям таких мастеров, как В. Гросс, И. Индрене, А. Беляускас и другие. Впрочем, сам М. Слущикс, при всей ярко выраженной индивидуальности его дарования, органически связан с литовской реалистической школой. И, скажем, та тема, которая блистательно разработана в его книгах,— тема психологии собственности и ее преодоления — была предметом основательного анализа в таком выдающемся произведении, как «Проданные годы» Ю. Балтушиса.

Миколас Слущикс принадлежит к тому поколению литовских прозаиков, чья юность приходится на годы великого исторического перелома в судьбах республики. Крах прогнившего буржуазного режима, восстановление советской власти, война, послевоенное строительство, сопровождавшееся острой классово-борьбой,— эти вехи жизни народа были вехами и жизни писателя, определившими направление его творчества.

Первая крупная повесть Слущикса — «Добрый дом» — рассказывает о подростках, оставшихся сиротами, о тех, кого спасло, воспитало, вывело в люди новое общество. Со страниц новелл, созданных им в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, перед нами встают драматические картины душевного состояния людей, поставленных перед необходимостью сделать выбор пути.

Я далек от мысли видеть в повестях и рассказах тех лет только этюды к «Лестнице в небо», но глубокая связь между новеллистикой и первым романом несомненна. «Новеллы, оставаясь самостоятельными,— говорил однажды Слущикс,— как бы прощупывают почву для проблематики будущих романов, происходят при этом и поиски персонажей композиции и стиля».

Очень сильно прозвучала в рассказах Слущикса характерная для него тема столкновения пылкого юношеского мировоззрения с действительностью. Молодой журналист («Первая командировка») осенью 1946 года едет по заданию редакции в глухое местечко Нарюнай. Едет, мечтая написать цикл очерков «Солнце над пашнями» — о радостных переменах в деревне. И даже револьвер, который ему вручили пе-

ред дорогой, нисколько не отрезвляет героя. Напротив, холодный металл лишь подогревает воображение: «Вот меня окружает шайка бандитов. Вот я ранен, и нежная женская рука перевязывает мою окровавленную голову». Два года спустя с тем же заданием и с тем же оружием в кармане двинется в путь Яуниос Валюс, герой романа «Лестница в небо». Не в Нарюнай, а в Жвирблюнай. И те же видения посещают его по дороге. Он представляет себя и Рамуне «нахлестывающими лошадой и отстреливающимися от бандитов, а земля, скованная декабрем, гремит, как барабан, и над самой головой звенят пули, словно в кино». И Яуниосу, и его литературному предшественнику еще чуждо ощущение реальности. Она для них не более чем ожившее кино.

Слушая восторженные речи героя новеллы, его случайная попутчица испытывает смешанное чувство восхищения и горечи. Восхищение возвышенностью идеалов молодости, верой в возможность их немедленного осуществления. И горечи от того, что эта вера так наивна. Желание уберечь хрупкие юношеские представления от жестокой проверки действительностью рождает ее мольбу: «Послушайте, что я вам скажу... Возвращайтесь!.. Вам здесь нельзя оставаться... страшно в Нарюнай... страшно! Под утро отходит поезд, вы уедете... Вы такой молодой...» Вот так же и Рамуне, движимая почти материнским чувством заботы, будет уговаривать своего любимого вернуться в Вильнюс: «Мне тревожно, что ты здесь... Тебе нельзя оставаться в деревне... Уезжай скорее. Утром, на рассвете, хорошо?»

Интимные человеческие чувства вступают в рассказы писателя в сложное взаимодействие с чувствами социальными, классовыми. Его герою («Лучше нам не встречаться») понятно горе матери, сын которой после войны оказался на чужбине, в Австрии. Старая беспомощная женщина, она живет тревогами об Адомелисе, который запечатлелся в ее памяти наивным и добрым подростком, но рассказчик не может смотреть на этого брошенного на край света Адомелиса исключительно ее глазами. Для него более существенна точка зрения Стяпонаса, проклявшего своего брата за то, что в годы оккупации тот стал карателем, что на его совести мученическая смерть еврейской девочки. И эти факты оказываются решающими: «Лучше нам не

встречаться». Проблемы личности у Слуцкиса неразрывно соединены с общественными и не могут быть поняты в изоляции от них. Радость матери, встретившей своего сына, отбывшего ссылку, отравлена мыслью: «В крови у него руки, в крови...» И молодому народному защитнику Бразису («На юру») приходится вести мучительную борьбу между любовью к Касте и сознанием того, что она сестра бандита.

Умение взглянуть на событие с разных сторон, показать его многослойность, увидеть общественное в личном и личное в общественном, способность встать на позиции персонажа, раскрыть происходящее его глазами, сохранив при этом самостоятельность выводов и оценок,— все эти качества новеллистики писателя присущи и первому его роману.

В начале 1963 года, отвечая на анкету журнала «Вопросы литературы», Миколас Слуцкис писал: «Мы должны освободиться от чрезмерной внешней описательности и многословия, идущих от иллюстративного взгляда писателя на жизнь и героя. Мы нагромождаем целые горы фактического материала, так и остающиеся «вне» или «около» героя, а мышлению оставляем лишь диалог или скупые «сводочные» обозначения. Мешает нам унылый бытовизм, не хватает экспрессивности действия и стиля, а особенно психологизма, то есть глубокой внутренней мотивировки поведения и поступков героев».

Писатель высказывал эти мысли в разгар работы над «Лестницей в небо», и они приобретали для него характер программных, очерчивали направление поиска. Книга, которая была завершена к концу того же года, выдвинула Слуцкиса в число ведущих романистов республики, представленных такими именами, как Й. Авижюс, А. Беляускас, Ю. Балтушис, А. Гудайтис-Гузьявичус, В. Миколайтис-Путинас и другие. Она сразу же привлекла внимание свежестью формы, экспрессивностью стиля, тем, что на авансцену здесь выдвинулся внутренний мир человека. Но и не только этим.

В своем романе Слуцкис обратился к материалу, тогда еще слабо освоенному литовской литературой,— к послевоенной обстановке в республике, непростым социальным, классовым, нравственным конфликтам времени, к их не менее сложному преломлению в сознании людей.

Действительность 1948 года предстает

перед нами в восприятии двух молодых героев, студентов Яунюса Валюса и Рамуне Индрюнайте. Сам выбор персонажей в немалой мере преопределил успех писательского замысла. Это люди, только начинающие самостоятельный путь в жизни, но начинающие его с разным багажом духовного опыта. Яунос Валюс провел годы войны в детском доме, эвакуированном в глубокий тыл. Теперь он заново, после долгого отсутствия, открывает свою родину, знакомую и незнакомую ему, он судит об увиденном пока еще со стороны. Рамуне на себе испытала тяготы оккупации, она не по книгам, не по газетам судит о классовой борьбе в деревне — сама жила в ее атмосфере. Два взгляда — извне и изнутри — освещают события романа, то совпадая, то расходясь друг с другом, обостряя и стимулируя поиск истины.

Пolemичность, которую мы постоянно ощущаем в книге, заложена в самой ее внутренней структуре, органически возникает из нее. Эта polemичность здесь стихия всеобъемлющая, она проявляется не только в спорах, но и в том, что и как видят герои и как они это увиденное воспринимают и осмысляют.

Яунос Валюс вступает в роман с гордо поднятой головой. Не каждый из его сверстников мог похвалиться столь безупречными анкетными данными. Год вступления в комсомол — 1943-й (Литва тогда еще находилась под пятой врага); происходит из рода потомственных пролетариев — еще дед был кузнецом; отец погиб на войне. И пусть черты отца уже потускнели в памяти, герой «гордо заявлял всем и всюду: я сын фронтовика,— и воспоминание об отце стало для него источником уважения и доверия».

Чистая биография открывала перед ним все двери — и в университет и в журналистику. Она же надежно защищала его в житейских неурядицах. Это обстоятельство в достаточной мере объясняет нам ту независимость, с которой держится герой на первых страницах книги. Временные бытовые неудобства не пугают его, ведь они только временные, а впереди светлый путь. И стоит ли волноваться из-за сырой и темной комнатухи, которую он снимал, если «для него дом был повсюду».

Яунос живет не столько настоящим, сколько будущим. В мечтах своих он уже восходил по символической лестнице в не-

бо: «Лестница не сомневалась, что Яунюс будет когда-нибудь гореть и озарять все вокруг, как факел. Лестница сулила творчество и мечту, без которой не бывает счастья для молодых...» И пусть он не успел напечатать еще ни одной строки, но заместитель редактора молодежного журнала Алексинас уже принял его заметку, подписанную коротким и будоражающим словом — «Факел».

Отсутствие опыта, самостоятельной творческой программы — все это восполняется у героя Слуцкиса верой в себя, в свои возможности.

И здесь уместно вспомнить молодого журналиста из рассказа «Первая командировка», ту решительность, с которой он вызвался писать о первых колхозах. Ничто не останавливало его: «Жизнь для меня была ясна, как капля родниковой воды под солнечным лучом». Безусловно, он допускал, что в деревне далеко не все гладко, но трудности не разрушали этой ясности, напротив — подчеркивали ее, придавая общей картине оттенок захватывающей романтичности: «Мы победим! Победили в такой большой войне, преодолеем и все остальное... Ночных оборотней уничтожим, а человека поставим на ноги... Каждого, кто хочет труда, света и счастья...»

Ликующие мажорные ноты звучат и в душе героя романа. Он счастлив своим превосходством над окружающими — бедные, они и не подозревают о существовании лестницы в небо, — счастлив оттого, что заместитель редактора Алексинас по-отечески принял его и поручил написать серию очерков о селе, оттого, что встретил Рамуне и теперь есть человек, которому можно излить жар сердца, доверить сокровенные мысли и мечты. То, что Рамуне в этом случае отводится роль пассивного зеркала, ничуть не смущает героя. Именно зеркало и нужно ему, чтобы любоваться собой: «...Нужны глаза, которые не спрашивали бы, кто таков и откуда, ничегошеньки не спрашивали и все понимали, широко открылись бы и отразили его огромную радость».

Яунюс еще не испытывает потребности в диалоге, ему вполне достаточно и монолога. В день их знакомства он «рассказывал о себе, будто говорил обо всем мире». И он был искренен, ибо ощущал себя владельцем необъятного мира, хотел занять его целиком, наполнить весь город стуком своих ботинок и своим здоровым дыханием.

В той радужной действительности, которую герой создал в своем воображении, не оставалось места другим людям, их заботам, их болям. Он «всегда спешил оттолкнуть прочь грусть, и свою, если наплывала иногда, и чужую, если случайно замечал ее. Он не умел долго печалиться, ему было скучно с грустными людьми...». Сознание Яунюса словно бы парило над повседневностью, свободно проникая в любую даль. Все желаемое казалось возможным и доступным. Но такая гармония не могла не быть искусственной, а потому и непрочной, ибо строилась на отторжении всего того, что не вписывалось в нее.

Внутренний мир героя, если воспользоваться выражением из более позднего романа М. Слуцкиса «Жажда», был похож на сухой солнечный остров, который не тонет, «когда все кругом колышется и бужуется». Тема своеобразной духовной робинзонады, заявленная в «Лестнице в небо», еще не раз повторится в творчестве писателя, так же как и тема гармонии, то возникающей, то исчезающей, вечно манящей и недостижимой.

Робинзонада Яунюса кончилась в тот момент, как на сухой и солнечный берег его острова ступила студентка Рамуне. Любовь принесла не только небывалое счастье, но и неведомые прежде ограничения. Месяц разлуки уже не казался Яунюсу «одним днем, через который можно перескочить легко, как через веревочку. Он бессилен передвигать время по своей воле и прихоти, и это его немного расстраивает». Внешняя среда вышла из повиновения герою, отдалилась от него, больше того — стала проявлять свою враждебность. Линия поведения девушки определялась такими законами, на которые не распространялась воля Яунюса. Он мог признавать или отвергать их, однако не считаться с ними было нельзя. Чтобы удержать Рамуне, надо было войти в соприкосновение с ее миром. На смену монологу пришел диалог.

В отличие от Яунюса Рамуне уже не могла столь свободно распоряжаться собой. Правда, и она полна решимости изменить свою судьбу. Привычное существование на хуторе Индрюнасов не удовлетворяло ее. Она хотела учиться, стать педагогом.

Но прошлое, из пут которого пыталась вырваться девушка, настигало ее и в уни-

верситете. Рамуне шагала по вильнюсским улицам с громоздким деревянным чемоданом в руке. Грубо сколоченный, вместительный, словно амбар, он находился при ней как полномочный представитель хутора Индрюнасов. Одним своим видом он напоминал о неубранной картошке и свекле, о поле, раскисшем после дождей, о брате Юргисе, выкрасившем этот ящик в нелепый рыжий цвет, о бочонке с краской, который отец выменял у немцев, едва не поплатившись за свою сделку жизнью.

В лирической стихии романа чемодан Рамуне принадлежит эпосу. Он олицетворяет собой то объективное, устойчивое, не зависящее от сознания персонажей, имя которому — реальность. И Яунюс, в рыцарском порыве отобравший этот рыжего цвета ящик у своей спутницы, едва не выронил его: «Камней вам туда наложили, что ли?» Ноша Рамуне была тяжела и в прямом и в переносном смысле. Кто-кто, а уж героиня хорошо знала власть вещей индрюнасовского хутора. Они не просто притягивали к себе человека, а прирастали к нему, соединялись с ним в одно целое. И отец, Пятрас Индрюнас, был уже «...не только отец, это их гектары, их набухшая, как отверстая рана, глина, которая родит и хлеб и этот тоскливый зов, заставляющий вернуться с полдороги». Вскрывая подоплеку имущественных отношений в усадьбе, М. Слущикс уверенно продолжает традиции социального анализа, идущие от П. Цвирки, Ю. Балгущиса и других мастеров литовской реалистической школы.

В доме Индрюнасов неживая материя обладала неоспоримыми преимуществами перед живой. Вещи здесь были очеловечены, а чувства овеществлены. Хутор главенствовал над всеми его обитателями, по-хозяйски распоряжался их судьбами. Сестру Ингриду, например, растили на продажу, то бишь на выданье; ее холили, освобождали от работы, заставляли учиться. Она должна была составить выгодную партию и тем самым возвеличить их усадьбу перед остальными. Брату Юргису была с малолетства предопределена участь работника. И отец берег его от чужого глаза, точно топор или пилу. В годы оккупации, когда немцы устранивали облавы на молодежь, Юргиса прятали в первую очередь, прятали «...куда попало; раз подгорал в закрытой горячей печи, едва не спекся, задыхался в соломе, корчился, как крот, в развалившейся

ся картофельной яме... Прятали, словно вещь, затыкали, как полено...». И теперь, уже после победы, Пятрас Индрюнас вновь спрятал сына и от лесных (те хотели завербовать его в свою банду) и от народных защитников (те могли заподозрить Юргиса в связях с подпольем, потому что на чердаке лежал немецкий автомат).

С особенным драматизмом раскрывает писатель тему порабошающей власти земли, обращаясь к судьбе матери Рамуне — Анны. Когда-то она, веселая и беззаботная девушка, жившая в Риге, любила матроса, мечтала о далеких островах, где бьют горячие ключи и прямо из-под снега растут цветы. Но вот пришло от Пятраса письмо: «Приезжай, Анеле, хочу жениться» — и романтика неведомых земель отступила перед прозой конкретных гектаров, перед житейской арифметикой: «Ведь от земли нельзя отказаться, не пропадать же земле! Твой отец имел три (гектара. — Л. Т.), я — четыре. Земля — все!» Она покорилась этой арифметике, хотя и тогда понимала, что прыгнула в яму и теперь уже навечно приписана к этой глине.

Анна, грезившая о моряке.

Анна, впрягшаяся в ярмо вместо лошади и теперь медленно угасающая от рака ли или от какой другой болезни. Черепичное лицо, не выражающее ничего, кроме усталости и равнодушия.

Таков путь матери, старой Индрюнене.

Таким же мог стать и путь Рамуне. Она сама опасалась, что «...повторится это захватывающее дух падение, и может статься, что она так глубоко провалится, что уже не вынырнет».

Земля не звала, а требовала Рамуне к себе. Университет, учеба — все пошло на смарку, когда в поле осталась невыкопанная картошка. Вернувшись домой, девушка пробовала обмануть себя и других: мол, выбралась только на несколько дней. Но отец не признавал компромиссов: «Подавись теми днями... Мне работница нужна, а не курортница».

Писатель сближает линии Анны и Рамуне, чтобы в дальнейшем выявить их различие. Ведь типичный для деревни конфликт развивается в нетипичной для нее атмосфере. И эта поправка на время имеет принципиальное значение. То, что мать воспринимала как должное, неизбежное, для дочери уже лишено оттенка фатальности. Втянутая в водоворот привычной жизни,

Рамуне не растворяется в ней. Она хотела теперь лишь одного: «...вслепую крутиться по усадьбе, чтобы постройки и вещи не обступали, как живые, и не пробирались в глубь сознания. Полные лужи и те отражают не небо, а недостроенное гумно, стропила которого вопиют о крыше». Бунт героини против вещей — это ее отчаянная попытка сохранить суверенность внутреннего мира, способность видеть над головой голубое небо, а не только недостроенное гумно.

И Яунюс, приехавший в Жвирблюнай за очерком, оказался невольным свидетелем и соучастником разыгравшейся здесь драмы. Полный радостного волнения от предстоящего свидания с любимой, он сошел поздней ночью с поезда. И ему «показалось, что он упал в черную колышущуюся бездну».

«Лестница в небо» вся построена на таких вот контрастах. На резкой смене настроений и мыслей. Переходы от света к тьме, от ликования к унынию здесь мгновенны. Экзальтированное воображение влюбленного Яунюса поначалу превращает все увиденное на хуторе в певучую деревенскую сказку. Засыпая в горнице Индрюнасов, он думает о незнакомых вещах, притаившихся в углу: «...должно быть, и они были из сказки, потому что пахли приятно: мушкой, яблоками, тмином». Пробуждение Яунюса, поднятого посреди ночи стуком в двери, — это переход не только от сна к яви, но и от сказки к реальности: «Как может пахнуть яблоками, если не видно их, ссыпанных на пол или сушеных?»

Слуцкис ставит своего героя в такое положение, когда все его поступки вступают в столкновение с привычной логикой и здравым смыслом, когда он действует диаметрально противоположно тому, как хотел и обязан был действовать. Пока в доме орудовали «лесные» (так называли в Литве укрывавшихся в лесах бандитов), пока они допытывались у хозяина, куда он дел сына, а не допытавшись, до полусмерти избил старика, Яунюс прятался в горнице, даже не вспомнив о выданном в редакции pistolете.

А позже, уже под утро, когда пришли народные защитники и когда они, обозленные неудачным преследованием и притворством Индрюнаса, лепегавшего что-то невнятное о своих выбитых зубах: «На дрова упал... Ох, ребятки...» — стали выяснять,

кто такой Яунюс, не из вонючего ли бункера вылез, он, оскорбленный в своих лучших чувствах, обозвал их сопляками с винтовками и выхватил оружие.

И не он арестовал бандитов, а его, горящего желанием написать о красных обоях, клубах-читальнях, переменах в сознании, под конвоем доставили в волость.

За эту долгую ночь исчезла не только сказка — исчезла и недавняя, еще тепленькая, вчерашняя ясность. Действительность местечка Жвирблюнай разламывала схему, сложившуюся в голове героя. Все было так, как рисовалось ему издали, — бандиты и защитники, выстрелы и погоня, добро и зло, схлестнувшиеся не на жизнь, а на смерть, — и в то же время не так. Без романтического блеска и аффектации, страшнее и непонятнее. Защитники не доверяли Индрюнасам, которых примчались спасать, а те — защитникам.

Наивность Яунюса лишь резче оттеняет трагичность ситуации. Он исходит из того, как должно быть по правилам. Писатель же накладывает его рассуждения на то, как бывает. И на этих контрастах основывается смысловое и эмоциональное решение сцены.

С точки зрения героя, все происшедшее в ту ночь на хуторе выглядело кошмарным сном, бесконечной нелепостью: грубость и подозрительность защитников (они представлялись совсем другими), лицемерие старого Пятраса (перед нашими ему полагалось вести себя иначе), сам факт, что не совершивший никакого преступления Юргис вынужден таиться неведомо где. Сознание Яунюса непрерывно подвергает реальность сомнению. Ничего подобного не должно было случиться.

Но это было. И, объясняясь в волости, Яунюс уже учитывал внутренне эту нереальную реальность, применялся к ней. Он ставил на свое место Юргиса и не завидовал ему. Растерянность героя была шагом к прозрению: «И почему никто не подсказал, что рядом с настоящими врагами есть и без вины заплутавшиеся и запуганные, что жизнь вовсе не проста, а обстоятельства иногда так скрутят человека, что он оказывается в заколдованном кругу?»

...С розовых облаков на красную глину. Может возникнуть впечатление, что именно в этом, в победе прозы жизни над ее поэзией, и состоит пафос «Лестницы в небо». Однако, сделав такой вывод, мы не при-

близились бы к истине, а всего-навсего стали бы на позицию другого персонажа книги — зятя Индрюнаса, бывшего сметоновского офицера Шаткаукаса.

Для Шаткаукаса мечтательность Рамуне не более чем идеализм молодости — пружина, которую пока еще не сломала жизнь, но рано или поздно сломает: «Успешнее всего здесь потрудится ржавчина: со времени Адама и Евы ржавчина регулирует людское бытие. Постепенно она разъедает все пружины, хоть бы из самого прочного металла». Эта ржавчина — приспособление к обстоятельствам, инерция каждодневных забот о хозяйстве, иссушающая человека, не оставляющая ему никакого просвета, чтобы думать о чуде. И тогда кругозор ограничивается краями поля, вещи возвращаются к своему утилитарному назначению, а важным становится лишь то, что можно потрогать руками.

«Лестница в небо! Как вам, бабы, нравится: лестница в небо! Ха-ха!» — как бы переключается со своим зятем Пятрас Индрюнас.

Оба они по-своему правы. В жвирблунайской красной глине увяз не один высокий порыв. Например, матери Рамуне. Или Юргиса, которому не давали оторвать глаз от земли, от плуга, методично превращали в живой инвентарь усадьбы.

Однако та же Анна лишь покорила эту жизнь как неизбежности, лишь подчинилась ее законам, но не приняла их. Иначе не стала бы советовать: «...беги отсюда, доченька... Беги скорее!» Под толстым слоем золы еще теплились угольки иных воспоминаний — о матросе в синей вязаной шапочке на макушке. И Рамуне знала иное лицо матери — не это, цвета красной черепицы, а словно помолодевшее, озаренное отсветом пусть не состоявшегося, но чуда. И не от матери ли это воспоминание перешло к ней? Только у Рамуне матрос превратился в королевича. Она верила в то, что он однажды придет и предложит примерить туфельку.

Все происходящее на самом деле — только что зарезанная свинья, куски сала, свиные пузыри — все это было ненастоящим, обманчивым.

Настоящим был королевич.

Мечта у Миколаса Слуцкиса порой более реальна, чем действительность. Действительность же как раз могла принимать и нерасальные очертания.

То, что можно пощупать руками, — минаж. «...Самое главное — не потерять того, чего нельзя видеть — только чувствовать...»

И потому Шаткаукаса так раздражал вопросительный знак в глазах Рамуне и потому он так страстно хотел этот знак стереть. Стереть, чтобы девушка стала такой, как все, чтобы он мог ощущать превосходство над ней, как и над прочими Индрюнасами — глиной, из которой вылеплено тело нации, поставщиками сала и мешков с картофелем. Ибо вопрос возникал из глубин недоступного и непонятного ему мира и заключал в себе сомнение в твердости и прочности той позиции, на которой стоял он, Шаткаукас, бывший офицер сметоновской армии.

Две действительности, каждая из которых претендует на право называться подлинной, диалектически взаимодействуют в романе М. Слуцкиса.

Действительность Пятраса Индрюнаса — Шаткаукаса — Ингриды с их гектарами, салом, мягкими креслами, модными пластинками, с их верой во всепокрушающую силу ржавчины и в то, что «главное — здоровые зубы...».

И действительность Яунюса — Рамуне с их лестницей в небо и королевичем в сапожках.

Вещи, имеющие цену, против незримых ценностей.

Но разве любимый Рамуне не мог стать королевичем, пускай и «повзрослевшим, одетым в убогую послевоенную одежду»? И разве его шапка на собачьем меху была не из той же сказки, что и шапочка матроса — та, «с помпоном, синяя, как лен в цвету...»?

С розовых облаков на красную глину. Это верно лишь по отношению к Яунюсу. Да и то отчасти. Но в книге четко обозначен и другой путь — путь раскрепощения мечты.

Романтизм у Слуцкиса — категория, можно сказать, скорее духовная, чем стилевая. Не романтические принципы изображения, а романтическое состояние души (если привлечь на помощь формулировку литовского критика В. Кубилюса). И что особенно важно — состояние естественное, раскрывающее самое лучшее, самое светлое в характере человека. В чем же другом, как не в грехах выражало себя сердце Анны или Рамуне? Ведь вся их внешняя, про-

текавшая на виду жизнь принадлежала не им — усадьбе. И в этой внешней жизни они выступали не в личном, а в обезличенном плане — шестеренки в механизме хуторского хозяйства.

Противостояние романтического реальному (беру это слово в трактовке Шаткаускаса) было частным проявлением более общего конфликта между нарождающимся в социалистических условиях новым и уходящим старым, между человечностью и искажающим, уродующим ее собственничеством.

Хутор Индрюнас представлял собой как бы микромодель этого частнособственнического мира. Здесь властвовали те же безжалостные законы борьбы за существование и конкуренции.

Страх перед нищетой и разорением впитался в плоть и кровь главы семейства Пятраса Индрюнаса. Этот страх диктовал ему самые разнообразные формы поведения. Он заставлял его в прежние времена пресмыкаться перед волостным начальством, перед зятем Шаткаускасом, делавшим блестящую карьеру, а в годы войны укрывать в своем сарае партизанского вожака Алексаса Алексинаса, нынешнего председателя. Не из любви к нему, конечно, а на всякий случай — еще неизвестно, кто победит.

Проживший большую часть жизни при сметоновском режиме и не видевший от этого режима ничего хорошего, Индрюнас проникся недоверием ко всякой власти, в том числе и народной. Любой ценой старался Пятрас уберечь свою усадьбу от потрясений. Хитрый мужички расчет подсказывал ему, что с любой властью надо ладить, а еще лучше породниться с нею. В тридцатые годы он выдал свою первую дочь Ингриду за офицера буржуазной армии Шаткаускаса, в сороковые не прочь был толкнуть Рамуне к бывшему партизану Алексинасу.

Только земля была для Индрюнаса единственной реальностью. И интересам земли приносил он в жертву все прочие интересы: свои ли, жены ли, Юргиса или Рамуне. И только ради хозяйства, ради десяти своих гектаров спрятал он Юргиса, чтобы не оторвали его от усадьбы ни националисты, ни народные защитники.

Поразительно, но в романе, где все основные персонажи поочередно получают право исповеди, Пятрас Индрюнас этого права лишен. Мы видим, как он морочит голову бандитам, как изворачивается пе-

ред народными защитниками, как лебезит перед Шаткаускасом или председателем исполкома Алексасом Алексинасом (братом того, городского Алексинаса) — он весь окутан дымовой завесой фальшивых, обманных слов, но исповеди героя мы не слышим. Лишь в редкие кульминационные моменты, как справедливо заметил в одной из статей Р. Пакальнишкис, Индрюнас раскрывается изнутри, предстает без обычной, защитной маски.

Так, избитый националистами, утирая кровь, он удовлетворенно усмехается: «Дурака нашли... Индрюнас своего ребенка отдаст... Ждите, кровопийцы!»

Или в разговоре с председателем Алексинасом: «В России легко было собрать в колхоз, там жизнь без хуторов. А у нас ведь хутора! Дома на цементном фундаменте!»

Видимо, Слуцкис в этом случае намеренно отказался от формы исповеди. Романтическое (естественное — в контексте романа) начало едва ли не полностью уничтожено в характере Индрюнаса, духовные стремления вытравлены материальными расчетами. И Яньюсу и Рамуне, глазами которых мы смотрим на Пятраса, его фигура наименее ясна. Ненавидеть или оправдать — таков размах колебаний Валюса. А для Рамуне отец — как «...неогороженный, запущенный колодец, в который нападало столько всего, что не знаешь, глубок он или не глубок и какое было дно».

Это всякое может неожиданно прорваться страшными, кощунственными высказываниями: «Вскоре земля снова будет землей, как ей и полагается. Хозяин — хозяином!.. Я и жду. Будет, будет война!»

Но иногда сквозь кощунства, притворства, кривляние проступают не слезы, нет, — только слезинки. Но Рамуне обжигает мысль, что они настоящие, как у всех людей.

Из всех персонажей романа фигура хозяина хутора наиболее традиционная и наименее завершенная. Эта незавершенность идет не от пророчества писателя, а от жизни и свидетельствует как раз о художественной пронизательности Слуцкиса.

Новому — всем этим идеям, проектам, посулам Алексаса Алексинаса — Пятрас не доверял. Доверял тому лишь, что материально.

Старое было понятным, испробованным на опыте.

Но на стороне нового была сила, власть, а с силой Индрюнас шутить не любил. И потому он как бы застыл на перепутье, выгадывая, взвешивая.

С точки зрения Шаткаукаса, Индрюнасы были глиной — особо плотным, инертным, окончательно сформировавшимся ее слоем. Но то размежевание на хуторе, которое показывает писатель, та внутренняя борьба, которая то ожесточенно, то приглушенно, но непрерывно шла здесь, убедительнее всего опровергает эту насаждавшуюся националистами концепцию. Традиционный слой не был однородным. И в нем таились силы, способные к развитию и обновлению. И если до поры до времени они были придавлены и словно дремали, то революция пробудила их, вызвала к росту.

Понимание романтизма как истинной человечности дает нам ключ к постижению драматического состояния Рамуне. Героиня романа не нуждалась в хуторе как источнике существования. Экономически он не был властен над ней, как над старыми Индрюнасами. Теперь не прежние, не сметоновские времена. И тем не менее девушка не могла покинуть усадьбу. Ее удерживали не гектары, не оставшаяся в поле картошка — удерживал иной механизм сцепления. Не собственнический, а противостоящий ему.

Однажды Рамуне сказала Яунюсу о матери: «Лучше бы она была похожа на отца. Тогда и я, как ты, не дорожила бы домом. Была бы свободна, как птица... С собственным горем еще можешь бороться, но с чужим...»

Ее удерживала на хуторе мать, больная, уставшая, одинокая женщина. И Юргис, тот тоже тянул ее назад. Даже не сам он, а нравственный долг перед ним: «...если я уезжаю, у него надежды не осталось. Не может ведь хозяйство остаться без рабочих рук... И только подумай: я, которую Юргис больше всех любил, копала ему могилу!»

Мечтая о новой жизни, о победе человечности, она не могла поступиться человечностью перед своими близкими. Принесла их интересы в жертву собственному счастью, она обесценила бы само счастье.

Мировая гармония Яунюса (прежнего, не встречавшегося с Индрюнасами) была надличной. Такой гармонии Рамуне не смогла бы принять.

И мысль Яунюса, которая пришла к нему после тревожных дней и ночей на хуторе,

мысль о том, что «ведь должна быть справедливость и для «какого-то» Юргиса так же, как есть моя лестница, и для тебя, и для всех нас!» — эта мысль была для героя величайшим духовным прозрением.

Мотив связи людей, их взаимосцепления, единства общего и отдельного — один из главенствующих в творчестве писателя. И путь Яунюса в романе — это путь с сухого, солнечного островка в бушующее житейское море. От юношеской, иллюзорной гармонии — к гармонии подлинной. К той гармонии, которую нельзя было созидать на острове, поскольку она охватывала и Рамуне, и Юргиса, и прочих Индрюнасов, множество знакомых и незнакомых людей. К той гармонии, которая не могла возникнуть сама собой, — ради нее нужно было бороться, действовать, а порой и жертвовать чем-то дорогим.

Кредо заместителя редактора Алексинаса: научись подниматься над личным, — Яунюс воспринимал уже как нечто чуждое и враждебное своему новому состоянию. Этой заповедью так легко было отмахнуться от какого-то Юргиса. Но Юргис не был «каким-то», абстракцией. И Яунюс должен был защищать его в редакции, хотя непосредственным результатом этой защиты было короткое распоряжение Алексинаса: «Рассыпьте статью Факела... Неясного для нас автора печатать не можем».

Юргис уже вошел в жизнь Яунюса Валуся, стал составной ее частью, как вошел в нее и Пятрас Индрюнас, вдоволь поиздевавшийся на новоявленном зятком, над его лестницей в небо там, на хуторе, но «...пусть он чужой Индрюнасу, как заноза, впившаяся в живое мясо, но ведь и в него впились Индрюнасы, и ему больно, так больно ему еще никогда не было».

Герои Миколаса Слуцкиса не остаются статичными в движущейся лавине событий, они меняются вместе с ней. И если невозможно дважды войти в один и тот же поток, то и человек не может войти в него абсолютно прежним. Эта боль от сцепления с Индрюнасом, смешанная со счастьем близости к Рамуне, обновила внутренний мир Яунюса. Словно невидимая борозда разделила его жизнь на две неравные по протяженности, но обратно пропорциональные по духовной насыщенности части.

Тот Яунюс спешил оттолкнуть чужую грусть, этот пытался ее разгадать.

Тот Яунюс почти ненавидел народного

защитника Меркиса, не мог простить, что тогда в доме Индрюнаса он не поверил его комсомольскому билету и, двинув прикладом, увел в волость; этот — признавал право Меркиса быть суровым и настороженным; бдительность была освящена кровью убитых бандитами родителей; «Застыли за ужином, и тяжелой деревянной толкушкой, которой картошку толкут... Сначала отца этой еще дедом высокобленной дубовой штукой, а потом мать. Пули сэкономили, а может, веселились мужики».

Тому Яунюсу был ближе Алексинас городской, заместитель редактора, этому — его брат, Алексинас деревенский, председатель, привыкший к посвисту бандитских пуль и не терявший самообладания, когда такие, как Индрюнас, не очень-то поддавались на его агитацию записываться в колхоз.

Образ председателя имеет в романе особое значение. Алексас Алексинас соединял в себе мечту с действием, бдительность с доверием, человечность с непреклонностью. Его голосом, его поступками заявляла о своих правах новая действительность в местечке Жвирблюнай, заявляла уверенно, внушительно, по-хозяйски. Надо сказать, однако, что образ председателя выписан Слуцкисом эскизно. Он открыт нам лишь той своей стороной, которая обращена к Индрюнасам. Но и эта сторона жизни героя существенна.

Именно в присутствии Алексинаса Рамуне ощущает, «как в ней тает страх, индрюнасовский страх и недоверие, отгораживающие ее от всего, что истинно и человеческо...». И она отваживается на слова, которые не посмела бы произнести раньше: «Помоги нам, Алексас... Юргис не виноват!.. Он ничего не сделал... Он не бандит... Он не хочет, не хочет скрываться!.. Они погубят его, Алексас...»

Эти слова прорвали заговор молчания вокруг Юргиса. Но значение их выходит далеко за рамки локальной ситуации. Вместе с ними выплеснулся на поверхность тот протест против обезчеловечивания, который годами вызревал в доме Индрюнасов. Невидимая для постороннего глаза борьба стала явной. Пружина непокорности не поддавалась житейской ржавчине. И это было непостижимо для Шаткаускаса: огоньки коммунистической веры в глазах Рамуне. Традиционная глина дала новые ростки.

То, что отказывался понимать бывший сметоновский офицер, вовсе не было чудом. Коммунистическая вера не противоречила гуманистическим идеалам героини или ее матери, она была их закономерным продолжением и развитием.

В этом выводе — важнейшая идейная кульминация романа, хотя его сюжетная кульминация иная: доведенный до отчаяния Юргис покончил с собой.

Лирическая проза Слуцкиса завершается эпическим аккордом.

Событие, которое все — и каждый по-своему — старались предотвратить, произошло.

Однако с Юргисом или без Юргиса, а земля не может остаться без хозяина. Смерть не сняла конфликт, лишь обострила его.

И в эту новую — уже за пределами повествования — борьбу Яунюс и Рамуне вступают более сильными и более зрелыми. Ответственность за будущее ложится на их плечи.

В современной литовской прозе «Лестница в небо» имеет значение новаторское. Произведения, написанные в лирическом ключе, появлялись и раньше, но М. Слуцкис и Ю. Марцинкявичюс в «Сосне, которая смеялась» сумели по-настоящему реализовать возможности этого направления. «Лестницей в небо» лирическая проза вторглась в заповедные для литовской литературы владения прозы эпической — в область крестьянской жизни.

Содержание этой жизни эпично вообще, а в годы революционного перелома особенно. Оно характеризуется разнообразными переплетениями политических, социальных, экономических, национальных, религиозных и прочих факторов. Может ли сознание отдельной личности удержать эту сложность, донести ее до читателя? Опыт Слуцкиса отвечает на этот вопрос утвердительно. Сам писатель так говорит о своей манере: «Механизм человеческой психологии и общественных отношений фокусируется в малой точке, чаще всего через «я» (но не обязательно!). Грубо говоря, личное и общественное как бы заключаются в оболочке одного атома.

В союзе с аналитическим мышлением, с аппаратом психологии лирический подход дает очень интересные результаты. Такая «перевороженная» лирика не только сопеживает, но и осмысляет и исследует».

Лирический герой у М. Слущкиса утратил черты беспристрастного повествователя. Его сознание активно, оно выдвигает свои версии событий, пытается дать им собственное истолкование, многократно прокладывает мостки из внешнего мира во внутренний и обратно. Неизбежная в таких случаях субъективность компенсируется сопоставлением взглядов различных персонажей, логикой эволюции героев, их принципов.

Повествовательная канва романа складывается из глав, написанных не от лица, но с позиций Яунюса и Рамуне, дополняемых исповедями Индрюнене, председателя Алексинаса, Шаткаукасаса. В результате происходящее получает многостороннее освещение; к тому же воспоминания героев создают еще и необходимую историческую ретроспективу. Многоплановая, многофигурная композиция романа довольно необычна для лирической прозы — такая композиция свойственна скорее роману эпическому.

«Лестница в небо», написанная в свободной, ассоциативной манере, — вместе с тем книга очень строго организованная. Она, если воспользоваться словарем музыки, насквозь пронизана развивающимися символическими темами. Такова тема индрюнасовской глины, обрастающая все новыми подробностями, «биография» чемодана Рамуне или переходящая из главы в главу и каждый раз открывающаяся неожиданными гранями история о том, как Анна спасла свою семью во время войны. Эти и другие темы (лестницы в небо, матроса, королевича и т. д.), разветвляясь и сливаясь одна с другой, образуют прочную ткань подтекста, на которую ложатся новые краски. «И тогда, — как писал об этом романе В. Огнев, — почти неожиданно, на первый взгляд, самые натуралистические картины приобретают ореол поэтический, будто кто-то подсвечивает их изнутри».

«Сосна, которая смеялась» Ю. Марцинкявичюса и «Лестница в небо» М. Слущкиса были истоками той полноводной реки лирической прозы, которая и поныне катит свои волны в литовской литературе. Следом за ними появились романы И. Мераса «Вечный шах» и «На чем держится мир», «А часы идут» И. Мекелинскаса, «Каунасский роман» А. Белюскаса. Они не были повторением того, что найдено Марцинкявичюсом и Слущкисом, но в них был закреплен самый метод изображения человека изнутри.

Правда, в дальнейшем за этим направлением все реже сохранялось название лирического; современная литовская критика предпочитает именовать его аналитическим или философским. Эта смена определений в определенной мере соответствует трансформациям как в форме, так и в содержании.

Свидетельством тому была, в частности, и новая книга М. Слущкиса — роман «Адамово яблоко»

В «Адамовом яблоке» лестница перестала быть монументальной. Не выделенные курсивом ступени, а ступеньки «мелкие, словно почерневшие зубы...»

Обычная лестница в обычном жилом доме. Выкрошившаяся известка, детские карандаши на стенах. Начало и конец повседневных маршрутов Аугустинаса и Геновайте.

Первый роман Миколаса Слущкиса открывался патетической увертюрой. Вступление во второй подчеркнуто прозаично: «Аугустинас Каманис зевнул...» Наступило утро, такое же, как вчера и как позавчера. У действия нет привычной завязки — это похоже на киноприем: оживает фотография и все начинает двигаться. Жена Каманиса, еще не открыв глаза после сна, в мельчайших подробностях представляет себе предстоящий день: «Прыг из постели... зарядка... завтрак для Аугустинаса... туда-сюда тряпкой... бегом по лестнице... набитый троллейбус... а там работа... бегание по магазинам... торопливо проглоченный обед... стирка, глажение...»

Снова, как и в романе «Лестница в небо», проблематика заколдованного, замкнутого круга. С той, конечно, разницей, что героям не угрожают бандитские пули, что внешняя среда не покушается на их благополучие. Атмосфера беспокойства исходит от них самих, от монотонности существования, приглушающей чувства и мысли, а может быть, от вещей.

Геновайте раздражает бритва Каманиса. Старинная, допотопная бритва. Как ни старайся, остаются порезы на лице, на шее. А потом глядишь — на чистом воротничке пятнышки крови. Впрочем, дело не в бритве, а в упрямстве Аугустинаса, не желающего расстаться с ней и обзавестись электрической. Цепь от вещей тянется к людям.

На страницах прозы Слущкиса люди и

вещи ведут далеко не мирное существование. Самая заурадная домашняя утварь может таить в себе невысказанную угрозу. Как дубовая толкушка, которой убили родителей Меркиса из «Лестницы в небо»: «В чистеньком шкафу Индрюнене тоже висит белая, такая красивая на вид толкушка... Висит и, может быть, ждет, притворившись чем-то невинно-белым и красивеньким...»

Лестница «Адамова яблока» — также источник тревог для Каманисов. Здесь их подстерегает сожитель дворничихи. Вечно пьяный одноглазый мужичонка с его нелепыми просьбами и требованиями. И амплитуда вымогательства необычайно широка: лесть, заискивание, угрозы, шантаж. Нет, Геновайте не любила лестницу: «Стук дверей, шаги... Сползание вниз, в бездонный колодец...»

Лестница в небо — лестница вниз.

Из атмосферы, насыщенной воздухом классовой борьбы, социальных страстей, — в атмосферу домашних споров, обид, подозрений. Из деревни, стоящей на перепутье, — в город, живущий будничной жизнью.

Но не будем делать из этого сопоставления далеко идущих выводов. Оно достаточно внешнее.

Вещи выдают не различия, а родство обоих романов. Они загромождают все интерьеры «Адамова яблока», втискиваются между людьми.

Герой рассказа «Не забудь про аиста» не зря сопротивлялся покупке машины, «отбрыкивался от нее хуже, чем от телевизора и магнитофона, который вчера приволок и который отныне будет бубнить, вплетаясь в дуэт радиолы и телевизора, заполняя тот крохотный просвет тишины и покоя, который еще оставался для раздумий». У Юлии, эпизодической героини «Адамова яблока», нет даже этого крохотного просвета. Она боится тишины — без грохота радиолы ее охватывает неясная тревога, боится быть наедине с собой — в кафе, за болтовней, легче избавиться от мыслей. Тишина о чем-то спрашивает человека — радиола избавляет от вопросов. Лихорадочная погоня за модными кофточками, транзисторами, пластинками создает иллюзию занятости, цели. Валерионас Каманис, отец Аугустинаса, всерьез уверяет, что бросил бы пить, если бы сынок раскошелился на телевизор: тогда бы, дескать, не прикладывался к рюм-

ке, а сидел бы да повышал культурный уровень.

Автомобили, телевизоры, зажигалки в романе Слуцкиса не просто бытовая техника, но еще и эрзац духовности. Ими заполняют вакуум, задабривают, расплачиваются за чувства, но за них и требуют чувства. Аугустинас Каманис, презиравший своего отца, подобно ему, хватается за вещи, как за якорь спасения: «Машину захотелось, когда возникла брешь, которая все расширялась и увеличивалась... Не собирался ли сверканием машины затмить пустоту?.. А может, надеялся, что Геновайте, поглощенная «Москвичом», не будет оглядываться по сторонам, смотреть на других мужчин?» Но разве не той же цели служила квартира, новое платье, бесконечные разговоры о защите диссертации? Все это лишь различные трансформации «Москвича».

Движущая пружина «Лестницы в небо» — спор романтического мироощущения с собственническим.

В «Адамовом яблоке» этот спор продолжается, хотя и под другим флагом, в другой обстановке.

Опредмеченная действительность — против действительности идеальной. Отношения и вещи, порабащающие чувства, — и чувства, протестующие против отчуждения.

Типичная для романов Слуцкиса предгрозовая коллизия. Коллизия, чреватая взрывом, разрушением статус-кво во имя подлинной гармонии между человеком и окружающим.

Этот драматический поиск гармонии писатель конкретизирует во внутренних монологах двух основных героев — Аугустинаса и Геновайте.

Хотя перед нашими глазами проходит хроника одного дня персонажей, временные рамки романа не кажутся тесными: воспоминания дают возможность отодвинуть действие в прошлое, к истокам биографии. Мельчайшее событие, как то телефонный звонок или вызов к начальнику, становится импульсом, возбуждающим череду аналогий и ассоциаций. Элементы потока сознания, которые берет на вооружение Слуцкис, придают этим ассоциациям, скачкам из нынешнего дня во вчерашний или позавчерашний живость и непринужденность. Однако в целом каноны школы потока сознания не довлеют над писателем: если перебросятся из

одного состояния в другое часто рождены подсознательным движением мысли или чувства, то возникающие вслед за этими скачками эпизоды выдержаны в духе традиционной повествовательной манеры: они сюжетны, развиваются строго логично и даже не лишены описательности.

Форма внутреннего монолога позволила Слуцкису, говоря его же словами, «показать совокупность душевного мира современного человека с социальным механизмом, найти точки их наложения...». Но в «Адамовом яблоке» по сравнению с «Лестницей в небо» душевный мир уже не управляется столь непосредственно окружающей средой; он более автономен. Психологическая канва поведения персонажа образуется в результате сложного взаимодействия внешних импульсов с биологическими, наследственными, подсознательными и прочими комплексами. Механизм человеческой психики, как писал в статье о литовской прозе В. Кубилюс, «...не только впитывает в себя и перерабатывает то, что дает среда и время, у него свои извивы, своя независимость...».

Увлечение тайным, подсознательным, в чем убеждает нас практика некоторых западных романистов, нередко чревато опасностью отхода от социальности, выключения личности из сферы больших идейных, политических, философских вопросов времени. Но это в том случае, когда изображение подсознательного становится самоцелью, когда биологическое, инстинктивное поднимается на щит как суть человека в противовес его общественному назначению. И глубоко прав А. Бучис, когда он пишет о подобных концепциях, что «сфера истинно человеческого здесь грозно сужается до минимума: очищенная от мнимо преходящих, внешних социальных своих слоев, душа человеческая иссыкает и ограничивается игрою глубинных инстинктов, теряя свою способность и возможность ответить на «проклятые» вопросы о смысле бытия и собственного существования».

Опыт современного литовского романа в этом смысле принципиально отличается от модернистских исканий в духе Дж. Джойса. Для М. Слуцкиса, А. Беляускаса, И. Микелинскаса и других проникновение во внутренний мир, в подсознательное — лишь одно из средств познания действительности, анализа духовной структуры человека общественного.

Важно заметить, что персонажам «Адамова яблока» принадлежит исключительно право осмысления и толкования происходящего. Писатель не отождествляет себя ни с одним из героев, и соответственно никто из них не может претендовать здесь на роль выразителя авторской позиции. Эта позиция реализуется во всей системе идейно-художественных средств книги.

Воплощением естественного начала выступает в «Адамовом яблоке» образ Геновайте. Она и сама ощущает себя растением, «которое вот-вот пустит корни и вгрызется в более прохладный слой земли, пока не раскроются набрякшие почки... Не осталось ни рук, ни ног — лишь безотчетное слияние с прохладой земли и солнечным жаром, без которого не растворилась бы и не познала бы бесконечность». В характере героини не было ничего искусственного. Она не умела скрывать ни своих мыслей, ни своих чувств. И это с первых же встреч поразило Каманиса — ее непосредственность. Она рассказывала о себе, о своем увлечении плаванием, о своем доме, где ее сватают за перезрелого доктора Оскараса («Гадкий человек... Брр!»), о том, что ее идеал — серьезный мужчина лет на пять или десять старше, чем она. Геновайте нисколько не заботилась о том, какое впечатление произведет ее слова, уместны ли они при первом знакомстве вообще.

«Кто она, — терзался в догадках Каманис, — распутная девка или святая наивность?»

Между тем Геновайте не была ни той, ни другой. Просто она жила в согласии со своей натурой, со своим сердцем. В этом сердце не было места доктору Оскарасу, и отвергнув его домогательства, она была вынуждена уйти из дома. Глаза девушки смотрели широко и доверчиво. Как там, на стадионе, когда она, отжимая пряди волос, стояла перед Аугустинасом и, не стесняясь своих обнаженных плеч, не замечая его смущения, спрашивала, понравился ли ее прыжок. Искренность Геновайте обезоруживала его; всегдашний скепсис Каманиса отступал перед чистотой и неподдельностью ее чувства.

Скепсис был бессилен перед Геновайте. Грязь житейских предрассудков, мещанских представлений о приличиях не приставала к ней, как не приставала и к другой героине М. Слуцкиса — Рамуне из «Лестницы в небо». Уж как хотелось Ин-

грде после «грехопадения» Рамуне уравнивать сестру в правах с собой: мол, «вот и ты — как все грешные Евы»; но она понимала, что «...слова, пусть самые трезвые, пусть самые грязные, не липнут к той, чьи губы во сне горят, как тлеющие угли. Ведь есть такие люди, которых не задевают злобная мудрость и липкая грязь...».

Героиня «Адамова яблока» была из числа таких людей. Чистых в своих поступках и мыслях. Не скрывающих и не стыдящихся их. Естественность ее поведения сама по себе исключала представление о грехе. Чувство Геновайте не нуждалось в том формальном освящении (регистрация, венчание), которому придавал столь важное значение ее муж.

То, чем Каманис всегда гордился (как же, не побоявшись сплетен и кривотолков, вел оставшуюся без дома девушку к сестре однокурсника), для героини было не подвигом, а нормой: «Каждый настоящий мужчина поступил бы, как ты...»

Подвиг и норма. Две различные точки отсчета при оценке одного и того же поступка. Мучительная экзальтация и спокойная уверенность в себе.

Аугустинас никогда не испытывал подобного состояния душевной ясности. Вечно делал не то, что хотел, говорил не то, что думал. Миколас Слукцис полностью лишает Каманиса тех преимуществ, которыми щедро наделил Яуноса Валуся. Исходные данные их биографий противоположны, как плюс и минус. Герой «Лестницы в небо» гордился своей родословной, герой «Адамова яблока» стыдился ее.

Для Яуноса анкета была своеобразной охранной грамотой, для Аугустинаса — обвинительным документом, работавшим против него. Отец — бывший органист в костеле, брат Альгирдас во время войны спутался с националистами, а после нее бежал от возмездия в Америку. В первые послевоенные годы, когда в лесах Литвы не умолкала перестрелка, эти факты не могли не вызывать остороженности. Страх ответственности за чужие преступления влачился за героем, как тень. И когда на ученом совете института его прорабатывали за генетические эксперименты, он молчал, слушая нелепые, малограмотные рассуждения: «рот мертвца зажал брат...»

Этот страх не в последнюю очередь объясняет податливость Каманиса перед давлением обстоятельств, его зависимость от рас-

положения таких, как директор института Каралюс. Там, где Геновайте рвалась в бой, Аугустинас поспешно отступал, готов был «превратиться в жучка, микроскопическое растение, планктон...», лишь бы не давать повод ворошить прошлое. Отступал даже после того, как времена изменились и анкета потеряла былую магическую силу. Страх выродился в боязнь ответственности, самостоятельных решений. Этак было спокойнее и безопаснее — прикрываться чужой волей. Писатель не приукрашивает реальные обстоятельства жизни героя, но он не оправдывает и паразитизма на этих обстоятельствах.

Комплекс неполноценности болезненно деформировал психику Каманиса. Успехи коллег, особенно сверстников, каждый раз ранили его самолюбие. Он испытывал зависть к людям здоровым, сильным, удачливым и защищался от этой зависти скепсисом. Ему неизменно хотелось «развенчать избранных, которых публика провожает криками и аплодисментами...». Развенчивая других, возвышал себя. За насмешками было легче скрыть обиду и растерянность.

Метод познания личности у Слукциса можно уподобить поднятию якоря со дна моря. Звено за звеном пропускает он через свои руки причинно-следственную цепь, чувствуя, как все более напрягается и сопротивляется она. От того, что ближе к поверхности, все дальше и дальше вглубь. От настоящего времени в прошедшее. Годовые кольца остаются не только в стволе дерева, но и в душе человека. «Мои герои,— говорил однажды писатель,— люди нелегкой судьбы, вросшие в былое значительно крепче, нежели им самим хотелось бы...»

Детство и юность Каманиса падают на годы буржуазного режима в Литве. Именно тогда формировались многие его привычки и представления о жизни, которые впитались в плоть и кровь. Обстановке дома играет в судьбе персонажа ту же роль, что и хуторской уклад в судьбе Рамуне. Хотя отец Аугустинаса Валерионас не был собственником в прямом смысле слова, вся его психология, весь образ мышления были отравлены ядом буржуазности. Скромный органист в костеле, он становился жестоким деспотом в кругу семьи, рабски копируя в этом деспотизме своих хозяев. Здесь он старался получить все то, чего был лишен

в большом мире. Его голос делался звучным, как колокол, жесты — величественными. Жена, сыновья — все должны были трепетать при его появлении, почтительно исполнять любую волю, прислуживать ему. Это был уже не безропотный слуга ожиревшего настоятеля, а достойный сын славного кларнетиста Йонаса — того, который смело резал правду-матку в лицо князю Огинскому. Семейное предание было для Валерионаса источником гордости, точно он сам, а не кто-то другой бросал обвинения князю.

Уже тогда сознание героя раздвигалось между покорностью отцу и протестом против его жестокости по отношению к матери и брату. Чувство протеста, не находившее реального выхода, обращалось в «сказочки». В своем воображении Аугустинас восстанавливал справедливость, карал зло, воздавал сполна за обиды. Но, сочиняя «сказочки», он лишь бессознательно подражал отцу. Вместе с адамовым яблоком Аугустинас унаследовал от своего родителя «его слабость... привычку сгибаться перед теми, которые сильнее... слабость терпения, возвышающую нас в собственных глазах... Ты, отец, очень быстро успокаивался, переспав с первой попавшейся юбкой или вытаскивая из могилы за фалды дедушку Йонаса...».

Вот и «сказочки» Каманиса не побуждали к действию, а, напротив, гасили порыв, служили средством разрядки напряжения. Колебания между попытками постоять за себя и привычкой сгибаться определяют всю линию поведения героя в книге. Он шел к директору института с решительным намерением заявить, что Каралюс воспользовался его темой, его данными, что это вообще бесчестно — нападать на генетику вчера и строить на ней карьеру сегодня, но, репетируя обличительный монолог, перекипел и, присмирив, послушно принял поручение шефа быть устроителем торжественного банкета.

Слуцкис не ограничивается констатацией замкнутости героя и открытости героини — он находит этим качествам социальную, историческую мотивировку. Аугустинас, корни мировоззрения которого уходят в буржуазное прошлое, с детства воспринимал внешнюю среду как враждебную себе, старался от нее обособиться. Геновайте, родившаяся на десять лет позже, видела в этой среде естественного союзника в борь-

бе за самоутверждение, опиралась на нее, бунтуя против мешанских порядков дома.

Полемичность, о которой мы говорили применительно к первому роману писателя, в той же мере характерна и для «Адамова яблока». Она здесь не внешний, привнесенный со стороны элемент, а как бы свойство самой повествовательной матери, возникающее из несоответствия позиций и идеалов персонажей. Недовольный своим положением и не умеющий изменить его, Каманис нуждается в таких моральных основаниях, которые примирили бы его со скупаемой беспокойством совестью, дали бы оправдание его бескрылому существованию. «Будем почитать человека такого, каков он есть, а не вымышленного» — эти слова делаются девизом героя. Однако его жена, не скованная страхом и покорностью, не может принять их без существенной поправки: «Да, это так, но люди неодинаковы, одни смелые, отзывчивые, а другие — трусливы и своекорыстны... Прошло время идиологов... но разве уже больше не нужны благородные и важные люди? И все-таки как ужасна человеческая привычка сомневаться в добродетелях других, когда не ощущаешь таких же в себе!»

Здесь и намечается линия водораздела: Аугустинас занижает нравственную норму, Геновайте поднимает ее.

Гармония, к которой стремится герой, в сущности, оборачивается тем же компромиссом с собой и обстоятельствами. Подобно Яунюсу Валуосу, он хочет возвести в бушующем море некий искусственный остров со своим микроклиматом. И этим островом призвана стать семья. Геновайте была для Каманиса символом надежности и устойчивости, «теплой, безопасной заводью», где можно укрыться от непогоды.

В таком виде компромисс обрел завершенность. Цель, то есть интересы семьи, оправдывает средства. Сами по себе малопривлекательные поступки неожиданно озагрились высшим смыслом: безропотность на службе — ради квартиры, халтура — опять-таки ради жены. «Светлую, созданную для радости и восторга половину я предназначил Геновайте, а черную, подозрительную закопал в землю, засунул под стропила, под железобетонные балки, — со своими бедами буду бороться тишком, один, не беспокоя ее».

Небезынтересно проследить, как в Каманисе, который на всех перекрестках открещ-

щивался от своего отца, а мысленно даже отвез его в лес и привязал к дереву капроновыми веревками, проступают черты все того же Валерионаса. Адамово яблоко — образ многозначный. Это не только кадык, не только привычка сгибаться перед сильными и утешаться «сказочками», это — самые различные проявления мещанской, мелкобуржуазной психологии. Зоркий реалистический глаз писателя реагирует на них остро и безошибочно.

Любящий свою жену, воспитанный, самокритичный Аугустинас ведет себя дома как собственник. Незаметно для Геновайте, да, пожалуй, и для самого себя, он окружает ее неким забором. Принудил отказаться от любимой работы («Не могу я этого вынести... Моя жена — и скачет полуголая перед тренированными бычками...»), поднял мосты перед бывшими друзьями, иронизировал над самыми светлыми ее воспоминаниями. Что же он давал взамен этого? Деньги, ради которых не гнушался халтурой, вещи, мечту об автомобиле, туманную надежду на блестящую завтрашнюю карьеру, когда защитит наконец свою диссертацию. Магия старых образцов владела Каманисом. И в духе тех же образцов рисовался ему жизненный идеал самой Геновайте, которому он хотел угодить: «Она могла иметь красивенький домик, «Победу» или «Волгу», роскошную мебель и все, что обеспечивается разумным выбором». Вынесенная из прошлого манера овеществлять духовный мир ослепляла его. Вчерашний день напоминал о себе если не прямо, то косвенно.

Право собственности на свой искусственный остров герой не хотел делить даже с детьми, о которых мечтала жена. Его удручала сама мысль об обязанностях, связанных с прибавлением семейства. «Нам надо освоиться, узнать друг друга и свободно пожить — для себя, — твердил Каманис. — Что хорошего в тех семьях, где торопятся взвалить на плечи непосильную ношу?» Он равно боялся и этой ноши, и возможности новой войны — тех тонн тротила, которые припасены для каждого еще не родившегося жителя земли. Эгоистическое кредо героя, как губка, впитывало в себя страх перед неизвестностью и прикрывалось этим страхом.

Однако концепция жизни для себя, прельстившая Аугустинаса, не учитывала главного — Геновайте, ее самостоятельности.

С этим образом входит в роман проблематика поиска таких духовных ценностей, которые были бы действительно созвучны нашему сегодня. Романтическое начало, которое в «Лестнице в небо» олицетворяла Рамуне, в «Адамовом яблоке» еще более приобретает характер начала естественного. Природные, непосредственные чувства превращаются здесь в силу, сопротивляющуюся отчуждению подлинно человеческого. Natura Геновайте была слишком свободна, чтобы без конца подавлять движения души или в угоду мужу отказываться от ребенка. Но голос природы — лишь подоснова ее недовольства своим положением. Слуцкис не фетишизирует роль непосредственно биологического — и разговор об этом еще впереди в связи с новым романом писателя. Пока же заметим, что его героиня стремится не к компромиссу с собой, как Каманис, не к примирению с раздвоенностью, а к ее сознательному преодолению. Она жаждала цельности в себе и естественности в своем отношении к миру. Не поступаться общественным ради личного (путь мужа) или личным ради общественного, а гармонически соединять то и другое. Поэтому ее не привлекала участь тех женщин, которые находят счастье только в домашнем очаге, равно как и тех, что «надрываются на общественной работе, надсаживая горло и увядая прежде времени... Ни те, ни другие Геновайте не восхищали, она тосковала о чем-то более глубоком и прочном».

По той же причине героиня Слуцкиса отвергает и тот идеал («Волга» — красивый домик — роскошная мебель), который намечал за нее и как бы от ее имени Аугустинас. Новый шеф Геновайте, увлекшийся ею директор института Гинюнас, мог без труда осуществить эту программу. Ему вполне достало бы для этого и умения и энергии. Там, где Каманис сомневался и трусливо прятался в кусты, Гинюнас шел напролом и добивался успеха: «Мой Аугустинас рядом с ним, как учитель из провинции, который старается поспевать за культурной жизнью столицы, подписываясь на все без исключения журналы... Один кривляется, съездившись в подворотне, а другой пронесится мимо большими шагами... Догоняй, попробуй, посыпь соли на хвост!»

Образ Гинюнаса продолжает в творчестве Слуцкиса линию Шаткаускаса, одного из героев «Лестницы в небо». Только Шаткаускаса, отбросившего надежды на рестав-

рацию прежних порядков и стремящегося извлечь побольше благ из нового строя. Его «реализм» — это реализм делового человека, а трезвость отношения к миру равнозначна буржуазному практицизму. И этот-то практицизм, эту повадку хищника чутьем угадывала Геновайте; ей хотелось бы, чтобы Гинюнас «испытывал хотя бы крупицу непрактичного, несвоекорыстного восхищения...». «Реализм» Шаткаускаса и «реализм» Гинюнаса однотипны в своей основе, являясь выражением потребительски циничного отношения к жизни, приспособленчества, возведенного в сознательную норму поведения. М. Слущикс непримирим к такой «трезвости» и в «Лестнице в небо», и в «Адамовом яблоке», и в «Жажде». Он последователен и в своем ниспровержении философии практицизма — философии, несомненно буржуазной по своему происхождению и враждебной морали нового общества.

Один день, изображенный писателем, день, внешне похожий на другие, был все же необычным в судьбе героев. Отчуждение между ними, накапливавшееся годами, стало явным. Страх перед возможностью потерять Геновайте, перед тем, что «она изменится, раскроется, заговорит тысячелетиями заглушаемый инстинкт, а ты потеряешь якорь, на котором держался, думая, что обладаешь надежной связью с твердым, устойчивым дном», — только этот страх, пронзивший Каманиса, мог до основания потрясти его существо. И потому так оправданны и необходимы в сюжетной ткани романа переходы из нынешнего дня во вчерашний — Аугустинас должен был оглянуться на свое прошлое, чтобы нащупать запутанный узел внутренних противоречий и разрубить его, если уж не удастся развязать. Он хочет увидеть свой облик в зеркале совести без грима и ретуши — и потому так откровенна, предельно искренна его исповедь. Да, были трагичнейшие дилеммы эпохи, но было и лицемерие, цеплявшееся за эти дилеммы, прикрывавшееся ими. Страх потерять Геновайте стал для героя одновременно и средством освобождения от страха.словно самый инстинкт самосохранения подсказывал: надо убедить жену, что еще не все в нем загублено покорностью, разъедающей рефлексией, привычкой отступать перед давлением обстоятельств. Отсюда обуревающая героя жажда поступка, перехода из обороны в наступле-

ние. Он уже не мог отделяться «сказочками» — Геновайте не поверила бы им. Он был обязан что-то совершить. Не важен даже масштаб поступка — будь то отпор сожителю дворничихи или Робертасу Гинюнасу, спор с ветреной Юлией — важен прорыв в новое состояние, новое качество.

Точно так же идет к поступку и сама Геновайте, ощутившая в этот день, что в ней зреет новая жизнь, и готовая отстоять ее во что бы то ни стало. Вопреки рассудительным доводам Каманиса, вопреки всем атомным бомбам и тоннам тротила, накопленным на земле. «Не позволю ему черкать или писать за меня, — думает она об Аугустинасе. — Должна писать сама». И как бы в подтверждение своей решимости она отдает старьевщику бритву мужа — ту самую «косу», к которой он был так привязан. Незначительный с виду этот поступок в контексте романа приобретает особое значение. Геновайте, словно герой из сказки, сжигает безобразную лягушачью кожу, чтобы она вновь не приросла к человеку.

Финал «Адамова яблока», как и финал «Лестницы в небо», пронзан дыханием эпоса. Под колесами троллейбуса бессмысленно гибнет Валерионас Каманис. Его тело лежит в морге, предназначенном на слом.

«Последний наш клиент!» — грустно усмехается доктор в тулупчике.

Реальная эта смерть в то же время символична.

Колеса троллейбуса переехали прошлое Каманиса. Чувство скорби рядом с чувством освобождения.

Смерть старика и зарождение новой жизни, которую носит в себе Геновайте. Оба они, и Аугустинас и его жена, оставлены М. Слущиксом на этом перекрестке между минувшим и будущим. Вышедшие из вчерашнего дня, они ответственны перед завтрашним.

«Идем, Аугустинас!» — эти слова, заключающие книгу, принадлежат Геновайте, наиболее цельной и наиболее последовательной из всех ее персонажей. Она уводит его от бездыханного Валерионаса, от брата Альгирдаса, письмо которого нашли в кармане старика, письмо с обещанием выслать отрез на костюм и еще «пару материалов», от той действительности, где эти материалы ценятся выше всего.

И как бы ни сложилась дальнейшая судь-

ба героя, будущее принадлежит его ребенку, а Геновайте от имени настоящего сно-ва протягивала руку Каманису.

* * *

В общем-то заурядная житейская история — из числа тех, которые стараниями литературных ремесленников давно стали банальными, — под пером Миколаса Слущкиса обрела подлинную значимость. Конечно, Аугустинас Каманис не образец для подражания, но он из тех людей, которые живут рядом с нами и мимо которых искусство не может проходить с высокомерным пренебрежением. Драма его сознания существенна, и, погружаясь в глубины психологии героя, писатель находит ей не только частное, но и общественное объяснение. Корни этой драмы уходят в разные исторические эпохи и обстоятельства, она отчасти и является результатом перелома эпох, направившего течение жизни по новому руслу.

Вместе с тем — и мы старались показать это — самый пафос романа обращен в будущее. Миколас Слущкис отстаивает духовные ценности, рожденные новым строем и новым сознанием. Отстаивает их в борьбе с психологией и философией собственничества, которая также не является застывшей, и приспосабливается к изменившемуся климату жизни. Наивно было бы предположить, что писатель видит одну из причин зла в вещах, играющих столь важную, символическую роль в его произведениях. Он отвергает не вещи, а их фетишизацию («квартира — удовлетворение элементарных потребностей, она не лечит раны!»). Он защищает не заглушаемый тысячелетиями инстинкт, а гармоническое единство природного и общественного начала в человеке, предполагающее не только права личности, но и ее обязанности.

«Адамово яблоко» было для его автора новым шагом в освоении формы внутреннего монолога. Пожалуй, именно эта форма, обязывающая писателя самым добросовестным образом следовать по извилистым лабиринтам человеческих переживаний, раскрыть изнутри процесс их рождения и развития, помогла ему выявить сложную взаимозависимость повседневного, на первый взгляд узколичного, бытового и общественного, социального. Его роман, камерный по ситуации, не стал камерным по содержанию. Ибо проблемы, над разрешением которых бьются герои Слущкиса, имеют ха-

рактически всеобщий — это проблемы новой морали, долга, совести, ответственности. Но, я думаю, прав был В. Кубилиус, когда говорил о некоторых художественных просчетах писателя. Хотя М. Слущкис «заполняет сознание Аугустинаса и Геновайте Каманисов совершенно различным содержанием, идеями и представлениями, но сам ритм монолога, атмосфера и напряжение иногда остаются такими же или похожими». Законы перевоплощения предполагают не только различия в содержании исповеди, но и в самих изобразительных средствах.

В «Адамовом яблоке» Слущкис на новом материале, в условиях иной действительности развивает ведущие мотивы своей первой книги. При всем несходстве героев, их характеров, они едины в своем стремлении к цельности, к свободному и всестороннему раскрытию идейных и нравственных потенций человеческой личности. Появившийся в 1968 году третий роман писателя, «Жажда», идет в русле тех же исканий.

* * *

Есть удивительное постоянство в творчестве Миколаса Слущкиса, во всех трех его романах. Оно может и не бросаться в глаза, заслоненное непохожестью материала и ситуаций, необычностью формы. Но оно существует. Фраза из «Жажды»: «Большая часть люди хватаются за вещи, находясь в депрессивном состоянии» — воскрешает в памяти «Адамово яблоко», а слова: «Слушаешь, значит, принимаешь участие, значит, берешь на себя какую-то ответственность» — едва ли не цитата из Яуноса Валюса.

В этом постоянстве нет ничего необычного: оно естественный отпечаток личности художника. И оно же, это постоянство, может дать ответ или хотя бы часть ответа на вопрос, как же должна проявиться позиция писателя, если он намеренно устраняет себя из повествования. Тот же внутренний монолог, он вроде бы попросту не оставляет автору возможности для прямого контакта с читателем. Всё — через героев, через их сознание. Вопрос далеко не праздный — он беспокоит и главного героя «Жажды», оператора телестудии Ромуальдаса Аляксниса: «И я, и мои товарищи бредили скрытой камерой — клубящимся потоком жизни. Как должны просочиться здесь любовь и ненависть автора?»

Так вот — это постоянство, разве не говорит оно о любви и ненависти художника,

о круге проблем, занимающих его, наконец, о позиции? Я понимаю, читатель не обязан перелистывать все прежние работы автора подряд, чтобы разобраться в следующей. Но критику подобный путь не заказан. И еще одно: «постоянство», может быть, не лучшее в данном контексте слово, оно наводит на мысль о неизменяемости, о неких твердых кристалликах, выпадающих на дно после испарения раствора. Точнее было бы говорить о постоянстве русла или о постоянстве мотивов, развивающихся, переходящих из одного качественного состояния в другое. Это позволит увидеть единство в движении.

Что ж, пусть будет так: постоянство мотивов.

Мотив связи людей имеет в творчестве Слуцкиса давнюю традицию. Его истоки относятся еще к «Лестнице в небо». Там, на хуторе Индрюнасов, Яунюс Валюс воочию убеждается, насколько тесно переплетена его судьба с судьбами других, подчас даже незнакомых ему людей. Он словно бы заново открывает себя, входя в соприкосновение со старым Пятрасом и его женой, Шаткаускасами, Меркисом, Алексасом Алексинасом. Чтобы разгадать тайну печали Рамуне, герой должен был постигнуть загадку мира, в котором она жила.

И в «Адамовом яблоке» жизнь Аугустинаса Каманиса складывалась под влиянием многочисленных сил притяжения. Прошлое и настоящее, ушедшее в небытие и нарождающееся, общее и частное — все это взаимодействовало не только во внешней среде, но и в сознании самого героя.

Но если в первых двух романах мотив связи был более конкретным, локальным (герой сопоставлялся с героем), то в «Жажде» он становится всеобъемлющим. Оператору Ромуальдасу Алькснису необходимо понять тайну сотен и тысяч лиц, попавших на его пленку, соединить их между собой — может быть, тогда прояснится тайна собственного «я». Соответственно этому и концепция личности приобретает глобальный характер. Мир человека делается таким же необъятным, как мир человечества. В эту концепцию вовлекаются события на Кубе и во Вьетнаме, противоборство сил прогресса и реакции, великие открытия медицины и физики. «Где начало и конец человека? — восклицает режиссер Григялис. — Границы его жизни и смерти? Ответственность тех, кто устанавливает эти границы,

кто держит в руках эти тончайшие, уже почти что не физические, а философские нити?» Однако крупный план не подавляет собой более мелкий. Неравнозначные в судьбе человечества, они одинаково важны для судьбы отдельной его частицы. «Последнее время, — размышляет Алькснис, — меня волнуют самые заурядные вещи. Сам удивляюсь... К хроническому большому не выехала неотложка. Видите ли, шофер вовремя не заправился бензином или захотел в который раз ехать по тому же адресу... И вот в каких-нибудь пяти километрах от врача может умереть человек... Согласен, человечеству предстоят чрезвычайные испытания, но справилось ли оно уже с заурядными, повседневными, скучными?»

Макро- и микрокосмос свободно меняются в повествовании местами. Дерзкий взгляд в будущее планеты — и рядом лицо гардеробщицы телестудии. Удивление перед бесконечностью — и грустное понимание земной ограниченности. Привычные понятия утрачивают четкость, становятся текучими, переходят одно в другое. Стремительное движение наполнено величайшим покоем. И напротив, покой выбивает человека из колеи, тем самым отрицая себя («Хотя что такое покой, когда не надо карабкаться ни на какое дерево?»). Обуревающее Ромуальдаса желание поехать на Кубу — и словно бы противоречащее этому его же признание: «...наверно, не так уж важно, где и что снимать... Везде — жизнь, люди... Важно — как ты посмотришь... что увидишь...» Микрокосмос души вбирает в себя бесконечность вселенной. Все параллели стягиваются к растопыренным пальцам режиссера Григялиса и пересекаются на ладони.

Еще одна тема, характерная для творчества писателя. Тема прорыва заколдованного круга. Образ круга в произведениях Слуцкиса находится в непрерывном развитии. Его символика богата и не поддается однозначной расшифровке. Но если допустить некоторые упрощения, то в «Лестнице в небо» перед нами по преимуществу круг недоверия.

В «Адамовом яблоке» это круг автоматического существования, втягивающий героев и ограничивающий их духовную свободу.

В «Жажде» тот же образ из бытовой сферы переходит в философскую. Он акку-

мулирует в себе растерянность героя перед сложностью бытия, перед мириадами не связывающихся в сознании одно с другим явлений.словно гигантская карусель захватывает Ромуальдаса Аלקсниса, и он никак не может выбраться из нее: «Наконец, ему удастся перебросить ноги; они болтаются, словно без костей, и не достают земли. Судорожно вцепившиеся пальцы разжимаются, сейчас он рухнет вниз! Закон тяготения не действует. Огненный, искрящийся круг, и он, Ромуальдас Аלקснис, изогнувшийся маленьким кружочком. Внизу колышется толпа, все, кого он знал, фотографировал, снимал на пленку; почему они не вытаскивают меня из бессмысленной орбиты?»

Отсутствие силы тяготения между Аלקснисом и толпой — это отсутствие связи между ними. Чтобы выпрыгнуть с карусели, необходимо понять всех и каждого, составить разрозненные детали в целостную мозаику, восстановить то, что раздроблено на части в душе, но неделимо в действительности: «Соединить все обрезанные провода, все лопнувшие нити — вот что важно».

Постоянные для Слуцкиса мотивы получают в «Жажде» новое звучание. Иные из них набирают силу, другие, напротив, ослабевают. Искусственный остров, в плену которого был одно время Яунюс Валюс, остров, который иступленно, хотя и вопреки жизненной логике пытался создать Аугустинас Каманис, этот остров для Ромуальдаса Аלקсниса уже воспоминание о прошлых иллюзиях. Затишье, прочная стена — символы, характерные для произведений писателя, — встречаются и в новом романе. Но мечта об острове, о гавани, которые стали бы надежным укрытием, с самого начала осложнена сомнением в ее осуществимости. Собственный душевный опыт Ромуальдаса Аלקсниса немногим выше опыта Яунюса Валюса или Каманиса — нота сомнения, легкого иронического сожаления о несбыточности иллюзии идет от самого автора, на ней лежит мета прежних творческих исканий.

Пожалуй, неизменнее всего у Слуцкиса сама внутренняя структура конфликта. Ранняя, юношеская ясность в представлениях — ее разрушение, сопровождающееся мучительными сомнениями, — и, наконец, выход к более глубоким и жизнеспособным ценностям, отрицание отрицания, если рассуждать по Гегелю. При этом в «Жажде» основной акцент сделан на разрушении и

поисках. Исходная ситуация дана пунктиром и почти не развернута.

«Вырос я в спокойной, однако строгой и связывающей домашней обстановке. Не успел испытать особенных разочарований, никакая ржавчина не подтачивала сердце...» — этой несколько старомодной стилистической конструкцией вполне могла бы начаться исповедь героя. Но описательность не в характере Слуцкиса. В его книге все пронизано беспокойным, придирчивым, неустанно анализирующим взглядом. В том числе обстановка семьи.

Дому Марии Аלקснене, вернее самой Марии, принадлежит особая роль в повествовании. Это один из двух полюсов, между которыми мечется в поисках собственного пути главный герой. Полюс первоначальной ясности, упорядоченности, стабильности. В доме Аלקснисов все дышало постоянством. Каждая вещь занимала раз и навсегда отведенное место. Столь же четкими были и отношения в семье, регулируемые законами долга. Мария окончательно и бесповоротно указала на дверь своему мужу, как только узнала о его фронтовом романе. Она не разлюбила Витаутаса, но и не простила, не приняла его раскаяния; жила одна, но «так, будто он был рядом...». Даже после смерти мужа хранила верность ему. Каждый год в один и тот же день и час возлагала цветы на могилу — Витаутас любил розовые гвоздики.

Мертвый отец был окружен большей почитательностью, нежели живой. Но гвоздики предназначались скорее не конкретному, существовавшему во плоти и крови Витаутасу, а некоей идее отца, бесплотному символу.

Беспощадно требовательная к себе и к окружающим, гордая и властная Мария не могла примириться и со своей невесткой, бывшей любовницей режиссера Баркунаса. Мигле оставалась для нее женщиной с прошлым, легкомысленной, ветреной особой — и только. От пуританской морали Аלקснене веяло холодом и трезвым рационализмом.

Ромуальдас с уважением относился к матери, ее принципам, строгой жизненной программе. Не мог он принять другого — возведения этой программы в непререкаемую догму, боязни хоть в чем-то отступить от нее. Разве Мария стала счастливее, подвергнув остракизму отца или Мигле? Разве ее бескомпромиссность оправдывает страда-

ния, причиненные близким, самой себе? Но не мертвы ли, не отрицают ли себя абсолюты, если они не служат человеку, а распоряжаются им: «Неужто матери безразлично мое счастье — важны только собственные убеждения и спокойствие?»

Не только мать Ромуальдаса, но и почти все основные герои романа являются как бы олицетворением определенных жизненных концепций. Суть не в том, что писатель превращает действующих лиц в рупоры идей — нет, их характеры, увиденные даже сквозь призму внутреннего монолога, не утрачивают реалистической пластичности и самостоятельности. Здесь иное эстетическое качество. Персонажи Слуцкиса выражают идею всем своим существом, всеми поступками, строем души. И если Мария Алякснене — это одна концепция, то Профессор со студии телевидения — ее антипод.

Профессор — второй полюс романа. Человек, философия которого в корне отрицает философию матери. Никаких абсолютов, никакого постоянства. Добро и зло — отжившие субстанции. «Два мнения лучше, чем одно». Торжество относительности. К принципам матери у Ромуальдаса двойственное отношение, к принципам своего шефа по службе — непримиримо враждебное. Не только потому, что он убедился в их разрушительном воздействии на людей, но и потому, что они не сделали счастливым и самого их проповедника. Постулаты Профессора — плата за компромисс с чувствами жены, давно охладевшей к нему, за формально сохраняемую видимость семьи: «Да, старик, мы с Линдой из пустяков не делаем историй. Она — свободна, и я — свободен». Но под напускной бравадой, под личиной самодовольства — боль, горечь, неудовлетворенность.

И Профессор и мать — оба они по существу были способны перечеркнуть любовь: один — довольствуясь крохами чувства, другая — передергиваясь от малейшей соринки. «Мать — отстаивая абсолют, Профессор — отвергая его».

Способность сделать людей счастливыми — вот критерий, которым сначала инстинктивно, а потом и осознанно руководствуется герой. В этом он видит назначение искусства. С этих позиций оспаривает максимализм матери и нетребовательность Профессора. Ромуальдас думает о таких нормах нравственности, которые не сковывали бы, а окрыляли человека, не опускали бы его

до перемирия с низким, а подымали к высокому.

Устремленность к идеалу — эта прекрасная доминирующая черта творчества писателя — в полной мере открывается в «Жажде». Ромуальдас Алякснис — собрат по духу целой плеяды слуцковских романтиков. Это от них его тяготение к гармонии, к естественному выражению души в любви, в работе, в творчестве. Ему отвратительно лицемерие Баркунаса, в кинокартинах которого «нередко блистает чистота — настоящее мирно, хоть поливай им головы новорожденных младенцев! — а ведь он бессовестный циник в жизни». Но не лучше и откровенное ремесленничество Виндаса или деячество Профессора, готового потрафить вкусам начальства, отказываясь от своего.

В глазах Ромуальдаса Аляксниса противоречие между личностью художника и теми высокими идеалами, которые он проповедует в своем творчестве, есть профанация и дискредитация этих идеалов. «И с таким равнодушием можно говорить правду? — думает он о Профессоре. — Не становится ли тем самым она неправдой?» Правда у Миколаса Слуцкиса не только факт, но и отношение к нему, причем отношение личное, выстраданное. Она только тогда жива и действенна, когда вбирает в себя трепет чувства, интонацию голоса — в противном случае остается холодная информация. Рисовать и любить для героя «Жажды» — это одно и то же. Все, что он снимал своей кинокамерой — очерк или репортаж для телевидения, — несло отпечаток его душевного состояния, приподнятого или подавленного. Лгать, как Баркунас, он попросту не умел. И в этом одно из объяснений художнических трудностей героя. Ясность в искусстве была для него невысказана без ясности в себе: «...как проникнуться чужими заботами, если не сладил со своими!»

Оба эти плана — личная жизнь Ромуальдаса и его творчество — образуют в романе систему непосредственно сообщающихся сосудов. Бытовая почва «Жажды» питает корневую систему ее философской проблематики.

В новой книге быт увиден Слуцкисом словно через оптический прицел Алякснисова фоторужья, с помощью которого можно было снять даже «муху на кончике носа». Детали поданы выпукло, крупным планом. На вещи, как и в прежних произведениях писателя, ложится отблеск человеческих пе-

реживаний. Сознание героя непрерывно подвергает материальный мир в круговорот оттошений между людьми. Оно создает то невидимое силовое поле книги, в котором не может быть нейтральных сцен, описаний, разговоров.

Внешняя канва закончившегося разрывом конфликта между Алькснисом и его женой сама по себе незамысловата, а в пересказе будет выглядеть и вовсе тривиальной. Непостоянство Мигле, ее легкомыслие сводили на нет все усилия героя наладить семейную жизнь. Как ни старался он наскрести денег на покупку кооперативной квартиры, все они шли прахом из-за какой-нибудь причуды жены.

Оставаться в доме Гирдянисов, родителей жены, Ромуальдас не мог — все здесь вызывало его раздражение: сама эта мещанская среда, ее интересы, подозрительность, сопровождавшая каждый его шаг, хотя и маскируемая угодливостью или мещанством. Жить у матери тоже было невозможно — она никогда бы не нашла общего языка с невесткой. Мелкие дрязги, ощущение бесприютности, творческие неурядицы, безденежье, неверность жены — и, как результат всего этого, развод.

Но, как говорится в романе, «дурак, подлец, щеголь — все в жизни ясно и просто, и лишь на пленке превращается в трудно разрешимую загадку». Слуцкиса интересует не внешняя событийная канва, а ее психологическое наполнение, не перечисление поступков, а их глубинная мотивировка. И простое действительно становится сложным, как только мы подойдем к нему с этими мерками. Рассматривать семейный конфликт вне философской атмосферы книги значит выхолащивать его содержание.

Мигле — загадка и парадокс дома Гирдянисов. Поглощенная заботами о тряпках и развлечениях, она не унаследовала от своего семейства рабской привязанности к вещам: легко приобретала их, но легко и расставалась с ними. Способная нести несусветную чушь, всерьез убежденная, что от рака излечивают свеклой, она вдруг обнаруживает недюжинную душевную прозорливость. Непостоянство, неразборчивость в знакомствах — и паразитическая привязанность к Ромуальдасу. «Не оставляй меня одну» — лейтмотив героини. «Ненастроенная, перепутанная внутренняя клавиатура» — так характеризует свою жену Алькснис.

«Она — не материалистка, не завистлива... Если отдается, то телом и душой, без расчетов», — говорят о ней Ева.

Чувства Мигле действительно неподдельны, искренни. А это качество, особо ценное писателем.

В «Адамовом яблоке» или «Лестнице в небо» голос сердца пробивался сквозь толщу чужеродных напластований как истинная человечность, как сокровенное. «Сами по себе природные, асоциальные инстинкты человека, — писал о романах Слуцкиса А. Бучис, — здесь становятся насквозь социальными именно в момент своего столкновения и взаимодействия с современным бытом».

Любовь Рамуне к Яунюсу укрепляла ее решимость прорвать индриясовское молчание. Материнский инстинкт Геновайте подготавливал взрыв, расшатавший устои прежней жизни Каманисов.

Голос сердца, как естественное начало, противостоял обезчеловечивающим собственническим отношениям или их пережиткам. Но само это начало писатель рассматривал как бы в целостном, нерасчлененном, недифференцированном виде.

В «Жажде» непосредственные чувства сами попадают под микроскоп анализа.

Образ Геновайте словно расщепляется в новом романе на Ренату и Мигле. К Ренате перешли ясность характера героини «Адамова яблока», ее внутреннее достоинство, к Мигле — ее порыв.

Сам выбор героя в любви несколько рационалистичен. Мол, «мысли о Мигле, ее близость будоражили, а не действовали отрезвляюще в отличие от голубоглазой Ренаты... Постойте, а может, Ренате потому удалось отрезать мое растравленное изображение, что ее существование не подбивало замахнуться на что-то большее, к чему-то рваться, а значит, рисковать и беспокоиться?». Подобные размышления выдают лишь незрелость Ромуальдаса той (до брака с Мигле) поры, его инфантилизм и отсутствие подлинно серьезных поводов для творческого риска. Видимо, в реальной жизни право выбора принадлежало скорее чувству, чем логике. Однако отметим мотивировку: герой предпочитает беспокойство.

Рената и Мигле — дети различных цивилизаций, деревенской и городской (в очень условном, «отрицательном» смысле последнего слова). Выросшая на хуторе, в единстве и борьбе с природой, Рената рано уз-

нала цену хлеба и столь же рано — ответственность перед собой. Корни ее самостоятельности уходили в простые и извечные заботы земледельца. Она сумела сберечь в себе крестьянскую сдержанность, неторопливость в суждениях, основательность, способность не терять самообладания. Эти черты неуловимо сближали девушку с матерью героя, но сходство скорее отпугивало, чем привлекало его. Не за тем он вырвался из «связывающей» обстановки дома, чтобы вновь погрузиться в нее.

Рената обязывала, она не была «уютной абстракцией, которую можно вешать на стенку, как вздумается, хоть головой вниз». Мигле сулила нестесняемую свободу.

Но если Рената в творчестве Слуцкиса — повторение, если это традиционный для него образ, родословная которого восходит к Рамуне, то Мигле — открытие.

Мигле ворвалась в жизнь героя, как посланец незнакомого, но и притягательного своей таинственностью мира. Легкий ореол богемности окружал ее. Романтика кафе, вечно изменчивой моды, кричащей яркости красок.

Рената всегда находилась в некотором отдалении от Ромуальдаса. Ее сдержанность удивляла и настораживала его: «Как она может следить за то светлеющим, то гаснущим экраном, когда рядом тот, чьей любви она жаждет?» Войдя в мир девушки, герой не мог занять его целиком; была любовь, но были и родители, брат Андриус, обязанности перед ними, учеба, самостоятельные цели. Мигле принадлежала ему безраздельно. Все остальное словно бы потеряло для нее смысл. Она подкарауливала Альксниса в телестудии, мчалась за ним в командировку. Ее любовь не признавала ни запретов, ни препятствий, ни людского суда: «Точно стекло под башмаками, трещали во мне и рушились перегородки, которыми я с малолетства отделял добро и зло, нравственность и безнравственность».

Однако разрушение перегородок принесло Ромуальдасу лишь кратковременную иллюзию нестесненной свободы. Оказалось, что человек не может без ущерба для самого себя поступить с четкими нравственными ориентирами. Жить в хаотической обстановке, окружавшей Мигле, было ничуть не легче, нежели в той, которая была упорядочена на манер Марии Алькснене.

Мария жертвовала счастьем во имя абсолютов, Мигле — абсолютными во имя счастья.

Счастье было смыслом и оправданием ее усилий. Из всех персонажей Слуцкиса она, может быть, наиболее последовательно и пунктуально придерживалась лозунга героя «Адамова яблока» Аугустинаса Каманиса: хватит стыдиться того, что суть человеческое. Голос ее сердца звучал неизменно искренне и откровенно. Никакого контроля над страстями, никакого ханжества, полная раскованность: «Я хочу жить так, как мне нравится!» Но если в устах Рамуне или Геновайте такое заявление свидетельствовало бы о силе характера, о решимости изменить свою судьбу, то в устах Мигле оно утрачивало высокое содержание. Не мужество, но слабость духа, рабская покорность любым прихотям и желаниям. Непосредственность в «Жажде» уже не тождественна естественности, а раскованность выявляет и свои отрицательные стороны.

Шаг за шагом писатель углубляет концепцию образа, продвигаясь к ядру, концентрирующему внутренние противоречия. Счастье для Мигле — это счастье мгновений. Связи между ними порваны, каждое — как островок. Героиня мало задумывалась над прошлым и еще меньше — о будущем. Жила настоящим, забывая все остальное. Но забывчивость Мигле — социального происхождения: «Если обо всем будешь думать, то жить когда же? Кто знает, будет ли это завтра? Парочка водородных бомб, и...»

Страх перед атомной войной связывал руки герою «Адамова яблока» и развязывал их героине «Жажды». Но интересно совпадение позиций скованного Каманиса и раскованной Мигле. Оба они используют этот страх как оправдание эгоистической жизни для себя, как предлог, освобождающий от угрызений совести и долга перед обществом. Оба не хотят иметь детей, пугаются самой мысли о них. Для Аугустинаса дети — непосильная ноша, для Мигле — камень на шее. Разные эпитеты, но одинаковая суть. Связанность в одном случае, раскованность — в другом оказываются равно далеки от естественности, без которой не может быть прочного человеческого счастья. В новом романе, таким образом, писатель заметно уточняет свой этический идеал.

Трезвый рассудок Марии Алькснене безжалостно ставит диагноз: «Чтобы заглушить совесть, вы разглагольствуете за столиками об атомной опасности... Опасность от этого не меньше, а вы мельчаете...» Мысль ее верна, но верна лишь как констатация фак-

та. Эта мысль холодная — и потому равнодушная, недейственная. Исходя из своего диагноза, Мария пренебрежительно отворачивается от молодежи, разглагольствующей за столиками. А сыну ее безразлично будущее этих людей. В отличие от матери он не снимает с себя ответственности за Мигле или таких, как она.

И тем не менее Ромуальдасу нелегко дается эта полемика. Ведь измельчание — не призрак, не выдумка матери. Грозные симптомы заболевания он наблюдает не со стороны, а как врач, поставивший опыт на самом себе. Нестесненная свобода, которой так усердно добивался Ромуальдас и в жертву которой принес Ренату, привела не к гармонии, а к дисгармоничности, обернулась опустошенностью, распадом личности.

Слуцкис погружает героя на самое дно распада. Повторяется кризисное состояние, через которое прошли в прежних романах Яунюс Валуос и Аугустинас Каманис, — состояние тупика, краха иллюзий. Любовь уже не окрыляла Ромуальдаса, а, напротив, не давала взлететь. Давно задуманный фильм не двигался с места — взбалмошность Мигле расстраивала благие побуждения взяться за дело. Контакты между желаниями, чувствами и поступками разомкнулись. Все существовало порознь, хаотически противореча друг другу. Реальными были только мгновения! «Семья, квартира, постоянство, — грустно иронизирует Алякснис, — разве все это не выдумки? Важны только мгновения, пусть на развалинах, пусть на горячем пепелище! А что потом, когда опьянение схлынет? То же самое пепелище — холодное, разворошенное в поисках жара».

Но горечь, сквозившая в этом признании, и была защитной реакцией организма на болезнь распада, стимулировавшей восстановительный процесс. Разочаровавшись в пути, на который увлекала его Мигле, герой не вернулся и на тропу, проторенную Марией Алякснене. Ни счастье мгновения, ни аскетический отказ от счастья не удовлетворили его. В первом случае он должен был бы принести в жертву свое призвание, свой долг перед обществом, во втором — свою любовь, все то, что связывало его с Мигле. Ромуальдас, как и Геновайте из «Адамова яблока», ищет решения не в компромиссе, а в синтезе: «Для тебя, мама, любовь была идеей, религией! А я... Пусть недостойн, но борюсь за живую, насущную

любовь, без которой не могу работать, дышать...»

Это еще не программа, только часть программы Аляксниса, но ведущий принцип ее уже отчетливо различим. Путь к гармонии лежит не через отчуждение естественного, а через устранение отчуждения. И тут можно сказать о пафосе самого писателя. Со времен первого своего романа Слуцкис неустанно борется со всем, что омертвляет или овеществляет человеческие отношения, низводит любовь до абстрактной идеи или сделки, лишает нравственные принципы их гуманистического содержания, сужает и обескровливает духовный мир личности. Он, как сапер, извлекает и обезвреживает мины, оставленные тысячелетней собственнической, религиозной моралью на отвоетанной у прошлого земле. От прямого изображения классовой борьбы в новеллах и первом романе к разоблачению психологии старого общества, наследуемой как родимые пятна или пытающейся возродиться в ином обличье, — эта критическая линия в творчестве писателя непрерывна. Так же, как и линия позитивная, утверждающая коммунистический идеал как должное, как норму жизни нового человека. Слуцкис остается социальным художником, к какой бы теме ни прикоснулось его перо.

В литовской прозе первого послевоенного периода эволюция характера героя часто выглядела автоматическим следствием преобразований в окружающей среде. Развитие личности шло как бы рывками — от одного состояния к следующему, причем поводом для рывка служило обычно какое-то крупное событие. В творчестве Слуцкиса самодвижение персонажей стало непрерывным. Форма внутреннего монолога дает возможность передать эту трансформацию без статических пауз. Сознание Ромуальдаса Аляксниса, подобно реке, вбирает в себя притоки новых впечатлений — ее воды то светлеют, то темнеют, то разливаются, выйдя на равнину, то грозно бурлят в теснине противоречий; она всегда та же и не та же. События общественной жизни, люди, отношения с ними, удачи и неудачи — все это ежедневно, ежечасно, хотя и не на равных правах, участвует в сотворении мира души. «Теперь-то я хорошо понимаю, — говорит герой, — что тогда еще не было и меня, того, что есть сегодня, поскольку еще не было Мигле; половина или две трети моего «я» таились в дали, которой не мог бы заранее

высмотреть ни один из участников этой истории. Не было Мигле, значит, еще не было и меня; Ромуальдас Алькснис, не познавший Мигле, и Ромуальдас Алькснис, нашедший и впоследствии потерявший ее,— два разных человека, каждый из которых вряд ли узнал бы себя, несмотря на то, что и Мигле, и я, живя вместе, так и рвались каждый к себе первоначальному».

Эта непрерывность движения порой затрудняет сравнение состояний героя. Между тем без такого сравнения трудно обойтись. В «Жажде» Слуцкис использует для этой цели тот же прием, что и в «Лестнице в небо»,— прием съемки на одной и той же точке, но с существенной разницей во времени. Приехав в Вильнюс после тревожных дней на хуторе Индюнасов, Яунос Валюс обнаружил, что по-иному воспринимает привычное,— статичная декорация города, университета оттеняла его обновленное «я». Так и Ромуальдас Алькснис, случайно столкнувшись с Ренатой в маленьком Салотишкисе, мог сопоставить себя прежнего с нынешним.

Он пришел к Ренате как побежденный — за поддержкой и утешением. Не было ясности в сердце, терзали разочарования, неудачи. Но он пришел и многое пережившим. И пережитое изменило характер зрения, помогло увидеть то, что ускользало раньше. И Ромуальдас по-новому оценил сдержанность девушки, ее постоянство, стойкость духа. Вчерашнее чувство превосходства («...я нравлюсь ей и могу как угодно действовать на ее самочувствие») рассеялось. Оно уступило место восхищению и стыду за себя: перед ней он был «пачкуном», как назвал его однажды дядя Теофилис.

Когда-то Ромуальдас снимал Ренату на пленку. Хотел запечатлеть силуэт, пластику движений; лица не показал — выделенное крупным планом, оно разрушило бы приглушенную графику кадров. Теперь эта некогда восхищавшая пленка казалась кошмарной: «Где же лицо? Заботился о пластике. Хотел обратить в пластику ее расцвет, ее чувство и свою ответственность... Просмотрел ее, как и многое другое...»

Это, пожалуй, главный урок, который извлекает для себя Ромуальдас на жизненных поворотах как художник. Урок ответственности перед человеком. Метры пленки обвиняли его в незрелости. Было стыдно за самоцельную пластику, за то, что снимал

белобрысого парня из Салотишкиса, не потрудившись заглянуть в его душу. Привлекло выразительное лицо — этого было достаточно. А белобрысый симпатичный парень убил киоскершу пани Ванду. И выходило, что он, Алькснис, в своих работах не утверждал, не отрицал, а только показывал.

В полемике с абсолютами матери, беспринципностью Профессора, цинизмом Баркунаса, философией мгновения, которую стихийно исповедовала Мигле, начинает формироваться и собственная творческая программа героя. Программа, сочетающая высокие требования к искусству: не целясь камерой без нужды, с требовательностью к личности самого творца; не породи, если не вырастил хлеба и не выкопал колодца. Программа, обязывающая художника быть не сторонним наблюдателем действительности, а живой ее частицей, ибо «мертво то искусство, которое не питается соками жизни, всеми, какие только есть на свете, человеческими страстями!».

Этическая ценность этих выводов очевидна. Смущает меня другое: возможность их плодотворной реализации. Не будем закрывать глаза на односторонность опыта героя. Сфера его интенсивных размышлений ограничена тем, что относится к негативной стороне действительности. Он знает, что отрицать. Тревога Ромуальдаса за судьбу персонажей своего будущего фильма — парня и девушки, которых он видел буйствующими в кафе,— понятна. Ему не давало покоя лицо парня: наглое, жесткое лицо. Маленькие, испуганно горящие глазки, не выражающие ничего, кроме опьянения танцем. Но «на кончике хрящеватого носа и толстых губах мечется остаток какого-то иного настроения — то, что парень из себя изгнал, но не до конца еще успел растоптать». Во что превратится этот парень, если все-таки растопчет остатки человечности? Белобрысый из Салотишкиса давал ответ или возможный вариант ответа.

Остаток «иного настроения», который сбрасывала со счета Мария Алькснене, давал герою какую-то надежду на иной исход. Но знает ли он, как противодействовать измелчанию, что противопоставить разрушительным инстинктам? Чистоту Ренаты, мудрость дядюшки Теофилиса, мужество солдат, обезвреживающих снаряды? Увы, эта позитивная часть наблюдений Альксниса наиболее поверхностна. Аналитический

аппарат его мышления попросту отключен во время съемок на новостройках Салотишкиса, в колхозе, на сахарном заводе. Мы видим пластику изобразительных решений Альксниса-оператора, но сознание Альксниса-режиссера остается нейтральным к этим фактам жизни. Думается, что в этом вина не только героя романа, но и романиста. Так или иначе, но между убеждением Ромуальдаса в том, что искусство должно питаться всеми человеческими страстями, и его же практикой образуется пока еще не преодоленный разрыв.

В рецензии на «Жажду» Л. Аннинский писал, что ему трудно подвести баланс исканий Слуцкиса. Баланса, то есть закругленности, подбивания бабок в романе действительно нет. Но не по недосмотру писателя. Как говорит в книге режиссер Григялис, «когда кончаем плату, мы уже не нужны ни кредитору, ни самим себе... Документ о выплате — вот что остается от нас!».

Это время предъявлять документ о выплате для главного героя еще не настало.

Ромуальдас Алькснис так и не находит на страницах «Жажды» искомой гармонии покоя. Развязка подводит черту под романом, но не под той жизнью, которая в нем запечатлена. Герой выходит после развода из зала суда под облегченный вздох матери: «Наконец-то!.. Наконец ты свободен, сын!» Но ее радость тут же перечеркивается интонацией, с которой он повторяет это слово: «Сво-бо-ден!» Приговор суда ничего не изменил в судьбе Альксниса, так как не принес ни забвения, ни отрады, не освободил ни от любви к Мигле, ни от боли за нее. Торжество абсолюта? Нет, свидетельство его бессилия.

В романе побеждает не покой, а беспокоевство. Побеждает белое пламя тревоги, сжигающее Ромуальдаса и побуждающее его «вечно бежать от того, что есть, и — отдаляясь — снова тосковать о нем», — священный покой лермонтовской бури. Побеждают не догмы и не относительность, омертвляющие живое, а сама жизнь, долг творца перед нею: перед обществом, перед матерью, Мигле, Ренатой, героями еще не

снятой кинокартины. Алькснис-человек может терпеть поражения, Алькснис-художник извлекает из них уроки. «Личные передрагя» не заслоняют от него истин, а проясняют их. Только они становятся выстраданными, живыми, эти истины. Истины, которые заставляют Ромуальдаса думать о людях, о том, как сделать их счастливыми, и о том, чтобы это счастье было подлинным.

В этом ведь тоже итог романа или, если хотите, его баланс.

* * *

Сам писатель в пути, как и его герои. И путь его заметен не только в литовской, но и во всей нашей многонациональной советской литературе. Миколас Слуцкис принес в нее свою тему, свои краски, свой стиль и язык.

Его творчество проникнуто тем пафосом обновления, который связан с победой социалистического уклада жизни на древней литовской земле. Но те перемены, которые прежде всего занимают внимание писателя, — это перемены в психологии людей, в их нравственных, этических принципах.

Новая мораль не есть в книгах Слуцкиса нечто готовое, заранее данное. К ней ведет напряженный духовный поиск, в ходе которого идеалы героев проходят проверку на прочность в самой действительности, уточняются и корректируются ею. И сама действительность предстает здесь в непрерывном развитии, движении, заставляющем человека заново осмысливать ее.

Сегодняшняя романистика Литвы уверенно заявляет о себе на всесоюзной литературной арене. И не случаен все возрастающий интерес критики к таким ее мастерам, как И. Авижюс, Ю. Балтушис, А. Беляускас, И. Мерас, Й. Микелинскас, В. Петкявичюс и другие. Среди них и Миколас Слуцкис — художник социальный, размышляющий над важными проблемами бытия современного человека и справедливо видящий цель прежде всего в «новом, углубленном подходе писателя к жизни и человеку, в большей правдивости и в глуби (без помпы!) вере в идейные ценности общества, строящего коммунизм».

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

И. Варламова. — Обаяние достоверности. — **М. Петровский.** Восхождение Лешки Горбачева. — **Евг. Евтушенко.** «Чтобы голос обречь — надо крупно расстаться...» — **В. Боборынин.** Воспоминания молодого гвардейца. — **Л. Лазарев.** На всю жизнь. — **И. Гитович.** «Мир, на образ множимый...» — **В. Адмони.** «У человека есть душа».

ПОЛИТИКА И НАУКА

Т. Колесниченко. Современность и публицист. — **А. Преображенский.** Русско-китайские отношения в XVII веке. — **С. Троицкий.** Новая книга о М. В. Ломоносове.

Литература и искусство

ОБАЯНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Ю. Рытхэу. Сон в начале тумана. Роман. «Нева», №№ 10, 11, 12. 1969.

Ю. Рытхэу. Время таяния снегов. Книги 1, 2, 3. Роман. «Молодая гвардия». М. 1967. 496 стр.

Имя Юрия Рытхэу впервые прозвучало в литературе почти два десятилетия тому назад и сразу обратило на себя внимание читающей публики. Уже первым сборником рассказов «Друзья-товарищи», который вышел в 1953 году, он сумел привлечь к себе читателя свежестью и поэтичностью видения мира. Вышедшие потом одна за другой его книги — рассказы, романы, повести — подтвердили, что Ю. Рытхэу — автор с хорошим литературным будущим, что от него и в дальнейшем можно ожидать много интересного.

Особенно порадовали читателей первая и вторая части автобиографической трилогии «Время таяния снегов».

Обаяние такого рода книг, в которых прослеживаются все перипетии душевного развития и становления детского характера, заключается, по-видимому, в том, что автор, погружаясь в свое детство, как бы вновь приобретает первоначально ясный, бесхитростный, но вместе с тем и неожиданно острый взгляд на все сущее, и этим своим зрением заодно наделяет и благодарного читателя, успешного с годами тоже утратить

подобную завидную зоркость... Очень это приятно — в ком-то другом (в данном случае в герое «Времени таяния снегов», маленьком чукче Ринтыне) узнать самого себя и с вершины прожитого любовно улыбнуться таким знакомым детским причудам, шалостям и открытиям.

Как и всякому ребенку, на каких бы широтах он ни родился, Ринтыну свойственно иногда горько и остро печалиться, но чаще — безудержно фантазировать, радостно удивляться новому, неведомому и на собственном опыте, получая при этом от жизни немало тумачков да шишек, познавать, что такое добро, красота, справедливость. Именно эта всеобщность повествования позволяет читателю переключаться в собственное далекое, а порой и не слишком далекое, но почти всякому человеку милое прошлое.

И мало того — это отрадное сердцу путешествие во времени дополняется здесь еще увлекательным путешествием в пространство. Окрашенная добрым и тонким юмором, насыщенная достовернейшими деталями быта и нравов чукчей, зримыми и точными описаниями суровой северной при-

роды, книга Ю. Рытхэу помогает читателю легко и ненасильственно перенестись куда-то за тридевять земель от своего дома, на край света, в совсем незнакомый мир затерянного в снегах крохотного чукотского селеньца, и мир этот чудом становится понятным и бесконечно близким.

И вот уже мы ясно, словно сами в этих местах побывали, видим галечную косу, похожую на рукоятку ножа, лезвием которого является гладь лагуны. И ту же лагуну весной, когда подтаявший лед напоминает «оленью шкуру, пораженную личинками овода». Или вместе с Ринтыном спускаемся в машинное отделение шхуны «Нерпа» и с интересом разглядываем мотор, который зачем-то поят «чаем» из чайника с длинным носиком. Или вместе с Ринтыном и бабушкой Гивыне отправляемся в тундру, где в мышиных норках лежат вкусные белые корешки, и в том мире, который уже как-то незаметно стал нашим, не странными кажутся действия бабушки: она перекладывает мышиные припасы в свою сумку, а взамен кладет табачную жвачку — чтобы ограбленные хозяева нор смогли потом обменять табак на еду!.. И вместе с любознательным Ринтыном, который, сам того не ведая, пошел по стопам русского крестьянского мальчика по имени Филиппок, мы стоим у двери класса и подслушиваем с не меньшим, чем он, волнением и интересом известную историю про глухонемого работника, вынужденного утопить любимую собаку.

Мастерство писателя в том и состоит, что незнакомое делается знакомым и нашим, будто мы незаметно переселяемся в его героя, а то, что в отличие от чукотского ребенка известно нам с детства, мы словно бы видим и узнаем, как и он, впервые. И нас уже не удивляет, что Ринтын представляет себе Ленинградский университет длинной-предлинной ярангой, по которой могла бы лихо промчаться собачья упряжка. Мы разве чуть-чуть улыбаемся про себя, но тут же гасим улыбку, поддавшись этому естественному для Ринтына видению, — ведь мы уже успели стать точно такими, как он.

И с той же летучей улыбкой, мгновенно переходящей в глубокую серьезность, мы узнаем, что дядюшка Кмоль, выстроивший себе деревянный дом, закладывает за портрет Ленина домашнего деревянного божка, которого пока что побоялся выбросить (а вдруг все же понадобится?). И сердце у нас замирает во время мистерии с лече-

нием тяжело больного Ринтына, когда в шаманском экстазе старуха Пээп, топчась толстыми ногами у его изголовья, неловко наступает на волшебную стрелу и амулет хрустко разлетается под раскисшими торбами...

Куда девается при этом наше непреложное знание, что все эти действия — бессмыслица, ерунда? Почему мы следим за шаманкой с такими же, как у бедного Ринтына, расширенными от ужаса глазами? Отчего содрогаемся, когда Пээп кричит: «Око-ко-кой!.. Стрела оказалась слишком слабой против духа болезни... Смерть суждена мальчику! Кыкэ вынэ вай!»?.. Ответить на эти вопросы — значит объяснить природу искусства.

При всем том, как уже однажды очень точно сказала И. Соловьева, Рытхэу не торгует экзотикой. Писатель изображает жизнь как она есть. Что же делать, если она такова? Мы верим ему, он нас убедил.

Ничто так не подкупает читателя, как правда. И ничто (вопреки, казалось бы, очевидности!) так трудно не дается писателю, как именно правда. Она неуловима и, словно донная рыба, всегда норовит уйти в глубину. Вот уже держишь ее за хвост, но нет — выскользнула, уплыла, опустилась на дно и слилась, пользуясь спасительным свойством мимикрии, с илом и водорослями — с полуправдой...

Ю. Рытхэу показал себя писателем, которому правда подвластна почти всегда, когда речь идет о том, что он хорошо знает — жизнь чукчей. Но эта столь подкупающая читателя бесспорная достоверность нередко исчезает, когда он переходит в этом романе к описаниям психологии и поступков своих русских героев: они получились куда хуже — эскизнее, схематичнее. Да и вообще вся последняя часть трилогии, где повествуется о жизни Ринтына в Ленинграде, уже гораздо менее интересна. Хотя роман отнюдь не задуман автором как хроника, а скорее как некий чукчанский вариант «Воспитания чувств», сама бессюжетность, хроникальность построения превращает его в иных местах в набор едва-едва связанных между собой эпизодов и сцен.

Фрагментарность третьей книги привела также и к тому, что иные герои как бы вдруг уходят «в песок», сюжетные линии неоправданно обрываются, и тем самым нарушается психологический рисунок поведения главного героя. Так оказывается непод-

готовленным разрыв Ринтына с его первой любовью Наташей, никак не развиты отношения с соперником — венгром Ласло, куда-то надолго пропадает из нашего поля зрения немаловажный персонаж романа — бывший школьный учитель Ринтына, а ныне ученый Института языка и мышления Василий Львович Беляев и т. д.

Третья часть печаталась поначалу самостоятельно под названием «Ленинградский рассвет», и автору пришлось кое-что повторять, напоминать читателю из первых двух частей. Для отдельной публикации это, быть может, и было разумно, но в книжке, выпущенной под одной обложкой, все эти реминисценции и повторы даже самых, как правило, колоритных мест выглядят навязчиво и вызывают досаду.

Вот эти «самоповторы» в пределах иногда одной и той же, а иногда и нескольких книг, известная эскизность, мозаичность повествования, частое использование вставных новелл, которые, возможно, сами по себе и хороши, но слабо связаны с развитием сюжета, не однажды вызывали нарекания критиков. Именно на эти недостатки композиции вполне справедливо указывали в свое время писателю А. Бочаров и З. Богданова.

С момента выхода «Времени таяния снегов» прошло более десяти лет — срок немалый для растущего писателя. Посмотрим же, изменился ли он, окрепла ли его рука, что он приобрел, чем обогатился, не утратил ли чего ценного?

В отличие от прежних произведений новый роман «Сон в начале тумана» довольно крепко сколочен композиционно и обладает весьма увлекательным сюжетом. Рыхзу внял советам своих доброжелательных критиков, да и, по всей вероятности, выросли его собственные требования к себе как к писателю. Не утерев привлекательной достоверности в показе жизни родного народа, ничего при этом не приукрашивая и не затушевывая и выказывая тем самым истинное к нему уважение, по-прежнему привлекая читателя самобытным юмором, пронизывающим все его произведения, Рыхзу теперь стремится к большему — к тому, чтобы показать характеры в их психологической сложности и противоречиях.

Поскольку уж я упомянула выше о «самоповторах», следует заметить, что все прежде написанное писатель словно бы сам склонен считать неким «запасником», хра-

нилищем черновиков и заготовок для какой-то будущей, главной книги. Рыхзу часто черпает из этого «запасника» все самое ему дорогое, чтобы вставить затем в новое произведение, которое всегда кажется автору «главнее» предыдущих. Не избежал он подобных «самоповторов» и в «Сне в начале тумана». Внимательный читатель обнаружит кое-какие уже знакомые шутки, выражения и даже целые истории.

Так, например, здесь снова, как и в романе «Время таяния снегов», рассказывается поэтичная легенда о красавице-поморке, прародительнице чукотского народа и одновременно семейства китов. Но раньше писатель приводил ее больше «для колорита», и мы, узнав прекрасную легенду, были благодарны ему и за это. А в новом романе та же самая история несет еще и серьезную смысловую нагрузку. Легенда «играет» на сюжет, на психологию главного героя и участвует самым непосредственным образом в создании весьма драматической коллизии.

В романе, охватывающем период от 1910 года по 1917-й и, по-видимому, являющем собой лишь первую часть какой-то дилогии (а может быть, и трилогии), прослежена интересная судьба молодого американского моряка Джона Макленнана, волей обстоятельств оставшегося в маленьком чукотском селении Энмын.

Очень точно и правдиво переданы автором все перипетии трудного «приживания» человека в чуждой ему поначалу среде. Только постепенно Макленнан начинает понимать и любить своих новых друзей, спасших ему жизнь: приютившего его доброго Токо, обаятельную верную Пыльмау, мудрого старика Орво, талантливого Тнарата и других обитателей селения. Через какое-то время Макленнан настолько близко к сердцу принял все интересы чукчей, что счел своим долгом выступить их защитником перед хитрым стяжателем Карпенгером, за бесценку скупающим у охотников китовый ус, моржовую кость и «мягкое золото», перед всеми, кто пытался нажиться на богатствах чукотской земли, и даже перед кулаком-оленеводем Ильмочем. Он искренне ощутил себя братом чукчей и отказался вернуться на родину, когда наконец ему представилась такая возможность. Именно здесь, в Энмыне, были теперь его дом, его семья, его народ.

Но это полное душевное слияние насту-

пило не сразу. А в первый год пребывания среди чукчей Макленнан с грехом пополам понимал их язык, с трудом приобщался к их обычаям и нравам и, калека с изуродованными кистями, мучительно учился охотиться и делать все то, что положено всякому уважающему себя мужчине, который либо обязан себя прокормить, либо не жить.

И вот однажды он вместе с Токо отправляется на охоту. По дороге чукча рассказывает американцу знаменитую легенду, по которой от любви между Белой Женщиной и гренландским китом, время от времени принимающим облик юноши, народились морской народ — киты и береговой народ — чукчи. Перед первой же охотой родители строго-настроено приказали сыновьям беречь своих братьев-китов и никоим образом не губить их. Но выдался голодный год, и один из сынов Белой Женщины нарушил священный запрет. Какие же они братья, решил он, ведь киты на нас ничуть не похожи!.. А когда загарпуненного кита подтащили к берегу, старая мать сказала сыну, гордо объявившему ей, что он убил кита: «Брата своего ты убил... А если ты сегодня убил брата только за то, что он был на тебя не похож, то завтра...» И тут от нее отлетело последнее дыхание.

В романе «Время таяния снегов» именно этих-то главных слов в легенде не было. Переосмысление древней притчи придало ей гораздо большую глубину и серьезность. Тем более что дальше события в романе развиваются весьма трагически. Во время охоты на лахтака Джону Макленнану повезло: благодаря специальным кожаным приспособлениям на культе, изготовленным для него его друзьями чукчами, ему удалось нажать на курок и подбить зверя. Токо тоже сделал удачный выстрел, но, пытаясь подтащить багорчиком к льдине свою добычу, он потерял равновесие и упал в воду. Макленнан кинулся ему на выручку и протянул Токо дуло винчестера. Ему уже почти удалось его вытащить, когда кожаное кольцо стало медленно сползать с культы и задело спусковой крючок. Грянул выстрел, пуля пробила грудь Токо. «Я убил кита!» — вот с какой страшной мыслью Макленнан тянет потом на шкуре по торосам своего друга. И сколько же он успел перестрадать и шероудать за долгие тяжкие часы, пока чукчи, поняв непреднамеренность этого убийства, простили Макленнана!.. Тело Токо вносят в ярангу, и начинается страшный ри-

туал: чукчи спрашивают мертвого, не держит ли он зла на белого человека. И снова, как в сцене «лечения» больного Рингына шаманкой Пээп, мы вместе с несчастным Джоном лихорадочно ждем, кивнет ли мертвый Токо или останется неподвижным. Мы заморожены и верим каждому слову и облегченно и благодарно вздыхаем, узнав, что славный Токо ни в чем не винит своего друга. Вся сцена написана столь правдиво и просто, что, несмотря на фантастичность ситуации, полностью убеждает читателя, уже подготовленного к тому, чтобы воспринимать происходящее глазами героев.

То, что в ранних вещах удавалось Рытхэу меньше всего — а именно тонкое, пластичное изображение людей из иного общества, иного уровня сознания, — в новом романе составляет как раз безусловную удачу писателя. Образ Макленнана не уступает по своей выпуклости и полнокровности другим героям этого интересного произведения.

Даже некоторая нечеткость идейной позиции Макленнана вполне мотивирована писателем и психологически оправдана. Дело в том, что молодой американец, справедливо ополчаясь против хищнических колонизаторских устремлений разных дельцов типа вышеупомянутого Карпентера, вместе с тем высказывается, например, и против поголовной грамотности чукчей. А в разговоре с капитаном Бартлеттом из этнографической экспедиции Стефанссона недвусмысленно выражает сомнения в том, желателен ли вообще для чукчей прогресс. Его мысль проста: дайте людям жить так, как они хотят, как они привыкли. Сами же чукчи — такие, как мудрый Орво, как Тнарат, как приемный сын Макленнана Яко, — всей душой тянутся к знанию, к свету. Да и сам Макленнан взялся однажды обучать Тнарата английскому языку, а когда во время урагана разбило вельботы и Макленнану пришлось разбирать так дорого доставшийся ему мотор, американец имел случай убедиться в незаурядной смекалке и недожинных способностях молчаливого и скромного Тнарата.

И все-таки заблуждение Макленнана становится понятным, если учесть, что он, подло преданный лучшим другом, естественно, разочарован в западной цивилизации, где господствует чистоган. Окружающие же его люди не раз доказали ему высокую свою человечность и бескорыстие.

Мнение Макленнана, не оспоренное в романе никем, кроме хищника Карпентера, заставляет предположить, что этот интересно задуманный писателем характер доброго и честного американца еще находится в становлении. Роман заканчивается переломным в истории 1917 годом, и, по-видимому, нам еще предстоит прочесть в новой книге Рытхэу о дальнейшей судьбе Джона, который, хочется верить, еще пересмотрит свои взгляды на «опасность» прогресса для сохранения свободы и самобытности малых народностей.

Сам Рытхэу вполне ясно высказался на эту тему в статье «Четвертое измерение», напечатанной в «Правде» 15 декабря 1969 года:

«Говорят, что есть своя романтика в ярангах, стоящих на берегу Ледовитого океана, в мчащейся собачьей упряжке, в пламени мха, смоченного тюленьим жиром... Но вот что удивительно: об этой «романтике» говорят те, для которых жизнь в яранге, поездка на собаках, созерцание пламени жирника — эпизод в жизни, кратковременное приключение. Мои же земляки, которые прожили, быть может, тысячелетия в яранге, проехали из конца в конец тундру на собаках и оленях, испортили глаза в неверном свете коптящего пламени, предпочитают иную романтику, романтику жизни в удобном современном доме на берегу того же Ледовитого океана, покорения пространства самыми современными видами транспорта, строительства атомной электростанции в Билибино — в сердце чукотской тундры».

Роман «Сон в начале тумана» показал, что Ю. Рытхэу сумел преодолеть многие отмеченные нашей критикой недостатки, собственные его более ранним произведениям, в том числе и таким талантливым, как трилогия «Время таяния снегов», представленная недавно Ленинградской писательской организацией на соискание Государственной премии СССР 1970 года. Следует, однако, с сожалением отметить, что гораздо более стройный в композиционном отношении новый роман все же имеет и досадные просчеты, «провалы» в развитии иных сюжетных линий. Так, не получает ожидаемого продолжения и логической развязки бурная ссора Пыльмау с Армолом. Оставшись в силу не зависящих от него

обстоятельств в чукотском селении, Макленнан почему-то всячески избегает дать о себе знать на родину, где его ждут родители и невеста. Это, возможно, и придает развитию фабулы большую напряженность и остроту, но вносит ненужный мелодраmatизм в книгу, написанную в целом сдержанно и лаконично. Безусловно вредит цельности образа Макленнана, да и попросту противоречит характеру этого благородного человека также и то, что он даже не пытается прояснить свои взаимоотношения с обиженным стариком Орво и т. д. В таком на совесть сколоченном произведении подобные обидные промахи особенно резко бросаются в глаза.

Тут, правда, еще остается надежда: может, хотя бы часть этих сюжетных узлов будет развязана в следующей книге (если, конечно, верно предположение, что читатель имеет пока что дело с началом большого романа)?

И все-таки мы еще и еще раз убеждаемся в том, что перед нами талантливый писатель, обладающий правдивым и чистым взглядом на людей, на мир. Рытхэу не боится показать старую шаманку, сделавшую операцию Макленнану, которому грозила гангрена, сильной и незаурядной личностью; он не боится сообщить, что прелестная Пыльмау впервые вымыла лицо спустя долгое время после того, как стала женой Макленнана; не боится он написать и жестокую сцену голодной смерти двух одиноких стариков, трупы которых были растерзаны и растащены одичалыми собаками. Потому что если все повествование согрето горячей любовью и уважением к своему народу, если оно насквозь пронизано искренней болью за людей — ничто, никакие страшные подробности жизни не только не оттолкнут читателя, но заставят и его проникнуться такой же точно нежной любовью, и состраданием, и уважением. Обаяние достоверности действует сильно, безотказно.

За Рытхэу интересно следить: он растет, он шагает быстро и широко, как и его маленький мудрый народ, который за время одного, много — двух поколений, словно великан в семимильных сапогах, преодолел путь длиной в тысячелетия.

И. ВАРЛАМОВА.

ВОСХОЖДЕНИЕ ЛЕШКИ ГОРБАЧЕВА

Н. Дубов. Горе одному. Роман. В двух книгах. Книга 1. Сирота. Книга 2. Жесткая проба. «Молодая гвардия». М. 1970. 592 стр.

О ком бы ни писал Николай Дубов — о маленьком горожанине Косте Голованове («Огни на реке»), или о сыне вечно разъезжающих геологов Антоне («Небо с овчинку»), или о Сашуке, рыбацком сыне («Мальчик у моря»), или о сыне дорожных рабочих Юрке («Беглец»), или о сироте Лешке Горбачеве («Сирота» и «Жесткая проба»), — все это будут совершенно не похожие друг на друга дети — не разные маски автора, а в полном смысле разные характеры. И все же в центре всех произведений Н. Дубова — ребенок, мальчик, маленький мальчик на берегу «большой воды».

В некоторых произведениях современной литературы маленький герой всего лишь модификация «естественного человека» старой философской повести, но в отличие от «естественного человека», фигуры в достаточной мере умозрительной, герои Н. Дубова — реалистически изображения наших младших современников. Живущие не в условном, а в исторически определенном мире, они оказываются втянутыми во вполне реальные современные конфликты. Диалогия «Горе одному» — это книга о мальчике, подростке, юноше Лешке Горбачеве.

Маленькие герои Н. Дубова не совершают воинских подвигов. В единственной военной повести писателя «У отдельно стоящего дерева» нет детей (по крайней мере среди лиц первого плана), в остальных книгах Дубова, посвященных детям, нет войны. Предметом художественного исследования писатель выбирает гражданское мужество ребенка, тот «штатский героизм», само существование которого нередко как-то забывается в книгах, адресованных юному читателю. И тем не менее повести Дубова, в особенности «Сирота» и «Жесткая проба», составляющие дилогию «Горе одному», накрепко связаны с войной. Одна старая книга начинается словами «Вначале было слово». Мир, в котором живут герои Дубова, следовало бы открывать словами «Вначале была война».

Для времени, изображенного в «Сироте», сиротство было не просто «семейным положением» множества детей, но, можно сказать, социальным явлением. Дело даже не в количестве детей-сирот, росших в ту пору

что жизнь народа во многом определялась послевоенными трудностями, вдовством, бессемейщиной, сиротством, и дубовский Лешка Горбачев со всеми зигзагами и петлями его личной судьбы — типический образ. «Связь времен» исследуется Н. Дубовым в самом критическом ее участке — там, где война повыбила живые человеческие звенья. Вместо погибшего отца — моториста Горбачева — Лешкиным воспитателем оказывается жуликоватый дядя Троша, и он говорит об отцовском поясе, который Лешка сохраняет как самое дорогое свое имущество: «Хлам, даже на набойки не годится». Лешка взвизгивает:

«— Это папин пояс!

— Ну и что? Кабы я после батьки все возил, мне бы вагон надо было, а я вот налегке, в чемоданы укладываюсь.

— Так это же памяти!

— Невелика память. Да... Не много после покойника осталось.

— Он не покойник, а погиб за Родину!

— Эге, погиб, за то ему слава... Только слава — не сапоги и не деньги, ее не обуешь и хлеба на нее не купишь... Одни слова...

— Неправда! — закричал Лешка...»

Запомним этот выкрик не умеющего объяснить, спорить, доказывать Лешки. Дубов придает чрезвычайное значение способности своего героя сказать «неправда!», когда другие — одобрительно или не соглашаясь — молчат. А Лешка, даже не догадываясь об этом, спасает не просто пояс — полосу дубленой кожи, — он спасает право человека не забывать то, что было в жизни до него, он противоборствует с воинствующим дикарем за культуру, о которой кем-то было сказано, что она и есть п а м я т ь. И сразу же — другой конфликт: увидев в окне вагона что-то ослепительно красивое:

«— Что это? — спросил Лешка.

— Море, — ответил дядька. — Ты за чемоданами гляди, а не по сторонам...»

Но об этом конфликте — позже.

...Столкнувшись с непомерно большим по их детским силам злом, ошеломленные его тупой самоуверенностью, маленькие герои Дубова бегут. Это только последняя повесть Дубова называется «Беглец», а мотив бегства давно уже звучит в его книгах.

Лешка Горбачев тоже беглец, и диалогия о нем начинается разделом «Побег», в первой же строчке которого стоят слова «Лешка решил убежать», и сколько раз потом — и в «Сироте», и в «Жесткой пробе» — Лешка принимает такие же решения и бежит. При этом всегда ясно, что если ребенок бежит от взрослых, от семьи, от коллектива, то значительную долю вины должны принять на себя взрослые, семья, коллектив. Побег ребенка в книгах Дубова — это тот же максималистский выкрик «неправда!», брошенный на мальчишеском языке.

Н. Дубов сочувственно следит за мучительными побегами своих героев как врач, отдающий себе отчет в болезненности лечения. Быть может, ни в чем Дубов так не силен, как в изображении пути своих мальчиков к познанию мира — через самопознание, к общности с людьми — через отделение от них.

Историю трудного восхождения Лешки Горбачева Дубов раскрывает перед читателем как пример, резко осуждающий индивидуализм. Писатель недвусмысленно назвал свою диалогию «Горе одному». Восхождение Лешки Горбачева — его путь к людям через человеческое в себе, поэтому такая серьезная роль отведена в диалогии коллективу, сначала детскому, потом рабочему.

В школе Лешка и его приятели учреждают что-то вроде самодетельной тимуровской организации — с «программой», отражающей их наивное, но безусловно нравственное понимание жизни. Призванный быть организатором и блюстителем детского коллектива, обязанный поддержать зарождающийся коллектив или помочь ему, старший пионервожатый Гаевский губит дело. Он знает только одно отношение к людям — подозрительность, в хорошей затее видит деятельность заговорщиков, и перед его ловким пафосом цепенеют коллеги-педагоги. И когда потом, уже в «Жесткой пробе», Лешка пытается бороться с очковитирательством в одиночку, минуя коллектив, то, возможно, в этом сказываются последствия нанесенной Гаевским травмы, остаточная деформация зароненного Гаевским недоверия к коллективу.

Герои Дубова, как все вообще мальчики на свете, мечтают о воинских подвигах и «примеряются» к ним в игре. Лешкин дружок Витка Гушин решает совершить «подвиг» — ползет на животе через пыльный и

каменистый город. Это оказывается трудным, но, в общем-то, посильным делом. Вместе с Виткиным отцом это ползанье осуждает Дубов: он ждет от своих мальчиков не игры в героизм, а подвига, и не случайно во второй части диалогии этот самый Витка выказывает себя трусом, подло потакающим возникновению лживой легенды вокруг собственной тщеславной особы, а истинную смелость проявляет Лешка, никогда не игравший в героизм, встающий теперь против лживой и корыстной легенды.

Писатель оценивает детский подвиг не по его внешней эффектности и даже не по его эффектности, а по силе того душевного движения, которое требуется от человека для совершения поступка, называемого подвигом. Подвиг или просто смелый поступок (как бы ни был он мал сам по себе) измеряется в диалогии в масштабах мальчишеского характера и судьбы — ведь нет победы труднее, чем победа над самим собой, и нет подвига без подвижничества.

Мужество мальчиков у Дубова всегда направлено на спасение других людей («Огни на реке»), на защиту природных («Небо с овчинку») и нравственных ценностей («Горе одному» и все вообще повести Дубова). Никогда писатель не ставит своего героя перед необходимостью самоспасительного, «джеклондоновского» подвига. Напротив, смелость и подвижничество этих мальчиков очень усложняют им жизнь и приносят почти одни только неприятности. Но, проиграв в бытовом смысле, они оказываются в громадном моральном выигрыше. Теряя по житейскому, они приобретают по высшему, нравственному счету. Поступи они иначе, им бы жилось гораздо благополучней, но наша любовь и уважение были бы не с ними.

Что, казалось бы, проще и естественней, чем сказать: «Неправда!», услышав неправду? А вот поди ж ты, скажи, если в реальном существовании эта неправда порой бывает забронирована от разоблачений дерзкой защитой одних и робким согласием других. Но Лешка встает на защиту правды против очковитирательства Гаевского и чиновника от журналистики Алова, как прежде вставал против воинствующего обывателя и жулика дяди Троши. Впервые свое отчаянное: «Липа!» — Лешка Горбачев бросает, конечно, со смелостью скорее детской, основанной на неведенье, — так ребенок не боится огня, ибо не знает, что он

жжется. Но и обжегшись, Лешка при случае повторит свой протест уже со спокойной уверенностью человека, знающего, на что он идет. Читательское уважение к дубовскому сироте растет одновременно с ростом героя, потому что, пройдя «жесткую пробу» на гражданское мужество, Лешка становится лучше, оставаясь самим собой.

Он становится лучше, потому что начинает понимать разницу между одиночками, составляющими в сумме толпу, и личностями, входящими в коллектив. К концу дилогии название «Горе одному» звучит уже слегка иронически — Лешка преодолевает юношеский индивидуализм. В этом ему помогают его наставники — люди с врожденным или воспитанным чувством рабочей чести и долга, труда и коллектива. Писателя занимает в первую очередь психология рабочего человека, тот человеческий комплекс, который мы традиционно называем подозрительным по идеализму словом «душа». Потомственный пролетарий Василий Прохорович Губин ничуть не похож на плакатного молодца: он стар, сутул, по-стариковски ворчлив, порой угрюм (все-таки нелегкая жизнь за плечами), но тяготы не лишили его человеческой гордости, а слабые дифирамбы разнообразных Аловых не породили высокомерия. Присущее ему чувство собственного достоинства сочетается с трезвой оценкой своих возможностей, умений, знаний. Глубока любовь Дубова к рабочему человеку (Дубов и сам вышел из этой среды). Эти взгляды разделяют любимые герои Дубова, в том числе Василий Прохорович Губин.

Герои Дубова считают свою принадлежность к рабочему классу не привилегией, а долгом. Они далеки от мысли прикрывать достоинства своего класса личные недостатки. Они понимают, что их сила — в единении, потому что коллектив тем-то и отличается от толпы, что он стремится нейтрализовать недостатки каждого своего члена и суммировать заключенное в каждом разумное, доброе, нравственное начало.

Дети в дилогии Дубова непрерывно бьются над вопросами, которые и для взрослых-то далеко не все решены, а только разве что привычны. Детских «почему», «отчего», «зачем» — бессчетное множество на страницах книги. Они отражение неустанного поиска правды-справедливости, которую вместе с детьми ищет автор.

Особое место в его творчестве занимает тема природы, борьбы за нее.

Дубов редко выступает в неповествовательных жанрах, и потому, быть может, особенно памятна его публицистическая статья «Как губят море». Море в книгах Дубова — частица и символ той природы, которую человек получает в наследство от предков и оставляет потомкам. Это — размышление писателя о правах и законах наследования, о судьбах земли, культуры, человечества.

Писатель защищает природу как гуманист: не от человека, а для человека, и потому отношение героев Дубова к природе — пробный камень их нравственных свойств. Для Дубова здесь один из важнейших узлов противоречий нашего времени, столкновение эстетических, экономических и этических проблем. Предпочтение выгоды, губительное для красоты, безусловно осуждается, а предпочтение красоты дает выход из, казалось бы, неразрешимого противоречия: выясняется, что сохранение красоты и экономически выгодно — выгодно не вытаптывать траву, не захламлять лес, не заболачивать море, не истреблять животных. Выгодно — и нравственно. Конечно, выгода эта видна с точки зрения народа, которому на этой земле, у этого моря жить века, а не с точки зрения хищника-браконьера и хищника-бюрократа, живущих по принципу «после меня хоть потоп», «хоть трава не расти», «однова живем», и Дубов с полным основанием уравнивает бюрократа и браконьера на основе этих враждебных народному мышлению и морали принципов.

Водораздел между героями Дубова проведен жестко и бескомпромиссно: по одну его сторону плещется «свободная стихия» — море, на берегу которого стоят Лешка Горбачев, его сверстники и взрослые, люди труда и чести; по другую — раскинулось «море» обывательское, в котором, как рыбы в воде, плавают Гаевские, Аловы и дяди Троши. Полностью разделяя симпатии и антипатии писателя, всем сердцем сочувствуя его гуманистическому пафосу, все же нельзя отделаться от сомнения, порожденного именно жесткостью «водораздела»: уж не собирается ли Дубов уверить своих читателей, будто любовь к природе есть качество достаточное, чтобы человек стал человеком в полном смысле слова? Вчитываясь, видишь: конечно, никаких иллюзий на этот счет Дубов не питает. Тот, кто бережет и

любит природу, может быть и хорошим человеком, и негодяем. Но у того, кто ощущает себя хозяином природы, лишь пакостя и уничтожая ее, явно душа негодяя. Дубов рассматривает любовь к природе как условие совершенно необходимое в комплексе гражданских качеств своих любимых героев, а прочим просто отказывает в праве на эту любовь.

Диалогия Дубова — книга о воспитании

гражданина и для воспитания гражданина. Повести «Сирота» и «Жесткая проба», давно вошедшие в непререкаемый свод юношеского (и не только юношеского) чтения, успели уже приобрести популярность в новом качестве диалогии «Горе одному», которая ныне заслуженно выдвинута на соискание Государственной премии.

Киев.

М. ПЕТРОВСКИЙ.

★

«ЧТОБЫ ГОЛОС ОБРЕТЬ — НАДО КРУПНО РАССТАТЬСЯ...»

Андрей Вознесенский. *Тень звука. «Молодая гвардия». М. 1970. 264 стр.*

Стихи начинают писать так же, как начинают плавать.

Кто самоуком барахтается на мелком месте, кто прилежно занимается в хлорированном бассейне под руководством опытного мастера. Но в любом случае первые движения в воде неуклюжи, судорожны.

Вознесенский сразу поплыл баттерфляем — по крайней мере его барахтанье или занятия в группе начинающих остались тайной для читателей. Резкие, уверенные движения новичка раздражали плавающих всю жизнь по-собачьи или уютно покачивающихся на спине. Вознесенский не перебрался путем кропотливых усилий из разряда к разряду — он с ходу выполнил норму мастера.

Но есть мастерство безличное, когда поэт лишь усваивает правила хорошего тона — не более. Вознесенский «смазал карту будня».

Он соединил русский перепляс («Мастера»), синкопы современного джаза (стихи об Америке) и бетховенские раскаты («Гойя»). Трагический захлеб Цветаевой неожиданно перебивается лихой четкой раннего Кирсанова. Лирическая, хрупкая тема — гротесковыми, почти цоценковскими пассажами. Эта резкость перебивов пугала любителей плавных, наигранных гамм.

Ревнителю строгих правил всполошились, узрев уже в первых публикациях Вознесенского, а особенно в «Треугольной груше», посягательство на традиционный русский стих. Ими было пущено в ход презрительное словечко «мода», чтобы каким-то образом объяснить читательский интерес к стихам Вознесенского. Но ссылки на «моду» часто являются показателем беспомощности аргу-

ментации. Вопреки язвительным предсказаниям, имя Вознесенского прочно утвердилось в литературе, а его несдавшиеся оппоненты становятся так же смешны, как барон фон Гринвальдус, сидящий все в той же позиции на том же камне.

Поэзия Вознесенского вовсе не посягательство на традиции русского стиха, а своеобычное развитие этих традиций в новых условиях.

У Виссариона Саянова есть прекрасное четверостишие:

Как ни шутили стихотворцы,
Как ни буянили в стихах,
Но привкус пушкинский не стерся
И на мальчишеских губах.

Книга Вознесенского «Тень звука», в какой-то степени подытоживающая уже многолетнюю работу поэта, является свидетельством того, что его творчество стало в русской поэзии тем словом, которое из песни не выкинешь. По-своему воспринявший опыт русской поэзии, он сам стал частью ее опыта.

Мне кажется, без аналитического осмысления творчества Вознесенского невозможно появление новых поэтов. В психологии читателей так или иначе преломились его нервные ритмы, его напряженные метафоры, и у многих стали частью их внутреннего мира.

Если говорить о себе, то Вознесенский — один из самых моих любимых поэтов, и многие мои стихи родились в результате огромного эмоционального заряда, полученного от его магнетического таланта. Когда читаешь раздел «Эхо», где собраны уже известные по прежним сборникам стихи, то отчетливо понимаешь, что это эхо и твоей

жизни, твоих страданий и надежд. Симфонизм «Гойи», молодая ярость «Мастеров», знобящая прозрачность «Осени в Сигулде», ядовитый сарказм «Антимилов», кровавая пронзительность «Лобной баллады», полужадушенный крик «Монолог Мэрлин Монро», хриплый шепот «Тишины!», колокольное отпевание в «Плаче по двум нерожденным поэмам» — все это уже перестало быть просто стихами Вознесенского, а стало общим достоянием советской поэзии.

Прочитав однажды, невозможно забыть такие строки:

...самоубийство — бороться с дрянью,
самоубийство — мириться с ними,
невыносимо, когда бездарен,
когда талантлив — невыносимей, —

или:

Тишины хочу, тишины...
Нервы, что ли, обожжены?

Вознесенский, конечно, понимает, что

...мы — люди,
мы тоже порожни,
уходим мы,
        так уж положено,
из стен,
        матерей
                            и из женщин,
и этот порядок извечен.

Но он отчаянно верит, как и должен верить поэт, что искусство способно выйти победителем в борьбе с извечным порядком ухода. Это звучит и в переводе «Из Хемингуэя»:

Влюбленный в слово,
все, что я хочу, —
сложить такое
словосочетанье,
какое неподвластно попаданью
ни авиа, ни просто палачу!
Мы, люди, погибаем, убываем.
Меня и палачей моих
переживает
вот этот стих,
убийственно неубиваем.

От прежней юношеской декларации: «Мы не ГЭС открываем — открываем миры» — Вознесенский не случайно обращается к образу врача, спасавшего людей даже в чудовищных условиях фашистского лагеря:

Это надо быть трижды гением,
чтоб затравленного среди мглы
пригвоздило тебя вдохновение,
открывающее миры.

Но он не идеализирует вдохновение вообще, а ставит вопрос об ответственности вдохновения. Раньше он восклицал:

...единственная из свобод —
работа!
        работа!..

может быть, не замечая опасности апологии работы «вообще». Теперь он переходит к мучительному размышлению над правом эксперимента:

Имеем ли мы право вызвать смерть?
Вдруг микросмерть взорвется эпидемией?
А где-то под тобою Оппенгеймер
над атомом неловок, как медведь...

Призывавший: «Ура, студенческая шарага! А ну шарахни...» — залихватски ломавший каноны, он вдруг задумывается даже над значением обмолвки, как над значением камешка, с которого может начаться непредугадываемая лавина:

С обмолвки началась религия.
        Эпоха — с мига.
И микроусик гитлеризма
        в быту подмигивал.

Зрелое осознание силы слова затрудняет обращение со словом. Легкость импровизационности исчезает. Не только старость, но зрелость — это тоже «Рим, который взамен гурусов и колес не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». Ключом к пониманию сегодняшнего периода творчества Вознесенского может служить его громоздкое, мучительное стихотворение «Испытание болотохода», в котором так и слышится рев перенатруженного мотора, хлопанье засасывающей трясины, пробуксовка на оборотах:

Небеса — старо.
        Полетай болотом!

Это новая выстраданная формула зрелости, которая гораздо выше раннего: «Я со скамьи студенческой мечтаю, чтобы здания ракетой ступенчатой взвивались в мирозданье!» Расшифровка понятия болота сложна — тут и глобальное букашкинство, и хаос бытия, в котором воплощением гармонии является неуклюжий, но все-таки прущий сквозь неподвижную цель застоя яростный болотоход человеческого мужества, творчества.

Ненавидя то, что «давнее, чем давно, величественно, но дерьмее, чем дерьмо», тем

не менее Вознесенский обращается к Роберту Лоуэллу:

Мир мраку твоему.
На то ты и поэт,
что, получая тьму,
ты излучаешь свет.

Но все-таки в борьбе с болотом порой смертельно усташь.

Одно время, видимо уставший после отчаянного выплеска энергии, Вознесенский обратился с молигой — «Мать Владимирская, единственная», как бы стараясь уйти от «мировых клоунад»:

А пока нажимаю, заваруха,
на скорлупы упругие спи! —
Это нас прижимает друг к другу.
Спим.

Стрельбище в десять баллов, на котором Вознесенский пытался выбить сто, беспощадно отрезвило его своей ограниченностью. «Не сбываются мечты, с ног срезаются мячи». И как поиск спасения прозвучало: «В наикачаемом из миров можно прижаться». Но после оды тишине неизбежно прорвалось: «Ах, как гошнит от тебя, тишина!» Сказался характер настоящего поэта. Попытка спасения в счастье двоих естественна, но невозможна. Зачем вообще искать спасения? Все-таки «уютя — нет, покоя — нет». Поэт — спасатель, а не спасающийся. И снова властно возникает видение болотохода, напоминающего о вечной функции поэзии — борьбе с болотом, как бы оно ни называлось. Но борьба и эпатаж — разные вещи. Эпатаж — не движение вперед, а пробуксовка на оборотах. Конечно, другое дело, когда:

Думали — для рекламы,
а обернулось — кровью.

Так было с Маяковским. У Маяковского сквозь все его футуристические эксперименты прорвался отчаянный рев корчащейся улицы, которой нечем кричать и разговаривать, — рев сражающегося с тной болотохода. Это и отличало Маяковского от всех пиявок, присасывающихся к болотоходу его поэзии, и от звонкоголосых лягушек, вскакивающих на этот болотоход, как на трибуну.

Вознесенский любит Маяковского и преломляет его опыт по-своему. Но сколько бы Вознесенский ни оправдывал в прозаическом предисловии свои «Изопы», я не могу в них

усмотреть ничего, кроме эпатажа, причем скучноватого. Впрочем, прилагательное «скучноватый» ставит под сомнение существовательное «эпатаж». Обидно видеть рядом с расположенным в виде петуха пестрым ассортиментом выкриков вроде: «Кухарка! Хакири! Кир! Пух!» — такие поистине изумительные строчки:

Какое бешеное счастье,
хрипя воронкой горловой,
под улюлюканье промчаться
с оторванною головой!

...Но по ночам их к мщенью требует
с асфальтов, жилисто-жива,
как петушиный орден
с гребнем,
оторванная голова.

Слововорчество Хлебникова, Маяковского, Цветаевой происходило от физического ощущения невозможности высказаться обыкновенными словами, но даже и в этом случае у них наряду с победами было огромное количество издержек. Не избежал издержек и Вознесенский. «Женский зарев прощальный с детством первых раздежд», «Ах, мое ремесло самобытное? нет, самопытно!», «Они язвивались и яздваивались на конце, как черные фраки или мокрицы...» Сразу возникает в памяти кирсановское: «Уже несет плодыни слов счастливого дерево». Зачем платить по уже оплаченным счетам?

На дюралевых конструкциях поэтики Вознесенского неуместны барочные украшения, против которых он сам в принципе восстает.

Конечно, можно весело оправдать себя:

Художник хулиганит?
Валуи,
Колумби!

Или:

Хулиганы? Хулиганы.
Лучше сунуть пальцы в рот,
чем закинуть куликами
буржуазовых болот!

Но все-таки свист на болоте несоизмерим с ревом болотохода, прокладывающего путь себе и другим.

Отчего же при таком самородном таланте иногда происходит стремление к внешней аффектации?

Сей грех свойствен не только Вознесенскому, но и автору этих строк, и многим на-

шим коллегам. Иногда мы лихорадочно мечемся, пытаясь ухватить за хвост жар-птицу собственной уходящей юности. Но когда мы, поэты, линяем, как архары, то не стоит пытаться вязать красивые джемпера из уже сброшенной шерсти.

«Чтобы голос обречь — надо крупно расстаться». Поэт стал другим — значит, и стихи должны стать другими. Плевать на то, что кто-то разочарованно вздохнет: «А раньше вы писали иначе...» Недалекие поклонники задорной эпикурейской стихии раннего Пушкина морщились при чтении глав «Евгения Онегина»: «Это не он». Многие обожатели Блока, прочитав «Двенадцать», страдальчески вздыхали: «До чего он опустился...» Некоторые читатели слишком деспотичны. Полюбив однажды поэта, от каждого его нового произведения они ждут чего-то похожего на прежнее. Иногда поэт поддается диктату публики и снова пытается прыгать через уже взятую планку. Но тогда

Станет планка для вас
подведенной чертою.

Планку надо поднимать выше — и лучше сбить ее, но все-таки попробовать взять новую высоту. Ведь то, что десять лет назад было мировым рекордом, сегодня может стать нормой перворазрядника.

Мускулы формы позволяют Вознесенскому творить и сегодня чудеса со стихом, рождая «чудный гул без формы, как обморок и разговор с собой»:

Напоили.
Первый раз ты так пьяна,
на пари ли?
Виновата ли весна?
Пахнет ночью из окна
и полынью.
Пол — отвесный, как стена...
Напоили.

Или:

...И неминуемо минуем
твою беду
в неминуемо немую
минуту ту.

Какая удивительная, завораживающая
мелодия ночного города:

Зеленые в ночах
такси без седока.
Залетные на час,
останьтесь навсегда...

У Вознесенского действительно Ахиллесово сердце, своей кровотокающей обнаженностью ранимо воспринимающее любое прикосновение.

Но иногда мы, поэты, лихорадочно стремимся воплотить наш лихорадочный атомный век, подменяем духовность — нервностью, спокойную мудрость — торопливой рациональностью. Подлинный жар мы заменяем набиванием градусника:

«Лебеди, лебеди, лебеди...
К северу. К северу. К северу!..»
«Грипп, грипп, грипп».
«Это Селма, Селма, Селма».

(А. Вознесенский)

В своем предисловии Катаев справедливо замечает, что любая книга Вознесенского — это депо метафор. Действительно, второго такого метафорического дарования после Маяковского русская поэзия не знала.

Великолепны метафоры Вознесенского, когда они свободно низвергаются в потоке страсти:

...По лицу проносятся очи,
Как буксующий мотоцикл,—

или когда вонзаются, словно пуля в упор:

Он лежал посреди страны,
Он лежал, трепыхаясь слева,
Словно серое сердце леса,
Тишины,—

или когда бросают отсвет подсмотренного очарования:

И из псов, как из зажигалок,
светят тихие языки,

Но порой метафоры Вознесенского, при всей неожиданности, выглядят как броские декорации на сцене, где ничего не происходит:

Суздальская богоматерь,
сияющая на белой стене,
как кинокассирша
в полукруглом овале окошечка!

Действительно, редкостно красивая метафора.

Но далее следует недорого стоящее восклицание:

Дай мне
билет,
куда не допускают
после шестнадцати,—

Как горящая пакля, на сучках ключья
волчьей и песьей.
Звери платят ясак за провидческий рык.
Шкурой платят за песню.
Развяжи мне язык.

Для образной системы Вознесенского характерно просачивание из комнаты — в комнату, из страны — в страну. Так и он сам — сегодняшний — мучительно переливается в себя — будущего:

Море — полусостоянье
между небом и землей.

Если это «кризис», о котором он полусутоливо говорит, то счастливый кризис перехода в новое качество, без которого немислим ни один настоящий поэт. Так

...деградирует весна
на тайном переломе к лету...

Хотелось бы пожелать иным подозрительно не впадающим в кризис поэтам такой завидной «деградации», при которой пишутся подобные магические строки:

Не трожь человека, деревце,
костра в нем не разводил.
И так в нем такое делается —
боже не приведи.

Несмотря на то, что болотоходу трудно,—

Благогласно имя болотохода!
Он, как винт мясорубки,
ревет паряще.
Он — в порядочке!
Если хочешь полета —
учти болота.

Так пусть хранят Вознесенского и всех нас в борьбе с болотом тени наших великих предтеч, о которых он так проникновенно сказал:

Ах, поэты, с беззаветностью отдавшиеся
ситуациям, эпохам, временам,—
обвиняемые или пострадавшие,
с беспощадностью прощающие нам!

Поэты, по выражению Вознесенского,— «ангелы грязи», спасающие человечество от болота стандартизации, анигуманизма, как студенты во Флоренции, спасающие от наводнения великие книги и полубога.

Одна из героинь книги Вознесенского, Майя Плисецкая, на вопрос, что она больше всего ненавидит, ответила: «Лапшу!»

Вознесенский в пути. И болотоход его поэзии, даже порой буксуя в так презираемой им лапше как в символе разваренной бесхребетности, антидуховности, но борясь и преодолевая ее, идет вперед.

Евг. ЕВТУШЕНКО.

ВОСПОМИНАНИЯ МОЛОДОГВАРДЕЙЦА

В. Левашов. Мои друзья молодогвардейцы. «Звезда», №№ 1, 2, 1970.

В 1943 году, когда советскими войсками в числе других донецких городов был освобожден Краснодон и в печати появились первые сообщения об организации «Молодая гвардия», вышла в свет и первая книга о юных подпольщиках — «Герои Краснодона», сборник документов, собранных специальной комиссией ЦК ВЛКСМ. Менее года спустя вышла вторая книга, «Сердце смелых» М. Котова и В. Ляскового. Еще через полгода «Комсомольская правда» и журнал «Знамя» начали печатать первые главы прославленного романа А. Фадеева...

Потом были книги Е. Кошевой, А. Колотович, К. Костенко, Г. Арутюнянца и М. Новоселова и многих других.

¹Тяжкое обилие книг об этой героической

подпольной организации объясняется не только тем, что она была одним из первых отрядов юных патриотов, чьи боевые дела и чья трагическая судьба стали известны людям. Слава «Молодой гвардии» особенно широко разнеслась по всей стране и по многим странам мира с появлением романа А. Фадеева — глубокого и захватывающего произведения, переведенного на многие языки уже через два-три года после его появления в свет. Судьба прекрасных юношей и девушек, погибших в расцвете сил в неравной борьбе с фашистскими захватчиками, была близко принята к сердцу многими миллионами людей.

С этой поры каждая новая публикация об отважных краснодонцах, принадлежала ли она перу историка, журналиста, раскопав-

шего еще неизвестные подробности их борьбы и гибели, или участника событий, очень быстро приобретала широкую популярность.

Василий Иванович Левашов, автор записок «Мои друзья молодогвардейцы», не историк, не журналист и не сторонний свидетель деятельности «Молодой гвардии». Он — один из ее организаторов и единственный оставшийся в живых член ее штаба. Он близкий друг Виктора Третьяковича и Сергея Тюленина, Любы Шевцовой и Олега Кошевого, Вани Земнухова и Ульяны Громовой. Он знает о краснодонском подполье больше любого из немногих молодогвардейцев, избежавших участи своих товарищей...

В. И. Левашов, ныне офицер Военно-Морского Флота, часто выступал на многочисленных собраниях молодежи и читательских конференциях во многих городах страны и рассказывал о товарищах по краснодонскому подполью. Он делился своими воспоминаниями со всеми, кто к нему обращался. «Рассказывать легче, чем писать» — так сам В. Левашов объясняет то обстоятельство, что его записки появились лишь через двадцать семь лет после гибели «Молодой гвардии».

Дело, однако, не только в этом. Вспоминать о своей встрече с одним из участников событий, имя которого было прежде неизвестно читателям, с Н. В. Чернявским, В. Левашов пишет: «...я задал Николаю Владимировичу вопрос: почему он сразу после освобождения Краснодона никому не сообщил о своей причастности к действиям группы Сергея Тюленина?»

Николай Владимирович ответил, что он, как и многие другие коммунисты, во время Великой Отечественной войны поступал так, как велел ему его партийный долг, и не видел в этом ничего особенного...

«Не видел в этом ничего особенного» — казалось бы, стандартная фраза, довольно часто повторяющаяся в газетных очерках о героях. Но если вдуматься, ведь так оно на самом деле и есть. Люди, для которых фронт или подполье были в свое время буднями, обычно не видели в своих боевых делах ничего особенного. Как бы растворенные в множестве дел и событий, их подвиги казались им делами обыкновенными и не сравнимыми с теми подвигами, описания которых они позже находили в некоторых книгах и фильмах с войне.

Такое чувство владело, по-видимому,

Н. В. Чернявским. Несомненно, знакомо оно было и В. И. Левашову. Кстати, он не преодолел его и тогда, когда решился наконец написать о своих друзьях и о себе.

Очень просто и, кажется, «обыкновенно» рассказывает автор даже о таких боевых эпизодах, когда он испытывал предельное душевное напряжение, когда всем своим существом ощущал нависшую над ним и его товарищами угрозу смерти.

«Нас окружили немцы и полиция. Время от времени кто-нибудь из них кричал:

— Хлопцы, не стреляйте, сдавайтесь!

Вначале мы удивились: неужели это нам? Нам живыми сдаваться в плен? Ну нет. Если нет иного выхода, застрелимся.

Мы с Сергеем приготовили пистолеты. В эти мгновения я впервые реально ощутил, как дорога человеку жизнь. Но что поделаешь! Достоинство, верность присяге дороже жизни. Жаль только, что никто никогда не узнает, где и как мы погибли».

Вот так же просто (хоть и вкрапленная порою в свои воспоминания эффектные фразы, как делают это, стараясь придерживаться известных стандартов, не искусственные в литературных «художествах» люди) В. Левашов ведет и весь свой рассказ о товарищах по краснодонскому подполью.

«Молодая гвардия», как известно, просуществовала не очень долго и особенно крупных военных акций совершить не успела. Но ни с чем не сравнимо духовное и нравственное содержание подвига молодогвардейцев. Все они мечтали о борьбе. И только об одном шел у них спор: с чего и как ее начинать.

«Конечно, у каждого было очень большое желание действовать, причем действовать сейчас же, немедленно. Но делать это нужно было организованно и умело. А нам не хватало ни жизненного, ни тем более боевого опыта. Вот мы на первых порах и тратили время на дискуссии».

И здесь и во многих других местах автор «Записок» словно бы даже оправдывается («Вот мы на первых порах и тратили время...») за то, что он и его товарищи не сразу бросились в бой или сделали меньше того, что, быть может, им полагалось сделать. А в чем состоит их долг, ни у самого Левашова, ни у его друзей, хоть почти все они были еще очень юны, не возникало никакого сомнения. Это-то больше всего и волнует в «Записках». И тем сильнее волнует, что ничего гут автор специально не подчер-

кивает. По-видимому, всякая мысль о бездействии была для него не менее дика, чем предложение сдаться в плен («...неужели это нам? Нам живыми сдаваться в плен?..»).

Та отвага и та дерзость, которые обнаруживали во время своих боевых операций эти мальчишки и девчонки, вызывают восхищение. Та железная стойкость, с которой выносили они жесточайшие пытки и с которой принимали смерть, рождает гордость за этих ребят. За наших ребят. Но самым глубоким чувством, жившим в них, была верность родной земле, усвоенным с детских лет идеалам, тому складу жизни, вне которого они себя не представляли.

Воспоминания В. Левашова дают читателю и некоторые новые сведения о деятельности «Молодой гвардии». Много из того, что рассказывает он о своих друзьях, о том, как складывалось подполье, как деятельностью молодежи руководили коммунисты, не только позволяет гораздо отчетливее представить себе и характер и развитие краснодонских событий, но и порою совершенно по-новому увидеть их.

Теперь, в частности, становится ясно, что один из секретов успеха краснодонских подпольщиков состоял в том, что они не танцис по каким-нибудь закуткам, а работали под носом у фашистов, которым и в голову не приходило искать именно здесь своих неуловимых противников. Они превратили самые видные и самые людные учреждения (электромеханические мастерские — сердце угольного района — и городской клуб) в центры этой работы. Теперь понятно, почему именно группа Сергея первой развернула свои действия: у нее раньше, чем у других, появился опытный и авторитетный наставник — коммунист Н. В. Чернявский. Понятно и то, как удалось ребятам столь долгое время избегать провалов: едва установив связь со взрослым подпольем, они сразу же начали получать от него уроки строгой конспирации и дисциплины.

Пожалуй, чуть более заметное место, чем другие его товарищи, занимает в воспоминаниях В. Левашова Виктор Третьякович. В какой-то мере это объясняется, вероятно, тем, что Третьякович долгое время был жертвой трагического недоразумения: на него, оклеветанного гитлеровскими пособниками, падала тень подозрения в малодушии и даже в предательстве, и в задачу В. Левашова, по-видимому, входило развеять эту

тень. Но главная причина, несомненно, в том, что этому мужественному юноше, отличному организатору и стойкому бойцу, принадлежало одно из самых видных мест в создании «Молодой гвардии» и в руководстве ею. И очень дорого то, что В. Левашов, восстанавливая историческую справедливость, возвращает ему это место.

С появлением воспоминаний В. Левашова заметно пополняется одна из легендарных страниц в летописи Отечественной войны. Автор расширяет и уточняет картину событий, которые были типичны для многих городов и сел, временно оказавшихся во власти оккупантов. Его документальное повествование вносит немало новых штрихов в изображение борьбы, которую партия и комсомол развернули в тылу врага.

Хочется только высказать несколько пожеланий, которые, может быть, пригодятся автору в его дальнейшей работе.

Говоря о том, что «обстановка в оккупированном Краснодаре оказалась значительно сложнее, чем можно было предположить», и приводя тем самым читателя к мысли, что соответственно сложнее, чем это обычно представляется, была и подпольная борьба, В. Левашов вместе с тем не всегда отчетливо показывает саму эту сложность.

Известно, например, что далеко не все операции партийного и комсомольского подполья проходили гладко. Дочь коммуниста-подпольщика Филиппа Петровича Лютикова Раиса в письме А. А. Фадееву, написанном в феврале 1946 года, рассказывает, в частности:

«Я пришла (в Краснодар.— В. Б.) на второй день после того, как делалась попытка освободить пленных, которые шли из Волчанского лагеря через Краснодар. 13 человек пленных были найдены и застрелены. Пленных сопровождал усиленный конвой, хотя разведка и донесла, что будет обыкновенный. Я была свидетелем того, как тяжело переживал отец смерть погибших людей, как тревожно жили они все эти дни».

Рассказывая об этом же эпизоде, В. Левашов не упоминает о той частичной неудаче, которую потерпели подпольщики. Не упоминает он и случая, когда юные подпольщики по собственной инициативе разогнали стадо скота, отобранного у населения оккупантами, но сделали это слишком поспешно и непродуманно, и замысел их не получил удачного осуществления.

Понятно, что В. Левашов не ставил перед собой задачу дать исчерпывающе полную историю краснодонского подполья и рассказал главным образом то, что видел собственными глазами и что испытал сам. И все-таки жаль, что из его воспоминаний выпали отдельные факты, которые, быть может, особенно ярко раскрывали бы, насколько напряженной и драматичной была вся деятельность юных подпольщиков, какому риску они постоянно подвергались, как порою неоправданно, по молодости или по юношеской горячности, рисковали они собой и своим делом.

Очень хотелось бы, чтобы В. Левашов несколько пополнил и расширил свои воспоминания при подготовке их к отдельному изданию, а такое издание безусловно необходимо. Записки молодогвардейца по праву войдут в круг чтения нашей молодежи. Молодые читатели найдут в них захватывающие примеры мужества, бесстрашия, верности делу и товарищам и другие примеры столь же прекрасных и достойных подражания человеческих качеств.

В. БОБОРЫКИН.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Александр Розен. Осколок в груди. Повести и рассказы. «Советский писатель». Л. 1970. 495 стр.

В финале одного из рассказов Александра Розена, действие которого происходит в последний год войны, героиня вспоминает то, что ей пришлось пережить за три года ленинградской блокады. Она молода и счастлива, только что вышла замуж за прекрасного парня — в общем, как принято в таких случаях говорить, все у нее впереди. Но за три года блокады она видела столько всего — смерть от голода и бомбежек, безграничные страдания и неиссякаемое мужество, невыносимый быт и всепобеждающую силу духа, — что сейчас, когда она расстается с родным городом, уже сбросившим вражеские тиски, с общежитием фабрики, которое после смерти матери стало ей родным домом, с подругами, ближе которых у нее никого уже на свете не было, ей кажется, что «за эти три года прожита почти вся жизнь».

Чувство, что за годы войны прожита почти вся жизнь — да что там, далеко не всегда даже долгий век дарит человеку равноценный опыт, — это чувство принадлежит, конечно, не только героине рассказа, но и его автору.

Именно оно заставляет А. Розена вновь и вновь обращаться к впечатлениям тех суровых дней, оно, собственно, и сделало его военным писателем. Это не значит, что он пишет только о войне. Есть у него рассказы, которые посвящены событиям, к войне отношения не имеющим (но в лучших из них — а это, на мой взгляд, «Гая

вернулась из отпуска» и «Четыре двести» — мироощущение автора отличается особой душевной чуткостью и отзывчивостью, истоки которых следует искать в нравственном опыте военной поры), однако читательское признание А. Розен завоевал вещами, прямо связанными с тем, что было пережито в дни финской кампании и обороны Ленинграда и что он запомнил на всю жизнь.

Есть у А. Розена рассказ, который называется «Осколок в груди». Это автобиографический рассказ, в нем писатель вспоминает один из поразительных эпизодов ленинградской эпопеи — история обороны этого города особенно богата эпизодами, в которых реальная действительность выглядит как легенда. Когда от артиллерийского обстрела пострадала статуя Афины, украшающая Адмиралтейство, семидесятилетний скульптор взялся за ее восстановление. На шаткой люльке он поднимался вверх — ни обстрелы, ни высота не могли его остановить. А когда работа подошла к концу и осталось заделать последнее отверстие, «скульптор собрал разбросанные вокруг осколки снаряда и вложил их в грудь статуи» — в пораженной осколками снаряда, но спасенной Афине он увидел символ города, над которым она возвышается, все вынесшего, но непобеденного.

«Осколок в груди» — так названа и новая книга А. Розена. Но став названием всего сборника, эти слова приобрели еще

один смысл — тот, что заключен в известных строках Александра Твардовского:

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая в народе,
Как рана, что нет-нет и вдруг
Заговорит к дурной погоде...

Эта память не дает покоя и автору книги «Осколок в груди».

В книгу А. Розена вошли рассказы и повести разных лет. Самые ранние датированы 1942 годом. Последняя вещь, «Разговор с другом» (точнее, вторая ее часть), впервые опубликована в нынешнем году в первом номере журнала «Звезда». Впрочем, это не рассказ и не повесть, а воспоминания. Естественно, что и читателей и критику больше всего интересует последнее произведение писателя. А «Разговор с другом» к тому же не только последнее, но и самое крупное произведение в сборнике: оно занимает треть книги.

Однако дело не только в этом. Есть еще одно обстоятельство, вызывающее интерес к этой вещи. В последнее время все чаще стали появляться воспоминания писателей о войне, их дневники и записные книжки той поры и т. п. Назову хотя бы «Каждый день — длинный» и «Записки молодого человека» К. Симонова, «В большом наступлении» Б. Полевого, «Из старого путевого дневника» Л. Пантелеева, «В осажденном Ленинграде» Н. Чуковского, «Наедине с прошлым» Б. Бялика, «Тетради из полевой сумки» В. Ковалевского, «Как я стал маринистом» А. Крона. Нельзя не заметить, что названные здесь писатели (а этот ряд можно было бы и расширить) по большей части и до этого уже много писали о войне в других жанрах. И то, что они взялись за мемуары, обратились к своим старым дневникам, не случайность. Эти и другие примеры свидетельствуют об определенной, обнаружившей себя тенденции литературного процесса. А если это так, то анализ «Разговора с другом» А. Розена может помочь понять некоторые из причин, вызвавших ее к жизни.

В «Разговоре с другом» автор делает одно весьма любопытное признание: «Каждый раз, когда я брался писать о блокаде, я испытывал странное чувство несвободы. Восторг, который испытывает каждый писатель, сочиняя, то есть владея материалом и по-своему им распоряжаясь, вос-

торг, желанный и неизбежный, исчезал. Я боялся опуститься в темных кладовых материала, не освещенных тайной вымысла. Может быть, поэтому все, что я писал о блокаде — и повести и рассказы, — на самом деле достаточно достоверные очерки и фельетоны».

С литературоведческой точки зрения сказано это не безупречно, но, вероятно, не стоит из-за терминологических неточностей затевать спор о границе между очерком и рассказом. Важнее здесь другое: свидетельство писателя, что он столкнулся с материалом, который никак не вмещается в вымышленные сюжетные конструкции. А близость рассказов и повестей к очерку, о которой автор говорит несколько смущенно, словно бы извиняясь, мне в данном случае кажется не недостатком, а скорее достоинством — именно этого требовал жизненный материал, вымысел же (в том смысле слова, в котором его употребляет А. Розен) почти неизбежно приводил бы к беллетризации, мелодраме, сентиментальности. Я считаю лучшим из блокадных рассказов А. Розена «Сердечную слабость», а этот рассказ по своему художественному строю особенно близок очерку. Сюжетная «непреднамеренность» рассказа не только подчеркивает достоверность изображенных человеческих взаимоотношений (обычных для осажденного Ленинграда, но немислимых в других обстоятельствах), но помогает извлечь из жизненного материала высокий поэтический «коэффициент полезного действия».

А вот пример того, как мстит автору недоверие к жизненному материалу. Рассказ «Алексей Абатуров» посвящен теме, которая А. Розену и прежде казалась (рассказ написан в 1944 году) и сейчас кажется, судя по «Разговору с другом», в высшей степени важной для понимания того, что происходило на фронте, это тема овладения воинским искусством, офицерского мастерства. В центре рассказа — история подготовки и проведения силами одного батальона довольно сложной операции. Но автор, быть может, даже не отдавая себе в этом отчета, опасался будничности материала, его, так сказать, «производственного» характера — вдруг это будет неинтересно читателю, не захватит его, не увлечет, — и для драматизации событий он вводит в рассказ еще одну линию: в поселке Грачи, которым должен овладеть батальон, его командир

капитан Абатуров «провел с женой первые дни их совместной жизни, а в июле сорок первого, когда Абатуров уже воевал, жена написала ему из Ленинграда, что едет на оборонные работы в Грачи. Спустя неделю после этого письма поселок был взят гитлеровцами. Спасти удалось немногим Наташи среди них не было». Таков дополнительный сюжетный «заряд» в рассказе. Но результат он дал не совсем тот, на который рассчитывал автор: изображение самой операции оказалось отодвинутым на второй план, стало фоном — читательское же внимание переключено на другое: на эффектно и не без сентиментальности рассказанную историю о том, как Абатуров искал свою жену в Грачах.

Как видим, место героического заняла мелодрама, пусть даже сохраняющая внешние приметы подлинной жизни. Это в литературе тех лет случалось нередко. Не секрет, что многие рассказы и очерки той поры страдали поверхностной описательностью. Было два пути преодоления этого: один, более простой, — сюжетные поиски из ряда вон выходящего, того, что возвышалось бы над массовым героизмом, они-то и приводили часто к мелодраме, к беллетристике; второй, куда более трудный, — показ внутренних мотивов, психологической основы мужества, которое стало будничным, потому что было всеобщим.

Писательские мемуары продолжают именно вторую традицию.

Автор «Разговора с другом» видел многие события обороны Ленинграда, которые стали историческими вехами: он добирался в Ленинград санитарным эшеленом, который был последним поездом, прошедшим через Мгу; он был осенью сорок первого под Пулковом на НП артиллеристов, которые заметили, что немцы стали окапываться — это означало, что штурм города не удался и враг вынужден перейти к осаде; в январе сорок второго он ездил в командировку в 54-ю армию через замерзшую Ладогу — по трассе, которая была только что открыта, а позже стала называться Дорогой жизни. Все это, спору нет, очень интересно. Но главное, чем привлекают воспоминания А. Розена, заключается все же в другом. В «Разговоре с другом» запечатлены повседневные черты массового героизма и жителей Ленинграда, и солдат и офицеров, защищавших этот город. Собранные вместе наблюдения над самыми разными

людьми — рабочими Кировского завода и врачами ленинградского госпиталя, ремесленниками и сотрудниками Радиокomiteта, управдомом и случайным прохожим, с которым пришлось пережить бомбежку, немолодым бойцом-ополченцем и юной медсестрой, комиссаром дивизии, а потом членом Военного совета армии Галстяном и разведчиком Шамраем — раскрывают тот духовный климат, благодаря которому Ленинград стал неприступным.

Чтобы одержать в этой войне победу над врагом, одной храбрости и готовности к самопожертвованию было недостаточно — фундаментом любого подвига, любого выигранного сражения была трудная работа солдат и офицеров, однообразная, внешне совсем не эффектная, не бросакая, но требующая полной самоотдачи, предельного напряжения физических и духовных сил, был не только порыв, но и трезвый расчет. К этой «прозаической» стороне войны и армейской жизни, нелегко дающейся искусству, А. Розен, начиная с финской кампании, которой в «Разговоре с другом» посвящены были интересные страницы, особенно пристально присматривается.

«В сознании каждого поколения, — пишет он, — будущая война закреплена картинами и образами прошлой войны. Но есть люди, которые в силу своей профессии не могут жить только прошлым, даже самым героическим прошлым. Эти люди — кадровые военные. Они не только должны сами ясно знать, как это будет, но и научить воевать так, как это надо. Они сегодня должны жить завтрашним днем, иначе их страна может попасть в очень тяжелое положение. И если говорить об аспекте, который больше всего волнует меня, то это труд советского военного человека, его мастерство. Для меня было чрезвычайно важно не только понять умом, что победа куется на учебном поле, но и сердцем почувствовать сложную работу военного человека, работу, которая начинается задолго до боя».

С этой точки зрения и рассказывает А. Розен в своих воспоминаниях о кадровых военных высокого и невысокого ранга, с которыми судьба сводила его в разных ситуациях — и в дни поражений, и в дни побед. Но как не просто было писателю (да только ли писателю!) нащупать истинные критерии оценки человека... Жизнь то и дело преподносила обескураживающие сюрпризы. Герой гражданской войны, лю-

бимец солдат, всегда заботившийся о них, отчаянный храбрец, образцовый служака, умевший не ударить в грязь лицом на смотре строевой подготовки, был совершенно не готов к тому, чтобы воевать в современных условиях, современным оружием, и дивизия его во время финской кампании поставленной задачи не выполнила, понесла большие и неоправданные потери. А командир артиллерийского полка Ходаковский, пренебрежительно относившийся «к декоративной стороне дела», но уважаемый подчиненными за знания, за интеллигентность, в августе 1941 года смело дрался и в окружении, а затем, когда снаряды кончились, пробился к своим, сохранив материальную часть. Я привожу только эти примеры — для контраста, для того, чтобы подчеркнуть мысль о том, что сражения выигрываются и проигрываются нередко еще до того, как прогремели первые выстрелы, — мысль, к которой автор «Разговора с другом» шел через многие впечатления и встречи.

Сразу после победы вернувшихся с фронта проза войны не очень занимала: казалось, что все это известно. Сейчас иное де-

ло — и не только потому, что огромная масса читателей войны не знает, но потому, что и участники ее хотя и глубоко разобравшись в том, что они видели своими глазами.

И у писателей, которые написали не одну книгу о войне, есть потребность вернуться к первоначальным впечатлениям, проверить себя, не поддаются ли они инерции литературных схем или приемов. Это тоже одна из причин, объясняющих, почему в последнее время писатели берутся за мемуарные книги о войне.

«Разговор с другом» заканчивается событиями весны 1942 года. Я не сомневаюсь, что автор будет продолжать свои воспоминания о войне — так увлеченно они написаны.

Но я думаю — и это относится уже не только к А. Розену, — что писательские мемуары о войне — не итоговые книги, а подступ к новым большим вещам, к более зрелому художественному осмыслению событий Великой Отечественной войны. Для многих писателей Великая Отечественная война — это тема на всю жизнь.

Л. ЛАЗАРЕВ.

«МИР, НА ОБРАЗ МНОЖИМЫЙ...»

Николай Ушаков. Состязание в поэзии. Разведка спором. Воспоминания. Портреты. Характеристики. Теория поэзии. Искусство перевода. «Дніпро». Киев. 1969. 248 стр.

«Писать о стихах сейчас почти как же трудно, как писать стихи» — эти слова Ю Тынянова вспоминают сегодня и критики, всерьез обеспокоенные неопределенностью своих методов, и сами поэты, когда им приходится выступать в роли критиков. Даже математики, которым еще каких-нибудь десять лет назад казалось, что количественная теория стиха скоро сможет полностью заменить «дилетантские опыты стиховедов-любителей», сегодня сами видят, что до «математической эстетики еще далеко». Всем исследующим секреты поэтического творчества хорошо знакомо ощущение, о котором устами Мефистофеля сказал Гёте: «И вот он держит все части в руках, но связи духовной в них нет — это прах».

Наверное, именно потому всегда вызывают такой интерес книги о поэзии, написанные самими поэтами. В этих книгах, рожденных прежде всего собственным опытом, мы обычно и ищем разгадку той «духовной

связи», которая некое сочетание размера, ритма, рифм превращает в поэзию.

В последние годы таких книг выходит все больше. Это статьи и заметки С. Маршака о мастерстве, составившие четвертый том его сочинений, книга Н. Асеева «Зачем и кому нужна поэзия», «Поэты и время» П. Антокольского, сборник статей М. Исаковского «О поэтах, стихах, о песнях», «Поэзия и мысль» Е. Винокурова и другие.

Сейчас к ним добавилась и книга Н. Ушакова «Состязание в поэзии».

Мастер, многие строки которого уже давно вошли в ту поэтическую антологию, что по своим собственным законам составляет читательская память, Н. Ушаков всегда интересовался и самыми разными вопросами теории поэзии.

Можно сказать, что тайна «магического кристалла», которая даже цветущий на низовье картофель превращает в поэзию (образ, понравившийся когда-то Маяковск-

му в стихах самого Ушакова), а по сей день остается и темой многих его собственных стихов, и предметом размышлений о стихах других поэтов.

«У нас накопилось огромное количество наблюдений, и они просятся не в кодекс законов, а в свод частных разъяснений к законам, которых нет и, наверное, не будет», — пишет Н. Ушаков.

На первый взгляд его сборник действительно может показаться только «сводом» отдельных наблюдений. Здесь собраны статьи, написанные в разное время и по разным поводам, короткие — в несколько абзацев — заметки, литературные портреты, воспоминания, ответы на журнальную анкету по вопросам перевода, отзывы на книги. Да и самый «диапазон» имен, попавших в круг внимания Н. Ушакова, гоже как будто случаен: автор «Слова о полку Игореве», Сумароков и Державин оказываются почти что рядом с молодыми поэтами наших дней — Драчем, Виграновским, Вознесенским; Тютчев и Блок «соседействуют» с Шевченко и Мукими...

Однако никак не претендуя на то, чтобы считать свою книгу «кодексом поэтических законов», Н. Ушаков четко и последовательно проводит те эстетические принципы, что сложились в процессе его собственной поэтической практики.

История поэзии — это история вхождения жизни в поэзию, пишет Н. Ушаков. «Существующие руководства по стихосложению знакомят со стихотворными размерами, дают классификацию рифмы, иногда сообщают общие сведения о звукописи и строфике, изредка говорят о поэтическом синтаксисе и композиции. Такие руководства необходимы, но следовало бы составить и учебник, предметом которого было бы определение того — как входит жизнь в поэзию и как влияет на поэтическую форму».

Мысль как будто простая, если не тривиальная, в руках Н. Ушакова становится тем инструментом, который «алгебре» анализа не дает убить живой «гармонии» поэзии.

На лучших страницах книги Н. Ушакова за отдельной рифмой или эпитетом, за «перепадом» в классическом размере или образом, неожиданным в сложившейся системе, нам приоткрывается, как в перспективе, внутренний мир того или иного поэта, сложно аккumulирующий энергию живой жизни.

Когда в статье «Начинающий Пушкин»

Н. Ушаков обращает внимание на единственный образ в стихах шестнадцатилетнего лицеиста и показывает, что реально стоит за ним, поражаешься не только изяществу, с каким сделан этот анализ, но и его неожиданной информационной насыщенности: «А не остановились ли ваши глаза на пушкинском эпитете 1815 г. «скользкая ая нива», по которой мчится кавалерия? Какой удивительный мазок, предвещающий великую кисть!.. «Послание к Юдину», вероятно, написано после битвы при Ватерлоо... Сведения о войне и мире со всеми подробностями быстро доходят до Петербурга и, конечно, интересуют лицеистов. Возможно, эпитет к ниве скользкая вошел в сознание Пушкина как деталь знаменитого сражения. Французским кирасирам не везет: накануне обильный ливень, и копыта лошадей скользят на мокрой земле».

Разбирая державинскую «Жизнь званскую», Н. Ушаков неторопливо и внимательно вчитывается в хорошо знакомые строки — и временные дистанции смещаются: «старик Державин», играющий «в ерошки, в фараон, по грошу, без отдачи», с его тоской по живому, ускользающему слову, оказывается нам едва ли не ближе многих наших современников, лихо манипулирующих в своих стихах и лазерами, и космосом, и циклотронами.

Но что важнее — за комментарием, которым Н. Ушаков сопровождает «подробности мира», вошедшие в державинские стихи, открывается напряженная жизнь литературы — та каждодневная борьба за живое слово и живую мысль, которая не всегда осознается современниками, а для потомков и совсем стирается временем.

О ком бы ни писал Н. Ушаков — о Державине или юном Пушкине, стоящем как бы на распутье нескольких литературных «дорог», о народности «непопулярного» Тютчева и моде на «популярного» Бенедиктова, о Блоке, открывшем в поэзии «век двадцатый», о «сжатой в тугую пружину», косаральской поэме Шевченко, о молодых советских поэтах и проблемах новаторства, о сущности литературной традиции, об искусстве перевода, — он прежде всего старается нащупать главный ориентир — сложные, бесконечно меняющиеся во времени связи между поэзией и жизнью.

Для Н. Ушакова, сказавшего однажды: «Уметь видеть детали — значит уметь видеть целое», история поэзии не превращает-

ся в огромную инвентарную книгу реалий быта и примет времени. Поэт хорошо знает, что путь «вхождения жизни в поэзию» много сложнее, чем просто последовательное включение в ее словарь телег, паровозов, ракет.

Поэзия, как назвал он ее в одном из своих стихотворений,— это «мир, на образ множимый». Мир, создаваемый и, следовательно, живущий по своим собственным законам.

Жизнь входит в стихи через образ — это основной закон поэтического искусства.

Н. Ушаков не дает, естественно, законченного определения образа. Но проникая в природу его рождения, он снимает тем самым многие мнимые противоречия традиционных поэтик. Образ для него не только метафора, не только сравнение или аллегория. Это — и «энергия конкретного действия, и намек, и прямое высказывание, и сложное пересечение планов, где предметы быта становятся настроением, а настроение — идеей». Это — жизнь, увиденная художником и ставшая фактом его внутренней биографии, таким же неповторимым, как его личная судьба и взгляд на мир. Это — все те сложные ассоциации и параллели, которые, как короткое замыкание, возникают от «пересечения» реального факта жизни, доступного всем, и восприятия его художником — единственного и неповторимого. «Поэту-то так и непохож державинский Петербург в лунную ночь, когда перед поэтом является Фелица-Екатерина II, на пушкинский Петербург, озаренный бледной луной, когда безумный коллежский регистратор — бедный Евгений — бежит от бронзового кумира. У Некрасова уже не «кумир с простертой рукой», не «горделивый истукан» — просто «медная статуя Петра», недалеко от которой «у присутственных мест дожидаются сотни сотен крестьянских дровней...»

И когда критик или редактор начинают «бороться», как говорит Н. Ушаков, с неудобной «аллигерацией», которая представляется им чем-то вроде испорченного водопроводного крана, который можно заменить другим, то они тем самым «посягают» не только на тот или иной образ, но и на всю идею поэтического произведения.

То, что современная наука о стихе невозможна без применения статистических методов, сейчас, пожалуй, очевидно. Изучить секреты поэтического творчества, не найдя путей к точному измерению и объяснению

того, что называют «музыкой поэзии», в наше время довольно трудно.

Но как объяснить, в каких отделах человеческого мозга производится те удивительные операции, которые пока что далеко опережают выкладки счетных машин?

Каким образом — подсчетом гласных и согласных или как-то еще — доказать верность того, что очевидно для мастера: «Слышал по радио: «В глаза посмогрела», — а мастер сказал бы, использовав гармонию этих «г» или «л»: «В ГЛаза поГЛядеЛа...» Мастер сказал бы: не «алая роза» и не «красная мальва», а «красная роза» и «алая мальва». Для поэзии это не безразлично.

Такие наблюдения поэта над жизнью стиха всегда возникают как итог своеобразной «обработки» огромного поэтического материала, десятилетиями накапливавшегося в памяти и как бы пропускаемого через собственный опыт — поисков, неизбежных поражений, открытий.

Вот поэт вспоминает: «На одном поэтическом собрании много говорилось о возврате к классическим размерам.. Как пример классического размера — ямба у Маяковского — приводилось его «Необычайное приключение»... Я почувствовал живую прелесть этого стихотворения в 1924 году, когда Маяковский читал его в Киеве. И, по правде сказать, до 1958 г., когда зашел разговор о классическом, не думал, что «Необычайное приключение» написано ямбом. Здесь, конечно, сыграли роль и необычность соединения нечетных мужских строк четырехстопного ямба с четными женскими строками грехстопного, и разбивка, и хореическая строка: «медленно и верно», но основное заключалось в том, что ямб, так сказать, был перекрыт живой фразой, живой интонацией и ощущался как новый размер, не как изысканные ритмические ходы предшественников, а как естественное дыхание живого поэта. Живая речь... придает старому размеру новый характер. Живая фраза в строке не рассыпается для привычного уха на стопы чистого ямба и пиррихия... она образует естественное единство и воспринимается как нечто ритмически новое».

Или еще наблюдение, которое может заставить призадуматься теоретиков: «Учебники стихосложения прививали ложное представление о постоянном характере того или иного размера, например, о плясовом характере четырехстопного хорея, но ведь

быстрые и веселые строки пушкинского «Пира Петра Первого»: «Над Невою резво вьются... Флаги пестрые судов», и замедленно траурные строки «Песни Мери» из «Пира во время чумы»: «А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах!» — оба написаны четырехстопным хореем. Попытки доказать, что здесь при одинаковом метре мы имеем дело с различными ритмами, не увенчиваются успехом, — остается предположить, что самые образы... определяют темп стихотворного размера».

«Состязание в поэзии» — это книга о постоянном, никогда не прекращающемся «движении поэтических форм». Когда же в силу каких-то причин движение искусственно сдерживается, возникает не поэзия, а ассортимент штампов, — тогда «от некрасовского начала остается «борьба со тьмой», а от фетовского — «серебристая даль», к этому присоединяется наименее энергичное деепричастие Маяковского и наиболее проходное прилагательное Есенина. То, что когда-то было жизнью, становится мертвым сплавом».

«Стих может заболеть», — приводит Н. Ушаков известную строку Н. Тихонова, в которой выражена знакомая каждому поэту тревога за «жизнеспособность» поэзии. «Стих заболевает, — продолжает Н. Ушаков, — когда его покидает конкретная жизнь».

Путь тех «притяжений» и «отталкиваний», из которых состоит реальное движение литературы, предельно сложен. Так, автор «Слова» отвергал «замышления» Бюна и даже Пушкин видел в Ломоносове не поэта, а «исправного чиновника...». Так, в начале века обрушился на «сломанную розу» Надсона Брюсов, но проходит совсем немного времени — и вот уже на самого Брюсова «в его профессорском сюжете» наступают странные молодые люди — «вон тот, в жел-

той кофте», и этот — «идет и теребит от пуговиц ниточки»...

Н. Ушаков назвал это движение «состязанием в поэзии». Так же озаглавлена вся его книга многолетних размышлений о путях поэзии, о сложной жизни стиха.

Однако может ли быть уложен весь жесткий драматизм литературного процесса в это слишком идиллическое и приятное определение? Не сглаживает ли оно остроту литературной борьбы и остроту самого вопроса о позиции художника?

Стих только тогда избегает смертельной для него опасности «бронзовой болезни», когда он не идет в обход жестких противоречий жизни. Поэзия — это не только блестящая техника, но и «святое беспокойство» за судьбы мира, это и гот чеховский «молоточек», что должен постоянно стучать в двери сытых и успокоившихся. Какими бы изощренными ни были увиденные поэтом отдельные «подробности мира», они еще не составят его правды, если поэт боится «острых углов», оберегает себя от ранящих сознание впечатлений и закрывает глаза на то, чего ему по каким-то причинам не хочется видеть. Поэзия может быть могучей силой, преобразовывающей духовный мир человека, но может стать и ручейком, пропуская лишь бумажные кораблики правдоподобных «подробностей».

Именно к этим выводам ведет нас книга поэтических размышлений Н. Ушакова.

Органическое ощущение стиха как единой структуры, конкретный историзм, который проявляется в ощущении непрерывного, «разнонаправленного» движения поэтической формы, делает исследование поэта нужным и тем, кого уже не удовлетворяет приблизительность «дилетантских» методов анализа, и тем, кого страшит острый скальпель цифр, «поверяющих алгеброй гармонию».

И. ГИТОВИЧ.

★

«У ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ ДУША»

Гюнтер Зойрен. Лебен. Роман. Перевод с немецкого И. Коринцевой. Предисловие Н. Вильмонта. «Прогресс». М. 1969. 200 стр.

Роман назван по фамилии героя. Фамилия странная. Странная не только для русского слуха, но и для немецкого. И странным оказывается весь роман — и его герой, и его сюжет. Эту странность огнюдь не сни-

мает и то, что в основе романа лежит доподлинный «случай из жизни». Фактографические романы часто особенно необычайны и удивительны по своему материалу. Задача искусства в том, чтобы сделать странное достовер-

ным и значимым — не перечеркивая саму эту странность.

Лебек претендует на то, что он был одним из борцов немецкого Сопротивления. Но его борьба против нацизма протекала своеобразно. Незадолго до того, как ему была вручена повестка о призыве в армию, он приступил к голодовке и так исхудал и обессилел, что военные врачи принуждены были объявить его непригодным к военной службе. Три года провел он в постели, на самом голодном из всех возможных режимов. Лебеку и его жене, беззаветно ему преданной, удалось одурачить все многочисленные комиссии, которые являлись его освидетельствовать, уверить их, что он прекрасно питается и что его невероятная худоба и слабость вызваны какой-то непонятой болезнью. Но в самые последние дни гитлеровского режима, когда войска союзников уже приближались к тому небольшому городу, в котором жил Лебек, он сам себя выдал. Потрясенный казнью трех жителей города, которые осмелились подумать о том, чтобы сдать город без дополнительных, бессмысленных жертв, Лебек отправляется к богачу Зенкеру, в парке которого состоялся расстрел, и, гневно обвиняя его в совершенном преступлении, предлагает ему донести и на него — Лебека, добавив к трем жертвам — четвертую. Однако Зенкер от этого уклоняется, и Лебек возвращается к себе домой.

Лебеку не случайно удается провести свою трехлетнюю голодовку, и он не случайно вступает на этот путь. Лебек с юности привык подчинять тело своей железной воле. Не обладая никакими особыми физическими задатками, он так тренирует свои мускулы, что становится одним из самых выдающихся силачей в стране и выступает в цирке с силовыми номерами. Заставляя себя преодолеть всяческий страх, он становится, почти обнаженный и без оружия, в клетку со львами и своим взглядом умиряет их. А затем в Амстердаме он выдает себя за человека, способного психической и физической терапией излечивать людей от всевозможных болезней, и прежде всего от ожирения. Несмотря на все шарлатанство своих приемов, он пользуется огромным успехом у богатей, порой действительно достигает некоторых успехов и составляет себе состояние. Именно умение полностью владеть своим телом и знание тех способов, которые ведут к похуданию, позволили Лебеку проголодать все эти три

года, хотя порой он и чувствовал себя близким к помешательству.

Итак, Лебек рассматривает свою голодовку как акт борьбы против гитлеризма, как особого рода «акцию». Он исполнял требование своей души. Он не хотел убивать других людей. Он не хотел поддерживать режим, который был ему чужд и ненавистен. «Когда дело идет о принципах, я не шажу ни себя, ни других», — так сказал Лебек журналисту Кетта, которого он попросил рассказать по телевидению про свою «акцию» и глазами которого мы видим все, что происходит в романе.

Но так ли высок и идеален был поступок Лебека? Не было ли в нем и чего-то двусмысленного? Не хотел ли Лебек просто спасти свою жизнь? Не сочинил ли он все свои высокие побуждения, чтобы оправдать перед собой свое поведение? Сам облик Лебека, шарлатана и знахаря, облик весьма двусмысленный, поддерживает эти подозрения. С самого начала подобные сомнения возникают как у Кетты, так и у фотографа Шаака, который вместе с журналистом призван показать лебековскую эпопею по телевидению. И само упорное желание Лебека получить как бы официальное подтверждение своего героизма, его неоднократные обращения к различным морально значимым инстанциям, таким, как папа римский и Альберт Швейцер, косвенно показывают, что он сам в глубине своей души колеблется и сомневается.

Выяснению природы «акции» Лебека подчинено все построение романа, действие которого длится всего одни сутки: Лебек с Кеттой и Шааком совершают поездку в тот город, в котором он проводил свою голодовку. Эта поездка служит не только для того, чтобы с помощью многочисленных пассажиров, обращенных в прошлое, восстановить обстановку, в которой протекала «акция» Лебека, но и для того, чтобы привлечь все новые и новые материалы для решения вопроса: чем же была «акция» — подвигом героя или уловкой труса?

Скажем прямо, что прямого ответа на этот вопрос в романе мы не найдем. Лебек до конца остается фигурой двусмысленной, неразгаданной. Показательно, что автор ни разу не позволяет нам заглянуть в его внутренний мир непосредственно. Мы слышим, что он говорит — иногда его собственные слова, иногда его речи, преломленные в восприятии Кетты. Мы видим те места, с кото-

рыми была связана его жизнь. Мы узнаем факты из его жизни. Но что Лебек действительно думает, что делается в его душе действительно — к этому у нас доступа нет. А внешние факты двойственны. Они могут быть истолкованы по-разному. Скорее, они повертываются так, что облик Лебека постепенно снижается. Особенно в последних главах романа. Лебек и его спутники оказываются в гостях у хитрого богача Зенкера — того самого Зенкера, которому Лебек однажды выдал тайну своей «акции» и который и теперь отнюдь не перечеркнул основ своего нацистского мировоззрения, и Лебек в столкновении со своим старым противником производит впечатление чуть ли не жалкое. Зенкер, в частности, сообщает, что Лебек ничем не рисковал, когда явился к нему с саморазоблачением — в городе, к которому уже подходили американцы, просто не было к этому времени таких властей, которым Зенкер мог бы сообщить о симулянтстве Лебека. По мнению Зенкера, Лебеку это было известно.

Тем не менее окончательного разоблачения Лебека не происходит. Особенно важно, что в поединке между Лебеком и Зенкером молодые персонажи романа становятся на сторону Лебека. Кетта поддерживает его в споре. А Шаак, до того относившийся к Лебеку весьма иронически, срывает попытку Зенкера подтолкнуть Лебека к самоубийству. Независимо от того, какой была «акция» на самом деле, молодые люди — не высказывая этого прямо — решаются утвердить ее героическую версию.

И здесь явственно обнаруживается вторая повествовательная линия романа — вторая в сюжетном плане, но не по своей значимости. Эта линия — развитие душевной жизни молодых спутников Лебека, а в первую очередь — Кетты. Само обращение к теме лебековской «акции», вообще к прошлому оказывается у Зойрена способом подойти к самой современной проблематике и к самым современным персонажам. «Лебек» отнюдь не исторический роман.

Кетта настойчиво выдвигается Зойреном как лицо типическое для современной немецкой молодежи. Он деловит и проницателен, недоверчив и сух (подчас — в детстве — бывал жесток). Вместе с тем в нем скрыты и совсем иные черты. Он ставит порой на первое место требования своей совести, иногда готов руководствоваться чувством сострадания. И встреча с Лебеком ведет к тому, что

черты, преобладающие эгоистическую направленность прежней жизни Кетты, усиливаются и углубляются. Именно в этом и заключается внутренний смысл пересечения судьбы Кетты с судьбой Лебека.

Сам Лебек, хотя его «акция» относится к прошлому и хотя он выглядит весьма старомодно, теснейшим образом связан со сдвигами в душевной жизни новой молодежи и вообще с молодежным движением современности. Странность, даже чужаковатость его облика напоминает характерные черты тех персонажей, которые оказались в центре внимания передовой литературы Запада с конца пятидесятых годов. Холден Колфилд из романа Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и Ганс Шнир из романа Бёля «Глазами клоуна» в своем неприятии современного мира также чужаковаты и прибегают к самым странным, подчас смехотворным средствам. Что самое главное, они противопоставляют себя окружающей их социальной действительности — правда, совсем другой, чем та, которая противостояла Лебеку, — исходя из требований своего внутреннего мира, из велений своей души, а не на основе какой-либо продуманной, рациональной социально-политической программы¹.

И такое утверждение внутренних ресурсов человеческой души, ее негибкости перед лицом всех мощных антигуманистических сил окружающего ее мира имеет особенное значение для всей литературы XX века.

Холден Колфилд и Ганс Шнир, когда они были созданы, казались редкостными и причудливыми созданиями, одиночками, лишенными всякой опоры в социальной действительности. Но это было заблуждение. Их образы предвосхитили появление на Западе целого поколения молодежи, неприемлющей господствующих форм социальной жизни, исходя прежде всего из своих общих ощущений, требований своей души, а не из определенного социально-политического взгляда на жизнь. В том массовом молодежном движении, которое носит название «внепарламентская оппозиция», такая установка свойственна многим тысячам юношей и девушек. И хотя их действия имеют непосредственно политический характер, часто они все же оказываются весьма странными и по своей форме, а особенно по целям, сбивчивым и фантастическим. Их действия носят в значи-

¹ См. нашу рецензию на роман «Глазами клоуна». «Новый мир», № 12, 1964, стр. 245—249.

тельной мере анархический характер, а порой оборачиваются даже реакционными выпадками.

Образы Холдена Колфилда и Ганса Шнира и подобные им не только предвосхитили воинствующих молодых людей шестидесятых годов, но, возможно, и подготовили их появление, послужили толчком к кристаллизации нового облика у молодежи Запада, хотя стремление этой молодежи к активной борьбе резко отличается ее от литературных предшественников и хотя писатели, выступающие «с позиции души», не могут, естественно, отвечать за действия этой молодежи. Трудно сказать, в какой мере сами молодые бунтари наших лет сознают эту связь. Но не исключено, что на каком-нибудь судебном процессе кто-либо из участников «внепарламентской оппозиции» сошлется на кого-либо из упомянутых авторов, так же как на рубеже XX века один анархист на судебном процессе сослался на Ибсена как на своего идейного вдохновителя.

При всем внешнем несходстве имеется и определенная внутренняя близость между западной лирикой нашего времени, выступающей «с позиции души», и великим борцом за внутреннюю свободу и цельность человеческой личности Ибсеном. Нечто общее есть и во внутренних истоках этих литературных явлений. Они возникают на фоне сравнительно благополучного и «сытого» периода в развитии европейского общества как протест против его самодовольства и самоуспокоенности. Совпадает и стремление к полной свободе человеческой личности, к преодолению всякого конформизма, всякого стирания человеческой индивидуальности.

Когда в одном из последних произведений Г. Бёля (радиопьесе «Нарушение неприкосновенности жилища») мы читаем следующий обмен репликами между чиновником Кукерцем и его женой Анной: «Ты еще никогда так не говорила со мной». — «Я вообще еще никогда с тобой не говорила», — то мы невольно вспоминаем знаменитые слова Норы в «Кукольном доме» Ибсена, обращенные к ее мужу: «Мы женаты восемь лет. Тебе не приходит в голову, что это ведь в первый раз мы с тобой, муж с женою, сели поговорить серьезно?»

Связь литературы, выступающей «с позиций души», и Ибсена находит свое выражение и в том, что одним из самых слабых звеньев в построении сюжета оказывается у них активность героя, реальное содержание пред-

принимаемых им акций. Весь душевный склад такого героя толкает его на совершение каких-либо действий, на вмешательство во внешнюю жизнь. Но этот же душевный склад заставляет его идти особыми, странными путями, совершать действия с точки зрения их прямой целесообразности нелепые.

Стремление найти выход к более целесообразной и социально осмысленной активности, при сохранении ее индивидуального своеобразия и ее погруженности в стихию душевной жизни, окрашивает, в частности, все творчество Бёля за последние годы. В уже упомянутой радиопьесе центральный персонаж, адвокат Меркенс, оставляет жену и двоих детей, чтобы вернуться к своей прежней возлюбленной, которая теперь также замужем и также имеет двоих детей. Меркенс — католик, а Анна, его возлюбленная, — протестантка. Именно поэтому их в свое время принудили разойтись их родители: отец Меркенса покончил жизнь самоубийством в знак протеста против предполагавшегося брака молодых людей, а отец Анны угрожал совершить то же самое. И Анна не устояла против этой угрозы. Но теперь Меркенс решает вернуть себе Анну, потому что только ту жизнь с ней, которую он некогда вел, он рассматривает как подлинный брак — в том смысле, в каком говорится о браке в евангелии. При этом Меркенс, человек религиозный, остается на почве католицизма, не признающего развода, но требует, чтобы настоящим браком были признаны его отношения с Анной и чтобы их последующие браки были аннулированы. И хотя Анна сначала резко отвергает эту идею, но затем и она начинает понимать, что именно Меркенс был ее подлинным мужем, и уходит к нему. Внутренняя правда той парадоксальной позиции, на которой стоит Меркенс, проявляется в том, что его жена Мария и муж Анны признают оправданность их действий и не препятствуют им, хотя и Мария и Кукерц глубоко страдают и хотя их со всех сторон пытаются натравить на ушедших от них супругов. Меркенсу удается, таким образом, своей убежденностью, силами своей души добиться пробуждения настоящей душевной жизни и подлинной нравственности в нескольких людях. И даже католические священники, всячески противодействующие ему, фактически глубоко впечатлены его действиями и внутренне признают его правоту.

Конечно, упор на католическую проблематику делает и образ Меркенса, и всю его борьбу весьма специфическими и далекими от узловых вопросов современности. Но общий смысл того примера, который дается борьбой Меркенса, все же несомненен. Он заключается в утверждении сил человеческой души, их способности воздействовать на мир. Меркенс — это по сути дела Ганс Шнир в новом облике, Ганс Шнир, более целеустремленный, совершающий свои странные деяния не под влиянием минутного импульса, а тщательно их обдумав.

Именно потому, что многими общими чертами с Меркенсом и с подобными ему героями обладает зойреновский Лебек, он оказался важен и актуален для сегодняшней литературы ФРГ. Когда Лебек говорит, что для

него было важно только доброе начало в той идее, ради которой он провел свою голодовку, что он следовал лишь велениям своей совести, что он никогда не интересовался, какую пользу принесет ему то, что он делает, то он — хотя бы на словах — оказывается в одном лагере с Гансом Шниром и Меркенсом. И он сближается с ними еще тем, что в человеческом существе придает особое значение душе и хочет воздействовать на людей через их души. А вложенная Зойреном в уста Лебека фраза: «У человека есть душа», — хотя бы послужить эпиграфом для многих произведений современной западной литературы — прежде всего для тех, о которых мы упоминали в этой рецензии.

В. АДМОНИ.

Ленинград

★

Политика и наука

СОВРЕМЕННОСТЬ И ПУБЛИЦИСТ

Э. Генри. Заметки по истории современности. «Наука». М. 1970. 431 стр.

Газета живет один день — это общепризнанное выражение считается аксиомой. Но все ли умирает на газетной полосе, когда-то впитавшей в себя, как губка, миллиметровый отрезок быстро текущих событий времени? И еще один вопрос: а что, если собрать в один сборник газетные статьи разных лет? Не покажется ли он скучным конгломератом, а главное, безнадежно устаревшим поминальником капавших в Лету событий? Кому нужны запоздалые прогнозы, анализ хитросплетения противоречий, тайных мотивов, ставших давно уже явными, будничными и понятными? А заряд патетики, заложенный в материалы тех дней, может показаться наивным и неуместным.

Эрнст Генри, собрав в одну книгу публицистические статьи по острым международным проблемам, публиковавшиеся в разные годы в газетах и журналах, дал ответ на этот вопрос. Оказывается, все зависит от позиции, которую выбирает автор. Если он находился не только в «окопе», где укрывался от обрушившейся на него лавины фактов сегодняшнего дня, но и перемещался на более обзорную точку, с которой можно было увидеть широкую картину, если он постарался к тому же дать подо-

плеку событий, о которых пишет, и в то же время правильно начертать их перспективу, представляя их читателям стереоскопично, объемно, то это не только оправдывает себя, но и приносит большую пользу читателям. Книга Генри не случайно названа «Заметки по истории современности». Помимо того, что наш век называют веком скоростей, атомным, его еще называют и веком информации. Современный человек получает в сотни раз больше «битов», чем его предшественники в XIX веке. Связать воедино полученную информацию, протянуть нить от, казалось бы, случайного и поверхностного к глубинному и закономерному, то есть фактически уложить хаос событий в единый исторический процесс, это задача не только историка, но и публициста, журналиста.

В астрономии известны случаи, когда ученые находили новые планеты «на кончике пера». Строгий математический анализ приводил их к убеждению, что именно здесь должна быть новая планета, еще не обнаруженная визуально. Успех историка наших дней определяется тоже тем, насколько точно он «поверяет алгеброй» свои прогнозы. В министерстве иностранных дел Англии существует закон, по которому лишь по истечении пятидесяти лет разрешается

ликовать материалы, секретные соглашения, определившие когда-то политику Британии. Недавно, например, опубликованы многие документы, относившиеся ко времени интервенции против молодой Советской республики. По поводу этих событий написаны сотни и тысячи страниц, изданы фолианты, но правы оказались лишь те, кто еще давно «на кончике пера» обнаружил те самые соглашения, с которых сегодня стерта архивная пыль. Тридцать шесть лет прошло с тех пор, как Эрнст Генри написал книгу «Гитлер над Европой», в которой он предсказал вторжение «коричневых батальонов» Гитлера в соседние страны. В 1936 году сначала в Англии и США, а затем в 1937 году и у нас в стране вышла его вторая книга «Гитлер против СССР». Вот как он описывал события, которые, по его мнению, произойдут в недалеком будущем.

«На первой стадии Гитлер наступает всеми собранными и подготовленными им силами... ставя на карту все, дойдя до последней степени лихорадки и истерии...

На второй стадии силы фашистской армии встречаются с оборонительными силами социалистической армии. Фашистская армия отбрасывается... Потенциальное соотношение сил... начинает резко сказываться на всем пространстве от Балтийского до Черного моря, и в результате наступление Гитлера приостановлено. После этого исход борьбы уже predetermined, так как Гитлер проиграл уже в тот момент, когда остановился. Накопленная им движущая энергия исчезает, начинают действовать противоположные тенденции...

На третьей стадии разворачивается сокрушительное контрнаступление социалистической армии... наносящее ряд быстрых, оглушительных ударов по фронту и тылу противника... не теряя времени, не применяя затяжной позиционной стратегии...»

Проницательность Генри не случайна. В его новой книге он снова предстает именно историком современности, вооруженным научной марксистско-ленинской концепцией, умеющим ее диалектически применять в подходе к событиям сегодняшнего дня. И пусть в новой книге меньше прогнозов, но читатель сам может сделать выводы. Скажем, из первой части, озаглавленной «Тень Освенцима», согласившись с автором, что «если бы XX век не выдвинул на арену социалистическую армию, то Земля потеряла бы самую страшную катастрофу в

своей истории со времени ледниковой эры. Таков, мы думаем, будет вердикт исследователя, глядящего с высот третьего тысячелетия на май 1945 года. Восстание против Человека подавил социализм».

Не просто на веру, а убежденный фактами и логикой автора, согласится читатель и с тем, что пишет Э. Генри в главе «Против маоизма».

Совершенно справедлив вывод автора о том, что шовинистическая военщина составляет на сегодняшний день главную опору режима в Пекине, без которой там не ступают ни шагу. «Те, кто принадлежит к этой группе,— пишет Генри,— не думают ни о народе, ни о социализме, ни о мировом коммунистическом движении. Это их не интересует; их помыслы о другом. Китайской военной автократии явно мерещится некое новое «поднебесное» государство, выступающее официально под красным флагом социализма, но в действительности копирующее милитаристскую политику китайских императоров-завоевателей и мандаринов давно забытых веков». Действительно, став на путь милитаризации экономики, правители Китая в результате так называемой «культурной революции» нанесли тяжелый удар китайскому народу, пытаясь уничтожить его древнюю культуру, лишить миллионы людей элементарного образования, превратить их в бессловесное «пушечное мясо». Казарменная логика маоистов, казалось бы, неожиданно совпадает с логикой тех, кто недоволен итогами второй мировой войны и хотел бы вновь перекрыть политическую карту Европы, раздвинув границы разбитого третьего рейха. «Ответ маоисту и ответ реваншисту» — тонкое, я бы сказал, психологическое исследование автора, вскрывающего причины того, почему в Пекине и в реваншистских кругах Бонна «ощущают непреодолимое взаимное влечение друг к другу».

О процессе фашизации Америки написано много и будет написано еще немало работ. И дело не в том, какие факты приводит автор книги в доказательство этого тезиса. На примере раздела «Фашизм пересекает Атлантический океан» особенно четко видишь, что достоинство публициста Генри заключается в том, что он отвечает прежде всего не на вопрос «что происходит?», а на вопрос «почему происходит то или иное событие?». Когда-то коричневое пятно фашизма занимало лишь центр Европы.

Сейчас оно все больше захватывает Новый Свет. Почему? Потому, что фашизм питается антикоммунизмом. И там, где снова возникают призывы «бить интеллигентов и коммунистов», призывы к насилию над личностью и раздаются голоса мобилизовать народ «на защиту от коммунизма», там предупреждает нас автор, снова могут вспыхнуть костры из книг, появиться новые Освенцимы и Дахау. «Минитмэны,— пишет он,— по сути дела, первые американские эсэсовцы. Как бы странно это ни звучало в ушах кое-каких неискушенных людей на Западе, но дело обстоит именно так: американские эсэсовцы уже ходят по улицам. Не подлежит сомнению, что они совершенно сознательно, имея точно разработанные планы, идут по стопам своих предшественников».

Хочется еще и еще раз цитировать сочный, лаконичный, настроенный на интеллектуальную волну язык Генри. Хочется пригласить читателя в его «машину времени», из окна которой открывается не только историческая перспектива, но и возникает

возможность увидеть мир как бы изнутри, распознать скрытую от нас психологическую подоплеку многих международных событий.

Не все, конечно, равноценно в этой книге. Хотя автор в своем введении и утверждает, что он не собирается соревноваться с политическими обозревателями и корреспондентами, кое-где остается налет той спешности, с которой сдают статью, как говорится, в «номер» газеты. Не всегда оправдан излишний бытовизм, разглядывание чуть ли не под микроскопом тех деталей исторического процесса, которые не представляют значительного интереса для читателя. Да и сам автор утверждает, что есть среди собранных книг и статей такие, которые если бы он писал сегодня, то написал бы их иначе. Но мы прощаем Генри все это потому, что он подарил нам очень нужную, интересную книгу, которая заряжена историческим оптимизмом и верой в глубокую правоту и победу идеалов мира и социализма.

Т. КОЛЕСНИЧЕНКО.

РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

Материалы и документы в двух томах. Том 1. 1608—1683. «Наука». 1969. 614 стр.

Немногим более полувека после похода Ермака понадобилось русским людям, чтобы от Уральских гор пройти через всю Сибирь до берегов Тихого океана и на «великую реку Амур». В сороковых годах XVII века сотни верст по Амуру проплыли отважные участники экспедиции Василия Пояркова и Ерофея Хабарова...

Интересную страницу начала русско-китайских отношений раскрывает перед читателем рецензируемая объемистая книга. Перед нами не монографическое исследование, а сборник исторических документов, позволяющих получить сведения из первых рук современников событий. Сборник составлен опытными археографами Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясниковым, которым принадлежит заслуга достаточно полного, тщательного и разностороннего подбора документов для печати.

Надо было обследовать сотни архивных дел, критически разобраться в огромном числе разнохарактерных документов, определить их взаимосвязь, степень достоверно-

сти и т. д. Нередко документы оказывались коварными, ставя исследователей перед головомомными задачами, особенно при плохой сохранности или при наличии вариантов одного и того же источника. Помимо того, археограф должен проверить каждый документ «на опубликованность», а это требует кропотливой работы над всевозможными изданиями, перекрестного сопоставления текстов. Одним словом, труд квалифицированного и добросовестного археографа по плечу не каждому исследователю. И можно с большим удовлетворением сказать, что данный сборник вполне отвечает высоким требованиям документальных научных публикаций. Книга заключает систематическую и наиболее полную подборку документов, имеющих отношение к теме русско-китайских связей за время с 1608 по 1683 год. Читатель имеет возможность познакомиться с 214 документами — от совсем небольших по объему до пространных «статейных списков» русских посольств в Китай. Так, статейный список Николая Спафа-

рия занимает едва ли не пятую часть книги. Свыше 130 документов печатаются впервые, что повышает интерес издания и его научную ценность. Подавляющее большинство источников извлечено из богатейших фондов Центрального государственного архива древних актов — сокровищницы памятников отечественной письменности.

Составители не пошли по легкому пути и в тех случаях, когда имели дело с уже опубликованными документами. Здесь мы находим не простую их перепечатку, а новое, уточненное по архивным оригиналам издание. Лишь тогда, когда не удавалось обнаружить архивного экземпляра источника, в книге допускается воспроизведение текста по предыдущему изданию, подчас весьма редкому. Бережное отношение к историческому документу, не допускающее вторжения в его живую ткань, присуще работе исследователей. К услугам читателя обстоятельные историческое и археографическое введения, указатели (имен и географических названий), а также хорошо ориентированный комментарий к документам и терминологический словарь.

В издание вошли самые различные виды источников: царские грамоты, переводы грамот императоров Минской и Цинской династий Китая, статейные списки послов Ф. И. Байкова, Н. Г. Спафария, наказания послам, посланникам и гонцам, отписки сибирских воевод, расспросные речи служилых, торговых и других людей, а также многие иные документы.

Расположенные в хронологической последовательности материалы сборника позволяют проследить накопление в России сведений о Китае, устойчивый интерес к проведению путей в «Поднебесную империю», обстановку и результаты первых контактов между подданными обеих держав.

Смутные, полуфантастические, в лучшем случае противоречивые известия о Китае начала XVII столетия со временем приобретают характер подробных описаний сильной державы, составленных очевидцами. С большой тщательностью описаны в статейных списках посольств Байкова и Спафария картины жизни различных слоев населения Цинской империи. Несмотря на стесненные условия и ограничения передвижения (посольство Спафария, например, долгие недели сидело фактически под арестом), зоркий глаз очевидцев подметил

многое: и то, что пашут в Китае «порусски», какие там города и селения, сколь угнетен народ придворной камарильей цинских императоров, даковы обычаи и нравы. Историко-этнографический материал в сборнике поистине богатейший.

Документы свидетельствуют, что в момент появления русских на Амуре там не было подвластного Китаю населения. Эвенкийские и дауро-дючерские племена приняли русское подданство. Лишь позднее цинские власти предприняли военные походы с целью подчинения Приамурья и изгнания оттуда русских служилых людей, промышленников и крестьян, обосновавшихся в «Даурах» (так называли этот обширный край). И много позднее, в 1676 году, во время возвращения Николая Спафария из Цинской империи, посланник, проезжая места от Науна и севернее, записал, что тамошние жители «никому не голдуют», то есть не подчиняются. Даже принимая во внимание подвижность аборигенного населения, нельзя не признать, что оно предпочитало быть в русском подданстве, а не у цинских императоров. Об этом красноречиво свидетельствует история князя Гантимура, возглавлявшего большую группу эвенков Приамурья. Цинские власти долго и упорно претендовали на право называть Гантимура подданным императора. Однако ни сам Гантимур, ни его люди не желали быть в подчинении маньчжурской администрации. В дипломатических сношениях этот вопрос вызывал много трений, но русская сторона последовательно защищала Гантимура и его сородичей.

Серьезным препятствием на пути установления дипломатических отношений служил (и довольно длительное время) «языковой барьер». Грамоту императора Минской династии Шэньцзуна 1618 года, привезенную Иваном Петлиным, смогли перевести на русский язык и «выразуметь» только перед отправкой посольства Николая Спафария, в 1675 году. Та же судьба ожидала и другие ранние грамоты из Китая. Посол Федор Байков предъявил в Пекине царские грамоты, написанные по-русски и на языке тюрки. Не всегда полагаясь на переводчика, Спафарий пользовался услугами иезуитов, находившихся при цинском дворе, и объяснялся с высокопоставленными чиновниками богдыхана при их посредничестве на латинском языке. Да и тогдашние переводы были далеко не совершенны,

что сознавали сами современники. Так, переводя грамоту одного монгольского владетеля, толмачи сочли нужным заметить: «Да в том же листу написано в-ыных местех речь скрытая загадками, и тех речей розтолковать не мочно».

По мере развития официальных и особенно полуофициальных и совсем неофициальных торговых связей затруднения с языком отступали на второй план. Торговые караваны, ходившие из России в Китай, действовали довольно успешно. Судя по всем признакам, ускользающие из поля зрения документов контакты между подданными обонх государств были гораздо шире, чем до сих пор считалось. Недаром в Пекине иезуиты позаботились, чтобы в их костелах были православные иконы, что указывает на нередкое посещение города русскими людьми. А один из пограничных маньчжурских начальников, по свидетельству Спафария, знал русский язык.

По-видимому, в Китае недостаточно ясно представляли, какой народ появился на Амуре. «Русами» считали тех, кто приходил в составе караванов со стороны Тобольска. Амурских казаков долго полагали принадлежащими к какому-то другому народу. Весть, что они тоже русские и подданные московского царя, вызвала немалое замешательство в правящих кругах Цинской империи.

Материалы сборника в значительной своей части, как уже упоминалось, представлены дипломатической документацией, которая считалась сугубо секретной. Русские дипломаты имели строжайшие предписания хранить в тайне находившиеся у них письменные инструкции («наказы памяти»), не допускать огласки содержания собственных посольских отчетов («статейных списков») и других документов. Фёдор Байков должен был, например, выучить пространный наказ наизусть. Опубликованные в полном виде, эти источники раскрывают истинные цели правительств и их политики. Можно с полной уверенностью сказать, что данная публикация показывает беспочвенность опасений, которые питали в кругах феодальной знати Цинской империи к политике России в отношениях с Китаем. Из наказа Федору Байкову становится ясно, что едва ли не главная задача возглавленного им посольства состояла в том, чтобы известить нового соседа о восшествии на русский престол Алексея

Михайловича. Подобные посольства посетили в конце сороковых — начале пятидесятых годов XVII века многие государства Европы и Азии. Задержки в пути посольства Спафария объяснялись тем, что цинские власти хотели проверить, не идет ли за ним следом русское войско. Никакого войска, разумеется, не оказалось. Пресловутой «угрозы с севера» не было, завоевательных намерений против южного соседа царское правительство тогда не имело. Таковы факты истории — вещь и упрямая и доказательная. Россия искала мирных отношений с Китаем — этой цели были подчинены все дипломатические и торгово-дипломатические (как, например, Сеиткула Аблина) миссии со стороны России.

Проводя линию на изоляцию Китая от внешнего мира (особенно после маньчжурского завоевания и утверждения Цинской династии), маньчжуро-китайские феодалы под разными предлогами отвергали дипломатические шаги русского правительства. Подобные настроения были хорошо усвоены дипломатами России, и они проявляли максимальное терпение, доказывая, что, по словам Спафария, «сосед соседу невозможно, чтоб не был надобен». Он же убеждал приближенных богдыхана в необходимости наладить торговлю между Россией и Китаем, резонно указывая: «...от того торгу будет будто свяска к дружбе», если же «не будут ходить от вас к нам, а от нас к вам послы и торговые люди, и то как может дружба стоять?»

Налаживанию нормальных дипломатических сношений в очень большой мере мешала разница сложившихся веками традиций церемониала. Для русских было необычно и удивительно, что богдыхан почитается как «земляной бог», то есть бог на земле, властелин всех людей. Отстаивая «честь» царя и достоинство своей страны, посол Федор Байков отказался выполнить, по его мнению, унижительный ритуал поклонения богдыхану. Не согласился он и преступить принятый в сношениях с главами иностранных государств порядок вручения царской грамоты кому-либо, кроме самого монарха. Ему пригрозили казнью, на что посол ответил: «Хотя де царь (то есть богдыхан.— А. П.) велит по составом меня рознять, а царя вашего очей не видев, к вам, приказным людям, в приказ не еду и государевы любительные грамоты вам не отдам». Не подействовали угрозы и на Спафария. Ни-

сей раз посланнику заявили при дворе богдыхана, что цинские войска изгонят русских из Приамурья, разорят Албазни, Нерчинск и другие пункты. Спафарий спокойно парировал эти угрозы: «А мы войною не хвалимся, а и бою их не боимся ж».

Когда не только со слов людей, побывавших в Китае, но и из грамот императоров русское правительство узнало, что богдыхан любое посольство чужестранцев рассматривает как признание подданства его скипетру, оно все же не отказалось от попыток достигнуть взаимопонимания. Ведь посольство Спафария готовилось тогда, когда эта концепция гегемонизма над подлунным миром была уже известна. Неудачи русских посольств в Китае были следствием непринятия данной концепции. Цинский двор, как показали события восьмидесятих годов XVII века, помимо всего прочего, надеялся на успех военных акций против России на Дальнем Востоке. Но этой теме, равно как и заключению первого русско-китайского договора в Нерчинске, а также дальнейшим связям с Китаем до конца XVII века будет посвящен второй том этого интересного документального издания.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Документы сборника дают яркое представление о языке эпохи — богатом, красочном и образном русском языке. Притом сугубо официальные, деловые бумаги при соблюдении всех условленных норм нередко сохраняют уди-

вительно большую власть простого разговорного (и тем более выразительного) стиля. Вот уговаривают английского посла Джона Мерика, что нецелесообразно решать англичанам самостоятельные поиски дороги по сухопутью через Сибирь в Китай, и притом уговаривают его мягко, вежливо — «гладостью». В статейном списке Байкова с одобрением говорится о строительстве мостов в Китае: «А через реки деланы мосты каменные, камень дич, а деланы мосты добре затейчиво». Спафарий на аудиенцию к императору шел «потихоньку», соблюдая степенность. Ему сказали, что надо бежать, когда зовет «хан», он возразил, что «ему бежать не за обычай». А во время чаепития у богдыхана «музика играла умильно» Байков, обратив внимание на одежду жителей Китая, заметил, что те носят платье «смирное», в отличие от нарядного, «цветного».

Научно-познавательное значение сборника документов несомненно. Можно было бы высказать отдельные замечания по поводу введений и комментариев. Но они столь не существенны, что в краткой рецензии на них не остается места. И тем досаднее полиграфическое исполнение издания: фотопроизведения документов оставляют желать много лучшего, встречается изрядное число опечаток. Хотелось бы видеть второй том с этой точки зрения более удачным.

А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.
доктор исторических наук.

★

НОВАЯ КНИГА О М. В. ЛОМОНОСОВЕ

В. П. Лысцов. М. В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. Воронеж. 1969. 263 стр.

В истории отечественной науки и культуры XVIII века нет более крупной фигуры, чем первый российский академик М. В. Ломоносов. Благодаря гениальным способностям, трудолюбию и упорству сын помора-рыбака стал великим ученым, чьи труды и открытия продвинули вперед отечественную и мировую науку. Ученый-энциклопедист, поэт, страстный борец за распространение просвещения в народе, основатель первого русского университета, он не только прозорливо ответил на многие

вопросы своей эпохи, но и сумел заглянуть далеко в будущее. Это обусловило живейший интерес к его творчеству не только у современников и потомков. О Ломоносове существует огромная литература, которая постоянно пополняется новыми работами историков науки, философов, литературоведов, экономистов, писателей, географов...

Книга воронежского историка В. П. Лысцова о социально-экономических взглядах М. В. Ломоносова — плод глубокого изучения автором этой темы — дает яркое пред-

ставление о вкладе великого ученого в развитие передовой экономической мысли в России XVIII века.

Как известно, многие важные идеи Ломоносов высказывал не только в научных трактатах, но и в стихотворных произведениях. Поэтому автор рецензируемого издания тщательно изучил все сочинения великого ученого, в которых он касается проблем экономического развития России.

М. В. Ломоносов стоял у колыбели нового течения русской общественной мысли — просветительства, главной чертой которого была антикрепостническая направленность. Как и другие деятели эпохи Просвещения, он глубоко верил в разум, в преобразующую силу научных знаний. Представитель формирующейся русской нации, Ломоносов горячо отстаивал мысль о том, что Россия — великая держава, а ее народ имеет все возможности добиться преодоления хозяйственной и культурной отсталости и подъема экономики страны.

В. П. Лысов хорошо показал, что Ломоносов живо интересовался состоянием различных отраслей хозяйства России. Важнейшим условием быстрого развития экономики страны ученый считал тесный союз науки и практики. Ломоносов предложил правительству создать специальное учреждение — Коллегию земского домостроительства, которая бы объединила ученых-естествоиспытателей и агрономов. Эта коллегия и ее отделения в губерниях и провинциях совместно с учеными Академии наук и Московского университета должны были пропагандировать лучшие достижения русской и зарубежной агрономии. Эту коллегию Ломоносов считал «всех нужнее» для государства.

Перу Ломоносова принадлежит специальная записка «О сохранении и размножении российского народа», в которой он подробно развивал свои мысли о роли народа в развитии экономики страны. Особенно много внимания уделял Ломоносов обоснованию необходимости ускоренного развития промышленности — горного дела, металлургии и химии, справедливо считая, что без этого нельзя добиться хозяйственного прогресса России и укрепления ее могущества.

Само развитие производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности Ломоносов тесно связывал с изучением природных ресурсов страны, для чего, в частности, рекомендовал составить «Российский

атлас», напечатать «Экономический лексикон российских продуктов», издавать «Ведомости о внутреннем состоянии государства» (экономический бюллетень) и т. д. «Познание отечества,— писал он,— не только обще всему народу полезно, но и всем присутственным местам весьма нужно».

Ломоносову принадлежат огромные заслуги в разработке подробного плана научной экспедиции в Арктику для отыскания Великого Северного морского пути на восток. Осуществление этого замысла ученого не только бы обогатило науку сведениями, важными для плавания судов в Арктике, но и способствовало хозяйственному освоению огромных территорий на Севере и Северо-Востоке России, особенно Сибири, которой Ломоносов прозорливо предсказывал великое будущее.

В. П. Лысов убедительно показал коренные различия во взглядах Ломоносова и современных ему дворянских экономистов. Выдвигая широкую программу развития производительных сил страны и использования для этой цели достижений науки, Ломоносов выступал как горячий патриот, представитель формирующейся русской нации. В ученых трактатах и стихах он не устанно подчеркивал мысль об огромных творческих возможностях народа, который своим созидательным трудом пробудил к жизни огромные территории Европы и Азии. Если идеологи господствующего класса феодалов под «народом» подразумевали дворян и пеклись об их благополучии, то Ломоносов в соответствии со своими просветительскими взглядами отстаивал интересы крестьян, рабочих людей, ученых, купцов, воинов, моряков. Ломоносов призывал народ трудиться и овладевать знаниями, чтобы на деле доказать, что русская земля может рождать «собственных Платонов» и «быстрых разумом Ньютонов». В его сочинениях часто употреблялись термины «сын отечества», «любитель отечества» — синонимы слова «патриот». Когда, например, Ф. Вольтер допустил в «Истории Российской империи при Петре Великом» ряд грубых ошибок в описании истории и экономики страны, то Ломоносов представил на рукопись этого сочинения много критических замечаний, указав, что такое сочинение «не может России быть славным, но больше бесчестным».

В целом полезная книга В. П. Лыцова, на наш взгляд, не лишена и некоторых недостатков. Так, правильно возражая против преувеличения влияния теорий западноевропейских ученых на выработку Ломоносовым оригинальных взглядов, В. П. Лыцов вообще обошел этот вопрос в своей книге, что нельзя считать правильным. Можно также лишь пожалеть, что экономические воззрения Ломоносова подаются читателю в рецензируемом издании статично, как бы сразу сложившимися, без какой-

либо попытки выявить их развитие. Вряд ли правильно так категорично говорить о том, что Ломоносов искал «опору» «в сельских мирах и городах, в крестьянстве и купечестве», чтобы осуществить намечаемую им широкую программу подъема производительных сил России». Этот тезис не аргументирован автором, а скорее находится в противоречии с приводимыми им же данными.

С. ТРОИЦКИЙ.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

В. ПРАВДУХИН. Годы, тропы, ружье. «Советский писатель». М. 1968. 335 стр.

В. ПРАВДУХИН. Яик уходит в море. Роман. Южно-Уральское книжное издательство. Челябинск. 1968. 612 стр.

Тот, кто бывал или охотился в глухой степи, никогда не забудет ее простор в разноцветном мареве, медлительных верблюдов на дороге и августовский ветер, пропахший ароматом полыни, теплом земли, прохладой озер.

Все это вспоминается, когда читаешь сейчас переизданные после долгого перерыва книги В. Правдухина — «Годы, тропы, ружье» и «Яик уходит в море».

Первые рассказы В. Правдухина были напечатаны в альманахе «Охотничий рог» в 1925 году. Позднее, уже в 1930 году, в издательстве «ЗИФ» вышла книга рассказов и очерков «Годы, тропы, ружье». В свое время Г. М. Кржижановский, прочитав эту книгу, сказал: «Знаете, какая чудесная книга мне попала с несколько странным названием: «Годы, тропы, ружье» — я прямо не мог оторваться! Не часто встречаются такие художественные, искренние произведения».

Действительно, сочетание искренности, непосредственности восприятия природы и тонкой художественности придает книге особую прелесть.

Рассказы Правдухина посвящены жизни человека в природе. Охотничья страсть, увлекательные странствия в оренбургских и уральских степях, живописное в своем великом разнообразии царство животных — все это окрашивает строго реалистическую манеру правдухинского письма сказочностью и особой романтикой.

Это, однако, не означает, что рассказы Правдухина отрешены от живой, многотрудной и многосложной жизни. Их никак не назовешь вневременными. И в отношении писателя к природе, и в этнографической точности повествования, и в почти очерковой достоверности его рассказов читатель без труда уловит отблеск того времени, когда жил и писал Правдухин. Особенно это относится к первым двум рассказам сборника «Запах детства» и «Моя юность» (кстати, книга состоит главным образом именно из рассказов, а не очерков, как сказано на титульном листе). Они выделяются умело построенным сюжетом, тонким психологиз-

мом и той одухотворенностью, которую испытывает человек, приобщившись к природе.

В романе «Яик уходит в море», печатавшемся в 1936 году в «Красной нови», уже не охота и природа привлекают главное внимание писателя, хотя и здесь природа остается широким и многокрасочным фоном, — его содержанием стал по преимуществу быт и судьба уральского казачества. Действие романа охватывает эпоху семидесятых — девяностых годов прошлого века, начиная с возвращения казаков из Хивинского похода в родной поселок Соколиный, основанный еще в конце XVIII столетия.

В центре романа — семья Алаторцевых в ее нескольких поколениях. На судьбе этой семьи отразилось социальное расслоение, которое переживало казачество в то время. Один из героев романа, Никита Алаторцев, вернувшись в станицу после подавления рабочего восстания на уральском заводе, пускает по миру семью родного брата — Ефима Алаторцева, высланного из поселка за участие в волнениях. Трагична судьба детей Ефима — Насти и Василиста. От Василиста, как сына ссыльного, отворачивается любимая девушка, а позже его, как бунтовщика, высылают в Сибирь, а Настя не может простить Клементию Вязниковцеву, которого она любила, преследования бежавшего Ефима. Смерть Насти — одна из самых сильных страниц романа.

Роман «Яик уходит в море» по замыслу, стилю, композиции далек от единства, которое отличает книгу «Годы, тропы, ружье».

Многое в романе-эпопее хорошо: изображение старого казачьего быта в его вековых устоях — праздники, обряды, традиционный осенний лов рыбы; картины степной природы в разные времена года; сцены любви, проникнутые чувством радости бытия; бережно сохраненные особенности народной речи.

Но вместе с тем роман лишен художественной цельности. Революционная линия, например, намеченная пунктиром, оказалась не очень выразительной. Образы революционеров — Игнатия Думчева и преподавателя Уральского духовного училища Никольского — эпизодичны. Неубедительна, а иногда и просто поверхностна атеистическая направленность романа — слишком грубо, гро-

тесно изображены фигуры представителей духовенства.

Можно не сомневаться, что если бы В. Правдухин прожил дольше, он переработал бы роман, в который вложил немало сил, труда и таланта и который, несмотря на недостатки и упущения, все-таки надолго сохранит свою историко-этнографическую ценность,— об оренбургском казачестве до него писали лишь Даль и Железнов, а после него, пожалуй, никто.

«Годы, тропы, ружье» и «Янк уходит в море» не исчерпывают литературно-художественного наследия В. Правдухина: в архиве сохранились еще две его повести — «Гугенот из Териберки» и «Школа на маяке» — и ряд рассказов. Все эти произведения ждут своего издания.

Н. Смирнов.

★

В. ВАХМАН. Прodelки морского беса. Повесть. «Детская литература». Л. 1969. 144 стр.

Школьники всего мира любят читать такие занимательные книжки, как вот эта лежащая сейчас передо мной повесть В. Вахмана «Прodelки морского беса». 1713—1714 годы, Великая Северная война России со Швецией, баталии на суше и на море, фенрих российского флота Елизар Овчина-Шубников и его сотоварищ Аким Яблоков, их приключения, козни иезуитов — агентов австрийского цезаря — графа фон Штернфельда и Бонифатия Лех-Кружалского, любимец Петра фельдмаршал российской армии Меншиков и Карл XII, прелестная полька Анелька, поразившая сердце Елизара и сама в него без памяти влюбившаяся, осада и взятие крепости Кронборг, гибель корабля «Диамант» («прodelка морского беса», разгаданная Елизаром), «визит в Нептуново царство» — от всего этого нельзя оторваться, пока не перевернешь последнюю страницу. А искушенный читатель заметит, что в похождениях героев нет ничего выдуманного, что все происходящее в повести исторически правдиво.

Язык повести хорошо передает время: говорят ли герои книги или речь идет от автора — стиль времени выдержан без нарочитости, с соблюдением той меры, превышение которой привело бы к затрудненности для нынешнего читателя, к стилизации.

«Прежде Елизару нравился чудной городок Санкт-Петербурх, новая столица государства Российского, возникшая на Невских берегах, по воле упрямого царя и в силу государственной пользы. Не беда, что между уликами топкое мелколесье, что дворы не токмо простого люда, но и вельмож, выходят в ольшаник, что в наспах ставленных домах отовсюду дует, а весной и осенью река Нева имеет обычай затоплять берега. Даже зимой во влажном питерсбургском климате не всегда есть годный санный путь, а чаще грязь и распутица.

Вязнут в грязи телеги и кареты, бывает, если неосторожно ступишь, так засосет сапог, что лучше выдергивай ногу, а уж потом выручай обувь.

Но есть в Питерсбурхе красага и невиданная, непривычная русскому человеку. Такой простор, такая ширь, так вальяжно катит свои серые, недобрые волны красавица Нева, что заглядишься! А небо, особенно весной и ранним летом, — светлая чаша венецейского стекла И не поймешь, какие краски играют в небе. багряная ли зорька, водянистая ли голубизна, травяная ли зелень».

В этом изображении Петербурга слиты и восприятие Елизара, и впечатления автора.

Как всякую по-настоящему хорошую детскую или юношескую книжку, эту повесть, я уверен, с удовольствием прочтет и взрослый читатель, которого привлекут не только, разумеется, приключения героев, но хорошо переданный дух, колорит, стиль эпохи.

С грустью приходится добавить, что сам автор успел увидеть только верстку своей книги. Он умер за месяц до ее выхода в свет. Судьба лишила писателя радости подержать в руках отпечатанный экземпляр его повести, полюбоваться ча обложку и рисунки художника Л. Рубинштейна, дополняющие текст, отвечающие его духу и исторической точности.

Ф. Левин.

★

РЮРИК ИВНЕВ. Память и время. Стихи (1965—1967). «Советский писатель». М. 1969. 152 стр.

...Все куда-то спешат, словно взорван

покой.
Словно люди с неистовым жаром решили
До янтарной луны дотянуться рукой.
Я кричу во весь голос, что не понимаю,
Как нам жить на земле без живого тепла,
Без мычанья коров и собачьего лая,
Без того, что природа сама нам дала.

Такие стихи в эпоху всеобщего увлечения техникой и космическими полетами могут показаться неожиданным и неоправданным анахронизмом, повторением одной из прошлых идиллий, не раз уже демонстрировавшими свою полную беспочвенность. Однако в сборнике Рюрика Ивнева «идиллия» имеет свои специфические и — на мой взгляд — достаточные основания. За ней прочно стоит представление о целом и мудром человеке, живущем полной, насыщенной — но не искусственно усложненной, а естественной — жизнью, от природы получающем те качества, которые и формируют его личность.

Наивно-жизнерадостным песням и одам о покорении дальних планет поэт противопоставляет свое восприятие технической революции, которой гордится XX век. «А мир грохочет, приближаясь к небу», — говорит поэт, и его страшит это приближение, ибо он опасается, что в грохоте свершений перестанет быть слышен человеческий голос, перестанет быть заметен человек.

Мысль эта беспокоила еще Блока, а затем Есенина, но Рюрик Ивнев переживает ее по-своему. Он склоняется к тому, что человек вынесет и это испытание, потому что связи его с природой в глубине своей ненарушимы.

...В 1911 году двадцатилетний Рюрик Ивнев послал свои первые стихотворные опыты Блоку. Получил в ответ письмо доброжелательное, но суровое. Потом наступили годы сближения с Есениным и имажинистами. Этой близостью и был долгое время известен Рюрик Ивнев. Однако, как это ни парадоксально, в творческом развитии поэта связь с имажинистами не дала ничего, кроме, может быть, пристального внимания к метафоре, и ныне играющей в его стихах значительную роль.

А затем поэт замолчал — на несколько десятилетий. Казалось, он навсегда ушел из литературы. С неожиданной новизной Рюрик Ивнев выступил в 1965 году с новым сборником стихов, чуть не сорок лет спустя после своего последнего стихотворения. Эти стихи уже мало были похожи на те, которые печатал Ивнев в 1910-е годы. Однако новое поэтическое представление о мире здесь еще только складывалось.

Ныне оно составило прочную основу всего сборника. Оно преисполнено любви к России, но лишено элементов примитивного «русофильства», которым грешат иные поэтические сборники, ибо идеализируются здесь не какие-то частные черты быта и изолированные будто бы особенности психики, а общие и устойчивые элементы личности, которые и дадут ей возможность, как считает Ивнев, вынести тяжелый груз времени. Это и осознание человеком своего природного «первородства», и способность распознавать и отличать красоту, способность восхищаться ею. Это тот артистизм природы, который свойствен только человеку и которым богато одарен лирический герой Ивнева. Это качество природы герой Ивнева проявляет прежде всего по отношению к женщине. Стихотворение «Глаза», едва ли не лучшее в сборнике, как раз и говорит о нравственной высоте героя стихов Рюрика Ивнева — его преданности идеалу красоты, его гуманистической влюбленности во все то, чем только и может держаться духовный мир человека.

Не все в сборнике «Память и время» равноценно. Есть тут стихи слабые, есть просто не удавшиеся («Где ты, счастье?», «В дебрях памяти» и другие). Но он прочно пронизан единством поэтического взгляда на мир и человека.

Л. Долгополов.

Ленинград.

★

С. АЛЯНСКИЙ. Встречи с Александром Блоком. «Детская литература». М. 1969. 160 стр.

Чем большее расстояние во времени отделяет нас от Александра Блока, тем отчетливее видим мы его значение в развитии рус-

ской поэзии. И если нам, его потомкам, не дано испытать живое волнение современника, читающего первую публикацию только что написанного произведения поэта, то мы зато более глубоко можем постигнуть обстоятельности, сопутствовавшие его творчеству. Неоценимую пользу в этом постижении приносят свидетельства мемуаристов. В этом кроется секрет того, что мы с таким жадным вниманием читаем воспоминания тех, кому посчастливилось встречаться с Блоком.

С. Алянский был на одиннадцать лет моложе своего прославленного современника, но, по его собственному признанию, никогда не ощущал эту дистанцию возраста. И хотя мемуарист не очень-то склонен распространяться на эту тему, мы, читая его воспоминания, чувствуем, что Блок по достоинству оценил ту помощь, которую оказывал ему его молодой друг.

С. Алянский организовал издательство «Алконост». Он напечатал и сделал широко известной читателю замечательную поэму Блока «Соловьиный сад», которая до того мало кому была знакома. Он выпустил в свет поэму «Двенадцать» с прекрасными иллюстрациями Юрия Анненкова — книгу, которая и сегодня, через пятьдесят с лишним лет после своего появления, может рассматриваться как образец полиграфического искусства. Он был с Блоком в последние годы его жизни, когда поэт так нуждался в дружеской помощи и сердечном участии.

Читая воспоминания, мы видим Блока в его писательском кабинете, на дружеской вечеринке, устроенной по случаю девяностого юбилея «Алконоста», на выступлениях в Петрограде и в Москве, мы видим Блока в самые последние месяцы его жизни, когда стремительно таяли его силы, а он продолжал работать.

От внимания тех, кто знаком с дневниками, письмами, записными книжками Блока, с обширной литературой о нем, в том числе и мемуарной, не укроется, конечно, что С. Алянский начисто обходит молчанием семейную сторону быта поэта. Но едва ли правомочно ставить это мемуаристу в упрек. Не только потому, что куда плодотворнее находить в произведении то, что в нем есть, чем выискивать то, чего в нем нет и что, по представлению того или иного читателя, должно было бы в нем быть, но и потому, что отличительная особенность этой книги состоит в том, что ее автор стремится рассказывать только то, что он хорошо знает и чему был свидетелем. И с этой задачей он прекрасно справился.

Предисловие к книге С. Алянского написал Константин Федин.

А. Бельский.

★

В. А. ЗАЙЦЕВ. Современная советская поэзия. «Прозвещение». М. 1969. 224 стр.

«Лирика,— писал Владимир Луговской,— полноценная, конфликтная, драматическая, с широкими типическими образами времени — создавалась и создается, за ней — будущее».

Автор краткого очерка современной поэзии не просто приводит эти слова — он стремится говорить о лирике так, чтобы за ней ощущались «образы времени», его движение, атмосфера, дух.

В пятидесятые—шестидесятые годы наша поэзия завоевывает новую высоту. В самих названиях — «Середина века» В. Луговского или «Горизонт» М. Светлова чувствуется необычайная широта поэтического охвата действительности. И вместе с тем в лучших стихах и поэмах этих лет острое ощущение современности связано с чувством истории. Лирика, раздумья о сегодняшнем наполняются картинами прожитых лет. У одних авторов — это резко и рельефно очерченные изображения, у других — романтически воспоминания, «сны» революции, далекий и незатухающий свет ее костров и сражений.

Не случайно для многих поэтов старшего поколения пятидесятые—шестидесятые годы становятся временем итогов, углубленных, обобщенных раздумий.

Характерная черта развития поэзии этих лет — разнообразие творческих направлений. Вместе с усилением лирического начала заметно оживляются романтические тенденции. Однако романтизм держит своеобразное испытание. Поэты с особенной настроенностью относятся к риторике и высокопарности. Повышается «стоимость» поэтического слова.

В. Зайцев намечает основные тенденции развития поэзии и, разбирая их, дает характеристики разных поэтических индивидуальностей. От общих определений он идет к живым портретам сопоставляет разные манеры. Так, он говорит о важной примете сегодняшнего времени, стремящейся разгадать тайны природы и космоса. У Леонида Мартынова в едином образе связываются научные термины и поэтические уподобления. Поэт собирает цветы — не на обыкновенной поляне, а на «магнитном поле». Михаил Светлов, словно споря с ним, пишет:

Я-то колокольчики степные
Не переливаю на металл.

В сопоставлении открываются характерные особенности поэтов — одного, приверженного к «запредельным» научно-поэтическим образам, и другого — романтика, который не хочет расставаться с простыми цветами.

Особенно удалась автору глава о современной поэме — он сумел наметить черты своеобразия таких монументальных вещей, как «За далью — даль» А. Твардовского, «Строгая любовь» Я. Смелякова, «Любава» Б. Ручьева, поэмы П. Антокольского, Ю. Марциняквичуса и других.

Автор говорит о наследстве, которым владеют современные поэты: они «идут от разных традиций: не только лирического эпоса Блока и Маяковского, но и сюжетно-лирической повести и рассказа тридцатых годов».

Последняя глава посвящена новому пополнению нашей поэзии, пришедшему в пятидесятые—шестидесятые годы (Р. Рождественский, В. Шыбин, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Н. Матвеева, Р. Казакова и другие). Здесь в характеристиках видна подчас излишняя описательность. Можно понять трудности, стоявшие перед автором, — поэты, о которых идет речь, находятся в состоянии роста, мнения критиков о них иногда различны, а то и противоположны. Чувствуется, что автор несколько сглаживает свои симпатии и антипатии, соскальзывает на чересчур общие определения.

В какой-то мере это связано и с объемом. В книжке немногим более двухсот страниц, а речь идет о нескольких десятках поэтов — поневоле начинается скороговорка. Справедливость требует сказать: она совершенно не ощущается там, где автору удается найти гочные и емкие слова (характеристики В. Луговского, А. Прокофьева, Н. Заболоцкого).

В целом же этот очерк — содержательный, дельный, построенный на большом материале — вызовет интерес у читателя.

В. Морозова.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ПОЛИТИЗДАТ

- В. И. Ленин.** Государство и революция 160 стр. Цена 20 к.
В. И. Ленин. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 2. Март 1917 г.— ноябрь 1918 г. 826 стр. Цена 1 р. 44 к.
В. И. Ленин. С чего начать? — Партийная организация и партийная литература. 48 стр. Цена 6 к.
В. И. Ленин. Три источника и три составные части марксизма. 15 стр. Цена 3 к.
Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения 19 века. Статьи и документы. 481 стр. Цена 1 р. 31 к.
С. Майоров. Последние письма и статьи В. И. Ленина. 95 стр. Цена 13 к.
Первичная партийная организация. Документы КПСС. 448 стр. Цена 76 к.
Политическая экономия социализма и ее применение в ГДР. Перевод с немецкого. 958 стр. Цена 2 р. 57 к.

«ЭКОНОМИКА»

- Л. Альтер и Б. Брагинский.** Экономические законы и совершенствование планирования народного хозяйства. 151 стр. Цена 47 к.
Б. Забелин. Концентрация и специализация промышленности в условиях реформы. 175 стр. Цена 54 к.
Л. Качалина. Организация работы аппарата учреждения. 208 стр. Цена 54 к.
Н. Ознобин, А. Роговин, А. Клинский. Планирование промышленного производства в новых условиях. 319 стр. Цена 1 р. 18 к.
Планирование и анализ народнохозяйственной структуры капитальных вложений. Коллективная монография. 262 стр. Цена 91 к.
В. Шляхтин. Прибыль и фонды совхозов в условиях полного хозрасчета. 94 стр. Цена 29 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

- Б. Бялик.** Властители дум и чувств. В. И. Ленин и М. Горький. 248 стр. Цена 79 к.
Г. Гулиа. Человек из Афин. Хроника в 6-ти книгах. 295 стр. Цена 78 к.
А. Ибрагимов. Девушка из племени таи. Рассказы. Перевод с азербайджанского. 280 стр. Цена 45 к.
В. Канивец. Ульяновы. Исторический роман. Перевод с украинского. 599 стр. Цена 1 р. 19 к.
В. Катаев. Разное. Литературные заметки. Портреты. Фельетоны. Рецензии. Очерки. Фрагменты. 320 стр. Цена 59 к.
Г. Колисник. Майва. Повести. Перевод с украинского. 327 стр. Цена 58 к.
А. Лебеденко. Зоя Сергеева. Повесть. 128 стр. Цена 17 к.
А. Платонов. Размышления читателя. Статьи. Составитель М. А. Платонова. 231 стр. Цена 71 к.
Е. Ржевская. Берлин, май 1945. Документальная повесть. 303 стр. Цена 90 к.
А. Романовский. Знаменательная вежа. Из истории становления советской литературы. 181 стр. Цена 46 к.

- А. Рутыко.** Детство на Волге.— У зеленой колыбели.— Сквозь сердце. Повести. 639 стр. Цена 1 р. 8 к.
Ю. Семенов. Он убил меня под Луанг-Прабангом. Повесть и рассказы. 223 стр. Цена 32 к.
К. Симонов. Разговор с товарищами. Воспоминания. Статьи. Литературные заметки. О собственной работе. 326 стр. Цена 1 р. 6 к.
Л. Татьяничева. Зорьянка. Стихи. 143 стр. Цена 38 к.
Е. Шереметьева. С грядущим заодно. Роман. 342 стр. Цена 68 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

- М. Андаи.** Обреченные. Роман. Перевод с турецкого. 240 стр. Цена 68 к.
Д. Гофштейн. Стихотворения. Перевод с еврейского. Вступительная статья М. Рыльского. 255 стр. Цена 66 к.
А. Гребенцов. «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского. 71 стр. Цена 14 к.
Н. Задорнов. Война за океан. Роман. 720 стр. Цена 1 р. 37 к.
Х. Ибаргуэнгойтия. Августовские молнии. Повесть. Перевод с испанского. 104 стр. Цена 27 к.
У. Уитмен. Избранные произведения. Листва травы.— Проза. Перевод с английского. Вступительная статья М. Мендельсона. 415 стр. Цена 76 к.
С. Шмаглевская. Дым над Биркенау. Перевод с польского Э. Василевской. 288 стр. Цена 1 р. 1 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

- А. Вейнер и Г. Вейнер.** Часы для мистера Келли. Повести. 287 стр. Цена 60 к.
А. Деметьев. Избранная лирика. 31 стр. Цена 11 к.
А. Жаренов. Парадокс великого Пта. Научно-фантастическая повесть. 256 стр. Цена 38 к.
Я. Козловский. Избранная лирика. 31 стр. Цена 11 к.
К. Паенкова. Бегство от запаха свечей. Перевод с польского Э. Гессен и К. Старосельской. 351 стр. Цена 1 р. 57 к.
Т. Пулатов. Второе путешествие Каипа. Повести. 222 стр. Цена 32 к.
В. Санин. У земли на макушке.— Когда я был мальчишкой. Повести. 495 стр. Цена 72 к.
В. Солоухин. Избранная лирика. 32 стр. Цена 11 к.
Т. Чиладзе. Кто живет на звездах. Повести. Перевод с грузинского. 256 стр. Цена 36 к.

«НАУКА»

- Б. Ананьич.** Россия и международный капитал. 1897—1914. 316 стр. Цена 1 р. 62 к.
Археологические открытия 1969 года. Сборник статей 456 стр. Цена 1 р. 82 к.
Ш. Бодлер. Цветы зла. Перевод с французского («Литературные памятники»). 480 стр. Цена 1 р. 9 к.

А. Бритиков. Русский советский научно-фантастический роман. 448 стр. Цена 1 р. 68 к.

Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 г. 559 стр. Цена 2 р. 47 к.

Я. Либерман. Государственный бюджет СССР в новых условиях хозяйствования. 366 стр. Цена 1 р. 37 к.

Д. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. 180 стр. Цена 1 р. 28 к.

Н. Салищева. Гражданин и административная юрисдикция в СССР. 164 стр. Цена 51 к.

В. Стародубровская. Кооперативная собственность в сельском хозяйстве социалистических стран. 352 стр. Цена 1 р. 12 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Г. Альтов. Создан для бури. Научно-фантастические рассказы. 287 стр. Цена 64 к.

Встреча. Рассказы писателей стран Азии и Африки. 192 стр. Цена 45 к.

В. Голявин. Короткие повести. 160 стр. Цена 38 к.

Р. Григорьева. Крестьянский сын. Повесть. 223 стр. Цена 57 к.

З. Косидовский. Когда солнце было богом. Перевод с польского. 352 стр. Цена 84 к.

А. Мусатов. Черемуха. Большая весна. Земля молодая. Повести. 544 стр. Цена 1 р. 26 к.

Русские волшебные сказки. 143 стр. Цена 32 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

К. Абрамов. Лес шуметь не перестал. Роман. 368 стр. Цена 75 к.

М. Виленский. Советы пострадавшего. Короткие повести и рассказы. 112 стр. Цена 17 к.

Н. Димчевский. Июль на краю света. Повести и рассказы. 224 стр. Цена 55 к.

Н. Королев. Тугие канаты ринга. Короткие повести и рассказы. 80 стр. Цена 17 к.

Н. Леонов. Опасная профессия. Повесть. 160 стр. Цена 26 к.

Поезд. Сборник стихов. 416 стр. Цена 1 р. 69 к.

А. Пантилев. Агроном. Документальная повесть. 144 стр. Цена 16 к.

Пять обелисков. Сборник стихов. 192 стр. Цена 64 к.

А. Сахнин. Мне б только речку переплыть. Повести. Рассказы. Очерки. 480 стр. Цена 94 к.

М. Шолохов. Слово о Родине. Серия «Письма из деревни». 64 стр. Цена 9 к.

«ИСКУССТВО»

Их оружие — кинокамера. Сборник. 288 стр. Цена 1 р. 45 к.

Б. Яголим. Комета дивной красоты. Жизнь и творчество Евлалии Кадминой. 168 стр. Цена 50 к.

«ПРОГРЕСС»

А. Ла Гума. Каменная страна. Роман. Перевод с английского. 165 стр. Цена 37 к.

В. Минч. Смерть ходит по горам. Роман. Перевод со словацкого. 168 стр. Цена 42 к.

Е. Тершанский. Приключения карандаша. — Приключения тележки. Перевод с венгерского. 287 стр. Цена 80 к.

Г. Уэллс. Россия во мгле. Сборник. Перевод с английского. 221 стр. Цена 59 к.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 12. Сборник статей. 200 стр. Цена 64 к.

А. Герцензон. Уголовное право и социология. 286 стр. Цена 1 р. 7 к.

Г. Матвеев. Основания гражданско-правовой ответственности, 311 стр. Цена 1 р. 24 к.

Сборник законодательных актов о труде. 936 стр. Цена 2 р. 42 к.

МЕСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

А. Давтян. Юрий Веселовский и армянская литература. Ереван. «Айастан». 296 стр. Цена 77 к.

В. Ерошова и В. Монастырев. Григорий Федосеев. Очерк. Краснодар. Книжное издательство. 87 стр. Цена 9 к.

Т. Журавлев. Встречи. Рассказы и очерки. Казань. Таткнигиздат. 240 стр. Цена 34 к.

Б. Изюмский. Нина Грибодева. Повесть. Ростов-на-Дону. Книжное издательство. 223 стр. Цена 34 к.

О. Марнова. Кликун-камень. Повесть. Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 192 стр. Цена 59 к.

Первый рассказ. Сборник. Челябинск. Южно-Уральское книжное издательство. 160 стр. Цена 19 к.

В. Шефнер. Сестра печали. Повесть. Ленинград. 349 стр. Цена 50 к.

Главный редактор **В. А. Косолапов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Д. Г. Большов (первый зам. главного редактора),
Ф. К. Видрашку (ответственный секретарь), **Р. Г. Гамзатов, А. А. Куле-
шов, В. М. Литвинов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахнин,
О. П. Смирнов** (зам. главного редактора), **Ф. Н. Таурин, К. А. Федин**

Редакция: Малый Путинковский пер., д. 1/2. Тел. 299-81-77.
Почтовый адрес: Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

Сдано в набор 24/VI 1970 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 8/IX 1970 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 27,6 уч.-изд. л. 9 бум. л. (25,2 усл. печ. л.)
А 10026. Зак. 2240. Тираж 160.000 экз.

Набрано и сматрицировано в типографии «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.
Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16. Зак. 3800.

«НОВЫЙ МИР» В 1971 ГОДУ

В 1971 году редакция журнала «**НОВЫЙ МИР**» предполагает опубликовать следующие произведения:

- Ф. Абрамов** — «Осенние костры», роман;
- А. Азольский** — «Дежурный монтер», повесть;
- Ч. Айтматов** — «Путешествие по Героической книге», повесть;
- Г. Бакланов** — «Друзья», роман;
- А. Бек** — новый роман;
- В. Белов** — новая повесть;
- В. Быков** — новая повесть;
- Н. Воронов** — «Два города», роман;
- Р. Гамзатов** — «Мой Дагестан», книга вторая;
- Е. Герасимов** — «Море в Черкассах», повесть;
- С. Залыгин** — «Малая ГЭС», повесть;
- Ф. Искандер** — «Сандро из Чегема», повесть;
- В. Некрасов** — «Городские прогулки», рассказы;
- А. Рекемчук** — «Пророк в своем отечестве», повесть;
- Е. Ржевская** — «Февраль — кривые дороги», повесть;
- А. Рыбаков** — «Жизнь Вари Ивановой», роман;
- В. Семин** — «Женя и Валентина», роман;
- В. Тендряков** — новая повесть;
- Ю. Трифонов** — «Исход», роман;
- К. Федин** — «Костер», главы из романа;

Эрве Базен — «Счастливыцы с острова Отчаяния», роман, перевод с французского;

Торнтон Уайлдер — «Мост короля Людовика Святого», роман, перевод с английского.

В прозаическом разделе журнала также предполагается опубликовать произведения **А. Ананьева, С. Антонова, В. Астафьева, Н. Баранской, Ю. Бондарева, А. Борщаговского, Г. Владимова,**

О. Гончара, Д. Гранина, Ю. Домбровского, Е. Дороша, Е. Драбкиной, Н. Дубова, В. Катаева, В. Кетлинской, Г. Коновалова, Н. Мельникова, Ю. Нагибина, П. Нилина, Е. Носова, Б. Полевого, С. Славича, И. Соколова-Микитова, Г. Троепольского, В. Фоменко, А. Шарова, В. Шукшина и других.

В журнале будут напечатаны воспоминания **Н. Атарова** «Валентин Овечкин», Героя Советского Союза **Э. Кренкеля** «Мои позывные «РАЕМ» (2-я книга), Маршала Советского Союза **Н. Крылова** «Огненный бастион» (об обороне Севастополя), **М. Шагинян** «Человек и время».

В поэтическом разделе редакция намерена напечатать стихи **И. Абашидзе, М. Алигер, П. Антокольского, Б. Ахмадулиной, М. Бажана, О. Берггольц, П. Бровки, Д. Вааранди, О. Вацетиса, Е. Винокурова, А. Вознесенского, Р. Гамзатова, М. Дудина, Е. Евтушенко, А. Жигулина, Зульфийи, М. Исаковского, В. Казанцева, С. Капутикян, М. Карима, В. Корнилова, В. Коротича, Д. Кугультинова, А. Кулешова, К. Кулиева, Ю. Левитанского, В. Лифшица, М. Луконина, Л. Мартынова, Ю. Марцинкявичюса, Н. Матвеевой, Э. Межелайтиса, А. Мухтара, С. Наровчатова, С. Орлова, П. Панченко, Л. Первомайского, Р. Рзы, Р. Рождественского, Д. Самойлова, П. Севака, Б. Слуцкого, Я. Смелякова, Вл. Соколова, М. Танка, Н. Тихонова, О. Чиладзе, О. Чухонцева, В. Шефнера, Г. Эмина и других.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

12 мес.	6 мес.	3 мес.
8 р. 40 к.	4 р. 20 к.	2 р. 10 к.

ПОДПИСКА НА «НОВЫЙ МИР» ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВСЕХ ОТДЕЛАХ И АГЕНТСТВАХ «СОЮЗПЕЧАТИ», В ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ БЕЗ ВСЯКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

О ВСЕХ СЛУЧАЯХ ОТКАЗА В ОФОРМЛЕНИИ ПОДПИСКИ
ПРОСИМ СООБЩАТЬ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА.

Цена 70 коп.

70636